МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛЪ

ТОМ II

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (1990–2011 гг.)

Издательство “МГИМО-Университет”
2012

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)
П44

Подберезкин А. И.

П44 Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. Эволюция идеологии российской политической элиты (1990–2011 гг.) / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М. : МГИМО–Университет, 2012.

ISBN 978-5-9228-0884-2

Т. 2: Эволюция идеологии российской политической элиты (1990–2011 гг.) — 2012. — 400 с.
ISBN 978-5-9228-0885-9 (Т. 2)

Книги, объединённые в пять томов под названием «Национальный человеческий капитал», могут представлять интерес для тех, кто интересуется современной политикой, национальной стратегией развития и теми идеологическими и политическими вопросами, которые к моменту публикации, стали уже современной российской политической историей. Третий том вышел в издательстве МГИМО(У) в июле 2011 г.

Автор — известный в стране и за рубежом учёный, который в разное время работал с самыми различными политическими и общественными деятелями, активно занимался политикой. В разное время был советником вице-президента РФ, советником Председателя Совета Федерации РФ, Счётной палаты, референтом Д. А. Медведева, членом экспертных советов различных министерств. В настоящее время — член Экспертного Совета при Председателе Государственной Думы России С. Е. Нарышкине и советник Гендиректора ОАО «Алмаз-Антей», является проректором по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Работа, подготовленная автором, охватывает широкий спектр общественных проблем — от политической философии и социальной экономики до внутренней и внешней политики. Однако сам автор полагает её незаконченной, предпочитает относиться к ней как к проекту.

Полагаем, что работу можно и сегодня предложить заинтересованному читателю, который, прочитав её сможет открыть для себя много полезной информации, познакомиться с оригинальным видением решения острейших проблем, окружающих жизнь современного человека.

Автор выражает благодарность своим коллегам по Университету за помощь в редакционно-издательской подготовке: Н.Ф. Абдряхимой за бесконечную перепечатку, А.С.Тумановой - за подготовку макета.

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-9228-0885-9 (т. 2)

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2012
© Подберезкин А. И., 2012

ISBN 978-5-9228-0884-2

КНИГА ПЕРВАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Я никогда не противопоставлял теорию элит классовой теории.
Я пытаюсь дополнить одно другим[1].
С. Кургинян

Теперь всем нужно подумать о создании новой архитектуры безопасности,
которая опиралась бы на международное право, недопустимость конфликтов
и недопущение доминирования какого-либо одного государства…[2]
Д. Медведев

Россия неизбежно будет вынуждена догонять развитые страны в сложной международной обстановке. Реалии таковы: мировой кризис резко обострил существующие традиционно и создал новые проблемы и угрозы, для которых, надо признать, мировое сообщество не нашло адекватных ответов. Нет и сколько-нибудь внятной единой стратегии. Ведущие мировые державы продолжают ориентироваться на краткосрочные, тактические интересы, упуская из виду общие долгосрочные цели. Во многом именно из-за этого ситуация в мире ухудшается. И это не лучшее время для реформ и модернизации в России.

Кризис, который на Западе продолжают по-прежнему считать пока что только финансово-экономическим, переползает в социально-политический и идеологический. Выход из него возможен только в случае отказа от доминирующих либеральных традиций и моделей. «Естественно, — справедливо считает М. Делягин, — что попытки вырваться из кризиса прямо связаны с отказом от фундаментальных

либеральных догм»[3]. Но как раз этого-то и не происходит.

И этот кризис только начало. Впереди если и не кризис, то стагнация, угрожающая прежде всего России. В силу многих причин (и не только однобокой экономики) Россия, может быть, больше других зависит от благополучия развитых стран. И внешние факторы будут влиять не только на ее платежный баланс или дефицит бюджета, что больше всего беспокоит наших либералов, но и на демографию, безопасность, способность контролировать собственные ресурсы и территорию.

События конца 2011 года показали: что внутриполитическая стабильность России не гарантирована. И не из-за колоссальной и все увеличивающейся социально-экономической несправедливости в обществе. А из-за внешнего влияния — не только финансового, но и политического, — которое будет лишь усиливаться и дестабилизировать ситуацию в стране. Как справедливо замечает писатель Д. Дробницкий, «мировой финансовый кризис еще не показал и трети своих зубов. Ситуация в Европе всем очень хорошо известна, и дело чуть не кончилось развалом еврозоны. За океаном дошло до того, что США стали шантажировать весь мир своим дефолтом. В России дела не лучше. Через стену нефтяных доходов кризис уже весьма заметно залил страну рецессией в реальном секторе экономики, а следующая волна упомянутую стену попросту снесет. Такие вызовы, как глобальное изменение климата, нарастающие проблемы с продовольствием и питьевой водой, сегодня обсуждаются походя, но в действительности представляют собой наименьшую угрозу, чем обвал мировых рынков. Все это происходит при полной неготовности нашего государства и общества к активному противодействию надвигающимся угрозам»[4].

Масштаб и характер этих угроз очевидно недооценивается не только российской, но и мировой элитой, которые продолжают вести традиционную политику, не замечая (или делая вид, что не замечают) принципиально новой ситуации, сложившейся в мире. А именно — перехода человечества на качественно новый этап своего развития, связанного с системными изменениями, требующими таких же **системных и совместных ответных мер**. Но именно к этим совместным действиям правящие элиты развитых стран менее всего готовы, предпочитая по-прежнему делить мир на «своих» и «чужих». Как верно подметил заместитель секретаря Совбеза Казахстана М. Шайхутдинов, «политические элиты ведущих стран испытывают серьезный дефицит государственной воли и ответственности. Стратегия уступает место сиюминутной тактике, а давно назревшие реформы подменяются паллиативами»[5].

В полной мере сказанное относится и к проблемам международной безопасности. «Игра с нулевой суммой» в вопросах международной безопасности продолжает оставаться принципом международных отношений даже тогда, когда для этого нет фундаментальных оснований. Можно согласиться с мнением некоторых экспертов, полагающих, например, что напряженность в российско-американских отношениях обусловлена «вовсе не глубинными геополитическими причинами…»[6]. В основе такой политики — узкоэгоистическое понимание национальных интересов, особенно обострившееся после сентября 2001 года. Как заявил в сенате посол США в России и главный эксперт по нашей стране М. Макфол, «с самого начала администрация президента Б. Обамы рассматривала «перезагрузку» как средство для продвижения американских национальных интересов. И вполне удовлетворена достигнутыми результатами…»[7]. Хотел бы подчеркнуть еще раз мысль «архитектора» перезагрузки — «продвижение национальных интересов». Прежде всего системы американских ценностей.

Внешний эгоизм усугубляет эгоизм правящей российской элиты внутри страны. Складывается ситуация, когда происходит опасная синхронизация мирового и внутрироссийского кризисов. Что проявилось в декабре 2010 и 2011 годов. «Пропасть между властью и обществом достигла рекордной глубины. Общество буквально кипит от недовольства стасусом-кво, но остается расколотым. Появившаяся в последнее время тенденция к низовой стихийной самоорганизации, направленной против смычки коррумпированной бюрократии и оргпреступности, омрачается тотальным недоверием всех ко всем и полным отрывом такой самоорганизации от политической жизни страны, так что позитивный по своей сути импульс представляет собой отдельную опасность роста волны „справедливого“ насилия»[8].

У этой проблемы есть и особенная, специфическая для России черта. Еще до 2008 года я не раз писал о необходимости опережающего развития для России, чтобы в среднесрочной перспективе догнать развитые страны. Это было в то время, когда темпы роста ВВП страны в 6,5–6,7 % казались всем фантастическими. Но я утверждал, что для России, потерявшей 15 лет в своем развитии, этих темпов явно недостаточно: нужны были 10–11 %, а в наукоемких отраслях — 30–40 % ежегодного роста.

Этого не произошло. Время было упущено. Кризис 2008–2011 годов еще больше отбросил Россию назад, а все планы модернизации остались пустой болтовней. Хуже этого, произошло «смыкание», «накладывание» мирового и российского кризисов 2008–2011 годов, еще больше усугубившее ситуацию. «Смыкание» глобального и российского кризисов усиливает процесс усугубляющейся стратификации государств. Как писал академик Н. Моисеев, «теперь отсталые страны «отстали навсегда»!… Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» — экологический кризис наступил. Начнется борьба за ресурсы — сверхжестокая и сверхбескомпромиссная… Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производитель-

ностью труда… Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И так же, как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих „золотому миллиарду“»[9]. Именно это и происходит с современной Россией. В условиях глобализации этот процесс сопровождается глубочайшим кризисом национальной идентичности, который, по определению ректора МГИМО(У) А. Торкунова, делает «операционно непригодными» популярные теории «конца истории» и «столкновения цивилизаций»[10].

Понимает ли это российская элита? Боюсь, что нет. А если и понимает, то не хочет признавать. Тем более не хочет признавать, что 25 лет кризисного развития превратили ее в «приз» для лидеров глобализации. Прав, безусловно, Дробницкий Д. О., полагающий, что «Россия в таких условиях становится лакомым кусочком, за счет которого свои проблемы попробуют решить все участники глобального кризиса, спасать нас вместе с собой никто и не подумает. Поэтому проект спасения страны может быть только проектом национальным. Он должен быть мобилизационным и иметь ярко выраженную политическую окраску»[11]. Но именно этого проекта, как показывают события последних месяцев 2011 года, власть больше всего и боится.

Этот национальный и мобилизационный проект, имеющий «ярко выраженную политическую окраску», пока что у России отсутствует. Элита в растерянности. Его заменяет инерция правящей финансовой элиты и приверженность фальшивой либеральной традиции, в рамках которой пытаются выстроить внешнюю политику безопасности и модернизации. Такая стратегия изначально обречена на провал. И не только как модернизационная (что стало ясно уже в 2011 году), но и в области международной и национальной безопасности.

Далеко не все благополучно и в самих США, где социально-политическая ситуация последние годы значительно ухудшилась. «Экономический кризис, в котором оказались Соединенные Штаты четыре года назад, шокирует экспертов в Вашингтоне „долгоиграющим“ эффектом. Американцы стремительно продолжают беднеть и впервые с 1993 года число жителей страны, официально признанных бедными, выросло до 15,1 % от общего числа населения. Такие данные содержатся в докладе Бюро переписи населения США о ситуации с бедностью в стране. В сухих цифрах речь идет о более чем 46,2 млн американцев, оказавшихся за чертой бедности. Примечательно, что в 2009 году таковых было 43,6 млн, или 14,3 процента.

Это в самом деле потерянное десятилетие, — приводит „Нью-Йорк таймс“ слова профессора экономики Гарвардского университета Лоуренса Каца»[12].

Основные дискуссии в России о будущем модернизации возникли в конце первого — начале второго десятилетия XXI века и связаны были с попытками переосмыслением элитой основных понятий и представлений, характеризующих перспективу национального развития. Многие симптомы указывали на это — от усиления критики В. Путина и Д. Медведева, событий на Манежной площади и в других регионах страны, череды катастроф, и, конечно же, неудач и неясности с модернизацией и перспективами России. Образно эту ситуацию нарисовал философ А. Рубцов: «… тупиковая модель „преодолевается“ в анекдотических проектах, а на деле лишь консервируется и усугубляется. Проблески мысли закончились: будущее мы шагаем широко — не приходя в сознание»[13].

Все эти события происходили на фоне падения реальных доходов населения, усилении социальной дифференциации, роста коррупции, оттока капитала (более 70 млрд долл. за 2011 год), бегства креативного класса за рубеж.

Ещё в начале 2011 года в «Российской газете» с программными статьями выступили И. Ясин, И. Юргенс, Е. Примаков. Их концепции модернизации значительно отличались друг от друга, но в главном они были схожи: нужно определиться с базовыми целями и средствами, т. е. создать стратегию модернизации, которая была бы взаимосвязана со стратегией национального развития. Примечательно, что в то же время, 17 января 2011 года, Д. Медведев на встрече с руководством Федерального Собрания РФ привлек их внимание к национальному вопросу, как вопросу о русской культуре и русской нации[14]. Другими словами, идея национального развития, стратегии развития стала приобретать подобающее ей место. Но попытка, повторю, как оказалось, не удалась, что стала ясно к концу 2011 года.

В этой работе я попыталось доказать, что национальная безопасность и государственный суверенитет в XXI веке, а, в конечном счете, и международная безопасность, могут быть обеспечены только высоким уровнем и качеством национального человеческого капитала (НЧК) во всех его составляющих, но, прежде всего, — национальной культуре, духовности, образовании, продолжительности жизни и росте душевых доходов[15]. Что в принципе отражает общий подход политологов к модернизации. Как писали еще в начале века Р. Инглегарт и У. Бейкер, «эмпирические данные по 65 странам показывают, что ценности могут меняться и действительно меняются, но по-прежнему отражают культурное наследие общества?

Сторонники теории технологической модернизации частично правы. Подъем индустриального производства ведет к отходу общества от традиционных наборов ценностей, а возникновение и развитие постиндустриального общества сопровождается сдвигом от абсолютных норм и представлений к все большему рационализму, толерантности, взаимному доверию и постиндустриальным ценностям. Тем не менее, характерные для различных стран идеалы в существенной мере зависят от путей их исторического

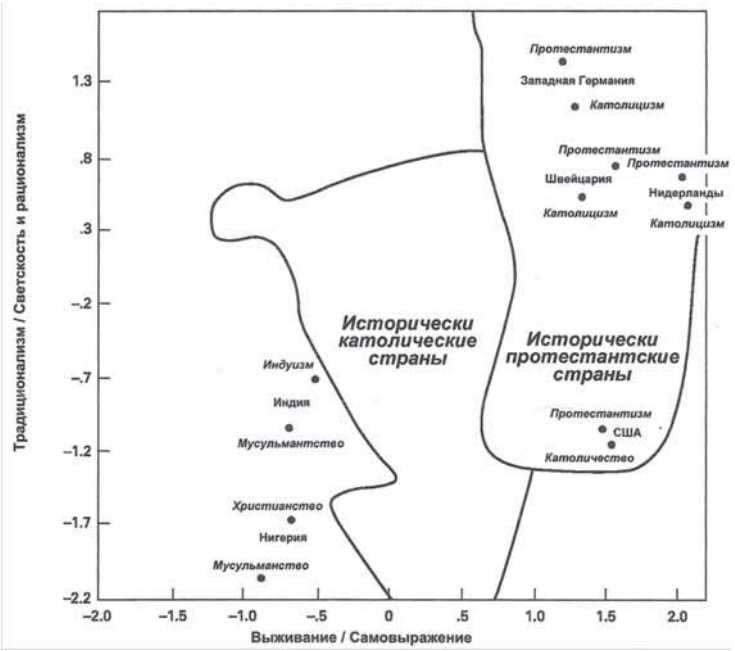


Рис. Различия между религиозными группами в рамках смешанных обществ на основе двух измерений межкультурных вариаций

развития. Протестантские, православные; исламские или конфуцианские традиции обусловливают формирование культурных зон со своими особыми наборами ценностей, которые сохраняются независимо от хода экономического развития».

Они, в частности, приводят следующий рисунок, из которого делают очень примечательный вывод: «религиозные традиции, исторически сформировавшие национальную культуру, соответствующих стран, распространяются посредством общенациональных институтов на **все население в целом** — даже на тех граждан, кто мало связан или **вовсе не контактирует** с религиозными институтами» (подч. — *А. П.*)[16].

Удивительно, но псевдолиберальная модель развития, отрицающая по сути национальную традицию и специфику, оказалась удивительно живуча в России. Что, естественно, усугубило кризис в России, мешает разработке национальной модели модернизации. По мнению Патриарха Кирилла, например, россияне сегодня живут в еще более жестокие времена, чем в годы царствования Ивана Грозного. «Деяния Иоанна Грозного несопоставимы с тем, что происходит в современном мире: огромное количество человеческих страданий и несправедливости, голода и болезней; войн, непонятно во имя чего ведущихся; уничтожение огромного количества мирных, ни в чем не повинных людей», — сказал Предстоятель Русской Православной Церкви. — «Мы видим, что сегодня происходит в нашем обществе, в том числе в средствах массовой информации», — добавил он[17], которые, добавлю, стали мощным инструментом уничтожения национальной традиции и системы ценностей.

Понятно, что и военная составляющая национальной безопасности не потеряла своего значения. Модные в конце прошлого века рассуждения о том, что «военная сила потеряла своё значение», справедливы лишь до определенной степени. До тех пор, пока кризис в международной области не переходит в военно-политический кризис. Как показывают события последних лет, военная сила продолжает оставаться последним аргументом в спорах между государствами. И после 2001 года особенно привлекательна в США. В этой связи не может не обратить на себя внимание нарастающее противоборство между Китаем и США, которое, несмотря на всю риторику, активизируется как в Желтом, Южно-Китайском, так и Восточно-Китайском морях, стремлении США создать совместно с Японией систему ПРО и в других военных приготовлениях[18].

И все-таки потенциал и возможности обеспечения национальной безопасности во все большей степени определяются уровнем развития национального человеческого потенциала. Два основные тренда «фазового перехода» — национальный демографический и национальный научно-технический, — лежащие в основе представлений о НЧК, будут определять в конечном итоге всю систему международной безопасности будущего. Оба эти тренда так или иначе аккумулируются в НЧК. И оба эти тренда сегодня очевидно недооцениваются российской властью. Как видно из проектировки бюджетов на 2012–2014 годы, относительное финансирование образования, культуры и науки по отношению к ВВП уменьшается. Что, естественно, вызывает недоумение, ведь эти критерии прежде всего определяют уровень НЧК. Соответственно относительное и абсолютное отставание России по уровню НЧК, обозначившееся в последние десятилетия, самым негативным образом сказывается по соотношению сил и места России в мире. Россия

очевидно слабеет, а следовательно, слабеют ее позиции, влияние и уровень безопасности.

С этой точки зрения модернизация должна стать стратегией развития НЧК и его институтов. Причем не вопреки национальной традиции и системе ценностей, **а на их основе**. Только тогда можно будет исправить негативные тенденции в развитии соотношения сил. И это, возможно, то единственное средство, которое спасет Россию от того, чтобы она «отстала навсегда».

---

1 *Кургинян С.* Качели. Конфликт элит или развал России? М.: МОФ, 2008. С. 163.

2 *Медведев Д.* Организация антинатовского договора / http://www.kommersant.ru/ doc.aspx?DocsID=1022544&print=true

3 *Делягин М.* Либерализм не работает // Независимая газета. 2011. 11 октября. С. 3.

4 *Дробницкий Д. О.* Мобилизация — справа // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 20 сентября. С. 9.

5 *Шайхутдинов М. Е.* Запоздалый полет совы // Россия в глобальной политике. 2011. 20 октября. Т. 9. № 5. С. 84.

6 *Троицкий М., Чарап С.* Игра с нулевой с умой // Независимая газета. 2011. 14 октября. С. 3.

7 *Троицкий М., Чарап С.* Игра с нулевой с умой // Независимая газета. 2011. 14 октября. С. 3.

8 *Дробницкий Д. О.* Мобилизация — справа // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 20 сентября. С. 1.

9 *Гилинский Я.* Исключенные навсегда // Независимая газета. 2011. 18 ноября. С. 5.

10 *Торкунов А. В.* Найти выход из «тупика неэффективности». В кн.: По дороге в будущее / В кн.: Торкунов А. В. ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010 г. С. 33.

11 *Дробницкий Д. О.* Мобилизация — справа // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 20 сентября. С. 1.

12 *Гасюк А., Ершов Ю.* Голь американская // Российская газета. 2011. 20 сентября. С. 8.

13 *Рубцов А.* Мегапроект — как много в том звуке // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 22 ноября. С. 1.

14 *Медведев Д.* Российская газета. 2011. 18 января. С. 1.

15 Я не раз в последние годы обращался к этой теме. См., например: Концепция национальной безопасности России в 1995 году. М.: РАУ-корпорация, 1995. С. 221.

16 *Инглхарт Р., Бейкер У. Е.* Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей // В кн.: Теория и практика демократии. Избранные тексты / под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 150.

17 *Мельников А.* День без опричника // Независимая газета. НГ-религии. 2011. 20 июля. С. 3.

18 Зигзаги геополитики в Азии. От редакции // Независимая газета. 2011. 17 августа. С. 2.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Внешнеполитические интересы — это составная часть такой категории как национальные интересы, та их часть, которая предполагает реализацию на международной арене[1].

А. Торкунов

ректор МГИМО(У)

Понятно, что невнятность осознания национальных интересов, более того, простая корысть, стяжательство внутри России, не могли четко сформулировать национальные интересы страны вовне. Ни в области международной безопасности, ни в области модернизации. 2008–2011 годы стали простым свидетельством этого факта.

Для «общего потребления», как и во времена М. Горбачева, активно использовалась псевдоконцепция «сотрудничества», из которой вытекало, что сотрудничество само по себе ценность и благо, т. е. «самоценность», хотя ни в какие исторические периоды это таковым не являлось.

Думать, что будущая система международной безопасности сможет основываться только на партнерстве и договоренностях — наивная ошибка[2]. В основе ее должен находиться глобальный (биологический) интерес как **совокупность** национальных интересов, главным из которых является развитие НЧК каждой нации и государства. Это означает, что будущая система международной и национальной безопасности будет **производной** от понимания правящими элитами, во-первых, тесной взаимосвязи между традиционными и новыми (прежде всего экономическими) угрозами, а, во-вторых, от того, что эти угрозы можно ликвидировать только через общественно-политическую и экономическую модернизацию на национальной основе.

Эти взаимосвязи могут быть изображены следующим образом (рис. 1).

Важно подчеркнуть, что этот рисунок отражает как принципиально новую схему международной безопасности, так и национальные системы безопасности, которые органически включены в международную систему и ни в коем случае не подменяются ей.

В соответствии с этой концепцией и подготовлена настоящая работа, где значительное внимание уделяется описанию всех основных блоков новой системы, а также дипломатической практике России, других стран и международных институтов, которые должны будут создать новый механизм обеспечения международной безопасности. Так, стремительное развитие идеи Евразийского союза, безусловно, ведет к относительному укреплению положения России и ее союзников не только в регионе, но и в мире, включая их роль в международных институтах — ООН, МВФ, МБ, «Двадцатке», «Восьмерке» и т. д.

Понятно, что остаются не решенными, как минимум, две трудно решаемые проблемы:

— во-первых, необходим новый институт (институты) международ-ной безопасности, который стал бы альтернативой реально существующему — блоку НАТО, — в дополнение к Совбезу ООН;
— во-вторых, рост значения НЧП в изменении соотношения сил в мире неизбежно ведет

Рис. 1.

к формированию болезненных точек соприкосновения и противоборства, для урегулирования которых необходимы новые механизмы. Это механизмы, например, для решения проблем кибербезопасности, экологии, других нетрадиционных угроз, но главное, проблем взаимоотношения внутри общества и общественных институтов.

Обе эти проблемы сегодня представляются нерешаемыми. Соответственно и почти неизбежен вывод о противостоянии нации, т. е. военно-политическом противостоянии, или военном столкновении. Признать это сегодня в России — значит признать неизбежность войны, либо — потери суверенитета. Этот выбор стоял перед Россией не раз.

---

[1] *Торкунов А. В.* Внешнеполитические интересы России: устойчивость и актуализация. В кн.: *Торкунов А. В.* По дороге в будущее / под ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 125.

[2] На самом деле так никто и не думает, но любят об этом говорить в пропагандистских целях.

Глава 1

Национальная безопасность и модернизация

… как всякое крайне затратное дело, модернизация требует ревизии и переоценки ресурсов[1].
И. Юргенс

… что конкретно включается в понятие «модернизация» в российских условиях, какова последовательность мер в ее осуществлении — по этим вопросам пока нет устоявшегося мнения в стране[2].
Е. Примаков

Важно, что ни в общественном сознании, ни в сознании элиты, взаимосвязь «национальная безопасность — модернизация» в 2008–2011 годы не утвердилась. Общее понимание было: у патриотов — в необходимости укрепления оборонного потенциала, у коммунистов — в развитии промышленности и т. п., но главного понимания, что Национальный человеческий капитал является реальной основой национальной безопасности, ни у кого не было. Сохранилось то, что ректор МГИМО(У) А. Торкунов называет «необходимостью преодоления интеллектуального и национального наследия прошлого[3].

Проблема модернизации России в 2008–2011 годы так и не стала непосредственно связываться с будущей системой международной безопасности. У российской элиты не было ни четкого видения целей модернизации, ни то, каким образом ее осуществлять, ни каким образом перераспределить национальные ресурсы, ни реального представления о взаимосвязи модернизации и национальной безопасности. Существовал набор тезисов, точнее, лозунгов, за которыми не стаяло ни реального прогноза, ни планирования, ни даже сколько-нибудь общего плана, о котором, впрочем быстро забыли.

Другим типичным примером стала «программа» Д. Медведева, представленная им в сентябре 2011 года на съезде «Единой России». Ее восемь тезисов назвали «Основы нашей стратегии», которые, конечно, национальной стратегией не являлись. В лучшем случае — частью предвыборной программы «Стратегия–2020», проваленной к 2009 году, так и не ставшей ни реальной программой национального развития, ни модернизационной стратегией. Так же как и «Инновационная стратегия до 2020 года»[4].

За исключением, наверное, быстро нарождавшейся концепции единого Евразийского союза, который, по словам В. Путина, обеспечивал «Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС, — обеспечивать устойчивость глобального развития»[5].

Между тем во втором десятилетии XXI века стало совершенно очевидно, что экономическое

и социальное развитие по прежним, казавшимся идеальным либеральным моделям окончательно зашло в тупик. Причем кризис признали системным. Как справедливо заметил Г. Дзасохов, «в настоящее время Россия, как и многие регионы мира, сталкиваются с риском. Процессы экстенсивного экономического роста приводят к экологической деградации, а это в свою очередь подрывает процесс социально-экономического развития. Речь идет не об отдельных кризисах, а о глобальном кризисе мировой социотехноприродной системы»[6]. Если прежде говорили о возможности такого системного кризиса, допускали его наступление, то во втором десятилетии стали говорить о нем как уже о реальном факте. Причем этот кризис, подчеркну, отнюдь не только финансово-экономический или даже социально-политический, но идеологический и мировоззренческий. Соответственно выхода из такого кризиса только с использованием финансовых инструментов в принципе быть не может. Современная практика показывает, что и другим странам, вмешательство государств в экономику может лишь ослабить воздействие этого кризиса, пример, — помощь Греции, Исландии.

Уже достаточно давно существует модель устойчивого развития, которая сегодня всерьез не оспаривается экспертами и политиками. Но и не реализуется. Она исходит из того, что принимаемые решения должны быть, во-первых, комплексными, системными, а, во-вторых, исходить из вполне конкретных условий и показателей. На что указывает и Г. Дзасохов, «устойчивое развитие как развитие, обеспечивающее равенство возможностей настоящего и будущего поколений, должно удовлетворять определенным социальным, экономическим и экологическим требованиям. Для проверки их выполнения установлены индикаторы (показатели), характеризующие этапы перехода и степень приближения к модели устойчивого развития. Показатели используются в критериях устойчивости»[7].

Наконец, есть и еще одно важное обстоятельство. Модель устойчивого развития исходит из приоритетности решений, принимаемых **на национальном уровне**. Соответственно и ответственность несут прежде всего национальные правительства. Более того, разработанные требования ООН прямо обращены к учету национальной специфики и национальных условий отдельно взятой страны. Как справедливо подчеркивает Г. Дзасохова, «На национальном уровне выделяются следующие группы показателей устойчивого развития: индикаторы экономики, социальной сферы, демографические, естественных ресурсов, индустриальных аспектов устойчивого развития. Разработанная ООН система индикаторов устойчивого развития (включающая 130 показателей) требует преобразования к конкретным условиям каждой страны. Они являются основой планирования деятельности на пути к устойчивому развитию»[8].

На международном уровне отмечается необходимость, во-первых, национальных усилий, «в краткосрочной перспективе», а, во-вторых, выделяется особо экологический аспект: «Цели устойчивого развития ставятся поэтапно в ходе перехода к устойчивому развитию каждой страны и цивилизации в целом. В среднесрочном и тем более краткосрочном планах задачи перехода к устойчивому развитию должны решаться каждой **страной самостоятельно**.

В краткосрочной перспективе целью перехода к устойчивому развитию России является преодоление экономического и структурного кризиса, в процессе выхода из которого планируется последовательное осуществление следующих целей:

— обеспечить стабилизацию экологической ситуации;
— добиться коренного улучшения **состояния окружающей среды** за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления;
— ввести хозяйственную деятельность в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий»[9].

Таким образом, можно констатировать, что в принципе на международном уровне сложилось общее понимание как смены парадигмы развития, так и конкретных действий, включая конкретные показатели, которые необходимы для реализации такой политики. Причем особое внимание в смене модели развития справедливо отводится политике отдельных государств, национальным правительствам. Соответственно и ответственность возлагается на национальные правительства. Применительно к России — на ее правительство. Поэтому апеллировать надо прежде всего к нему, в том числе и по вопросу об отсутствии сколько-нибудь внятной программы национального устойчивого развития.

Но у этой проблемы есть и очевидный международный аспект. Признавая необходимость устойчивого развития и следования новым экологическим нормам, развитые государства не спешат корректировать свои национальные интересы с учетом этих критериев и норм. Более того, в условиях мирового кризиса это расхождение становится особенно заметным. Даже отдельные реверансы, такие, например, как провозглашение Б. Обамой на саммите АТЭС в ноябре 2011 года «зеленой продовольственной программы», не меняют существа дела. Эгоизм продолжает превалировать над осознанием необходимости перемен.

Таким образом, состояние международной безопасности во втором десятилетии XXI века отнюдь

не благоприятствует России и модернизации. Это особенно видно, когда речь идет о создании в среднесрочной перспективе широкомасштабной системы ПРО США. Реализация такого плана может радикально изменить военно-политическую ситуацию в мире, нанести масштабный ущерб международной безопасности. Этот план, как известно, предусматривает поэтапное наращивание объектов ПРО и на национальной территории, и у европейских партнеров. В начальный период против гипотетических атак Ирана США планирует использовать морские противоракеты Standard SM-3 Block IA.

На следующем этапе, с 2015 г., их хотят заменить более эффективными системами Block IB и развернуть в Европе наземные комплексы ПРО. Еще через три года Пентагон должен принять на вооружение систему, способную поражать широкий спектр баллистических целей, включая ракеты средней дальности. А к 2020 году в арсенале США может появиться оружие, готовое уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты. Другими словами, ядерное сдерживание уйдет в историю. Как и военное равновесие.

У Северной Кореи и Ирана таких комплексов нет и, как утверждают специалисты, не будет даже в отдаленной перспективе. Зато они имеются у России[10]. Это означает только одно: широкомасштабная система ПРО направлена на создание для США политики военного превосходства.

Для России возможны два сценария. Первый — принять это как данность. Второй втянуться в гонку ядерных вооружений. Похоже, что бюджет 2012 года говорит в пользу второго варианта.

Вместе с тем, понимая вероятные внешние угрозы, российские эксперты обращают внимание прежде всего на угрозы внутренние. Представление о видении экспертным сообществом состояния национальной безопасности и соответствующих угроз дает соцопрос, проведенный в феврале 2011 года Институтом социологии РАН[11]. На мой взгляд, с точки зрения приоритетности, их можно разделить на две группы, объединенные в таблицах.

Как видно из табл. 1, к наиболее приоритетным угрозам эксперты относят общественные и социально-экономические угрозы (от 4,7 до 6,1 баллов), среди которых угрозы международной безопасности практически отсутствуют.

И, наоборот, в высшей степени эксперты озабочены теми показателями, которые характеризуют НЧП.

В таблице также на первых позиция (от 4,1 до 4,6 баллов) находятся внутренние угрозы и лишь дальше, по нисходящей, угрозы, которые можно отнести к внешним факторам.

Как справедливо замечают эксперты, «Главный вывод, который можно сделать из представленного рейтинга угроз и опасностей, заключается **в принципиальной смене направления определения приоритетных опасностей — от внешних угроз к внутренним (от «поиска врага» — к фиксации проблем собственного «производства»)**. Из 15 наиболее актуальных угроз (тех, по которым есть определенное согласие большинства экспертов) только три в той или иной степени имеют хоть какое-то отношение к внешним источникам угроз и внешним обстоятельствам. Налицо явное доминирование внутренних экономических, социальных и прочих проблем в качестве главных угроз национальной безопасности»[12].

Этот вывод подтверждает и тенденция отъезда российских граждан на ПМЖ. Как правило, представителей креативного класса. «Экономисты, математики, врачи, программисты, учителя покидают страну, а дворники, бетономешальщики, асфальтоукладчики, наоборот, приезжают. Какая-то неадекватная замена, вам не кажется?

Остается контингент, который вполне устраивают феодальные отношения с работодателем. А люди самостоятельные и образованные, способные принимать серьезные решения, наоборот, вымываются миграционными потоками. Если так пойдет дальше, уже лет через 20–30 на месте России будет совсем другая страна. С другим населением, традициями, верой, а возможно, и языком.

Обратим ли этот процесс? Конечно! Только вот сделать Россию привлекательной для ученых, программистов, бизнесменов — всех тех, кто двигает прогресс, — намного труднее, чем качать нефть и строить дворцы руками гастарбайтеров»[13].

Ответ на вопрос: «Почему Вы бы хотели уехать из России?» — лежит не только в экономической области, а также в отсутствии реальных перспектив. И это не случайно. Действительно, более 80 % наших граждан живут в бедности и нищете, но, главное, не видят реальных перспектив в будущем (рис. 1).

Рис. 1. Почему Вы хотели бы уехать из России?

Если мы хотим прекратить отток «мозгов» и квалифицированных специалистов, то мы должны, во-первых, признать этот факт, эту реальную тенденцию (что отказываются делать руководители страны), а, во-вторых, радикально изменить условия существования для креативного класса. Как, например, это сделали в Казахстане или других странах. Экономика должна востребовать этих специалистов.

Таблица 1. «Как Вы считаете, какие из этих угроз требуют приоритетного внимания со стороны государства и профильных ведомств? На противодействие каким из этих угроз следует в первую очередь направить административные, интеллектуальные, финансовые и иные ресурсы?» Средние оценки по шкале от 1 («угроза совершенно не требует внимания») до 7 («угроза требует приоритетного внимания»)

Угроза	Средняя оценка	Ранг
Коррупция в российских органах власти и административных структурах	6,1	1
Высокая изношенность основных фондов в промышленности	5,9	2
Отставание России от ведущих стран в сфере инноваций и модернизации экономики	5,8	3
Сокращение численности населения страны, депопуляция, вырождение нации	5,6	4
Сохранение экспортно-сырьевой модели развития экономики	5,6	5
Активизация террористической деятельности	5,5	6
Различия в уровне жизни отдельных категорий населения (жителей городов и сел, разных регионов, богатых и бедных и т. д.)	5,4	7
Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ	5,4	8
Высокая зависимость важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры	5,2	9
Низкое качество образования	5,2	10
Уничтожение лесов, сокращение и загрязнение водных ресурсов (рек, озер)	5,2	11
Втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе	5,1	12
Отток специалистов за рубеж	5,1	13
Снижение уровня жизни населения	5,1	14
Распространение «социальных болезней» — ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании, алкоголизма	5,0	15
Генетическое вырождение нации	5,0	16
Утрата моральных ценностей, безнравственность	4,8	17
Техногенные катастрофы	4,8	18
Рост числа преступных посягательств, направленных против личности, собственности	4,8	19
Нарушения конституционных прав и свобод граждан	4,7	20
Глобальные экономические и финансовые кризисы	4,7	21
Чрезвычайные ситуации природного характера (наводнения, пожары, землетрясения и т. п.)	4,6	22
Рост социального недовольства населения	4,5	23
Кризис семейных ценностей	4,5	24
Снижение темпов экономического роста	4,5	25
Недостаточная эффективность государственного регулирования национальной экономики	4,4	26
Безработица	4,4	27
Напряженность в межнациональных отношениях	4,4	28
Утрата национальной самобытности и традиций	4,4	29
Растущее экономическое и военное могущество Китая	4,3	30
Увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием	4,3	31
Сохранение значительного количества экологически опасных производств	4,3	32
Отсутствие чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	4,3	33
Рост числа иммигрантов, которые не способны освоить наши культуру, язык, образ жизни	4,3	34
Усиление влияния ислама	4,2	35
Банковский кризис, дефолт, потеря вкладов и сбережений	4,1	36
Глобальные климатические изменения	4,1	37

окончание табл.

Угроза	Средняя оценка	Ранг
Ухудшение отношений с бывшими республиками СССР	4,1	38
Усиление межстрановой конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы	4,1	39
Свертывание демократии в РФ, установление авторитарного режима	4,1	40
Наличие и возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи государственной границы РФ	4,0	41
Потеря контроля над национальными ресурсами	4,0	42
Несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий	3,9	43
Нарушение единства и территориальной целостности России	3,9	44
Раскол в политической элите России, борьба за власть разных групп влияния	3,9	45
Ведение другими государствами информационных войн против России	3,9	46
Сохранение наиболее развитыми странами превосходства в уровне и качестве жизни	3,9	47
Достижение другими государствами преобладающего превосходства в военной сфере	3,8	48
Приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока	3,8	49
Попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории	3,8	50
Чрезмерное вмешательство государства в экономику и предпринимательскую деятельность	3,8	51
Разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации	3,7	52
Ухудшение отношений с США и Западом в целом	3,6	53
Территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела	3,6	54
Принятие дискриминационных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России	3,6	55
Катастрофические неурожаи	3,6	56
Утрата Россией статуса мировой державы	3,5	57
Возникновение масштабных эпидемий и пандемий	3,4	58
Дестабилизация обстановки в отдельных мировых регионах, подрыв стратегической стабильности	3,3	59
Дефицит топливно-энергетических, водных, биологических ресурсов в РФ	3,0	60
Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	3,0	61
Военное нападение со стороны других государств	2,9	62
Клерикализация государства и общества, растущее влияние церкви на политическую жизнь и общественные отношения	2,9	63
Возможность международной изоляции России	2,8	64
Действия «тоталитарных сект», различного рода авантюристов, объявивших себя «спасителями» и «целителями»	2,8	65
Усиление влияния католичества и других неправославных разновидностей христианской религии	2,7	66
Дестабилизация внутриполитической и социальной ситуации в стране, насильственное изменение основ конституционного строя	2,7	67
Деятельность закрытых элитарных сообществ, «мирового правительства» (Бильдербергский клуб, Богемский клуб и т. п.)	2,6	68
Гражданская война в России	2,5	69
Сионизм, еврейские заговоры, деятельность масонов	2,1	70

Сегодня мировая конкуренция идет прежде всего за «мозги», за представителей креативного класса, для которых стремятся создать благоприятные условия. Но не в России.

Важно в этой связи четко соотнести приоритеты безопасности и модернизации, осознать, что в условиях **ухудшения** международной безопасности, нарастания угроз и проблем, проявившихся в 2008–2011 годы, национальная модернизация возможна только как национальная, модернизация и, как национальная мобилизация. Так в свое время сделали в Китае, где «затевая модернизацию, Пекин четко определил приоритеты», подчинив «внешнюю политику исключительно интересам модернизации…»[14]. Добавлю, — национальной модернизации как обязательного условия обеспечения национальной безопасности, более того, выживаемости, сохранения нации.

Непонимание правящей элитой страны простой аксиомы политики — национальная безопасность основывается на национальной мощи, а та, в свою очередь, является частью системы международной безопасности.

Модернизация, ставшая не только потребностью, но и модным лозунгом в 2008–2011 годы, еще больше запутывала ситуацию. В 2011 году российская элита так и не смогла ответить на предельно четкие вопросы: что такое национальные интересы и какая национальная безопасность нужна России. В конечном счете все упиралось в отсутствии общенациональной идеологии, которая стала предметом острого спора после событий декабря 2010 года на Манежной площади, но, примечательно, всячески продолжалось избегание называть вещи своими именами. И прежде всего это относилось к самому термину «национальная безопасность», который подменялся совершенно другими понятиями. И не случайно.

Без ответа на эти принципиальные вопросы политика модернизации 2008–2011 годов так и оставалась не более чем лозунгом, не подкрепленным реальными политическими, идеологическими и экономическими действиями. Даже хуже — в угоду моде ежедневно принимались решения, которые нередко прямо противоречили самой идее модернизации, естественно, никак положительно не влияя на укрепление национальной безопасности.

Если в прошлом безопасность СССР обеспечивалась за счет развития национального человеческого потенциала — фундаментальной и прикладной науки, образования, НИОКР, качества населения и морально-политического фактора, — которые являлись фундаментом для национальной стратегии модернизации, то, нынешняя модернизация представляет собой убогую копию не самых последних технологических достижений Запада. Эта копия — заведомо отстает от оригинала, как минимум, на 5–7 лет еще при закупке зарубежных технологий и еще на столько же при их внедрении, т. е. программирует отставание в научно-техническом и технологическом соревновании.

Модернизация, которая не основывается на национальных интересах и прежней социокультурной основе, заранее обречена. Как заметил заведующей кафедрой экономической теории МГИМО(У) С. Ивашковский, «Обращено также внимание на стремительно растущую в последние десятилетия тенденцию отрыва экономики от этических принципов. К сожалению, некоторые ученые считают это даже заслугой экономической науки, полагая, что нравственные проблемы не должны заботить экономиста. В связи с этим хотелось бы напомнить, что Аристотель, прежде чем выпустить свою знаменитую «Политику», опубликовал хорошо известную «Этику». То же сделал и Адам Смит: сначала он написал книгу о нравственности («Теория нравственных чувств») и лишь затем трактат по экономике («Богатство народов»). Отсюда я делаю вывод: все науки о человеческом поведении (экономика, политология и т. д.) должны обладать нравственным статусом. Экономическая теория по сути своего предмета (а она, еще раз напомню, имеет дело с принятием людьми решений по использованию ограниченных ресурсов) **не может не быть этической наукой, размышляющей не только о сущем, но и о должном**. Акцент на этических проблемах важен еще и потому, что мир вступил в постиндустриальную стадию своего развития. В прошлом, на индустриальном этапе, эту проблему можно было игнорировать, что и делалось. Тогда многое можно было решить мобилизационными методами: построить за два-три года Магнитку, ДнепроГЭС, прорыть Беломорканал. **Сегодня все решает интеллект, мобилизационные факторы не работают**. Значит надо создавать простор для развития личности — вот чем мы должны заниматься все больше и больше»[15].

Понимание тесной взаимосвязи между национальной безопасностью и национальным человеческим капиталом можно выразить в простом тождестве, которое стало законом обеспечения безопасности в XXI веке.

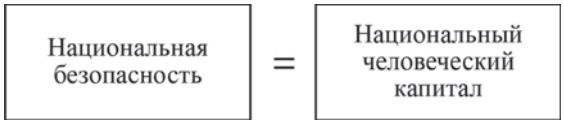


Рис. 2.

Из этого тождества понятно, что международные факторы, технологии и иные ресурсы влияния имеют опосредованное значение для национальной безопасности. В том числе и разного рода международно-правовые договоренности, которые в лучшем случае (и то с опозданием) фиксируют реально сложившееся соотношение сил, измеряемое соотношением национальных человеческих капиталов.

1. Нация, национализм, национальная и международная безопасность России

… особое внимание должно уделяться русской культуре. Это основа, это костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить[16]

Д. Медведев

Проблема защиты национальных интересов и модернизации в условиях глобализации не может быть понята без возвращения в политическую жизнь понятия «нация», которое было исключено, даже изгнано за последние десятилетия в России. Между тем это классическое понятие, возникло в Европе в обществе модерна. Вот что пишет профессор МГИМО(У) М. Мнацаканян: «Если попытаться обобщенно выразить то общее, что присуще западному пониманию нации и национализма, то картина получается интересная и простая для понимания: нация и национализм — феномены, возникающие впервые в Европе в процессе становления общества модерна, т. е. рационального капитализма (подч. *Авт.*). При этом каждый автор „выделял какую-то грань“ общей проблемы»[17].

Речь идет о «русском вопросе». 2010–2011 годы стали знаковыми для процесса национальной идентификации. Объективно наступило время для ускорения процесса осознания национальных интересов и защиты национальных ценностей.

События на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года, а затем и в декабре 2011 года высветили давно назревшую, но сознательно игнорировавшуюся властью проблему **самоидентификации русской нации**. Действительно, после развала СССР Россия как преемница, оказалась не только в искусственно ограниченном пространстве, потеряв десятки миллионов своих граждан, но и без ясного представления о своей национальной идентичности. Термин «русский» не то, чтобы был запрещен, но его всячески пытались заменить термином «российский». И последние 20 лет показали, что попытки эти были в общем-то безуспешными. Как писал в июле 2011 года израильский публицист А. Эскин, «речь идет об опаснейшей энтропии в той сфере минимального национального самосознания, которое необходимо для сохранения суверенитета и выживания»[18].

Хуже того, начавшаяся еще во времена СССР волна национализма — от Прибалтики до Средней Азии — затронула все нации, но больше всех сказалась на отношении к русским. И когда сегодня рассуждают о политкорректности и толерантности хочется спросить: почему эти термины не предполагают изначально их применения по отношению именно к русской нации? Почему, например, министр МВД Р. Нургалиев рассматривает социальный и национальный протест как экстремизм?

Другой, конституционно-правовой вопрос предполагает изначальное равенство всех национальностей в одном государстве. Но он отнюдь не предполагает, что представители некоторых наций, формально не отрицая этой нормы, в жизни, практически ее игнорируют. Руководствуются своими нормами и правилами. Ведь был же геноцид по отношению к русским в Средней Азии и на Северном Кавказе, Латвии и даже на Украине. Их не только изгоняли, грабили, насиловали, но и убивали. И очень редко под сомнение ставился принцип равенства нации в нашей федерации.

Другими словами, есть правовая норма (против которой никто, или почти никто не выступает, но которую любят защищать политики и публицисты), а есть реальная практика повседневной жизни, которая радикально отличается от этой нормы. Так вот русские выступают не против нормы, а против политической практики. И каждая партия пыталась использовать «русский вопрос» в качестве одной из избирательных технологий в политическом цикле выборов 2010–2012 годов[19]. Как справедливо заметил М. Делягин, «…важным фактором, толкающим глобальные финансовые сети западной цивилизации к стратегической поддержке людоедства против гуманизации, представляется погружение развитой части человечества в глубокий моральный кризис, а точнее — его освобождение от пут традиционной морали, его последовательное и уверенное расчеловечивание»[20].

Важно четко обозначить взаимосвязь между понятиями «национальные интересы» и «национализмом».

Если национализм — политика и идеология, — то следует допустить, что эта политика и идеология, **отражающие национальные интересы и ценности**. Что может быть показано на рис. 3.

Рис. 3.

Существуют, как известно, и другие интересы, более низкого уровня — социальные (классовые), групповые, личные[21].

При этом «национализм интересов», конечно же, не равнозначен этническому, либо какому-либо другому национализму. Национализм «национальных интересов» близок к национализму политическому, но не тождественен ему. Далеко не всегда государственные интересы, как известно, совпадают с национальными. Иногда они прямо противоречат им, когда правящая элита проводит антинациональную политику[22].

Национализм «национальных интересов» практически тождественен культурному национализму, ибо национальные интересы и ценности лежат в основе любой политики. Как справедливо заметила Е. Ямпольская, «Не случись в декабре „Манежки", не заговорили бы разом и повсеместно о том, что одними подразумевалось по умолчанию, другими забылось как анахронизм. А именно: в России наличествуют государствообразующая нация и доминирующая культура (обе — русские) и основная религиозная конфессия (православие)»[23].

В 2011 году дискуссия о русской нации и ее национальных интересах резко обострилась. На повестку дня «политического сезона» 2011–2012 годов был поставлен «русский вопрос» и национальные интересы страны. При этом элита разделилась в оценке роли Д. Медведева и В. Путина. Так, К. Затулин, например, писал летом 2011 года: «Роль Путина в том, чтобы вернуться к национальным интересам, была очень велика. Что касается президента Медведева, в последнее время, на мой взгляд, он допускает ошибки именно в сфере внешней политики, которые в чем-то напоминают ошибки 90-х годов. Из желания одобрения в кругу „Большой восьмерки" он очень часто в последнее время принимает решения, которые потом оборачиваются очень серьезными сомнениями. Я имею в виду и сегодняшнее поведение России в отношении ливийского кризиса, когда на первых этапах этого кризиса были приняты, на мой взгляд, поспешные, неглубокие решения, которые на самом деле больше вдохновлялись картинками с CNN, чем реальным просчетом последствий. Сейчас делаются попытки это исправить, весь вопрос в том, насколько это возможно и не поздно ли»[24].

Не случайно, в этот период произошла не только активизация деятельности «Единой России» и созданного Объединенного народного фронта (ОНФ), но и Центра социально-консервативной политики и специально созданного Института социально-политических и экономических исследований (ИСПЭИ) под руководством сенатора Н. В. Федорова, а позже — «идеологического центра» социального консерватизма под руководством Ю. Е. Шувалова.

Это, конечно, многое объясняет, но и ко многому обязывает. **Начинается период идентификации — прежде всего самоидентификации — русскости. Какие они, эти русские? Какие мы?** (подч. — *А. П.*)»[25]. И эта самоидентификация не может быть завершена без идеологии и политической практики культурного национализма. Как, впрочем, и модернизация. Н. Козин по этому поводу справедливо заметил, что «элита, как правило, запаздывает с осуществлением модернизации, и это особая проблема, требующая специальных исследовательских усилий. Но когда к ней приступает, то в условиях исторического цейтнота осуществляет модернизацию самыми затратными и безжалостными методами, никак не считаясь с жизнями и жизненными интересами населения. А она потому и не считается, что явно слаба сознанием своей национальной сущности — не является подлинно национальной элитой. Она начинает позиционировать себя не как национальная элита, зависимая от своей истории, культуры, духовности, а только от догматики новых «передовых учений», которые самым безжалостным образом противопоставляются национальной почве и национальному большинству населения»[26].

Реакция власти и СМИ на эти события вначале была не адекватна. Сначала всех участников обвинили в национализме и хулиганстве, а некоторых — даже в фашизме. Затем, спохватившись, стали усиленно обсуждать эту проблему, поручив эту тонкую и серьезную тему штатным журналистам и политикам, которые, всячески изворачиваясь, стремились уйти от существа вопроса. Либо, как В. Жириновский, перевести ее в ругань. Не случайна в этой связи и острая реакция северокавказских республик, в частности, парламента ЧР, потребовшего запретить ЛДПР.

Складывается впечатление, что участники дискуссии просто не понимали существа проблемы. Все их аргументы в лучшем случае вызывали усмешку или непонимание, настолько далеки они были от реальной жизни. Лучше всего ситуацию обрисовал обозреватель «Российской газеты» В. Выжутович: «А случилось вот что: на площадь вышли **молодые жители городских окраин, обозленные на жизнь, где нет справедливости**. Не видящие для себя **никаких шансов подняться с социального дна**. Отвергающие такое мироустройство, при котором „кто был никем", тот „никем" и останется. И не умеющие найти иную причину своего беспросветного существования, кроме всегдашней, универсальной — засилье инородцев, которые „понаехали тут"»[27].

При этом опять испуганно заговорили о ксенофобии и толерантности, забывая, что нигде в мире так не проявилась ксенофобия в последние годы, как в самых толерантных странах — Швейцарии, Дании, Франции, даже Голландии.

Не может не настораживать и политика США и НАТО. Как показали события последних лет в Афганистане, Ираке, Тунисе, Египте, Ливии, да и в других странах, они не просто жестко, но беспощадно расправляются со своими политическими противниками. Выступая на «Радио Свобода» в октябре 2011 года, я выстроил логическую цепочку от уничтожения Чаушеску, Наджибуллы, Милошевича, Хусейна и Кадафи до возможных политических жертв в будущем. Как справедливо заметил Д. Аграновский, «…США очень похожи на Древний Рим. Несмотря на все свои технологические достижения, это жестокая, мстительная и примитивная по меркам современного гуманизма цивилизация. С предельно конкретным, торгашеским мышлением»[28].

Суть же проблемы в другом, а именно: в течение многих лет на эту проблему было наложено фактически табу. Любое ее обсуждение немедленно вызывало

политические и медийные репрессии, а люди, пытавшиеся ее поставить, клеймились, минимум, как ксенофобы, а то и фашисты. А между тем существует явная связь между нашей историей, нашими предками и нами, сегодняшними. Как справедливо пишет писатель (татарин и мусульманин) Р. Н. Бикбаев, «„Отступать некуда“ — сказали их деды и прадеды под Москвой осенью и зимой 1941 года. „Отступать некуда“ — сказали их деды и прадеды под Сталинградом страшной осенью и зимой 1942 года. „Отступать некуда!“ — сказал себе каждый солдат, когда решался вопрос быть или не быть этой стране и этому народу. Тогда по нашей земле уверенно, в полном убеждении в своей победе шла нацистская армия. Они тоже считали русский народ быдлом и рабочим скотом. И русские отступали, где-то с боями, где-то просто бежали. Бежали до тех пор, пока каждый не сказал себе: Отступать некуда. А в мае 1945 деды и прадеды тех, кто в декабре 2010 года осмелился возвысить свой голос против геноцида русского народа, подняли знамена над Рейхстагом. И этих людей плоть от плоти победителей германского нацизма называют фашистами?»[29]

Уйти от признания русскости не удается. Как бы ни изворачивались политики и публицисты. Эту тему придется обсуждать, думать о ней, а, главное, делать выводы из политики элиты за последние десятилетия. Как опять же справедливо заметила Е. Ямпольская, «отменить пятый пункт в паспорте можно, сказки, которые рассказывала перед сном бабушка, нет»[30].

Проблема национальной самоидентификации является ключевой для любой нации, ибо именно в этом процессе формируется **базовая система ценностей** и **национальные, в том числе внешнеполитические, интересы**, без адекватного понимания которых национальной элитой невозможна никакая национальная стратегия — ни Стратегия национальной безопасности до 2020 года, ни Концепция внешней политики, ни, тем более, Стратегия социально-экономического развития до 2020 года, либо любая иная национальная стратегия. Вот и сейчас, корректируя Стратегию социально-экономического развития, ее авторам, экспертам и консультантам неизбежно придется начинать с формулирования четких **национальных интересов**, их формализации в целях, задачах, наконец, в определении их приоритетности (на всех денег не хватит) и предельно четком подсчете ресурсов. Ресурсов, опять же, национальных, потому что рассчитывать в очередной раз на внешнюю помощь, инвестиции и т. п. всерьез не приходится. Опыт уже есть.

К сожалению, понимания того, что **главным приоритетом**, базовым интересом **является развитие нации**, ее НЧК, в правящей российской элите нет. Это подтверждает в том числе и выступление президента Д. Медведева в сентябре 2011 года на съезде «Единой России», где он сказал, что среди важнейших политических целей является «…самостоятельная, разумная внешняя политика, преследующая в конечном счете **только одну цель**: повышение благосостояния наших людей и гарантии их безопасности»[31].

Но «благополучный» гражданин, живший «в безопасности» — это еще не личность. Тем более сумма таких «благополучных» — не нация. Реальное благополучие в XXI веке — это возможность творчества, а реальная безопасность — развитие нации.

Представляется, что многие наши неудачи последних десятилетий объясняются тем, что наша элита не смогла (или не захотела) адекватно оценить объективные национальные интересы, сформулировать четкие и правильные цели, распределить необходимые для этого ресурсы. Да и сама элита, мягко говоря, не была ни нравственной, ни профессиональной, ни национально ориентированной. Может быть в этом все дело?

Взаимосвязь и взаимозависимость всех этих элементов, как на простой модели, можно выразить на рис. 4[32].

Из этого рисунка видно, что **представления элиты** должны себя ясно идентифицировать, т. е. они могут как выражать национальные интересы (с разной степенью адекватности), так и не отражать

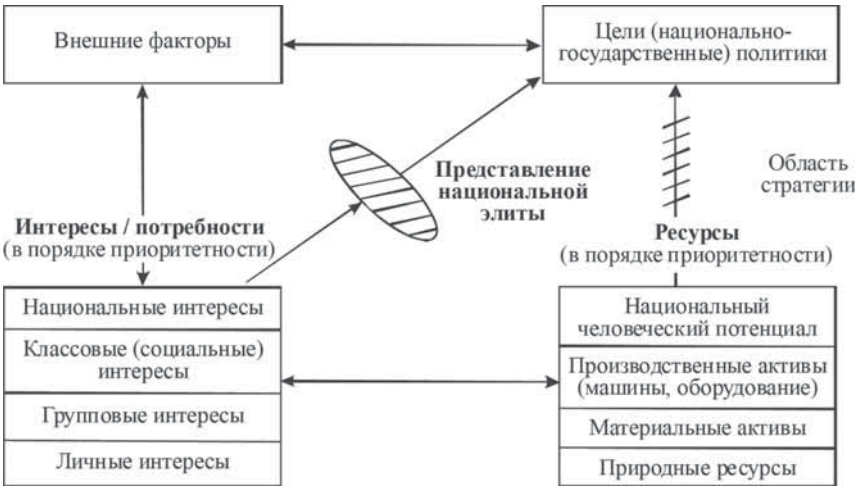


Рис. 4.

их. Да и сама элита может быть национально ориентированной, либо нет: она может, отражать групповые, либо личные интересы. Эти представления элиты (т. е. идеология) и её политическая практика могут быть национально ориентированными, либо антинациональными. Могут отражать национальные интересы (безопасности, экономические, социальные и пр.), либо отражать чьи-то иные интересы — других стран, групп, наконец, личные.

Важно подчеркнуть, что борьба за идентичность в современном мире это отнюдь не только борьба за сохранение, но и **навязывание** в грубой или мягкой форме **своей системы ценностей**. Совершенно справедливое замечание А. Малашенко, что «„Идентичность“ — слово женского рода, но с мужским характером. Она определяется двумя буквами — „мы“ или просто одной — „я“. Для расшифровки этих местоимений требуются два глагола — „защитить“ (также — „сохранить“, „спасти“) и „утвердить“ (также — „навязать“, „распространить“)»[33].

Он безусловно прав, говоря, что «идентичность политизирована». «Фактор идентичности различим в подавляющем большинстве серьезных конфликтов. Борьба за свою и против чужой идентичности делает конфликты более острыми и длительными.

Для идентичности органичны радикальные формы выражения. Здесь и лезгинка на площади города с иной, „нелезгинской“ культурой, и христианизация мусульман-мигрантов, и уверенность, что когда-нибудь обязательно весь мир примет ислам, и многое другое»[34].

Основной национальный интерес последних десятилетий — это развитие национального человеческого капитала, что выражается в **динамике роста** численности населения, его доходов, продолжительности жизни, образования, науки, духовности, творчества. Причем эта динамика измеряется довольно точно, вплоть до тысячных долей, специальным индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), который публикуется **ежегодно** вот уже 20 лет. Другими словами, во всех развитых странах мира давно уже осознали, каковы их национальные интересы и цели развития[35]. По сути дела об эффективности власти и элиты можно сузить по количественным характеристикам, а не «по валу», измеряемому объемом ВВП.

Так вот, показателем ИРЧП равным 0,719, Российская Федерация в Докладе о развитии человека 2010 заняла 65 место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится где-то между Албанией сверху и Казахстаном снизу. В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями, равными соответственно: 0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895.

За весь период исследования показатель ИРЧП РФ (данные за 1990–2010 гг.) в среднем рос на 0,19 % в год и смог достичь уровня 1990 г. только в 2005 г. Наибольшими темпами индекс рос во второй пятилетке двухтысячных годов, когда темпы его роста приблизились к темпам прироста наиболее быстро развивающихся стран (за период с 2005–2010 гг. индекс РФ переместился на три строки вверх, а среднегодовой прирост 2000–2010 гг. — 0,82 %)[36]. Но и тогда он не достиг уровня ведущих государств.

Из этого можно сделать простые выводы:

Первое. Россия по своему развитию **реально** находится на 65-м месте в мире, уступая Албании и не намного опережая Казахстан. Подчеркну, что это ее реальное место и никакие разговоры о «вхождении в пятерку ведущих стран мира к 2025 году» это не меняют. Потому что уровень развития нации измеряется не объемом продаж ресурсов, а уровнем развития человека, точнее, уровнем **национального развития** (в противоположность уровню развития экспорта углеводородов).

Второе. Россия только к 2005 году вернулась по ИРЧП к уровню 1990 года, а затем чуть-чуть «подросла», не изменив качественно своего показателя национального развития. Это означает, что уровень управления страной в 1990–2005 годы был абсолютно неприемлемым, либо страной управляли люди, которые не отражали национальных интересов страны. Тогда чьи интересы они выражали? Зарубежных стран, групповые, личные?

Третье. После 2005 года ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Наверное, в этом заслуга тех социальных программ, прежде всего приоритетных национальных проектов, которые были выдвинуты В. Путиным и Д. Медведевым. Но и здесь вряд ли можно говорить о политике национальных интересов, ведь мы катастрофически отставали от темпов развития не только самых передовых государств, но и весьма средних стран по уровню развития.

Другими словами, можно говорить — хотят это признать некоторые или нет — о том, что в целом политика элиты **противоречила национальным интересам, т. е. была антинациональной**. Или, продолжая логику, идеология и политическая практика **были не националистическими**. Что полностью соответствует действительности. З. Бжезинский пишет по этому поводу: «…позиция, занятая Западом,… ободрила постсоветских „прозападников“ … Она усилила проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента»[37].

То же самое в полной мере можно отнести и к использованию элитой национальных ресурсов. Национальная элита может и обязана распределять национальные ресурсы, а также увеличивать их. Что же происходило в последние годы? С уверенностью, опираясь хоть на какую-то статистику, можно говорить о том, что национальные ресурсы разбазаривались и разворовывались.

Демографические ресурсы характеризуются падением с 1992 года по 2010 год в 4–5 млн человек (ожидается, правда, что по окончательным итогам

за 2010 год впервые будет зафиксирован не отрицательный, а нулевой баланс).

Добровольно профессиональная эмиграция, т. е. отъезд наиболее профессиональных, творческих личностей составляла от 100–150 тыс. человек в 90-е годы до 60–100 тыс. в последние годы.

Государственная собственность в результате приватизации в значительной степени стала принадлежать зарубежным гражданам.

Продолжительность образования неуклонно сокращалась и, вероятно, будет сокращаться в соответствии с политикой Минобрнауки.

Вывоз капитала за рубеж трудно поддается оценке, но составляет триллионы долларов. Причем в последние два года десятки миллиардов долларов, вывезенных за рубеж, принадлежат уже не финансовым спекулянтам и олигархам, но среднему классу.

Надо добавить, что у России отнюдь не неисчерпаемые природные запасы, экспорт которых в последние годы обеспечивал смягчение негативных последствий. И они стремительно сокращались, в отличие, например, от американских, которые были законсервированы. Что видно на примере места России по уровню запасов нефти (рис. 5).

Сегодня для модернизации, как известно, нужны ресурсы. Эта проблема, как правило, сводится к перераспределению бюджетных средств. Конечно, это очень важно, в особенности правильное определение приоритетов: на все цели денег явно не хватит, нужна концентрация на ключевых, наверное, нескольких направлениях. Чего, к сожалению, не происходит. И это хорошо видно на примере военных бюджетов России и других стран 2010–2011 годов[39] (рис. 6).

Но проблема ресурсов также и в использовании огромного творческого и патриотического национального потенциала, который сегодня очевидно не используется. Более того, игнорируется. Нация, перед которой поставлены великие цели, способна на очень многое. И, конечно, на успешную модернизацию. Важно только, чтобы такая общенациональная цель была сформулирована. И не абстрактно-технократически, а политико-идеологически. В интересах нации, а не отдельных групп. И такой целью может быть развитие национального человеческого потенциала. Подчеркну — национального. Сегодня — это ключевой вопрос политики модернизации.

Национальная элита, как это уже существует в других развитых странах, ориентируется прежде всего на развитие национального человеческого капитала (НЧК), составляющего в России более 50 % национального богатства страны (его ресурсов). Достаточно посмотреть Стратегию национальной безопасности США, принятую в мае 2010 года[40].

В этой связи необходимо договориться о терминах. Например, что мы понимаем под национальной безопасностью. Есть очевидная разница между тем, что говорится, например, в Стратегии национальной безопасности до 2020 года (где речь идет о государственной безопасности) и реальностью. **Национальная безопасность** — такое состояние внешней среды и нации, когда угрозы — внешние и внутренние — сведены к минимуму, а создаваемые условия благоприятствуют развитию нации, прежде всего ее НЧП. Именно нации, а не государства.

То же касается и **международной безопасности. Это производное от состояния национальной безопасности** большинства стран, закрепленное международно-правовыми нормами.

Важно договориться о том, что мы понимаем под терминами «нация», «национализм», «национальные интересы», а, как следствие, — национальная и международная безопасность.

Итак, термин «нация», на мой взгляд, — вполне объективная реальность, имеющая глубокий смысл. Это — народ, обладающий языковой, культурной, исторической, социально-экономической и духовной общностью. Только нация имеет общую историю, общее настоящее и — что немаловажно — общее будущее. Нация, как правило, обладает и единой политической общностью, которая в международном праве и международных отношениях является синонимом государства. Общее будущее — это то, чего сегодня нам не хватает. Какое общее будущее может быть у парня с рабочих окраин и 200 тысяч русских, проживающих в Лондоне?

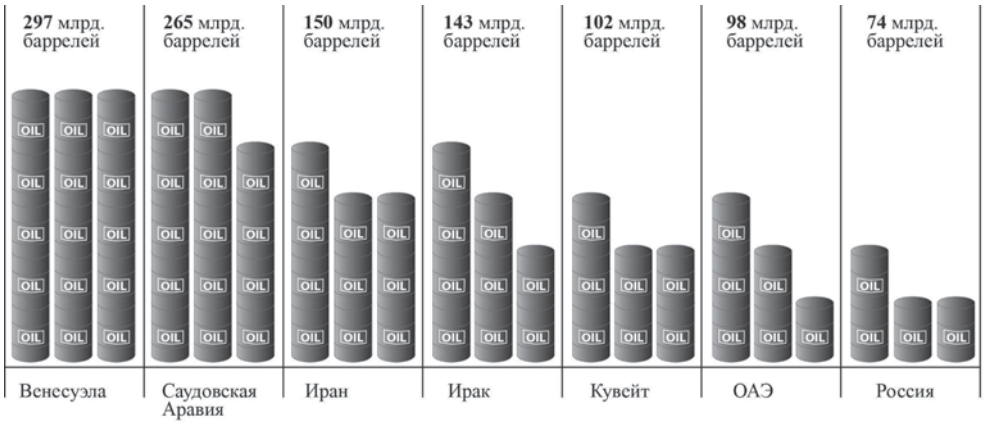


Рис. 5. Мировые запасы нефти[38]

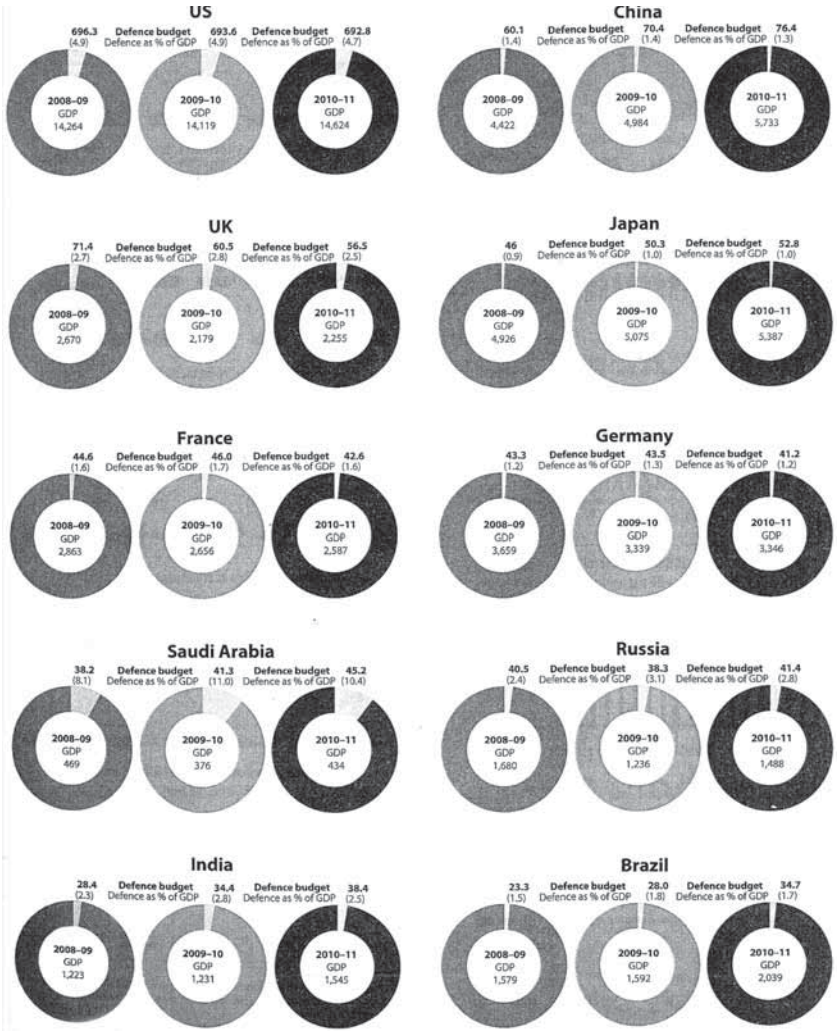
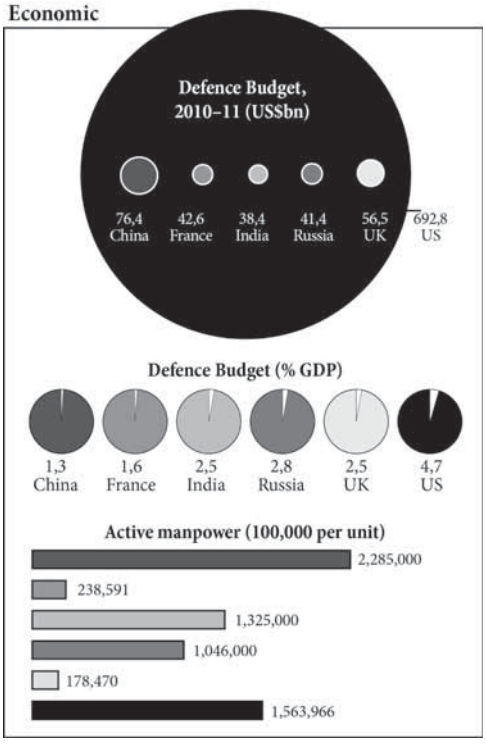


Рис. 6. Сравнительная статистика военных бюджетов основных государств (в % от ВВПП и млрд долл.)



При этом нация может быть полиэтничной (многонародной, как русская) или моноэтничной. Подчеркну, — русские всегда идентифицировали себя как полиэтничная нация, главными признаками которой являлись: культура, духовность, история, самосознание и общее будущее. В этом смысле понятие «национальность» — значительно уже, чем «нация». В России всегда легко уживались разные национальности, которые вполне гармонично объединялись в единую нацию. Русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары и пр. — все эти национальности, как правило, безконфликтно не просто существовали, а тем более терпели друг друга (и в этом их главное отличие от «толерантных» европейцев), но и взаимно интегрировались в единую нацию. Как и в других странах мира, это произошло в новое и новейшее время[41].

Другая особенность русской нации — приверженность сильному государству, которая исторически сложилась из необходимости защиты огромных пространств, не имеющих естественных границ ни на востоке, ни на западе, ни на юге. Из-за этой особенности иногда термины «нация» и «государство», «национальные интересы» и «государственные интересы» выступают как синонимы. Что, конечно же, неверно. Если в международной практике, особенно международном праве, это иногда допустимо, то с точки зрения социально-экономической и политической, конечно же, нет. Государство, как важнейший институт нации, как уже говорилось, может быть даже враждебно нации, а государственные интересы — противоречить национальным.

Классический пример — политика Л. Троцкого и других большевиков, которые готовы были бросать российскую нацию «в пожар мировой революции». Это происходило тогда, когда личные интересы, выдавались за государственные, и не соответствовали, либо даже прямо противоречили национальным. Немало и современных примеров. Особенно горбачевско-ельцинского времени.

Соответственно, если объективные национальные интересы (т. е. интересы полиэтничной русской нации) выражает **национальная элита**, то это отнюдь не означает, что она выражает их адекватно (этнический русский жулик не лучше любого другого). Это — социальная и политическая проблема. Которая, однако, становится уже и национальной, если эта неадекватность выражается представителями не национальной элиты, а чужими элитами. Тем более, когда они сами замкнуты. В сегодняшней России, особенно в ее финансовом центре — Москве — таких примеров немало. Не секрет ни для кого, что национальные меньшинства контролируют непропорционально большую долю экономической и политической жизни страны. Не случайно глава Отдела по взаимодействию Церкви и общества (ОВЦО) протоирей Всеволод Чаплин потребовал равноправного и пропорционального представительства русских в предложенном РПЦ Совете народов[42].

В этой связи полезно вернуться к самому понятию «национализм». **Национали́зм** (фр. *nationalisme*) — идеология и практическая политика, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Отличается многообразием течений, некоторые из которых противоречат друг другу. Как политическое движение, национализм стремится к защите интересов национальной общности в отношениях с государственной властью. Что мы сегодня и наблюдаем. Особенно, когда власть антинациональна и действует в противовес с национальными интересами.

В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Эта идеология стремится к объединению различных слоёв общества, невзирая на противоположные классовые интересы. Она оказалась способной обеспечить мобилизацию населения ради общих политических целей в период перехода к капиталистической экономике. И не только. В истории развитых стран мы видим много положительных примеров.

В силу того, что многие современные радикальные движения подчёркивают свою националистическую окраску, национализм часто ассоциируется с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью. Такая нетерпимость, безусловно, осуждается сторонниками умеренных течений в национализме.

Русскоязычные СМИ, — справедливо пишут авторы — под «национализмом» часто называют этнонационализм, в особенности его крайние формы (шовинизм, ксенофобия и др.), которые делают акцент на превосходстве одной национальности над остальными. Многие проявления крайнего национализма, включая разжигание межнациональной розни и этническую дискриминацию, относятся к международным правонарушениям[43].

Именно такая ситуация возникла в российских СМИ после событий на Манежной площади в декабре 2010 года, которые поспешили окрестить «проявлением крайнего национализма». Это — неуклюжее проявление бюрократической реакции достаточно быстро сменилось более адекватным поведением власти, которая всерьез задумалась о причинах этого социального явления. «Нетрудно проследить и логику реагирования власти. Как это обычно случается в бюрократической традиции, на проблему обратили внимание лишь после того, как произошел выплеск. А между тем руководители следственных ведомств докладывали о кризисе. В апреле прошлого года Следственный комитет при прокуратуре (СКП) РФ обнародовал данные **по количеству убийств на почве**

национальной нетерпимости: рост со 152 зарегистрированных случаев в 2005 г. до 548 в 2009 году. Откуда это насилие? Ответ уже глубоко внедрился в массовое сознание населения и представителей власти. **Это стихийная «реакция праворадикалов»** на беспредел мигрантов с юга (речь, конечно, как о внутренних — с российского Кавказа, так и о внешних — из государств Центральной Азии и Южного Кавказа)»[44], — пишет А. Караваев.

Вот почему важно договориться о терминах, ибо больше всего споров идет не о влиянии национализма на вопросы безопасности как политики и идеологии, а о том, что каждый понимает этот термин по-своему. Более того, использует в своих интересах. Причем как отдельные социальные группы, так и элиты и, что немаловажно, целые государства. Таким образом национализм, как идеология и политическая практика, может быть:

— национализмом нации;
— отдельных социальных групп и отдельных элитных групп;
— правящих элит;
— государств.

Существует несколько разновидностей национализма, суть которого остается прежней — это идеология и политика, трактующие нацию как **основу самостоятельного государства**. Между тем, по справедливому замечанию А. Дугина, «…национализм и национальная идея — даже в политическом, вполне приемлемом смысле (а я бы сказал — в культурной. — *А. П.*) — в России так и остались табуированы»[45].

При этом, рассуждая о национализме, мы часто имеем в виду совершенно разные понятия. Так, принято различать:

Гражданский национализм (другие названия: революционно-демократический, политический, западный национализм) утверждает, что легитимность государства определяется активным участием его граждан в процессе принятия политических решений, то есть, степенью, в которой государство представляет «волю нации». При этом принадлежность человека нации определяется на основе добровольного личного выбора и отождествляется с гражданством.

В рамках гражданского национализма выделяют подвиды:

Государственный национализм утверждает, что нацию образуют люди, подчиняющие собственные интересы задачам укрепления и поддержания могущества государства. Он не признаёт независимые интересы и права, связанные с половой, расовой или этнической принадлежностью, поскольку полагает, что подобная автономия нарушает единство государства.

Либеральный национализм делает акцент на либеральных ценностях и утверждает, что существуют общечеловеческие ценности, такие как права человека, по отношению к которым патриотические нравственные категории занимают подчинённое положение.

Этнический национализм (другие названия: этнонационализм, культурно-этнический, органический, романтический, восточный национализм) полагает, что нация является фазой развития этноса и отчасти противопоставляет себя гражданскому национализму. В настоящее время «националистическими» называют, как правило, те движения, которые делают акцент на этнонационализме.

Между тем представляется обоснованным выделить **отдельный вид национализма — культурный, который определяет нацию общностью языка, традиций и культуры**, а, главное, чувством **общности с ее судьбой и будущим**. С этой точки зрения легитимность государства исходит из его способности **защищать нацию и способствовать развитию её культурной и общественной жизни**. Как правило, это означает государственную поддержку культуры и языка этнического большинства, а также поощрение ассимиляции этнических меньшинств для сохранения единообразия нации.

Национализм «малых» народов, их элит, стал одной из основных причин развала СССР. При этом такой этнический национализм сопровождался открытой русофобией, а, нередко, и **прямым геноцидом русских**. И это сегодня хорошо помнят русские. Особенно изгнанные из Средней Азии и Закавказья.

Свое отношение к нации Д. Медведев высказал на встрече с руководством Федерального Собрания в январе 2011 года: «Вне всякого сомнения, особое внимание должно уделяться русской культуре. Это основа, это костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить». Русские вообще являются самым большим народом России, вел мысль Медведев, русский язык — государственный, а Русская православная церковь — крупнейшая конфессия страны. «И нам нужно развивать самые лучшие черты русского характера именно потому, что в какой-то период лучшие черты нашего характера сделали нашу страну сильной, по сути, создали Россию», — считает российский лидер. Чтобы все понимали, о чем именно речь, президент обозначил контуры русского духа: терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе, великодушие, широкий взгляд на историю.

Однако зацикливаться на прошлом не стоит, необходимо формировать современную российскую культуру, чтобы возникали, так называемые Медведевым, синтетические национальные ценности»[46].

К сожалению, Д. Медведев аккуратно обошел такие вопросы, которые сегодня имеют принципиальное значение, а именно:

Во-первых, представители какой нации (наций) получили сегодня наибольшие преимущества в результате экономических реформ, в частности, приватизации? Каким образом и в чью пользу государство перераспределяет национальный продукт, если речь

идет о вполне конкретных регионах, где этнически преобладают те или иные нации?

Во-вторых, кто, представители каких национальностей, сегодня контролирует политическую, экономическую и финансовую жизнь государства? Как остро ответила на этот вопрос Е. Ямпольская, «Русские (наполовину чуваши, на четверть евреи, на осьмушку грузины) работают. Не русские (пусть даже в паспорте значится «Иванов Иван Иванович» контролируют»[47].

Примечательно, что продвижение национальных ценностей, в т. ч. за рубежом, находится в числе основных приоритетов тех государств, которые выстраивают свою долгосрочную стратегию в мире. Например, Китая. Так, во время визита китайского лидера в США в январе 2011 года тот прямо заявил, что будет стремиться заменить доллар юанем в качестве основной мировой валюты, а кроме того, почти в ультимативной форме китайцы представили **целый список того, что должны сделать американцы ради развития партнерства со своим главным кредитором**. Ничего конкретного, но в своем интервью Ху Цзиньтао так подробно **говорил о разумных позициях, о наращивании доверия, об отказе от менталитета и об уважении выбранного пути, что стало понятно — у Вашингтона просто нет выбора**[48].

В целом, как замечают авторитетные западные исследователи, «возвращение к авторитаризму великих держав» и «глобальное отступление демократии» (читай наднациональных, либеральных идеологий. — *А. П.*) стало набирающей силу тенденцией последних лет[49].

Не случайно, кстати, лидерами в либерализации в 2010 году стали такие государства, как Чехия, Словения, Тайвань, Эстония, Уругвай и др., которые не могут рассчитывать в долгосрочной перспективе на развитие собственных НЧП.

Таким образом рассуждая о национальных интересах, национальной и международной безопасности, мы неизбежно должны возвращаться к таковым ценностям русской нации, идеологии и практической политики культурного национализма. Новая идеология культурного социализма неизбежно появится как следствие развития политических процессов в России. Как и социализма, который Ф. Энгельс отнюдь не случайно «объявил» наукой[50], культурный национализм станет не отвлеченным академическим изыском, а практической основой изменения социальной и экономической жизни в России. И тут уж ничего не поделаешь. Можно только понять суть этого объективного процесса и упорядочить его.

2. Безопасность и модернизация: неадекватность элиты ведущих стран мира

… если на Западе банки собирают деньги у граждан и вкладывают в экономические проекты, то в России — собирают деньги у государства и переводят за границу[51]
Г. Явлинский

Весьма влиятельные круги … считают, что продолжение на преимущественную поддержку крупных сырьевых компаний воссоздает благоприятную докризисную ситуацию… лица, придерживающиеся такого мнения.., на деле исходят из того, что подобный отказ следует отложить на будущее[52]
Е. Примаков

Первое десятилетие XXI века стало периодом попыток переосмысления основных понятий, из которых складывалась прежняя система взглядов на международные отношения. И, конечно же, прежде всего на специфическую область международных отношений — вопросы международной и национальной безопасности. Попытки, сразу скажу, малоудачные. Более того, в 2011 году в элитах сложилось убеждение, что руководители ведущих государств по-прежнему ориентируются на традиционные угрозы и такие же традиционные способы их решения, ориентируются на сиюминутные, часто конъюнктурные цели. Между тем, как справедливо заметил Д. Кьеза, «мы находимся в начале переходного периода, который не имеет прецедентов в истории. Он мог наступить ещё десять лет назад, но США в 2001 году событиями 11 сентября отложили кризис на 7 лет. Отложили — но не отменили. И в 2008 году он вернулся. Кому эта эпоха будет выгодна — сказать сложно, но уже ясно, что история последних трех веков подходит к концу. Сегодня ясно, что невозможно развитие внутри замкнутой системы ресурсов — мир достиг пределов развития. Все, кто говорят, что прежняя система сохранится — врут. Уголь, нефть, даже уран — все ресурсы планеты почти исчерпаны, и лишь вопрос времени, когда они окончательно закончатся. Все наши реалии, всё, к чему мы привыкли, — будет меняться. Цивилизация денег уйдет»[53].

Примечательно, что в наиболее последовательной форме этой позиции придерживалась и КНР. Так, один из ведущих китайских специалистов в области стратегии Ян Еминт писал: «Первое десятилетие

XXI века свидетельствовало о провале неолиберализма и политики Вашингтонского консенсуса, оставляя международному сообществу искать новые теории для строительства международных отношений».

Собственно так же примерно думают и в другой крупнейшей стране мира — Индии, где один из исследователей написал, что «…США ведут себя так, как будто у них есть право цивилизовать и демократизировать остальной мир на основе своих представлений»[54].

Это стало особенно заметно на фоне попыток правящих элит решить проблемы мирового кризиса, что в полной мере относится как к социально-либеральной, так и неоконсервативной части правящих элит. «Кризис же только подтвердил, что кроме закручивания бюджетно-финансовых гаек и радикального сокращения социальных расходов, в загашнике социалистов не оказалось никаких значимых собственных рецептов эффективной политики по выходу из нынешнего экономического тупика. Красная гвоздика, зажатая в руке, — символ ИСРП, зовущий массы на борьбу за свои права, плохо сочетается с политикой, направленной на урезание социально-экономических завоеваний трудящихся, что, естественно, не может не сказываться на имидже партии[55].

Попытки создать новые механизмы управления экономикой и финансов не выходили за рамки существующих социально-политических и экономических моделей, которые, казалось бы (в т. ч. и по мнению многих экспертов), доказали свою неэффективность. Очень образно ситуацию охарактеризовал В. Акопян: «Абсолютно бескомпромиссное стремление США к контролю над ресурсами — безальтернативный на сегодняшний день для американцев путь сохранения системы глобального доминирования, а значит и собственной экономики. Отчаянный рывок американцев к ресурсам стал результатом угрозы коллапса устоявшегося миропорядка и системы получения ресурсов и товаров за „зеленые фантики“ или в долг.

Пока новая система обеспечения контроля над ресурсами не придумана и не внедрена, удерживать свое лидерство американцам приходится силой. Причины для агрессии придумываются уже произвольно. В случае с Сирией необходимость создания „буферных зон“, то есть расчленения страны, объясняется тем, что режим Башара Асада убивает сторонников своих политических оппонентов, объединившихся с армией вооруженных дезертиров. Но самое важное в том, что этот антиправительственный союз был на глазах у всего мира взращен и сформирован на территории Турции — активнейшего партнера США в регионе. Похожая ситуация в Ливии дала повод для бомбардировок этой страны с воздуха и линчевания ее лидера»[56].

На мой взгляд, тому было несколько причин, из которых наиболее важными я бы назвал следующие:

1. Стремление США и ведущих стран Запада сохранить однополярный мир, в котором система международной безопасности обеспечивалась единственным суперблоком — НАТО, — чья военная мощь и ответственность давно переросли региональные масштабы. Это стремление шло вразрез с очевидно сформировавшейся тенденцией многополярности, появления новых экономических, финансовых и идеологических центров силы.

Этой тенденции отнюдь не противоречила политика США по созданию подконтрольных блоков и союзов, например, АТС и ВАС в Юго-Восточной Азии. Как считают эксперты МГИМО(У), «Наличие разногласий по историческим вопросам, территориальные споры, недоверия между странами региона заставили некоторых китайских и японских аналитиков скептически отнестись к идее ВАС, которую даже назвали „миссия невыполнима“. Несмотря на это, многие специалисты в Китае убеждены в том, что такое объединение реально, если оно будет достигаться с помощью экономической интеграции на основе существующих механизмов, а другие противоречия могут быть преодолены с течением времени»[57].

Это стремление превратилось в политику навязывания другим странам чуждых им ценностей и норм, в том числе и политических режимов, когда неугодные лидеры — Чаушеску, Наджибулла, Милошевич, Кадафи и пр. — просто уничтожаются.

Сенатор Джон Маккейн даже конкретно пригрозил сирийскому президенту Башару Асаду и главе правительства РФ Владимиру Путину. «Я думаю, что президент Сирии Башар Асад, может быть, премьер-министр России Владимир Путин, некоторые руководители Китая получили повод для беспокойства, — заявил Маккейн. — Они увидели, что в Ливии народ восстал, а мы оказали ему помощь»[58].

В действительности уже во втором десятилетии XXI века в противовес НАТО сформировались уже реальные, хотя и не формальные, военно-политические центры силы, способные если и не противостоять ему в глобальном конфликте, то, как минимум, защитить региональные интересы. Речь идет об ОДКБ, Китае, теоретически возможной исламской коалиции, созданной на базе Ирана. Достаточно привести фактический ультиматум КНР весной 2011 года в ответ на убийство Бен Ладена, что «нападение на Пакистан будет рассматриваться как нападение на Китай».

«Особенно ярко значение „китайского фактора“ проявилось в кризисный и нынешний, условно называемый „посткризисным“, периоды. Последнее финансово-экономическое потрясение, что весьма показательно, только укрепило „восточного дракона“. Вряд ли кто-то будет спо-

рить с тем, что Китай на фоне общепланетной экономической депрессии стал ещё сильнее, существенно утвердив свои позиции в нашем неспокойном мире. Пока Евросоюз занимался внутренними „разборками“, явными и мнимыми дефолтами, пока Америка пыталась выбраться из созданной собственными руками долговой ямы, пока Россия неспешно соображала, в кризисе она или нет, в муках „рожая“ идею очередной модернизации, — Китай вовсю набирал обороты»[59].

2. Это стремление и претензии США и их союзников по НАТО обосновывались необходимостью отказа США от национальных суверенитетов (либо значительной их части) под предлогом распространения универсальных ценностей и принципов развитых стран на всю территорию планеты. Особенно популярными в эти годы стали рассуждения о «конце Вестфальской системы» и пр. традициях суверенной внешней политики.

Другой пример — создание европейской ПРО. На деле это означает очередной новый этап в создании даже не просто широкомасштабной ПРО США, но и всего наступательно-оборонительного стратегического комплекса, о котором заявил в 1982 году еще Р. Рейген. В конечном счете это означает завершение периода ядерного сдерживания и приобретения США потенциала первого, разоружающего ядерного удара. Это подтверждают и российские эксперты. «По поводу первой и второй фазы развертывания этой системы в Европе у отечественных экспертов нет серьезных противоречий. Они согласны, что система „Иджис“ с ракетами-перехватчиками SM-3, на которую опирается ЕвроПРО, действительно будет способна бороться с ракетами средней и меньшей дальности, которых у России нет. Но объявленное США дальнейшее развитие этой системы с модернизированными ракетами SM-3 block B или C на третьей и четвертой фазе уже сможет приблизиться к той степени совершенства, которая начнет представлять угрозу уже не иранским ракетам, а именно российским стратегическим силам сдерживания, размещенным в европейской части страны»[60].

Примечательно, что подобные политико-идеологические установки не только декларировались, но и реализовывались на практике. Что особенно наглядно проявилось в позиции США, Великобритании, Франции и Италии, а также ряда других государств в конфликте против Ливии, противостоянии с Сирией и позиционировании по отношению к другим арабским странам.

Не случаен в этой связи и выход Канады из Киотского протокола в декабре 2011 года, о чем она заявила на следующий день после того, как участники конференции ООН, проходившей в Дурбане, после продолжительных дискуссий договорились о продлении срока действия этого соглашения до 2014 года. В конференции принимали участие делегаты из почти 200 стран[61].

Кроме чисто военно-политических и экономических средств влияния, для утверждения этих стремлений усиленно использовались идеологические, медийные, в том числе и дипломатические возможности. Иногда интенсивность этих и других инструментов «мягкой силы», использовавшихся США, превосходила интенсивность политических и экономических инструментов. Чужая система ценностей не просто предлагалась, но насильно навязывалась, что вошло в противоречие с начавшимся в XXI веке мировым кризисом, который во многом стал кризисом либерализма вообще и ведущих либеральных государств, в частности.

3. Кроме однополярной системы военной безопасности США, Великобритания и ряд других государств стремились законсервировать однополярную модель управления экономикой и финансами планеты, которая обеспечивала развитым государством фактически монопольный контроль над мировыми рынками и ресурсами.

В противовес этой тенденции развивалась тенденция возникновения и роста других финансовых центров, прежде всего Китая, Японии и Бразилии, где сосредоточились не только крупнейшие финансовые активы, но и долговые обязательства стран-лидеров.

4. Вместе с тем уже к концу первого десятилетия XXI века стало ясно, что прежние модели управления миром перестали быть эффективными. Мировой кризис, неспособность решить региональные конфликты и особенно глобальные проблемы — эти и другие мотивы сформировали к концу десятилетия объективный запрос на создание принципиально новой системы международной безопасности, где интересы других государств в обязательном порядке учитывались бы более полно.

Примером такой новой структуры может стать Евразийский Союз, о котором начали активно дискутировать после сентябрьской (2011 г.) статьи В. Путина в «Известиях». Очевидно, что движение в этом направлении объективно выгодно и перспективно для России. Проблема — как признают российские эксперты, перезрела. «В начале XXI века страны СНГ и ОДКБ находятся на пути к созданию новой модели международного взаимодействия в регионе — и в первую очередь взаимодействия в области безопасности. Обсуждаемая модель архитектуры безопасности предполагает близость или совпадение стратегических интересов как внутренних, так и внешних „акторов“ — заинтересованных государств. Пришло время

координации усилий всех как внутригосударственных, так и межгосударственных структур, в той или иной степени предназначенных противодействовать возникающим вызовам и угрозам. Россия, с ее политическим, экономическим и военным потенциалом может и должна сыграть в этих процессах решающую роль»[62].

Так или иначе, но все эти проблемы связаны с актуальностью модернизации, понимаемой в самом широком смысле этого слова — и социально-политической, и технологической, и (о чем забивают вообще) экологической. Известно, например, что только 1 % пресной воды можно использовать как питьевую, а к 2050 году более 60 % жителей планеты будут испытывать недостаток в питьевой воде.

Таким образом, можно констатировать, что ко второму десятилетию XXI века **проблемы** стали сложнее и неотложнее, а **их понимание и механизмы решения** остались на уровне последней четверти XX века. И не из-за «узколобости» правящих элит ведущих стран, а из-за их **вполне осознанного прагматического понимания своих интересов**. Чаще национальных, но нередко и узкогрупповых и даже частных. Надо понимать, что ситуация, существовавшая до XXI века, вполне устраивала правящие круги стран-лидеров глобализации. И не только ситуация, но и **система** международной безопасности, и **механизмы** ее обеспечения.

Надо признать, что это — объективная реальность, которая усиливается негативными, специфическими российскими реалиями. Я бы сказал особой, сверхнеадекватностью российской элиты, которая усиливается её демонстративным игнорированием национальных интересов: их дети в основном учатся за рубежом, половина родственников проживает там же, капиталы и собственность то же не в России. В России же элита «работает вахтовым» методом — приезжая на заработки для того, чтобы тратить заработанное за рубежом.

К сожалению, первое десятилетие XXI века показало, что значительная часть российской элиты перестала быть национальной. Соответственно и ее политика. Её интересы — собственность, гражданство, дети — в большей мере ориентированы на зарубежье. Следите сами: более 200 тыс представителей элиты осело только в Лондоне. Еще сотни тысяч — в США, Франции, Германии. Если исходить из того, что вся российская элита — бизнесмены, политики, менеджеры и т. п. — насчитывает едва ли больше 1 млн человек, то оказывается, что половина ее (если не больше) превратилась в тех, кто зарабатывает в России, а тратит деньги, воспитывает детей и копит собственность за рубежом.

Началось это еще при М. Горбачеве. Как вспоминает бывший вице-премьер ельцинского правительства М. Полторанин, «Цемент и нефтепродукты, металл и хлопок, пиломатериалы и минеральные удобрения, резина и кожа — все, что государство направляло предприятиям для переработки и насыщения внутреннего рынка, пошло железнодорожными составами за рубеж. Через зеленые зоны на наших границах. И там, за рубежом, чиновники стали складывать капиталы в кубышки, а вскоре инициировали разрушительную реформу банковской системы СССР. Чтобы в час «Х» легально, через свои банки, ввезти эти деньги, или, как называют экономисты, переходную ренту в страну для скупки обескровленных предприятий. Они уже тогда, задолго до 92-го года, готовились к приватизации. И, полагаю, уже тогда запланировали выпускать чеки-ваучеры не персональные, а обезличенные. Так проще было стать хозяевами новой жизни»[63].

В первом десятилетии исход элиты из России стабилизировался, как минимум, на уровне 60–100 тыс. человек в год по сравнению с 1990-ми годами. Затем, во втором десятилетии, — вновь усилился. Это означает, что порядка 2 млн человек уже покинуло страну. Надо думать, что не с пустыми руками. Но и те, кто остался, в своем большинстве думают о «тылах» за границей. Пример с Ю. Лужковым, который за время своего правления Москвой обзавелся огромной зарубежной собственностью, — типичен. Ему следовали не только московские чиновники, но и бюрократы и бизнесмены всей страны.

Хуже то, что действующие чиновники думают и поступают также. Объединенные жаждой наживы, они все жадно припадают к любым «финансовым потокам», будь то государственная собственность или банальный рэкет предпринимательства. В подобных условиях вопросы обеспечения национальной безопасности и модернизации решаться не могут в принципе, то основным и единственным приоритетом становится выгода, а другие интересы нации уходят на второй план. А тем более модернизации.

Еще хуже то, что большинство элиты и даже среднего класса перестало верить в будущее России. Но уезжать стали не только те, кто уже наворовал, но и те, кто не верил, что ему, его детям «в этой стране» сохраняется перспектива.

Парадоксально, но факт**: российская правящая элита перестала быть национальной**. Она даже стала стыдиться этого слова. Превратившись в своем большинстве (по словам В. Суркова) в «оффшорную аристократию», она не была заинтересована ни в развитии, ни в модернизации страны. Этим объясняется невосприимчивость России к попыткам модернизации и внедрению инноваций. Власти перестали доверять и верить. Даже В. Путин был вынужден признать это публично, заявив в июле 2011 года, что «самое главное качество — это порядочность»[64].

Но это качество трудносовместимо с теми ценностями либеральной идеологии, которые годами насаждались в российском обществе. Очень емко и четко их изложили А. В. Лукин и П. В. Лукин: «Что представляли собой российские «либеральные» экономисты? С убежденностью неофитов, отвергнувших

марксизм и сменивших его догмы на противоположные, они верили в несколько простых постулатов и всеми силами стремились претворить их в жизнь. Вот основные из них: 1) экономика — точная наука, ее законы сродни законам математики и действуют одинаково в любом обществе; 2) свободный рынок — наиболее разумная форма развития экономики. Если освободить рынок от всех внеэкономических ограничений, то его «невидимая рука» сама собой приведет к экономическому росту (неэффективные производства умрут, на смену им придут новые, эффективные); 3) главный внеэкономический ограничитель рынка — государство, следовательно, оно должно в максимальной степени самоустраниться из экономики, сохранив за собой лишь создание правовых условий функционирования рынка, причем эти условия должны быть одинаковыми для всех и жестко соблюдаться; 4) один из основных путей ухода государства из экономики — сокращение бюджетных расходов, так называемая жизнь по средствам. Конечно, государству придется осуществлять определенную социальную политику (в обществе имеются некоторые «экономически бесполезные элементы»: пенсионеры, учителя, врачи, школьники), но желательно социальные расходы свести к минимуму; 5) активная экономическая политика государства (например, создание экспортных или поддержка передовых отраслей путем предоставления налоговых льгот, государственные программы по развитию тех или иных регионов, даже государственные вложения в инфраструктуру и т. д.) мешает работать свободному рынку и потому неприемлема. Эти меры (хотя они и используются во многих странах, которые сами либералы называли «цивилизованными»), считаются «социалистическими» и отвергаются «либеральными» российскими экономистами»[65].

Как видно, в рамках либеральной традиции места для порядочности не остается: все ценности определяются рынком, а порядочность — внерыночная категория. Более того, порядочный человек в России в принципе не может быть успешным в условиях, когда постепенно надо обманывать государство, партнеров, всех. Он лидер, а лидер в либеральной системе ценностей хуже, чем преступник.

Это необходимо понимать для того, чтобы объяснить почему внешняя политика России и политика в области безопасности в начале XXI века превратилась во многом в политическую риторику, которая сплошь и рядом не подкреплялась практическими действиями и не вызывала доверия в стране и за рубежом. Так же, как и политика модернизации, которая вообще оказалась к 2012 году проваленной.

«Идеальная» схема функционирования политической системы известна: национальная элита адекватно воспринимает национальные интересы и ценности трансформирует их профессионально во внешнеполитические цели, обеспечивая их достижение определенными ресурсами. Но это — идеальная схема. В России первого десятилетия в этой схеме изначально присутствовали катастрофические изъяны:

— национальная элита, как минимум, **наполовину** уже не была национальной. Проживая за рубежом, она думала не о национальных, а о личных интересах. Но и другая половина постепенно «перетаскивала» свои интересы за рубеж — открывала счета, покупала собственность, бизнес, учила детей и т. п. Из множества моих знакомых, работающих во всех структурах власти, так поступали и поступают большинство. Еще собираются так поступать в будущем;

— соответственно говорить о восприятии такой элитой, тем более восприятии адекватном, национальных интересов не приходится. Произошло замещение национальных интересов личными и групповыми. Соответственно и цели внешней политики трансформировались под этим влиянием. Внешняя политика и политика безопасности стали продолжением групповой личной политики, в основе которой находится выгода, нередко прямое мздоимство и предательство. Конечно, это не относится (или почти не относится) к деятельности МИДа, который не влиял на экономическую, финансовую или промышленную политику правительства. В данном случае МИД отвечал за общие, сугубо политические вопросы, оставляя «материальную конкретику на откуп финансово-экономической элите страны. Достаточно сказать, что в результате приватизации под контроль оффшорных компаний попало большинство предприятий, включая стратегические. Так, например, после теракта в аэропорту «Домодедово» Генеральная прокуратура по поручению президента в течение 6 месяцев так и не могла выяснить собственника этого крупнейшего предприятия.

Соответственно выгода, которая была высшим приоритетом, не мотивировала модернизацию и внедрение инновации. Впрочем, промышленная политика также не мотивировала экономическую элиту. В итоге внешнеполитические декларации, встречи и мероприятия, в том числе Д. Медведева и В. Путина, в которых участвовали сотни представителей бизнес-элиты, как правило, ни к чему не приводили. В основном рост товарооборота обеспечивался за счет роста поставок энергоресурсов.

— наконец собственно национальные интересы перестали восприниматься как национальные. Сначала, в 1990-е годы, пытались вообще запретить этот термин, т. е. убрать основу для любой политики. Потом в XXI веке — исказить его, выхолостить его суть. Так, в Стратегии национальной безопасности заявлялось о том, что «…Россия… переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности», которая объясняется как «…создание безопасных условий

реализаций конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства»[66]. Подобное узкое толкование национальных интересов и игнорирование потребностей модернизации было скорректировано позже в Концепции внешней политики, но так и осталось полностью не раскрыто. А именно — не звучало ни модернизационного, ни мобилизационного национального призыва.

Нации в этом перечне приоритетов нет. Как нет и описания устойчивого развития (если, конечно, не считать стагнацию и развал последних лет таким развитием), особенно в связи с нарастанием новых угроз.

Хорошо, что хоть декларируется суверенитет и территориальная целостность, которые, надо признать, серьезно пострадали за последние 20 лет, когда Россия фактически попала под внешнее влияние, отдала свои территории (и не только Китаю и США) и превратилась в сырьевой придаток уже не только развитых стран. Это движение, надо отдать должное В. Путину, спасло Россию. Особенно, если речь идет об освобождении от внешнего долга, который еще в 1999 году казался катастрофическим.

Возвращаясь к «идеальной» схеме политики, мы должны иметь в виду указанные выше моменты, а именно: во-первых, в первом десятилетии XXI века российская элита уже стала (как минимум) не национальной, во-вторых, национальные интересы фактически были замещены личными и групповыми, а, в-третьих, адекватность элиты в формировании целей можно признать условной. Отсюда понять политику В. Путина — Д. Медведева в области безопасности можно только если признать, что она **условно основывалась на интересах национальной безопасности** и что она изначально была **предопределена их международно-правовым подходом к вопросам** международной безопасности.

Следует заметить, что в международной практике и особенно в политологии преувеличенное значение уделялось международным нормам в прошлом веке. Особенно в США и ряде других западных стран, стремившихся создать «универсальную» международно-правовую систему. Об это писано-переписано много. Но практическая ценность таких норм незначительна. Мировой опыт показывает, что как только национальные (базовые) интересы вступают в противоречия с международными нормами, от них легко отказываются. В мире суверенных государств международные нормы имеют ценность до тех пор, пока суверенные государства считают, что их соблюдение выгоднее, чем не соблюдение.

Те же политики, которые полагают, что такие нормы в любых случаях будут соблюдаться (даже вопреки национальным интересам), впадают в опасное заблуждение. Но и В. Путин, и Д. Медведев по образованию и по воспитанию, а также, что немаловажно, по образу мышлению — юристы. То есть принадлежат к той социальной и профессиональной группе людей, которая изначально отдают приоритет правовым нормам, а не содержанию. Как в прошлом и М. Горбачев. Как справедливо заметил по этому поводу М. Полторанин, «…главное для юристов не содержание, а форма. Эту угловатую жизнь они готовы утрамбовать в форму одной статьи закона, а эту — какой бы она ни была разноплановой — в форму другой статьи. Юристы любят громкие фразы, внешний эффект, а суть дела отводят на второй план. Юристы в большой политике непредсказуемы, как шаровая молния.

Народу России надо, кстати, быть осторожнее, двигая во главу государства юристов. От них одни беды стране. Такая закономерность: был во главе государства юрист — Александр Керенский — дело закончилось октябрьским переворотом. Потом был юрист Владимир Ульянов (Ленин) — он создал ГУЛАГ и утопил пол-России в крови. Потом был юрист Михаил Горбачев — он подвел страну к самороспуску. Потом был юрист Владимир Путин — десятки миллионов обворованных россиян на себе испытали плоды его творений»[67].

Поэтому повторю еще раз: понять политику В. Путина и Д. Медведева в области безопасности можно только признав, что они изначально недооценивают значение национальных интересов, роли национальной элиты и формулируемых целей, с одной стороны, и переоценивают значение международно-правовых норм — с другой.

Собственно международная безопасность, как система устойчивых отношений между государствами, основывается на национальной безопасности одних стран (или групп стран, например, региональных системах), адекватном понимании национальными элитами интересов страны и способности защитить эти интересы. В этом смысле в XXI веке произошли очень серьезные изменения, когда роль национального человеческого капитала (НЧК) стала решающей, способной защитить и обеспечить устойчивое развитие нации и суверенитет государства. Это очень хорошо видно на примере Бразилии, которая за последние 15 лет сделала мощный рывок в развитии именно благодаря ставке на **национальную** модернизацию. «Сегодня Бразилия на 90 % покрывает потребности внутреннего рынка за счет собственного производства, **в том числе на 80 % — в машинах и оборудовании. Здесь быстро растет современная промышленность, продукция которой составляет 30 % экспорта**. Корпорация „Эмбраер“, созданная лишь в конце 1970-х годов, **превратилась в третьего в мире производителя авиационной техники** (после „Боинга“ и „Эйрбаса“). Помимо аэрокосмического комплекса, крупные достижения **налицо в электронике, информатике, био- и нанотехнологиях, генетике, ядерных исследованиях**. В Бразилии запущены два ядерных реактора, третий будет построен

к 2015 году, после чего страна получит полный цикл обогащения урана. Еще четыре реактора намечено пустить в строй к 2030 году. Сегодня Бразилия располагает шестыми в мире доказанными запасами природного урана, который в основном пока отправляется за границу — в Канаду и Европу — для обогащения. Бразильский военно-промышленный комплекс — безусловный лидер на континенте, многие виды оружия охотно закупаются другими странами. Реализуются крупные инфраструктурные проекты, включая строительство высокоскоростной железной дороги между Рио и Сан-Пауло стоимостью 22 млрд долларов»[68].

Результат: «Бразилия превратилась в глобальный бренд и в глобальную державу, — писала в 2010 году в статье с красноречивым названием „Новый глобальный игрок" директор латиноамериканских исследований Нью-Йоркского совета по международным отношениям Джулия Свейг. — **Это пятая по величине земельная масса, восьмая по величине экономика и один из ведущих в мире производителей вещей, которые нужны всем остальным: от животных, овощей и минералов до воды, энергии и самолетов**».

По некоторым оценкам, Бразилия еще выше в мировом табели о рангах. В 2011 году Бразильский Госкомстат поставил ее ВВП по паритету покупательной способности выше **не только России, но и Германии. Именно Бразилия, по мнению всех наиболее серьезных прогнозистов, является главным конкурентом России** (и пока — более успешным) в борьбе за звание пятой или даже четвертой экономики планеты уже в 2020–2030-е годы, которая будет уступать лишь Китаю, США и Индии и с шансами обогнать Японию»[69].

Анализируя влияние НЧК на систему международных отношений и **опосредованно** на политические цели и национальные интересы, необходимо вернуться к известной модели (рис. 7), иллюстрирующей политическую систему взаимосвязей и взаимовлияние отдельных факторов.

Из этой модели следует:

1. НЧК не только присутствует, но и является важнейшей частью **всех** подсистем политической системы безопасности. Элита, которая не понимает этой особенности, не адекватно воспринимает международные реалии, в т. ч. и реалии международной безопасности. Так, в последние 20 лет появилось множество сопоставлений, рейтингов, индексов, определяющих реальную мощь государства («индексы счастья», ИРЧП, индексы «инновационности», «открытости» и т. д.), которые в конечном счете отражают количество и качество НЧК. Прежде всего продолжительность жизни и численность населения, его образованность, уровень развития национальной науки, культуры, духовности, качество здоровья и т. д. По этим показателям Россия из года в год **сползает вниз в мировых рейтингах**, уступая уже не только развитым странам, но и странам с переходной экономикой.

   Соответственно слабеет и ее мировое влияние. И не столько из-за сокращения доли в мировом ВВП или даже доли в наукоемкой продукции, а именно из-за относительного и абсолютного падения НЧК. Но так как НЧК в XXI веке выступает самым эффективным и влиятельным инструментом внешней политики, то и падение НЧК означает в конечном итоге ослабление влияния России в мире.
2. На политические цели России оказывают **прямое** влияние международные реалии (в частности, мировой кризис). Но это влияние в 2008–2010 годы приобрело для России катастрофический характер именно из-за отставания в НЧК. Зависимость российской ресурсной экономики от внешних рынков проявилось в полной мере. Но и политика власти, которая вместо инвестирования в НЧК (как это сделали США и Германия), в частности в развитие внутреннего спроса населения, в образование, науку, культуру, продолжала проводить монетаристскую

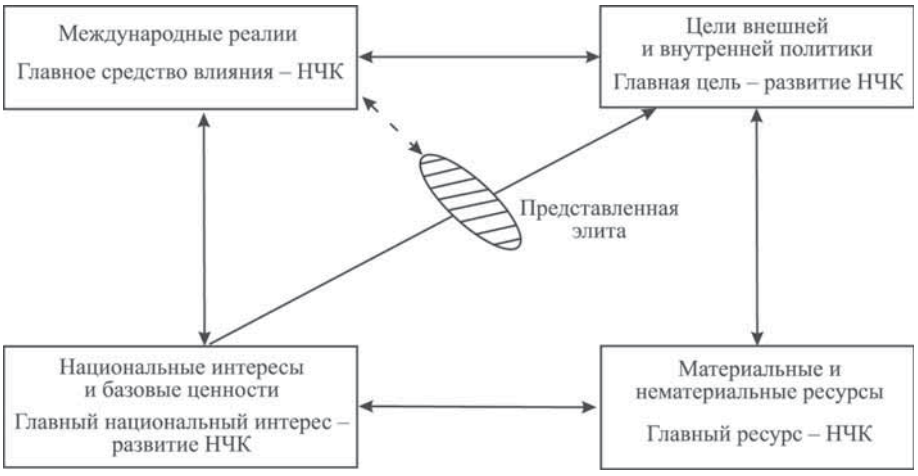


Рис. 7. Политическая система взаимосвязей и взаимовлияние отдельных факторов

политику, сделала свое дело: у России было не только самое глубокое кризисное падение, но и самый медленный выход из кризиса, который, по оценкам В. Путина, будет преодолен только в 2012 году.

3. Цели и задачи политики России оказывают воздействие на мировые реалии и на используемые нацией ресурсы. Вопрос только, насколько было влияние положительное. Прежде всего для национальных интересов.

   С точки зрения влияния на внешний мир — оно минимально и оценивается по-разному. Активная внешняя политика России «по всем азимутам», безусловно, позитивна, но, вот, продуктивна ли она? Расширение внешнеэкономических связей с Китаем, Индией, Кореей и многими другими государствами, вроде бы, позитивный момент. Только, вот, что мы продаем и покупаем? Структура нашей торговли с Китаем за 20 лет изменилась радикально. Если в 1990 году только 10 % в ней занимало сырье, а 90 % продукция обрабатывающей промышленности, то в 2010 г. — с точностью наоборот. Те 10 % нашего экспорта, которые сегодня приходятся на машины и оборудование, это вооружение и военная техника. И китайские, и индийские бизнесмены, как они говорят, купилиа бы у нас много, да нечего.

   Мы не можем предложить миру, тем более развитым странам, **результаты** развития НЧК, разве что в области культуры, да еще «утечки мозгов». Поэтому степень нашего влияния стремительно падает. Примерно так же, как в области образования, когда мы готовили кадры в наших университетах, а сегодня эти кадры готовят нам.

   Еще хуже ситуация с влиянием сформулированных элитой политических целей на использование национальных ресурсов, прежде всего НЧК. Как известно, НЧК составляет до 70 % национального богатства. Для России, где доля природных ресурсов неоправданно высока, это порядка 50 %. Так вот: наши политические цели вообще не предусматривают развитие НЧК — ни в образовании, ни в науке, ни в технологиях. Политические цели, в том числе модернизации, предусматривают внешние заимствования. Это называется модернизацией. Но отнюдь не развитием НЧК, прежде всего национальных школ в науке, образовании, технологиях. И Д. Медведев в 2010 годы недвусмысленно сформулировал перед МИДом эти цели внешнего заимствования.

4. Международные реалии воздействуют на представления элиты **косвенно**, через осознание национальных интересов и формулирование целей внешней и внутренней политики. Но это косвенное влияние иногда проявляется очень сильно. В особенности, если цели внешней политики не адекватны национальным интересам. Что с Россией происходило нередко.

   В 1990-е годы мы видели нередко, как руководство страны формулировало цели и шло на беспрецедентные уступки внешним акторам именно в силу того, что внешняя политика страны, ее цели и задачи были сформулированы ложно. Фактически не только внешняя, но и внутренняя политика страны потеряла основные признаки суверенитета, действовала в ущерб национальным интересам. Особенно это бросается в глаза на примере зависимой финансовой политики.

5. Так же **косвенно** международные реалии влияют на использование национальных ресурсов. Иногда это косвенное влияние проявлялось в России очень сильно. Как, например, в случае с приватизацией, утечкой капиталов и мозгов из страны[70]. Можно констатировать, что **ложное понятие цели в последние 20 лет привели к обескровливанию** России, ежегодно лишает ее финансовых, материальных и человеческих ресурсов. Особенно человеческих.

   Была создана целая система ложных целей и институтов по их реализации. Часть этой системы сохраняется и сегодня. Доказать это просто: достаточно показать, что политика США (в т. ч. в области национальной безопасности, как это следует из «Стратегии национальной безопасности 2010», ведет к тому, что в страну ежегодно приезжает 60–70 тыс высокообразованных специалистов, и из России уезжает примерно столько же.

   В немалой степени складыванию и пониманию таких ложных целей способствовала неолиберальная, компрадорская часть российской элиты, которая усиленно насаждала ложные идеологемы в 90-е годы[71]. Напомню некоторые из них:

   — «эффективная собственность может быть только частной, государство должно уйти из экономики»;
   — «государство и его институты — отжившие рудименты современного общества»;
   — «рынок решит все проблемы сам».

   В области безопасности также было внедрено немало идеологем, сознательно искажающих действительность:

   — «чем дальше НАТО продвинется на восток, тем лучше и безопаснее будут жить в России»;
   — «Россия — Верхняя Вольта с ракетами»;
   — «ВПК — разорил страну»;
   — «Россия — не морская держава»;
   — «Космос — заведомо убыточен и бесполезен» и т. д. и т. п.

6. Наконец, как видно на рисунке, международные реалии (в данном случае система международной безопасности) и национальные интересы **непосредственно влияют друг на друга. Без всякого участия элиты**. Роль международно-правовых

норм, личного общения и т. п. субъективных факторов, — минимальна, опосредованна. Это взаимное влияние — объективная реальность, которую элита (если она адекватна) признает, либо нет. Именно поэтому национальные интересы государств, как уже говорилось выше, формируют системы международной безопасности, а субъективные цели внешней политики могут помогать, либо мешать этому процессу.

И, соответственно, наоборот: международные реалии могут и влияют объективно на национальные интересы и государственные интересы.

Так, главный национальный интерес России в XXI веке, как уже говорилось, — развитие НЧК. Даже если российская правящая элита это и не признает. НЧК также оказывает **прямое** влияние на систему международной безопасности. Независимо, признает это элита или нет. Российской элите ничуть не мешает выдвигать инициативы по созданию международно-правовой системы безопасности, которая, в лучшем случае, может стать только правовым оформлением реалий, сложившихся под воздействием национальных интересов.

Дальнейшим, предметом исследования этой части работы становится влияние международных реалий на:

— формулирование элитой целей внешней и внутренней политики;
— национальные интересы и ценности России;
— **косвенно**, опосредованно (через цели и национальные интересы) на представления российской элиты о системе безопасности.

3. Безопасность и модернизация: неадекватность российской элиты

Я хотел бы, чтобы … каждый ответил себе на такой вопрос: «Какой же все-таки должна быть власть, работающая не на себя, а на свой народ[72]

А. Коржаков,
бывший руководитель СБП

За ельцинской концепций строительства капитализма в России уже тогда просматривались некоторые контуры будущей стратегии. Небольшая прослойка людей, озолоченная украденным добром, будет все время поднимать градус враждебности[73]

М. Полторанин

К концу 2011 года оценки поведения российской элиты как «неадекватность» стали общей темой в дискуссиях на самых различных уровнях и в СМИ. Эта неадекватность сама по себе отражала даже не столько кризис доверия к власти, сколько угрозу существования самой политической системе, которую правящая элита России сформировала к 2011 году: правящую элиту перестали уже не только уважать, но (что хуже) бояться. Произошла в кратчайшие сроки эволюция от недоверия к ней к пренебрежению ею. Как отмечалось в редакционной статье «НГ» в декабре 2011 года, «Условно можно выделить два этапа кризиса этой системы. На первом этапе недовольство правящей элитой вместо политического поведения (участие в выборах, голосование за другие партии) конвертируется в практическую аполитичность, то есть игнорирование существующих механизмов влияния на власть и ее состав, неверие в их эффективность. На втором этапе недовольство становится революционным. Это предел и системная катастрофа, потому как на этой стадии утрачивается доверие уже не к актуальному состоянию системы, а к самой политике как способу решения проблем и конфликтов»[74].

Именно недоверие к политике правящей элиты, в том числе политике внешней и в области безопасности, стало доминировать в российском обществе. Причем власть сама «подставлялась», как правило, предлагая нередко непоследовательные и не всегда понятные и обоснованные инициативы. Как, например, угрозы Д. Медведева по нейтрализации ПРО и выходу из Договора по СНВ.

Международная и национальная безопасность, как и международные отношения, являются во многом следствием субъективной деятельности представителей правящей элиты. В том числе и российской, которая встала перед дилеммой: модернизация ради внешней политики, либо внешняя политика ради модернизации? Как справедливо заметил А. Пушков, «надо ли нам существенно менять внешнюю политику ради модернизации и способна ли внешняя политика существенно помочь модернизации — вот ключевые вопросы. Высказывались различные точки зрения. Одна из них на самом высоком уровне: смысл ее в том, что эффективность внешней политики должна измеряться ее влиянием на экономику и повышение качества жизни населения. После этого появились призывы полностью подчинить внешнюю политику этим задачам.

Однако оправдан ли такой „экономический радикализм“ в подходе к внешней политике? Ведь такую политику проводить совершенно невозможно»[75].

Прежде всего это относится к структуре российской экономики, которая в 2007–2011 годы только ухудшалась. Несмотря на все призывы к модернизации. Что, естественно, непосредственно отражалось на зависимости формирования бюджета в кризисные 2008–2011 годы от цен на нефть. Это хорошо видно на следующем графике (рис. 8), иллюстрирующем сопоставление нефтяных цен и доходов бюджета[76].

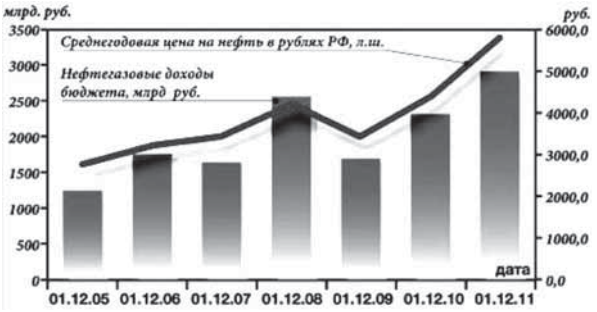


Рис. 8. Цена на нефть и доходы от бюджета

Следует оговориться, что как классовый, марксистский, подход, так и «элитизм» подтверждают правомерность существования друг друга. И обоим, — как справедливо признает профессор МГИМО(У) М. А. Хрусталёв, — «присуща высокая степень идеологической заданности… причем у второго (элитизма. — *А. П.*), как правило, латентна»[77].

Идеологичность подхода элиты особенно наглядна в международной области, как, впрочем, и латентность идеологии. В России в последние десятилетия это приобрело форму «прагматизма», которая вроде бы отрицает идеологию. На самом деле это — декларация, не более того. Идеология была присуща и в начале 1990-х годов А. Козыреву, и Е. Примакову, и И. Иванову, и «прагматику» С. Лаврову.

Особенно это заметно в дипломатии, где личные качества политического руководства и профессионализм дипломатии нередко оказываются важнее объективных реалий. Собственно поэтому политическое и дипломатическое искусство, как сочетание многих качеств — профессионализма, знаний, опыта, нравственных характеристик — играет особую, даже выдающуюся роль в истории человечества. Среди таких качеств одно из важнейших — адекватность лиц, принимающих политические и дипломатические решения. В том числе адекватность в целеполагании и выборе средств внешней политики. Так, по оценкам участников, во время встречи российской делегации с представителями сирийской оппозиции в сентябре 2011 года, последние с большим трудом были способны сформулировать собственные цели. «Все ограничивалось декларациями, что главное — свергнуть „кровавый режим“ и зажить по-демократически»[78]. Удивительно напоминает российскую ситуацию начала 90-х годов XX века!

В Прологе к своей книге А. Коржаков привел пример, как один из депутатов Госдумы (эта был я) поблагодарил его за первую книгу как «очень полезную для будущих историков». Сегодня очень важно знать, **как именно и кто именно** делал внешнюю политику России в предыдущие 20–25 лет, потому что нынешние международные реалии, особенно в области безопасности, стали следствием провальной российской реальной политики, точнее — результатом отсутствия такой национальной внешней политики.

Последнее обстоятельство очень важно, ибо правящая элита не воспринимает абстрактно международные реалии (если она, конечно, не оторвана от нации и государства, как в России). Она рассматривает их через призму национальных интересов и формируемых на их основе политических целей. В формате официальных документов эти положения закреплены в Концепции внешней политики и военной доктрине России, которая, надо сказать, прошла известную эволюцию от малореалистичных

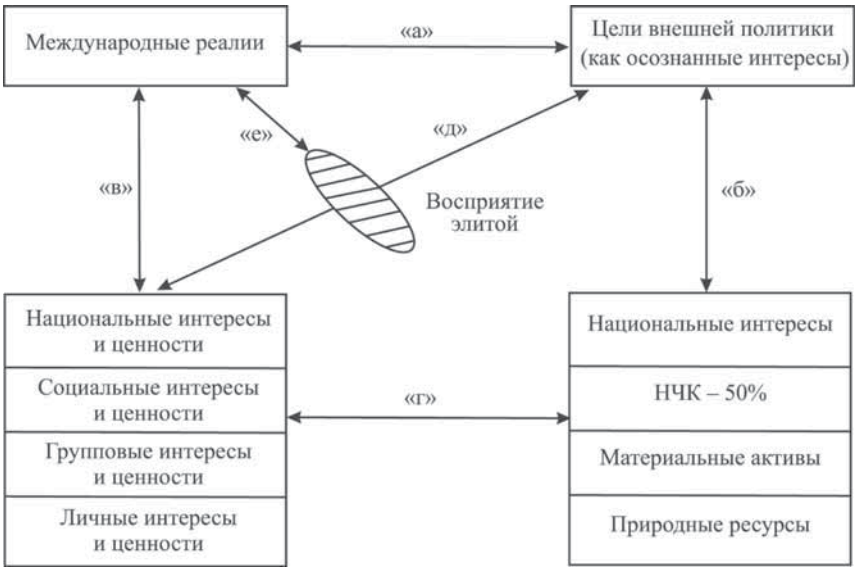


Рис. 9.

деклараций до вполне реального документа, отражающего современные реалии. Военная доктрина, утвержденная Д. Медведевым, стала вполне рабочим документом, хотя ее реализация и не была последовательной. Как признают исследователи МГИМО(У), «Принятие новой военной доктрины России вызвало неоднозначную реакцию в государственных, в частности военно-политических структурах Запада, а так же, как в международном, так и в российском научно-экспертном сообществе.

Оценки новой редакции российской военной доктрины и ее вероятного воздействия на геостратегическую ситуацию в целом подтверждают, что направленность и содержание доктрины восприняты как реальный ответ на евроатлантические установки и акции США и НАТО в сфере безопасности и обеспечения региональной стабильности.

Западный анализ новой российской доктрины сводит ее основную характеристику к тому, что, в отличие от двух предыдущих доктрин редакции 1993 и 2000 годов, НАТО вновь рассматривается, как и «во времена холодной войны, в качестве главного противника». Определение российской доктриной Запада как главной опасности, „почти как угрозы", явилось, по мнению западных аналитиков, разочаровывающим продолжением старого мышления»[79].

Вместе с тем обращает на себя внимание, что внешняя и военная политика России отнюдь не всегда в 2010–2011 годы являлись практической реализацией системы взглядов, изложенных в военной доктрине, которая должна была бы стать руководством.

Точнее — должна была стать таким руководством. В известном рисунке, на котором изображено это взаимодействие системы взглядов и практической политики идеальная ситуация выглядит следующим образом (рис. 9).

Что же видно из этого рисунка применительно к политике правящей российской элиты последних десятилетий?

Первое, самое главное, — российская элита при формулировании политических целей исходила не из национальных или государственных интересов и даже не из своих социальных, классовых, а из **личных** интересов. Для М. Горбачева это были его личные амбиции, для Б. Ельцина — личная власть[80]. Для В. Путина и Д. Медведева — групповые, клановые интересы, которые выдавались за национальные. То есть интересы более низкого порядка, чем национальные.

Национальные интересы, приоритет которых имеет не только бесспорное, но и долгосрочное значение, оставались не понятными, не осознанными и не нужными. А что же является главным национальным интересом. Ответ неизбежен — воссоединение русского народа. Как образно писал Н. Я. Данилевский, «Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих органов, должен считаться политическим калекою»[81].

Россия не только остается «политической калекою», но и ее элита даже не пытается сформулировать в качестве своей приоритетной задачи «собрать воедино свои части», тех десятков миллионов русских, которые оказались брошены или предоставлены своим жалким национальным элитам на растерзание на Украине, в Прибалтике, других бывших советских республиках, каким-то чудом оказавшихся независимыми государствами.

И эта проблема тесно связана с идеологией. Или, как справедливо заметил В. Чаплин, «с идейными основами нашей государственности, дискуссией об общественном укладе России, дискуссии о том, как народ и элиты могут участвовать в строительстве общего дома»[82].

При В. Путине и Д. Медведеве, казалось, что национальные интересы начали выходить на приоритетное место. Это показала Чечня, мюнхенская речь В. Путина, отношение к бывшим советским республикам, наконец, грузино-осетинский конфликт. Но и здесь не произошло главного — окончательного **осознания** национальных интересов России, а, как следствие, предпочтение других интересов — социальных, групповых, личных — национальным.

Следует, правда, оговориться: этот процесс шел не прямолинейно, что позволяет, например, некоторым ведущим аналитикам Запада утверждать, что «Я никогда ни на секунду не сомневался в том, что на самом деле страной управляет Путин. Именно он являлся вдохновителем всего этого, зачинщиком всего этого. Однако я скажу вот еще что: если бы в 2000 году Путина бы сбила машина, появился бы иной Путин. Направление, в котором он заставил двигаться Россию, перестраивая аппарат безопасности с целью контроля над государством, перестраивая государство для контроля над страной, перестраивая Россию с целью доминирования на территории бывшего Советского Союза — это было естественное направление, естественный путь, которым бы последовал любой российский президент»[83].

Не думаю, что это было сделано сознательно. Скорее от неспособности правящей элиты ясно определить существо национальных интересов. Ведь нельзя же всерьез считать, что демократическое развитие России, о котором много говорили эти лидеры, является главным национальным интересом. Как и «обеспечение прав и свобод граждан» и прочая словесная эквилибристика, которая, кстати, декларируется главной ценностью развитыми западными государствами. Вектор «д», объективно главный, превратился в примитивно личный интерес.

Подлинный национальный интерес — опережающее развитие и собирание нации, ее НЧК, — так и не стал за 10 лет приоритетом.

Второе. Исходя из такой оценки национальных интересов, в правящей российской элите формировались уже не только цели, но и отношение к национальным ресурсам. Откровенное игнорирование главной части национального богатства (ресурсов) НЧК — характерная черта российской элиты. Ярким

примером такого отношения стало сокращение, фактический развал ГРУ, где были ликвидированы целые направления деятельности и коллективы, а идеологическая и политическая мотивации фактически ликвидированы. Как признает один из ветеранов ГРУ, «Разведка сегодня переживает очень непростое время. Главная проблема сегодняшней разведки — размывание мотивации и убеждений, той веры, без которой невозможна работа разведчика. Людям всё труднее объяснять самим себе, что же они защищают, — свою страну или интересы конкретных финансовых и политических групп.

С каждым годом разведку всё больше привлекают к обслуживанию и защите коммерческих интересов вполне конкретных фирм и концернов. И можно долго самому себе доказывать, что ты защищаешь интересы России, действуя в интересах банка или нефтяного концерна, но когда по специфике своей работы знаешь, куда, на какие счета уходят прибыли от операций, которые ты прикрываешь, становится очень трудно сохранять убеждения и внутреннюю целостность»[84].

Все внимание было сконцентрировано на приватизации природных ресурсов и материальных активов, их изъятия из национальной собственности и передача в частные руки и иностранную собственность. Пример тому — проведенная приватизация. В посвященной этой теме специальной работе в 2005 году я писал, что «первостепенное значение в рыночной экономике имеет то, как предприятие работает (какова его экономическая эффективность), а не форма собственности…»[85]. Это отличает приватизацию (или национализацию), проведенную в национальных интересах от любой другой приватизации. В частности, российской, когда собственность была роздана по дешевке, причем нередко иностранцам. А. Коржаков, ссылаясь на Б. Ельцина, признает, что многое было сделано под прямую диктовку МВФ, в ущерб национальным интересам России.

Соответственно развитие ресурсов НЧК не входило в систему приоритетов правящей элиты и ее внешней политики. По простой причине: национальный человеческий капитал **нельзя продать**, он не отчуждаем. Его нельзя положить на зарубежные счета или сделать своей собственностью. Значит, следуя логике правящей элиты, он не нужен. Не удивительно, что наука, культура образование, здравоохранение, как и демографическая ситуация в целом, в 90-е и последующие годы пришли в катастрофическое состояние, а болезни и самоубийства дошли, даже по оценкам западных экспертов, до критерия «эпидемия». Вектор «г» оказался искаженным, даже извращенным. Примечательно в этой связи мнение чиновника — долгожителя М. Швыдкова, который в сентябре 2011 года признал, что «впервые (26 сентября на первом международном форуме „Культура как ресурс модернизации“) за новейшую историю нашей страны целых три дня будут обсуждать значение общественного капитала (НЧК. — *А. П.*), то есть культуры, науки образования в создании процветающего общества и государства»[86].

Такой подход нанес колоссальный вред не только развитию России, но и ее внешней политике, ведь роль НЧК страны как инструмента внешней политике в XXI веке стремительно возрастает Россия может претендовать на роль мирового культурного и духовного (а значит и идеологического) лидера, что во многом компенсирует ее слабые технологические и экономические позиции.

Третье. Если национальные интересы подменяются групповыми или личными, то, соответственно, практически исчезает национальное целеполагание. Точнее, оно заменяется целеполаганием внешних факторов. Применительно к России последних лет это означает, что национальные цели были подменены иными, внешними, навязанными России извне. На рисунке это означает, что вектор «а» значительно сильнее вектора «д», доминирует над ним.

Думаю, что эта тенденция во многом сохранилась и при В. Путине и Д. Медведеве, хотя объективно — внутриполитическая стабилизация в России, рост ВВП, избавление от финансовой зависимости от МВФ и т. д. — эти внешние факторы ослабли и привели к равновесию векторов «а» и «д» в первом десятилетии. То есть неизбежности такой политики не было.

В этом смысле внешняя политика Д. Медведева мало отличалась от политики В. Путина. Что и было отмечено американскими дипломатами в докладе Госдепу: «Самостоятельный путь Медведеву к переизбранию становится все уже, так как он избегает шагов, способных дестабилизировать ситуацию — например, смещать со своих постов главных сторонников Путина или вносить изменения в политическую систему. Это в свою очередь делает его второй срок все более зависимым от путинской поддержки. И хотя некоторые аналитики, вроде Станислава Белковского или главного редактора „Нового времени“ Евгении Альбац оптимистично считают, что у Медведева достаточно времени обзавестись значительным контингентом сторонников, назначенных на влиятельные места, другие все больше приходят к убеждению, что его личные отношения с Путиным ограничивают его возможности и желание инициировать борьбу за контроль над бюрократией или реформировать политическую систему. В подтверждение своей точки зрения, что Медведев опирается на путинскую бюрократию, Крыштановская в интервью „Эхо Москвы“ заявила, что из 75 наиболее влиятельных постов в правительственной иерархии только 2 занимают люди, лично приверженные Медведеву»[87].

Наконец, **четвертое**. За последние 20 лет стремительно усиливался вектор «е», который превратился из обычного фактора влияния, в фактор **управления** российской элитой.

Если происходит прямое воздействие международных реалий на представления российской (либо

иной) элиты, то это означает только одно: **правящая элита не является национальной**. Она неадекватна. Она действует под прямым, непосредственным влиянием внешних факторов и превращается из субъекта внешней политики в его объект. В данном случае — объект управления.

Сначала от этого фактора попытался избавиться В. Путин. Во время своего второго срока, уже после избавления от зависимости МВФ и восстановления управляемости в стране, он сделал попытку возвращения политики России к политике, основанной на национальных интересах, Но даже выздоравливающая Россия не могла стать равноправным партнером, а тем более вернуть себе статус великой державы и все атрибуты суверенитета. Можно сказать, что попытка В. Путина вернуть России статус СССР не удалась. Россия в лучшем случае могла более активно защищать свои национальные интересы, чем при Б. Ельцине, не более того. У нее не осталось союзников, ее доля в мировом ВВП не превышала уровень Италии, а по ИРЧП она находилась в числе развивающихся государств.

Стремительно нарастала и внешняя угроза, которую упорно не хотели замечать. В 1990-е и нулевые, особенно ярко в 2011 году, развитие страны **меняли мир** в соответствии со своими представлениями и нормами. Исключениями являлся Китай, Индия, Бразилия, и лишь отчасти Россия. «Арабская весна» 2011 года показала, что этот процесс набирает еще больше обороты и отнюдь не ограничится странами, которые причисляют к международному терроризму. Как ярко заметил С. Кургинян (чьи эмоции иногда вполне научно объясняют реалии), «Международный гангстер, международная элитная мразь, сплотившаяся вокруг него, вошедшие в альянс с этой мразью нелюди — не успокоятся. Они придут к нам в дом. **Очень скоро придут. Главы государств, которых я, повторяю, вовсе не осуждаю за сдержанность, сколько угодно могут говорить о просвещенности интеграционных инициатив. Но если они не впали в сладкую кому — то перспектива оказаться трупами, лежащими на обозрении в супермаркетах, должна быть им ясна. Но не менее ясна и перспектива народов. Хорош был или нет Мубарак — но то, что будет без него, окажется многократно хуже. Хорош был или нет Каддафи — но то, что будет без него… это нечто!**»[88]

Действительно, не случайно период 2011 года характеризуется не только яркими и трагическими событиями «арабской весны», но и… стремительным усилением интеграционных процессов, в основе которых лежат не только объективные факторы, но и опасения элит постсоветских государств.

Следующую попытку предпринял Д. Медведев. Она исходила из того, что политика защиты национальных интересов должна основываться на следующих принципах (так нигде в полной мере и не озвученных):

— «вписывании» России в Европу и ее институты, мягкую интеграцию с ведущими европейскими государствами, поиск взаимных интересов и точек соприкосновения интересов;
— декларирование модернизации основных производственных активов и общественно-политических институтов как средства модернизации страны и как инструмент вхождения в Европу;
— развитие отношений «по всем азимутам» как средства многовариантности внешней политики и усиления ее влияния в неевропейских регионах;
— модернизация военной силы и военная реформа;
— наконец, создание международно-правовых норм и институтов, которые компенсировали бы России ее международную слабость и предотвращали бы возможную изоляцию страны.

Что же общего, что объединяет столь разных представителей советско-российской элиты, формировавшей внешнеполитическую стратегию сначала СССР, а потом России? На мой взгляд, два обстоятельства. **Во-первых**, у них у всех не было внятной идеологии. Идеологии как **системы политических** взглядов на будущее развитие нации и государства. Ни у М. Горбачева и его окружения, среди сторонников которого были и откровенные антикоммунисты — А. Яковлев, Э. Шеварднадзе и пр. И «прагматики», не имевшие ни политического опыта, ни чутья, типа Н. Рыжкова. И коммунисты-реформаторы, и… Как справедливо заметил Н. Рыжков, «Это были не единомышленники в решении государственных задач, а люди, несовместимые в своих взглядах и устремлениях»[89].

Не было такой идеологии и у Б. Ельцина. Точнее, его идеологией была власть. Власть любой ценой. И ни малейшего представления о будущем страны, ее национальных интересах, целях, стратегии развития. Соответственно и команда Б. Ельцина (если ее можно назвать командой) объединяла либералов-западников, чиновников, силовиков, демократитов-патриотов, авантюристов и Бог еще знает кого. Из всех них идеология, как система взглядов, была только у неолибералов. Правда, к национальным интересам России она не имела отношения.

Но и у В. Путина и Д. Медведева тоже нет идеологии. Более того, они ее и не хотят иметь, предлагая взамен национальной идеологии суррогаты вроде «семейных ценностей» и «демократического развития». При этом дальше общих слов о том, что «ничего невозможно перетащить на нашу почву, мы должны сами создать свою современную демократическую систему»[90], дело так и не пошло: «модернизация» политических институтов при Д. Медведеве более походила на осторожные движения гримера, который боялся что-то серьезно изменить в облике клиента.

Что важно, — нет до сих пор идеологии модернизации. Как справедливо замечает эксперт МГИМО(У) М. А. Козлова, «При разработке стратегии модернизации, основанной на догоняющем развитии, встаёт

вопрос и о том, какие именно страны нужно догонять? Самые передовые или стоящие ближе по уровню развития? Ранее большинство учёных придерживались теории о линеарном развитии, предполагающей, что все общества можно выстроить вдоль единой оси, идущей от традиционности к современности (понимаемой как распространение европейских институтов и технологий). Но в 1970–1990 гг. получили распространение и многолинейные модели модернизации. Так, С. Хантингтон на примере азиатских стран стал обосновывать возможность „модернизации без вестернизации". В этом случае модернизация происходит без отрыва от исторических корней и национальных традиций. К. Мюллер указывал на необходимость рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной „исторической констелляции". Э. Тирикьян, в свою очередь, отмечал важность социокультурной традиции в качестве важного фактора развития.

В качестве реальной опасности С. Хантингтон выделял «вестернизацию без модернизации», то есть поверхностное усвоение западных принципов и разрушение собственных культурных традиций без восприятия западных культурных устоев.

С этим нельзя не согласиться, поскольку успешное и эффективное развитие обществ возможно лишь на базе ценностей и традиций, объединяющих общество. Макс Вебер обосновал значимость протестантской этики для развития капиталистических отношений в Европе. Пуританские идеалы способствовали становлению американской нации на ранних этапах ее развития. В азиатских странах конфуцианские традиции, уважение к строгой иерархии, коллективизм содействовали быстрому их индустриальному взлету. В России же попытка перенять западные ценности приходит в противоречие с традициями коллективизма, взаимопомощи, исторической склонностью к патернализму»[91].

Во-вторых, у всех них не было осознания приоритета национальных интересов и ценностей перед другими интересами — социальными, групповыми, личными. В лучшем случае эти интересы отождествлялись с национальными и государственными. Так, как у Людовика XIV, говорившего, что «Государство — это я». Или у В. Черномырдина, думавшего, что «Газпром» — это Россия. Или у Б. Ельцина, считавшего, что он и есть Россия.

В. Путин, правда, утверждал не раз, что он «на службе у государства». Но вот в чем вопрос: какого государства? Государство, как один из институтов нации, может быть очень разным. В том числе и неадекватным по отношению к нации. Как и государственные интересы могут противоречить национальным. Вопрос заключается в понимании приоритетности одних интересов по отношению к другим.

Д. Медведев, как президент-юрист, также отдает предпочтение форме над содержанием. В данном случае — международно-правовой. И нередко это происходит при недооценке национальных интересов, которая идет из-за неверно понимаемых правовых норм. Вот почему у него нередко звучат мысли о приоритете демократического развития. Приоритете над национальным?

Из этих принципов действующего президента России о необходимости создания новой архитектуры безопасности следует, как минимум, несколько выводов. На мой взгляд, не менее принципиальных.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что инициатива Д. Медведева не является рядовой инициативой, хотя вполне определенные силы и пытаются представить её таковой. Она имеет стратегический — системный и долгосрочный — характер. Она отражает вполне адекватное восприятие российской элитой результатов развития человечества и международных отношений в начале XXI века, а также, естественно, развитие самой России, ее положение в мире в начале XXI века.

Радикальное ослабление позиций России в мире в последние 20 лет, с одной стороны, и усиление позиций других центров силы, стран и союзов (Евросоюза, Китая, США и др.), с другой, привело к **фактической девальвации существующих институтов безопасности, созданных после Второй мировой войны**.

Применение военной силы в Ираке, Афганистане, Югославии в одностороннем порядке привело к тому, что де-факто существование не только созданных институтов безопасности (Совбеза ООН, ОБСЕ), но и всей международно-правовой системы было поставлено под сомнение. Россия в начале XXI века осталась вне союзов, вне международных гарантий, фактически предоставленная сама себе.

В этих условиях возрастает, во-первых, значение национальных возможностей и ресурсов, прежде всего национального человеческого потенциала, а, во-вторых, появляется объективная потребность в создании **новой, дееспособной архитектуры международной безопасности**. Как международно-правовой норме, компенсирующей относительную слабость России. Это — в идеале. Я бы сказал, — в абстрактном идеале.

Инициативу Д. Медведева в этой связи следует рассматривать в качестве **долгосрочной стратегической цели**, достижение которой будет зависеть не только от готовности партнеров, но, скорее, **от усиления возможностей, в том числе внешнеполитических, самой России**. Цели, которая, скорее всего, будет недостижимой. Во всяком случае полагаться на то, что такая система защитит в ближайшем будущем национальные интересы России — наивно. Наивно думать, что эта идея понравится тем государствам, которые **уже** создали для себя систему безопасности.

Кроме того, это высказывание — свидетельство своего рода завершение определенного этапа переоценки российской элитой целей и приоритетов внешней политики страны. Что полностью под-

твердилось на встрече Д. Медведева с послами в июле 2010 года в МИДе. На мой взгляд, проблема модернизации, поставленная на этой встрече Д. Медведевым, означает признание им необходимости концентрации всех ресурсов страны (включая дипломатических) для усиления экономических, социальных и военных возможностей страны. В этой связи модернизация, с внешнеполитической точки зрения, рассматривается как процесс усиления российских позиций в мире через укрепление экономических возможностей России. При сознательном ограничении внешнеполитических амбиций.

Это — вполне «китайская» логика. Именно в КНР уже 40 лет придерживаются стратегии концентрации всех усилий, в том числе внешнеполитических, на модернизации страны. При этом подчеркивается необходимость «не показывать знамен». До поры до времени. Избегать не только конфронтации, но и возможного ухудшения международного климата, которое могло бы помешать модернизации.

Вплоть до самого последнего времени этой стратегии не только четко придерживались, но она приносила Китаю весомые дивиденды. Общепризнанно, что КНР получала за последние годы максимальные выгоды от модернизации. Исключения в такой политике делались только для «жизненно важных» интересов:

— сохранению контроля политической элиты Китая над ситуацией в стране;
— сохранению территориальной целостности;
— поддержанию суверенитета Китая в мире и, в частности, в международных организациях.

Проще говоря, правящая китайская элита сознательно **ограничила** до поры до времени свои внешнеполитические амбиции в интересах модернизации. И только к концу 2010 года, после того как КНР стал второй экономической державой мира, в правящей элите страны началась осторожная дискуссия о необходимости «более активной» внешней политики Китая.

Россия традиционно продолжает политику СССР, которая заключалась в игнорировании национальных интересов. Начиная с развала СССР, признания независимости бывших советских республик, эта политика остается традиционно-инерционной. Как признают исследователи МГИМО(У), «…главный из просчетов, связанных с признанием независимости стран Балтии, состоял в том, что в тот исторический момент, когда возможности для закрепления нормального правового статуса людей, не по своей вине оказавшихся в чужой стране, объективно существовали, российское руководство не сумело (или не захотело) их использовать, бросив своих соотечественников по существу на произвол судьбы. Причем бросило в той атмосфере усиливавшейся неприязни, которую ощущали русские, особенно впервые годы независимости этих стран, в связи с тем, что именно на них переносилась ответственность за все ошибки и власти в советский период.

Подобного прецедента в мире не было. Ни Франция, когда уходила из Алжира, ни Великобритания — из Индии, ни Испания, Португалия и Бельгия — из своих колоний, не оставляли своих граждан на произвол новых властей»[92].

И второе. Понятно, что в период ограничения внешнеполитических амбиций, следуя «китайской» логике, необходима активизация деятельности международных институтов безопасности или создание новых институтов, способных компенсировать ослабление национальных возможностей. Хотя бы на время. Пока Россия окрепнет, ибо объективно в этот период способность защитить свои национальные интересы в мире ослабевает. Следуя этой логике, создание новой международной архитектуры безопасности определенно выгодно России. Но это выгодно не только ей.

Прежде всего это выгодно тем странам, которые сегодня не входят в существующие союзы и объединения, обеспечивающие совместную безопасность. А таковых большинство. Строго говоря, это все страны, не входящие в Североатлантический блок. Они, так или иначе, вынуждены рассчитывать только на себя и «мировое общественное мнение», которым развитые страны, как показывает недавняя история, могут успешно манипулировать.

В этой связи обращает на себя внимание, безусловно, адекватная и очень перспективная идея, выдвинутая В. Путиным в сентябре 2011 года, о создании Евразийского сообщества. Это — долгожданная политико-идеологическая инициатива, хотя в ее основе лежат, вроде бы, вполне прагматические цели, — создание эффективного Таможенного союза и в перспективе Евразийского экономического союза.

Главы правительств России, Белоруссии и Казахстана документально закрепили намерение создать Евразийский экономический союз, подписав соответствующую декларацию. Отвечая на вопрос «Известий», Владимир Путин заявил, что ЕЭС может быть запущен уже в 2015 году при условии, что работа по его созданию будет идти так же интенсивно, как и в случае с Таможенным союзом[93].

Ключевой же темой, поднятой на встрече глав правительств трех стран в октябре 2011 года, стал **следующий этап их интеграции — договор о Евразийском экономическом союзе, опорой которому послужит правовая база ТС и Единого экономического пространства**. «Именно на этой основе в дальнейшем должен быть подготовлен договор о Евразийском экономическом союзе — всеобъемлющий комплексный документ, охватывающий все **направления нашего сотрудничества**», — считает российский премьер. Договор включит и те сферы, где накоплен большой совместный опыт, например, таможенно-тарифное регулирование, и те, где взаимодействие только будет развернуто: например, миграционная и визовая политика. Все это даст стимул к тому, чтобы Евразийский экономический

союз, как выразился руководитель Белого дома, стал мощным объединением — **одним из лидеров промышленного и технологического развития современного мира**. По мнению Путина, эти цели могут быть реализованы на рубеже 2015 года. Не откладывая дело в долгий ящик, главы правительств рассмотрели проект декларации о формировании Евразийского экономического союза, чтобы в декабре 2011 года лидеры государств также могли ее рассмотреть и, возможно, принять»[94].

Важно отметить, что в этот процесс должны быть вовлечены другие страны СНГ (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения и Украина). Понятно, что большим препятствием перед национальными элитами станет создание наднациональных органов, которое будет неизбежно, и единой валюты. Как признает К. Затулин, «наднациональный уровень на определенной стадии интеграции просто неизбежен»[95].

Параллельно идет процесс укрепления институтов СНГ (куда входят 11 из 15 бывших советских республик, за исключением Грузии (до 2009 г.) и Прибалтийских государств).

Главы правительств стран СНГ 18 октября в Петербурге подписали договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества. Согласие по этому документу было достигнуто ранее, в тот же день на встрече глав правительств СНГ, передает «Интерфакс». **Как заявил российский премьер Владимир Путин, речь идет о создании нового фундамента торгово-экономических отношений в рамках СНГ**.

«Это фундаментальный договор, который будет лежать в основе торгово-экономических отношений наших стран», — сказал премьер РФ.

Участники заседания Совета глав правительств СНГ приняли еще 28 документов. В частности, подписано соглашение об основных принципах политики в области валютного регулирования, валютного контроля в государствах СНГ.

Также утверждено решение о концепции стратегического развития железнодорожного транспорта стран СНГ до 2020 года.

Подписано соглашение о Единой системе учета граждан третьих государств и лиц без гражданства, въезжающих на территорию стран СНГ, и соглашение о порядке пересмотра степени секретности сведений, засекреченных в период существования СССР.

Кроме того, принято решение о выделении в 2012 году ассигнований на создание и развитие объединенной системы ПВО государств СНГ[96].

Но, в действительности, новая архитектура международной безопасности будет выгодна и развитым странам.

Во-первых, существующий эгоизм и порядок, очевидно несправедливый, сказывается и на развитых странах. Не случайно в последние десятилетия они демонстративно принимают программы помощи развивающимся странам. Кризисы, нестабильность в различных регионах планеты мешают глобальной экономике, стимулируют появление новых угроз и рисков, что, в конечном итоге, ведет к потере контроля за ситуацией со стороны Запада.

Во-вторых, стремительное изменение соотношения сил в мире неизбежно ведет к появлению новых региональных центров силы. И не только Китая, Индии, Бразилии, России, ЮАР. Их усиление также неизбежно скажется на активизации их внешней политики, появлению новых союзов, которые будут иметь свою внешнеполитическую позицию, не совпадающую с позицией развитых стран.

Поэтому развитие международного сотрудничества «по всем азимутам», наблюдаемое в 2009–2011 годах, — объективная необходимость. Причем не только для России. Такая внешнеполитическая активность Д. Медведева и В. Путина, которые превратили встречи на высшем уровне в разных форматах фактически в регулярные консультации — от лидеров ведущих стран (особенно Германии, Франции) до лидеров Туркмении, Кореи, Венесуэлы — свидетельство ставки России на развитие двустороннего и **многостороннего сотрудничества** (Другое дело реальная эффективность таких встреч, которая у многих наблюдателей вызывает скептицизм). «Сотрудничество» — ключевое понятие, характеризующее основную ставку Д. Медведева и В. Путина на обеспечение международной безопасности России и защиту ее национальных интересов. Его внешнеполитическая логика могла бы быть изображена, на мой взгляд, на рис. 10.

Сотрудничество как **самоценность**, как главная внешнеполитическая цель — характерная черта внешней политики В. Путина и Д. Медведева. Смущает только два обстоятельства.

Первое. Сотрудничество как самоцель не должно идти в ущерб национальным интересам России.

Рис. 10.

Сотрудничество не должно вести к отказу ни от национальных интересов, ни односторонним уступкам. В противном случае российская внешняя политика станет аналогом горбачевской политики односторонних уступок.

Второе. Строго говоря, сотрудничество не может быть целью. Это средство внешней политики. И неизбежно наступает время, когда встает вопрос о **качестве** такого сотрудничества. Так, вступление в ВТО для России, видимо, неизбежно, но условия такого вступления не случайно обсуждаются почти 20 лет. Очевидно, что используя слабость России, нам пытаются навязать невыгодные условия, т. е. некачественное сотрудничество.

4. Безопасность через деидеологизацию: модернизация как «технологизация»

Я думаю, что мы сползаем к интенсификации социальных конфликтов, социальной враждебности и различным формам радикализма[97]
З. Бжезинский

Можно соглашаться или не соглашаться с сущностью идеологии в советский период, но не уйти от крайней необходимости создания идеологической надстройки над нашим обществом[98]
Е. Примаков

Политико-идеологические установки национальной элиты изначально определяли подход к национальной безопасности. Даже в тех случаях, когда правящая элита формально отказывается от любых политико-идеологических установок, либо в качестве таковой провозглашает абстрактную модернизацию, которая в 2010–2011 годы стала внешнеполитической идеологией России. Практика немедленно вносит свои существенные коррективы. Как справедливо пишет А. Пушков, «Должны ли мы опять же ради модернизации пойти на поддержку Соединенных Штатов по Ирану? И, если да, то как далеко? И если завтра встанет вопрос уже не об ограниченных, а о „парализующих“ санкциях или даже о военных действиях против Ирана? Ведь он вовсе не снят с повестки дня. Как нам себя вести в этом случае?

Должны ли мы во имя задач модернизации и налаживания отношений с Западом отказаться, например, от нашего негативного подхода к продвижению НАТО на восток? Одобрить присоединение к альянсу Украины? Изменить, дабы не раздражать американцев, наше отношение к режиму Саакашвили, повинному в гибели российских граждан? Или подписать с ЕС невыгодную нам Энергетическую хартию? Или отказаться от признания Абхазии и Южной Осетии на том основании, что это признание не нравится нашим западным партнерам?

Словом, как только этот общеидеологический посыл начинают рассматривать на конкретном уровне, то выясняется, что подчинить **внешнюю политику исключительно задачам модернизации совершенно невозможно. На уровне конкретной политики возникают практические задачи, которые нельзя решать в этом диапазоне**»[99].

Аналогичные идеологические основания существуют и в развитых странах. Даже в тех, где упорно говорят о партнерстве и отсутствии глубоких идеологических расхождениях с Россией. В этом смысле со времен Н. Данилевского мало что изменилось. Если в XIX веке Н. Данилевский задавался вопросом: «Права или не права Европа в том, что считает нас чем-то для себя чуждым?»[100], то в XXI веке, по признанию известного немецкого юриста К. Шмита, «часто европейская политика… демонстрирует значительную степень настороженности по отношению к России, которую можно объяснить лишь идеологическими предубеждениями»[101]. С точки зрения политико-идеологической, за два века мало что изменилось.

Даже если они не озвучиваются неизбежно и существуют в латентной форме или маскируются «прагматизмом». Существует великое множество позиций по отношению к идеологии — от «добровольной мистификации» (К. Манхейма) и «опиума для интеллектуалов» (Р. Арона) до «идеологической гегемонии» (А. Грамши)[102]. Нередко в новейшей российской истории это происходило на примитивно-вульгарном уровне. Приведу простой пример. В конце 1980-х годов либерально-демократическая общественность активно утверждала, что «Россия сухопутная держава, которой не нужен океанский флот». В результате во многом именно поэтому были ликвидированы авианосные соединения, а из четырех самых мощных в мире атомных крейсеров проекта «Орлан» в строю остался только «Петр Великий». Сегодня, когда пересмотрена эта позиция, суда спешно расконсервируются и модернизируются[103].

К 2011 году в России сложилось, как минимум, несколько подходов к обеспечению безопасности. При этом большинство из них вполне адекватно оценивало перспективу развития соотношения сил

в мире и видело острую необходимость в модернизации. Но вот тут-то (в оценке модернизации, ее сути, последовательности и т. п.) в элите наметились существенные расхождения, которые были усугублены неизбежной необходимостью перераспределения национальных ресурсов в интересах модернизации.

Основные три течения, которые доминировали в российской элите, и представители которого активно заявили о себе в конце 2010 и 2011 году, были следующие.

Модернизация как технологизация и деидеологизация (Д. Медведев, В. Путин и др.). Их представители не связывают будущее России с развитием креативного класса и национальным развитием. Даже мегапроект создания «мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира»[104] (Евразийский союз), выдвинутый В. Путиным в октябре 2011 года, всячески дистанцировали от его главной, политико-идеологической составляющей, «упаковывали» в технологическую оболочку. Как писал в октябре 2011 года В. Путин, «Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими, как ЕС, США, Китай, АТЭС, — обеспечивать устойчивость глобального развития»[105].

Новый проект, как и все предыдущие, игнорирует культурно-духовную составляющую, акцентируя внимание на экономическом аспекте. Между тем модернизация **вне** национально-ценностной системы невозможно. Что хорошо понимают, например, китайские коммунисты. Как пишет известный российский экономист В. Д. Андрианов, «в 2010 г. китайские коммунисты приняли новый моральный кодекс строителей китайского коммунизма, в котором 52 пункта, большинство которых предназначено для борьбы с коррупцией.

С целью повышения эффективности борьбы с коррупцией в 2007 г. в системе Госсовета КНР было создано Государственное управление по предупреждению коррупции. Создание специализированного органа в системе исполнительной власти КНР координирует работу в данном направлении в различных органах государственной власти, расширяет сферу антикоррупционной деятельности и возможности предупреждения коррупции.

Для борьбы с коррупцией руководство Китая возрождает и популяризирует **конфуцианские ценности и традиции, прежде всего чувство долга перед государством и обществом, неподкупность и др.**»[106].

Реальное отсутствие такой очевидной связи сегодня, однако, вызывает острое беспокойство, ибо как раз о развитии креативного класса никто в правящей элите России всерьез и не думает. Хотя между путинской и медведевской представлениями о модернизации есть и различия. Так, М. Леонтьев, например, считает их даже принципиальными. По его мнению, «модернизация по Медведеву простроена на полной, максимально возможной адаптации России к мировым рынкам, тенденциям, структурам, в том числе и инновационным. То есть задача России — вписаться на достойном уровне в ту индустрию инноваций, которая существует в мире, и занять там какую-то нишу. Эта позиция (притом, что она амбициозна) вторична, потому что все транснациональные структуры имеют своего хозяина, бенефициара. Их управляющие системы находятся за пределами России. И даже если они нас возьмут в достойные подрядчики, конечными бенефициарами и центрами инноваций мы не будем никогда. Но эта позиция прагматична, адекватна, рыночна и, как многие считают, реалистична»[107].

На мой взгляд, М. Леонтьев очень точно обозначил подход Д. Медведева и его окружения, как и их мировоззрение.

Другое дело, что, по мнению М. Леонтьева, подход В. Путина отличается принципиально: «В рамках другой концепции, которой Россия придерживалась ранее, ситуация выглядит иначе. Эта концепция построена на том, что серьезной, реальной, качественной модернизации, которая может позволить нам сохранить историческую субъектность, в такой парадигме добиться нельзя и упор надо делать на собственные силы. Почему Путин делает акцент на усилиях государства? Потому что в той картине мира, которую он видит, никто больше в модернизации не заинтересован — ни частный бизнес, ни иностранные инвесторы»[108].

«Упора на собственные силы» никто не делал. Ни А. Кудрин, который вплоть до октября 2011 года руководил финансами, ни И. Шувалов — никто ни в администрации В. Путина, ни в правительстве В. Путина. Так, именно в последние годы в ГРУ ГШ России (т. е. в «период модернизации») «были прекращены все опытно-конструкторские и научно-исследовательские работы в специализированном НИИ», а «многие возможности, по словам ветеранов, „полностью утрачены“»[109].

А, между тем, будущее соотношение сил в мире и мощь России будет зависеть прежде всего от этого фактора, можно изобразить на рисунке (рис. 11).

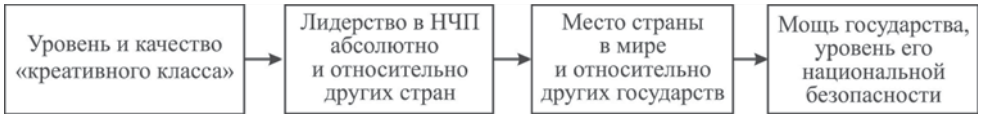


Рис. 11.

В сентябре 2010 года американский Национальный совет по разведке (NIC) обнародовал доклад «Глобальное управление–2025: в переломной точке». Интерес наших СМИ вызвало лишь шестое, вполне приемлемое, по их мнению, место России в рейтинге мировой мощи–2025. В целом первенство эксперты сохранили за США, затем следуют Китай, Евросоюз, Индия и Япония. Как справедливо заметил И. Юргенс, «в нашей прессе обошли вниманием то, что наша мощь — убывающая, в отличие от китайской или индийской». И далее: «остались незамеченными и те замечания, которые содержатся в ответах российских ученых, опрошенных NIC: Многие полагают, что российская стратегия модернизации непоследовательна, и среди людей мало веры в перемены», — так резюмированы эти ответы в докладе[110].

И, действительно, о малой вере в перемены свидетельствует неуменьшающаяся «утечка мозгов», разрушение того «человеческого капитала», на базе которого только и может развиваться отечественный инновационный сектор. Напомню цифры, недавно приводившиеся в прессе Национальной ассоциацией инноваций: российская профессиональная эмиграция в США в 2009 году составила 48 тысяч человек, в Израиль — 12 тысяч, в Австралию — 10 тысяч. Сейчас только в Соединённых Штатах **на постоянной основе трудится почти миллион российских ученых и специалистов**. А ведь уезжают, в большинстве своем, именно лучшие, те, кто создают сегодня более четверти американских технологических новинок.

Следующее направление в оценке модернизации — **модернизация как идеология, к которой я отношу себя**, целый ряд других авторов и даже политиков, чья позиция не получила в 2010–2011 годы медийной и политической поддержки, хотя активизация деятельности летом–осенью 2011 года ряда центров (Социально-консервативной политики Ю. Е. Шувалова, Социально-экономической политики В. Н. Федорова и др.) даже в «Единой России» и ОНФ, безусловно, стала заметной.

С точки зрения модернизации, эта позиция отражала необходимость создания идеологии национальной модернизации, способной обеспечить России не только технологической, но и общественно-политический прорыв. Такой прорыв, первенство по ряду направлений НТП, рассматривался в качестве обязательного условия сохранения национального суверенитета и опережающего национального развития.

С точки зрения безопасности, такая модернизация означала создание или воссоздания собственных научных и технологических школ, без которых невозможно в будущем обеспечить национальную безопасность. Приведу пример. Группа исследователей из американского университета штата Иллинойс создала модель обработки больших объемов данных на суперкомпьютере, которая позволила предсказать время и место социальных выступлений в арабских странах в 2011 году. Более того, исследователи уверены, что их модель способна предсказать социальное поведение больших групп людей, т. е. прогнозировать, а значит, во многом, и управлять социальными процессами. В том числе и в других странах. Не случайно ЦРУ финансирует деятельность агентства The Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Это не только по созвучию названия, но и по методам работы — аналог знаменитого агентства Пентагона DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency). IARPA финансирует компании и ученых, которые представляются перспективными для решения стоящих перед агентством задач. Задачи формулируются по-разному, но направлены на достижение одной цели: **технологическое и интеллектуальное превосходство США над, если употреблять советские штампы, потенциальным противником в новом, сетевом мире**[111].

И **третье направление — модернизация как либерализация** (И. Юргенс и др.). Именно это третье направление наиболее идеологизировано, а значит, создает наибольшее количество проблем, не решая их. Как заметили в свое время Е. Примаков и М. Хрусталёв,

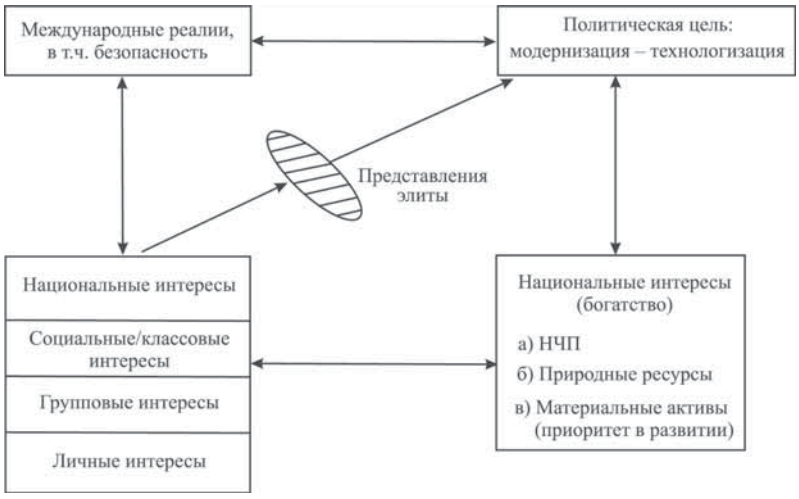


Рис. 12.

«…особенно мощным стимулятором псевдопроблем является идеология радикального толка…»[112].

«Модернизация», как заявленная политическая цель, таким образом заменила собой в реальной политике не только концепцию внешней политики, т. е. сознательно заменила собой гораздо более сложный и приоритетный идеологический и политический процесс, но и сведена во многом к примитивной «технологизации». На известном рисунке это выглядит следующим образом — см. рис. 12.

«Модернизация — технологизация» предполагает модернизацию преимущественно одного, причем не самого важного, вида ресурсов — промышленных активов, — который составляет 15–20 % всех ресурсов и национальных богатств страны. Как видно, в числе приоритетных политических целей задача модернизации НЧП не стоит. Причем эта технологическая модернизация идет через **внешние заимствования**, которые прямо противоречат интересу развития НЧП, прежде всего национальной нации и образования.

Примечательно, что собственно закупки технологий никогда не являлись решающим фактором модернизации. И в будущем таковыми точно не будут. Так, по оценке специалистов успех внедрения нанотехнологий зависит от следующих факторов[113].

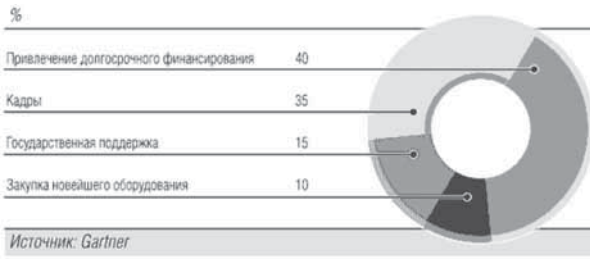


Рис. 13. От чего зависит успешность развития нанотехнологий

Как видно, внедрение нанотехнологий только на 10 % зависит от закупок новейшего оборудования, т. е. «технологизации». «Кадры» — на 350 % важнее, чем технологии, а долгосрочное финансирование (мотивация) — на 400 %.

Но интерес проявляется прежде всего к технологиям, точнее — **закупкам**. Причина понятна: на этом финансовом поле быстрее всего можно заработать.

Соответственно, с точки зрения национальных интересов, такая цель отражает не столько общенациональные интересы или даже социальные/классовые), с**колько групповые**, а именно: интересы элиты, появившейся при В. Путине и Д. Медведеве, которая не заинтересована в развитии НЧП.

Другой аспект проблемы — модернизация через заимствования неизбежно ведет к **чрезмерному росту влияния внешних факторов**. Прежде всего тех стран, которые обладают современными технологиями и знаниями. Получается, что такая «технологическая» модернизация оказывает негативное влияние, как минимум, следующим образом:

— не охватывает большинство национальных ресурсов, а лишь их незначительную часть. Не ведет к росту НЧП, повышению качества общества и госуправления, не влияет непосредственно на модернизацию использования природных ресурсов (косметические рассуждения об энергосбережении и т. п. не являются по сути политической линией, а выступают частными пожеланиями президента и премьера);
— подменяют реальную политическую цель — рост могущества нации (прежде всего за счет роста НЧП) **средством**, которым является сотрудничество. Это средство далеко не абсолютно и требует, как минимум, ответного стремления другой стороны. Это искреннее стремление может быть развито до определенного предела;
— усиливает чрезмерно влияние внешних факторов, превращая их в доминирование, подмену национальных интересов интересами развитых стран;
— меняет систему приоритетов, когда базовые, национальные интересы, уступают место групповым интересам части российской элиты.

Во многом эта технологическая логика, успешно апробированная какое-то время Китаем, совпадает с «идеологией» В. Суркова, заявившего, что «наша идеология — технология». Со всеми вытекающими из этой логики недостатками. Прежде всего в социально-политической области. Так, проведенные осенью 2010 года Центром стратегических разработок (ЦСР) исследования, показывают, что значительная часть креативного класса и часть правящей элиты по разным причинам не только не востребована и не вовлечена в процесс модернизации, но и находится в оппозиции к власти. Эту часть только в Москве оценивают в 500 000 человек![114] Даже ряд правых либералов понимает ущербность такого подхода. Прежде всего потому, что настоящих правых либералов в России мало, а партий — вообще нет. Есть компиляторы — западники, называющие себя либералами. «Следует признать, что с 1917 года в нашей стране не было правых партий..,» — пишет правый либерал Д. Дробницкий. И далее формулирует, какой должна быть социальная основа и экономическая политика правых: «Правый политик опирается на реальный сектор экономики и на средний класс. Мелкий и средний бизнес, основа среднего класса, особенно в области производства, грузоперевозок, оказания общественно значимых услуг и строительства, надо максимально освободить от налогового бремени и бюрократических процедур, сделать регулирование в областях его деятельности простым и определяемым только законами прямого действия. Должно всячески поощряться вплоть до полного налогового возмещения и бесплатного предоставления земли и доступа к инженерной инфраструктуре, инвестирование частного капитала и персонального заработка в личное жилье, образование, медицинское страхование и охрану здоровья. Стратегической це-

лью должно быть такое положение вещей, где личный успех каждого человека неразрывно связан с развитием производственных мощностей, освоением земель и увеличением общенационального богатства»[115].

Из процесса модернизации и мобилизации фактически исключается большинство наиболее способных творческих личностей, составляющих главную часть национального богатства, национальной мощи и, соответственно, возможностей обеспечить национальную безопасность. «Деидеологизация» — главная причина этому[116].

Этот огромный невостребованный ресурс, который может развивать наукоемкие отрасли экономики сверхбыстрыми темпами, **до 40 % ежегодно**. Именно это и есть реальная модернизация и опережающее развитие. Об этом я не раз писал еще в начале нынешнего десятилетия[117]. Это подтвердилось, в частности, в первой половине нового десятилетия XXI века, когда подотрасли ИКТ ежегодно давали прирост в 40 %, что в целом способно обеспечить рост ВВП до 15 % ежегодно за счет развития отечественных отраслей, т. е. реальной модернизации, в которую вовлечены отечественные мозги.

Проблема, однако, заключается в том, что на нынешнем этапе развития заимствование чужих технологий **не способно уже** обеспечить не только опережающих темпов развития, но и защиты самых основных интересов национальной безопасности. Просто потому, что заимствования всегда будут хуже и позже оригиналов, особенно в военно-технической области. Между тем, похоже, что российская элита в 2008–2011 годах избрала именно этот путь. Например, закупка французских вертолетоносцев «Мистраль» вполне укладывается в эту логику, хотя у меня возникает несколько вполне понятных вопросов:

Вопрос № 1. Зачем, для каких военно-политических задач России необходимы авианосцы и вертолетоносцы? Какова наша военная и морская доктрина, предписывающая нам тратить огромные средства на эти суда и суда сопровождения?

Вопрос № 2. Мы отдаем миллиардные заказы, чтобы поддержать французскую оборонную промышленность, вместо того, чтобы развивать собственное судостроение. Отрасль, которая за последние 20 лет практически исчезла, могла бы поучить эти заказы[118].

Вопрос № 3. Обслуживание этих комплексов также будет происходить с помощью французских специалистов, но если случится кризис (как, например, грузино-осетинский 2008 г.), когда Франция фактически поддержала ультиматум Запада в отношении России, сможем ли мы рассчитывать на сохранение контроля, прежде всего с точки зрения систем боевого управления, над этой группировкой?

Вопрос № 4. Не создавая своих военных судов, мы будем вынуждено привязаны к Франции, ее промышленности. В свое время Франция решила создавать собственные ядерные силы, опираясь на собственную технологическую базу, хотя и оставалась членом НАТО. Неужели этот урок нам ни о чем не говорит?

Наконец, главное: закупка чужой техники и технологии **вообще не является модернизацией**. Они могут стать таковыми, если отечественная политика (как и в Китае) будет предусматривать **дальнейшее развитие** этих технологий уже на отечественной базе.

Понимая это, политическое руководство страны пытается административно-финансовыми средствами «принудить» экономику к модернизации. «Сейчас, по данным ведомства Э. Набиуллиной, **46 компаний с госучастием, которые производят около 20 % ВВП, представили в министерство свои инновационные программы**. Эти программы предполагают совокупные инвестиции в инновации в 2011 году на уровне 700 млрд руб., из них 230 млрд руб. будут направлены на НИОКР. К 2013 году инвестиции вырастут уже до **1,5 трлн руб**.

Кроме того, в ближайшие дни правительство окончательно утвердит своим постановлением стратегию МЭР „Инновационная Россия–2020“. Согласно этой стратегии, доля промпредприятий, осуществляющих технологические инновации, должна вырасти **до 40–50 % в 2020 году с примерно 9 % в 2010 году; удельный вес экспорта российской высокотехнологичной продукции** на мировой рынок должен вырасти **до 2 % в 2020 году с 0,35 % в 2008 году**; валовая добавленная стоимость инновационного сектора в ВВП должна вырасти до 17–18 % в 2020 году с 12,7 % в 2009 году; доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции должна увеличиться до 25–35 % в 2020 году с примерно 5 % в 2010 году; **внутренние затраты на исследования и разработки должны возрасти до 2–3 % от ВВП в 2020 году** с 1,3 % в 2010 году, и **более половины** этих затрат должно приходиться на частный сектор»[119].

Не является, строго говоря, модернизацией и техническое переоснащение или продление сроков службы существующих технологий и видов техники. В этом смысле заявленная модернизация Стратегических ядерных сил (СЯС) России, например, является не более чем развитием существующих вооружений и военной техники, хотя, по мнению А. Арбатова, «на первом месте (среди государств, осуществляющих модернизацию своих ядреных вооружений. — *А. П.*) стоит Россия, которая только по официальным данным одновременно ведет научно-исследовательские работы (НИР), опытно-конструкторские работы (ОКР) или развертывает в боевом составе три типа МБР („Тополь-М“, РС-24 „Ярс“, новую „тяжелую“ ракету; а также систему необъявленного типа с планирующим боевым блоком для прорыва ПРО).

Флот имеет в разной стадии строительства четыре ПЛАРБ 955 проекта и две системы БРПЛ („Синева“ и „Булава-30“), а ВВС продолжают закупать ТБ типа Ту-160, испытывают новую КРВБ и планируют новый перспективный тяжелый бомбардировщик. Также

развертываются ОТР типа „Искандер“ и, возможно, другие системы носителей ТЯО.

Правда, темпы модернизации СЯС являются весьма низкими (по 10–12 стратегических ракет в год, один ТБ за несколько лет, а первая ПЛАРБ нового проекта строилась более 13 лет). Кроме того, необходимо хоть в какой-то мере восполнять сокращение численного состава СЯС на сотни единиц в год ввиду вывода из строя систем, которые развертывались крупными параллельными сериями в 70–90-е годы прошлого века. Тем не менее, такая многотипность программ выглядит неоправданно, с учетом значительно меньшего объема военного бюджета России, чем у других стран НАТО и КНР, огромных нужд модернизации сил общего назначения (СОН) и других потребностей военного реформирования»[120].

В противоположность России США не занимаются «модернизацией» своих СНВ, а продлевают их срок. Они работают над созданием качественно новых систем и видов оружия, включая ПРО. Особенно в области систем боевого управления, связи, разведки, обнаружения.

Вот почему под реальной модернизацией следует понимать не технологические заимствования, или развитие существующих технологий, а развитие прежде всего национального человеческого потенциала, способного:

— с научно-технической точки зрения, дать **качественно новые товары и услуги** (а это и есть, строго говоря, инновации по общепризнанному определению);
— с экономической точки зрения, — опережающие **темпы развития** экономики (как в Китае, например);
— с военно-политической точки зрения, создание эффективных **национальных вооруженных сил и средств**, соответствующих мировым требованиям;
— с социальной точки зрения, — вовлечения в процесс модернизации **главной движущей силы современного общества** — творческого (креативного) класса.

В целом внешнеполитическая концепция модернизации отражала профессиональную и нравственную эволюцию взглядов российской элиты в последние годы, должна провести переоценку мировых реалий и внутрироссийских особенностей развития. Как видно, многое не удалось. Что-то — только «обнаружилось», но осталось не реализованным. И, прежде всего с точки зрения роста значения НЧП и влияния общественных институтов, превратившихся в важнейшие факторы мировой политики. Более того, такая эволюция нашла свое отражение в целом ряде нормативных документов, принятых в 2008–2010 годах, например, «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», где, в частности, говорилось о том, что «Увеличение добавленной стоимости в экономике происходит сегодня в значительной мере **за счет интеллектуальной деятельности**, повышения технологического уровня производства и распространения современных информационных и телекоммуникационных технологий»[121].

Вместе с тем, повторю, у этой скромной и явно недостаточной эволюции взглядов российской элиты есть, как минимум, два существенных недостатка.

Во-первых, «технологизация» самого понятия модернизация, которая означает явно упрощенное представление, ставящее по сути знак равенства между заимствованием технологий и модернизацией. Это — ошибочная идеология, сформулированная В. Сурковым в упрощенной формуле: «Наша идеология — технология». Она, может быть, была справедлива для Китая образца 80-х годов прошлого века, не имевшего развитой научно-технической базы, но не для России, которая сохранила ещё часть огромного интеллектуального богатства СССР.

С точки зрения угроз национальной безопасности, такая стратегия абсолютно не адекватна. Она не может противопоставить этим угрозам реальный военный потенциал, который может быть создан только на основе национальной военной промышленности, НИОКР и фундаментальных исследований. Примечательно, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» эти угрозы описаны вполне объективно: «Угрозами военной безопасности являются: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на **достижение преобладающего превосходства в военной сфере**, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки» (подч. — *А. П.*)[122].

И далее в «Стратегии» говорится: «Негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов»[123].

Очевидно, что ни одна из этих угроз не может быть нейтрализована с помощью технологических заимствований.

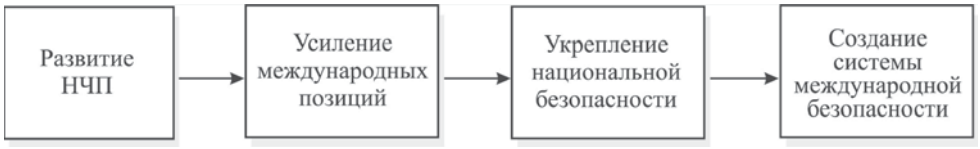


Рис. 14.

Во-вторых, такая «технологическая» идеология ведет неизбежно к принижению роли и значения национального человеческого потенциала, фактическому исключению креативных социальных слоев из процесса модернизации. В самом деле, если мы ориентированы на зарубежные достижения и заимствования, то мы неизбежно перестаем считать собственную науку и образование приоритетами. Что и произошло в России. В конечном счете такая идеология ведет к либерализации внешней политики (что отметили с озабоченностью многие российские партнеры в конце 2010 года), ее односторонней ориентации на Запад, а, в конечном итоге, к ослаблению национальной безопасности.

В этом смысле не следует питать излишних иллюзий: система международной безопасности, «новая архитектура» не может опираться только на сотрудничество, дипломатию и новые международные институты. Они лишь **дополняют** национальную мощь страны, которая в XXI веке предопределяется качеством НЧП. Причем чем выше НЧП, тем значительнее мощь страны.

В полной мере эту идею можно было бы развить следующим образом: решающим фактором, определяющим соотношение сил в мире станет **потенциал человеческой личности**, точнее — накопленный и **эффективно реализуемый национальный человеческий капитал**. Причем внешняя политика и политика безопасности недвусмысленно должны ставиться не просто на службу идее внутренней модернизации, но **именно идее развития НЧП**. Такая логическая связь может быть просто проиллюстрирована на рис. 14, где НЧП выступает в качестве инструмента влияния и даже давления.

Другими словами, НЧП выступает как вполне универсальное средство укрепления международных позиций России — в области внешней торговли, гуманитарных институтов, военно-технических возможностей (включая ВТС) и т. д., — которое становится реальным инструментом влияния России в мире. И, конечно же, главным национальным инструментом внешней политики и обеспечения международной безопасности.

Сегодня таких средств реального влияния у России почти не осталось. Попробуем провести «инвентаризацию»:

— военное превосходство («советская угроза») не существует, а фактор российской военной силы реально девальвирован;
— союзы и союзники отсутствуют;
— внешнеэкономические инструменты влияния и давления ограничены энергоресурсами;
— технологические преимущества растеряны;
— накопленное СССР влияние в общественном секторе и образовании практически исчезло;
— культурное и духовное влияние существенно ослаблено;
— идеологическое лидерство отсутствует и т. д.

Усиление внешнеполитических позиций России и формирование реально действующей системы международной безопасности возможно только тогда, когда резко возрастет **национальная мощь России**, которая сегодня, повторю, **предопределена качеством и мощью НЧП**. Развитие НЧП позволит:

— укрепить эффективность военной силы через создание высокотехнологичных мобильных вооружений и военной техники;
— привлечь к себе союзников за счет развития связей в области науки, культуры, образования, здравоохранения;
— создать привлекательные внешнеэкономические технологии, идеи, открытия, сделать Россию, структуру ее экспорта реально привлекательной;
— расширить систему обменов и гуманитарных связей, прежде всего в области образования, включая влияние российских институтов гражданского общества;
— заявить об идеологическом лидерстве, которое сегодня является обязательным атрибутом любой великой державы.

Необходимо провести переоценку роли НЧП во внешней и внутренней политике страны именно с точки зрения его роли в качестве внешнеполитического инструмента. Подобная переоценка роли НЧП нужна и в современных международных реалиях. Она принципиально важна. Мир стремительно меняется и стоящая перед Россией задача модернизационного рывка зависит во многом, как справедливо подчеркивает академик А. Торкунов, от «адекватной оценки современной ситуации»[124] российской элитой.

Такая адекватность нужна в области международной и европейской безопасности, которые определяют не только реальность угроз, но и степень и качество международного сотрудничества, т. е. во многом предопределяют те условия, в которых будет происходить модернизационный рывок России в XXI веке.

А также такая адекватность необходима для того, чтобы выбрать правильную **стратегию модернизации**. В нынешних объективных условиях это прежде всего развитие НЧП. И здесь можно было бы опять учесть опыт Китая, который четко определяет приоритеты модернизации, удивительно точно совпадающие, на мой взгляд, с приоритетами модернизации России:

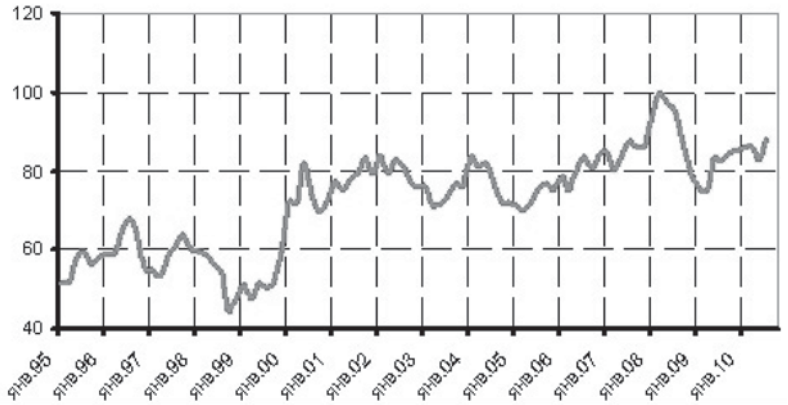


Рис. 15. Индекс социальных настроений (ИСН), март 2008 г. = 100 %

— рост душевых доходов, исправления катастрофических диспропорций между отдельными социальными группами и регионами страны:
— увеличение до мирового уровня расходов консолидированного бюджета на науку, образование, здравоохранение;
— повышение эффективности государственного управления и борьба с коррупцией (где весьма полезен был бы, например, опыт Гонконга)[125];

В итоге модернизация, в т. ч. внешнеполитическая, выражается в показателях социальных настроений, т. е. ощущениях каждой отдельной личности, которые и составляют в совокупности НЧП. И здесь, кстати, можно говорить о серьезных неудачах в процессе модернизации. О чем свидетельствует, например, такой показатель, как показатель индекса социальных настроений[126]. Так, 16–19 апреля 2010 г. Аналитический Центр Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов на некоторые вопросы этого исследования приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов[127].

Как видно из рис. 15, Индекс социальных настроений (ИСН) снизился до 110 пунктов (падение на 4 % по сравнению с февралем). С начала 2010 года общественные настроения ухудшились, т. е. так и не реализовался даже слабый положительный потенциал роста общественного оптимизма, на который были надежды в конце 2009 года. Фактически ИСН к концу 2010 года опустился до надежд, связанных с приходом к власти В. Путина в 2000 году, а в 2011 году упал еще ниже. На мой взгляд, результат — удручающий. Не случайно, что число отъезжающих граждан России за рубеж в первом десятилетии стабильно оставалось высоким. Порядка 60–70 тыс человек, как правило, хорошо образованных, уезжали за границу на постоянное место жительство. Причем это были в своем большинстве представители творческих, креативных социальных слоев. Россия продолжала ежемесячно терять не только миллиарды долларов, убегающих за рубеж, но и десятки миллиардов долларов, капитализированных в ИЧП.

События декабря 2010 года на Манежной площади были весьма симптоматичны. Это, конечно же, не был ни национализм, ни, тем более, фашизм.

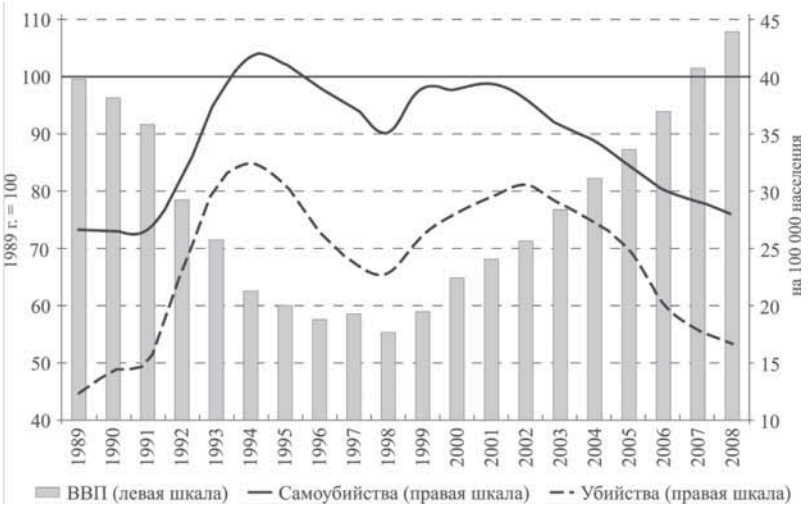


Рис. 16. ВВП, убийства и самоубийства, 1990–2008 г.

Они охватили не только Москву, но и десятки других регионов страны. За ними стоял очевидный протест граждан, которые **не видели социальной перспективы**, не надеялись на справедливость и не верили власти.

Из этого опроса можно сделать и другой вывод: идеология «технологической модернизации» не только не встречает массовой поддержки и не создает социальной опоры власти, но и ведет к ослаблению политической поддержки Д. Медведева. Это — очень тревожный симптом: позиция России в мире и ее способность защищать национальные интересы зависят прежде всего от политической поддержке обществом **внутри** России. А такая поддержка, очевидно, падает. Падает и способность страны обеспечить международную и национальную безопасность, которая не может быть компенсирована в долгосрочной перспективе никакой новой правовой архитектурой международной безопасности.

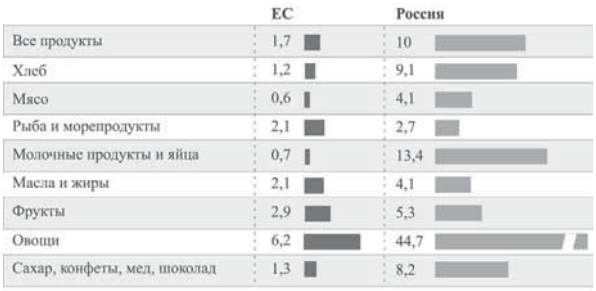
В основе этих негативных тенденций лежит неверный путь развития, который фактически был сделан правящей элитой в 90-е годы, и от которого, несмотря на декларации и, возможно, искренние попытки руководства страны, Россия не отошла в первом десятилетие XXI века, развиваясь по экстенсивно-ресурсному сценарию. Сценарию, в основе которого нет внятной идеологии, отвечающей потребностям нации, но есть практика следованию либеральной традиции.

Этот сценарий продолжает вести к деградации НЧП. Даже подъем ВВП в 2000–2008 годах показал, что пределы роста НЧП в рамках существующей модели очень ограничены. Так, эпидемия убийств и самоубийств, охватившая Россию в 90-е годы, не была преодолена. Что хорошо видно на графике, отражающем взаимосвязь между динамикой ВВП и смертностью от этих случаев[128].

Из рис. 16, в частности, видно, что российский кризис к 2009 году не был преодолен. Когда же наступил мировой кризис, наиболее сильно затронувший Россию, старая модель экстенсивного развития была окончательно дискредитирована. Что были вынуждены признать многие на Западе.

Предложив «технологическую» модернизацию, российская правящая элита попыталась выйти на новую модель развития, которая, на самом деле, была «старолиберальной». И которая также оказалась естественно неудачной.

Можно, конечно же, все списать на кризис 2008–2010 годов. Но этот кризис в минимальной степени затронул страны, которые развивались по национально-ориентированному сценарию модернизации, прежде всего Китай, Индию, Бразилию. А значит, следует признать: такой выбор российской модернизации был неудачным. Что подтверждают все социальные параметры развития российского общества. И, прежде всего, инфляция, которая стремительно вела к обнищанию и без того узкого слоя творческого класса. На фоне ограничений заработной платы, массовых увольнений и падения ВВП инфляция в 2010 году в России оказалась значительно выше, чем в Европе: цены за этот период в нашей стране росли в 6 раз (!) быстрее, чем в странах Евросоюза[129].



Данные Росстата и Евростата

Рис. 17. Средний рост цен в Европе и в России (с января по октябрь 2010 г.)

Предложенная Д. Медведевым модель модернизации оказалась абсолютно неэффективной. Ни с экономической, ни с демографической, ни с социальной точек зрения.

С точки зрения национальной безопасности, к 2011 году это означало, что нация перестала верить своему руководству, а внутриполитическая стабильность поставлена под вопрос.

Россия ускоренно развивается по пути, предсказанному в 2002 году Г. Киссинджером развивающимся странам. Пути, основанном на сознательном выборе российской элитой ресурсного сценария развития, который в конечном счете ведет к внешней зависимости и социальным проблемам. Как заявил тогда Г. Киссинджер, «Пропасть между миром экономики и миром политики представляет собой ахиллесову пяту всего процесса глобализации… Около 20 % такого хозяйства (в развивающихся странах. — *А. П.*) будет принадлежать международной (экономической) системе — в основном в качестве компонентов огромных транснациональных корпораций. Остальное — что, вероятнее всего, затронет большую часть населения — будет являть собой отсталую сферу, не способную обеспечить людям ни доходов, ни рабочих мест, ни возможностей, связанных с глобализацией. Такая дихотомия чревата ростом негодования, обращенного против Соединенных Штатов, и социальными волнениями…»[130].

И это уже хорошо понимает образованная часть населения России. Действительно, развитым странам порядка 20 % сегодня интересна российская экономика, связанная с сырьевым бизнесом. Именно эта часть интересует и международные корпорации. Но российское общество вряд ли с этим согласится. У нас был и (пока что) еще остается выбор. Выбор в пользу развития НЧК, возвращения себе утраченные позиции в научно-технической области. Это и будет настоящей модернизацией.

Основные показатели базового прогноза Минэкономики

	2010 год		2011 год		2012 год	
	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант
Среднегодовая цена на нефть Urals ($/bbl)	65	76	70	76	71	78
Рост ВВП (%)	3,1	4	3,4	3,5	4,2	3,5
Рост промпроизводства (%)	2,8	2,5	2,9	3,3	4,3	3,3
Рост инвестиций в основной капитал (%)	2,9	2,9	7,9	8,8	10,3	6,3
Рост реальной зарплаты (%)	0,9	3,4	2,4	2,4	3	2,1
Рост оборота розничной торговли (%)	3,3	4,4	4,1	4,5	4,1	4,8
Экспорт ($ млрд)	**350**	**375**	**380**	**386**	**401**	**403**
Импорт ($ млрд)	**226**	**237**	**235**	**273**	**283**	**304**
Укрепление реального эффективного курса рубля (%)	13,77	11,9	6,1	4,7	4,7	2,5
Инфляция (%)	6,5–7,5	6,0–7,0	6,0–7,0	6,0–7,0	5,0–6,5	5,5–6,5

Но для этого необходимо сначала реально отказаться от идеи сырьевой экономики, точнее — от прежнего либерального (политического) выбора в пользу сырьевой экономики. Сегодня на самом высшем уровне мы декларируем свое намерение идти по инновационному пути развития, но на всех остальных уровнях власти мы в действительности продолжаем идти по экстенсивно-сырьевому пути развития. Это видно на примере бюджетной, налоговой, таможенной политики и т. д. Даже в области энергетики мы становимся не конкурентоспособными. По оценкам к 2012 году тарифы на электроэнергию в России будут выше, чем в США[131].

По мнению гендиректора компании «Финэкспертиза» А. Микаэляна, «Из трех основных мировых конкурентных преимуществ — дешевое производство (то, чем и воспользовался Китай), технологии и сырьевые природные ресурсы — мы пошли по самому простому, третьему пути»[132].

Этот «самый простой» путь неизбежно ведет нас к тем странам, которые описал Г. Киссанджер. И не стоит питать иллюзий. В первом десятилетии XXI века мы **ускоренно шли именно в этом направлении**. И политические декларации В. Путина и Д. Медведева об инновационности не в счет. Существует огромный разрыв между ними и реальностью: декларируя на политическом уровне инновационный путь развития, мы на самом деле выбрали для себя путь превращения в сырьевой придаток развитых стран. Со всеми вытекающими из этого последствиями — отсталостью, социальной нестабильностью, архаичной экономикой, зависимостью от импорта готовых продуктов. Если сегодня она составляет в медицине более 70 %, продовольствии — более 50 %, то тенденция ближайшего будущего прогнозируется ЦБ как нарастающая[133]. Весьма скоро, если не изменится политический курс, Россия окончательно превратится в страну, где в обмен на энергоресурсы покупается абсолютное большинство товаров и услуг, в государство-рантье, не способное к самостоятельной экономической деятельности. Это будет конец государства, за которым неизбежно последует и конец нации.

Как видно, перспектив в модернизации «по деидеологизированному» сценарию нет. И, наоборот, предложенная в 90-х годах Н. Назарбаевым и лишь потом поддержанная В. Путиным **идеологическая модернизация** — создание Евразийского союза — может стать основой для модернизационного мегапроекта. Не случайно Н. Назарбаев в октябре 2011 года писал: «Это будет мощное объединение. Совокупный ВВП трех стран составляет почти $2 трлн, промышленный потенциал оценивается в $600 млрд, объем выпуска продукции сельского хозяйства — порядка $112 млрд, а общий потребительский рынок — более 165 млн человек.

В XXI столетии невозможно представить, чтобы Евразийский союз состоялся как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживающихся трендов глобального развития…

Сегодня важным условием модернизации наших стран, создания наукоемких инновационных экономик является активное наращивание инвестиционного и технологического сотрудничества с США, Евросоюзом, Китаем, странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Следует учитывать и важные аспекты процесса конструирования новой глобальной системы безопасности. В принятой почти год назад по моей настойчивой инициативе Астанинской декларации саммита ОБСЕ впервые была обозначена цель создать единое и неделимое пространство евроатлантической и евразийской безопасности»[134].

[1] *Юргенс И.* Сила слабости // Российская газета. 2011. 11 января. С. 4.

[2] *Примаков Е.* Достижения не должна заслонять проблема // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[3] *Торкунов А. В.* Трудная дорога к партнерству. Российско-американские отношения после «холодной войны». В.кн.: *Торкунов А. В.* По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 103.

[4] *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября. С. 5.

[5] Там же.

[6] *Дзасохов Г. Г.* Новая идеология противодействия экологическому кризису в России. 2011. 14 октября / Эл. СМИ / http://viperson.ru

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] *Гаврилов Ю.* Спутник-контроль // Российская газета. 2011. 11 октября. С. 3.

[11] Национальная безопасности России в оценках экспертов. Аналитический отчет. Институт социологии РАН. Версия 2.4 от 28.02.2011. С. 22–24.

[12] Там же.

[13] *Рябцев А.* Почему наши сограждане эмигрируют из страны // Комсомольская правда. 2011. 14 октября. С. 4.

[14] *Торкунов А. В.* По дороге в будущее / ред.-сост. А. К. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 11.

[15] *Смирнова Я.* Станислав Ивашковский о себе, о кафедре и о культурном капитале. 2011. 24 октября / МГИМО(У) / http://www.mgimo.ru

[16] *Медведев Д.* Национальный опрос // Российская газета. 2011. 18 января. С. 2.

[17] *Мнацаканян М. О.* Нации в современном глобальном мире. М.: Анкил, 2011. С. 55.

[18] *Эскин А.* Размыв русского самосознания / Эл. СМИ. 18.07.2011 / http://www.viperson.ru

[19] См., например: *Гордеев Я.* Националистический марш Народного ополчения // Независимая газета. 2011. 18 июля. С. 1, 3.

[20] *Делягин М.* Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2011. 27 октября.

[21] См. подробнее: *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, МГИМО(У), 2008. С. 54–57.

[22] В свое время я не раз писал об этом в 90-е гг. См., например: *Подберезкин А.* Русский путь: сделай шаг. М.: РАУ-корпорация, 1998; А. Подберезкин (отв. ред.) Россия перед выбором. М.: РАУ-корпорация, 1995; А. Подберезкин (отв. ред., автор предисловия). Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество. М.: РАУ, 1995.

[23] *Ямпольская Е.* Какие эти русские // Известия. 2011. 21 января. С. 6.

[24] *Затулин К.* Роль Путина была очень велика // ВВП. 2011. № 6 (66). С. 55.

[25] *Ямпольская Е.* Какие эти русские // Известия. 2011. 21 января. С. 6.

[26] *Козин Н.* Вызов русской идентичности // Стратегия России. 2011. Сентябрь. № 9. С. 70.

[27] *Выжутович В.* Лечение просвещением // Российская газета. 2011. 22 июля. С. 3.

[28] *Аграновский Д.* Единственная вина Ливии — в том, что у нее есть нефть // Известия. 2011. 24 октября. С. 1.

[29] *Бикбаев Р. Н.* Русский марш / Записки не русского человека. 2010. Декабрь. / http://rnb099.blogspot.com/p/2010.html

[30] *Ямпольская Е.* Какие эти русские // Известия. 2011. 21 января. С. 6.

[31] *Медведев Д.* Россию мы не отдадим // Российская газета. 2011. 26 сентября. С. 3.

[32] Более подробно об этой модели, предложенной более 30 лет назад М. А. Хрусталёвым, можно прочитать: *Подберезкин А.* Человеческий капитал и его роль в модернизации России // Вестник МГИМО(У). 2010. № 5 (14).

[33] *Малашенко А.* Что в идентичности тебе моей… // Независимая газета. 2011. 21 сентября. С. 5.

[34] Там же.

[35] На портале www.viperson.ru в январе 2011 года был создан базовый и дополнительный ИРЧП для всех стран и регионов России, который дает вполне адекватную картину положения в этой области как страны, так и ее отдельных регионов по отношению друг к другу.

[36] *Гебеков М.* Итоги развития ИРЧП за период 1980–2010. 2011. 25 января. / www.viperson.ru

[37] *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 122.

[38] *Арабов П.* Венесуэла обогнала всех по запасам нефти // Известия. 2011. 21 января. С. 3.

[39] The Military Balance 2011 // The International Institute for Strategic Studies. 2011. P. 33–34.

[40] The National Security Strategy. Wash.: May 2010

[41] В целом такое понимание у элиты существует. Как заметил В. Путин в июле 2011 года, «другой родины и наших народов нет». См.: *Латухина К.* Другой родины нет // Российская газета. 2011. 20 июля. С. 3.

[42] *Клин Б.* Церковь строит межнациональный мир // Известия. 2011. 21 января. С. 2.

[43] Электронные СМИ / http://ru.wikipedia.org/wiki/

[44] *Караваев А.* Изъяны молодежной политики или запрос на демократию? // Независимая газета. 2011. 19 января. С. 3.

[45] *Дугин А.* Национализм: русский или российский? // АПН. 2006. 21 марта / http://www.apn.ru.

[46] *Сидибе П.* Национальный опрос // Российская газета. 2011. 18 января. С. 2.

[47] *Ямпольская Е.* Какие эти русские // Известия. 2011. 21 января. С. 6.

[48] *Воробьев В.* Только бизнес // Российская газета. 2011. 19 января. С. 8.

[49] *Croissant A., Thierry P.* Eroding Democracy or the Intransigence of Democracy in: Transformation / Index 2010. P. 68.

[50] См. подробнее: *Славин Б.* Идеология возвращается. М., 2010. С. 5–23.

[51] Цит. по: *Лукин А. В., Лукин П. В.* Экономическая политика в постсоветской России и российская история // Полис. 2011. № 4. С. 21.

[52] *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[53] *Кьеза Д.* Этим миром правят 9 человек // Росблат. 2011. 21 февраля / http://www.rosbalt.ru

[54] Narottam Gaan. America Crowning the Unipolar Moment: An Incursion into Sovereignty and independence of States like India // India Quarterly. April–June. 2009. P. 123.

[55] *Орлов А.* Кризис испанской социал-демократии. 2011. 18 октября // МГИМО / http://www.mgimo.ru

[56] *Акопян В.* Рывок США к ресурсам, дестабилизация мира и положение России / Эл. СМИ. Регнум. 2011. 13 декабря / http://www.regnum.ru/news/

[57] *Иванов А. В.* Инициативы по созданию региональных структур сотрудничества и безопасности в Восточной Азии и их значение для России. Аналитическая записка / ИМИ МГИМО. 2010. Апрель. С. 8.

[58] *Блинов А.* Стратегия Барака Обамы — вести автомашину, сидя сзади // Независимая газета. 2011. 24 октября. С. 3.

[59] Колонка редактора // Мир и политика. 2010. Август. № 8 (47). С. 4.

[60] *Литовкин В.* Вашингтонские противоракетные сигналы // Независимая газета. 2011. 20 октября. С. 1.

[61] Канада объявила о выходе из Киотского протокола. / СМИ «Lenta.ru». 2011. 13 декабря // http://lenta.ru/new/

[62] *Дыбов В. А., Есаян Л. Р., Черный В. В.* Обеспечение безопасности стран содружества независимых государств (СНГ) Организаций Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и роль России в ее совершенствовании // Мир и политика. 2011. № 8 (47). С. 92.

[63] *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо. Алгоритм, 2010. С. 56.

[64] *Латухина К.* Главное — порядочность // Российская газета. 2011. 18 июля. С. 3.

[65] *Лукин А. В., Лукин П. В.* Экономическая политика в постсоветской России и российская история // Полис. 2011. № 4. С. 20.

[66] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г. / www.kremlin.ru

[67] *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. С. 60.

[68] *Никонов В.* Бразильская модель // Стратегия России. 2011. Сентябрь. № 9 (93). С. 38.

[69] *Никонов В.* Бразильская модель // Стратегия России. 2011. Сентябрь. № 9 (93). С. 37.

[70] Как свидетельствует, например, М. Полторанин, за назначение Е. Гайдара премьером США обещали Б. Ельцину 30 млрд долл. См.: *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. М. 2010. С. 242.

[71] См., например: *Бобков Ф. Д.* Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует. М.: Эксмо, 2011.

[72] *Коржаков А. В.* Борис Ельцин: человек, похожий на президента. М.: Эксмо. Алгоритм, 2010. С. 6.

[73] *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо, 2010. С. 324.

[74] Кризис доминирования // Независимая газета. 2011. 1 декабря. С. 2.

[75] *Пушков А.* Внешняя политика России и ее национальные интересы. М.: МГИМО(У), 2011. С. 99.

[76] *Осин А.* Риски нефтяного рынка // Независимая газета. НГ-энергия. 2011. 8 ноября. С. 1.

[77] *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 90.

[78] *Волков К.* Организованной сирийской оппозиции не существует // Известия. 2011. 21 сентября. С. 9.

[79] *Воронин Е. Р.* О международных оценках новой военной доктрины России и возможных ответах НАТО на нее // Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2010. Апрель. С. 2.

[80] Весьма примечательно признание по этому поводу А. Коржакова: «… чем меньше пользы наши руководители приносят государству, тем больше извлекают её для себя. Борис Николаевич, кстати, в этом намного превзошел своего предшественника» (См. *Коржаков А.* Борис Ельцин: Человек, похожий на президента. М. 2010. С.78).

[81] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. 6-е изд. С.-П.: ГлаголЪ, 1995. С. 21.

[82] *Фролов К., Логинов К.* «Третий Рим». Суверенная модернизация. М. 2011. С. 5.

[83] *Фридман Дж.* Россия — снова империя, но иная. ИНОСМИ. 2011. 19 июля / http://www.inosmi.ru

[84] *Шурыгин В.* За кулисами ГРУ // Солдаты России. 2011. № 79 (89). С. 13.

[85] *Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П.* Приватизация и приватизаторы. // Теория и практика приватизации. М. 2005. С. 11.

[86] *Швыдкой М.* Жизнь как творчество // Российская газета. 2011. 21 сентября. С. 9.

[87] Все управления в руках у Путина / http://rusrep.ru. 29 ноября 2010 г.

[88] *Кургинян С.* Четвертый вариант // Известия. 2011. 27 октября. С. 10.

[89] *Рыжков Н.* Премьер. Проект 2017 — миф или реальность. М.: Экспо, 2011. С. 362.

[90] *Олейник А.* Большое — значит послушное? // Независимая газета. 2011. 19 октября. С. 3.

[91] *Козлова М. А.* Опасности и альтернативы догоняющего пути модернизации в России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 1. С. 131.

[92] *Симонян Р. Х.* Положение русскоязычного населения в странах Балтии. Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2010. Апрель. С. 6.

[93] *Новикова А.* Евразийский экономический союз могут создать в 2015 году // Известия 2011. 20 октября. С. 3.

[94] *Петров В.* На фоне Пушкина… // Российская газета. 2011. 20 октября. С. 3.

[95] *Затулин К.* Белорусский ответ на евразийский вопрос // Известия. 2011. 19 октября. С. 10.

[96] Премьеры стран СНГ подписали договор о зоне свободной торговли // Взгляд. 2011. 18 октября. / http://vz.ru/new/

[97] Бжезинский ждет народный бунт в США // Аргументы недели. 2011. 20 июля.

[98] *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[99] *Пушков А.* Внешняя политика России и ее национальные интересы в XXI веке. М.: МГИМО(У), 2011. С. 101.

[100] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. 6-е изд. С.-П.: ГлаголЪ, 1995. С. 44.

[101] *Барабанов О. Н., Клименко А. И.* Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза. М.: МГИМО(У), 2010. С. 11.

[102] *Гуселетов Б. П., Великая Н. М.* Социал-демократические и социалистические партии в странах СНГ: институализация, практика, перспективы. М.: МГИМО(У), 2011. С. 15.

[103] *Крамник И.* Собрать «Петра Великого» вернулся в строй // Известия. 2011. 21 сентября. С. 1.

[104] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известие. 2011. 4 октября. С. 3.

[105] Там же.

[106] *Андрианов В. Д.* Практика и методы борьбы с коррупцией в Китае. 2010. 22 ноября / http://www.viperson.ru

[107] *Леонтьев М.* Возвращение Путина абсолютно естественно // ВВП. 2011. № 8 (68). С. 71.

[108] Там же.

[109] *Шурыгин В.* За кулисами ГРУ // Солдаты России. 2011. № 79 (89). С. 12–13.

[110] *Юргенс И.* Сила слабости // Российская газета. 2011. 11 января С. 4.

[111] *Майорова А.* Агрегатная оценка работы коллективного разума и прочие высокие технологии // Коммерсантъ. Наука. 2011. 3 октября. № 7 (7). С. 48.

[112] *Примаков Е. М., Хрусталёв М. А.* Ситуационные анализы. Методика проведения. М.: МГИМО(У), 2006. С. 20.

[113] *Канкуро Е.* Ориентир для нано // Российская газета. 2011. 12 октября.

[114] *Сергеев М.* Засадный полк модернизации // Независимая газета. 2010. 16 ноября.

[115] *Дробницкий Д. О.* Мобилизация — справа // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 20 сентября. С. 11.

[116] Правящая элита стала реально осознавать опасность такой деидеологизации, инициировав летом 2011 года деятельность социально-консервативных кругов. Так, Ю. Шувалов и А. Исаев в сентябре 2011 года даже заявили, что «консервативная идеология есть фундамент модернизации». Важно и то, что Ю. Шувалов подчеркнул оригинальность российского курса, сказав, что «Нам предлагают и европейский проект, и курс, ориентированный на интеграцию с азиатской частью континента. Однако Россия — это одно из немногих в мире государств, которое может успешно развиваться, рассчитывая на собственные силы. Выбор России», пояснил оратор, — «это выбор самостоятельного курса». (См.: *Самарина А.* Консервативный марш-бросок партии власти // Независимая газета. 2011. 19 сентября. С. 1.).

[117] См., например: *Подберезкин А., Макаров А. В.* Стратегия для будущего президента России. М.: РАУ-корпорация, 2000. Январь.

[118] В июле 2011 года, кстати, профсоюзы судостроителей ясно выступили по этому вопросу против политики Минобороны РФ.

[119] *Башкатова А.* Плановая экономика инновационного будущего // Независимая газета. 2011. 24 октября. С. 4.

[120] *Арбатов А. Г.* Ядерная перезагрузка и международная безопасность // Политические исследования. 2011. № 3 (123). С. 44–45.

[121] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В. Путиным 7 февраля 2008 г. № Пр–212). Аналогичные признания были сделаны и в других концепциях и стратегиях, включая отраслевые и региональные стратегии, т. е. тема НЧП стала дежурной темой всех официальных документов. Так, даже в проекте стратегии развития легкой промышленности России до 2020 года отмечается: «Реализация мероприятий Стратегии позволит повысить конкурентоспособность российских компаний, укрепить их позиции и завоевать новые сегменты на внутреннем и внешнем рынках. Доля продукции отечественного производства на российском рынке должна составить не менее 50 %. **Не менее 80 % товаров** легкой промышленности России должны иметь инновационный характер и патентную защиту (товарный знак, полезная модель). Это будет способствовать обеспечению экономической и экологической безопасности, повышению обороноспособности России, развитию регионов, созданию новых рабочих мест» (См., например. Проект стратегии развития легкой промышленности России до 2020 года. Министерство промышленности России. 12.08.2009 / http://stra.teg.ru/library/ strategy).

[122] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. / www.kremlin.ru

[123] Там же.

[124] *Торкунов А.* Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентябрь–декабрь. № 3 (21).

[125] См.: *Андрианов В.* Практика и методы борьбы с коррупцией в Гонконге. 16.11.2010 / http://www.viperson.ru

[126] Индекс социальных настроений — обобщенный показатель динамики массовых настроений общества, который рассчитывается на основе соцопросов как разница между положительными и нейтральными оценками, с одной стороны, и отрицательными — с другой.

[127] См., например: Индекс социальных настроений. Левада-Центр / http://www.levada.ru

[128] Мировой кризис: угрозы для России. Материалы совместного заседания Ученого Совета ИМЭМО РАН и Правления ИНСОР / сост. и науч. ред. С. В. Чебанов. М.: ИМЭМО, 2009.

[129] *Зюзяев А.* В России цены на продукты растут в шесть раз быстрее, чем в Европе // Комсомольская правда. 2010. 26 ноября. С. 1.

[130] *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 83.

[131] *Саакян Ю.* Цены на энергоресурсы против модернизации экономики // Независимая газета. 2010. 13 апреля. С. 3.

[132] *Башкатова А.* Китай установил мировой экономический рекорд // Независимая газета. 2010. 5 октября. С. 4.

[133] *Шаповалов А.* Бюджету предложено отдать деньги в рост // Коммерсант. 2010. 30 апреля. С. 2.

[134] *Назарбаев Н.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 октября. С. 5.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД «ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА»[1]

Фазовый переход, в широком смысле — переход вещества из одной фазы в другую при изменении внешних условий[2].
Л. Ландау, Е. Лившиц

То, что некоторые народы Европы проходили за долгие столетия …, иные страны, вынужденные обращаться **к догоняющим моделям, должны проходить за краткие отрезки…**, сосредотачиваясь в основном на **технологической стороне дела** (выделено *А. П.*)[3].
Н. Симония

Мир в XXI веке находится в состоянии фазового перехода из прежнего состояния международных отношений, общества и экономики в качественно новое, пока что не известное, не изученное и даже не предполагаемое.

Все элементы мировой системы в XXI веке переживают состояние фазового перехода из одного состояния международных отношений, общества и экономики в качественно новое, пока что не известное и не изученное. Более того, мало кто берется прогнозировать, в какое. С. Капица и ряд других авторов — естественников и обществоведов — заметили все признаки такого фазового перехода еще на рубеже нового тысячелетия. Так, говоря о человечестве как системе, С. Капица отмечает сложность ее анализа при «… переходе от сложного к сумме более простых и, казалось бы, независимых элементов» — от стран к регионам, сословиям, общинам, отдельному человеку. Такой путь, отмечает ученый, «… часто ничем не заканчивается, поскольку не ясно, что считать элементарной составляющей общества». При этом, справедливо замечает он, «в сложной системе, по определению, необходимо учитывать взаимодействие всех составляющих ее частей»[4].

В качестве альтернативы он предлагает «путь обобщений, когда в сложной системе выделяют самое главное… Именно такой подход использован при описании роста человечества как динамической системы, единственной характеристикой которой становится численность населения Земли»[5].

Подобный переход порождает многочисленные проблемы и угрозы, о которых философы и политологи пишут в начале XXI века немало. В агрегированном виде эти вызовы, на мой взгляд, наиболее удачно изложил профессор В. Е. Ленский на одном из заседаний Экспертного совета Федерации по международным делам.

Первый — управление мировым сообществом в интересах отдельных субъектов через финансовый механизм. Этот механизм понятен — деривативные пирамиды, доллар, который не подкреплен материальными и нематериальными активами. Это ясно.

Второй вызов — массовое разрушение субъектности развития стран, которые пытаются выйти на курс развивающихся стран. Устранение конкурентов в сфере развития высоких технологий. Это четкий процесс, в котором участвуют прежде всего Соединенные Штаты Америки и ряд других стран.

Третий вызов — нарастание тенденции организованного сокращения численности населения в странах, не включенных в круг избранных.

Четвертый — снижение социокультурного разнообразия мирового сообщества.

Пятый вызов — слабая защищенность от технологических вызовов XXI века.

Шестой — низкая степень субъектности развития человечества для решения проблем, которые возникают перед человечеством.

Вот шесть вызовов, которые, на мой взгляд, являются одними из ключевых сегодня и на которые надо искать ответы[6].

Действительно, подобный подход многое объясняет. В том числе и феномен «сжатия исторического времени», когда вся история, весь исторический процесс являют признаки закономерного экспоненциального ускорения: 1-я фаза — 30 тыс лет; 2-я — 7 тыс; 3-я — около 2 тыс лет; 4-я — около 1,5 лет; 5-я — около тысячи лет; 6-я — около 300 лет; 7-я фаза — немногим более 100 лет. Продолжительность 8-ой фазы пока определить невозможно. Но ясно, что по экспоненциальному графику развивается как демографический процесс, так и научно-техническая революция, которые неизбежно должны перейти к вертикальной линии, равносильной бесконечности. С. Капица, ссылаясь на петербургского историка И. Дьяконова, говорит, что «если не предвидеть катастрофы … хочется верить, что премудрый Home sapiens сумеет ее предотвратить»[7].

К сожалению, сегодня политики мало озабочены решением этой проблемы, которую я бы назвал как «проблема фазового перехода» всей системы международных отношений и всего человечества. Она кажется слишком абстрактной и далекой. Более того, пытаются решить ее традиционными, заранее негодными средствами. Так, в июле 2011 года США обнародовали новую Стратегию оперативных действий в киберпространстве, предусматривающую превентивное использование военной силы против государств, заподозренных в намерениях использовать киберугрозу[8].

Получается, что чем сложнее становится мир и проблемы, стоящие перед человечеством, тем проще выглядят способы их решения. Правящие элиты развитых стран и прежде всего США не хотят замечать это противоречие, игнорируют предостережения по этому поводу. Более того, они пытаются воспользоваться этими изменениями, чтобы переформатировать мир по-новому в угоду своим интересам, сделать модель управления более изощренной и эффективной. Можно согласиться с мнением заместителя Секретаря Совбеза Казахстана М. Шайхутдиновым, который полагает, что «**переформатирование глобального геополитического ландшафта является, по сути, новейшей модификацией передела мира, имеющей ряд отличительных особенностей**. Важным признаком нового раунда становится не буквальный захват и присоединение территорий в духе колониальных империй, а установление **долгосрочного контроля над странами, регионами и мировыми коммуникациями**. На первый план выходит не прямое подчинение, а **формирование вассальных отношений; не опора на конкретных лидеров, а пестование компрадорских элит**. Преследуя свои интересы, сильные мира сего не останавливаются перед насильственной сменой неугодных режимов, используя как реальные, так и надуманные предлоги.

Как результат — некоторые государства приходят к выводу, **что лучшей гарантией от внешнего вмешательства является наличие ядерного оружия**»[9].

Иными словами, мы видим сознательное игнорирование правящими элитами ведущих государств реалий фазового перехода и появления качественно новых угроз, на которые спешат обратить внимание лишь тогда и в той степени, когда это совпадает с пониманием ими своих интересов.

Между тем происходит именно фазовый, качественный переход, требующий таких же качественно новых мер реагирования. К которым правящие элиты не готовы. Самые первые признаки перехода в такое качественно новое состояние заметил еще В. Вернадский в начале 40-х годов XX века, назвав его «ноосферой», «сферой разума». К сожалению (и я писал об этом еще в 80-е годы), «сфера разума» отнюдь не означает «разумность». Это, скорее, констатация того, что влияние человека, его интеллектуальной деятельности на биосферу стало критическим. Причем сегодня, к сожалению, до конца неизвестен знак этого влияния — минус или плюс. Ясно, что определяющими будут две мировые тенденции, развивающиеся по экспоненте — **научно-технический прогресс и демография**, — но каковы будут последствия для других областей? Прежде всего какова будет проблема обеспечения мировой (именно мировой, а не международной) безопасности, которую можно разделить в свою очередь на многие подпроблемы.

К сожалению, складывается впечатление, что сегодня «сфера разума» не тождественна «разумности», в частности, разумному поведению правящих элит, которые сохраняют старые алгоритмы. Понятно и очевидно, что при качественных изменениях такие алгоритмы работать не будут и принесут новые и новые проблемы. Вопрос только в том, останется ли время, чтобы потребности «сферы разума» соответствовали уровню «разумности» в поведении элит?

1. «Фазовый переход» и международная безопасность

Модернизация … не означает необходимости «раствориться» нашей стране в западном мире, который в целом достиг этого уклада… Считаю, что многовекторная политика намного плодотворнее для модернизации России[10].
Е. Примаков

Национальная безопасность России и, как следствие, международная безопасность будут непосредственно зависеть от результатов модернизации. А та, в свою очередь, от того, насколько верно правящая элита страны найдет «золотую середину», синтез между существующими мировыми реалиями в эпоху «фазового перехода» и национальными интересами и ценностями. То есть очень важна мудрость и адекватность элиты, то, что великий русский стратег А. Свечин называл «искусством вождя», способностью и искусством усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению. На любом фронте человеческой деятельности, чтобы одержать успех, нужно искусство вождя; в неменьшей степени требуется и грамотность исполнения[11]. Это все можно назвать профессионализмом, адекватностью и способностью правящей элиты, что, к сожалению, вызывает в последние 25 лет наибольшие сомнения и критику.

Нам действительно нельзя ни «раствориться» в любой цивилизации, потеряв национальную идентичность, ценность, школы и культуры, ни «отгородиться» от остального мира китайской стеной, уповая на то, что все необходимое для модернизации мы сможем сделать и получить сами. Это видно на таком «частном» примере, как демографическая «афроазиатизация» мира, когда 95 % прироста населения «ведут к существенной трансформации человеческого капитала в глобальных масштабах»[12].

Решение ключевых проблем безопасности в XXI веке нам придется решать, исходя из того, что они находятся **на стыке** глобальных, общечеловеческих и национальных интересов и ценностей. Поэтому все дело в пропорции, той мере, понимание которой прежде всего и будет служить критерием оценки мудрости национальной элиты. Любая крайность — будь то примитивный западный неолиберализм, либо такой же примитивный национализм — окажется не просто контрпродуктивной, но и безрезультативной.

Между тем ресурса времени для исправления ошибок у нашей элиты уже нет. Мы потеряли, как минимум, 70–80-е годы XX века и последние 20 лет на поиски идеологии развития. Поэтому во многом будущее состояние международной и российской безопасности эксперты оценивают пессимистично. Как следует из соцопроса, приведенного в феврале 2011 года Институтом социологии РАН, большинство экспертов представляют собой в той или иной степени группу пессимистов[13].

Завершающий вопрос экспертной анкеты содержал просьбу оценить перспективы изменения национальной безопасности России в ближайшие 3–5 лет. Распределение ответов экспертов на этот вопрос иллюстрируется диаграммой на рис. 1. Как можно видеть, респонденты склонились скорее к пессимистичным прогнозам. При этом наибольший пессимизм оказался характерен для «теоретиков» и «практиков — общественников», а также для экспертов из Москвы.

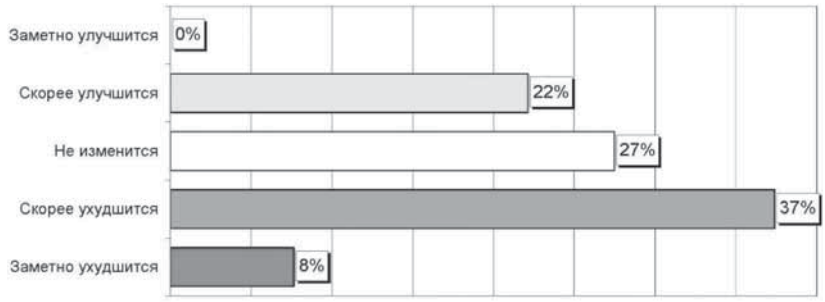


Рис. 1. На Ваш взгляд, как изменится национальная безопасность России в ближайшие 3–5 лет?

Мы сегодня не можем прогнозировать результаты развития важнейших трендов, определяющих международную безопасность. Из этого следует вывод, что развивая партнерство, сотрудничество, пытаясь создать международные механизмы обеспечения безопасности, мы в конечном счете должны полагаться на национальные ресурсы и возможности. Важнейший из них — национальный человеческий потенциал.

Рис. 2.

Сегодня предпринимаются отдельные попытки «заглянуть в будущее» по этим и другим направлениям. Но они, во-первых, слишком узкоспециализированы, выпадают из общего контекста, не вписаны в единую систему. Во-вторых, они, как правило, являются экстраполяцией нынешних тенденций. Что в политике и в истории недопустимо. Представим себе на минуту, что в 1988 году будущее СССР и ОВД формировалось бы на основе экстраполяций (хотя именно эта инерция и существовала. Достаточно вспомнить, хотя бы, принятие в 1989 году единой военной доктрины ОВД).

Естественно, что в период такого «фазового перехода» Россия не сможет остаться в стороне, «в пробирке», развиваться по каким-то своим, исключительным, закономерностям. Совсем наоборот: во всех ключевых областях жизни следует ожидать революционных, качественных перемен.

К сожалению, все современные стратегические прогнозы России — федеральные, региональные, отраслевые, — каковых уже более 150 — совершенно **не учитывают** это обстоятельство. В лучшем случае они представляют собой простую, даже примитивную экстраполяцию нынешней ситуации, а в худшем — кальку с долгосрочного прогноза социально-экономического развития, который делается по определенной методике в МЭРе под кураторством А. Клепача. Приходится признать, что в России не существует сколько-нибудь серьезных политико-идеологических, философских и научных прогнозов фазового перехода. Мы экстраполируем существующие тенденции, не отдавая отчета, что их вообще может и не быть, либо они претерпят колоссальные качественные изменения.

В этом смысле прогноз состояния мировой и национальной безопасности, как сложной динамичной

Рис. 3.

системы, крайне необходим. В грубой форме упрощенной модели для России он может использовать модель политической системы, которая для наглядности не раз приводилась. На этот раз в интересах национальной безопасности России.

Так, из рис. 3 видно, что в период фазового перехода (характерного для **всего** человечества) приоритетом высшего порядка должны стать уже не только национальные, но и **общечеловеческие интересы и ценности**. К сожалению, это банальное признание, характерное для 80-х годов XX века, оказалось подвержено серьезной девальвации из-за эгоизма отдельных государств. Сути это не меняет. Можно заменить термин «общечеловеческие интересы» на «биологические интересы» (хотя это и суживает понятие).

В случае согласия правящих элит, такой интерес должен быть положен при формировании политических целей ведущих стран.

Сегодня в реальной политике национальные интересы, как известно, доминируют. Но является ли эта аксиома истиной для периода фазового перехода? Например, перед угрозой уничтожения человечества?

Соответственно, если идея о «биологическом интересе» как самом приоритетном, даже по отношению к национальному интересу, становится доминирующей в мире, то происходит переоценка не только целей внешней политики отдельных стран, но и национальных ресурсов, а, в конечном счете, и международных реалий! «Биологический интерес» **сам становится важнейшей мировой реалией**.

Но это может произойти только (повторю) при осознании большинством правящей мировой элитой таких изменений. Очевидно, что признание такой новой реалии приведет к пересмотру политики в области национальной безопасности отдельных стран. В этом случае новая архитектура безопасности станет **международно-правовым оформлением этой нормы**, естественным процессом.

И, наоборот. Думать, что форма (в данном случае международно-правовые нормы новой архитектуры безопасности) может быть создана до осознания правящими элитами стран общего (биологического) интереса — наивность. В политике наивность, как правило, заканчивается поражениями и ошибками. Примером чему может служить опыт М. Горбачева.

Следующей важной чертой фазового перехода к непредсказуемым международным отношениям становится процесс изменения политических и экономических сил в пользу новых центров силы. Отличительной (но мало изученной и даже не признаваемой) чертой этого процесса является то, что лидерами в нем выступают те государства, чьи **нации пытаются стать идеологическими лидерами** в мире. Это, прежде всего, Китай, Индия и (с оговорками) политический и культурный ислам.

Ситуация осложняется тем, что в начале XXI века стало ясно, что неолиберальный проект, лидером которого были США, — провалился. Как справедливо заметил А. Володин, «В начале третьего тысячелетия течение объективных геоисторических процессов обретает новое ускорение, поскольку неолиберальный проект глобализации оказался контрпродуктивным для подавляющего большинства человечества. В настоящее время в мировой системе практически отсутствует программирующий и управляющий центр, каковым в девяностые годы был Запад во главе с США. Объективно системному ослаблению „униполя» способствовали три наиболее сильно действующих фактора.

1. Общее (несмотря на явные всплески хозяйственной активности в девяностые годы) замедление темпов экономического роста, имеющее, в частности, следствием падение доли США в мировом ВВП до уровня менее чем 20 %.
2. Относительно продолжительная (по меньшей мере, в течение последних пятнадцати лет) „история“ активного экономического роста на Востоке (включая, разумеется, китайскую и индийскую мегаэкономики), которая дополняется динамичным развитием Латинской Америки на основе организационных принципов, отличных от основоположений „вашингтонского консенсуса“.
3. Явная, ощущаемая практически в каждом событии, активизация наиболее пассионарной силы современности — политического ислама Следы ее деятельности заметны везде, включая самые удаленные уголки ойкумены. Основной стратегической задачей сил политического ислама является, по мнению многих исследователей, качественное перераспределение сил на глобальном уровне в свою пользу»[14].

На мой взгляд, идеологическое лидерство новых центров силы — залог их активной и даже агрессивной внешней политики. Но для этого эти нации должны пройти свой «кризис идентичности», который сегодня проходит не только Россия, но и страны Евросоюза, а также старые институты международной безопасности — ООН, ОБСЕ, НАТО[15]. Этот кризис в период фазового перехода может привести либо к созданию новых и укреплению старых институтов, способных отражать реалии фазового перехода, либо пойдет по старому сценарию, когда вслед за изменением соотношения сил следовали войны.

В России пока не делаются даже попытки системного прогноза развития ситуации в мире в период фазового перехода. Который даже не обсуждается. Налицо типичная инерция мышления, в т. ч. внешнеполитического, когда, как и в экономике, господствует метод экстраполяции, абсолютно не допустимый в этом случае. Что, естественно, вызывает тревогу. Мы не только не можем, но даже **не пытаемся** представить себе возможные последствия революционных изменений в результате «фазового перехода». Соответственно, даже не пытаемся готовиться к ним. Происходит это прежде всего потому, что мы сами

для себя не предложили сколько-нибудь продуманную социальную концепцию. Если хотите, — идеологию. Прагматизм, которому мы стали преклоняться после периода господства либерализма, **не способен на это в принципе**. Значит мы обречены на рефлексию в политике.

Здесь, конечно, требуется система взглядов, т. е. идеология, предполагающая, во-первых, качественный стратегический прогноз, во-вторых, качественное стратегическое планирование, но, главное, переосмысление целей, стоящих перед Россией в условиях «фазового перехода», вытекающих из анализа новых реалий. Как внешнеполитических, так и, прежде всего, внутриполитических, ибо внешняя политика, в т. ч. политика безопасности, является, как известно, продолжением политики внутренней.

К сожалению, сегодня ни первого, ни второго, ни третьего в России нет. Похоже, что такая задача даже и не ставится. «Прагматизм», ставший российской идеологией, этого и не требует. Но этот же прагматизм может ставить (и ставит) очередные ложные цели, что, как известно, из нашей недавней истории, самое опасное. Прагматизм, переходящий в беспринципность и бессистемность, — вот наша политика сегодня.

Поэтому вновь остро встает вопрос о **системе взглядов российской элиты** в период «фазового перехода», т. е. о национальной (не пугать с государственной) идеологии. При этом надо понимать, что эта идеология нужна, конечно, прежде всего «**для себя**». Но она также очень важна **для внешнего мира**, ибо культурно-идеологическое влияние России в мире значительно. С ним пока что продолжают считаться.

Кроме того важно понимать, что только **собственная, национальная идеология** может сделать российскую элиту реальной силой, управляющей страной и влияющей на мировые процессы. В данном случае ключевое слово — «собственная», т. е. основанная на национальной культурно-исторической почве, продуманная и выстраданная.

Получается, что в период «фазового перехода» та нация, которая быстрее и качественнее других осознает новые реалии, предложит новую систему взглядов, станет не просто идеологическим, но и мировым лидером. И здесь нельзя полагаться на заимствования.

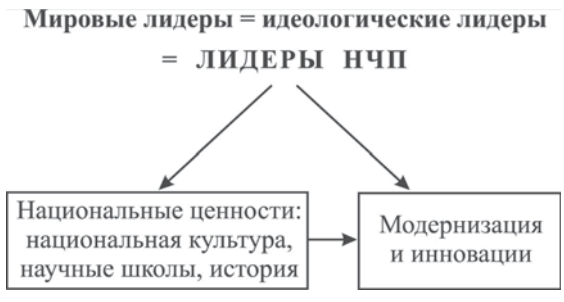


Рис. 4.

Как справедливо заметил А. Кива, «Вначале Россия, ведомая В. Лениным, выстрадала возникший в Германии марксизм, потом, под руководством Е. Гайдара и сотоварищей появившийся в Америке неолиберализм. Но выстрадать можно что-то свое, оригинальное, как, например, реформы Ф. Рузвельта или Дэн Сяонина…»[16].

Собственно этого пока что не происходит: «идеология модернизации» заменяет идеологию развития, т. е. частная задача, даже, строго говоря, процесс становится общенациональной целью. Подобная «технологичность», «прагматизм», «менеджеризм», конечно же, не смогут ответить на вызовы «фазового перехода».

Хуже того — такая задача сегодня даже и не ставится. Во всяком случае глубоких и осмысленных выступлений на этот счет лидеров нации не известно. Поэтому, например, проблема международной безопасности сводится только к политико-правовой, а сотрудничество (важность которого никто не отрицает) становится самоцелью российской внешней политики. В этой связи возникает вопрос: а если в интересах сотрудничества (и модернизации) придется жертвовать национальными интересами и ценностями, пойдет ли на это в очередной раз российская элита, которая, может быть, в силу своей молодости забыла катастрофические последствия такой политики М. Горбачева?

На это обстоятельство наводят серьезные размышления, например, вызванные некоторыми заявлениями в США. Так, во время визита Д. Медведева в апреле 2010 года американский Совет по международным отношениям (CFR) опубликовал Специальный доклад **Джеффри Манкоффа** «Российский экономический кризис». «Экономический кризис в РФ и посткризисный период представляют Западу такую возможность еще глубже вовлечь Россию в либеральный экономический порядок, которого у него не было на протяжении 10 лет», — считает автор. Несмотря на то, что пик потрясений, кажется, пройден, РФ будет ощущать на себе негативные последствия кризиса дольше, чем промышленно развитые страны, утверждает он. По мнению Манкоффа, «экономическая интеграция способствовала бы сопряжению экономических, а потом, возможно, и политических интересов РФ и Запада»[17].

Смею утверждать, что в эпоху «фазового перехода», в котором сегодня находится человечество, качественные изменения ожидают все основные элементы и реалии международных отношений. Поэтому прогнозировать эти перемены, опираясь на экстраполяции, — бессмысленно. Но пытаться это сделать, опираясь на идеологию, просто необходимо, хотя бы для того, чтобы понимать масштабы и последствия возможных изменений. Так, к 2030 году ожидается, например, что КНР станет более мощным экономическим центром силы, чем США, а удельный вес ее экономики в мире может достигнуть 30 %, что вместе

с экономиками других стран АТР — прежде всего Японии, Индии, Индонезии, превысит половину мировой экономики. Это — экстраполяция нынешних темпов развития этих стран. Но мы не знаем главного, а именно — динамики двух важнейших тенденций фазового перехода — научно-технической и демографической. Что произойдет, если КНР, например, сможет обеспечить не только явное превосходство в ВВП, но и в НЧП?

Уже к 2011 году в КНР было подготовлено более 350 млн граждан, имеющих высшее образование. Темпы развития НЧП Китая поражают, особенно, если допустить, что к 2030 году ИРЧП в Китае будет равняться или даже превосходить американский. В этом случае подавляющее преимущество Китая в НЧП, умноженное на демографический рост (который при всех ограничениях сегодня составляет 15 млн человек ежегодно), означает **новое качество безопасности** не только в Евразии, но и в мире.

Подобное изменение в соотношении мировых сил неизбежно приведет к **изменениям во всей системе международной безопасности**. Можно, например, предположить, что новым военно-политическим центром силы станет КНР, которая сумеет объединить (или подчинить себе) вокруг себя ряд государств Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, да и другие страны. Напомню, что китайский менталитет предопределен более 5000 историй существования «срединной империи, окруженной варварами».

Еще труднее предположить последствия постоянно ускоряющегося научно-технического прогресса. В условиях «фазового перехода» не только можно, но и обязательно нужно ожидать реализации «прорывных» идей и технологий, способных внести радикальные изменения в экономическую и общественно-политическую жизнь человечества. Так, революция в информации и связи в 90-е годы привела не только к появлению общедоступной мобильной связи и широкополосного Интернета, но и к революции во всех отраслях экономики и общественных институтов (появлению сетевых сообществ, росту влияния институтов гражданского общества и т. д.). Полагаю, что в ближайшие годы информационная революция будет усилена революциями в области биологии, психиатрии, общественных наук.

Здесь важно подчеркнуть, что модернизационно-инновационная политика, провозглашенная в России, должна учитывать:

— невозможность предсказать или спрогнозировать масштаб и последствия изменения международных реалий;
— невозможность сведения процесса модернизации только к модернизации экономики или даже технологий.

Странным образом Россия в очередной раз подтвердила эту закономерность («догоняющего развития»), замеченную академиком Н. А. Симония в начале десятилетия: встреча Президента России Д. Медведева с послами и постоянными представителями в МИДе в июне 2010 года, на которой, по мнению многих, была провозглашена новая внешнеполитическая доктрина, справедливо истолкована большинством экспертов как переориентация внешней политики страны на нужды модернизации. Хотелось бы, чтобы это не стало узкотехнологическим приоритетом, в котором будет формироваться «догоняющая модель» развития. В условиях «фазового перехода» такая политика абсолютно бесперспективна, заведомо обречена на отставание и неизбежность нанесения ущерба интересам безопасности и суверенитету России. К сожалению, реальность такова, что

Табл. 1.

Страна	Рейтинг легкость ведения бизнеса	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Наём рабочей силы	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля
Сингапур	1	4	2	1	16	4	2	5	1
Новая Зеландия	2	1	5	15	3	4	1	9	26
Соединенные Штаты Америки	4	8	25	1	12	4	5	61	18
Соединенное Королевство	5	16	16	35	23	2	10	16	16
Дания	6	28	10	9	47	15	27	13	6
Ирландия	7	9	30	27	79	15	5	6	21
Канада	8	2	29	17	35	30	5	28	38
Австралия	9	3	62	1	34	4	57	47	27
Норвегия	10	35	65	114	8	43	20	17	9

отставание в понимании этих перемен, а тем более в реальных мерах по изменению ситуации до сих пор удручающа.

Так, с точки зрения конкурентоспособности России огромное значение имеют условия ведения бизнеса в стране, о создании которых постоянно говорят 20 лет, но которые не улучшаются, а даже ухудшаются. При сопоставлении российских условий с условиями в других странах, наша страна стабильно занимает место аутсайдера. Так, по оценкам Всемирного банка, в 2009 году Россия занимала 120-е место из 183, **уступая** Молдове (90), Кении (95), даже Бангладеш (119)[18].

Полезно внимательнее присмотреться как к лидерам, так и аутсайдерам рейтинга, попытавшись вывести некоторые закономерности, прежде всего с точки зрения развития НЧП. Страны, как известно, ранжируются по благоприятствию ведения бизнеса с 1 до 183 места, первое место — наиболее высокое. Высокая позиция в индексе легкости ведения бизнеса означает, что регуляторный климат благоприятствует ведению бизнеса. Индекс является средним показателем страны по 10 индикаторам, каждый из которых имеет равный вес (табл. 1).

Прежде всего обращает внимание, что высокая позиция в ведении бизнеса **совпадает с высокой позицией в развитии национального человеческого потенциала и с ИРЧП**. Это не случайно, ведь высокий уровень развития НЧП во многом является **производным от качества и степени развития институтов гражданского общества и общественной инфраструктуры**, т. е. общественные критерии НЧП очевидно коррелируют с критериями конкурентоспособности.

Уровень развития НЧП коррелируется и в финансовой области с таким, например, показателем, как финансовая глубина[19]. Чем выше душевой доход и ИРЧП, тем выше показатель финансовой глубины. Причем, закономерность, подмеченная Всемирным банком, заключается в том, что финансы развиваются опережающими темпами по отношению к экономике[20].

Причем, как видно, кризисы прерывают этот процесс. Но не надолго: сбрасывая излишние финансовые инструменты в сравнении с реальной экономикой, затем, в период подъема, снова начинается рост.

Финансовая и банковская система страны это прежде всего люди. Специально обученные профессионалы, создающие финансовые институты. Это подтвердит любой финансист. Поэтому связь между ИРЧП и финансовой глубиной весьма показательна: нельзя создать национальную финансовую, кредитную систему, не имея достаточно подготовленных кадров.

Табл. 2.

	1990	2006	2008
Весь мир	1,9	3,5	2,9
США	2.6	4,2	3,8
Великобритания	2,0	4,2	3,2
Зона евро	—	3,5	3,3
Япония	3,2	4,4	5,4

Глобальные финансовые активы состоят из банковских депозитов, акций, частных и государственных долговых ценных бумаг.

В России финансово-банковская система не просто слаба. Она не ориентирована на развитие НЧП, не способна обеспечить инвестиции, а тем более кредитование наукоемких производств. Отсюда и невосприимчивость экономики к любым инновациям, которая не может быть решена частными способами по примеру Сколково.

Этот вывод подтверждается примером стран, которые по уровню благоприятствования бизнесу относятся к странам, занимающим 115–120 места: эти же государства занимают аналогично низкие рейтинги по уровню развития НЧП. Думается, что если бы к числу критериев, определяющих условия ведения бизнеса, отнести такие, как уровень образованности граждан, ожидаемая продолжительность жизни, уровень культуры и духовности (т. е. критерии НЧП), **то**

Табл. 3.

Страна	Рейтинг легкость ведения бизнеса	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Наём рабочей силы	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля
Свазиленд	115	158	24	55	158	43	180	54	158
Босния и Герцеговина	116	160	136	111	139	61	93	129	63
Никарагуа	117	95	137	84	143	87	93	165	99
Аргентина	118	138	168	101	115	61	109	142	110
Бангладеш	119	98	118	124	176	71	20	89	107
Российская Федерация	120	106	182	109	45	87	93	103	162

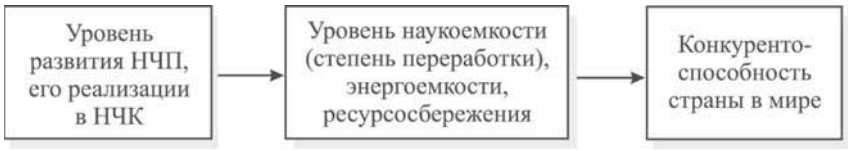


Рис. 5.

совпадение было бы полным. Это не случайно, ведь **качество трудовых ресурсов** в условиях XXI века будет определяющим фактором не только развития НЧП, но и экономики страны, которая становится все более наукоемкой. В развитых странах сегодня до 90 % прироста ВВП обеспечивается за счет наукоемких отраслей. На рисунке это можно было бы изобразить следующим образом — см. рис. 5.

Если согласиться с этой логикой, то можно упростить этот рисунок до простого тождества:

НЧП = Конкурентоспособность

Причем понятие «конкурентоспособность» сводится не только к экономическому, но и социальному и международному критериям.

Неизбежно следует согласиться и с другим выводом: говорить о повышении конкурентоспособности товаров и услуг (а тем более экономики, даже страны) в мире бессмысленно без того, чтобы страна достигла высокого уровня развития НЧП. Даже отдельные группы товаров, а тем более отрасли, в отдельной стране **не могут быть конкурентоспособными** у страны, не обладающей высоким уровнем развития НЧП.

Причем, наверное, этот вывод справедлив не только для продукции высокой степени переработки, но и по отношению к сырьевым товарам. Исключения могут составить только узкие группы сырьевых ресурсов, занимающих монопольное положение на рынке: в этом случае сырье, даже низкого качества будут покупать для последующей глубокой переработки. Но, следует признать, что само понятие «мировая конкурентоспособность» для таких групп товаров теряет смысл, ведь монополизм изначально исключает конкуренцию. Удивительно, но эта закономерность подтверждается и при сопоставлении конкурентоспособности стран-аутсайдеров, в т. ч. России (табл. 3).

Россия, занимающая 120-е место в рейтинге конкурентоспособности, полностью подтверждает этот вывод. Даже наличие энергоресурсов, прежде всего газа, занимающих заметное место в структуре энергопотребления Европы, не влияет на изменение рейтинга конкурентоспособности. Поэтому, если мы хотим изменить место России в мире, которое зависит во многом от конкурентоспособности ее экономики, то мы должны изменить сначала ее место в области развития НЧП. Технологичность, наукоемкость произведенного продукта или услуги — прямое следствие развития НЧП.

Не случайно эта логика вполне коррелирует и с рейтингом наукоемкой продукции, по которому Россия занимает одно из самых низких позиций. Как известно, на Россию приходится порядка 2 % мирового ВВП, но только 0,3 % наукоемкой продукции (для сравнения, эти показатели у США соответственно 20 % и 30 %).

Это означает, что если соотношение экономик России и США можно охарактеризовать как 1:10, то **в области наукоемкой продукции это соотношение будет примерно 1:100**, что, на самом деле, гораздо полнее характеризует реальность. Означает ли это такое же соотношение между НЧП России и США? Уверен, что нет. Парадоксально, но соотношение НЧП России и США приблизительно равно (даже без учета в разнице численности населения этих стран), но **реализация** национальных человеческих потенциалов, сильно, качественно отличается: НЧК России, вероятно, аналогична пропорциям экспорта наукоемкой продукции, т. е. 1:100.

Сказанное имеет прямое отношение к международной и национальной безопасности. Обладая таким огромным технологическим превосходством, США в XXI веке будут заинтересованы в ликвидации ядерного оружия не только в России, но и в других странах. Это оружие сегодня уравновешивает в какой-то мере военные возможности наших стран. Поэтому Б. Обама в числе важнейших своих приоритетов заявил о своем стремлении к безъядерному миру. Как пишет обозреватель М. Волкова, «Строго говоря, еще в своей знаковой пражской речи Обама наметил контуры американской политики в этом направлении. Во-первых, Вашингтон стремится укрепить режим нераспространения в мире, и прежде всего с прицелом на Иран. Во-вторых, при Обаме снова заговорили о необходимости ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных исследований (ДВЗЯИ) сенатом, отказавшимся это сделать, в отличие от России, еще 10 лет назад. В-третьих, США предлагают подумать над разработкой еще одного договора — об обращении ядерных материалов и продуктов»[21].

Но вот нужно ли это в ближайшие годы России? Вопрос, на мой взгляд, однозначно «нет». Наше технологическое отставание, в т. ч. в области обычных вооружений таково, что Россия потеряет последние гарантии своего суверенитета.

Низкий показатель НЧК также означает, что крайне низкая эффективность российского государственного, местного и общественного управления является **главной причиной**, кроме, естественно, отставания в развитии собственно НЧП. Такой вывод

Середина XX века Мощь государства в мире	**Начало XXI века** Мощь государства в мире
— военный потенциал; — экономический потенциал; — финансовый потенциал; — демографический потенциал; — морально-идеологический потенциал; — социокультурный потенциал; — научно-технический (военно-технический) потенциал; — наличие союзников; — географическое положение.	— национальный человеческий потенциал, **производным** от которого являются: — экономический; — научно-технический; — демографический; — морально-идеологический потенциал; — финансовый потенциал; — информационный потенциал; — военный потенциал; — общественный потенциал.

Рис. 6.

имеет принципиальное значение для современной России: необходимо проводить срочные и масштабные мероприятия в этой области. И прежде всего использовать такой мощный ресурс, как идеологию, которая выступает в **качестве самого эффективного инструмента управления.**

Другой вывод: «деидеологизация», «прагматизм», отрицание идеологии, наверное, главная причина низкого качества государственного и общественного управления, а, как следствие, низкой конкурентоспособности, а, главное, неэффективного использования огромного национального человеческого потенциала, **вполне сопоставимого с НЧП США**. Это и есть главный ресурс развития России. Что подтверждается множеством частных примеров.

На практике это видно, например, на положении России в Интернет-индустрии[22]. Компания Google, например, опубликовала список тысячи самых популярных сайтов в Интернете по количеству ежемесячных посетителей. На первом месте в рейтинге находится крупнейшая в мире социальная сеть Facebook.com, которую посещают **540 млн** посетителей в месяц, просматривая при этом 570 млрд страниц. На втором месте — Yahoo.com (490 млн посетителей), на третьем — Live.com (370 млн). В первую десятку также вошли: Wikipedia.org (310 млн), MSN.com (280 млн), Microsoft.com (230 млн), Blogspot.com (230 млн), Baidu.com (230 млн), QQ.com (170 млн) и Mozilla.com (140 млн).

Среди российских сайтов лидирует поисковая система Yandex.ru, которая занимает **57 место** (38 млн посетителей). Вторым по посещаемости российским ресурсом стал портал Mail.ru (37 млн). На **81 месте** находится крупнейшая социальная сеть российского интернета — Vkontakte.ru (26 млн), на 118 месте — социальная сеть Odnoklassniki.ru (21 млн). На 148 месте — Narod.ru (17 млн посетителей), на 178 — Rambler.ru (15 млн). Самый посещаемый российский новостной ресурс — сайт РИА Новости (Rian.ru) — занял на 568 строчку (6200 тыс посетителей)[23].

Иными словами «срез» положения России в Интернете показывает, что и в этой области наша страна находится в списке аутсайдеров, занимая место, которое в принципе совпадает **как с ИРЧП, так и местом на рынке экспорта наукоемкой продукции**. Подобные совпадения — ИРЧП, конкурентоспособности, технологичности — не случайны. Они отражают реальное положение вещей, а именно нарастающее отставание России в мире, которое определяется степенью реализации НЧП, т. е. НЧК, а не только его частью — технологиями.

Соответственно это непосредственно отражается на соотношении сил в мире, возможностях России и степени внешних угроз. Это должно очень беспокоить нас. Хотя бы потому, что в оценке соотношения сил в мире стремительно меняется не в пользу России. Как справедливо заметил бывший министр иностранных дел России И. Иванов, само «…содержание понятия „мощь государства“.., когда… на первый план все больше выдвигаются экономические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы влияния…»[24]. Эта мощь, а, соответственно, и влияние государства в мире сегодня выглядит следующим образом (рис. 6) (по сравнению с серединой XX века):

В период «фазового перехода», когда динамика изменений достигает своей высшей точки, неизбежно возникновение **новых угроз**. Сегодня это признается, но в редакции, которая определяется развитыми странами:

— международный терроризм;
— распространение ОМУ;
— экономические проблемы и т. д.

Но так ли это на самом деле? На мой взгляд, и приоритетность, и сами угрозы выглядят иначе, а именно:

— неравномерность развития отдельных государств;
— несправедливое распределение ресурсов, прежде всего финансовых;
— неэффективность международных институтов.

Представляется, что необходимо внести ясность в базисные представления национальной элиты о масштабах и реальности возможных угроз, стратегии развития России и, как следствие, ее внешней политике в XXI веке.

2. Главная цель внешнеполитической идеологии модернизации

Но бывает так, что эти возможности искусственно ограничиваются. И здесь проявляются… не только объективные причины, но и недостаточная решимость президента…[25].
Е. Примаков

Философия совместной работы лежит в основе внешней политики России. Ее сверхзадача — создание благоприятных внешних условий для комплексной модернизации страны, диверсификации экономики и ее перехода к инновационной модели развития[26].
С. Лавров

Внешнеполитическая идеология модернизации может быть только частью общей идеологии модернизации, причем **производной** от общей идеологии как **системы взглядов национальной элиты**. Не может быть «отдельной» внешней политики от политики внутренней, от взглядов на экономику, оборону, безопасность, социальную политику.

И прежде всего, когда речь идет о главной составляющей внешнеполитической стратегии — ее цели. В 2010 году в качестве главной внешнеполитической цели была заявлена модернизация, что, как я уже говорил, является абсолютным непониманием существа стратегии. В том числе внешнеполитической, ибо модернизация — это процесс, средство. Какова же может быть цель?

Ответ на этот вопрос, на самом деле, лежит на поверхности. Для этого необходимо просто ответить себе на вопрос, что является стратегической целью развития любой нации в XXI веке, вытекающей из особенностей фазового перехода. Как известно, в агрегированном виде это — ускоренное развитие НЧК, которое включает два основных, ведущих тренда «фазового перехода» — демографический и научно-технический. И эта констатация имеет принципиальное значение. Если в качестве главной цели развития мы признаем национальный человеческий капитал, а его основными **производными** — демографический и научно-технический, — то мы должны:

— «забыть» о всяческих макроэкономических показателях и прочих неолиберальных глупостях, которые де-факто являлись главными целями декларируемой Правительством последние 20 лет экономической и финансовой политики;
— понимать, что мощь нации и государства в XXI веке заключается во все большей степени в его людях, науке, образовании, культуре, а не в абсолютных и относительных показателях ВВП, которые являются абстрактными критериями, имеющими очень мало общего как с мощью нации, так и ее возможностями влиять в мире;
— национальная мощь и государственная становятся все более и более различимыми, а роль государства, как института нации, возрастает, но государство не может и не должно ассоциироваться с нацией;
— понимать, что мощь нации и государства — понятия **относительные**. В данном случае, относительно других наций и государств. Так, растущая экстенсивная мощь России, которая может войти даже в пятерку мировых лидеров по ВВП, в реальности стагнирует, если ее оценивать по уровню НЧП, а тем более его реализации в НЧК. ИРЧП, другие индексы, показатели и критерии свидетельствуют о том, что Россия в реальности **находится на 65-м — 85-м месте в мире**.

Измерить НЧП, как уже говорилось, можно количественными методами. Но даже если апеллировать к упрощенному показателю — ИРЧП, — то и здесь многое ясно: Россия по этому индексу в 2010 году занимала 65-е место. Для сравнения необходимо посмотреть на другие государства, чьи ИРЧП оценивались ПРООН в 2010 году. Их ИРЧП и является реальным критерием, который свидетельствует о степени развития нации. Как видно из табл. 4, Россия находится на 65-м месте, уступая, например, не только Литве, но и Малайзии.

В этой связи возникает естественный вопрос: почему правящая советская и российская элита с момента создания первого ИРЧП (в 1990 г.) не взяла в качестве цели развития экономики и общества стремление повысить место СССР–России в этом индексе? Почему все последние годы реальные критерии развития, в т. ч. ИРЧП, игнорировались правящими элитами? Почему вместо них ставились ложные цели — «перестройка», «демократизация», «приватизация» и т. д.

Наконец, а не пора ли эту цель сформулировать в качестве стратегической цели развития нации, включая сюда и относительно-тактический компонент — модернизацию. Кстати, модернизацию **чего**? Если только машин и оборудования, т. е. технологическое переоснащение, то это будет означать опять игнорирование главной цели — опережающего развития НЧП. Что именно сегодня и происходит, когда недофинансируется культура, образование, наука и НИОКР. Например, на 2011 год, как минимум, в 2 раза!

Не трудно увидеть, по каким именно критериям (компонентам в терминологии ПРООН) ИРЧП Россия опережает, а по каким отстает от других стран. Причем на протяжении опять же последних 20 лет.

Табл. 4. Указатель стран (в алфавитном порядке) и рейтинг по ИРЧП, 2010 год[27]

Австралия	2	Италия	23	Польша	41
Австрия	25	Йемен	133	Португалия	40
Азербайджан	67	Кабо-Верде	118	Российская Федерация	65
Албания	64	Казахстан	66	Руанда	152
Алжир	84	Камбоджа	124	Румыния	50
Ангола	146	Камерун	131	Сальвадор	90
Андорра	30	Канада	8	Сан-Томе и Принсипи	127
Аргентина	46	Катар	38	Саудовская Аравия	55
Армения	76	Кения	128	Свазиленд	121
Афганистан	155	Кипр	35	Сенегал	144
Багамские острова	43	Китай	89	Сербия	60
Бангладеш	129	Колумбия	79	Сингапур	27
Барбадос	42	Коморские острова	140	Сирийская Арабская Республика	111
Бахрейн	39	Конго	126	Словакия	31
Беларусь	61	Конго (Демократическая Республика)	168	Словения	29
Белиз	78	Корея (Республика)	12	Соединенное Королевство	26
Бельгия	18	Коста-Рика	62	Соединенные Штаты Америки	4
Бенин	134	Кот-д'Ивуар	149	Соломоновы Острова	123
Болгария	58	Кувейт	47	Судан	154
Боливия (многонациональное государство)	95	Кыргызстан	109	Суринам	94
Босния и Герцеговина	68	Лаосская Народно-Демократическая Республика	122	Сьерра-Леоне	158
Ботсвана	98	Латвия	48	Таджикистан	112
Бразилия	73	Лесото	141	Таиланд	92
Бруней Даруссалам	37	Либерия	162	Танзания (Объединенная Республика)	148
Буркина-Фасо	161	Ливийская Арабская Джамахирия	53	Тимор-Лешти	120
Бурунди	166	Литва	44	Того	139
Бывшая Югославская Республика Македония	71	Лихтенштейн	6	Тонга	85
Венгрия	36	Люксембург	24	Тринидад и Тобаго	59
Венесуэла (Боливарианская Республика)	75	Маврикий	72	Тунис	81
Вьетнам	113	Мавритания	136	Туркменистан	87
Габон	93	Мадагаскар	135	Турция	83
Гаити	145	Малави	153	Уганда	143
Гайана	104	Малайзия	57	Узбекистан	102
Гамбия	151	Мали	160	Украина	69
Гана	130	Мальдивские Острова	107	Уругвай	52
Гватемала	116	Мальта	33	Фиджи	86
Гвинея	156	Марокко	114	Филиппины	97
Гвинея-Бисау	164	Мексика	56	Финляндия	16
Германия	10	Микронезия (Федеративные Штаты)	103	Франция	14
Гондурас	106	Мозамбик	165	Хорватия	51
Гонконг, Китай (САР)	21	Молдова (Республика)	99	Центральноафриканская Республика	159

окончание табл. 4

Греция	22	Монголия	100	Чад	163
Грузия	74	Мьянма	132	Черногория	49
Дания	19	Намибия	105	Чешская Республика	28
Джибути	147	Непал	138	Чили	45
Доминиканская Республика	88	Нигер	167	Швейцария	13
Египет	101	Нигерия	142	Швеция	9
Замбия	150	Нидерланды	7	Шри-Ланка	91
Зимбабве	169	Никарагуа	115	Эквадор	77
Израиль	15	Новая Зеландия	3	Экваториальная Гвинея	117
Индия	119	Норвегия	1	Эстония	34
Индонезия	108	Объединенные Арабские Эмираты	32	Эфиопия	157
Иордания	82	Пакистан	125	ЮАР	110
Иран (Исламская Республика)	70	Панама	54	Ямайка	80
Ирландия	5	Папуа — Новая Гвинея	137	Япония	11
Исландия	17	Парагвай	96		
Испания	20	Перу	63		

Табл. 5. Индекс развития человеческого потенциала и его компоненты

Рейтинг страны по ИРЧП	ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении*	Средняя продолжительность обучения*	Ожидаемая продолжительность обучения*	Валовой нац. доход (ВНД) на душу населения	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом
Страны с очень высоким уровнем РЧП	**0,878**	80,3	11,3	15,9	37 225	—	0,902
Страны с высоким уровнем РЧП	**0,717**	72,6	8,3	13,8	12 286	—	0,749
Страны со средним уровнем РЧП	**0,592**	69,3	6,3	11,0	5134	—	0,634
Страны с низким уровнем РЧП	**0,393**	56,0	4,1	8,2	1490	—	0,445
Наименее развитые страны	**0,386**	57,7	3,7	8,0	1393	—	0,441
Весь мир	**0,624**	69,3	7,4	12,3	10 631	—	0,663

Примечание: данные за 2010 год, * — количество лет, ** — ППС в долл. США 2008 г.

Эти критерии (компоненты) также известны. Как и место России в отдельности по каждому из них. Это видно в специальной таблице ИРЧП (табл. 5, табл. 6), представляющей его компоненты[28].

Как видно, в 2010 году Россию опережали такие страны, как Албания, Перу, Коста-Рика, Панама, Уругвай и т. д. И видно, кстати, из-за каких показателей. В основном из-за ожидаемой продолжительности жизни. Как правило, нас опережают на 8–12 лет.

Но не только. Средняя продолжительность обучения в Албании, например, составляет 10,4 года, а в России — 8,8 лет (ниже только у арабских государств).

На мой взгляд, удивительно, что при разработке стратегии развития (если, уж, ее действительно кто-то хотел разрабатывать) не была положена простая и понятная схема: главная цель перемещение России по ИРЧП выше по списку стран (хотя бы в число стран, входящих в группу «с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала»), имея в виду, что стратегическая сверхзадача войти не в пятерку мировых лидеров по ВВП, а в пятерку мировых лидеров по ИРЧП. Таким образом ясна **долгосрочная цель**.

Другой аспект — стратегия. Здесь тоже можно было бы пойти по упрощенной схеме: если известно из чего складывается ИРЧП, то и развивать свои усилия, включая политические, финансовые и усилия, включая политические, финансовые и др., нужно в этих направлениях. То есть, развивать компоненты ИРЧП, а именно:

— ожидаемую продолжительность жизни при рождении;
— среднюю продолжительность обучения;

Табл. 6.

Рейтинг страны по ИРЧП		ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении*	Средняя продолжительность обучения*	Ожидаемая продолжительность обучения*	ВНД на душу населения**	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА								
1	Норвегия	0,938	810	126	173	58 810	2	0,954
2	Австралия	0,937	819	120	205	38 692	11	0,989
3	Новая Зеландия	0,907	806	125	197	25 438	30	0,979
4	США	0,902	796	124	157	47 094	5	0,917
5	Ирландия	0,895	803	116	179	33 078	20	0,936
6	Лихтенштейн	0,891	796	103	148	81 011	–5	0,861
7	Нидерланды	0,890	803	112	167	40 658	4	0,911
8	Канада	0,888	810	115	160	38 668	6	0,913
9	Швеция	0,885	813	116	156	36 936	8	0,911
10	Германия	0,885	802	122	156	35 308	9	0,915
11	Япония	0,884	832	115	151	34 692	11	0,915
12	Корея, Республика	0,877	798	116	168	29 518	16	0,918
13	Швейцария	0,874	822	103	155	39 849	–1	0,889
14	Франция	0,872	816	104	161	34 341	9	0,898
15	Израиль	0,872	812	119	156	27 831	14	0,916
16	Финляндия	0,871	801	103	171	33 872	8	0,897
17	Исландия	0,869	821	104	182	22 917	20	0,928
18	Бельгия	0,867	803	106	159	34 873	3	0,888
19	Дания	0,866	787	103	169	36 404	–1	0,883
20	Испания	0,863	813	104	164	29 661	6	0,897
21	Гонконг, Китай (САР)	0,862	825	100	138	45 090	–11	0,860
22	Греция	0,855	797	105	165	27 580	8	0,890
23	Италия	0,854	814	97	163	29 619	4	0,882
24	Люксембург	0,852	799	101	133	51 109	–18	0,836
25	Австрия	0,851	804	98	150	37 056	–9	0,859
26	Соединенное Королевство	0,849	798	95	159	35 087	–6	0,860
27	Сингапур	0,846	807	88	144h	48 893	–19	0,831
28	Чешская Республика	0,841	769	123	152	22 678	10	0,886
29	Словения	0,828	788	90	167	25 857	3	0,853
30	Андорра	0,824	808c	1041	115	38 056	–15	0,817
31	Словакия	0,818	751	116	149	21 658	12	0,854
32	Объединенные Араб. Эмираты	0,815	777	92	115	58 006	–28	0,774
33	Мальта	0,815	800	99	144	21 004	11	0,850
34	Эстония	0,812	737	120	158	17 168	13	0,864
35	Кипр	0,810	800	99	138	21 962	6	0,840
36	Венгрия	0,805	739	117	153	17 472	10	0,851
37	Бруней Даруссалам	0,805	774	75	140	49 915	–30	0,769
38	Катар	0,803	760	73	127	79 426	–36	0,737

окончание табл. 6

Рейтинг страны по ИРЧП		ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении*	Средняя продолжительность обучения*	Ожидаемая продолжительность обучения*	ВНД на душу населения**	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом
39	Бахрейн	0,801	760	94	143	26 664	–8	0,809
40	Португалия	0,795	791	80	155	22 105	0	0,815
41	Польша	0,795	760	100	152	17 803	4	0,834
42	Барбадос	0,788	777	93	134	21 673	0	0,806
	СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА							
43	Багамские Острова	0,784	744	111	116	25 201	–9	0,788
44	Литва	0,783	721	10 9	160	14 824	7	0,832
45	Чили	0,783	788	9 7	145	13 561	11	0,840
46	Аргентина	0,775	757	9 3	155	14 603	6	0,821
47	Кувейт	**0,771**	77 9	6 1	12 5	55 719	–42	0,714
48	Латвия	**0,769**	73,0	10,4	15,4	12 944	13	0,822
49	Черногория	**0,769**	74,6	10,6	14,4 h	12 491	16	0,825
50	Румыния	**0,767**	73,2	10,6	14,8	12 844	13	0,820
51	Хорватия	**0,767**	76,7	9,0	13,8	16 389	–2	0,798
52	Уругвай	**0,765**	76,7	8,4	15,7	13 808	3	0,810
53	Ливийская Араб. Джамахирия	**0,755**	74,5	7,3	16,5	17 068	–5	0,775
54	Панама	**0,755**	76,0	9,4	13,5	13 347	4	0,796
55	Саудовская Аравия	**0,752**	73,3	7,8	13,5	24 726	–20	0,742
56	Мексика	**0,750**	76,7	8,7	13,4	13 971	–3	0,785
57	Малайзия	**0,744**	74,7	9,5	12,5	13 927	–3	0,775
58	Болгария	**0,743**	73,7	9,9	13,7	11 139	10	0,795
59	Тринидад и Тобаго	**0,736**	69,9	9,2	11,4	24 233	–23	0,719
60	Сербия	**0,735**	74,4	9,5	13,5	10 449	11	0,788
61	Беларусь	**0,732**	69,6	9,3	14,6	12 926	1	0,763
62	Коста-Рика	**0,725**	79,1	8,3	11,7	10 870	7	0,768
63	Перу	**0,723**	73,7	9,6	13,8	8 424	14	0,788
64	Албания	**0,719**	76,9	10,4	11,3	7 976	19	0,787
65	**Российская Федерация**	**0,719**	**67,2**	**8,8**	**14,1**	**15 258**	**–15**	**0,729**
66	Казахстан	**0,714**	65,4	10,3	15,1	10 234	6	0,756
67	Азербайджан	**0,713**	70,8	10,2	13,0	8 747	8	0,769
68	Босния и Герцеговина	**0,710**	75,5	8,7	13,0	8 222	12	0,771
69	Украина	**0,710**	68,6	11,3	14,6	6 535	20	0,794
70	Иран (Исламская Республика)	**0,702**	71,9	7,2	14,0	11 764	–3	0,725
71	Бывшая Югославская Республика Македония	**0,701**	74,5	8,2	12,3	9 487	3	0,742

Примечание: данные за 2010 год, * — количество лет, ** — ППС в долл. США 2008 г.

— валовой национальный доход на душу населения (а по ВВП страны).

К этим компонентам я бы добавил ряд других, которые я включаю в понятие НЧП, а именно:

— культуру;
— духовность;
— отечественную науку.

Из этой стратегии развития страны становится понятной и роль внешней политики. Не абстрактная («создание условий») и не надуманная («модернизация»), а реальная: **создание дополнительных благоприятных возможностей для развития НЧП и его компонентов** — национального образования, культуры, науки, душевого дохода и увеличения продолжительности жизни. На схеме внешней политики это можно было бы изобразить следующим образом (рис. 7).

Не вдаваясь в детали стратегии, можно лишь сказать, что внешнеполитическая стратегия относится **к способам решения основных задач, а модернизация является одним из способов**. И, уж, никак не целью, а тем более самоцелью внешней политики.

У нас же в 2008–2010 гг. все оказалось перевернутым с ног на голову: модернизация (как один из способов развития НЧП) стала самоцелью. Это произошло **из-за отсутствия внятной и общепризнанной системы взглядов у российской элиты. Т. е. идеологии**.

Если мы обратимся в очередной раз к принципиальной схеме идеологии, то эту «внешнеполитическую область» стратегии нетрудно выделить. Она будет носить, очевидно, подчиненную, а не самостоятельный характер.

Из рисунка 8 видно, что:

— **модернизация**, в т. ч. внешнеполитическая, это наиболее эффективное использование и развитие национальных ресурсов (прежде всего НЧП, производственных активов, природных ресурсов) в политических целях;
— на формирование целей развития по-прежнему оказывают главное влияние **национальные интересы**. В качестве главного, как уж говорилось, выступает НЧП. Поэтому внешняя политика, сотрудничество с развитыми государствами, **не могут** стать определяющими в политике модернизации, а тем более противопоставляться им;
— **модернизация** — процесс, а не внешнеполитическая цель, тем более не самоцель. Это средство, которое может быть более эффективно, если для этого использовать активную внешнюю политику;
— главной целью, в т. ч. внешнеполитической, развитие становится НЧП[29].

Стремление России максимально использовать внешние факторы в интересах модернизации особенно проявилось в 2009–2010 годы после установочного выступления Д. Медведева перед послами и представителями России в МИДе летом 2010 года. Причем в целом ряде стран, например, в Китае, где уже многие годы внешняя политика была ориентирована на приоритетную задачу — модернизации страны, — как естественное, нормальное и правильное стремление воспользоваться преимуществами глобализации и международного сотрудничества.

С одной, весьма существенной, оговоркой. В Китае, да и в ряде других стран, где очень чутко следят за изменениями в концептуальных основах внешней политики России, были очевидно обеспокоены возможным «разменом» выгод модернизации, полученных от США Евросоюза, на изменение позиции нашей страны по вопросам безопасности. В частности, возможной ускоренной интеграцией России в военно-политическую структуру Евросоюза и НАТО. Подобный «обмен», надо сказать, откровенно предлагался рядом либеральных политиков летом–осенью 2010 года, хотя, естественно, на уровне реальной политики он не имел серьезной перспективы.

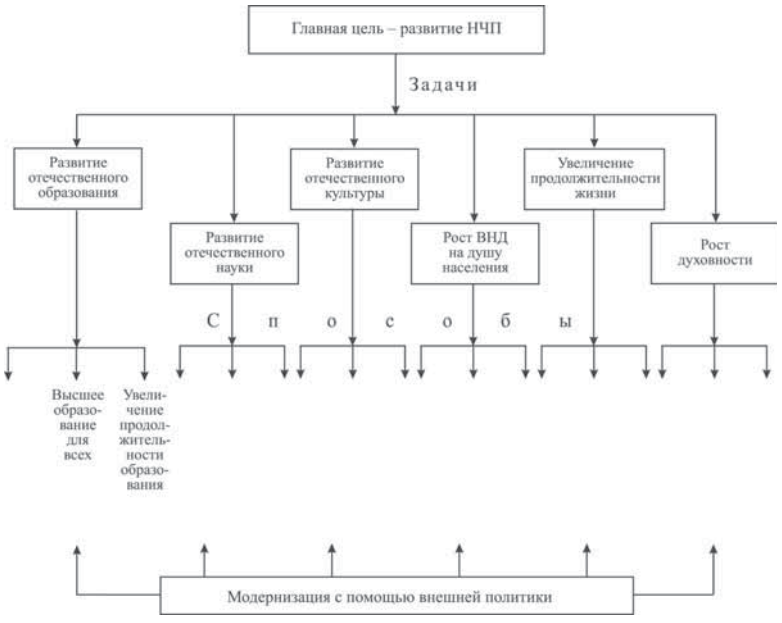


Рис. 7.

Рис. 8.

Интересно, что примерно в это же время в Китае обсуждались решения V пленума КПК, которые содержательно и удивительно полно совпадали с поставками основных проблем развития России, а, главное, как заявил мне в ноябре 2010 года президент китайского института международных отношений Ку Хинг, «Китайской элите и обществу нужна научно-обоснованная концепция развития, а также модель экономического развития применительно к новым условиям существования Китая». Среди основных положений этой новой концепции развития китайские эксперты подчеркивали (в приоритетном порядке) следующие:

— необходимость роста внутреннего потребления как главного стимула развития экономики и уменьшения зависимости от внешних рынков, проявившегося в период кризиса 2008–2010 годов (Подчеркну, что рост экономики в этот период составил 9,8 % ВВП);
— ликвидацию нарастающих социальных противоречий и диспропорций в китайском обществе;
— увеличение инвестиций в образование, науку, здравоохранение и другие области человеческого потенциала;
— совершенствование качества государственного управления;
— ускорение модернизации и внедрение наукоемких технологий как ответ на рост издержек на инновации.

Как видно, в Китае и России осенью 2010 года стояли примерно аналогичные проблемы развития и модернизации, что объясняется приблизительно равным уровнем развития НЧП этих стран.

Разница между Россией и Китаем, причем разница принципиальная, заключалась в том, что в Китае разрабатывали **свою** концепцию модернизации, а в России пытались по-прежнему использовать западную. Причем эта «своя» концепция оказалась очень удачной, а не просто оригинальной. Так, ученые ИМЭМО РАН уже в 2009 году признали, что «перспективы глобального технологического развития все больше формируются в быстрорастущих странах Азии, лидером которой как по масштабам, так и по динамике в настоящее время является Китай. Одним из важнейших проявлений этой тенденции является быстрое наращивание Китаем ресурсов для развития сферы научных исследований, а также бурный рост численности научно-инженерных кадров. Ожидается, что удельный вес Китая в мировых расходах на ИР возрастет с 9,5 % в 2007 г. до 12,5 % в 2009 г. (рис. 9). Соответственно, уменьшатся доли США, Японии и стран ЕС. Более того, в **2009–2010 гг. азиатские страны (включая Японию) в сумме превзойдут американский показатель затрат на исследования и разработки**. Кроме того, сохранение позитивной динамики экономического роста в Китае и Индии создаст дополнительные стимулы для активизации инновационных процессов в мире, а также существенно укрепит позиции стран Азии в глобальной инновационной сфере. Таким образом, в 2010 г. центр тяжести глобального развития научных исследований впервые в послевоенной истории может переместиться из Америки в Азию.

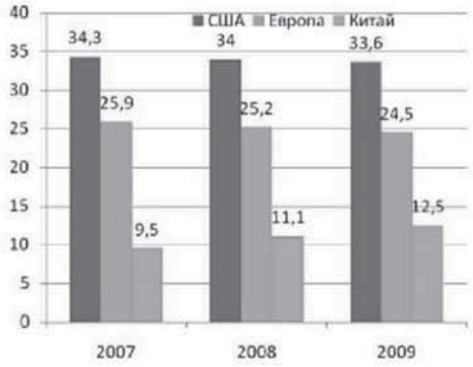


Рис. 9. Доля США, ЕС и Китая в глобальных расходах на ИР, %

Китай объявил и реализует всеми доступными средствами амбициозные долгосрочные планы превращения страны в инновационное общество, которые в 2009 г. были подкреплены чрезвычайными антикризисными мероприятиями. В середине мая Госсовет принял решение выделить дополнительные средства на ИР — около 5 млрд долл. Обосновывая это решение, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что инновации должны способствовать китайским компаниям в конкурентной борьбе за мировые рынки, и что Китай должен играть лидирующую роль в развитии инноваций»[30].

3. Новая идеология как условие модернизации

Идеология необходимой России модернизации не должна быть «пристегнутой» к одному или другому человеку, каким бы способным ни был такой политический лидер[31].
Е. Примаков

Из десяти политических решений, которые должен принять человек, на каком бы месте он ни находился, девять будут ему всегда предписаны обстоятельствами. И чем выше его пост, тем ограничение его свобода выбора.
Л. Фейхтвангер

Действительно, тот или иной политический лидер может выступить знаменем модернизационной программы, но никак не ее содержанием. Ее содержание принадлежит элите, к которой я отношу и наиболее креативные социальные группы всего общества. В этом случае модернизационная программа становится **общенациональной**, а не произведением «властной вертикали» или творчеством узкой группы лиц. Тем более, если эти лица, как и правящая элита, не пользуются авторитетом и когда их субъективные решения год за годом доказывают их непрофиционализм и неспособность к достижению общенациональных целях.

Новая идеология, включающая и концепцию модернизации, должна **заменить** субъективизм чиновников **системой взглядов**, которую разделяет общество и элита. На сегодняшней день такая фактически отсутствует, поэтому власть год за годом демонстрирует свою неэффективность и неспособность достигать результатов.

Мы не предлагаем **что-то качественно новое**, мы **даже не претендуем на идеологическое лидерство**, без которого не может быть лидерства вообще, в т. ч. в реальной модернизации. Мировой опыт показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но являются прежде всего **мировыми лидерами в идеологии**[32], т. е. выдвигают **наиболее привлекательные идеи, ценности и инновации**. Эти же страны, как правило лидеры в области технологий и могут предложить свои проекты модернизации.

Именно такими лидерами на протяжении многих десятилетний являются Соединенные Штаты, которые ставят эффективность своей стратегии развития и безопасности в прямую зависимость от своего идеологического лидерства. Причем речь идет прежде всего о системе ценностей, т. е. базовых положений идеологической системы США. Даже если такая идеологическая система официально не признается в качестве таковой. В своем предисловии к «Стратегии национальной безопасности» США в 2010 году президент Б. Обама откровенно декларировал: «В то время, когда мы боремся со стоящими перед нами проблемами, мы должны видеть горизонт, находящийся за ними, — мир, в котором Америка будет сильнее, безопаснее и способна к преодолению вызовов, **одновременно отвечая ожиданиям всех людей на планете**. Для достижения этого мы должны реализовать стратегию **национального обновления и глобального лидерства**, стратегию, которая восстановит основы американского могущества и влияния»[33]. «Глобальное лидерство», «отвечающее желаниям всех людей на планете», — недвусмысленная претензия на глобальное идеологическое лидерство. Причем — важно подчеркнуть — официально признаваемое на высшем политическом уровне. США не только не скрывают своих амбиций. Они подчеркивают их идеологическое значение.

Это положение становится особенно актуальным в связи с идеологическим кризисом либерализма в мире, который во многом был усилен наступившим в развитых странах экономическим кризисом 2008–2011 годов: США отнюдь не отказываются от идеологического лидерства, пытаясь адаптировать свои амбиции к меняющимся условиям. В США прекрасно понимают необходимость изменений. Они также не могут игнорировать очевидные кризисы в идеологии, примером чему стал соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, когда более 80 % опрошенных высказались против капитализма и его ценностей. Как справедливо заметил министр иностранных дел России С. Лавров, выступая 1 сентября 2010 года в МГИМО(У), «Сегодня весь мир находится на переломном этапе своей эволюции. Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его „родовых мук“. Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова…»[34].

Подчеркну, что идеологический кризис либерализма **не вынуждает отказываться США от претензий** на идеологическое лидерство. Наоборот, этот кризис **стимулирует** их к поиску новых идеологических решений, предложению своих ценностей в новой редакции. «Смена упаковки» не отражается, естественно, на содержании американских ценностей или на стремлении уступить свое идеологическое лидерство. Таким образом можно зафиксировать ясную взаимосвязь между идеологией и модернизацией в США.

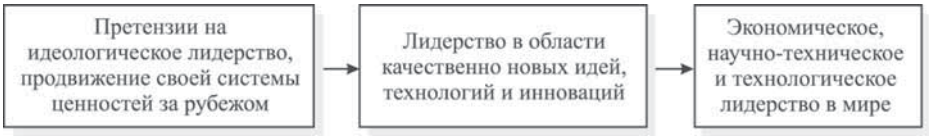


Рис. 10.

Как видно из рисунка 10, модернизация и инновации являются **следствием идеологического** (в т. ч. концептуального) лидерства. Это предполагает, что простое заимствование инноваций и идей **не может** стать основой для технологического лидерства, так как «выпадает» главный, концептуальный (ценностной) элемент системы.

Это же означает, что если в России начинают с разработки «стратегии модернизации» или «стратегии инноваций», вырывая ее из общего концептуального, идеологического контекста, то подобная искусственная конструкция очевидно «провисает», во-первых, не являясь логическим продолжением идеологической концепции и, во-вторых, не находя практического внедрения в экономику страны. Сегодня эти недостатки регулируются частными решениями на высшем уровне, фактически на «ручном управлении» или на частных примерах (Сколково, например).

Понятно, что требуется переосмысление развития ситуации в мире. Причем совместно, рядом государств и их элит. Но это-то и является самым трудным: поиск идеологического, ценностного компромисса гораздо тяжелее поиска совместных частных решений. Необходимость такого поиска российской стороной признал С. В. Лавров (что отнюдь не означает, что его точку зрения разделяет, например, американская сторона): «О реальной повестке дня в Евро-Атлантике, к примеру, говорят дискуссии по поводу т. н. конца прогресса, то есть по таким вопросам, как поиск путей сохранения достигнутого в Европе уровня жизни, приведение потребностей человечества в соответствии с возможностями ресурсной базы планеты, сопряжение стратегий национального развития с необходимостью обеспечения развития в глобальном масштабе. По сути, идет переосмысление самого понятия „прогресса“»[35]. «Переосмысление прогресса» действительно происходит во многих государствах. Понимание необходимости экологичных, ресурсосберегающих технологий неизбежно ведет к пониманию необходимости модернизации. Причем не только с экономической и технологической, но и социальной. Можно сказать, что началась конкуренция между государствами за лучшую модель модернизации.

Другими словами, речь идет о том, что в мире назрела необходимость (но пока не происходит) системная переоценка ценностей, отказ от прежних идей и концепций, объединенных в идеологии либерализма. В США и России это фактически признается. Но выводы из этого пока не делаются. Для России это означает, например, что просто скопировать чужой, а тем более казавшийся удачным, опыт, в основе которого лежат либеральные идеи, не удастся, что модернизировать предстоит не только всю экономику, **но и все общество и, наверняка, государство**. Это, в свою очередь означает, что **нужна идеология такой модернизации, как система** взглядов элиты (а не отдельный набор часто противоречивых идей) на цели, приоритеты развития, национальные ресурсы и эффективность их использования, а также адекватную оценку (или переоценку) мировых и внутриполитических реалий. Такая идеология модернизации может быть только частью идеологии. Наконец, как **часть** идеологии нужна **общенациональная стратегия**, которая, но может быть сведена, например, только к социально-экономической стратегии, но представляет собой науку и искусство достижения поставленных целей при отсутствии достаточных ресурсов (а ресурсов, как известно, никогда не бывает достаточно).

По сути дела выдвинутая Д. Медведевым идея модернизации предназначалась для компенсации растущих требований общества к элите о внятной идеологии, проявившихся, например, в дискуссии вокруг выдвинутого Н. Михалковым в октябре 2010 года манифеста «просвещенного консерватизма». Н. Михалков почувствовал быстрее других политическую конъюнктуру публичного прощания с либерализмом и необходимостью общенациональной идеологии, которая не только отвечала бы не вызовы модернизации, но и стала бы реальным инструментом управления. В том числе и управления модернизацией.

Надо сказать, что именно в этом своем качестве — способа управления — потребность в идеологии к 2010 году стала особенно острой. То, что большинство деклараций и программ оставались лишь заявлениями, более или менее удачными, — к этому уже даже привыкли. Даже те, кто делал такие заявления. Не только В. Путин и Д. Медведев, но и руководители меньшего ранга уже перестали реагировать на неисполнительность, пытаясь лишь в исключительных случаях довести дело до конца. Но когда дело касалось внешней политики, обязательств, взятых на государственном уровне, то их неисполнение (о котором другая сторона не забывала напомнить) вело «к потере лица» руководителей. Для «внешнего потребления» нужна была, кроме того, **внятная позиция по модернизации**, которая характеризовала бы внешнеполитический курс страны, позиционировала бы самого президента.

Другими словами, по разным причинам потребность в идеологии как стратегии развития, как инструмента управления, как внешнеполитического позиционирования к 2010 году стала не просто актуальной, **а неизбежной**. И в качестве такой идеологии была предложена модернизация. Не очень углубляясь в суть, не раскрывая содержания этого определения, а тем более стратегии, модернизация быстро превратилась в политическую самоцель и самоценность. В этом смысле Россия была ничуть не лучше и не хуже Китая и других стран, сделавших модернизацию целью и стратегией, превратив ее из процесса создания качественно новых идей, товаров и услуг **в политический процесс и самоцель**.

Конечно же, попытка подмены объективной необходимости в идеологии модернизацией окажется неизбежно неудачной. В очередной раз попытаются решить частные, тактические задачи, не определились с общими. Не веря в идеологию, не понимая ее необходимости, верхняя часть элиты в очередной раз прибегла к «прагматизму».

К сожалению, в России продолжается болезнь, связанная со страхами реанимации доминирующей партийной идеологии, когда во второй половине 80-х годов А. Н. Яковлевым был провозглашён курс на «деидеологизацию» идеологии. Эта ошибка так и не была позже никем исправлена. Хуже, элита оказалась не способной выйти на уровень больших обобщений и сделать идеологию своим инструментом управления. Действительно, а кто же конкретно принимает стратегические решения? Неужели это только президент или премьер? У нас ведь нет в реальности такого органа, как в СССР, который принимал бы стратегические решения. В Китае — понятно, США — тоже, а кто в России? Где орган стратегического планирования? Сегодня некоторые политологи и журналисты даже апеллируют к Конституции России, запрещающей государственную идеологию. (Чувствуют, по-видимому, куда идет дело). Речь идет о Статье 13(1) Конституции Российской Федерации, где говорится: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие», и (2), где констатируется, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»[36].

Но, **во-первых**, речь не идет о «государственной» идеологии, а, тем более, «обязательной». Не идет речь и о запрете иных идеологий. Я имею в виду доминирующую (общенациональную) идеологию правящей элиты и общества, где существует система взглядов на общие ценности, интересы, цели и способы развития, допускающая многовариантные толкования, в т. ч. заложенные в Конституции России, ее федеральных законах, традициях и нынешних объективных потребностях.

Во-вторых, такая общенациональная идеология не может быть «обязательной» или «устанавливаться в качестве „государственной“», т. е. монополией государственных институтов. Но она может и должна быть доминирующей хотя бы потому, что победившая на выборах партия обязана иметь свою идеологию. Такая идеология может и должна быть идеологией правящей элиты, основой для ее стратегии управления и развития государства.

В-третьих, опыт управления (в т. ч. российский) показывает, что корпорация, отрасль, предприятие, СМИ имеют **свои идеологии** развития в качестве инструмента управления. Более того, идеология сегодня рассматривается в качестве обязательного атрибута повышения эффективности управления. И самые либеральные СМИ, и частные корпорации, как оказывается, очень четко (а иногда даже жестко) придерживаются этой идеологии.

В-четвертых, «отказываясь» от идеологии, элита на самом деле просто дает возможность **чужой идеологии**, формировать систему ценностей, цели и стратегии (часто ложные) развития страны. Что, собственно, мы и наблюдаем последние 20 лет.

Наконец, **в-пятых,** нельзя создать эффективную стратегию или долгосрочный план без идеологии. Они — ее частный случай. Так происходит, например, с нынешним «частным случаем» — программами модернизации и инноваций, которые **вне системы** общепринятых взглядов сплошь и рядом допускают разные толкования, и даже крупные ошибки. Отсутствием идеологии, на мой взгляд, объясняется та низкая эффективность государственного управления, которое существовало в России все последние десятилетия, то, что большинство планов, концепций, стратегий и других решений оказались декларациями, не только плохо связанными между собой, но и не обязательными к выполнению. Любовь к «технологическим решениями» объясняет это: как только мы пытаемся выйти за рамки только технологий, мы сталкиваемся с нерешенными идеологическими вопросами, которые имеют большое практическое значение. Особенно это бросается в глаза во внешней политике, где сложилась традиция воспринимать внешнеполитический курс государства как доктрину, стратегию или, как минимум, личностную концепцию. Хочет того её автор, либо нет. Вся история международных отношений является подтверждением этому: «доктрина Брежнева».., «доктрина Никсона», «доктрина Рейгана», наконец, «Путина»[37]. Так, американские авторы справедливо подчеркивают, например, что «…строительство в России инновационной экономики, экономики знаний, должно стать непрерывным процессом, а не рассматриваться как цель…»[38]. Хотя именно это и происходит в России. Но тогда, что же формулируется в качестве цели? Тем более внешнеполитической? Пока что модернизация и инновации рассматриваются чаще как цель или даже самоцель, а не процесс. Но, если это так, то тогда для достижения **цели модернизации** второстепенное значение имеют другие внешнеполитические цели и даже национальные интересы. Остается одно: либо объявить, что модернизация стала главным нацио-

нальным интересом, либо назвать ее тем, чем она и является — процессом, — но тогда неизбежно придется внятно сформулировать цель (в данном случае внешнеполитическую).

Здесь возникает множество практических коллизий.

Так, если модернизация — главная внешнеполитическая цель, то ради нее можно отказаться от второстепенных? Например, традиций, национальных интересов, ценностей, суверенитета и пр. понятий, лежащих в основе внешней политики?

Как ни странно, но, как показывает дискуссия 2009–2010 годов, — можно. Некоторые авторы, призывая вступить в НАТО на условиях этого союза (а других и не может быть), фактически призывают к отказу от суверенитета. Ограниченный суверенитет предлагает и членство в Евросоюзе, где после декабря 2009 года существуют наднациональные органы власти и управления. Есть и откровенные заявления о том, что модернизация «несовместима с традицией».

Проблема формулирования целей внешней политики и модернизации — наименее проработанная сегодня. Она изначально «натыкается» на нерешенные вопросы мировоззренческого и иного плана. Так, например, как увязывается с внешней политикой России и модернизацией такая важная цель, как сохранение окружающей среды, имеющая не только внутриполитическое, но и международное значение. Причем это значение стремительно возрастает и неизбежно увязывается как со стратегией модернизации (ресурсосбережением, в частности), так и международными обязательствами России. И не только по Киотскому протоколу, но и множеству глобальных и региональных вопросов, имеющих всевозрастающее политическое и общественное значение.

Так, Кельтским университетом в 2010 году был составлен Индекс реализации программ по охране окружающей среды правительствами различных стран. Он включает 163 страны и 25 показателей и позволяет провести сравнения между пятью группами стран[39]. Россия заняла 69-е место (третья группа) (табл. 7). Примечательно, что в первой и второй группе находятся преимущественно страны, лидирующие также и в развития человеческого потенциала, а российский индекс практически совпадает с ИРЧП. Это совпадение не случайно. Оно говорит в пользу того, что состояние окружающей среды и политика элиты в этой области являются новым важным критерием, который должен учитываться при оценке НЧК.

Таким образом нерешенность мировоззренческих и идеологических задач становится серьезным препятствием для реализации планов модернизации. «Модернизация», «инновация» «опережающее развитие России», — термины, ставшие наиболее популярными в конце первого десятилетия XXI века, неизбежно натыкаются на известную излишнюю абстрактность, размытость и бессистемность. Насытить эти понятия конкретным содержанием — важнейшая задача, ведь как только мы начинаем рассуждать о модернизации, экономики (не говоря уже об обществе), мы немедленно выходим за рамки только технологических инноваций. Как справедливо отмечают американские эксперты, подготовившие в августе 2010 года доклад о модернизации, «…в России идет более общий процесс модернизации экономики и всего общества, что является главной задачей власти. Для этого важно добиться создания современных и прозрачных институтов, установить эффективную правовую систему, развить демократические процедуры»[40].

Отсутствие идеологии модернизации в качестве неизбежного следствия имеет непоследовательность, слабое целеполагание и стратегическое планирование, а, в конечном счете, — слишком большое количество невыполненных решений и тактических ошибок. На уровне общественного сознания это нередко выражается в восприятии действий власти как декларативных мер, отсутствии реальных результатов, «партийной пропаганды».

Вместе с тем, уже можно говорить о том, что идеи «модернизации» и «инноваций» стали не только модными терминами, но и декларациями политического руководства страны. В 2007–2010 годы они были положены в основу реального политического курса Д. Медведева, который стал оформлять в 2007–2010 годы. Точнее, эти идеи попытались положить в основу реальной политики. Они же стали предлогом острой идеологической дискуссии, суть которой, в конечном счете, сводится к тому, что ряд влиятельных сторонников модернизации, прежде всего из либерального лагеря, полагают, что ради неё необходимо «пожертвовать национальными интересами и ценностями», отказаться, в конечном счете, даже от многих атрибутов суверенитета.

Важнейший **идеологический вопрос,** вызывающий острые споры сегодня, — роль государства в развитии современной экономики, общества и человека. Предпринятая во второй половине 80-х годов кампания «борьбы с этатизмом» привела не просто к ослаблению роли государства и развалу экономики, но и институтов, государства, которые не восстановлены полностью до сих пор. «Возвращение» государства, начатое при В. Путине, встречает жесточайшее сопротивление и стало предметом острой дискуссии в 2005–2010 годах, поводом для которой может послужить любой частный случай — глупость чиновника, реальная трагедия, либо ошибка власти.

Мне кажется, очень важно разделить реальную, экономически и политически оправданную роль, которую должно играть современное государство в развитии нации, общества и экономики и те бюрократические и нравственные издержки, которые слишком часто становятся реалиями современной российской действительности.

Таким образом, идеи модернизации стали (хотят того или нет) предметом идеологического спора в 2008–2010 годах внутри правящей элиты и общества. Вновь

был поднят вопрос о роли государства, вообще, и в модернизации и внедрении инноваций, в частности. Так, в фундаментальном исследовании ученых МГИМО(У) один из авторов (И. Данилин, глава 27 «Инновационные циклы в политике России») пишет: «Важнейшим фактором научно-технологического развития передовых стран в XX веке стало формирование феномена Национальных инновационных систем (НИС). НИС представляет собой систему институтов, обеспечивающую постоянный процесс создания и овеществления знаний и технологий и рост динамизма инновационных процессов — условия формирования и развития „экономики знаний“. Определяющую, центральную роль в этой сложной системе **играет бизнес** (подч. — *А. П.*). На его долю приходится основной объем НИОКР и большая часть коммерческих инноваций (сердце НИС). Иными словами, бизнес-процессы выполняют роль двигателя и движителя НИС. Однако особенностью НИС и залогом их эффективности является то, что они обеспечивают сложную и динамичную систему отношений между всеми основными акторами инновационного процесса: государством, наукой, бизнесом»[41].

На самом деле в реальности в России бизнес и вся банковская система финансируют инновации на доли процентов, а решающая роль и инициатива принадлежит государству. Как, впрочем, и в других развитых странах, наиболее преуспевших в научно-технологической области. Президент Д. Медведев, например, «с удивлением» узнал во время поездки в Калифорнию в 2010 году, что даже в либеральных США более 50 % инвестиций в фундаментальную науку и НИОКР идет от государства, либо от институтов, созданных государством. Так что **вина за деградацию науки в России, как и ответственность за возможный будущий подъем, лежит прежде всего на государстве**, а, точнее, на проводимой правящей элитой в последние десятилетия политике. В конечном счете это — следствие ложной либеральной идеологии, в соответствии с которой с конца 80-х годов XX века в СССР и России пытались доказать возможность и необходимость «самофинансирования» российской науки, приоритета в этой деятельности бизнеса или зарубежных институтов (доля которых, кстати, в общем объеме инвестиций в науку, образование и другие области человеческого капитала составило в 2008–2010 годах несколько процентов от общего объема).

В этой связи вновь встает, по сути, идеологический вопрос о роли государства в модернизации, которую пытались свести к минимуму в последние десятилетия. Примечательно, что анализ инновационной политики США, сделанный нью-йоркской академией наук, показывает, что эта страна максимально использовала инструмент государства (как впрочем, и другие страны-лидеры) для быстрой модернизации[42].

Так, Соединённые Штаты предлагают как налоговый кредит, так и налоговые вычеты для покрытия издержек на научно-исследовательские цели. Больший размер поддержки выделяется на научно-исследовательские цели бизнеса путём прямого финансирования, а не через налоговые льготы. Налоговые кредиты в США облагаются налогом. Однако существует ряд таможенных льгот.

До конца 2009 года США давали налоговые кредиты на увеличение затрат на научно-исследовательские цели и позволяли списывать до 14 % от суммы налога к уплате на определенного вида издержки, при этом малый бизнес может списывать **все затраты на НИОКР на себестоимость** (подч. — *А. П.*). Если

Табл. 7.

EPI SCORES 100–85	EPI SCORES 85–70	EPI SCORES 70–55	EPI SCORES 55–40	EPI SCORES 40–25
1 Iceland **93.5**	**5** Norway **81.1**	**26** Belize **69.9**	**100** Eritrea **54.6**	**154** Benin **39.6**
2 Switzerland **89.1**	**6** Mauritius **80.6**	**27** Antigua and Barbuda **69.8**	**101** Swaziland **54.4**	**155** Haiti **39.5**
3 Costa Rica **86.4**	**7** France **78.2**	**28** Singapore **69.6**	**102** Côte d'Ivoire **54.3**	**156** Mali **39.4**
4 Sweden **86.0**	**8** Austria **78.1**	**29** Serbia and Montenegro **69.4**	**103** Trinidad and Tobago **54.2**	**157** Turkmenistan **38.4**
	9 Cuba **78.1**	**30** Ecuador **69.3**	**104** Guatemala **54.0**	**158** Niger **37.6**
	10 Colombia **76.8**	**31** Peru **69.3**	**105** Congo **54.0**	**159** Togo **36.4**
	11 Malta **76.3**	**32** Denmark **69.2**	**106** Dem. Rep. Congo **51.6**	**160** Angola **36.3**
	12 Finland **74.7**	**33** Hungary **69.1**	**107** Malawi **51.4**	**161** Mauritania **33.7**
	13 Slovakia **74.5**	**34** El Salvador **69.1**	**108** Kenya **51.4**	**162** Central African Republic **33.3**
	14 United Kingdom **74.2**	**35** Croatia **68.7**	**109** Ghana **51.3**	**163** Sierra Leone **32.1**
	15 New Zealand **73.4**	**68** Egypt **62.0**	**110** Myanmar **51.3**	
	16 Chile **73.3**	69 Russia 61.2	**111** Tajikistan **51.3**	
	17 Germany **73.2**	**70** Argentina **61.0**	**112** Mozambique **51.2**	
	18 Italy **73.1**		**113** Kuwait **51.1**	

Рис. 11. Динамика представлений населения о целесообразности совершения крупных потребительских расходов и накопления сбережений (индекс построен как разность положительных и отрицательных ответов плюс 100)

объём возможных списаний превышает величину налога к уплате, льгота может быть перенесена на следующий фискальный год или амортизирована в течение 60 дней.

Чтобы иметь право воспользоваться льготами, исследования необходимо проводить на территории США. Для получения налогового кредита расходы на НИОКР в текущем году должны составлять более высокую долю от дохода компании, чем в предыдущем.

Примечательны «уроки», которые выносят американские исследователи из существующей практики, применительно к роли государства[43]:

«— **Государственные закупки создают рынок, необходимый для ускоренного развития технологий.**
— **Сильная система высшего образования является критическим фактором для кадрового обеспечения инноваций. Важно, чтобы университеты не только занимались образованием и наукой, но и сосредоточили свое внимание на формировании среды для коммерциализации.**
— **Чёткие законы и правила создают открытую и прозрачную среду, необходимую для привлечения, сохранения и создания высокотехнологических фирм.**
— **Правительство может и должно быть катализатором отношений, необходимых для коммерциализации технологий.**
— **Государственный финансовый капитал — основа поддержки исследований и развития технологий на ранней стадии, поскольку частный сектор считает инвестиции на этом этапе слишком рискованными.**
— **Правительственная поддержка важна как для стартапов, так и более зрелых компаний».**

Для меня осуществление модернизационного проекта в России, как, впрочем, и в любой другой стране, требует прежде всего идеологически обоснованной концепции, т. е. **идеологии модернизации**, которая выступает самым эффективным инструментом управления. Модернизация — это прежде всего ясное определение цели (ибо, как уж говорилось, сама по себе модернизация только процесс) и, как следует из определения стратегии, ясности с ресурсами и возможностями для достижения поставленных целей. При этом ресурсов всегда будет не хватать, поэтому необходимы приоритеты (а это — уже идеология), нужна **мобилизация** — идеологическая, политическая, организационная, ресурсная — власти, элиты и общества. Причем такую мобилизацию необходимо привязать ради **общенациональной цели**, понятной каждому, сформулированной в виде идеологемы (идеологем) — образно, привлекательно, мобилизующее.

Сегодня, к сожалению, в российском обществе превалирует одна идея — потребительство, — унаследованная от господства либеральной идеологии. «Благополучие» людей, семей и в целом нации рассматривается (в том числе и на самом высоком уровне) как материальное благополучие, способность приобретать все большее количество товаров и услуг. Эта тенденция хорошо видна из десятилетних опросов социологов (рис. 11)[44].

Если целью модернизации станет общество, которое много (даже чрезмерно) потребляет, то это общество перестанет быть нацией, а государство превратится в государство-потребитель. Как это произошло с США. Ни о какой внутренней, а тем более международной, гармонии в таких обществах говорить будет нельзя. Борьба за уровень потребления и ресурсы станет целью внешней политики.

Модернизация требует, кроме того, **полной концентрации ресурсов и воли**, даже куража, убежденности в правильности поставленных целей и в своих

Табл. 8. Развитие мировой экономики, в долл. США, в ценах и по ППС 2008 г.*

	Общий объем ВВП, млрд долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс долл.		
	2008	2009	2010	2008	2009	2010	2008	2009	2010
ВЕСЬ МИР	69698	69560	71930	100	100	100	10,4	10,3	10,5
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	37790	36965	37690	54,2	53,1	52,4	38,2	37 2	37,8
США	14441	14370	14870	20,7	20,7	20,7	47,5	46,9	48,1
Япония	4355	4225	4290	6,2	6,1	6,0	34,1	33,1	33,6
ЗОНА ЕВРО	10899	10535	10620	15,6	15,1	14,8	33,4	32,3	32,4
ЕС 27	15272	14770	14900	21,9	21,2	20,7	30,7	29,7	29,9
Германия	2925	2825	2865	4,2	4,1	4,0	35,6	34,4	34,9
Франция	2112	2070	2100	3,0	3,0	2,9	34,0	33,3	33,7
Италия	1841	1770	1785	2,6	2,5	2,5	30,8	29,5	29,7
Великобритания	2176	2100	2130	3,1	3,0	3,0	35,4	34,1	34,4
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ	26650	27595	29145	38,2	39,7	40,5	5,0	5,1	5,3
КНР	7903	8615	9475	11,3	12,4	13,2	6,0	6,5	7,1
Индия	3388	3585	3830	4,9	52	5,3	3,0	3,1	3,3
Бразилия	1977	1970	2035	2,8	2,8	2,8	10,3	10,2	10,5
СТРАНЫ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ	5258	5000	5095	7,5	7,2	7,1	13,1	12,4	12,6
Россия	2288	2105	2160	3,3	3,0	3,0	16,1	14,8	15,2

*Данные за 2009 и 2010 год рассчитаны по прогнозируемым нами темпами прироста ВВП и затем округлены

Табл. 9

	Территория (тыс кв. км)	Население (млн чел.)	ВВП (ППС) (млрд долл.)	Подушевой ВВП (ППС) (тыс долл.)
Бразилия	8547	193	1701	9,1
Мексика	1967	105,3	1171,5	11,2
Аргентина	2767	39,1	621	15,9
Колумбия	1139	45,6	378	8,1
Венесуэла	910	27,2	193,2	7,2
Россия	—	140,0	1400,0	14,5

силах, расширении круга сторонников, более того, искусственного создания социальной базы таких сторонников (т. е. политических действий). Сами по себе сторонники модернизации не рождаются. Все это может обеспечить **только идеология**. Соответственно, продолжая «отрекаться» от идеологии, мы лишаем себя изначально такой возможности, хотя видим, как тщательно продумывают идеологию развития, например, корпорации, ее руководители. Так, руководство «Ростехнологии», например, приняло решение, что, **во-первых**, управление и идеологию развития корпорации осуществляет Управляющая компания. **Во-вторых**, эта компания вырабатывает и отвечает за общую концепцию, **в-третьих**, осуществляет контроль и мониторинг, **в-четвертых**, периодически координирует отдельные бизнес-единицы по вопросам общей стратегии[45].

В этой связи у меня возникают закономерные вопросы, на которые до сих пор не получены ответы: **кто** конкретно отвечает за «Концепцию» модернизации? **Кто** контролирует и осуществляет мониторинг? **Кто** координирует единую стратегию (если она есть) и **какова эта стратегия**?

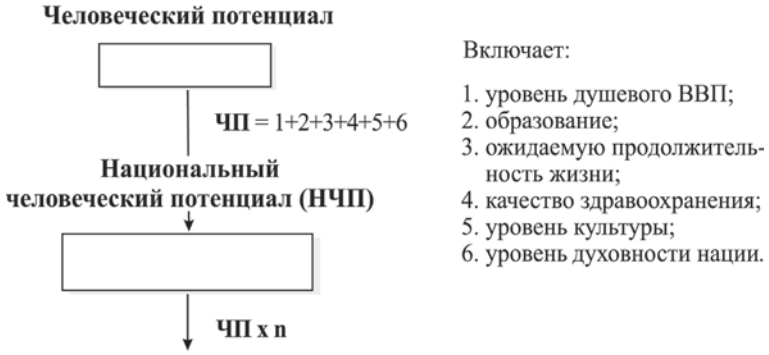
Ответ — Правительство РФ — не годится. Правительство в принципе не может сконцентрироваться на модернизации по многим причинам, но главная — текущая деятельность, решение многочисленных проблем, которые являются его исключительной компетенцией. Кроме того, правительство не может непосредственно заниматься политикой, отношениями с партиями, обществом, Федеральным Собранием РФ.

Очевидно, что нужен главный координирующий орган, «Управляющая» компания, способная руководить не только бизнес-структурами, исполнительной властью, Федеральным Собранием, но и обществом. Это в российских условиях — прерогатива исключительно Президента России, его администрация или созданного им специального органа (либо существующего, которому даны такие полномочия, например,

Госсовету, который уже сыграл в реформах России за 300 лет важную роль).

Применительно к современной России, это **идеология опережающего развития**[46], т. е. **система** современных взглядов на цели, приоритеты и способы развития, где главной целью и основным средством является развитие национального человеческого потенциала (НЧП).

По мнению экспертов, ситуация в этих областях за последние год–полтора не претерпела никаких изменений. Россия продолжает оставаться привлекательным торговым партнером, особенно в энергетической сфере, однако существуют серьезные опасения по поводу долгосрочных инвестиций и протекционистской политики. Позитивные сдвиги, произошедшие в России за 2009–2010 годы, участники опроса относят на счет внешнеполитической и дипломатической деятельности. Также, по мнению экспертов, некоторое улучшение отмечается в области безопасности[47]. НЧК, на мой взгляд, может быть в простой схеме изложено следующим образом (рис. 12).



Еще в XVII веке родоначальник английской классической политэкономии В. Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. По его методу «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят». Ценность всего населения Англии того времени он оценивал примерно в 520 млн фунта стерлингов, а стоимость каждого жителя в среднем 80 фунта стерлингов. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей и их способности к труду. Так, взрослого Петти оценивал вдвое дороже, чем ребенка, а «моряк в действительности равен трем крестьянам».

$$\mathbf{n = (n_1 - n_2) + (n_3 \times 10)}$$

для России в 2010 году:

n = (70 млн – 10 млн) + (15 млн × 10) = 210 млн чел.

где: n — число жителей страны, но оно состоит

из: n_1 — активное население (для России примерно 70 млн чел.), где его часть, примерно 20 %, принадлежит к креативному классу;

n_2 — неактивное население (для России примерно 10 млн чел.);

n_3 — креативная часть общества (примерно 15 млн чел.);

10 — «коэффициент полезности» индивидуального человеческого потенциала

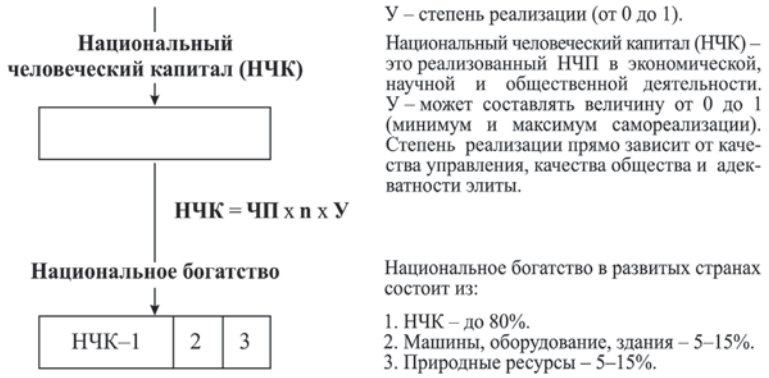


Рис. 12. Принципиальная схема формирования национального человеческого капитала (НЧК)

Таким образом, очевиден вывод: во-первых, величина национального богатства **во все большей степени определяется НЧК**, а, во-вторых, следуя логике, модернизация, как процесс и идея, должна предполагать для элиты, власти и общества не только и не столько модернизацию техники и технологий, сколько **опережающее развитие НЧП** и его эффективную реализацию, т. е. превращение потенциала в капитал (НЧП — НЧК).

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития — иностранные инвестиции — не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в I квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию[48].

Критерий «опережающее развитие» принципиально важен для России, которая в целом за период 1990–2010 годов показала нулевые темпы прироста ВВП, в то время как КНР, например, увеличил свой ВВП в 10–15 раз! За эти же годы развитие страны в среднем обеспечивали прирост ВВП в 2–3 %, а ряд других стран (Индия, Бразилия, Пакистан и др.) — 5–7 %.

В целом мировая экономика в 2008–2010 годы (и соотношение экономических сил) выглядело следующим образом (табл. 8)[49].

Это означает, что Россия «потеряла» 20 лет в своем развитии, за которые другие страны стремительно ушли вперед. Как результат произошло изменение в соотношении сил в мире явно не в пользу России, который можно компенсировать только стремительными темпами (опережающими) роста ВВП страны. На мой взгляд, эти темпы могут (особенно в новых отраслях) и **должны быть** не ниже 10–12 %, а в новых отраслях — до 30–40 %. если Россия сохранит нынешнюю модель развития и модернизации, то она окончательно «уравняется» по основным показателям с латиноамериканскими государствами[50] (табл. 9).

Удивительно, насколько основные критерии — душевой ВВП и средняя продолжительность жизни (они же главные критерии НЧП) — латиноамериканских государств и России совпадают.

Табл. 10

	Год	Средняя продолжительность жизни
Латинская Америка	1960	56,5
	1980	64,7
	2001	70,6
Восточная Азия	1960	39,2
	1980	60,0
	2001	69,2
Россия	2001	67,0

Понятно, что для решения задачи опережающего развития нынешняя стратегия (концепция социально-экономического развития и модернизации) не пригодна. Она даже и не ставит такой задачи, экстраполируя существующие темпы роста на будущее. Нужна политически сформулированная цель опережающего роста, где технологическая модернизация стала бы одним из инструментов. Тем более такая технологическая модернизация, которая основывается на зарубежных заимствованиях.

Если в КНР, например, планируют к 2035–2050 годам увеличить душевой доход до уровня развития стран, т. е. уровня, который будет у них к 2050 году, то это означает, что страновой ВВП КНР (населения которой, несмотря на все меры, растет на 15–20 млн человек в год и достигнет 1400–1450 млн), вероятно, будет составлять не менее 35–40 % мирового ВВП. Можно оказать, что относительно всей мировой экономики, доля ВВП стран Евросоюза и США снизится с нынешних 20 и 22 % до 15 и 17 % соответственно.

Если допустить, что Россия предпримет все меры для опережающего роста, то ее ВВП может вырасти с нынешних 2,5 % до 9–10 % от всей мировой экономики, что позволит ей остаться в качестве суверенной страны и сохраниться в качестве самостоятельного центра силы.

Но главное, всё-таки, не в абсолютном или относительном объёме ВВП, а в его качестве, который через 20–30 лет будет определяться практически на 90 % уровнем НЧК. Это означает, что и соотношение сил в мире также будет определяться соотношением национальных человеческих капиталов.

Табл. 11

2010 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 70 %)		2035 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 90 %)
США, Япония и страны Евросоюза ~ 50 % мирового ВВП	→	30 %
Китай ~ 6 %	→	35–40 %
Индия ~ 2 %	→	10 %
Россия ~ 2 %	→	6 %

Таким образом, абсолютный и относительный рост НЧК в стратегической перспективе 20–30 лет окажется решающим при определении соотношения сил в мире и, как следствие, всей международной системы безопасности, международных институтов и национальных внешнеполитических стратегий. В этих условиях принципиально важно разработать такую государственную стратегию развития, которая отражала бы тенденцию роста значения НЧП. Прежде всего с точки зрения политики модернизации, которая должна быть ориентирована на ускоренную модернизацию НЧП. Сегодня, как известно, структура национального богатства развитых стран выглядит следующим образом (рис. 13).

Рис. 13. Структура национального богатства развитых стран

Из этого рисунка следует, что будущее соотношение сил государств в мире уже сегодня предопределяется темпами развития НЧП и в значительно меньшей мере модернизацией производственных активов или использованием природных ресурсов. И абсолютно, и относительно. Соответственно и вся система международной безопасности будет определяться государствами-лидерами в НЧК.

При этом очень важно понимать, что национальная система ценностей, традиции и приоритеты государств-лидеров неизбежно станут доминировать при формировании новой системы международной безопасности. Именно они, а не международно-правовые нормы и соглашения станут основой для создания системы международной безопасности. Право, в т. ч. международное право, во всё большей степени будет определяться НЧП стран-лидеров.

В современных условиях эти темпы роста может обеспечить только быстрый рост НЧП. Причем это не только опережающее развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и всех его составляющих, но и его **реализация, т. е. превращение в национальный человеческий капитал** (НЧК). Это уже зависит в основном от качества государственного и общественного управления. Ясно, что если наша страна выберет либеральную идеологию модернизации (т. е. технологические заимствования), то этот выбор не обеспечит решение задачи опережающего развития. Отсюда следует неизбежный вывод: нужна **национальная идеология модернизации**.

Вообще-то говоря, вся история человечества — это история идей и идеологий[51]. Включая, конечно же, современный период, который, на мой взгляд, является наиболее идеологизированным. В идеологической форме выражаются наиболее актуальные потребности и интересы наций и их элит, отдельных социальных слоев и групп, которые трансформируются в цели. Идеология во многом предопределяет выбор средств их реализации, а также какие ресурсы, сколько и когда будут затрачены. Если же мы изначально ориентируемся на заимствования и на отказ от собственной, национальной концепции модернизации, то ставим себя, в т. ч. и с внешнеполитической точки зрения, в прямую зависимость. Хуже, мы добровольно отказываемся от лидерства.

Весь процесс — от целеполагания, прогноза и стратегического планирования до методов реализации и использования ресурсов, то, что называется государственной стратегией развития[52], является **производной частью идеологии**. Поэтому невозможно «изобрести» эффективную стратегию или концепцию развития вне идеологии, нельзя ее «заимствовать», как, впрочем, нельзя и заменить идеологию технологиями. Нельзя и, как это пытаются сделать сегодня, заменить общенациональную стратегию развития социально-экономической стратегией, даже если она и рассчитана на долгосрочную перспективу (например, до 2020 года). Это стратегии разного уровня. Они отражают разные приоритеты. В отличие, например, от Китая, который, провозгласив модернизацию, четко определил свои приоритеты. «Уже в самом начале реформ Дэн Сяопин, — пишет академик А. Торкунов, — потребовал, чтобы внешняя политика была подчинена исключительно интересам модернизации…»[53]. Д. Медведев, напомню, заявил об этом только в июне 2010 года на совещании в МИДе с послами и постоянными представителями. Причем модернизация понимается в узком, «технологическом» смысле этого слоя, как заимствования технологий и оборудования, т. е. той части национального богатства, которая сводится к производственным активам.

Подобный подход малоперспективен. Как уже показана выше на рисунке, производственные активы не только наименьшая часть национального богатства (для России ее доля еще меньше, чем для развитых стран и составляет не более 10–15 %), но и в перспективе будет сокращаться относительно доли НЧП.

В этой связи становится особенно актуальным исследование позиций представителей отдельных групп правящей российской элиты, которые существенно отличаются в зависимости от их профессиональной принадлежности. Попытка такого анализа на примере элит США и СССР на рубеже 60-х годов прошлого века сделаны профессором МГИМО(У) М. Хрусталевым. Картина, которая сложилась после проведенного конвент-анализа, показала различные подходы, существовавшие у разных групп советской и американских элит[54] (табл. 12).

Табл. 12

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % СССР–США	Экономика, % (финансовые расходы) СССР–США	Внутренняя ситуация, % СССР–США
политическая	45–20	20–25	35–55
военная	70–25	10–15	20–60
экономическая	15–5	40–35	45–60
научная	30–15	0–20	70–65

Табл. 13.

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % Россия	Экономика, % (финансовые расходы) Россия	Внутренняя ситуация, %, Россия
политическая	20	40	40
военная	—	—	—
экономическая	20	40	40
научная	—	—	—

Как отмечал М. А. Хрусталёв, исследование показало «единодушие» американских элит в ориентации на внутреннее положение в США как решающего фактора при разработке внешней политики. Действительно, от 55 до 65 % всех представителей американской элиты думали именно так.

Если мы попробуем по такой аналогии провести исследование относительно российской элиты, то мы наверняка придем к следующим выводам:

— влияние военной и научной элиты ничтожно и его можно вообще не учитывать;
— влияние экономической элиты, заинтересованной в создании благоприятных внешних условий, оказывается решающим. При этом интересы безопасности волнуют эту элиту меньше, чем любых других;
— влияние политической элиты, безусловно, определяющее, но оно акцентировано не на международной безопасности, а на внутренней ситуации.

В целом матрица, на мой взгляд, выглядит следующим образом (табл. 13).

Очевидна, на мой взгляд, недооценка российской правящей политико-экономической элитой факторов международной безопасности, что может негативно отразиться на суверенитете и положении России в будущем мире. Ради решения сложных проблем модернизации и внутренней политики правящая российская элита оказывается не способной заглянуть на 20–30 лет вперед. Подход к модернизации как самоценности может поставить Россию в будущем в зависимость от Запада.

4. Новые международные реалии и НЧП России: «инновационный разгром»?

… если «однополярность» — знак возросшей политической зависимости России от США, то «многополярность» — воплощение реального, но плохо осознаваемого в Москве превращения российского Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая…[55]

А. Богатуров, профессор МГИМО(У)

Фактически последние полтора года США содержат армию и производят социальные выплаты за чужой счет…[56]

Википедия

В вопросах международной безопасности в XXI веке важную роль играют новые факторы — как международные реалии, так и роль НЧП[57], значение которого в России стремительно снижалось последние десятилетия. По оценке экспертов, по сравнению с советскими временами, «поток инноваций» сократился в 15 раз. Сегодня одна (!) японская корпорация «Панасоник» регистрирует патентов в четыре раза больше, чем вся Россия[58].

Место России и ее социально-экономическое положение в условиях глобализации можно оценивать только относительно других стран, прежде

всего стран-лидеров, а не сравнивая ее положение с началом 90-х годов, как это делают сегодня. Сегодня в этом сравнении она катастрофически проигрывает, занимая первое место по абсолютной величине убыли населения, количеству самоубийств, смертности на дороге, числу разводов, абортов, брошенных детей, смертности от заболеваний, торговле людьми, потреблению наркотиков и крепкого алкоголя, приросту ВИЧ-инфицированных, количеству авиакатастроф, загрязнению окружающей среды.

И, наоборот, по показателям, характеризующим развитость экономики и общества, качество НЧП — стабильно места во второй сотне государств мира.

Мировые реалии — группа факторов, оказывающих серьезное воздействие как на цели, формулируемые элитой, особенно во внешней политике, так и на всю систему национальных интересов и ценностей (рис. 14).

Это место, отводимое международным реалиям, в системе взглядов элиты очень важно понимать. Международные реалии:

— непосредственно влияют на цели внутренней и внешней политики, но не формируют их, если элита самостоятельна, а государство сохраняет суверенитет;
— влияет также непосредственно на национальные интересы и ценности, но не заменяет их, если, конечно, суверенитет государства и самостоятельность нации не ставится под сомнение;
— косвенно (через цели и национальные интересы) влияет на ресурсы и стратегию развития государства;
— косвенно влияет на саму элиту, ее представления (если элита самостоятельна и отражает национальные интересы, а не компрадорская).

В зависимости от того, насколько правящая элита страны адекватно воспринимает национальные интересы (которые, как правило, являются компромиссом, некой «равнодействующей силой» между внешними факторами и ресурсами), она формулирует свои внешнеполитические цели. Условно, это может быть названо вариантами «а», «б», «в». Если она переоценивает влияние международных реалий, то, соответственно, выбирается вариант «б». Если переоценивает значение внутренних факторов — вариант «в». Понятно, что идеальный баланс соблюсти трудно. Этот выбор — своего рода выбор оптимальной стратегии между факторами глобализации и внутренними, прежде всего, ресурсными факторами.

На практике этот выбор ежедневно подтверждается множеством решений. Например, решением об опоре на национальную или международную безопасность. Или открытие внутреннего рынка, вступление в ВТО на любых условиях, либо на вступление в эту организацию на своих условиях и т. д. Так, позиция Узбекистана, саботирующего мероприятия ОДКБ, объясняется не столько национальными, сколько личными интересами президента И. Каримова и членов его семьи, беспокоящихся о своей безопасности[59].

В любом случае такой внешнеполитический выбор — это **выбор идеологический**. Идеологический выбор — значит выбор определенной системы взглядов, ориентированной в той или иной степени на национальные интересы и ценности, но учитывающий международные реалии и национальные возможности. Это хорошо видно на примере Украины, которая пытается сохранить особые отношения с Россией, с одной стороны, и вступить в Евросоюз, с другой. При этом, естественно, существуют разные позиции не только в России, но и в Евросоюзе. Как заметил руководитель Института украинской политики Константин Бондаренко: «Ситуация пока неопределенна и сложно прогнозируема. В Европе есть две одинаково сильные позиции. Часть стран, во главе которых я бы назвал Польшу, считают, что нельзя отказывать Украине в евроинтеграции, поскольку это единственный путь к демократизации страны, уникальный инструмент влияния на украинскую власть. Лидером среди оппонентов такой

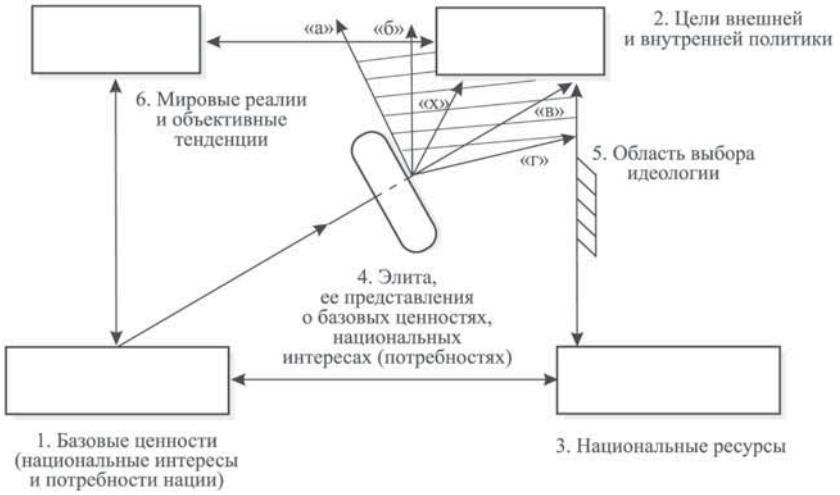


Рис. 14. Влияние мировых реалий на систему национальных интересов и ценностей

точки зрения выступает, на мой взгляд, Франция. Глава французского МИДа Ален Жюппе, занимающий по ряду вопросов позицию, которую можно назвать пророссийской, жестко заявляет, что Украину в ее нынешнем состоянии ни в коем случае нельзя приближать к интеграции с ЕС»[60].

Странным образом, отрицая идеологию во внешней политики, правящая элита страны в своем большинстве не задумываются о том, что именно XXI век стал **веком борьбы идеологий**. Прежде всего с точки зрения «продвижения» вовне своей системы ценностей.

Международный терроризм — это прежде всего идеология. Агрессивного ислама или другой религии. Или нации, но в любом случае это **насильственное продвижение своей системы ценностей** и своих идеологических интересов.

Такая же идеология находится в основе внешней политики США, которые также **насильственными способами** продвигают свою систему ценностей, оформленную в свои идеологемы.

Такая же идеология есть и у Евросоюза, обретающего в последнее время во все большей степени черты самостоятельного субъекта международных отношений.

Такая же идеология внешней политики есть и у Китая, который последовательно и четко фиксирует свои позиции, не продвигая ее вовне до поры до времени.

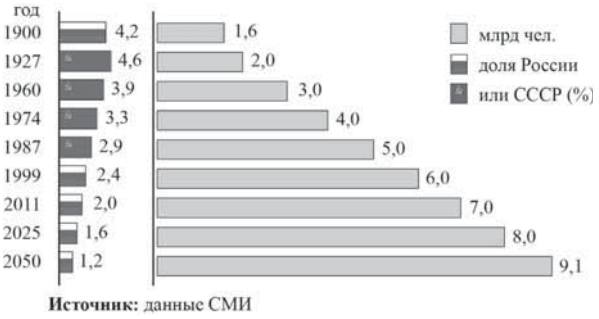
В любом случае, можно констатировать, что каждое государство, претендующее на самостоятельную внешнюю политику, продвигает свою идеологию, защищая свои национальные интересы и ценности.

«Отказываясь» от идеологии во внешней политике, российская правящая элита просто дезориентирует себя и окружающих, которые вынуждены додумывать, предполагать, трактовать истинные мотивы внешней политики страны.

Какие же новые международные реалии стали влиятельными факторами, оказывающими серьезное воздействие на формирование целей внешней политики России и ее внешнеполитической стратегии в начале XXI века? На мой взгляд, следующие:

— **глобализация** во всех сферах экономической, политической, экономической и общественной жизни, с которой уже нельзя не считаться. Даже Северная Корея, изолированная от внешнего мира, не устояла под давлением этого фактора;
— стремление государств сохранить (даже продвинуть) свою систему ценностей вовне как противодействие глобализации. Этим объясняется, в том числе усиление значения идеологии, в т. ч. и во внешней политике;
— непредсказуемость научно-технического и общественного развития в период «фазового перехода»;
— изменение соотношения сил между ведущими государствами и группами государств, появление новых центров силы, союзов и блоков;
— скачкообразность, неравномерность в развитии отдельных государств и регионов планеты.

Эти изменения наглядно видны на примере изменения соотношения сил в мире в демографической и экономической области (рис. 15). Особенно, если их экстраполировать на будущее место России в мире[61].



Источник: данные СМИ

Рис. 15. Рост населения Земли

На мой взгляд, правящей российской элите следует в полной мере учитывать объективную тенденцию усиления роли **идеологии во внешней политике**. Эта тенденция может стать мощным фактором в продвижении интересов и национальных ценностей России за рубежом, консолидации вокруг нашей страны **не только бывших, но и новых союзников**. В том числе из числа стран, которые в ближайшие годы сохранятся или станут новыми центрами силы и влияния.

Россия может стать безусловным мировым идеологическим лидером, прежде всего в области культуры, искусства, образования, а затем и науки, и технологий. Но для этого сначала нужно сформулировать такую задачу и предпринять определенные усилия.

Понятно, что если изначально такая задача поставлена не будет, либо — что хуже — сформулирована цель на технологические заимствования, то это будет означать отказ от претензий на идеологическое лидерство. В конечном счете — отказ от своей системы ценностей и национальных интересов в пользу чужой.

По сути дела сегодня началась борьба за **новую модель мирового развития и международных отношений**, которая закончится тем, что определенные государства-лидеры не только предложат, но и навяжут остальным странам свои «универсальные» нормы, принципы и ценности. Либо эта новая модель будет учитывать интересы и ценности других государств, в конечном счете, окажется более справедливой и эффективной.

И здесь огромную роль будет играть такой фактор, как национальный человеческий капитал, концентрирующий в себе не только последние достижения науки и образования, но и **культуры и духовности**. Именно они, а не технологии будут определять преимущества тех или иных стран в мире, их возможность влияния на международные отношения.

Известно, что анализ соотношения сил является началом любой политики. Как справедливо заметил министр иностранных дел России С. В. Лавров,

«История человечества время от времени подходит к поворотным моментам, когда ее относительно плавное развитие сменяется новой эпохой. Как неоднократно отмечал Президент РФ Д. А. Медведев, такой переломный момент мир переживает и сейчас. С этим тезисом сегодня согласны повсеместно»[62]. Действительно, мы становимся свидетелями вступления человечества в эпоху «фазового перехода» с непредсказуемыми последствиями. Думать, что будущее, даже в среднесрочной перспективе, можно экстраполировать отталкиваясь от нынешних реалий, — ошибка.

«На наших глазах, — продолжает С. В. Лавров, — радикально трансформируются международные отношения, их парадигма, сама система глобального управления. Мощным катализатором перемен стал мировой финансово-экономический кризис, который обозначил завершение полосы геополитической неопределенности, последовавшей за окончанием холодной войны. Стал очевидным **кризис западноцентричной международной системы** (подч. — *А.* П.). Многие признают, что завершается пятисотлетнее доминирование Запада в мировой политике, экономике и финансах, лежавшее в основе претензий на универсальность западных моделей развития и систем ценностей. Укрепляются новые центры силы и влияния, что ведет к изменению соотношения сил в мировых делах. Все более явственно проявляются неоднородность мира, его многоукладность и культурно-цивилизационное многообразие, а в соответствии с этим новое содержание приобретает задача поиска общих знаменателей как основы международного сотрудничества»[63].

Сегодня, сравнивая экономическую мощь ведущих центров силы, военные потенциалы и прочие факторы, следует помнить, что ведущую роль в таких сравнениях приобрел национальный человеческий капитал, составляющий более 70 % национального богатства ведущих стран мира. Именно его величина и темпы роста стали в XXI веке главным фактором развития и влияния государств в мире.

Сложившаяся за 20 лет система в России не заинтересована в развитии экономики и человеческого потенциала. Основные ее недостатки можно выделить в следующих областях:

— пассивность государства и его институтов, вытекающая из избранной нелиберальной макроэкономической модели, когда считается, что роль государства ограничивается «созданием макроэкономических условий»;
— отсутствие промышленной политики;
— отсутствие кредито-финансовой политики, ориентированной на развитие наукоемких отраслей и НЧП;
— игнорирование приоритетов образования, науки, культуры и здравоохранения;
— отсутствие стимулов для инновационного развития бизнеса.

Вместе с тем существовала и до сих пор существует очевидная недооценка этого фактора российской правящей элитой. Как справедливо признают американские исследователи, «**За годы подъёма Россия потратила на модернизацию своей экономической инфраструктуры гораздо меньше, чем её развивающиеся конкуренты. За 2000–2007 годы объём российских инвестиций в основной капитал составлял около 20 % ВВП, тогда как в Китае этот показатель в среднем достигал 40 %, а в Индии — 30 %.** Это привело к отставанию спроса на современное оборудование и инновационные товары в частном секторе внутреннего рынка.

Табл. 14. Доля факторов, характеризующих структуру экономики страны, относящихся к НЧП в развитых государствах

	1980		2010
Здравоохранение	1 % ВВП	→	12–13 % ВВП
Образование	2 % ВВП	→	5–7 % ВВП
Наука	1 % ВВП	→	3–4 % ВВП
Культура	1 % ВВП	→	3 % ВВП
Информатика	1 % ВВП	→	5 % ВВП
Связь	1 % ВВП	→	5 % ВВП
Общественные и некоммерческие организации, благотворительность	5 % ВВП	→	10 % ВВП
Инвестиции	~2–3 % ВВП	→	более 15 % ВВП
Всего	40 %	→	более 65 % ВВП

Большинство российских бизнесменов не склонны вкладывать деньги в собственные производственные активы, а предпочитают максимизировать краткосрочную прибыль. Они стараются избегать долгосрочных капиталовложений как из-за неуверенности в будущем, так и вследствие того, что им удаётся получать достаточную прибыль и на существующих мощностях. Ограниченная конкуренция на внутреннем рынке также позволяет обойтись без повышения эффективности, которого можно было бы достичь инвестируя в инновации. Однако в структурах российских компаний, действующих на внешнем рынке, инновации внедряются на том же уровне, что и у их местных конкурентов, либо в большем объёме. Следовательно, **отсутствие инвестиций в высокие технологии на внутреннем рынке вовсе не является чем-то свойственным российской деловой культуре, а представляет собой трезвый расчёт**. Скорее всего, это указывает на недоверие к российскому экономическому климату, непрямую связь между качеством продукта и уровнем его продаж, а зачастую и на отсутствие должных навыков у промышленных менеджеров внутри России.

В таких обстоятельствах **государственное финансирование становится одним из ключевых двигателей внутреннего спроса на инновации** (подч. — *А. П.*). Важность роли государства для высокотехнологичных отраслей ярко продемонстрировало 30–40-процентное сокращение в ИТ-секторе в 2009 году, которое связывают с решением российского правительства передать средства в рамках ФЦП «Электронная Россия» от участников рынка государственной компании «Ростелеком»[64].

Потенциалы (ресурсы)		**Факторы** (реализованный потенциал)
1. Экономический	→	ВВП
2. Военный	→	Военная мощь
3. Демографический	→	Людские ресурсы
4. Промышленно-технологический	→	Техническое оснащение
5. Геополитический	→	Размер территории, выход к морю, отношения с приграничными государствами и т.д.
6. Морально-психологический	→	Моральный фактор
7. Природные ресурсы	→	Запасы сырья

Рис. 16. Соотношение основных сил между государствами до XXI века

Россия, обладающая уникальными основаниями для воспроизводства человеческого капитала, имеет все условия для того, чтобы претендовать не только на сохранение за собой статуса великой державы, но и превращение в страну-лидера в этой области. Надо лишь понять значение человеческого потенциала и сделать все возможное для его опережающего развития. Принципиальная новизна современных международных отношений заключается в радикальном усилении значения фактора человеческого потенциала при сопоставлении сил на международной арене. До XXI века соотношение сил оценивалось по следующим критериям — см. рис. 16.

Но в XXI веке ситуация радикально изменилась. Основные факторы, влияющие на мощь государства, которые были непосредственно производными от потенциалов, стали производными преимущественно от человеческого потенциала, ставшего практически агрегированным показателем всех имеющихся потенциалов (ресурсов) государства. Показатель мощи государства XXI века на 75–80 % определяется именно этим совокупным потенциалом, который можно назвать национальным человеческим потенциалом.

Из этого сопоставления (рис. 17) следует сделать несколько принципиальных выводов:

1. Факторы, влияющие на соотношение сил в мире, роль государства и благополучия нации, на две трети **предопределяются**, качеством человеческого капитала страны, являются его производными.
2. Факторы, которые традиционно (военная сила) или в различное время играли решающее значения для положения государства и проведения его внешней политики (в т. ч. технологии, инновации и др.) стали **производными** от качества человеческого потенциала.
3. Лидерство того или иного государства в мире в XXI веке будет предопределено качеством его национального человеческого капитала. Ни армия, ни ЗВР, ни ВВП не будут в этой ситуации играть решающего значения.

Мировой кризис 2008–2011 годов показал, что существующая система миропорядка не просто не-

Потенциалы (ресурсы)	**Национальный человеческий потенциал**	**Факторы** (реализованный человеческий капитал)
1. Экономический	→	→ Экономика знаний
2. Военный	→	→ Высокоточное оружие и системы боевого управления
3. Демографический	→	→ Качество населения (% творческих личностей)
4. Промышленно-технологический	→	→ Инновации и технологии
5. Геополитический	→	→ Развитая инфраструктура
6. Морально-психологический	→	→ Качество жизни и общественного устройства
7. Природные ресурсы	→	→ Эффективность, энергосберегающие и ресурсосберегающие и замещающие технологии

Рис. 17.

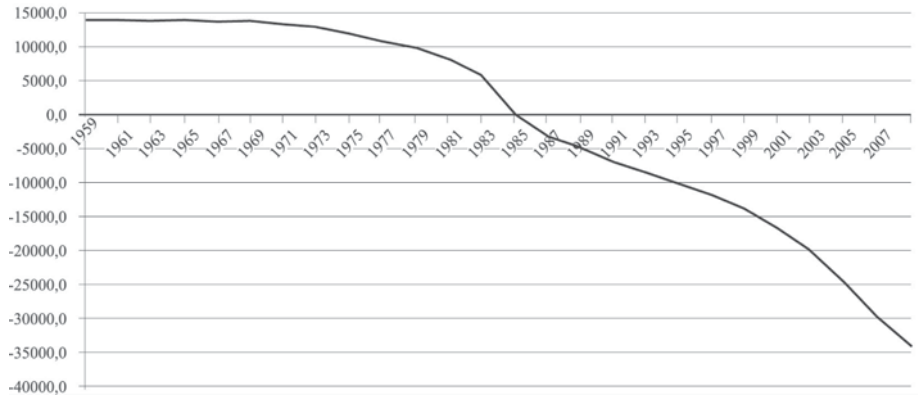


Рис. 18. Чистые сбережения США (в долларах)

совершенна, но она не в состоянии создать условия для развития абсолютного большинства государств. По той простой причине, что эту систему создавали «под себя», в своих национальных интересах несколько государств. В результате оказывается, что США, например, производят 20 % мирового ВВП, потребляют 40 % мирового национального богатства, т. е. фактически **обкладывают данью десятки государств**. Как отмечает группа российских экспертов[65], «за 12 последних месяцев (июнь 2009 — май 2010) средний месячный доход бюджета США составил 173 млрд долларов, расход — 287 млрд, а госдолг рос со средней скоростью 139 млрд (80 % от дохода). Для сравнения: два года назад в период июнь 2007 — май 2008 средний месячный доход бюджета составлял 214 млрд расход — 242 млрд, а госдолг США рос со средней скоростью 46 млрд (21 % от дохода). Даже без учета инфляции мы видим огромное сокращение поступлений в бюджет США в сочетании с ростом расходов и, как следствие, почти кратный разрыв между доходами и расходами.

Как справедливо считают эксперты, 1985 год стал годом, с которого финансовая система США живет **исключительно за счет остальных стран мира**. Более того, уже собственное производство не способно обеспечить нужды граждан США. Реальное состояние американской экономики видно из динамики чистых сбережений США[66] (см. рис. 18).

Обеспечить свое дальнейшее существование на этих комфортных условиях США (а также ряд других стран, например, Великобритания) могут только **с помощью сохранения контроля над системой международных отношений**. И, прежде всего, доказывая абсолютную значимость американских ценностей, защищать которые они готовы, как уже многократно показала, история, **любыми способами**.

При таких обстоятельствах критическое значение приобретает **национальный человеческий капитал**. По следующим причинам.

Первое. В отличие от капитала, собственности, даже суверенной территории, НЧП не может быть отдан или насильно продан, т. е. «Суверенитет» НЧП — абсолютен. Но при одном, очень важном, условии: если этот человеческий капитал будет продолжать оставаться национальным, связанным социокультурно с нацией и государством.

Второе. Качество НЧП не только сегодня определяет основную часть национального богатства. Как следствие — НЧП в решающей степени влияет на расстановку сил в мире, как непосредственно — через уровень развития образования, здравоохранения, науки и техники, — так и опосредовано: военная мощь, общественные институты, моральный дух нации во многом предопределяются качеством НЧП.

Третье. Качество НЧП выступает единственной гарантией сохранения наций в эпоху глобализации, не давая «размывать» социокультурные традиции и ценности. Отстающая в развитии НЧП страна неизбежно начинает терять свою идентичность, перенося сначала на свою почву технологии и инновации, а затем — отказываясь от своих ценностей и традиций.

Четвертое. НЧП постепенно, но неуклонно вытесняет капитал как главный источник воспроизводства и власти, заменяя в итоге финансовую систему, основанную США в качестве механизма управления в мире. Так, по некоторым оценкам, продолжение образования на один год ведет к увеличению ВВП на 5–15 %(!)[67].

Основной акцент в современной стратегии модернизации должен быть сделан на приоритетном развитии **национально человеческого потенциала** (НЧП) как цели развития российского общества и государства. Роль НЧП, его значение, структура, влияние на все области экономики и социальной жизни имеет огромное значение. Вот почему важно дать ясное определение, что же он собой представляет.

В последние годы стало общим мнением, что эффективность развития экономики современных государств в огромной степени зависит от того, сколько **средств оно вкладывает в своих людей**. В последние годы также общепризнанной и актуальной стала задача изучения эффективности этих инвестиций или «отдача» от таких вложений, чему было посвящено немало работ. Так, например, норма отдачи от образования оценивается на уровне 20 %, при этом для стран с низким доходом, эта норма выше, а **норма**

отдачи от каждого дополнительного года обучения достигала 2–4%. Это наблюдение очень актуально в связи с намерением некоторых российских чиновников увеличить долю учащихся ПТУ за счет сокращения студентов университетов[68].

Табл. 15. Нормы отдачи от образования для мужчин и женщин[69]

Уровень образования	Мужчины	Женщины
Начальное	20,1	12,8
Среднее	13,9	18,4
Высшее	11,0	10,8
В целом	8,7	9,8

Национальный человеческий потенциал (НЧП) и Национальный человеческий капитал (НЧК), на мой взгляд, являются новыми фундаментальными понятиями, определяющими сегодня как основные цели и задачи экономического и социального развития, так и способы, методы, а, в конечном счете, — стратегию развития общества и экономики.

НЧК — реализованная часть НЧП, т. е. доля от потенциальных возможностей нации, зависящая от многих объективных и субъективных факторов, но прежде всего от понимания элитой и обществом основных тенденций мирового развития, их **умения реализовать этот потенциал нации**. Реализовать потенциал **каждой личности**, из которых состоит нация, это значит создать для неё максимально благоприятные условия для самореализации — экономические, социальные, политические. При этом такую реализацию нельзя свести к простой экономической выгоде, как считают некоторые экономисты, но общим критерием реализации потенциала личности становится общественная польза.

Я полагаю, что в интегрированном виде весь человеческий капитал нации может отражаться в таком понятии, как НЧК, хотя существует множество иных подходов к изучению и оценке человеческого капитала в целом и его отдельных частей. Так, известный американский экономист Дж. Кондрик классифицирует человеческий капитал следующим образом — см. рис. 19[70].

Этот подход иллюстрирует всю сложность проблемы. Для нас же сегодня важно, что НЧК является не только основной частью национального богатства страны, но и главной движущей силой национального развития. Без понимания этого значения, как и без понимания, например, приоритетности инвестиций в НЧК невозможно обеспечить быстрое и поступательное развитие нации. Так, в США, по некоторым оценкам, доля инвестиции в человеческий капитал составляет **более 15% ВВП**, что превышает «чистые» **валовые инвестиции** частного капитала в заводы,

Рис. 19. Разделение совокупного капитала по Дж. Кендрику

оборудование и складские помещения. И даже если специальные исследования по этому вопросу не проводились, можно с высокой долей **уверенности** предположить, что один из самых высоких показателей уровня вложений в человеческий капитал в мире положительно связан с самыми высокими в мире показателями уровня развития экономики[71].

Так, по оценкам В. Мельянцева, «Общие (учтенные) расходы на образование, здравоохранение и науку в среднем по ведущим странам Запада и Японии выросли с 2,4–2,8 % их ВВП в 1910–1913 гг. до 7,5–8,0 % — в 1950 г., 14–15 % — в 1973 г. и **18–19 % ВВП в 2006 г.** Доля инвестиций в человеческий капитал (затраты на образование, здравоохранение и НИОКР) в их совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) увеличилась с одной пятой в 1913 г. **до двух пятых в 1950 г., половины — в 1973 г.** и **не менее трех пятых — в 2006 г.** Показатель среднего числа лет обучения взрослого населения, скорректированный с учетом качества, вырос с 7,3 в 1913 г. до 10 — в 1950 г., 12–13 — в1973 г. и 17–17,5 лет — в 2006 году[72].

И наоборот. В последние годы в развитых странах (РС) обнаружена тенденция — снижение среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП) и душевого ВВП, что пытаются объяснить достижением РС высокого уровня развития. Между тем я согласен с В. Мальянцевым, который считает, что по этой причине можно объяснить снижение только отчасти «на четверть или треть»[73]. Главные же причины торможения роста заключены **в недооценке влияния фактора ЧК на развитие даже в передовых государствах**.

Феномен торможения роста обусловлен также падением престижности труда в сфере науки и образования на фоне галопировавшего в финансовом секторе, доля которого в США в общем объеме корпоративных прибылей выросла с ⅙ в 1973–1985 гг. до ⅖ в середине первого десятилетия 2000-х годов»[74].

Следует отметить, что проблема стремительного роста ЧК описывается во многих научных работах, более того, используется в различных методиках достаточно давно. У нее есть уже не только история, но и признание со стороны большинства исследователей и международной общественности. Достаточно сказать, что по оценке Всемирного банка на него приходится до 70–75 % национального богатства развитых стран и более 50 % — развивающихся. Развитие НЧК, который в разных странах называется по-разному, ставится в качестве политического приоритета **во всех ведущих странах**. Показателен в этой связи пример США — безусловного лидера сегодня по развитию НЧК. В «Стратегии национальной безопасности» США за 2010 год — относительно небольшом по объему документе, отражающем высшие политические приоритеты действующей администрации, — в качестве **первого**, важнейшего приоритета выдвигаются меры, объединенные под общим названием «Укрепление образования и человеческого капитала». Представляется важным коротко перечислить эти меры:

— Совершенствование образования на всех уровнях, включая «…восстановление лидерства США в высшем образовании, преследуя цель (внимание! Эта цель прямо противоречит сути дискуссии о высшем образовании 31 августа 2010 года на Госсовете) **лидерства в мире в процентном отношении по числу выпускников колледжей**;
— Инвестирование науки, технологий и инженерии и продолженного образования, т. к. американское долгосрочное лидерство завит от образования и производства в будущем ученых и инноваторов…;
— Увеличение международных обменов и образовательных связей;
— Продвижение иммиграционных программ, которые способствуют приезду образованных профессионалов со всего мира»[75].

Комментировать эти политические приоритеты, выдвинутые на высшем уровне, не трудно. Важно подчеркнуть, что эти приоритеты — суть политики, включая бюджетной политики, не только администрации и конгресса, но и всей американской элиты. Они предельно конкретны, предполагая, в частности, что **американское лидерство в мире будет обеспечено лидерством в образовании и человеческом капитале**.

При анализе факторов роста, прежде всего НЧК, мы не уйдем от социально-политических проблем, которые сегодня в России в основном рассматриваются как приоритетные, на увеличение доходов населения рассматривается как абстрактное. Между

Табл. 16. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения, в % к итогу (%, Российская Федерация, январь–декабрь)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наивысшими доходами)	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8

тем проблема **справедливого распределения** национального богатства — это проблема не только политическая, но и экономическая, которая характеризует степень вовлеченности всего населения и эффективность использования НЧП в общественном производстве. По официальным данным Росстата положение здесь крайне неблагополучное.

Как видно из обработанных данных (табл. 16), как минимум, три из пяти социальных групп можно отнести к категории нищих, а 20 % самых богатых съедают более 45 % всего пирога доходов. Самым бедным достается только 5 %, причем эта картина со временем только усугубляется. И это только денежная масса, капитал в виде заводов и лачуг сравнивать даже не хочется[76].

С экономической точки зрения, можно констатировать, что 80 % населения страны, как минимум, работают непроизводительно, в минимальной степени используя ЧП. Соответственно и общий уровень НЧП будет низким, ведь душевой ВВП рассчитывается как среднестатистический, средний уровень между четырьмя группами (80 % граждан) с низкими доходами и одной группы — относительно высокими.

На диаграмме видно (рис. 20), что подобная ситуация характеризуется уже многие годы как стагнация, более того, она даже несколько ухудшилась с 2000 года, что свидетельствует лишь об одном: огромные ресурсы российского общества до сих пор задействованы в минимальной степени, что, собственно, отражено в крайне низкой производительности труда в России, которая в 4–5 раз ниже, чем в странах-лидерах глобализации.

Это же свидетельствует, что ни власть, ни общество, ни бизнес до сих пор не обратили внимание на это обстоятельство. В противном случае мы наблюдали бы иную динамику.

Рост доходов граждан, как и повышение спроса, — **главный инструмент увеличения производительности труда**, что, собственно, и должно стать ближайшей целью модернизации. Таким образом социальная справедливость выступает уже не только политическим, но и экономическим фактором успешного развития.

Следует понимать, что **национальный человеческий капитал** (НЧК) — производное понятие от целого ряда факторов. Так, участники дискуссионного клуба «Валдай» передали 6 сентября 2010 года премьер-министру Российской Федерации Владимиру Путину доклад «Индекс развития России 2009–2010 годов», в котором отражено совокупное мнение ведущих мировых экспертов о динамике развития российского государства. Этот индекс основывается на экспертных опросах.

В ходе первого опроса фокус-группы, составленной из участников седьмого заседания клуб, были опрошены 25 человек из числа ведущих экспертов по России из США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Китая, Польши, Канады, Японии. Участникам было предложено ответить на девять вопросов и дать свою оценку по десятибалльной шкале: от «минус 5» — принципиальное ухудшение до «плюс 5» — принципиальное улучшение. Полученные результаты показали наблюдающуюся в России тенденцию к стагнации, проявляющуюся наибольшим образом в отношении экономического, научного и культурно-цивилизационного развития страны.

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития — иностранные инвестиции — не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в I квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию[77] (см. рис. 21).

Это означает, что приоритетные области модернизации не инвестируются (и вряд ли будут) из-за рубежа. Во-вторых, только государство, таким образом, может инвестировать национальный человеческий капитал. Может быть, когда для этого будут созданы благоприятные условия, вырастет до заметной и доля отечественного бизнеса, которая сейчас символично мала.

Одно из определений человеческого потенциала, к сожалению, до сих пор ограничивается только его производственно-экономической функцией: «Человеческий капитал (human capital): чистая дисконтированная величина прироста объема производства,

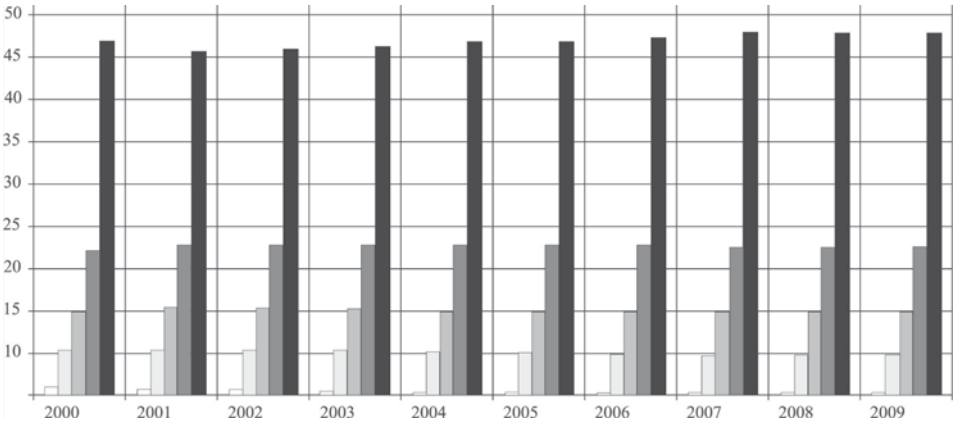


Рис. 20.

Рис. 21. Иностранные инвестиции в отрасли экономики РФ

за счет дополнительного опыта и квалификации персонала, по сравнению с объемом производства неквалифицированного труда».

Человеческий капитал может быть создан в результате профессионального обучения или накопленного производственного опыта (learning by doing — обучение в процессе деятельности). Он подвержен технологическому или моральному износу, так же, как и материальные активы. Однако он **не может быть продан или передан другому лицу** (фирме), а значит, не может служить залогом в обеспечение кредита»[78].

Другое определение — как **способность** людей: «**Человеческий капитал — способность людей** к участию в процессе производства, их знания, опыт, трудовые навыки. **Инвестициями** в человеческий капитал считаются затраты на здравоохранение, образование, техническое обучение и другую деятельность, способствующую повышению **производительности** людей»[79].

Понятие «человеческого капитала» возникло достаточно давно, однако полное развитие эта теория получила только во второй половине XX века. В разное время внимание этому понятию уделяли такие известные экономисты, как В. Петти, А. Смит, Дж. Милль, К. Маркс, Жан-Батист Сэй, Джордж Мак-Куллох, Нассау Сениор, Вальтер Рошер, Генри Маклеод, Леон Вальрас, Иоганн фон Тюнен, Ирвин Фишер. Основное развитие теория человеческого капитала получила благодаря Гэри Бек-керу, а также его коллегам по Чикагскому университету Т. Шульцу, Б. Вейсброду, Д. Мисцеру, Ли Хансену.

В 50–60-е годы XX века усилился интерес к экономической активности человека, возврату произведённых в него затрат. Тогда же утвердился термин «человеческий капитал», под которым понимались приобретенные знания, навыки, мотивации, которые могут использоваться в течение определённого промежутка времени **для получения дохода**.

Особо следует оговориться об **условиях** развития национального человеческого капитала. Так, например, в криминализированной и коррумпированной стране ЧК не может функционировать эффективно по определению. Даже если это «ввезенный», внешний, высококачественный ЧК, обеспеченный за счет его притока извне. Он либо деградирует, ввязываясь в авантюры. Либо «работает» неэффективно[80].

Человеческий капитал принципиально отличается от трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы — это непосредственно люди, образованные и необразованные, определяющие квалифицированный и неквалифицированный труд. Человеческий капитал — понятие гораздо более широкое и включает, помимо трудовых ресурсов, накопленные инвестиции (с учетом их амортизации) в образование, науку, здоровье, безопасность, в качество жизни, в инструментарий интеллектуального труда и в среду, обеспечивающую эффективное функционирование ЧК[81].

Инвестиции в **формирование эффективной элиты, в том числе в организацию конкуренции**, являются одними из важнейший инвестиций в ЧК. Ещё со времен классиков науки Д. Тойнби и М. Вебера известно, что именно элита народа определяет вектор направления его развития: «вперед, вбок или назад». Это положение — одно из ключевых в данной работе, которому уделяется значительное место.

Различают в этой связи три формы человеческого капитала:

— индивидуальный человеческий капитал;
— человеческий капитал фирмы (предприятия);
— национальный человеческий капитал.

Этим формам, их анализу (в т. ч. количественному и математическому) посвящено в последние годы много работ. В том числе и в России. В настоящем издании речь идёт преимущественно о национальном человеческом капитале (НЧК), который рассматривается в различных преломлениях к тем или иным проблемам. По отношению с НЧП, например, не подходит **наиболее полное определение человеческому капиталу, которое дал Р. И. Капелюшников**. С его точки зрения, человеческий капитал есть «воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, формирование которого подобно накоплению физического или финансового капитала, требует **отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем**»[82]. Тем более не подходит под описание, предлагаемое экономистами, когда под человеческим капиталом подразумевается оценка воплощенной в индивиде потенциальной способности приносить доход.

Сегодня у некоторых авторов сложилась следующая классификация **видов человеческого капитала по уровням и собственности** (рис. 22)[83]. При этом в наименьшей мере описан и изучен национальный человеческий капитал (НЧК). К сожалению, эта часть человеческого капитала фактически игнорируется в российской науке и действительности. Но отнюдь не в американской, где она выступает нередко в качестве основы для общенациональных документов, таких, например, как Стратегия национальной безопасности.

Понятно, что для международных отношений приоритетное значение имеет НЧП, который в концентрированном виде собирает всё национальное богатство.

Но, если присмотреться внимательнее, то и индивидуальный человеческий потенциал, а также че-

Рис. 22. Классификация видов человеческого капитала по уровням и собственности

ловеческий потенциал фирмы становятся все **более важными** факторами международного влияния. Это связано с тем, что развитие информационных технологий сделало виртуальный мир реальностью. Не только в политике, но и в экономике и в общественной жизни. Как сказал З. Бауман, «Посмодернизм — не столько эпоха в развитии социальной реальности, сколько в сознании»[84].

В российской экономической литературе, посвящённой управлению персоналом и человеческому капиталу зачастую между понятиями «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» ставится знак равенства. Между тем между ними существует принципиальная разница: НЧК — реализованный НЧП. Эта реализация зависит от множества обстоятельств, но прежде всего эффективности государственного и местного управления. Потенциал (в т. ч. человеческий), если он реализован, то превращается в фактор. В том числе политический.

В международной области далеко не всегда потенциал превращается в фактор (капитал). Так, в 90-е годы Россия не смогла реализовать огромный потенциал советской внешней политики ни в политической, ни в финансовой, ни в идеологической областях.

5. Новые международные реалии, НЧП и безопасность России

Наш долг — не забывать о нашей общности, чтобы вместе созидать новый мир. Россия — великая страна, и эта ее роль сохранится и в будущем[85].

Ш. Перес
президент Израиля

… главной задачей внешней политики или главным смыслом модернизации внешней политики является ее перенацеливание с задачи укрепления статуса страны в мире на задачу привлечения ресурсов извне для модернизации страны[86].

Д. Тренин

Так, что же в действительности является или должно быть главной целью внешней политики России: укрепление ее позиций в мире, ее безопасности, как утверждает Ш. Перес, либо модернизация, как считает Д. Тренин? Два взаимоисключающих мнения о главной задаче внешней политики России (второе, как считается, — поддержано Д. Медведевым в июле 2010 г.) породили множество споров внутри страны, в т. ч. в экспертном сообществе и за рубежом в 2010–2011 годах. Попробуем рассмотреть это противоречие (если оно существует) и найти логическое объяснение этим полярным позициям. Слова мудрого израильского политика могут коротко охарактеризовать не только его отношение к роли России в мире и обеспечению международной безопасности, но и подход большинства российской элиты к этим проблемам: Россия стремится не только не забывать свою цивилизационную, в т. ч. **европейскую общность** и **совместно** решать имеющиеся проблемы, но и справедливо полагает, что она остается, и будет оставаться великой страной, на которой лежит особая ответственность за обеспечение международной и европейской безопасности.

Было бы странным, если бы правящая российская элита так не думала. Хотя следует сделать две существенные оговорки: во-первых, иногда большинство (или влиятельная часть) российской элиты все-таки скатывалась на эту позицию. Как, например, на рубеже 90-х годов, когда считалось, что «цивилизационное превосходство» Запада, успехи рыночной экономики обесценили не только все советские достижения, но и само понятие «национальной безопасности».

Во-вторых, и сегодня значительная либеральная часть российской элиты готова поступиться суверенитетом, даже территориальной целостностью, а тем более национальными интересами и ценностями ради «вхождения России в круг цивилизованных держав». В 2010 году эта неудобная, антипатриотичная позиция была заменена новой неолиберальной формулой — «модернизация в обмен на национальные интересы и ценности», — суть которой остается старой.

Следует признать, что очевидное противоречие этой формулы национальным интересам заставляет либералов находить более адекватные времени формулировки. В частности, в 2011 году усилилась критика власти по поводу ресурсной ориентации экономического курса, в т. ч. его бюджетной составляющей. Так, по признанию журналиста А. Башкатовой, летом 2011 года «специалисты ВШЭ поставили крест на экономической политике властей», публично заявив о своем разочаровании, опубликовав бюллетень Новый курс» под редакцией. С. Алексашенко. В нем, в частности, признается, что «Доля нефтегазовых доходов заложена в нем на уровне 43–47 %, что сопоставимо с докризисными показателями и свидетельствует о критической зависимости бюджета от рынка нефти. Правительство не планирует слезать с нефтяной иглы еще как минимум три года»[87]. Более того, власть на сырьевые доходы очень даже рассчитывает. Именно за счет них страна будет укреплять

свою оборону и безопасность, наращивая расходы на нее с 27 % в 2011 г. до 44 % в 2014 году[88]. При этом «образование, здравоохранение, наука, культура, инфраструктура будут получать из бюджета с каждым годом все меньше средств, вложения в человеческий капитал будут неуклонно сокращаться[89], — замечают в ВШЭ».

Странным образом, правда, С. Алексашенко, который был многие годы прямо причастен к такой политике, переносит ответственность на существующую власть, а не на финансово-политическую элиту, сформировавшую такой курс еще в 90-е годы.

Казалось бы, уже была проведена оценка внешней политики М. Горбачева и Б. Ельцина, сделаны выводы и даже подготовлены нормативные документы, характеризующие внешнюю политику и политику в области безопасности России, — Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина России и пр., — но вновь, уже под предлогом модернизации, приоритеты и национальные интересы России ставятся под сомнение.

Мировой кризис 2008–2010 годов показал, что существующая модель международных отношений отнюдь не идеальна. Как заметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «Финансовый кризис 2008 г. не заслонил беду более общую — **кризис миросистемный. Политики, деловой мир и общественность больше тревожатся** из-за первого. Это понятно. Но финансовые потери — не единственная угроза. Деградирует международный порядок, сложившийся после распада СССР, а с ним — **модель партнерских отношений между Россией и Западом**. Между тем эта модель представляет собой несомненную ценность, пусть условия российско-западных отношений и были выработаны **с явным преобладанием интересов США и ЕС**»[90].

«Деградирующая модель» — безусловно, не лучший выбор для России.

В этом контексте странным, например, выглядит требование «платы за модернизацию» через отказ России от своего статуса великой державы или своей системы ценностей. В разных вариантах эта мысль звучит из разных уст. Как, например, у А. Аузана, который считает, что «…для того, чтобы выйти на высокую траекторию, нужно пожертвовать парадигмой. Нужно сменить парадигму, то есть набор национальных ценностей»[91].

Другими словами не только политики в США и странах Евросоюза, но и в России (а А. Аузан представляет, безусловно, влиятельное неолиберальное направление в политике), пытаются поставить знак равенства между модернизацией и либеральными ценностями. Но этот же знак равенства, продолжая логически, должен быть в таком случае поставлен между национальной системой ценностей и системой безопасности. И западные политики его ставят. Формула, упрощенно выражающая тождество, выгладит следующим образом (рис. 23):

Применительно к современным международным реалиям это означает, что если Россия хочет проводить процесс модернизации и «вписаться» в систему международной безопасности, то ей предстоит **сменить свою систему ценностей** на существующую в США и странах Евросоюза. При этом всем трем системам ценностей пытаются придать некий универсальный характер, доказать, что подлинная система международной безопасности возможна только при «подлинной» системе (либеральных) ценностей.

Модернизация в этой логике выполняет очень важную роль. Она выступает неким общим знаменателем, универсальным набором принципов, правил и норм, которые — способны обеспечить создание современной экономики, общества и государства. Отрицая эти универсальные правила модернизации и ее самоценность, государство лишает себя возможности войти в число развитых стран. «Входной билет» в этот избранный круг стран, охваченных модернизацией, — отказ от национальных интересов (в т. ч. интересов безопасности) и ценностей.

Но к системе национальных ценностей относятся не только социокультурные и исторические, которые, собственно, и делают народ нацией, но и суверенитет и весь комплекс государственных интересов. Продолжая эту логику, вы неизбежно должны признать, что отказ от национальных интересов ведет и к отказу от государственных интересов, в т. ч. и суверенитета государств. С этой точки зрения логика формулы может быть продолжена и изображена на рис. 24.

Другими словами, выбор чужих ценностей и чужой системы международной безопасности предполагает в конечном счете отказ (целиком или частично) от национальных интересов и государственного суверенитета. Что, собственно, мы и наблюдаем в странах Евросоюза после вступления в декабре 2009 года в силу лиссабонских соглашений. Но с той лишь разницей, что эти страны добровольно уступают часть своего суверенитета и национальных интересов в пользу Евросоюза, а Россию пытаются **принудить** это сделать вопреки ее национальным интересам. Разница, как видно, принципиальная.

Между тем модернизация, на мой взгляд, может и должна быть осуществлена в России во многом

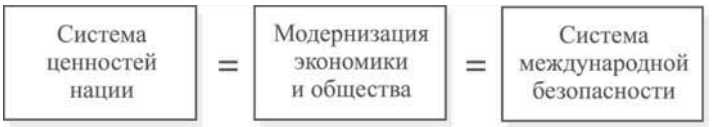


Рис. 23.

именно в интересах укрепления суверенитета государства и национальной безопасности. Что, безусловно, требуется сегодня в условиях глобализации, ослабления позиций России в мире и ее способности влиять на эти процессы. Этому отнюдь не противоречит мировой опыт. Совсем даже наоборот. Так, в Израиле, например, модернизация и технологический рывок во многом были сделаны именно из-за необходимости развития ВПК, который рассматривался в качестве **гаранта защиты** от высшей угрозы, в условиях ослабления поддержки со стороны Франции, США и других стран. По признанию американских специалистов, основными уроками, которые можно извлечь из опережающего технологического развития Израиля, были следующие:

— Постоянная угроза национальной безопасности и наличие долгосрочных стратегических задач **могут способствовать развитию науки и технологических достижений мирового уровня** (подч. — *А. П.*).

Действительно, постоянная внешняя угроза и неизбежные огромные расходы на оборону не помешали, а способствовали модернизации Израиля.

Этот вывод прямо противоречит либеральной «аксиоме» о том, что СССР разрушили огромные издержки на поддержание ВПК». Но эта же «аксиома» стала причиной развала ВПК СССР как наиболее наукоемкого и передового комплекса советской экономики.

Теперь уже можно сказать, что если бы в свое время в СССР и России избрали **стратегию конверсии** ВПК в гражданско-военный научно-технический комплекс (что предлагал в т. ч. и я в 1989 году), а не развал и уничтожение ВПК, то можно было бы ожидать эффекта, сопоставимого с израильским. Но выбор неверной стратегии был за неолибералами, которые исходили из представлений либеральной идеологии, а не национальных интересов страны.

Следующий вывод американских экспертов:

— Научное и технологическое образование, а также доступ к системам социальной и финансовой поддержки являются важной основой для предпринимательства и развития перспективных технологий. Фонд BIRD сыграл особо важную роль в обмене технологиями между многонациональными (с базированием преимущественно в США) ИКТ-компаниями и малыми высокотехнологичными предприятиями Израиля. Эффективно управляемые частные партнёрства могут содействовать выходу компаний на международные рынки, налаживанию отношений с другими компаниями и нахождению источников финансирования»[92].

И здесь трудно не согласиться с американскими экспертами. Действительно, государство и общество должны были обеспечить в России в интересах модернизации как широкий доступ к качественному образованию, так и государственную поддержку внедрению инноваций в экономику страны. Ни того, ни другого за последние 20 лет сделано не было. Наоборот, финансирование науки и образования стремительно снижалось под либеральным лозунгом «наука и образование должны быть самоокупаемыми». В результате мы столкнулись с уничтожением профессионального образования и снижением качества высшего образования.

Не было создано и системы финансовой, либо иной поддержки инноваций. Хуже — сложившаяся к 2010 году система в России оказалась абсолютно не восприимчива к инновациям. Число предприятий, внедрявших инновационные продукты и услуги, никогда не превышало 5 %.

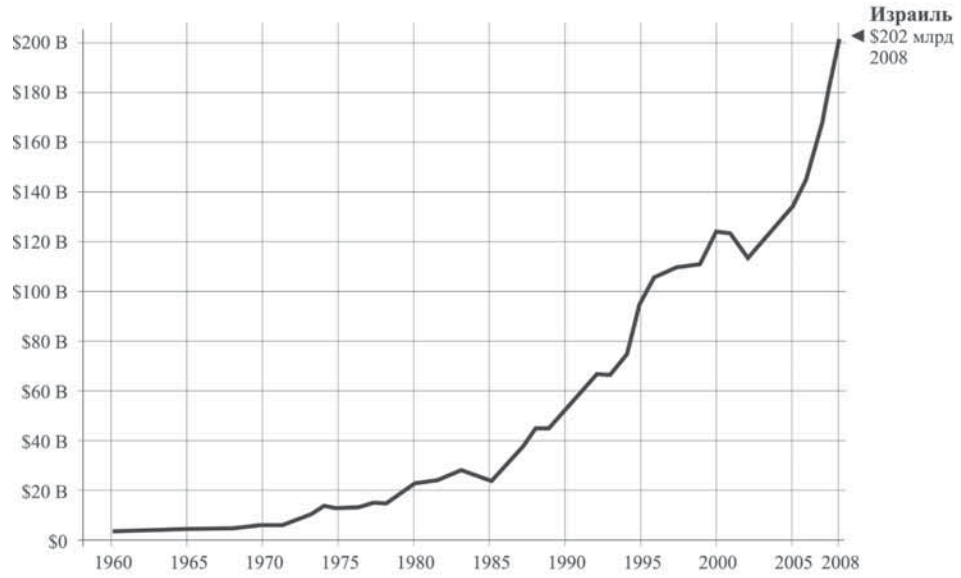
Пример Израиля мог бы сослужить и хорошую службу для России, если бы ее правящая элита последовала следующему совету:

— «Знание мировых рынков, в особенности технологических потребностей крупных наукоемких корпораций, помогает местным малым предприятиям в разработке своих собственных программ технологического развития. Кроме того, наличие хорошо образованной, взаимосвязанной еврейской диаспоры в других странах мира, в особенности в США, сыграло важную роль в понимании международных рынков.

— Возвращение в Израиль части диаспоры было связано с представлениями об экономических возможностях самореализации в своей стране и о национальной гордости; правительство Израиля не предоставляло работавшим за рубежом специалистам каких-либо официальных государственных преференций»[93].

В самом деле, государство — ни СССР, ни Россия — ничего не сделало в 1990–2000-е годы для продвижения российских товаров и услуг за рубеж. Ни посольства, ни торговые представительства не были ориентированы всерьез на эти функции. Не были использованы и огромные возможности российской диаспоры за рубежом, которая сегодня является, например, «самым крупным нацменьшинством» в Европе. Не были использованы и огромные ресурсы влияния, созданные СССР в других странах, в интересах развития.

Рис. 24.



Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Рис. 25. Валовый внутренний продукт Израиля
(в долл. США, на сегодняшний день без учета инфляции)

Еще более справедлив следующий вывод американских экспертов:

— «Правительство Израиля не пыталось реформировать существующие научные организации; вместо этого оно разработало новую политику и программы в ходе нескольких циклов развития для заново возникающих структур».

Правительство России делало всё наоборот: уничтожались «до основания» отраслевые институты, были обречены на вымирание институты РАН и других академий.

Одновременно не создавалось ничего нового ни в фундаментальной, ни в прикладной науке.

— Бюро главного ученого (OCS) сыграло важную роль в определении задач научно-технологического развития и координировании исследований. В начале своей деятельности OCS столкнулось с некомпетентностью руководства и низкой эффективностью небольших грантов. Однако благодаря уверенному руководству выпускника Массачусетского технологического института Ицхака Яакова и международной сети OCS смогло создать гибкую, восприимчивую культуру, отвечающую интересам промышленности.

— Венчурные компании представляют собой важный источник инвестирования высокотехнологического бизнеса. Не менее значимым для предпринимателей является руководство в области управления и обслуживания[94].

Результатом развития экономики Израиля стал ее стремительный рост — как количественный, так и качественный[95] (см. рис. 25).

Таким образом, опыт Израиля показал, что логика модернизации может быть иной. Более того, именно ориентация на национальные интересы и ценности стала условием успешной модернизации и создания эффективной системы национальной безопасности. Эта логика может быть изображена на следующем рисунке (см. рис. 26).

Как видно, Израиль, не поступаясь интересами национальной безопасности, смог не только быстро осуществить модернизацию в **труднейших внешних условия**х враждебного окружения и отсутствия природных ресурсов, но и укрепить свою национальную безопасность. При этом вопрос о международной и региональной безопасности ставится им в качестве **производного** от национальной безопасности, а не в качестве **условия** ее обеспечения.

В России к 2010 году остро встал вопрос об обеспечении национальной безопасности в прямой связи с модернизацией, прежде всего развитием отечественных НИОКР. Обещание Д. Медведева в конце ноября 2010 года о том, что военные расходы до 2020 года будут сохраняться на уровне 2,8 % ВВП»[96], относится, видимо, к денежному содержанию военнослужащих. Что же касается расходов на НИОКР, которые в развитых странах традиционно составляют до 10 % военных бюджетов, то здесь ясности

Рис. 26. Национальная система модернизации и безопасности Израиля

нет. Как, впрочем, и относительно всей структуры военного бюджета страны.

Ответы на вопросы о новой роли России в XXI веке и отношении к этой проблеме российской элиты можно получать при анализе двух ведущих тенденций: эволюции мировой политической системы, влияния на этот процесс глобализации, в т. ч. европейской интеграции, а также процесса эволюции взглядов самой российской элиты на проблемы европейской безопасности, которые за последние десятилетия претерпели радикальные изменения. К сожалению, процесс осознания этих реалий идет крайне медленно. Как, впрочем, и весь процесс подготовки и принятия решений. Так, 2 февраля 2010 года Д. Медведев подписал распоряжение о создании «Российского совета по международным делам», первое заседание которого состоялось… 20 июля 2011 года[97].

В связи с первой тенденцией эволюции системы международных отношений отчетливо просматриваются, как минимум, два крайних, диаметрально противоположных, сценария возможного развития событий[98], которые сегодня объективно существуют, по мнению российской элиты, в мире.

«**Первый**, пессимистический и трагический сценарий — это продолжение ныне преобладающей модели глобализации, получивший название „неолиберальной". Данная модель осуществляется в интересах и под руководством ТНК и западной цивилизации, направленность ее на реализацию однополярного мира, она ведет к углублению пропасти между богатыми и бедными странами. Итогом осуществления этой модели станет унификация по западному образцу и иерархизация мирового сообщества, на вершине которой — североамериканская цивилизация, с тенденцией подавления и ликвидации цивилизационного (незападного) и культурного разнообразия, являющегося гарантом сохранения и источником саморазвития глобального сообщества»[99].

Этот сценарий или модель многим в российской элите представляется неизбежным, однако у российской элиты есть справедливые возражения: однополярный мир неизбежно порождает ответную реакцию остального мира, который будет отчаянно защищать цивилизационное разнообразие. Как правильно полагает профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «На практике получилось совсем иное. В основе своей пацифистская идея общечеловеческого интереса как воплощения идеологического компромисса и глобального примирения была по сути дела отброшена и заменена фактически воинственной и в тот момент торжествующей идеей глобальной демократизации, которая сама по себе ни мира, ни взаимной терпимости, ни компромисса не сулила — потому что она означала подчинение одной части мира другой, причем если при У. Клинтоне это подчинение мыслилось в основном как „добровольно-принудительное" и по возможности мирное, то при Дж. Буше его стали откровенно провозглашать обязательным и подкрепленным американской военной машиной»[100].

Для большинства стран и народов возрождение тоталитаризма и неоколониализма в глобальных масштабах, что абсолютно неприемлемо, так как неизбежно поставит под угрозу международную безопасность, а, возможно приведет к новой мировой войне, вероятность которой не исключил Д. Медведев, выступая в мае 2010 года в газете «Известия».

Развитие по этому сценарию **не влияет** на стабилизацию военно-политической ситуации по периметру границ России. Скорее наоборот: мы видим, что все последние 20 лет ситуация объективно ухудшается. Совершенно справедливо замечает исследователь из МГИМО(У) В. Н. Земсков: «Дополнительную неопределенность привносят в военно-политическую ситуацию сохраняющаяся напряженность и продолжающаяся нестабильность в Ираке, на Ближнем Востоке в целом, в Афганистане.

В Центральноазиатском регионе, да и на территории самой России все еще сохраняют свой деструктивный потенциал экстремистские группировки и бандформирования, не отказавшиеся от планов использования силовых методов для достижения своих целей захвата власти в отдельных государствах региона или на части их территорий для создания там исламистских режимов.

На западном и кавказском направлениях набирает обороты процесс милитаризации соседних государств, наращивающих свои арсеналы сверх того, что необходимо для нужд обороны. По периметру пространства СНГ в последние годы заметно возросло присутствие элементов военной машины НАТО, что само по себе может создать условия для обострения международных отношений.

При таком наборе сценариев **нужен совершенно иной инструментарий для нейтрализации или ликвидации возникающей угрозы**. Во всяком случае задействование крупных группировок в составе нескольких дивизий и/или с участием целых родов вооруженных сил отдельных стран региона или их формирований вряд ли будет уместно.

Как само Содружество Независимых Государств, так и созданные с участием его членов структуры, такие как ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) **идеальным современным требованиям коллективной безопасности не соответствуют** (подч. *А. П.*).

С учетом всех существующих обстоятельств система евразийской коллективной безопасности в лучшем случае остается фрагментированной…»[101].

Таким образом, сохранение в перспективе этого сценария развития неизбежно приведет в будущем к сохранению и даже развитию неблагополучных в целом для России отношений по периметру ее границ: от северо-запада до юго-востока. Пока что Россия не втянута прямо в военные конфликты, но, во-первых, нет гарантии, что этого не будет

Табл. 17. Торговля между Россией и странами Центральной Азии в период 2000–2008 гг., млн долл. США

Годы	Товарооборот*	Экспорт России в Центральную Азию	Импорт России из Центральной Азии	Торговое сальдо России
2000	6469	2730	3739	–1009
2001	5924	3517	2407	1110
2002	5464	3492	1972	1520
2003	7088	4520	2568	1952
2004	10463	6103	4360	1743
2005	13227	7525	5702	1823
2006	14869	7982	6887	1095
2007	21787	13489	8298	5191
2008	29267	16144	13123	3021

Источники: Национальные статистические органы стран Центральной Азии.
* Объемы торгового оборота между Россией и странами Центральной Азии подсчитаны путем суммирования объемов двусторонних торговых оборотов.

в будущем, а, во-вторых, непонятно **с кем** и **какими силами и средствами** она будет решать эти военно-политические конфликты, вероятные уже в недалеком будущем. «Не создает каких-либо преимуществ для интеграционных процессов на постсоветском пространстве резкое снижение уровня, за пределами взаимодействия по линии ОДКБ и ШОС, двусторонних политических, хозяйственных, гуманитарных и иных связей между отдельными странами региона, которые на порядок слабее по сравнению с их же контактами, например, с Россией или дальним зарубежьем. Более того, как в ОДКБ, так и в ШОС явно недостает политической солидарности, гармонизации позиций государств-членов по важнейшим мировым и региональным проблемам. Достаточно в этой связи вспомнить определенные трения и напряженность между Арменией, с одной стороны, и центральноазиатскими государствами, с другой, из-за голосования последних на сессиях ОИК за резолюцию с осуждением „армянской агрессии". Возникали поэтому же поводу трудности в отношениях между государствами-членами ОДКБ и в ООН.

Отдельно и крайне ответственно встает вопрос о соотношении сил и степени сотрудничества созданных с участием государств-участников СНГ различных интеграционных структур, прежде всего ОДКБ и ШОС»[102], — отмечает В. Н. Земсков.

Ответ может быть только один: Россия должна рассчитывать только сама на себя, точнее, на ту модернизацию, которая может привести к созданию не только нового общества и новой экономики, но и реальных военно-политических инструментов влияния — эффективных военных сил и средств. Эти силы и средства не появятся в результате технологических заимствований извне; они по определению будут хуже, чем у тех стран, которые их производят.

Кроме того, важно развитие двусторонних и междунациональных отношений «по всем азимутам» с государствами, расположенными по периметру границ с Россией. Это — огромный ресурс развития, и он не должен ставиться в зависимость от отношений с другими странами. Например, как это было сделано по отношению к Ирану, которому оказали в поставках систем ПРО.

Так, по свидетельству ученых МГИМО(У) за 2000–2008 годы торговля России с соцстранами Центральной Азии[103] (табл. 17).

Можно констатировать: игнорирование в течение многих лет этого направления внешней политики России, в т. ч. внешнеэкономических связей, очевидно. Рост товарооборота за 8 лет почти в 5 раз можно назвать только началом этого процесса. Резервы такого сотрудничества огромны.

Альтернатива сценарию глобализации есть. Суть её — в постепенной смене модели глобализации на гуманистическую модель, реализуемую в интересах и под контролем «глобального гражданского общества» при максимально бережном отношении к национальным ценностям. Эта альтернативная модель может быть реализована лишь на принципах диалога и партнерства стран и цивилизаций в совместном решении острейших глобальных проблем XXI в. — экологической, демографической, технологической, экономической и социокультурной. В этом заинтересованы не только отстающие и бедные страны и цивилизации, но и авангардные: «и богатые, и бедные — все в одной лодке». Только на этом пути возможно построение геополитической системы постиндустриального общества. Именно эта модель и легла в основу инициативы Д. Медведева о создании новой архитектуры европейской безопасности, которая может стать прообразом мировой безопасности.

Надо только понимать, что диалог может вестись между равноправными партнерами. Россия сегодня таковым партнером не является. Она только может им стать, если ее правящая элита в очередной раз не проспит новый этап научно-технической революции, либо выберет, опять же в очередной раз, тупиковый путь развития.

Табл. 18. Доля различных стран и регионов в ВВП мира, %

	1500 г.	1820 г.	1870 г.	1913 г.	1950 г.	1973 г.	2001 г.
Западная Европа	17,8	23,0	33,0	33,0	26,2	25,6	20,3
США	0,3	1,8	8,8	18,9	27,3	22,1	21,4
Другие страны переселенческого капитализма*	0,1	0,1	1,2	2,5	3,3	3,2	3,1
Япония	3,1	3,0	2,3	2,6	3,0	7,8	7,1
ЦВЕ	2,7	3,6	4,5	4,9	3,5	3,4	2,0
Россия (СССР, СНГ)	3,4	5,4	7,5	8,5	9,6	9,4	3,6
Китай	24,9	32,9	17,1	8,8	4,5	4,6	12,3
Индия	24,4	16,0	12,1	7,5	4,2	3,1	5,4
Остальные страны Азии	12,6	7,5	6,9	6,0	6,8	8,7	13,2
Латинская Америка	2,9	2,2	2,5	4,4	7,8	8,7	8,3
Африка	7,8	4,5	4,1	2,9	3,8	3,4	3,3
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Оценка.

Источник: *Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2001. P. 261.

И, конечно же, при учете современных реалий. Профессор МГИМО(У) А. Богатуров замечает: «…синергетика дала важную подсказку: поведением системы управляют не все ее характеристики, а только набор ключевых из них. Для целей анализа таковых должно быть выделено не более пяти (число „лямбда“). Если следовать этой логике, то набор лидерских черт будет выглядеть приблизительно так: (1) военная сила, (2) научно-технический потенциал, (3) производственно-экономический потенциал, (4) организационный ресурс, (5) совокупный креативный ресурс (потенциал производства востребованных жизнью культурных, идейных, научных и иных инноваций).

Военная сила с целью возможности ее прямого или косвенного применения для установления контроля над поведением других стран была ключевым параметром лидерства в 1945–1962 годах. В 1963–1973 годах ее роль понижалась. В 1974–1985 годах она стабилизировалась, затем снова упала (1986–1990), чтобы в 1990-х обнаружить тенденцию к росту и резкий взлет в первом десятилетии XXI века»[104].

Как видно, синергетический эффект, в т. ч. и отраженный на эффективности использования военной силы, во многом зависит от качества и величины НЧП.

Российская элита вполне трезво оценивает нынешнее место России в мире: по основным показателям она серьезно отстает от группы развитых стран, а тем более США. Соотношение сил в мире можно оценить традиционно, исходя из величины ВВП, — показателя, который, следует напомнить, уже не раз менялся за последние 100 лет. Еще в начале XIX в., как и в предыдущие столетия, ведущими по экономической мощи были две крупные древние цивилизации: Китай и Индия. На них приходилась почти половина производимого в мире ВВП.

К 1913 г. ситуация радикально изменилась: Китай и Индия производили всего 8,8 и 7.5 % ВВП мира, т. е. примерно столько же, сколько Германия и Великобритания. Вся Западная Европа вместе с США давала уже более половины мирового ВВП. Увеличилась также доля России и ЦВЕ (табл. 18).

Табл. 19. Структура мирового населения, млрд человек[106]

	1980 г.	2002 г.	2004 г.	2015 г. (прогноз)	Среднегодовой темп прироста населения в 1980–2002 гг., %	2000–2005 гг. (%)	Население в возрасте старше 65 лет (в 2003 г., %)	Демографическая нагрузка
Весь мир	4,4	6,2	6,3	7,0	1,5	1,2	6,0	0,5
Страны с низким доходом на душу населения	1,6	2,5	2,3	3,2	2,1	1,8	3,4	0,6
Страны со средним доходом на душу населения	2,0	2,7	3,0	3,0	1,3	0,9	5,8	0,4
Страны с высоким доходом на душу населения	0,8	1,0	1,0	1,0	0,7	0,7	12,8	0,3

За последующие сорок лет картина опять изменилась и в 1950 г. выглядела так: доля Западной Европы заметно снизилась, а доля США резко возросла. Продолжала расти доля СССР, превратив его во вторую по экономической мощи державу мира[105].

Примечательны демографические показатели, которые являются одним из важнейших критериев в оценке соотношения сил (табл. 19).

В российском обществе, следует признать, существует определенный парадокс в оценке действительности, который для многих на Западе выглядит как противоречие. С одной стороны, российская элита и все общество признает огромный **потенциал** России, а, с другой, — его очевидно слабую современную реализацию. Отсюда — разница между амбициями и действительностью. Эта оценка реальной реализации потенциала в первом десятилетии XXI века строится на сопоставлении и сравнении важнейших критериев, среди которых регулярно используются: доля Российского ВВП в мировом ВВП (чуть более 3 %), душевой ВВП (около 12 тыс долл. США), доля в экспорте наукоемкой технологии (0,3 %) и др. Это видно из публикуемых официальных данных[107] (табл. 20), сведения о них широко используются не только в российской печати и исследователями, но и руководителями страны.

Как видно, отставание России по страновому и душевому ВВП очень существенно. Эта обеспокоенность стала причиной того, что в начале десятилетия стали стремительно появляться концепции и стратегии опережающего развития, декларировавшие, например «удвоение ВВП страны» в качестве главной стратегической задачи. Эти документы, включая и выступления В. Путина в первой половине нынешнего десятилетия, ориентированы на экстенсивный рост российской экономики.

Между тем, исследователи МГИМО(У) признают: «…для современного мира характерно быстрое увеличение доли **третичного сектора** (услуг) в экономике. Так, в России в третичном секторе уже работает около 60 % всех занятых, а численность занятых во вторичном секторе перестала расти еще в 70–80-е гг., а в 90-е гг. сокращалась. В США в третичном секторе занято 75 % работающих.

Причем быстрый рост этого сектора происходит прежде всего **за счет образования, науки и научного обслуживания, культуры и искусства, здравоохранения и физической культуры, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, социального обеспечения, индустрии отдыха** (т. е. рост НЧК. — *А. П.*). В России в этих отраслях (у нас они часто называются «отраслями социальной сферы») занято уже более ¼ работающих (в 1970 г. — около ⅕)»[108].

Эта тенденция еще больше усилилась к концу первого десятилетия. Ожидается, что в ближайшие 10–15 лет прирост ВВП до 95 % в развитых странах будет обеспечен именно за счет прироста НЧП.

Преодолеть отставание страны по уровню НЧП (т. е. обеспечить «догоняющее развитие») можно, выбрав одну из двух моделей — импортозамещения или экспортоориентирования Первая характеризуется ростом государственного участия и протекционизмом. Вторая (нелиберальная) — ориентацией отраслей на внешней рынок и невозможностью создать многоотраслевую и наукоемкую экономику. Похоже, к сожалению, Д. Медведев в очередной раз выбрал именно эту модель развития страны по «догоняющему сценарию».

Между тем существует и еще одна модель, которая, на мой взгляд, в наибольшей степени подходит России. Модель «опережающего развития», основанная на преимущественном развитии НЧП. Которая сегодня фактически игнорируется. Как справедливо считают ученые МГИМО(У), «В России, как и в большинстве других стран мира, национальное богатство подсчитывается на базе реального капитала, оставляя в стороне такие важные элементы капитала (богатства) нации, как природные ресурсы, человеческий капитал, финансовый капитал». Национальное богатство России, рассчитанное по стандартной методике Федеральной службы государственной статистики, на 80 % состоит из основных фондов, на 7 % — из материальных оборотных средств и на 13 % — из домашнего имущества длительного пользования.

Подсчитанное таким образом национальное богатство России на начало 2005 г. составляло **50,3 трлн руб.** По оценке Института экономики РАН, оно равнялось примерно 6 трлн долл. По паритету покупательной способности. По этой же оценке весь **реальный капитал** мира на рубеже XX и XXI вв. **равнялся 95 трлн долл.**, что позволяет сделать вывод, что на Россию падает примерно **пятнадцатая часть реального** капитала мира.

Учет стоимости природных ресурсов резко увеличит национальное богатство России, выведя его на одно из первых мест в мире. По оценке ИЭ РАН, минеральные, земельные и лесные ресурсы России составляют около **24 трлн долл.** (по среднегодовым мировым ценам). Это пятая часть природных богатств всего мира.

Еще в большей степени возрастет национальное богатство России, если будет учтен в нем человеческий капитал. На базе вложенных в каждого гражданина затрат на образование, науку, здравоохранение, культуру и искусство, информационное обслуживание, то, по оценке ИЭ РАН, человеческий капитал России **равен примерно 30 трлн долл**. (США — **95 трлн**, Китая — 25 трлн, Индии — 7 трлн, Бразилии — 9 трлн долл.), что составляет двенадцатую часть человеческого капитала мира.

Исчисленное на базе реального, природного и человеческого капитала **национальное богатство России является очень большим, вторым по величине в мире — 59 трлн долл.** (США — 124 — трлн, Япония — 54 трлн, Китай — 35 трлн, Индия —

Табл. 20. Основные показатели международных сопоставлений ВВП отдельных стран мира за 2009 г.

	ВВП по ППС, млрд USD	Доля страны в совокупном ВВП по ППС Мир = 100	ВВП на душу населения по ППС		Паритет покупательной способности, единиц национальной валюты за USD	Сопоставимый уровень цен (отношение ППС к валютному курсу), %
			долл. США	США = 100		
Азербайджан	38,4	0,07	4648	11,2	1631,6	35
Армения	12,6	0,02	3903	9,4	178,6	39
Беларусь	83,5	0,15	8541	20,5	779,3	36
Грузия	15,3	0,03	3505	8,4	0,7	41
Казахстан	131,8	0,24	8699	20,9	57,6	43
Киргизия	8,9	0,02	1728	4,1	11,4	28
Республика Молдова	8,5	0,02	2362	5,7	4,4	35
Россия	**1697,5**	**3,09**	**11861**	**28,5**	**12,7**	**45**
Таджикистан	9,7	0,02	1413	3,4	0,7	24
Украина	163,0	0,48	5583	13,4	1,7	33
СНГ	**2269,2**	**4,13**	**9202**	**22,1**	**—**	**43**
Австралия	671,5	1,22	32798	78,7	1,4	106
Австрия	280,8	0,51	34108	81,8	0,9	109
Албания	16,8	0,03	5369	12,9	48,6	48
Бельгия	336,0	0,61	32077	77,0	0,9	112
Болгария	72,2	0,13	9353	22,4	0,6	38
Босния и Герцеговина	25,0	0,05	6506	15,6	0,7	46
Венгрия	171,6	0,31	17014	40,8	128,5	64
Германия	**2514,8**	**4,57**	**30496**	**73,2**	0,9	111
Соединенное Королевство (Великобритания)	**1901,7**	**3,46**	**31580**	**75,8**	0,6	118
США	**12376,5**	**22,51**	**41674**	**100,0**	1,0	100
Турция	61,1	1,02	7786	18,7	0,9	64
Финляндия	159,8	0,29	30469	73,1	1,0	122
Франция	**1862,2**	**3,39**	**29644**	**71,1**	0,9	115
Хорватия	58,8	0,11	13232	31,8	3,9	66
Черногория	4,9	0,01	7833	18,8	0,4	45
Чешская Республика	207,6	0,38	20281	48,7	14,4	60
Швейцария	266,3	0,48	35520	85,2	1,7	140
Швеция	288,9	0,53	31995	76,8	9,2	124
Эстония	22,4	0,04	16654	40,0	7,8	62
Япония	**3870,3**	**7,04**	**30290**	**72,7**	129,6	118

12 трлн, Германия — 31 трлн, Франция и Великобритания — по 21 трлн долл.).

Однако учет финансового капитала, который в России невелик по сравнению с экономически развитыми державами мира, уменьшит вес России в мировом богатстве. Так, капитализация рынка акций составляет 0,5 трлн долл. Против 3,7 трлн в Японии и 16,3 трлн в США. По данным Всемирного банка, доля России на мировом рынке акций мира составляла в 2005 г. примерно 1,4 %»[109].

Из этих данных МГИМО(У) понятны преимущества России, которые по разным причинам сегодня не используются. Так, за 2000–2009 годы в России медленно росли расходы на образование (табл. 21).

Основным в определении человеческого капитала является понятие капитала как самовозрастающей стоимости. С этих позиций человек рассматривается как определённый объект, который в результате вложенных в него инвестиций представляет собой экономический объект с определённой стоимостью. На данном

Табл. 21. Бюджетные расходы на образование в 2000–2009 гг.[110]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Консолидированный бюджет	214,8	277,8	408,0	475,6	593,2	80,8	1033,3	1342,3	1664,2	1691,9
Федеральный бюджет	38,1	54,5	81,7	99,8	121,6	162,1	201,6	278,5	354,9	413,1
Территориальные бюджеты	176,7	223,3	326,3	375,8	471,6	628,6	831,7	1063,8	1309,8	1278,8
Доля расходов консолидированного расходов консолидированного бюджета на образование, % ВВП	2,9	3,1	3,8	3,6	3,5	3,7	3,9	4,1	4,1	4,0
Федеральный бюджет	0,5	0,6	0,8	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	1,0
Территориальные бюджеты	2,4	2,5	3,0	2,8	2,8	2,9	3,1	3,3	3,3	3,0
Доля расходов на образование в консолидированном бюджете РФ, %	9,7	9,7	10,2	12,0	12,7	11,8	12,3	11,9	11,8	10,5
Доля расходов на образование федерального бюджета в расходах консолидированного бюджета РФ, %	1,7	1,9	2,0	2,5	2,6	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6
Доля расходов на образование территориальных бюджетов в расходах консолидированного бюджета РФ, %	8,0	7,8	8,2	9,5	10,1	9,4	9,9	9,4	9,3	7,9

Источник: Росстат, Федеральное казначейство.

этапе человек не является капиталом и представляет собой пока только определённый потенциал. В этой связи человеческий потенциал можно также трактовать как набор инвестиций (образовательных, здравоохранительных и воспитательных) произведённых в человека. **Капиталом человек становится только будучи субъектом экономической деятельности, то есть когда произведённые в него инвестиции начинают работать и приносить прибыль**[111], как считают экономисты. Или, на мой взгляд, — **общественную пользу, что гораздо точнее**. Капитал — реализованный потенциал человека или нации. И не обязательно только для прибыли. Общественная и государственная польза — вот критерий оценки реализации потенциала, превращения его в капитал и фактор развития. Более того, общественная польза, в отличие от прибыли, становится все чаще политической категорией.

В условиях социальной и экономической справедливости, более квалифицированные, более активные работники получают и более высокую заработную плату, а стало быть, получая более высокую отдачу от своего человеческого капитала. Но такое положение в экономике, как и в международных отношениях, — идеализация, скорее — желательная тенденция, которая, безусловно, усиливается в последние десятилетия.

Важно также подчеркнуть, что личный человеческий капитал и человеческий капитал фирмы и нации принадлежат **исключительно этим субъектам**. Его нельзя отнять, взять взаймы или заложить. Для страны и нации это имеет огромное значение: увеличение НЧК объективно ведет к укреплению суверенитета и национальной безопасности. Если, например, НЧК в России составляет, по некоторым оценкам, более 55 % национального богатства (в развитых странах — более 80 %), то увеличение его доли до 80 % в процессе модернизации объективно ведет **к резкому укреплению суверенитета, способности защищать национальные интересы и ценности, быть более устойчивым к вызовам глобализации**.

И, наоборот (кризис 2008–2010 годов это наглядно показал): сохранение ресурсной экономики, низкого удельного веса НЧК, ведет к ослаблению национального суверенитета, возможностей защищать национальные интересы и ценности. Поэтому выбор стратегии модернизации не случайно вызывает споры и даже попытки противопоставить модернизацию национальным ценностям. Стратегия модернизации, ориентированная на зарубежные заимствования технологий и инноваций, очевидно, отличается от стратегии модернизации, ориентированной на развитие НЧК. В том числе и с точки зрения интересов национальной безопасности.

Для оценки человеческого потенциала широко используется так называемый индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который ежегодно публикуется под эгидой ООН (Human Development Index — HDI). Он является инструментом универсальных сравнений и пользуется значительным авторитетом как в академической среде, так и в политическом сообществе.

Непосредственно составлением рейтинга стран по данному индексу занимается Программа развития ООН (ПРООН). В создании Докладов о развитии человека[112] принимает участие группа независимых экспертов, которые в своей работе опираются на другие исследования, проводимые ООН, а также на официальные данные национальных исследовательских центров.

Идея расчета ИРЧП как совокупного индекса, включающего в себя показатели социального и экономического развития, была предложена в 1990 г. группой экспертов ПРООН. Создание такого индекса объяснялось необходимостью оценки эффектов раз-

вития на человеке, который таким образом становился объектом исследования проблем развития[113].

Значение ИРЧП призвано показывать уровень благополучия населения в стране, а также существующие в ней возможности для реализации жизненных потребностей и приоритетов. В качестве важнейших критериев развития человека выбраны долгая здоровая жизнь, высокий уровень образования и достойный (в материальном отношении) уровень жизни.

Этот подход имеет не только методическое, но и политическое значение. Если элита страны, например, недооценивает значение высшего образования, то такое отношение безусловно скажется (причем быстро и непосредственно) не только на ИРЧП, но и на эффективности экономики и НЧП в целом. В этой связи не понятна логика состоявшегося в сентябре 2010 года совместного заседания Госсовета и Комиссии по модернизации при Президенте России, где отчетливо прозвучал тезис о том, что в условиях модернизации «… необходимо устранить сложившийся в 90-х годах перекос в сторону высшего образования. „Очевидная нехватка специалистов, выпускников начального, среднего профобразования", — заявил Д. Медведев»[114]. При этом в качестве аргумента было приведено мнение М. Прохорова, что современное образование готовит 80 % выпускников с высшим и только 20 % — с начальным и средним образованием, тогда как «рынок требует обратной пропорции».

Аргумент — крайне неубедительный. Если развалили систему профобразования, — что истинная правда, то и надо ее восстанавливать, т. е. **увеличить число выпускников**, создав для этого необходимые условия, а не пытаться кастрировать высшее образование.

Известно, что высшее образование дает максимальный экономический и социальный эффект. Поэтому вопрос надо ставить — как это сделано, например, в Японии, — вопрос **о всеобщем** (не путать с обязательным!) высшем образовании, а не искусственно сокращать число студентов. Напомню, что в Стратегии национальной безопасности США 2010 года в качестве важнейшего приоритета ставится задача достижения максимального уровня выпускников высших учебных заведений.

Кроме того, очередной аргумент — «рынок требует» — не подтверждается практикой наиболее развитых стран, где доля студентов университетов заметно растет. Они (выпускники университетов) и формируют будущий рынок экономики знаний. В США, Японии, Китае это прекрасно понимают.

На этом же Госсовете министр А. Фурсенко фактически подтвердил идею искусственного сокращения вузов, что, конечно же, совершенно не отражает мировые тренды в развитии[115].

Со временем, помимо собственно ИРЧП, эксперты ПРООН стали рассчитывать ИРЧП с учетом пола и индекса человеческой бедности. Сам же ИРЧП претерпел изменения в методологической части — изменился принцип определения уровня грамотности населения и механизм подсчета ВВП на душу населения.

ИРЧП является композитным индексом, который подсчитывается на основании индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности[116].

Источником данных для определения индекса ожидаемой продолжительности жизни (Life Expectancy Index) является официальное издание ООН «Перспективы народонаселения мира». Индекс образования (Education Index) рассчитывается исходя из уровня грамотности взрослого населения и совокупного валового коэффициента поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения. Данные о грамотности населения берутся из официальных результатов национальных переписей населения и сравниваются с показателями, вычисляемыми Институтом статистики ЮНЕСКО. Для развитых стран, которые уже не включают вопрос о грамотности в анкеты переписи населения, принимается уровень грамотности 99 %. Данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения, агрегируются Институтом статистики ЮНЕСКО на основе информации, предоставленной соответствующими правительственными учреждениями стран мира. Индекс ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP Index) понимается в исследовании как индекс достойного уровня жизни. Данные по уровню ВВП на душу населения предоставляются Всемирным банком.

На основе рассчитанных показателей ИРЧП страны (в Докладе 2009 г. ИРЧП рассчитан для 182 государств) ранжируются на государства с высоким уровнем ИРЧП (83, включая Россию; на первом месте — Норвегия), со средним уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (24; на последнем месте — Нигер).

ИРЧП по факту предоставляет, чуть ли не стандартную классификацию государств мира, пользующуюся доверием, часто применяемую в различных исследованиях, в том числе сугубо прикладных. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что в его основу положены не субъективные оценки экспертов или политиков, а реальные числовые показатели, взятые из официальных источников (конечно, это может создавать некоторые проблемы, связанные с тем, что правительства могут сознательно приукрашивать реалии своих стран), он относительно объективен и поддается верификации. ИРЧП, помимо названных достоинств, ежегодно обновляется.

Вместе с тем ИРЧП достаточно устарел, требует модернизации. Он уже сегодня подвергается справедливой критике.

Табл. 22. Расчет индекса развития человеческого потенциала для России

Исходные данные	Мин	Max	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	25	85	67,6
Уровень грамотности взрослого населения, %	0,0 %	100,0 %	98,7 %
Совокупная доля учащихся начальных, высших и средних уч. заведений, %	0,0 %	100,0 %	69 %
Реальный ВВП на душу населения, $	$ 100,00	$ 5448,00	$ 5184,00
Индекс ожидаемой продолжительности жизни			0,710
Индекс грамотности			0,987
Индекс доли учащихся			0,690
Индекс уровня образования			0,888
Индекс ВВП			0,951
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)			**0,850**

Два недостатка отмечаются критиками особенно часто:

— ИРЧП учитывает очень мало факторов и потому весьма неточен, соответственно он не учитывает таких данных факторов, как уровень развития науки, производительность труда, а, главное, творческие и культурные особенности;

— для развитых стран он уже вплотную приблизился к единице, т. е. нет пространства для роста. В ряде случаев, индекс даже «выскакивает» за единицу, что, естественно, недопустимо. Приходится искусственно снижать этот показатель.

У ИРЧП есть и другие очевидные недостатки. Так, определение РВВП на душу населения — «валовой» показатель, который не свидетельствует ни о степени развития экономики, ни о ее структуре, ни о ее наукоемкости. Он говорит только о душевых реальных доходах, которые могут быть получены, например, от экспорта углеводорода. По этому показателю, например, Катар превосходит все страны мира.

Но главная проблема все-таки в том, что ИРЧП должен характеризовать **социальную**, а не только экономическую сущность человеческой деятельности. **Человеческий капитал** — как показатель прибыли — должен измениться и стать **Человеческим капиталом — показателем общественной пользы**. Это требует введение новых частных индикаторов, которые должны отражать и качество человеческой личности, например, ее способность к творчеству. Как справедливо замечают В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко, — индексы — более сложные интегральные показатели, которые конструируются и рассчитываются на основе частных индикаторов. Если число индикаторов велико (в США используется 400 индикаторов), то индексов мало. При этом индексы конструируются индуктивным методом — от частного к общему, что связано с отсутствием теории социума и человека[117].

Предлагаемый национальный индекс человеческого капитала (НИЧК) пытается исправить оба эти недостатка. Однако, будучи простым для понимания и не используя сложную математику (это плюсы), он достаточно трудоёмок, так как требует большего количества достоверных данных. Кроме того, при определении весовых коэффициентов трудно избежать субъективизма (это минусы).

Табл. 23. Дополнительные индексы для России

	Значение	Вес	Индекс	По весу
Положительные				
Индекс духовности (% население исповедующее религию)	50	0,3	0,500	0,150
Индекс культуры (% население посещающее театры, музеи, библиотеки)	70	0,3	0,700	0,210
Индекс креативности (% работников творческих профессий)	20	0,4	0,200	0,080
		1		
Отрицательные				
Индекс преступности (% заключенных)	7	-0,6	0,070	-0,042
Индекс здоровья (% инвалидов)	10	-0,3	0,100	-0,030
Индекс свободы (% чиновников)	20	-0,1	0,200	-0,020
		–1		
Дополнительный национальный индекс (Доп. НИ)				**0,348**

Эти минусы, впрочем, преодолимы. Даже небольшая группа исследователей сможет выполнить эту работу в достаточно короткие сроки.

Методика подсчета ИРЧП хорошо документирована, поэтому здесь мы приведем ее просто в виде таблицы-примера (табл. 22).

Введем понятие «Дополнительный национальный индекс» (Доп. НИ). Аналогичный индекс можно будет разработать и для регионов, что будет значительно точнее, но пока сосредоточимся на национальном уровне.

Данный индекс является открытым, т. е. рассчитывается из тех данных, которые достоверно известны для данной страны на текущий год. Доп. НИ рассчитывается из составляющих индексов. Их число может меняться, но ясно, что чем их больше, тем Доп. НИ, а значит и НИЧК более точно отражает реальное соотношение человеческого капитала, которым обладают страны мира.

Принимаем, что составляющие индекса могут быть положительными и отрицательными.

В табл. 23, это следует подчеркнуть, нет ни одной достоверной цифры, — все приведенные значения условны и приведены здесь лишь для иллюстрации механизма расчета Доп. НИ.

Из этого примера видно:

— все значения приведены в % к общему населению страны, т. е. все значения единообразны;
— весовые коэффициенты (здесь взяты условно — в реальности требуют отдельного обоснования/исследования) в сумме должны быть равны единице для положительных индексов и минус единица для отрицательных, это гарантирует удержание суммарного Доп. НИ в пределах от нуля до единицы;
— при вводе новой строки в состав положительного или отрицательного списка индексов, веса подлежат обязательному пересчету с тем, чтобы сумма осталась равной единице (или минус единицу);
— собственно Доп. НИ является простой суммой всех строк (положительных и отрицательных).

Национальный индекс индивидуального человеческого капитала для России

НИЧК = (ИРЧП + Доп.НИ) / 2 0,599

При такой методике расчета оба главных недостатка ИРЧП нивелируются:

— НИЧК существенно точнее отражает реальность;
— скорость приближения его к единице, даже для очень благополучных стран, значительно снизится.

В качестве иллюстрации можно привести, как будет выглядеть рейтинг НИЧК первых 20 стран (данные условны) (табл. 24):

Табл. 24.

Место в 2007	Страна	ИРЧП, данные 2007 (опубл. 2009)	Доп.НИ	НИЧК = (ИРЧП + Доп.НИ) / 2
1.	Франция	0,961	0,355	0,658
2.	Италия	0,951	0,353	0,652
3.	Нидерланды	0,964	0,340	0,652
4.	Дания	0,955	0,342	0,649
5.	Республика Корея	0,937	0,360	0,649
6.	Канада	0,966	0,330	0,648
7.	Япония	0,960	0,333	0,647
8.	Австрия	0,955	0,329	0,642
9.	Новая Зеландия	0,950	0,310	0,630
10.	Гонконг	0,944	0,340	0,642
11.	Швеция	0,963	0,300	0,632
12.	Бельгия	0,953	0,305	0,629
13.	Израиль	0,935	0,320	0,628
14.	**Россия**	**0,850**	**0,348**	**0,599**
15.	Швейцария	0,960	0,207	0,584
16.	Австралия	0,970	0,195	0,583
17.	Лихтенштейн	0,951	0,167	0,559
18.	Финляндия	0,959	0,153	0,556
19.	Германия	0,947	0,145	0,546
20.	Норвегия	0,971	0,113	0,542

Существует очевидная потребность в создании как международного, так и общероссийского индекса развития национального человеческого капитала, который смог бы стать инструментом **оценки эффективности деятельности правительств**. В конечном счете, именно такой результат — уровень НЧК — должен говорить **о качестве управления страной и быть главным аргументом, например, на выборах**.

Этот же вывод справедлив и для оценки эффективности управления всех регионов Российской Федерации, которые радикально отличаются по уровню своего развития и качеству жизни друг от друга. Региональный душевой ВВП Тувы, например, может отличаться от московского показателя в 15–20 раз, но национальный индекс является усредненным показателем **всех российских регионов**, а не только тех, где развитие идет относительно успешно.

Уверен, что, рассуждая о современной модернизации, мы должны **насытить это понятие конкретным содержанием,** в том числе и конкретными критериями, показателями, индексами и т. п. Это внесло бы и больше содержания в дискуссию, ведь не случайно понятия «модернизация», «инновация», «инновационное развитие», «конкурентоспособность» занимают центральные места в российском политическом дискурсе. Создается впечатление, что после ряда инициатив Д. А. Медведева, содержавших призыв «сделать нашу страну современной и благоустроенной», требуется больше конкретики и больше дискуссий, в ходе которых яснее стала бы и стратегия. Была учреждена Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России во главе с президентом России[120], однако практических результатов, публикаций, выступлений и публичных дискуссий крайне мало.

Вместе с тем достаточно широко эти понятия были использованы Д. А. Медведевым в 2006–2008 годах. Они были положены в основу Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р[119]. Одной из главных целей был провозглашен переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, специфика которого «состоит в том, что России предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития, ответить на долговременные системные вызовы, отражающие развитие, как мировых тенденций, так и внутренних барьеров развития».

В этой связи особенно важным становится процесс мониторинга усилий по модернизации экономики и общества, сопоставления и сравнения результатов деятельности в России с мировыми тенденциями. Для этого необходимы инструменты подобных сравнений и сопоставлений, которые не только разработаны, но и успешно используются. Одним из таких инструментов может стать национальный (региональные) индекс индивидуального человеческого капитала (НИЧК), о котором говорилось выше. Можно и нужно использовать и другие, в т. ч. международные инструменты. Так, профессор МГИМО(У) Л. Капица приводит следующие 14 критериев, разработанные международными институтами, которые объединены в четыре кластера[120]. Этот упрощенный вариант был назван протоколом измерения результатов прогресса.

Общие результаты развития
Среднегодовые темпы роста ВВП (в %);
Индекс человеческого развития
Экономическое стимулирование и институциональный режим
Тарифные и нетарифные барьеры
Качество правового регулирования
Приоритет закона
Образование и человеческие ресурсы
Уровень грамотности взрослого населения (% населения в возрасте от 15 лет и старше)
Совокупный охват молодежи средним образованием
Совокупный охват молодежи высшим образованием
Инновационная система
Численность научных работников в сфере НИОКР на млн населения
Число патентов, выданных Офисом патентов и торговых марок США на млн населения
Научные и технические статью, опубликованные в журналах, на млн населения
Информационная инфраструктура
Число телефонов на 1000 человек (проводные + мобильные)
Число компьютеров на 1000 человек
Число пользователей Интернета на 1000 человек

Эти критерии могут иллюстрировать динамику модернизации в стране и ее готовность к экономике знаний. Однако это не снимает идеологических и политических вопросов **относительно целей модернизации**, которые сегодня трактуются как **некоторые частные** задачи, и даже самоцель. Что и признали в сентябре 2010 года авторы «Индекса Валдая», в котором, в частности, говорилось о том, что «культурное и цивилизационное развитие России предлагается оценить по критериям **созревания цивилизационной идеологии** (подч. — *А. П.*) и модели, степени свободы слова, религии, терпимости»[121].

6. Внешняя политика России и НЧП

Кремль меняет курс российской дипломатии. Первостепенной задаче отныне становится модернизация страны, а главными партнерами являются Германия, Франция, Италия, Евросоюз в целом, а также США[122]
Французские СМИ

… для крупных государств, а тем более великих держав наличие собственной внешнеполитической идеологии обязательно[123]
М. Хрусталёв, профессор МГИМО(У)

В большинстве развитых стран внешняя политика в XXI веке во многом предопределяется интересами модернизации и интеграции. Так, в Японии, например, она основывается на трех фундаментальных посылах. Во-первых, на привлечении в страну иностранных инвестиций и максимальном выносе грязных производств в страны с дешевой рабочей силой (при сохранении за собой управленческой структуры); во-вторых, на создании в Юго-Восточной Азии крупнейшего подконтрольного финансам Японии рынка; в-третьих, превращении Японии в законодателя мод новейших товаров и услуг. Эти фундаментальные основы, однако, не означают, что в Японии существует четкая модернизационная стратегия.

Аналогия между Россией и Японией не случайна, хотя эти страны находятся в разной с точки зрения уровня технологического положения и качества НЧП. Это совпадение, вызванное внутриполитической идеологической и политической незавершенностью, ярко отражает, на мой взгляд, общую мировую тенденцию, когда страны в XXI веке объективно стоят перед выбором вектора развития.

Это отразилось на колебаниях внешнеполитического курса России — от односторонней ориентации на США, до такой же ориентации на Евросоюз, а затем на создание Евразийского союза.

Выступление Д. Медведева летом 2010 года перед российскими послами серьезно отличалось от предыдущего, состоявшегося в 2008 году (Президент России выступает с установочной речью раз в два года перед послами России в МИДе), где он потребовал от высшего дипсостава «давать оценку, а иногда и просто отпор любым попыткам обеспечения национальных или групповых интересов в ущерб международному праву»[124]. Подобное сравнение наводит на мысль о том, что в 2010 году Д. Медведев внес слишком радикальные изменения не только в прежний внешнеполитический курс, но и на им самим утвержденную Концепцию внешней политики, подчинив задачу обеспечения национальных интересов частной задаче модернизации страны, опираясь на развитые страны Запада. Более того, в интересах модернизации (во всяком случае, так считают многие СМИ) он предложил провести модернизацию демократии и демократических институтов путем глобальных реформ. По его словам, международное сообщество должно составить список норм современной демократии и привлечь к участию в этом процессе все заинтересованные страны. «В целом интересам российской демократии отвечает следование как можно большего числа государств демократическим стандартам в их внутренней политике», — сказал президент, подчеркнув при этом, что они «не могут быть навязаны в одностороннем порядке»[125].

Эффективность внешней политики России в 2000–2010 годах непосредственно связана с темпами развития НЧП в мире. Количественный рост ВВП страны в 2000–2007 годы сопровождался укреплением внешнеполитического курса, но до определенного предела. Он, в частности, вызывал беспокойство на Западе, который ассоциировал выздоровление России с «возрождением империи», с одной стороны, и ее **отставанием** в качественном развитии, выражавшемся как в стагнации ИРЧП, так и развитии общественных институтов. Эти последствия и стали к выступлению Д. Медведева в июле 2010 года в МИДе.

Примерно со второй половины первого десятилетия, особенно после 2007 года, в российской элите стала звучать озабоченность качественными параметрами развития экономики и общества, особенно теми, которые определяют качество человеческого потенциала[126].

Надо сказать, что для этого были все основания. В качестве примера обычно используется сопоставление такого показателя, как индекс человеческого развития — ИЧР (human development index, HDI). Он является среднеарифметическим трех субиндексов — ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования, душевого уровня ВВП по ППС. Идеалом считается, когда каждый из субиндексов и ИЧР в целом достигает единицы, т. е. максимально возможного в современных условиях значения.

Использование этого индекса вместе с тем, на мой взгляд, вызывает несколько принципиальных вопросов.

Во-первых, конечно, хорошо, что появились некоторые инструменты количественных оценок уровня развития государств в мире, но необходимо понимать, что, как и все индексы и критерии, они

не **совершенны**. Так, ИРЧП не включает многие важные показатели — уровень культуры, творческий потенциал, развитие науки, духовные и нравственные качества человека и нации.

Во-вторых, те, кто готовит и оперируют индексами и рейтингами, должны понимать их политическое и идеологическое значение. Тем более это должны осознавать те, кто **пользуется** этими рейтингами. Так, использование этих оценок исследователями кафедры мировая экономика МГИМО(У) привело к следующим выводам.

По данным ПРООН, в 2007 г. первые три десятка мест по величине ИЧР (от 0,929 до 0,971) занимали развитые страны из списка МВФ (за исключением Кипра, Мальты, Португалии и Словакии). Из постсоветских экономик неплохие места были у стран Балтии — в середине пятого десятка стран (0,866–0,883), хуже у Белоруссии, России и Казахстана (0,826, 0,817 и 0,804 соответственно). Остальные постсоветские страны вообще не входили в список стран с очень высоким (не ниже 0,900) и высоким уровнем человеческого развития (не ниже 0,800), находясь в группе стран со средним уровнем человеческого развития (85-е место у Украины — 0,796 и 127-е место у Таджикистана — 0,688).

Выводы следуют, на самом деле, уже политические: Россия, как великая держава, единая общность, делится по уровню регионального (по сути дела) развития на три группы стран, которые находятся **на разной стадии своего развития**.

Следующий вывод ученых, безусловно, справедлив, более того, свидетельствует о правильности избранных в 2005–2010 годах демографических приоритетах.

Отставание большинства постсоветских стран по уровню и качеству жизни неравномерно по разным индексам, входящим в ИЧР (т. е. субиндексам). Так, у России очень низок индекс ожидаемой продолжительности жизни (0,686 против 0.708 в среднем по миру), неплох индекс душевого уровня ВВП по ППС (0,833 против 0,784 среднемирового). Можно сделать вывод, что по мировым меркам Россия не бедная страна, с весьма образованным населением, но очень низкой продолжительностью жизни.

Тема развития потенциала личности стала центральной в ходе избирательной кампании Д. Медведева и первые два года его президентства (2008–2010). Можно сказать, что российская элита в числе основных своих приоритетов в этот период сформулировала социальные и технологические (инновационные), в том числе и в международной области и сфере безопасности. В 2005–2010 годах были приняты многочисленные концепции и стратегии[127].

Так, со второй половины десятилетия особое место стали занимать не количественные, а качественные сопоставления и сравнения критериев, определяющих индекс развития человеческого потенциала — душевой ВВП, образование, здравоохранение, продолжительность жизни. Неблагоприятные демографические тенденции в последние 20 лет, которые стали известны еще в начале 90-х гг., но которые долгое время рассматривались как «естественные», привели к принятию специальной программы «Демография» (2007 год) и комплексу социальных про-

Табл. 25. Россия и другие страны схожего уровня развития: индекс глобальной конкурентоспособности и составляющие его субиндексы

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справочно: США
Индекс глобальной конкурентоспособности (в баллах от 1 до 7, где 7 — максимально высокий балл, в скобках — номер места страны в списке из 133 стран)	**4,2 (63)**	**4,1 (68)**	**4,3 (46)**	**4,2 (61)**	**4,7 (30)**	**5,6 (2)**
в том числе:						
— институциональная среда	3,2	3,9	3,9	3,5	4,8	4,8
— инфраструктура	3,6	4,0	2,9	3,9	4,9	5,9
— макроэкономическая стабильность	5,2	4,2	4,6	4,7	5,5	4,3
— здравоохранение и начальное образование	5,6	5,7	5,9	5,3	5,4	5,9
— высшее образование и переподготовка кадров	4,3	4,7	4,8	3,9	4,4	5,6
— эффективность товарных рынков	3,7	4,3	4,3	4,3	4,8	5,1
— эффективность рынка труда	4,7	4,7	4,5	3,7	4,7	5,8
— зрелость финансового рынка	3,3	4,3	4,6	4,1	4,7	5,0
— восприимчивость к новым технологиям	3,4	4,0	4,0	3,8	4,3	5,6
— размер рынка	5,8	3,3	5,1	5,2	4,4	6,9
— зрелость бизнеса	3,6	3,8	4,3	4,3	4,5	5,7
— инновационный потенциал	3,4	3,9	3,3	3,1	3,4	5,8

Источник: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

Табл. 26. Россия и другие страны схожего уровня развития: некоторые показатели уровня социального развития

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справочно: США
Индекс человеческого развития (в баллах, где максимально высокий показатель равен 1, в скобках указано место страны в списке из 182 стран)	**0,817 (73)**	**0,866 (50)**	**0,880 (42)**	**0,806 (78)**	**0,878 (43)**	**0,956 (12)**
в том числе:						
— индекс ожидаемой продолжительности жизни	0,686	0,788	0,842	0,779	0,891	0,902
— индекс уровня образования	0,933	0,961	0,952	0,828	0,919	0,968
— индекс душевого ВВП по ППС	0,833	0,851	0,847	0,812	0,823	1,000
— доля низшего дециля в доходах или потреблении, %	2,6	2,7	3,0	1,9	1,6	1,9
— доля высшего дециля в доходах или потреблении, %	28,4	27,4	27,2	33,2	41,7	29,9
— индекс Джини (от 1 до 100 — максимальная дифференциация)	0,375	0,375	0,349	0,432	0,520	0,408
Индекс глобальной конкурентоспособности (в баллах от 1 до 7, где 7 — максимально высокий балл, в скобках указано место страны в списке из 133 стран)	**4,2 (63)**	**4,1 (68)**	**4,3 (46)**	**4,2 (61)**	**4,7 (30)**	**5,6 (2)**
в том числе:						
— субиндекс здравоохранения и начального образования	5,6	5,7	5,9	5,3	5,4	5,9
— субиндекс высшего образования и переподготовки кадров	4,3	4,7	4,8	3,9	4,4	5,6

Источник: UNDP. Human Development Report 2009. New York, 2009; World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

Табл. 27. Россия и другие страны схожего уровня развития: показатели коррупции и организованной преступности

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справочно: США
Индекс восприятия коррупции (в баллах от 10 до 0, где 0 — максимально высокий уровень)	2,2	4,5	5,0	4,4	6,7	7,5
Этническое поведения фирм (место страны в списке из 133 стран)	112	79	50	83	21	22
Организованная преступность (место страны в списке из 133 стран)	96	26	77	108	29	72

Источник: Transparency International. Corruption Perception Index (www.transparency.org); World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

Табл. 28. Россия: валовая добавленная стоимость по отраслям и видам экономической деятельности (в постоянных основных ценах; в процентах к итогу)

в ценах 2000 г.			в ценах 2003 г.		
Отрасли	**2000 г.**	**2003 г.**	**Виды экономической деятельности**	**2003 г.**	**2008 г.**
Сельское и лесное хозяйство (вкл. организации, обслуживающие сельское хозяйство)	6,7	6,9	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,3	5,4
Промышленность	31,7	31,4	Рыболовство, рыбоводство	0,5	0,4
Строительство	6,6	7,2	Добыча полезных ископаемых	6,7	5,0
Прочие виды деятельности по производству товаров	0,5	0,5	Строительство	6,1	7,8
Транспорт и шоссейное х-во	7,6	7,3	Транспорт и связь	10,8	11,2
Связь	1,5	2,1			

окончание табл. 28

в ценах 2000 г.			в ценах 2003 г.		
Отрасли	2000 г.	2003 г.	Виды экономической деятельности	2003 г.	2008 г.
Торговля, общественное питание и заготовки	23,9	25,2	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22,2	26,7
Информационно-вычислительное обслуживание	0,1	0,1	Гостиницы и рестораны	0,8	0,9
Операции с недвижимым имуществом	3,2	3,1	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг*	10,8	13,2
Общая коммерческая деятельность по обеспечению рынков	3,7	2,7			
Геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы	0,3	0,3			
Жилищное хозяйство	1,2	1,1			
Коммунальное хозяйство	1,3	1,0			
Непроизводственные виды бытового обслуживания населения	0,1	0,1			
Финансы, кредит, страхование	1,4	1,9	Финансовая деятельность	3,4	4,0
Наука и научное обслуживание	0,9	0,8			
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	2,3	2,0	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,2	2,5
Образование, культура и искусство	2,8	2,6	Образование	2,7	2,0
Управление (вкл. оборону)	4,7	4,3	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение**	5,6	4,5
Общественные объединения	0,2	0,1			
			Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг***	1,9	1,9
Косвенно измеряемые услуги финансового посредничества****	–0,8	–0,8	Косвенно измеряемые услуги финансового посредничества****	–1,7	–4,7

*Вкл. жилищное и коммунальное хозяйство (кроме элетро-, газо-, водо- и теплоснабжения), а также информационно-вычислительное обслуживание, науку и научное обслуживание

**Вкл. государственное (обязательное) пенсионное обеспечение

***Вкл. культуру и искусство, физкультуру и спорт, общественные организации

****Включены в продукцию отдельных отраслей и поэтому при выделении в отдельный вид экономической деятельности идут со знаком «–»

Источники: Национальные счета России в 2000–2008 годах. М., 2009. С. 125, 128; Национальные счета России в 1997–2004 годах. М., 2005. С. 86.

Табл. 29. Постсоветские страны: темпы роста ВВП (в процентах)

	1992–2000*	2001–2008*	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	–4,0	6,5	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6
Белоруссия	–1,2	8,2	4,7	5,0	7,0	1,4	9,4	10,0	8,2	10,0
Молдавия	–9,2**	6,3	6,1	7,8	6,6	7,4	7,5	4,8	3,0	7,2
Украина	–8,0	6,9	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,3	7,6	2,1
Азербайджан	–5,6	17,0	9,9	10,6	11,2	10,2	26,4	34,5	25,0	11,6
Армения	–2,9	11,9	9,6	13,2	14,0	10,5	13,9	13,2	13,8	6,8
Грузия	–7,9	7,6	4,8	5,5	11,1	5,9	9,6	9,4	12,4	2,1
Казахстан	–2,7	9,3	13,5	9,8	9,3	9,6	9,7	10,7	8,9	3,2
Киргизия	–3,6	4,7	5,3	0,0	7,0	7,0	–0,2	3,1	8,2	7,6
Таджикистан	–9,4**	8,8	9,6	10,8	11,0	10,3	6,7	7,0	7,8	7,9
Туркмения	–2,1**	14,3	20,4	15,8	17,1	14,7	13,0	11,4	11,6	10,5

окончание табл. 29

	1992–2000*	2001–2008*	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Узбекистан	–0,1	6,6	4,2	4,0	4,4	7,4	7,0	7,3	9,5	9,0
В среднем по СНГ**	–4,3	7,0	6,1	5,2	7,8	8,2	6,7	8,4	8,6	5,5
Латвия	–3,7**	7,3	8,0	6,5	7,2	8,7	10,6	12,2	10,0	–4,6
Литва	–2,8**	7,3	6,6	6,9	10,2	7,4	7,8	7,8	8,9	3,0
Эстония	–0,1**	6,6	7,7	7,8	7,1	7,5	9,2	10,4	6,3	–3,6
Справочно:										
Польша	4,7**	4,1**	1,2	1,4	3,9	5,3	3,6	6,2	6,8	4,9
Турция	3,9**	5,9**	–5,7	6,2	5,3	9,4	8,4	6,9	4,7	0,9
Чили	6,6**	4,5**	3,5	2,2	4,0	6,0	5,6	4,6	4,7	3,2
Китай	10,6**	10,3**	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,6	13,0	9,0
Индия	5,9**	7,8**	3,9	4,6	6,9	7,9	9,2	9,8	9,4	7,3
Бразилия	2,7**	3,3**	1,3	2,7	1,1	5,7	3,2	4,0	5,7	5,1

*Среднегодовые темпы
**1990–2000 гг. и 2000–2007 гг. соответственно

грамм в области строительства жилья, образования и здравоохранения, получивших название «Приоритетные национальные проекты»[128]. На реализацию этих проектов были выделены огромные суммы, а курировать их было поручено специально выделенному первому заместителю председателя правительства РФ и будущему Президенту России Д. Медведеву. Произошла переориентация не только внутренней, но и внешней политики, что, однако, не всегда было замечено на Западе.

Состояние дел в социально-экономических областях, внимание к ним элиты объективно понизило интерес к вопросам национальной и международной безопасности, в том числе и с точки зрения выделения национальных ресурсов. Можно сказать, что во второй половине первого десятилетия социальные критерии стали в центре общественного внимания, а критерии, определяющие военную мощь, — отошли на второй план. Такие показатели, как «пользователи интернетом», «численность студентов», «продолжительность жизни», стали наиболее обсуждаемыми в российской элите. Как следствие — именно в этих областях в 2007–2010 годах наблюдался определенный прогресс[129], который свидетельствует о потенциальных возможностях российской экономики и общества.

Начала меняться и тенденция сокращения численности населения (табл. 30). Если в 2000–2006 годах численность населения России сокращалась ежегодно на 500–800 тыс человек, то после принятия программ правительства она уменьшилась до 100–120 тыс, а в 2009 году даже составила небольшой прирост (по предварительным оценкам)[130].

Таким образом, именно в 2007–2010 годы социальные критерии в сопоставлении России и развитых стран стали занимать ведущее значение в анализах российских политиков и ученых. Некоторые из них привели к тому, что для их исправления были разработаны специальные федеральные программы, выделены крупные средства, рассчитанные на дол-

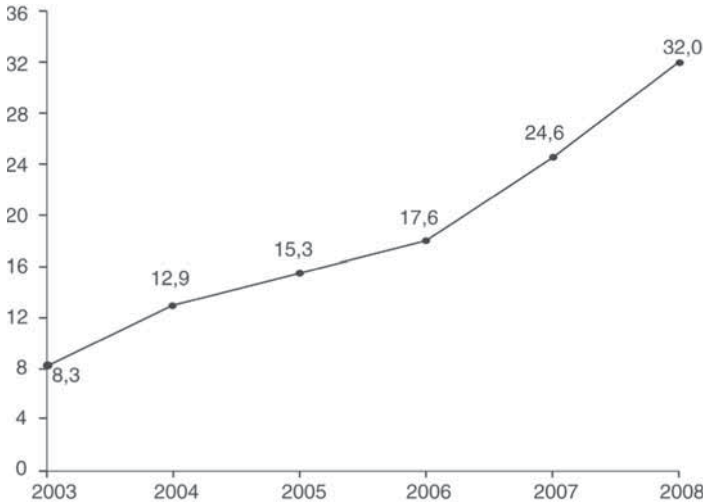


Рис. 27. Число пользователей сети интернет на 100 человек населения (на конец года)

Табл. 30. Компоненты изменения численности населения

Годы	Численность населения (на 01.01), тыс чел.	Изменения за год				Численность населения (на 31.12), тыс чел.	Общий прирост (убыль) за год, %
		Общий прирост (убыль)	в том числе				
			естественный прирост (убыль)	миграционный прирост (убыль)	из-за перемены категории населенных пунктов		
Все население							
2003	144 963,6	–795,4	–888,5	93,1	—	144 168,2	–0,55
2004	144 168,2	–694,0	–792,9	98,9	—	143 474,2	–0,48
2005	143 474,2	–720,7	–846,6	125,9	—	142 753,5	–0,50
2006	142 753,5	–532,5	–687,0	154,5	—	142221,0	–0,37
2007	142 221,0	–212,2	–470,4	258,2	—	142 008,8	–0,15
2008	142 008,8	–104,8	–362,0	257,2	—	141 904,0	–0,07

госрочную перспективу, что в целом говорит о смене приоритетов в области национальной безопасности **в пользу социальных приоритетов**. Это особенно видно на проводимой военной реформе, где социальные критерии сегодня играют ведущую роль.

За последние 25 лет произошли серьезные, даже радикальные, изменения в мировой политике и расстановке сил в мире, что позволяет говорить о том, что международные отношения в XXI веке стали качественно иными, нежели во второй половине XX века. Этот бурный процесс изменений отнюдь не завершен. Более того, можно говорить о том, что через 10–15 лет результаты происходящих сегодня изменений приведут к созданию совершенно новой конфигурации в расстановке мировых сил. Соответственно неизбежно появление новых центров силы, новых угроз, вызовов, а, как следствие, и новых коалиций государств.

В этой связи особое внимание привлекают процессы, проходящие на европейском континенте, особенно в связи с подписанием в декабре 2007 года Лиссабонского договора. Его ратификация 27 странами–участниками к концу 2009 года и вступление в силу означает, что фактически появился **новый субъект** международных отношениях — конфедерация европейских государств. Но это же означает (в связи с взятыми странами-участниками обязательствами), что была создана **новая военно-политическая коалиция государств**, в которую не входят не только США, но и ряд европейских стран. Так, по признанию Н. Саркози, «Стратегическое партнерство между Европой и Китаем… актуально как никогда»[131].

Понятие, что такая коалиция еще делает только первые шаги и у нее нет пока ни собственных институтов военной силы, ни единой военной политики. Но уже сейчас можно видеть, что возросло влияние, например, Европарламента, который, хотя и находится на промежуточной стадии своего развития от сугубо декларативного института к полноценному политическому субъекту, но обсуждал в марте 2010 года такие специальные вопросы, как европейская оборонная стратегия и размещение элементов ПРО США в Европе[132].

Серьезные, даже принципиальные изменения во взглядах на международную и европейскую безопасность произошли и в российской элите[133]. Прежде всего, следует оговориться, что за последнее десятилетие изменилась **сама российская элита, ее идеология, степень адекватности восприятия международных и внутриполитических реалий**. Она прошла мучительную для себя и страны эволюцию идеологии с конца 80-х годов — от идеалистического представления о международной безопасности, даже эйфории, к прагматизму, осознанию национальных интересов и вполне адекватному восприятию действительности. Эта дистанция огромной протяженности была пройдена за 25 лет, но особенно быстро за последнее десятилетие. Сегодня мы видим совершенно другую российскую элиту, чем в конце 80-х годов, чьё восприятие международных реалий еще далеко не идеально, но уже вполне соответствует реальной действительности: она трезво оценивает ситуацию и опирается в своем анализе на национальные интересы, а не мифы.

Более того, сегодня мы уже можем говорить, **во-первых**, о вполне консолидированном подходе российской элиты к внешней политике и видение ею долгосрочной внешнеполитической стратегии России, получивших не так давно эпитет «умной» внешней политики.

Во-вторых, о реальных внешнеполитических результатах, даже успехах, которые неизбежно следуют за последовательной реализацией такой стратегии[134]. К таким безусловным успехам российская элита относят позицию России в ходе осетино-грузинского конфликта в 2009 году, подписание российско-американского договора об СНВ-3 в апреле 2010 года, позицию России в отношении событий в Киргизии в апреле 2009 года, российско-польских отношений, но, главное, соглашений с Украиной, достигнутых в марте–апреле 2010 года.

Применительно к вопросам международной и европейской безопасности, таким образом, мы можем говорить о **двух параллельных процессах**, которые в последние 20 лет стремительно развива-

лись. К сожалению, не всегда в одном направлении. Первый процесс — хаотизация международных отношений, отхода от старой системы, получившей название «Вестфальской», но не оформившейся в новую систему международных отношений, где соблазн использования военной силы стал сильнее, чем он был до 90-х годов. В рамках этого процесса и одновременно с ним развивался интеграционный процесс в Европе, который 2010 году фактически превратил Европу в Конфедерацию 27 государств, связанную военно-политическими обязательствами, т. е. **в военно-политическую коалицию**.

Второй процесс происходил в эти же годы на постсоветском пространстве. Он означал эволюцию во взглядах (не только российской элиты, но и элит постсоветских государств) от посткоммунистических до национально-демократических, от эйфории в отношении США и Европы времен М. Горбачева, до трезвой оценки роли и места своих стран в мире и в Европе. Эта эволюция — результат, попыток элиты адаптироваться к новым международным реалиям, учитывая собственные национальные интересы. В этом процессе эволюции огромная роль принадлежит Европе и Евросоюзу, которые рассматриваются постсоветскими элитами не только как партнеры, но и как будущие союзники и члены общего политического и экономического пространства.

Таким образом, формирование позиции России относительно проблем безопасности происходило у вполне повзрослевшей, опытной и прагматичной российской элиты, которая прошла сложный период политического и идеологического взросления, неудач, даже поражений и кризисов за последние 25 лет. И Россия, и ее элита к концу первого десятилетия XXI века **стали другими**. Россия, даже несмотря на кризис, вернула полный суверенитет и независимость во внешней политике, а элита — избавилась от эйфории неоправданных надежд и идеализации международных отношений, которые ей были свойственны в период М. Горбачева и Б. Ельцина. Естественно и закономерно, что изменился и подход российской элиты к проблемам международной и европейской безопасности. Причем на диаметрально противоположный: от блокового подхода середины 80-х годов — к отказу от национальных интересов и потере суверенитета периода 90-х, а затем — к политикам выстраивания системы европейской безопасности совместно с бывшими противниками в первом десятилетии XXI века.

---

1 **Фазовый переход** — *зд.* качественный переход в экономике, науке, обществе.

2 *Ландау Л., Лившиц Е.* Статистическая физика, 2-е изд. М. 1964 (Теоретическая физика, т. 5).

3 Судьбы ученого, судьбы науки. В кн.: Восток-Запад-Россия. Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 23.

4 *Капица С. П.* Об ускорении исторического времени. В кн.: История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов / отв. ред. Л. Е. Грипин и др. М.: КомКнига, 2006. С. 15.

5 Там же.

6 Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. М.: Совет Федерации. 2011. С. 312, 313.

7 *Капица С. П.* Об ускорении исторического времени. В кн.: История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов / отв. ред. Л. Е. Грипин и др. М.: КомКнига, 2006. С. 19.

8 *Зубков К.* Пентагон объявил киберпространство полем боя // Известия. 2011. 18 июля. С. 6.

9 *Шайхутдинов М.* Запоздалый полет совы // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 5. С. 85

10 *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

11 *Свечин А.* Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / ред. сов. Степашин С. В. и др. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 19.

12 *Абрамова И. О.* Ресурсный потенциал Африки в мировой экономике XXI века. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: МГИМО(У), 2011. С. 390.

13 Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический отчет Институт социологии РАН. Версия 2.4 от 28.02.2011. С. 48.

14 *Володин А.* Индия — Россия — Китай в свободной геометрии мировой политики. Электронный ресурс. Интелрос / http://www.intelros.ru/2007/04/16

15 См., например: *Лавров С.* Как преодолеть кризис идентичности // Российская газета. 2010. 30 ноября.

16 *Кива А.* Тернии российской демократии // Мир перемен. 2010. № 1. С. 150.

17 *Терехов А.* Москву и Вашингтон может сблизить экономика // Независимая газета. 2010. 15 апреля. С. 7.

18 Рейтинг экономик. Всемирный банк / http://russian.doingbusiness.org/economyrankings

19 **Финансовая глубина** — *зд.* отношение финансовых активов к ВВП.

20 Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 34.

21 *Волкова М.* Движение в одном направлении // Российская газета. 2010. 16 апреля. С. 1.

22 Компания Google представила список тысячи самых популярных сайтов в Интернете. 28.05.2010 / URL:http://gtmaret.ru

23 Там же.

24 *Иванов И.* Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. 2003. Январь–март. № 1.

25 *Примаков Е.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 354.

26 *Лавров С. В.* Полный текст статьи министра иностранных дел России С. В. Лаврова. МИД России. 24.05.2010 / http://www/mid.ru.ns-dos.nsf

[27] Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Опубликовано для ПРООН, «Весь мир», 2010 (Статистическое приложение). С. 142.

[28] Там же. С. 143–146.

[29] Я не однократно писал об этом в 1990–2000-е годы, например: *Подберезкин А., Карпенко М.* XXI век: стратегия для России. М. 2009.

[30] Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО, 2009. С. 29–30.

[31] *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[32] **Идеология** — *зд.* система устоявшихся взглядов доминирующей части элиты и общества, в которых отражаются интересы и ценности, цели, а также основные реалии. Идеология — как упрощенное представление о действительности элиты — предлагает идеологемы и систему управления обществом и государством.

[33] National Security Strategy. Wash.: May 2010. P. 1.

[34] Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года. МИД России. 2010. 1 сентября / http://www.mid.ru/brp

[35] Там же.

[36] Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Основные положения. Глава I. Основы конституционного строя / http://www.constitution.ru/10003000/ 10003000-3.htm

[37] **Доктрина** — *зд.* рассматривается как система официально принятых взглядов элиты на цели, средства и механизмы внешней политики, т.е. часть нормативно оформленной идеологии.

[38] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. iii.

[39] Environmental Performance Index 2010: Country scores/ 07.09.2010 / URL:/http://epi.yale.edu/Countries

[40] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. ii.

[41] *Данилин И.В.* Инновационные циклы. В кн. Современная мировая политика. Прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 514.

[42] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 38.

[43] Там же. P. 39.

[44] Левада-центр. URL:/http://www.levada.ru/ecsavings.html

[45] *Чемезов С.В., Турко Н.И., Куликов С.А.* Перспективные направления формирования системы стратегического управления инновационным развитием высокотехнологических отраслей промышленности // Международное сотрудничества и менеджмент в сфере высоких технологий. М.: МГИМО(У), 2010. С. 8.

[46] **Опережающее развитие** — *зд.* количественный критерий, определяющий темпы роста ВВП страны выше, чем в среднем общемировые, при которых основной прирост обеспечивается за счет прироста наукоемкой продукции, т.е. развития, а не роста.

[47] Участники дискуссионного клуба «Валдай» передала Путину доклад о развитии России // Фонд «Русский мир». 07.09.2010 / http://www.russkiymir.ru/news/common/news

[48] *Федосеев Р.* Держаться курса // ВВП. 2010. №8 (58). С. 36.

[49] Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО, 2009. С. 17.

[50] Современная российская политика: Курс лекций. Вып. 7 / под ред. *В.А. Никонова*. М.: Международный университет, 2010. С. 157, 164.

[51] От слова «идея» производными являются слова «идеал» и «идеология», что для настоящей работы имеет значение: «идеальный образ» России является, например, наиболее адекватным восприятием национальных интересов элитой страны, а «идеология» может рассматриваться как система мер по достижению идеала (См., например: *Федорова Т.М., Щеглова О.А.* Словообразовательный словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2009. С. 250).

[52] **Государственная стратегия развития** — *зд.* **общей план**, развития государства и общества, **способ** достижения сложной цели, охватывающий **длительный период времени**.

[53] *Торкунов А.В.* По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевицников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 11.

[54] *Хрусталёв М.А.* Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО(У), 2010. С. 22–23.

[55] *Богатуров А.* Великие державы на Тихом океане. М.: Конвент. МОНД, 1997. С. 6.

[56] См. например: Человеческий капитал / http://ru.wikipedia.org

[57] См. подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал и его роль в модернизации России // Вестник МГИМО(У), 2010. №5. С. 75–101.

[58] *Гилинский Я.И.* Исключенные навсегда // Независимая газета. 2011. 18 ноября. С. 5.

[59] *Зубков К.* США переманивают Узбекистан у России // Известия. 2011. 14 октября. С. 4.

[60] Европа начинает битву за Украину // Независимая газета. 2011. 12 сентября. С. 7.

[61] *Полюхович А.* Семь миллиардов к Хэллоуину // Известия. 2011. 21 июля. С. 1.

[62] *Лавров С.В.* Российская дипломатия в меняющемся мире // Федеральный справочник. 2010. 30 апреля. Т. 23. МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

[63] Там же.

[64] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 93.

[65] *Перочинный А., Лихачев М., Никифоров Д.* Финансовая глобализация: эндшпиль. ВВП. 2010. № 7 (57). С. 56.

[66] Там же.

[67] Человеческий капитал / http://abc.informbureu.com/html/

[68] См., например, материалы заседания Госсовета России от 1 сентября 2010 года.

[69] Policy Reserch Working Paper 2881. Returns to Investment in Education. Futher Update. Patrinos H. 2002.

[70] Цит. по: *Гилёва О. А.* Анализ отдачи инвестиций в человеческий капитал, например образования в России / Магистерская диссертация. ГУ-ВШЭ, 2006. С. 9.

[71] Теория человеческого капитала / http://exsolver.narod.ru/Books/Managment/ Staff1/c18.html

[72] *Мельянцева В. А.* Перспективы мировой экономики: изменяющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4 (13). С. 163.

[73] См. подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал и его роль в модернизации России // Вестник МГИМО(У). 2010. № 5 (14). С. 75–100.

[74] *Мельянцева В. А.* Перспективы мировой экономики: изменяющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4 (13). С. 164.

[75] National Security Strategy, Wash. May 2010. P. 1.

[76] Федеральная служба государственной статистики // Центральная База статистических данных / http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/

[77] Участники дискуссионного клуба «Валдай» передала Путину доклад о развитии России // Фонд «Русский мир». 2010. 7 сентября. / http://www.russkiymir.ru/ news/common/news

[78] Человеческий капитал / http://analizprompter.ru/glava5

[79] http://www.worldbank.org/depweb/glossary

[80] Человеческий капитал / http://ru.vikipedif.org/wiki/

[81] Там же.

[82] *Капелюшников Р. И.* Теория человеческого капитала. http://www.libertarium.ru

[83] Цит по: *Ильченко И. Н., Арустамян Г. Н.* Значимость человеческого капитала в укреплении здоровья и профилактике заболеваний // Профилактическая медицина. 2009. № 2. С. 9.

[84] *Глаголев В. С., Бирюков Н. И.* и др. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: МГИМО(У). Проспект, 2010. С. 27.

[85] *Перес Ш.* Цена победы — чудовищная, результаты — блестящие. Выступление Ш. Переса в МГИМО(У) при присвоении звания почетного профессора Университета. 11.05.2010 г. / http://mgimo.ru/news/

[86] *Тренин Д.* Модернизация внешней политики России // Полит.ру. Публичные лекции / http://www.polit.ru/lectures/2010/03/25

[87] *Родионов К.* Не допустить катастрофы // Независимая газета. 2011. 25 октября. С. 9.

[88] *Башкатова А.* Плановая экономика инновационного будущего // Независимая газета. 2011. 24 октября.

[89] *Башкатова А.* От сырьевой зависимости страну спасет только катастрофа // Независимая газета. 2011. 20 июля. С. 2.

[90] *Богатуров А. Д.* Контрреволюция ценностей и международная безопасность. В кн.: Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. *А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина*. М.: МГИМО(У), 2010. С. 3.

[91] *Аузан А.* Национальная формула модернизации // Полит.ру. Публичные лекции / http://www.polit.ru/lectures/2009/10/16

[92] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 6.

[93] Там же. P. 7.

[94] Там же. P. 8.

[95] Там же. P. 7.

[96] *Медведев Д.* Финансирование армии увеличится втрое / Эл. СМИ. «Росбизнесконсалтинг». 2010. 26 ноября / http://top.ebc.ru/politics/26/11/2010/505317

[97] *Воробьев В.* У дипломатов появился новый инструмент // Российская газета. 2011. 21 июля. С. 8.

[98] См. подробнее: *Смирнов Г. Н.* Политический процесс, глобализация и Россия // Мир и политика. 2010. № 2 (41). С. 51–52.

[99] *Подберезкин А.* Новые международные реалии / www.allrus.info/main.php?ID= 626131&ar3=508

[100] Экономика и политика в современных международных конфликтах / под общ. ред. А. Д. Богатурова. М.: МГИМО(У), 2010. С. 31.

[101] *Земсков В. Н.* Характер и возможные направления развития региональной системы коллективной безопасности на евразийском пространстве. МИМ МГИМО(У). 2010. Ноябрь. С. 3.

[102] Там же.

[103] *Парамонов В. В., Строков А. В., Столповский О. А.* Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. В сб. докладов ИМИ МГИМО(У) Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. М.: МГИМО(У), 2010. С. 54.

[104] Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А. Д. Богатурова. М.: МГИМО(У), 2009. С. 163.

[105] Мировая экономика. 2-е изд., переработанное, дополненное / под ред. А. С. Булатова. М.: МГИМО(У). Экономист, 2007. С. 113.

[106] Там же.

[107] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. // М.: Росстат, 2009. С. 499–500.

[108] Мировая экономика. 2-е изд. / под ред. А. С. Булатова. М.: МГИМО(У), 2007. С. 108.

[109] Там же. С. 789–790.

[110] Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. Институт экономики переходного периода. Вып. 31. М. 2010. С. 405.

[111] *Лимачко Е. Е.* Человеческий капитал в современной экономике — некоторые теоретические аспекты. Новосибирск: Институт экономики РАН.

[112] Human Development Reports / UNDP/ http://hdr.undp.org

[113] Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Динамика мирового политического развития и проблемы конкурентоспособности России». МГИМО(У). 2010. С. 30–31.

[114] *Кузьмин В.* Профессионалы модернизации // Российская газета. 2010. 1 сентября. С. 2.

[115] *Косенко Н.* и др. из МГУ в ПТУ // Ведомости. 2010. 1 сентября. С. 2.

[116] См. подробнее: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008.

[117] *Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А.* М. Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 1 (143).

[118] http://archive.kremlin.ru/articles/216634.shtml

[119] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / http://base.consultant.ru/cons/cgi/online

[120] *Капица Л.* М. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008. С. 100.

[121] «Единая Россия». Официальный сайт. 07.09.2010 / http://er.ru/about/15/3333

[122] Россия пересматривает дипломатические приоритеты 27.07.2010 / http://www.inosmi.ru/20100721/161496074/

[123] *Хрусталёв М. А.* Структура внешнеполитического курса государства. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 127.

[124] *Зыгарь М., Соловьев В.* За МИД во всем мире // Коммерсант. 2008. 16 июля.

[125] Россия пересматривает дипломатические приоритеты 27.07.2010 / http://www.inosmi.ru/20100721/161496074/

[126] См. подробное: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. Т. I.

[127] См., например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года; Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу); Военная доктрина Российской Федерации; Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года; Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»; Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»; Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Концепция внешней политики Российской Федерации; Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения); Экологическая доктрина Российской Федерации; Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации; Основные положения региональной политики в Российской Федерации; Концепция государственной национальной политики Российской Федерации; Основы пограничной политики Российской Федерации; Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации; Проект стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации (версия для обсуждения); Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации; Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации; Основные направления научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

[128] См., подробнее: *Карпенко М., Казанцев В., Подберезкин А.* Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, 2006. Т. I, II.

[129] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. // М.: Росстат, 2009. С. 424.

[130] Там же. С. 52.

[131] *Габуев А.* Китай меняет Америку на Европу // Коммерсант. 2010. 30 апреля. С. 1.

[132] См., подробнее: *Резчиков А.* Нужно учитывать мнение России // Взгляд / http://www.vz.ru/politics/2010/3/10/

[133] См., подробнее: *Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И.* и др. Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Научная книга, 2005.

[134] Вполне современный и реалистический подход к вопросам национальной безопасности изложен, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденном Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

Глава 3

Российская элита в начале XXI века: подход к проблемам международной[1] и национальной[2] безопасности

… наша задача сегодня заключается в том, чтобы создать прочную систему международной безопасности[3].
Д. Медведев

Чаще всего об элите говорят в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите[4].
М. Мунтян, профессор МГИМО(У)

Рис. 1.

История показывает, что чем сложнее становилась система национальной безопасности в мире и в России, тем меньше советская и российская элиты соответствовали требованиям управления этими сложными процессами в последние 20 лет.

Правящая советская, а затем и российская элиты не смогли найти органичного сочетания между глобальными и национальными интересами, с одной стороны, и между силовыми и иными средствами (прежде всего использования «мягкой силы»), с другой. Шараханья от абсолютизации военной силы в догорбачевский период до ее игнорирования — в ельцинский период показывали, что органичного и системного подхода в последние 25 лет найти не удалось.

Отрицание военной силы в качестве важнейшего инструмента внешней политики (а, иногда, и единственного), видимо, окончилось к 2011 году. Этому в немалой степени способствовала и переоценка роли военной силы на Западе. Особенно в связи с событиями в Афганистане, Ираке, Иране и Ливии. Как признают исследователи МГИМО(У), «Ливийская война подтвердила слабость „мягкой силы“, дипломатического аппарата НАТО. „Мягкая сила“ оказалась неэффективной и неспособной обеспечить невоенное решение конфликта на западных условиях.

По предварительным итогам натовской миссии Генсекретарь А. Фог Расмуссен признал „проявившуюся недостаточность опоры только на мягкую силу“, и, как считают немецкие аналитики, фактически согласился с ее «нулевым потенциалом». Утверждая, что „никто не призывает сегодня к возврату к дипломатии канонерок XIX века“, в руководящих структурах вместе с тем убеждены, что „в непредсказуемом окружении“ мир может обеспечить „жесткая сила“. Ход событий в Ливии, по натовской оценке, хотя и подтвердил невозможность решения конфликта только на основе „военного подхода“, он остается неизбежным средством в контексте „широкого политического задействования“. Культ „мягкой силы“ в новом концептуальном подходе НАТО себя не оправдал. Переговорная составляющая в поиске мирного **урегулирования оказалась близкой к нулю**» (подч. — *А. П.)*[5].

Состояние национальной безопасности в России с каждым годом становиться все хуже. Если развитие научно-технического прогресса в мире привело к радикальному расширению представлений о национальной безопасности, то в российской правящей элите шел такой же быстрый процесс деградации представлений о безопасности[6].

О ситуации в стране в конце 90-х годов очень точно высказался В. Путин на заседании Госсовета 8 февраля 2008 года: «Армия была фактически деморализована и небоеготова. Денежное довольствие военнослужащих было откровенно нищенским, да и оно выплачивалось несвоевременно. Техника стремительно устаревала. Предприятия оборонно-промышленного комплекса задыхались в долгах, теряли кадры и производственную базу.

Сама Россия представляла из себя „лоскутную“ территорию. В большинстве субъектов Федерации действовали законы, противоречащие Конституции России. Некоторые примеры были просто вопиющими. Например, статус отдельных территорий определялся как „суверенное государство, ассоциированное с Российской Федерацией“. Подводилась база под территориальные претензии одних субъектов Российской Федерации к другим. Хочу обратить ваше внимание, уважаемые коллеги, таких спорных территорий, по сути, у нас более двух тысяч. Если мы хоть когда-нибудь в будущем позволим себе втянуться в этот дележ, он будет бесконечным и разрушит страну. Только вдумайтесь — можно было быть гражданином одного из российских регионов, не будучи гражданином России!

Государственная власть была малоэффективна. Свидетельством тому стало ослабление всех государственных институтов и пренебрежение законом. Отечественные СМИ нередко действовали в интересах отдельных корпоративных групп, по их экономическому и политическому заказу.

Значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами. В глубочайшем кризисе оказалось сельское хозяйство.

Финансы страны были опустошены и практически полностью зависели от внешних заимствований. И это, в конечном счете, привело к дефолту 1998 года, который обернулся разорением многих предприятий, ростом бедности и безработицы.

Инфляция съедала и без того невысокие доходы граждан России. В 1999 году она составляла 36,5 %. На начало 1999 года пришелся и пик задолженностей по заработным платам, пенсиям и пособиям (некоторые пособия не выплачивались совсем). На предприятиях задержки с выплатами зарплат достигали двух лет.

По отношению к 1991 году реальные доходы граждан составляли лишь 40 %, пенсии — и того меньше. В результате почти треть населения имела доходы ниже прожиточного минимума.

Что это значит? Что треть наших граждан обнищала. Полностью.

Тяжелое состояние дел в экономике и социальной сфере и, конечно, потеря многих ценностных ориентиров нанесли психологический удар обществу. Усилили социальные болезни, коррупцию, преступность. Обострился и демографический кризис. Рождаемость падала, смертность росла.

Богатая Россия превратилась в страну бедных людей»[7].

К сожалению, предпринятые в первом десятилетии нового века меры лишь отчасти смогли исправить ситуацию по выходу из системного кризиса. К числу безусловных достижений этого периода можно отнести:

— сохранение единого государства;
— освобождение от прямой внешней зависимости;
— восстановление управляемости регионами;
— ликвидация политической зависимости от олигархических групп;
— возвращение России в международную политику.

К сожалению, после 2008 года движение в этих направлениях остановилось, а кое-где пошло вспять. В итоге к началу второго десятилетия XXI века дефакто сложилась ситуация, когда состояние национальной безопасности в стране стало катастрофическим, а качество управления элитой страны — самым низким за всю историю России. Во многом это стало следствием провала той самой Стратегии 2020, о которой в феврале 2008 года заявил В. Путин. Провала, который были вынуждены в конце 2010 года признать В. Путин и Д. Медведев.

На мой взгляд, произошло это не из-за мирового кризиса 2008–2010 годов и накопленных за 1990-е годы системных ошибок, а из-за нереализованной заявленной В. Путиным в Стратегии 2020 главной цели — развития национального человеческого потенциала. Напомню, что в его выступлении 2008 года такая цель была сформулирована. И достаточно четко, но так и не получила своего развития. Прежде всего из-за недостатка политической воли и сохранения у власти либеральной части финансовой элиты. В феврале 2008 года В. Путин говорил на Госсовете:

«Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал.

Развитие человека — это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет.

Будущее России, наши успехи зависят от образования и здоровья людей, от их стремления к самосовершенствованию и использованию своих навыков и талантов. И то, что я сейчас говорю, сказано не в преддверии президентских выборов, это не лозунг предвыборной кампании — это насущная необходимость развития страны. От мотивации к инновационному поведению граждан и от отдачи, которую приносит труд каждого человека, будет зависеть будущее России.

Развитие национальных систем образования становится ключевым поэтому элементом глобальной конкуренции и одной из наиболее важных жизненных ценностей. И в России есть всё: и богатые традиции, и потенциал, чтобы сделать наше образование — от школы до университета — одним из лучших в мире»[8].

Очень точно… и совершенно забыто в 2008–2011 годах.

Соответственно попытки инициировать создание новой системы международной безопасности, предпринятые Д. Медведевым в 2008–2011 годах, оказались в огромном разрыве с российской действительностью. Прежде всего, состоянием собственной системы национальной безопасности. Претендуя на роль великой державы, выдвигая соответствующие глобальные инициативы, наша страна не могла демонстрировать ни образцы экономики, ни образцы общественного устройства, а, главное, — пример отношения к своему главному национальному достоянию — человеку, его потенциалу. А ведь именно этот потенциал за те же 20 лет стал главным и общепризнанным критерием в оценке как качества управления страной, так и уровня ее развития.

Очередная попытка элиты при Д. Медведеве использовать модернизацию не удалась. Что стало окончательно ясно в 2011 году. Во всяком случае, вплоть до начала второго десятилетия нового века. Эта попытка свелась к упрощенной технологизации, которая, впрочем, то же провалилась. Основная причина — нежелание правящей элиты отказаться от обанкротившегося неолиберального курса и всевластия финансовых властей страны. «Призывы Д. Медведева к модернизации, скорее всего, ограничатся очередной попыткой технического совершенствования, не дающего перспектив для устойчивого экономического развития»[9]. Но не только. Эта попытка не дала перспектив национального развития, которое выражается прежде всего в развитии национального человеческого капитала. Соответственно не дала эта попытка никаких результатов и в международной области, в том числе в области безопасности. Россия стала участником мировых процессов — это надо признать, — но участником второстепенным, от мнения которого мало что зависело. Она все сильнее вытеснялась не только странами — лидерами глобализации, но и новыми быстро растущими центрами силы. И вина ложится целиком на ее правящую либеральную элиту, которая в очередной раз «опоздала на поезд» в осознании мировых реалий.

1. 20 лет разрушения системы национальной безопасности

Гораздо более насущным стал кризис идентичности национальных и культурных групп, возникающий в условиях глобализации[10].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

С 1992 по 2008 год на 40 процентов сократилось число организаций, выполняющих научные исследования. Число сотрудников на них уменьшилось на 50 процентов…[11].

Е. Примаков

В 1990–2000 гг., разрушая НЧП, правящая элита нашей страны системно и безответственно подрывала ее национальную безопасность. Странным образом ускоренно шел процесс превращения бывшего интеллектуального и культурного мирового лидера во второстепенную державу, которая добровольно уступала свои политико-идеологические позиции «в обмен» на надежды технологического сотрудничества. Во многом наблюдалась аналогия с ЮАР, которая, с одной стороны, входила в клуб полуразвитых государств, а, с другой, становилась все более зависимой от Запада с точки зрения национальной самоидентификации. «Образ США», формируемый в ЮАР в те годы, удивительно напоминал тот же процесс в России. Вот как об этом писали эксперты МГИМО(У): «США всегда рассматривались южноафриканцами как пример удачной эмигрантской страны, во многом даже как пример для подражания. В ЮАР очень сильно влияние американской культуры, и достижения в таких областях, как наука, культура, бизнес, видятся

положительно. Сильно влияние американской культуры в ЮАР в области телевидения, кино и музыки среди молодежи. Почти все фильмы, которые показывают в ЮАР, — американские. Помимо СМИ, знания черного населения ЮАР о США поддерживаются Американскими культурными центрами, работающими при американском посольстве и консульствах. Кроме того, ежегодно осуществляется обмен студентами. В этом контексте положительно воспринимается и образование в США»[12].

Так и российская элита в новом веке: детей учила в США и Лондоне, собственность и капиталы копила на Западе, но «зарабатывала» вахтовым методом — в России. Эта система взаимоотношений и управления могла существовать только в условиях, когда **игнорировались национальные интересы**. Прежде всего приоритеты развития НЧП. Что, естественно, не могло не сказаться на уровне его развития, характеризуемом, например, численностью научных публикаций[13].

Табл. 1. Число научных публикаций, тыс штук

Страна	2006 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г. (оценка*)
Россия	25,9	29,8	28,9	27
Китай	91,7	132,2	146,2	160
Бразилия	22,0	34,4	35,8	37
Индия	31,1	43,5	46,2	48
Южная Корея	32,6	42,6	45,4	48
Иран	7,3	16,3	18,5	21
Тайвань	19,7	25,2	25,9	27
Турция	18,5	24,1	24,9	26

* Оценка ожидаемого числа публикаций в 2011 году была сделана по данным на 04.11.11.
Источник: Web of Science

Подобное откровенное игнорирование, естественно, не могло не сказаться на представлениях элиты того времени о национальной безопасности страны, когда концептуально декларировалось одно, а делалось — прямо противоположное. Поэтому подход российской элиты к вопросам международной и национальной безопасности отражает в целом эволюцию ее взглядов за 1990–2000-е годы: бессовестный грабеж и перенос своих интересов за рубеж. В этой области также подтверждается правило, что законы общественного развития, формулируемые элитой, даже когда эти представления ложны, «могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время. Объект исследования оказывается в зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений… Но рано или поздно… научная истина, остававшаяся непризнанной, берёт верх в сознании политической элиты и общественности»[14].

Сегодня мало говорить о том, что подход российской элиты к вопросам международной и национальной безопасности неправилен. Прежде всего потому, что методологически национальная безопасность вытекает и в основном определяется уровнем развития НЧП. Но и международная безопасность, в свою очередь, является результатом укрепления национальной безопасности отдельных стран, а не результатом неких абстрактных, в т. ч. международно-правовых договоренностей. По сути, существует простая и единственная формула международной безопасности в XXI веке, которая может быть изображена следующим образом (рис. 2).

В России со времен М. Горбачева сложился другой подход, который получил свое развитие при Д. Медведеве. Он заключается в абсолютизации последнего, международно-правового этапа создания системы международной безопасности **при фактическом игнорировании** первых трех этапов. Особенно первого. Если судить о динамике развития ИРЧП России за последние 20 лет, то этот вывод находит свое полное подтверждение. Мы увидим, в частности, что за 1990–2005 годы ИРЧП России не изменился вообще (при существенном падении в 90-е годы), а в 2009–2010 годах вопрос не значительно, не повлияв на относительный рейтинг страны в мире[15] (табл. 2, табл. 3).

За последние 20 лет российская элита прошла путь от полного отрицания самого понятия «национальная безопасность» до формального признания ее приоритетности во внутренней и внешней политике. Но с полным непониманием ее существа в XXI веке. От идеализации современной системы международной безопасности — при М. Горбачеве и Б. Ельцине — до осознания необходимости создания принципиально новой системы международной безопасности, отвечающей новым реалиям XXI века — при В. Путине и Д. Медведеве. Подчеркну, понимание необходимости создания новой системы отнюдь не означает понимания ее существа. Более того, представляется, что существо-то этой новой системы как раз и не понимается.

Эта эволюция отчетливо прослеживается на всех этапах современной российской политической

Рис. 2. Формула международной безопасности в XXI веке

Табл. 2. Тенденции Индекса развития человеческого потенциала, 1980–2010

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
		Значение							Изменения		(%)			
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА														
1	Норвегия	0,788	0,838	0,869	0,906	0,932	0,937	0,938	0	0	0,58	0,56	0,34	34
2	Австралия	0,791	0,819	0,887	0,914	0,925	0,935	0,937	0	0	0,57	0,67	0,25	35
3	Новая Зеландия	0,786	0,813	0,846	0,865	0,896	0,904	0,907	0	0	0,48	0,55	0,47	47
4	США	0,810	0,857	0,873	0,893	0,895	0,899	0,902	0	0	0,36	0,25	0,10	65
5	Ирландия	0,720	0,768	0,799	0,855	0,886	0,894	0,895	0	0	0,72	0,76	0,45	26
6	Лихтенштейн	—	—	—	—	0,875	0,889	0,891	5	0	—	—	—	—
7	Нидерланды	0,779	0,822	0,853	0,868	0,877	0,888	0,890	3	0	0,44	0,40	0,25	59
8	Канада	0,789	0,845	0,857	0,867	0,880	0,886	0,888	0	0	0,39	0,25	0,24	64
9	Швеция	0,773	0,804	0,843	0,889	0,883	0,884	0,885	–3	0	0,45	0,48	–0,04	61
10	Германия	—	0,782	0,820	—	0,878	0,883	0,885	–1	0	—	0,62	—	—
11	Япония	0,768	0,814	0,837	0,855	0,873	0,881	0,884	1	0	0,47	0,41	0,33	56
12	Корея, Республика	0,616	0,725	0,776	0,815	0,851	0,872	0,877	8	0	1,18	0,95	0,74	11
13	Швейцария	0,800	0,824	0,836	0,859	0,870	0,872	0,874	0	0	0,30	0,30	0,18	76
14	Франция	0,711	0,766	0,807	0,834	0,856	0,869	0,872	5	2	0,68	0,65	0,45	37
15	Израиль	0,748	0,788	0,809	0,842	0,861	0,871	0,872	0	–1	0,51	0,51	0,35	50
16	Финляндия	0,745	0,782	0,810	0,825	0,863	0,869	0,871	–2	–1	0,52	0,54	0,54	49
17	Исландия	0,747	0,792	0,815	0,849	0,881	0,869	0,869	–10	0	0,50	0,46	0,23	55
18	Бельгия	0,743	0,797	0,840	0,863	0,858	0,865	0,867	–1	0	0,51	0,42	0,05	52
19	Дания	0,770	0,797	0,821	0,842	0,860	0,864	0,866	–3	0	0,39	0,41	0,27	69
20	Испания	0,680	0,729	0,789	0,828	0,848	0,861	0,863	1	0	0,79	0,84	0,42	24
21	Гонконг, Китай (САР)	0,693	0,774	0,797	0,800	0,842	0,857	0,862	2	0	0,73	0,53	0,75	31
22	Греция	0,707	0,753	0,761	0,784	0,839	0,853	0,855	3	0	0,63	0,64	0,86	43
23	Италия	0,703	0,764	0,795	0,825	0,838	0,851	0,854	4	0	0,65	0,56	0,35	42
24	Люксембург	0,719	0,784	0,812	0,845	0,856	0,850	0,852	–6	0	0,57	0,42	0,08	48
25	Австрия	0,727	0,777	0,801	0,826	0,841	0,849	0,851	–1	0	0,52	0,45	0,30	58
26	Соединенное Королевство	0,737	0,770	0,824	0,823	0,845	0,847	0,849	–4	0	0,47	0,49	0,31	63
27	Сингапур	—	—	—	—	0,826	0,841	0,846	1	0	—	—	—	—
28	Чешская Республика	—	—	0,774	0,801	0,838	0,841	0,841	–2	0	—	—	0,50	—
29	Словения	—	—	0,743	0,780	0,813	0,826	0,828	0	0	—	—	0,59	—
30	Андорра	—	—	—	—	0,803	0,822	0,824	2	0	—	—	—	—
31	Словакия	—	—	0,738	0,764	0,796	0,815	0,818	5	0	—	—	0,69	—
32	Объединенные Араб. Эмираты	0,627	0,693	0,732	0,756	0,794	0,812	0,815	5	1	0,87	0,81	0,76	23
33	Мальта	0,683	0,735	0,754	0,783	0,806	0,813	0,815	–3	–1	0,59	0,51	0,39	57
34	Эстония	—	—	0,700	0,762	0,805	0,809	0,812	–3	—	—	—	0,63	—
35	Кипр	0,662	0,723	0,766	0,768	0,793	0,809	0,810	4	0	0,67	0,57	0,54	44
36	Венгрия	0,689	0,692	0,723	0,767	0,798	0,803	0,805	–1	1	0,52	0,76	0,48	66

продолжение табл. 2

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
		Значение							Изменения		(%)			
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
37	Бруней Даруссалам	—	0,773	0,787	0,792	0,801	0,804	0,805	–5	–1	—	0,20	0,16	—
38	Катар	—	—	—	0,764	0,799	0,798	0,803	–5	0	—	—	0,49	—
39	Бахрейн	0,615	0,694	0,738	0,765	0,793	0,798	0,801	–1	0	0,88	0,72	0,46	25
40	Португалия	0,625	0,694	0,745	0,774	0,775	0,791	0,795	3	1	0,80	0,68	0,27	36
41	Польша	—	0,683	0,710	0,753	0,775	0,791	0,795	3	–1		0,76	0,54	—
42	Барбадос	—	—	—	—	0,775	0,787	0,788	–1	0	—	—	—	—
	СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА													
43	Багамские Острова	—	—	—	—	0,776	0,783	0,784	–3	0	—	—	—	—
44	Литва	—	0,709	0,677	0,730	0,775	0,782	0,783	–2	0	—	0,50	0,71	—
45	Чили	0,607	0,675	0,707	0,734	0,762	0,779	0,783	2	0	0,85	0,74	0,65	30
46	Аргентина	0,656	0,682	0,709	0,734	0,749	0,772	0,775	4	0	0,56	0,64	0,55	70
47	Кувейт	0,675	—	0,760	0,763	0,764	0,769	0,771	–2	0	0,44	—	0,10	80
48	Латвия	0,651	0,679	0,652	0,709	0,763	0,769	0,769	–2	0	0,55	0,63	0,81	71
49	Черногория	—	—	—	—	0,755	0,768	0,769	–1	0	—	—	—	—
50	Румыния	—	0,688	0,674	0,690	0,733	0,764	0,767	1	1	—	0,54	1,06	—
51	Хорватия	—		0,690	0,720	0,752	0,765	0,767	–2	–1	—		0,63	—
52	Уругвай	—	0,670	0,691	0,716	0,733	0,760	0,765	0	0	—	0,67	0,67	—
53	Ливийская Араб. Джамахирия	—	—	—	—	0,726	0,749	0,755	3	1	—	—	—	—
54	Панама	0,613	0,644	0,672	0,703	0,724	0,751	0,755	4	–1	0,69	0,79	0,70	54
55	Саудовская Аравия	0,556	0,620	0,649	0,690	0,732	0,748	0,752	–2	0	1,01	0,96	0,85	21
56	Мексика	0,581	0,635	0,660	0,698	0,727	0,745	0,750	–2	0	0,85	0,83	0,73	38
57	Малайзия	0,541	0,616	0,659	0,691	0,726	0,739	0,744	–2	1	1,06	0,94	0,73	19
58	Болгария	0,649	0,678	0,678	0,693	0,724	0,741	0,743	–1	–1	0,45	0,46	0,69	82
59	Тринидад и Тобаго	0,656	0,660	0,662	0,685	0,713	0,732	0,736	1	1	0,38	0,54	0,71	84
60	Сербия	—	—	—	—	0,719	0,733	0,735	–1	–1	—	—	—	—
61	Беларусь	—	—	—	—	0,706	0,729	0,732	1	0	—	—	—	—
62	Коста-Рика	0,599	0,639	0,668	0,684	0,708	0,723	0,725	–1	0	0,63	0,63	0,59	68
63	Перу	0,560	0,608	0,644	0,675	0,695	0,718	0,723	4	0	0,85	0,87	0,69	41
64	Албания	—	0,647	0,633	0,670	0,700	0,716	0,719	–1	0	—	0,52	0,70	—
65	Российская Федерация	—	0,692	0,644	0,662	0,693	0,714	0,719	3	0	—	0,19	0,82	—
66	Казахстан	—	0,650	0,620	0,614	0,696	0,711	0,714	–1	0	—	0,47	1,51	—
67	Азербайджан	—	—	0,563	0,597	0,655	0,710	0,713	16	0	—		1,77	—
68	Босния и Герцеговина	—	—	—	—	0,698	0,709	0,710	–4	0	—			—
69	Украина	—	0,690	0,644	0,649	0,696	0,706	0,710	–3	0	—	0,14	0,89	—

продолжение табл. 2

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
		Значение							Изменения		(%)			
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
70	Иран (Исламская Республика)	—	0,536	0,576	0,619	0,660	0,697	0,702	10	2	—	1,35	1,27	—
71	Бывшая Югославская Респ. Македония	—	—	0,634	0,660	0,678	0,697	0,701	1	–1	—	—	0,61	—
72	Маврикий	0,525	0,602	0,631	0,657	0,685	0,697	0,701	–2	–1	0,96	0,76	0,64	28
73	Бразилия	—	—	—	0,649	0,678	0,693	0,699	0	4	—	—	0,73	—
74	Грузия	—	—	—	—	0,679	0,695	0,698	–3	0	—	—	—	—
75	Венесуэла (Боливарианская Респ.)	0,611	0,620	0,633	0,637	0,666	0,696	0,696	3	–2	0,44	0,58	0,90	85
76	Армения	—	—	0,571	0,620	0,669	0,693	0,695	0	0	—	—	1,15	—
77	Эквадор	0,576	0,612	0,630	0,642	0,676	0,692	0,695	–2	1	0,62	0,64	0,79	72
78	Белиз	—	—	—	—	0,690	0,694	0,694	–9	–3	—	—	—	—
79	Колумбия	0,537	0,579	0,612	0,637	0,658	0,685	0,689	2	1	0,83	0,87	0,79	46
80	Ямайка	0,589	0,620	0,648	0,665	0,676	0,686	0,688	–6	–1	0,52	0,52	0,35	83
81	Тунис	0,436	0,526	0,568	0,613	0,650	0,677	0,683	5	0	1,49	1,30	1,07	7
82	Иордания	0,509	0,564	0,595	0,621	0,652	0,677	0,681	2	0	0,97	0,94	0,92	32
83	Турция	0,467	0,552	0,583	0,629	0,656	0,674	0,679	–1	1	1,24	1,03	0,76	14
84	Алжир	0,443	0,537	0,564	0,602	0,651	0,671	0,677	1	1	1,42	1,16	1,18	9
85	Тонга	—	0,619	0,641	0,651	0,663	0,675	0,677	–6	–2	—	0,45	0,39	—
	СТРАНЫ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА													
86	Фиджи	0,551	0,612	0,636	0,651	0,667	0,667	0,669	–9	0	0,65	0,45	0,28	75
87	Туркменистан	—	—	—	—	0,642	0,662	0,669	0	0	—	—	—	—
88	Доминиканская Республика	—	0,560	0,591	0,624	0,638	0,660	0,663	0	0	—	0,85	0,61	—
89	Китай	0,368	0,460	0,518	0,567	0,616	0,655	0,663	8	0	1,96	1,83	1,57	2
90	Сальвадор	0,456	0,511	0,562	0,606	0,635	0,655	0,659	0	0	1,23	1,27	0,85	16
91	Шри-Ланка	0,513	0,558	0,584		0,635	0,653	0,658	0	0	0,83	0,82		51
92	Таиланд	0,483	0,546	0,581	0,600	0,631	0,648	0,654	1	0	1,01	0,90	0,86	29
93	Габон	0,510	0,593	0,610	0,616	0,628	0,642	0,648	1	1	0,80	0,45	0,50	62
94	Суринам	—	—	—	—	0,636	0,643	0,646	–5	–1	—	—	—	—
95	Боливия (Многонациональное Государство)	—	—	—	0,593	0,631	0,637	0,643	–3	0	—	—	0,80	—
96	Парагвай	0,528	0,557	0,580	0,593	0,619	0,634	0,640	0	1	0,64	0,69	0,75	79
97	Филиппины	0,523	0,552	0,569	0,597	0,619	0,635	0,638	–2	–1	0,66	0,72	0,67	78
98	Ботсвана	0,431	0,576	0,589	0,572	0,593	0,627	0,633	2	0	1,28	0,47	1,01	15
99	Молдова, Республика	—	0,616	0,547	0,552	0,606	0,620	0,623	0	0	—	0,06	1,21	
100	Монголия	—	0,520	0,502	0,539	0,588	0,616	0,622	2	0	—	0,90	1,43	
101	Египет	0,393	0,484	0,523	0,566	0,587	0,614	0,620	2	0	1,52	1,23	0,90	8
102	Узбекистан	—	—	—	—	0,588	0,612	0,617	–1	1	—	—	—	—
103	Микронезия (Федеративные Штаты)	—	—	—	—	0,614	0,612	0,614	–5	–1	—	—	—	—

продолжение табл. 2

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
		Значение							Изменения		(%)			
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
104	Гайана	0,500	0,472	0,522	0,552	0,585	0,605	0,611	1	0	0,67	1,29	1,02	81
105	Намибия	—	0,553	0,582	0,568	0,577	0,603	0,606	2	0	—	0,46	0,64	—
106	Гондурас	0,436	0,495	0,523	0,552	0,579	0,601	0,604	0	0	1,09	0,99	0,91	27
107	Мальдивские Острова	—	—	—	0,513	0,560	0,595	0,602	4	0	—	—	1,60	—
108	Индонезия	0,390	0,458	0,508	0,500	0,561	0,593	0,600	2	2	1,43	1,35	1,82	12
109	Кыргызстан	—	0,577	0,515	0,550	0,572	0,594	0,598	0	–1	—	0,18	0,84	—
110	Южно-Африканская Республика	—	0,601	0,634	—	0,587	0,594	0,597	–6	–1	—	–0,03	—	—
111	Сирийская Арабская Республика	0,470	0,519	0,546	—	0,576	0,586	0,589	–3	0	0,75	0,63	—	74
112	Таджикистан	—	0,592	0,501	0,493	0,550	0,576	0,580	0	0	—	–0,10	1,61	—
113	Вьетнам	—	0,407	0,457	0,505	0,540	0,566	0,572	1	0	—	1,70	1,24	—
114	Марокко	0,351	0,421	0,450	0,491	0,536	0,562	0,567	1	0	1,59	1,49	1,44	5
115	Никарагуа	0,440	0,454	0,473	0,512	0,545	0,562	0,565	–2	0	0,84	1,10	1,00	67
116	Гватемала	0,408	0,451	0,479	0,514	0,533	0,556	0,560	0	0	1,05	1,08	0,85	39
117	Экваториальная Гвинея	—	—	—	0,477	0,510	0,536	0,538	1	0	—	—	1,21	—
118	Кабо-Верде	—	—	—	0,500	0,519	0,531	0,534	–1	0	—	—	0,64	—
119	Индия	0,320	0,389	0,415	0,440	0,482	0,512	0,519	1	0	1,61	1,44	1,66	6
120	Тимор-Лешти	—	—	—	—	0,428	0,497	0,502	11	0	—	—	—	—
121	Свазиленд	—	0,511	0,523	0,490	0,474	0,492	0,498	0	0	—	–0,13	0,17	—
122	ЛНДР	—	0,354	0,388	0,425	0,460	0,490	0,497	4	1	—	1,69	1,56	—
123	Соломоновы Острова	—	—	—	0,459	0,483	0,492	0,494	–4	–1	—	—	0,73	—
124	Камбоджа	—	—	0,385	0,412	0,466	0,489	0,494	1	0	—	—	1,81	—
125	Пакистан	0,311	0,359	0,389	0,416	0,468	0,487	0,490	–2	0	1,52	1,55	1,64	10
126	Конго, Респ.	0,462	0,499	0,469	0,458	0,470	0,483	0,489	–4	1	0,19	–0,10	0,65	90
127	Сан-Томе и Принсипи	—	—	—	—	0,466	0,485	0,488	–3	–1	—	—	—	—
СТРАНЫ С НИЗКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА														
128	Кения	0,404	0,437	0,435	0,424	0,443	0,464	0,470	–1	0	0,50	0,37	1,03	87
129	Бангладеш	0,259	0,313	0,350	0,390	0,432	0,463	0,469	1	0	1,99	2,03	1,86	3
130	Гана	0,363	0,399	0,421	0,431	0,443	0,463	0,467	–2	0	0,84	0,79	0,82	77
131	Камерун	0,354	0,418	0,408	0,415	0,437	0,456	0,460	–2	0	0,87	0,48	1,02	73
132	Мьянма	—	—	—	—	0,406	0,444	0,451	6	0	—	—	—	—
133	Йемен	—	—	—	0,358	0,403	0,431	0,439	8	2	—	—	2,04	—
134	Бенин	0,264	0,305	0,347	0,386	0,418	0,432	0,435	0	0	1,67	1,78	1,19	4
135	Мадагаскар	—	—	—	0,399	0,420	0,436	0,435	–2	–2	—	—	0,86	—

окончание табл. 2

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
		Значение							Изменения		(%)			
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
136	Мавритания	—	0,337	0,368	0,390	0,411	0,429	0,433	0	0	—	1,25	1,05	—
137	Папуа — Новая Гвинея	0,295	0,349	0,386	—	0,408	0,426	0,431	0	1	1,27	1,07	—	22
138	Непал	0,210	0,316	0,344	0,375	0,400	0,423	0,428	5	2	2,37	1,52	1,34	1
139	Того	0,347	0,361	0,374	0,399	0,414	0,425	0,428	–4	0	0,70	0,85	0,72	86
140	Коморские Острова	—	—	—	—	0,423	0,426	0,428	–8	–3	—	—	—	—
141	Лесото	0,397	0,451	0,452	0,423	0,404	0,423	0,427	–1	0	0,24	–0,27	0,10	91
142	Нигерия	—	—	—	—	0,402	0,419	0,423	0	0	—	—	—	—
143	Уганда	—	0,281	0,312	0,350	0,380	0,416	0,422	4	0	—	2,03	1,87	—
144	Сенегал	0,291	0,331	0,338	0,360	0,388	0,408	0,411	0	1	1,15	1,08	1,34	40
145	Гаити	—	—	—	—	0,406	0,410	0,404	–6		—	—	—	—
146	Ангола	—	—	—	0,349	0,376	0,399	0,403	2	1	—	—	1,45	—
147	Джибути	—	—	—	—	0,382	0,399	0,402	–1	—	—	—	—	—
148	Танзания, Объединенная Респ.	—	0,329	0,330	0,332	0,370	0,392	0,398	1	1	—	0,95	1,81	—
149	Кот-д'Ивуар	0,350	0,360	0,369	0,379	0,383	0,394	0,397	–4	—	0,42	0,48	0,47	89
150	Замбия	0,382	0,423	0,371	0,345	0,360	0,387	0,395	1	0	0,11	–0,34	1,35	92
151	Гамбия	—	—	0,312	0,343	0,362	0,385	0,390	–1	0	—	—	1,29	—
152	Руанда	0,249	0,215	0,192	0,277	0,334	0,379	0,385	2	0	1,45	2,92	3,31	13
153	Малави	0,258	0,289	0,344	0,344	0,336	0,376	0,385	0	0	1,33	1,44	1,13	20
154	Судан	0,250	0,282	0,310	0,336	0,360	0,375	0,379	–2	0	1,39	1,47	1,19	18
155	Афганистан	—	—	—	—	0,307	0,342	0,349	1	0	—	—	—	—
156	Гвинея	—	—	—	—	0,323	0,338	0,340	–1	0	—	—	—	—
157	Эфиопия	—	—	—	0,250	0,287	0,324	0,328	3	0	—	—	2,73	—
158	Сьерра-Леоне	0,229	0,230	0,226	0,236	0,292	0,313	0,317	1	0	1,09	1,62	2,95	53
159	Центральноафриканская Респ.	0,265	0,293	0,294	0,299	0,299	0,311	0,315	–1	0	0,58	0,37	0,52	88
160	Мали	0,165	0,187	0,212	0,245	0,279	0,305	0,309	2	0	2,10	2,53	2,34	60
161	Буркина-Фасо	—	—	—	—	0,285	0,303	0,305	0	0	—	—	—	—
162	Либерия	0,295	—		0,294	0,264	0,294	0,300	2	0	0,05	—	0,20	93
163	Чад	—	—	—	0,269	0,299	0,293	0,295	–6	0	—	—	0,90	—
164	Гвинея-Бисау	—	—	—		0,278	0,286	0,289	–1	0	—	—	—	—
165	Мозамбик	0,195	0,178	0,186	0,224	0,263	0,280	0,284	0	0	1,25	2,34	2,37	33
166	Бурунди	0,181	0,236	0,216	0,223	0,239	0,276	0,282	1	0	1,47	0,87	2,33	17
167	Нигер	0,166	0,180	0,192	0,212	0,241	0,258	0,261	–1	0	1,51	1,87	2,09	45
168	Конго, Дем. Респ.	0,267	0,261	0,226	0,201	0,223	0,233	0,239	0	0	–0,37	–0,44	1,75	94
169	Зимбабве	0,241	0,284	0,262	0,232	0,159	0,118	0,140	0	0	–1,81	–3,53	–5,05	95

Табл. 3. Тенденции Индекса развития человеческого потенциала, 1980–2010

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧП
	Значение							Изменения		(%)			
	1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005–2010	2009–2010	1980–2010	1990–2010	2000–2010	1980–2010
Развитые страны													
Страны ОЭСР	0,754	0,798	0,827	0,852	0,868	0,876	0,879	—	—	0,51	0,48	0,31	—
Страны — не члены ОЭСР	0,701	0,761	0,779	0,799	0,829	0,840	0,844	—	—	0,62	0,51	0,54	—
Развивающиеся страны													
Арабские государства	0,396	0,470	0,505	0,525	0,562	0,583	0,588	—	—	1,32	1,12	1,14	—
Вост. Азия и Тихоокеанский регион	0,383	0,466	0,519	0,559	0,600	0,636	0,643	—	—	1,73	1,61	1,40	—
Европа и Центральная Азия	0,503	0,660	0,628	0,648	0,679	0,698	0,702	—	—	1,11	0,31	0,80	—
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,573	0,614	0,640	0,660	0,681	0,699	0,704	—	—	0,68	0,68	0,64	—
Южная Азия	0,315	0,387	0,415	0,440	0,481	0,510	0,516	—	—	1,65	1,44	1,61	—
Африка к югу от Сахары	0,293	0,354	0,358	0,315	0,366	0,384	0,389	—	—	0,94	0,46	2,10	—
Страны с очень высоким уровнем РЧП	0,753	0,797	0,827	0,851	0,867	0,875	0,878	—	—	0,51	0,48	0,31	—
Страны с высоким уровнем РЧП	0,556	0,633	0,634	0,659	0,692	0,712	0,717	—	—	0,85	0,62	0,84	—
Страны со средним уровнем РЧП	0,361	0,440	0,480	0,510	0,555	0,586	0,592	—	—	1,65	1,49	1,49	—
Страны с низким уровнем РЧП	0,271	0,310	0,324	0,332	0,366	0,388	0,393	—	—	1,24	1,19	1,68	—
Наименее развитые страны	0,251	0,292	0,311	0,325	0,357	0,382	0,386	—	—	1,44	1,40	1,7	—
Весь мир	0,455	0,526	0,554	0,570	0,598	0,619	0,624	—	—	1,05	0,85	0,89	—

истории, которые условно можно разделить на три периода:

Первый период — идеализация существующей системы международной безопасности и фактическое отрицание не только национальных интересов безопасности, но и самой постановки такого вопроса (1991–1996 гг.)[16]. Суть этого периода заключается в том, что российская правящая элита не просто идеализировала международную систему безопасности, но фактически отрицала суть политики — национальные интересы и ценности.

Дело даже не в том, что правящая советско-партийная элита шла на неоправданные уступки и даже предательство. В своем послании Федеральному Собранию В. Путин сказал в 2006 году: «…ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд…, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан»[17]. Все это было — и предательство и разграбление.

Но все дело в том, что правящая элита оказалась не способной, не готовой и не стремящейся хоть сколько-нибудь соответствовать своей функции в управлении государством. Она, даже предавая и разворовывая, не делала своей работы, не управляла государством даже в целях самосохранения. Как показывает все тот же ИРЧП за 1990–2005 годы, элита системно занималась уничтожением нации. Спохватившись, она попыталась неуклюже и неумело исправить положение. И добилась … стагнации, реальные параметры которой заменили на экстенсивный рост ВВП. При сохранении все-той же стагнации.

Второй период — постановка проблемы, ее признание, но неадекватное освещение, анализ и разработка механизмов, сил и средств обеспечения национальной безопасности. В этот период появи-

лась первая концепция национальной безопасности, отрицающая, в частности, сам факт существования военной угрозы (1996–1999 гг.).

На деле это означало продолжение первого периода, которое попытались **нормативно** оформить некоторыми документами, чтобы узаконить управление страной антинациональной ельцинской политико-финансовой группировкой.

Финансовая олигархия, фактически пришедшая к власти в стране после выборов 1996 года, попыталась легализовать свои взгляды, свою либеральную идеологию на концептуальном уровне.

Третий период — движение в осознании элитой национальных государственных интересов и интересов безопасности, вызванное испугом: потерей управления страной, ее дезинтеграцией, грозящей в том числе и потерей капиталов и доходов. Элита не поднялась до понимания значения НЧП, особенно традиционных национальных ценностей и роли идеологии в формировании стратегии страны. Основная проблема заключалась в отождествлении национальных и групповых интересов путинской элиты, прежде всего в сохранении контроля над развитием ситуации в стране.

Четвертый период — уточнение, корректировка и дальнейшая формализация в нормативных документах представлений о международной и национальной безопасности, которые можно охарактеризовать как более адекватную систему взглядов, в большей степени соответствующую реалиям XXI века. Более того, за последние годы появилось немало работ, конкретизирующих и уточняющих критерии, отражающие НЧП, что свидетельствует о том, что сами эти идеи постепенно берут верх в сознании политической элиты и общественности.

Выдвижение и реализация приоритетных национальных проектов, особенно демографического, говорило о том, что понимание роли НЧП становится реальностью. Эта эволюция взглядов и политики в четвертом периоде привела к незначительному росту ИРЧП России относительно других государств.

Вместе с тем, говорить о масштабном понимании роли НЧП в обеспечении национальной безопасности нельзя. И не только потому, что в период кризиса 2008–2010 годов эти программы были существенно свернуты, но и потому, что субъективная концепция модернизации, предложенная Д. Медведевым, пыталась подметить стратегию развития НЧП. Что, естественно, не получилось. Отрицательные результаты модернизационной политики говорят не только о том, что власть не в состоянии реализовать свои идеи, но, прежде всего, о том, что сами эти идеи не правильны.

Между тем объективные тенденции возрастания роли НЧП в самых различных областях и формах становились в 2008–2011 годы повседневной, рядовой практикой. В этот период появилось множество международных индексов, как правило, производных от индекса человеческого потенциала, которые, во-первых, реально отражали место того или иного государства в мире и системе международной безопасности, а, во-вторых, коррелировали друг с другом. Тем, обращает на себя внимание индекс политического руководства, разработанный в 2010 году фондом Бертелсманна, где, в частности, приводятся не только количественные, но и качественные оценки состояния государства и эффективность его политического руководства. Понятно, что эти критерии так или иначе разработаны с оценкой результатов перехода государств к рыночной экономике и «совершенной демократии», но, подчеркну, все они, в конечном счете являются производными от НЧП. Даже, когда и оперируют исключительно критериями «стабильность валюты», «организация рынка», «тренды политической трансформации», «стабильность демократических институтов» и т. д.[18]. Примечательно, что лидерами «индекса трансформации» выступают такие страны, как Чехия, Словения, Тайвань, Эстония, Литва, Коста Рика, которые находятся в группе стран с «очень высоким уровнем человеческого потенциала» по методике ПРООН.

Важно и то, что в отечественной специальной литературе НЧП стало уделяться больше внимания. Так, в книге «Рейтинг готовности регионов России к информационному обществу» признавалось, что на формирование такого общества решающую роль оказывают следующие характеристики человеческого капитала:

— научно-инновационный потенциал, определяемый числом исследователей на 10000 человек населения;
— уровень образования населения, который определяется на основе следующих показателей: доля учащихся в возрастной группе 7–24 лет; доля занятого населения, имеющего высшее образование; число студентов вузов на 1000 человек населения;
— кадровый потенциал сферы ИКТ, характеризуемый числом принимаемых студентов и выпускаемых специалистов, бакалавров, магистров по направлениям подготовки (специальностям) высшего профессионального образования в сфере ИКТ на 10 000 человек населения.

Рейтинг регионов по этому подындексу приведен в таблице 4.

Как и два года назад, рейтинг российских регионов возглавляют Москва, Санкт-Петербург, «Томская, Новосибирская и Нижегородская области. Группа субъектов РФ, замыкающих рейтинг, также не претерпела значительных изменений, за исключением того, что в результате федеративных преобразований ее покинули Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа[19].

Был разработан даже индекс международной безопасности, регулярно публикуемый в «Коммерсанте».

Так, например, в ноябре 2010 года «Коммерсант» опубликовал очередные данные, в соответствии

Табл. 4. Подындекс «человеческий капитал»

Место	Регион	Баллы	Место	Регион	Баллы
1	Москва	6,449	42	Ханты-Мансийский автономный округ	2,105
2	Санкт-Петербург	5,670	43	Тамбовская область	2,104
3	Томская область	4,787	44	Тверская область	2,081
4	Новосибирская область	3,588	45	Магаданская область	2,078
5	Нижегородская область	3,128	46	Мурманская область	2,075
6	Самарская область	3,080	47	Смоленская область	2,070
7	Тюменская область	2,988	48	Волгоградская область	2,058
8	Воронежская область	2,931	49	Кабардино-Балкарская Республика	2,037
9	Ростовская область	2,797	50	Белгородская область	2,019
10	Пензенская область	2,784	51	Республика Хакасия	1,998
11	Калужская область	2,697	52	Республика Башкортостан	1,991
12	Московская область	2,660	53	Ивановская область	1,958
13	Рязанская область	2,656	54	Республика Алтай	1,953
14	Республика Татарстан (Татарстан)	2,648	55	Республика Адыгея (Адыгея)	1,916
15	Приморский край	2,513	56	Алтайский край	1,908
16	Камчатский край	2,494	57	Краснодарский край	1,889
17	Ярославская область	2,492	58	Брянская область	1,881
18	Хабаровский край	2,491	59	Республика Коми	1,864
19	Республика Северная Осетия — Алания	2,462	60	Новгородская область	1,853
20	Свердловская область	2,458	61	Карачаево-Черкесская Республика	1,853
21	Владимирская область	2,442	62	Оренбургская область	1,848
22	Челябинская область	2,412	63	Республика Дагестан	1,829
23	Красноярский край	2,398	64	Вологодская область	1,804
24	Республика Саха (Якутия)	2,357	65	Кемеровская область	1,798
25	Омская область	2,317	66	Кировская область	1,788
26	Республика Мордовия	2,302	67	Республика Ингушетия	1,786
27	Иркутская область	2,286	68	Курганская область	1,772
28	Курская область	2,286	69	Республика Калмыкия	1,758
29	Ставропольский край	2,279	70	Костромская область	1,718
30	Астраханская область	2,239	71	Республика Карелия	1,674
31	Архангельская область	2,195	72	Амурская область	1,672
32	Ульяновская область	2,193	73	Липецкая область	1,669
33	Орловская область	2,192	74	Забайкальский край	1,629
34	Пермский край	2,176	75	Республика Тыва	1,627
35	Саратовская область	2,168	76	Еврейская автономная область	1,622
36	Удмуртская Республика	2,162	77	Псковская область	1,614
37	Республика Марий Эл	2,160	78	Ямало-Ненецкий автономный округ	1,565
38	Калининградская область	2,159	79	Сахалинская область	1,558
39	Тульская область	2,139	80	Чукотский автономный округ	1,454
40	Республика Бурятия	2,132	81	Ленинградская область	1,436
41	Чувашская Республика — Чувашия	2,113	82	Ненецкий автономный округ	1,320

с которыми этот индекс вырос до отметки 2964 пункта. Позитивно на него повлияло решение профсоюзов Франции приостановить общенациональную забастовку, что несколько стабилизировало ситуацию в стране. Для преодоления проблем зоны евро на саммите ЕС в Брюсселе принято решение об укреплении экономического сотрудничества и возобновлении деятельности Трансатлантического экономического совета. Иран подтвердил готовность возобновить переговоры с шестеркой международных посредников в середине ноября. В Кот-д`Ивуаре прошли первые за десять лет выборы президента[20].

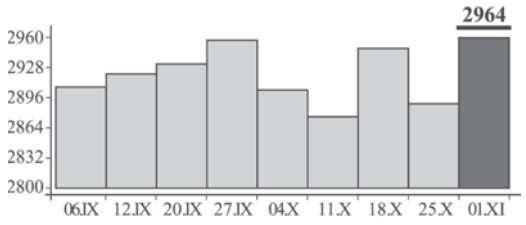
С другой стороны, негативно на Индексе отразилась перестрелка в демилитаризованной зоне между КНДР и Южной Кореей. Произошли столкновения ультраправых в Израиле с арабской молодежью.

Антиправительственные акции прошли в Румынии, Великобритании, Германии. Извержение вулкана Мерапи на острове Ява стало причиной гибели людей. Не удается остановить эпидемию холеры на Гаити.

Иными словами, видно, что на состояние международной безопасности влияют множество факторов. И не только политических или военных, но и социальных, гуманитарных, этнических, экологических и иных. Это понимание изменения содержания понятия международной и национальной безопасности, безусловно, эволюционизирует в направлении признания новых угроз и необходимости совместного решения проблем.

В политической практике это выразилось в создании новых механизмов. Прежде всего регулярных встреч (G8 и G20) на высшем уровне, модернизации существующих и создании новых международных институтов по обеспечению безопасности и сотрудничества, которые прежде сводились к ООН и ОБСЕ, а также военно-политическим союзам и блокам.

Кризис 2008–2010 годов подстегнул эту тенденцию, которая, безусловно, будет усиливаться по мере изменения соотношения сил в мире в пользу стран БРИК и других быстро развивающихся государств[21].



Источник: ПИР-Центр

Рис. 3. Индекс международной безопсности ISI

Вопросы международной безопасности — традиционно компетенция узкой части профессиональной элиты, хотя участвовать в обсуждении, считают себя вправе многие. Проблема позднего СССР и России в том, что часто, слишком часто для государства, эту проблему решали в элите не профессионалы, а любители, обладавшие амбициями и слишком субъективным походом.

Эффективная элита создает эффективное государство. Соответственно, если государство неэффективно, то винить надо прежде всего элиту. «Сильная страна создается компетентной, национально-ориентированной элитой. Из-за того, что правящая элита не защищает национальные интересы России и некомпетентна, она до сих пор не создала эффективного государства — главного инструмента устойчивого и благополучного развития страны. Ибо именно эффективное государство обеспечивает работу закона и верховенство права в стране, то есть создает благоприятные условия для мотивации высокой производительности труда, развития малого и среднего бизнеса, внедрения инноваций. Все это создает эффективную экономику, обеспечивающую процветание страны.

Отсутствие **эффективного государства в России угрожает национальным интересам**[22].

Отдельно следует сказать о соотношении авторитаризма и демократизма в нашей правящей элите. Это был вынужден признать осенью 2010 года Д. Медведев, говоря о 20 годах демократии в России. Действительно, «авторитарная власть периодически замечала русскую отсталость и бросалась ее преодолевать. Наша власть всегда была сильной и могла преодолеть едва ли не любую конкретную отсталость, которую могла увидеть. Но, естественно, только ту, которую могла увидеть. А увидеть, что главная причина отсталости — в ней самой, она не могла».

Но и насаждать «эффективную демократию» — сегодня занятие бесполезное. Ниже я подробнее скажу о политических условиях модернизации. Здесь же подчеркну: мы имеем ту элиту, которую имеем: полупрофессиональную, полуобразованную, коррумпированную, малоэффективную и т. д., но другой элиты у нас в ближайшие годы **не будет**. «Нанимать варягов» — бессмысленно и опасно, да и пробовали уже. Толку нет. Ответ может быть один: **надо поставить нашу элиту в жесткие авторитарные рамки необходимости делать модернизацию**.

В 2010 году, можно сказать, начался новый этап переосмысления, особенностью которого стала признание приоритета модернизации в качестве главной цели внешней политики России. Это связано как с внутренними особенностями развития, так и внешними, прежде всего переоценкой характера внешних угроз, среди которых, С. В. Лавров выделил следующие: «На первый план выходят общие для всех глобальные вызовы — распространение оружия массового уничтожения, терроризм, трансграничная преступность, наркотрафик, массовая бедность и дефицит продовольствия, эпидемии, незаконная миграция, изменение климата и многое другое. Масштаб этих вызовов диктует объединительную повестку дня в международных делах, необходимость гармонизации отношений между государствами на основе сближения и взаимопроникновения экономик и культур.

Соответственно преобразуется предмет международных отношений. Это больше не кабинетная политика вокруг интересов, сводившихся исключительно к территориальному переделу мира и рынков сбыта и формированию в этих целях коалиций в преддверии военных конфликтов. Современная дипломатия, по существу, занимается всем спектром вопросов национальной жизни — от обеспечения безопасности в ее „глобальном“ прочтении до вопросов эффективного и устойчивого социально-экономического развития и защиты окружающей среды»[23].

2. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы методологии

… наличие «армии» специалистов по международной политике… не обеспечило перехода России на то, что в литературе принято считать западными «нормами» формирования внутренней и внешней политики[24].
А. Богатуров

… в своем большинстве российская олигархическая буржуазия состоит из представителей диаспор (в 2006 году из 53 российских долларовых миллиардеров около 60 % — представители диаспор). В этом отношении современная Россия сравнима с Индонезий[25].
М. Хрусталёв

На протяжении всего периода «перестройки», «демократических реформ» и «стабилизации» наблюдается удивительный парадокс: существующая армада квалифицированных специалистов, подготовленная еще в советское время, практически никак не влияла на принятые политических решений. При М. Горбачеве и Э. Шеварднадзе мнение не только экспертов, но и МИДа, Генштаба откровенно игнорировалось группой ученых, собранных А. Яковлевым. Такая же ситуация сложилась при Б. Ельцине и А. Козыреве, где только приход Е. Примакова смог частично нейтрализовать вмешательство невежд. Сегодня, правда, либералы оправдывают это тем, что «…пришлось заново создавать все то, что для любой страны … является данностью — национальные границы, национальную пограничную стражу, национальный банк»[26].

Сложилось устойчивое впечатление, что внешняя политика России последних десятилетий формировалась где-то за пределами экспертного сообщества, в неких очень узких кругах. Крайне субъективно, но, главное, в разрыве с национальными интересами и стратегией развития. Более того, казалось, что правящая российская элита имела свою, узко групповую систему взглядов, которая мало коррелировала как с идеологией (от которой она всячески открещивалась и открещивается), так и практикой. Некоторое понимание этого верхушечного подхода дают признания очевидцев, например, бывшего вице-премьера ельцинского правительства М. Полторанина. Так, ссылаясь на личный разговор с Б. Ельциным в самом начале его правления, он по памяти цитирует основную президентскую установку: «Роль государства в регулировании экономики должна быть сведена к нулю. С этого начал Ельцин. Никаких ограничителей — только свободный рынок. Перед новым правительством будет поставлена задача перевести Россию в кратчайшие сроки **на американскую модель либерального капитализма** (подч. — *А. П.*). Пусть стихия рынка оставляет на плаву только сильных, конкурентоспособных. Говоря это, президент вычеркивал из комментариев к структуре правительства контрольные функции, которыми я наделял Кабинет министров»[27].

Понятно, что такую мысль трудно уложить в некую стратегию развития страны, но она вполне вписывается в либеральную (без всяких ограничений) идеологию, в которой роль государства, в т. ч. во внешней политике, сводилась к нулю.

Другая сторона вопроса заключается в том, кто отвечал за такую политику во времена М. Горбачева — Б. Ельцина. Ответ на этот вопрос также пытается дать М. Полторанин: «В умах наших людей все заметнее созревает вывод, что развал страны — это не пьяная выходка трех бывших партийных функционеров. И рыдания пропагандистов нынешней власти при упоминании Беловежья — отвлекающий треп. (Будто бы не было у хозяев тогдашней державы сил специального назначения). Да и выкормыши КГБ — первые российские банкиры-олигархи успели кое-что выболтать. Выстраивается такая следственная версия: группка ушлых ребят (партийно-кэгэбистская мафия?) **готовила страну к расчленению, чтобы прибрать к рукам богатую недрами Россию с населением, которому все до лампочки. Готовила под чью-то диктовку**. Организовали хаос. В пыли и грохоте развала дали харизматическому Ельцину поуправлять осколком СССР, не ослабляя контроля за ним и заставляя брать все плевки на себя. А потом устроили тихую передачу власти своему человеку — он должен быть весь в белом и постепенно утверждать диктатуру спецслужб в открытую, якобы демократическими методами» (подч. — *А. П.*)[28].

Таким образом, если версия одного из руководителей России тех лет верна, то внешняя политика России тех лет сознательно направлялась узкой группой элиты к развалу страны и разделу ее национального богатства. Во всяком случае эта версия много объясняет: и отказ от любой публично выраженной стратегии во внешней политике, и субъективизм (групповщину), и зависимость от внешних сил, которая к концу 90-х годов привела к фактическому отказу от суверенитета и внешнему управлению.

Понятно, что при таких политических установках и отказе от суверенитета, у России **не могло** быть политики в области безопасности, которая основывалась бы на реальных национальных интере-

сах. Да и сами национальные интересы отрицались как таковые. Вместо них предлагались абстрактные идеологемы: сначала «перестройка», «гласность», «демократия», а затем — «права человека», «свободный рынок» и т. д. Собственно эти идеологемы заменили национальную идеологию и внешнюю политику, включая политику безопасности тех лет.

Очень осторожно эту ситуацию охарактеризовал бывший посол РФ, заведующий кафедрой МГИМО(У) И. А. Мелихов: «Международные отношения, ситуация в мировом сообществе на рубеже XX и XXI веков свидетельствовали о том, что стратегические расчеты и ставки, связанные с формированием новых — равноправных, взаимовыгодных — партнерских отношений России с окружающим миром, предотвращением продвижения НАТО на восток, **не оправдались**. Нужно было менять концепцию внешней политики Российской Федерации, принятой при Б. Н. Ельцине в 1993 году, поскольку она дезориентировала российское руководство и дипломатическую службу. Задача по выработке новой концепции была возложена на МИД России, возглавляемый И. С. Ивановым. Разумеется, не он один ее разрабатывал, а коллектив министерства. Однако многое зависело от министра, его стратегического видения ситуации, выверенной оценки состояния и тенденций в международных отношениях. Новый документ, одобренный В. Путиным 28 июня 2000 года, гласил: „Усилия должны быть направлены на достижение обеспечения надежной безопасности страны, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам России как великой державы и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала; воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН; создание благоприятных внешних условий для поступательного развития России, подъема ее экономики, повышения уровня жизни населения; формирование пояса добрососедства по периметру российских границ; поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России; всестороннюю защиту прав и интересов соотечественников за рубежом. Новая концепция явилась подтверждением того, что Российская Федерация состоялась как демократическое государство с самостоятельной и предсказуемой внешней политикой“»[29].

Таким образом, можно констатировать, что концептуально, на уровне внешнеполитической стратегии, с приходом В. Путина начался выстраиваться процесс формирования внешней политики, которая основывалась не на личных и групповых, а на национальных интересах. К сожалению, этот процесс, во-первых, затянулся, а, во-вторых, так до конца и не оформился, так как **понимание** национальных интересов и, соответственно, целей внешней политики продолжается до сего дня. Причина — прежняя: отсутствие у правящей элиты внятной национальной идеологии.

Вне национальной идеологии элита не может внятно сформулировать главного — целей национального развития, расставить их в приоритетном порядке, эффективно распределить ресурсы. Соответственно, невозможен стратегический прогноз и стратегическое планирование, которые вне идеологии становятся просто макроэкономической (или социальной) экстраполяцией. И первое, и второе, и третье — главные элементы эффективной стратегии модернизации, без которых она превращается просто в набор мероприятий. Не всегда, кстати, безвредных.

Между тем практическая потребность таких, по сути дела идеологических, продуктов чрезвычайно важна. Причем во всех областях и отраслях, например, для подготовки кадров. Как заявил на Госсовете 31 августа 2010 года А. Фурсенко, «… необходим качественный (наверное, не случайно он использовал это определение — *А. П.*) долгосрочный прогноз социально-экономического и научно-технического развития в увязке с обеспечивающими этот прогноз кадровыми потребностями»[30].

Отсюда во многом и нежизнеспособность разного рода стратегий и концепций, разработанных в первом десятилетии XXI века в России. От федеральных до отраслевых и региональных: они не вписываются в единую систему взглядов, которая не существует как система, а лишь как самые общие контуры социально-экономического развития. Такие попытки создания стратегий и концепций, которые мы нередко видим сегодня, выливаются в лучшем случае в некий нормативный документ, о котором забывают на следующий день после его принятия. Даже чиновники, которые его писали. К сожалению, в полной мере это относится и к таким концептуальным документам, как Стратегия национальной безопасности до 2020 года, Концепция внешней политики, Военная доктрина и пр., которые так и не стали основой для практического планирования российской внешней политики. По этому поводу эксперт ИНСОРа Н. Масленников справедливо заметил: «**За последние три–четыре года в России на уровне правительства появилось около 300 разного рода „стратегий“**. Такое „стратегическое увлечение“ порождает в итоге беспомощность и дезориентацию, запутывает и лишает понимания, что именно надо делать с экономикой и как стране позиционировать себя на международной арене»[31].

Речь в данном случае идет не только о корректировке «Стратегии–2020», о необходимости которой заявил В. Путин в декабре 2010 года, но и о **всех без исключения** «концепциях» и «стратегиях», подготовленных в 2000–2010 годах. И начинать надо, безусловно, с одной, базовой, политико-идеологической.

В противном случае появится вновь очередной, частный вариант стратегии развития страны. Такой, например, как предложенный тем же ИНСОРом весной 2010 года альтернативный вариант «Стратегии–2020» под названием «Структурная модернизация финансовой системы России».

Вот почему разговор о формировании идеологии развития государства имеет сугубо **практический даже прагматический характер**, прежде всего применительно к обсуждению модели[32] модернизации России и новой модели международной безопасности. Или концепции ее опережающего социально-экономического развития, которые являются, повторю, **следствием, частным случаем**, идеологии, охватывающей все области стратегии — от экономической, научно-технической и социальной до внешнеполитической.

При этом идеология не означает «идеологизированность», когда прагматические, конкретные интересы ставятся в зависимость от узкоидеологических норм и штампов. Наоборот. Идеология выступает синонимом стратегии. Только действительно стратегии развития страны, а не одной из многих частных стратегий. В рамках этой идеологии правящая элита определяет место **внутренней политики**, распределения национальных ресурсов, а также внешней политики и политики безопасности.

Сегодняшние споры о модернизации — это споры прежде всего о ресурсах, точнее, тех долях национального богатства, которые должны направляться в соответствии с определенными приоритетами на нужды развития. Если, например, в 2011 году выделяется на культуру 0,73 % расходов бюджета (около 80 млрд рублей), а для развития, даже скромного, нужно 120 миллиардов, то результат очевиден[33]. Как заметил С. Лавров, «Статус России, как и любой страны, в современном мире будет зависеть от способности к комплексной модернизации. Модернизации, которая будет охватывать не только социально-экономическую политику, включая стабилизацию финансового сектора и структурную перестройку экономики, но и **все остальные стороны жизни общества, в том числе образование, образ жизни, общественное сознание, включая философию политических элит** (подч. — *А. П.*). Это также предполагает необходимость проводить внешнюю политику на основе **четко определенных национальных интересов**, прагматично, творчески, отбрасывая идеологическую и иную предвзятость»[34].

Представляется, что эта мысль российского министра — ключевая. Из нее следует, что политика модернизации,

во-первых, должна основываться на четко определенных национальных интересах (добавлю — и ценностях);

во-вторых, охватывать все стороны жизни общества и, прежде всего, на мой взгляд, связанные с НЧП;

в-третьих, статус России будет зависеть от такой модернизации, а не от внешних факторов.

Другими словами, даже отрицая идеологию, С. Лавров предлагает **систему взглядов**, которая основывается на адекватном восприятии российской элитой национальных интересов и эффективном использовании его национальных ресурсов. Причем не только природных ресурсов и производственных активов, но, прежде всего, НЧП.

Влияние внешних факторов на модернизацию — второстепенно. Что подтверждается структурой товарооборота России со странами Евросоюза, отношения с которыми некоторые политологи в 2010 году, а также часть элиты восприняли как главное условие модернизации.

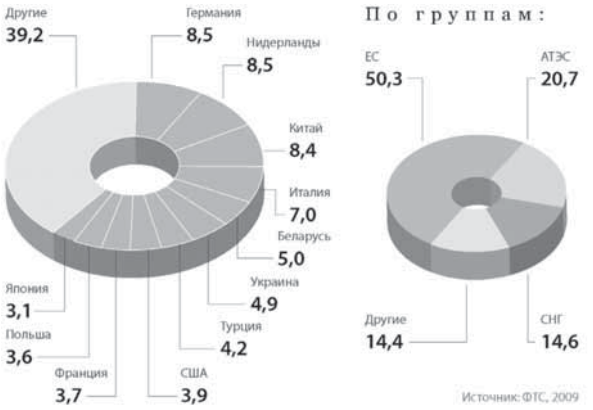


Рис. 4. Доля стран в товарообороте РФ[35]

Завышенная оценка влияния стран Евросоюза на эффективность модернизации превратилась в политический фактор, который, безусловно, серьезно искажает действительность. Прежде всего потому, что принижает значение внутренних факторов. А кроме того, принижает значение интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Только за первые 100 дней деятельности Таможенного союза товарооборота России и Беларуси вырос на 25–30 %[36].

Из сказанного можно сделать вывод, что к 2011 году решающими факторами обеспечения безопасности и модернизации страны оставались:

— во-первых, внутренние факторы;
— во-вторых, отношения России с бывшими советскими республиками.

Между тем российская элита почему-то связывает до сих пор свои успехи в модернизации с отношениями с развитыми странами, прежде всего странами Евросоюза. Причина этой ошибки — методологическая.

В качестве иллюстрации я вновь обращаюсь к модели идеологии, элементы которой рассматриваются поэтапно, шаг за шагом в предлагаемой публикации. Эта модель (модернизированная мною) в свое время была описана покойным ныне профессором МГИМО(У) М. Хрусталёвым, который хотя и не претендовал на авторство, но настойчиво, даже талантливо, проповедовал эту идею. Он справедливо утверждал, что подобная модель может быть одним из адекватных вариантов формализации. В данном случае идеологии безопасности и модернизации.

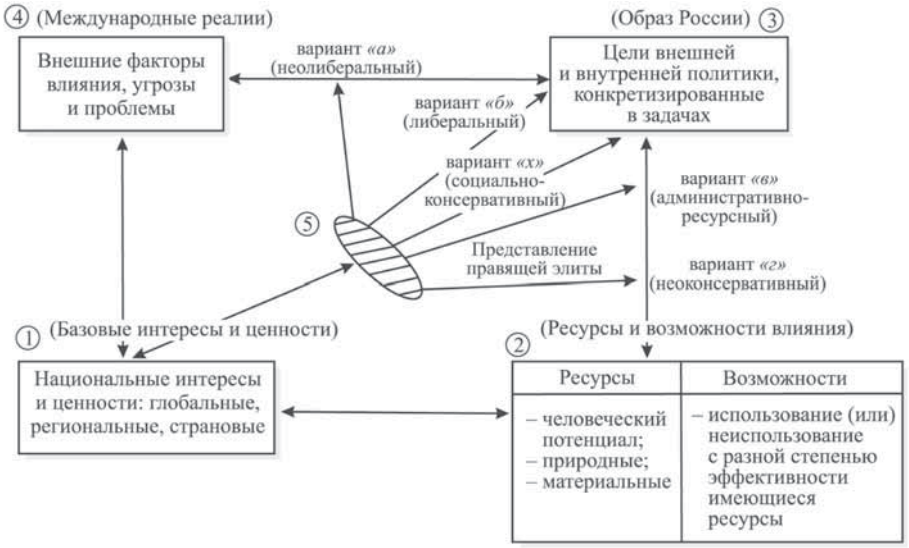


Рис. 5. Модель системы взглядов элиты на вопросы безопасности и модернизации

Эта модель, как справедливо пишет М. Хрусталёв, «дает лишь самое общее представление… и нуждается в пояснениях и уточнениях, необходимых для того, чтобы избежать неправильной интерпретации»[37]. Что и делается применительно к вопросам безопасности.

В самом общем виде она выглядит следующим образом (рис. 5). (При этом, учитывая особу актуальность проблемы модернизации, надо выделить один из блоков системы, а именно — взаимоотношение и взаимосвязь целей и ресурсов, который и составляет собственно стратегию).

Основные элементы модели такой системы следующие:

1. Базовые (национальные) интересы и ценности, которые представляют собой как национальную ценностную систему, так и комплекс национальных интересов (потребностей), т. е. объективные, не зависящие от восприятия элитой, категории. Среди таких базовых интересов выделяется основной — сохранение («сбережение») и развитие нации, а также сохранение национальной идентичности.

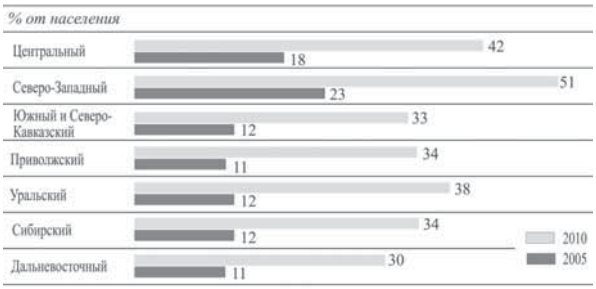
Осознать эти национальные интересы и ценности, как оказалось, для российской элиты не просто, а ведь именно это является **главным условием** проведения эффективной внешнеполитической стратегии и первым шагом к целеполаганию. На протяжении последних 20 лет происходит **сознательное** искажение национальных интересов и ценностей, их подмена мнимыми, либо чужими ценностями. Этот процесс отнюдь не завершился и теперь, когда массированно происходят попытки переписывания истории. Как справедливо пишет И. Гусев, «**Сейчас прослеживается четкая тенденция: когда русский народ и все с ним связанное поливают помоями и мажут грязью — это называется „стиранием белых пятен в истории“, а в противном случае — это, понимаете ли, политиканство и фальсификация, чем занимаются шовинисты**. А история русского народа даже на территории Прибалтики занимает, чуть ли не главнейшее место! Только об этом в Латвии говорить почему-то неудобно… Но на самом деле не просто удобно, а необходимо!»[38]

2. Ресурсы (материальные и нематериальные) и возможности государства и нации. К ресурсам относится самый широкий спектр возможностей нации, государства и общества, среди которых особое место в последнее десятилетие занимает комплекс ресурсов, объединенных в национальный человеческий капитал (НЧК).

К важным, но пока недооцененным ресурсам НЧК, следует отнести духовные и социальные потенциалы, эффективное использование которых ведет к синергетическому эффекту. Во время Второй Мировой войны, например, моральный ресурс (фактор) позволил СССР компенсировать огромное материальное и военное превосходство, которое сконцентрировала Германия после оккупации Европы.

Особое значение в этой связи приобретает такой производный от идеологии фактор, как эффективность государственного управления, которая, во-первых, не допускает игнорирования, либо недооценки важных видов ресурсов (например, морального, нравственного, духовного НЧП), а, во-вторых, обеспечивают их реализацию, т. е. превращение потенциала в фактор.

К другому важному виду ресурсов следует отнести психологические и волевые качества НЧП, которые являются (вместе с другими потенциалами) основой для развития творческого, или креативного, потенциала нации, сознательного содействия созданию целого социального слоя — креативного класса. Сегодня мы наблюдаем, как стремительно происходит процесс нарастания информационных и творческих возможностей общества. Это видно на примере проникновения Интернета в российские регионы за последние 5 лет[39].



Источник: Фонд общественное мнение

Рис. 6. Динамика проникновения интернета в регионы (ФО)

Но, вместе с тем, мы уже более 20 лет наблюдаем фантастически высокие цифры оттока наиболее образованных и творческих граждан из России, которые ежегодно достигают 80 тыс человек! Это означает, что за последние десятилетия мы уже потеряли более 2 млн граждан, составляющих гордость национального интеллекта. Кстати, по некоторым оценкам благодаря выходцам из России в США сегодня создается до 30 % новых технологий в год.

На мой взгляд, именно эта проблема является сегодня проблемой № 1 в национальной безопасности страны. И не случайно в Стратегии национальной безопасности Б. Обамы, озвученной в мае 2010 года, важнейшим приоритетом заявлено привлечение наиболее профессиональных кадров из других стран. Повторю, что из России в США ежегодно уезжает не менее 50 тыс человек. Если оценить каждую голову «хотя бы в 1 млн долл., то окажется, что отток капитала в США достигает … 50 млрд долларов».

При этом для власти и общества принципиально важно не противопоставлять в процессе модернизации одни ресурсы (например, материальные) — другим, а **интегрировать все ресурсы нации**, мобилизовать их и обеспечить идеологическую поддержку. Такое противопоставление, к сожалению, нередко случается. Так, на Госсовете 31 августа 2010 года А. Фурсенко и М. Прохоров фактически противопоставили количество и долю студентов университета доле специалистов с начальным и средним профессиональным образованием, предложив изменить пропорции в сторону последних. Но менять надо было не пропорции. Нужно было принять решение о восстановлении разрушенного профобразования, которое фактически было ликвидировано в угоду «всесильной руке рынка».

С точки зрения ИРЧП, напомню, продолжительность образования является важнейшим критерием. Поэтому любое сокращение сроков образования, а, тем более, превращение части высшего в среднее, — глупость.

Аналогичная ситуация возникает и с традиционными отраслями обрабатывающей промышленности, которые в 90-е годы фактически разрушались. Это отчетливо видно из официальных данных Росстата, регулярно публикующего данные о коэффициенте обновления основных фондов[40].

Как видно из графика (рис. 7), составленного по данным Росстата, коэффициент обновления основных фондов стремительно снижался и привел к фактическому разрушению производственной базы традиционных отраслей. Это в полной мере отражает подход господства идеологии неолибералов в 90-е годы, которые фактически устранили государство из обрабатывающих отраслей экономики страны.

Хуже другое: программы модернизации сегодня слабо ориентированы на модернизацию традиционных отраслей. Почему-то считается, что инновации применимы только к высокотехнологичным отраслям экономики, хотя В. Путин и Д. Медведев не раз говорили о необходимости модернизации традиционных отраслей. И те только ТЭКа, оборудование которого обветшало на 60 %,[41] но и других обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего машиностроения.

Устойчивый рост обновления основных фондов наблюдается с 1998 года (с 1,1 % до 4,4 %) (рис. 7.1), который, однако, **совершенно не соответствует потребностям страны**. Модернизация, как справедливо отмечают американские исследователи, «…должна не допустить разрушения своего производственного и образовательного потенциала — даже под флагом самых правильных преобразований и благих намерений»[42]. На мой взгляд, сегодня, чтобы добиться серьезных структурных изменений, коэффициент обновления основных фондов, прежде всего в машиностроении, должен достигать 25–30 %, что позволит в среднесрочном периоде (до 5 лет) обновить основные фонды этой отрасли.

Очевидно, что стратегия модернизации — как часть идеологии — заключается прежде всего **в искусстве** достижения поставленных целей с использованием имеющихся ресурсов. В идеале — максимально эффективном, т. к. ресурсов, как известно, всегда не хватает. Поэтому принципиально важно, во-первых, учесть и задействовать **все имеющиеся ресурсы**, а, во-вторых, использовать их **эффективно**, с самым высоким КПД.

3. Общенациональные цели и задачи, которые формулируются элитой как государственные цели и задачи под влиянием основных четырех групп факторов:

— объективно существующих национальных интересов и ценностей (группа № 1);
— наличия ресурсов и возможностей влияния (группа № 2);
— международных реалий (группа № 3);
— адекватности (способностей и профессионализма) элиты (группа № 5). Последний, субъективный, фактор имеет для России огромное значение. Именно либеральная идеология 90-х годов оказалась неадекватным отражением объективных процессов, происходивших в мире и в России. Финляндия, которая в 90-е годы столкнулась с таким же;

Табл. 5. Коэффициент обновления основных фондов,%, Российская Федерация, значение показателя за год в ценах 1990 г.

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	1,6	1,3	1,1	1,1	1,2	1,4	1,5	1,7	1,8

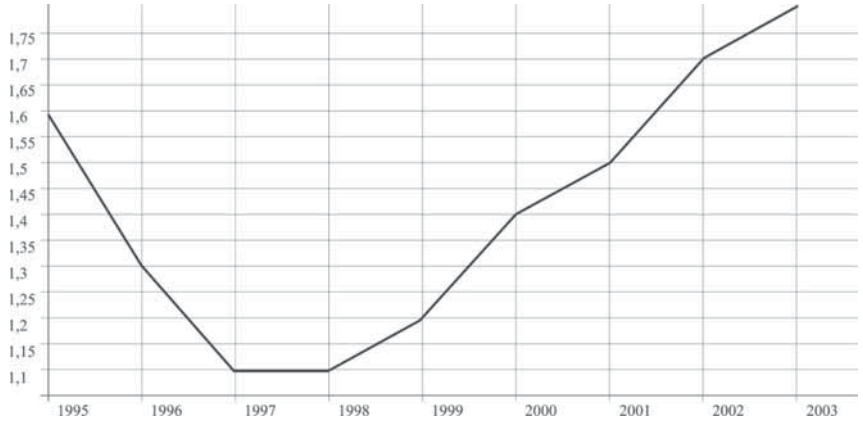


Рис. 7.

Табл. 5.1. Коэффициент обновления основных фондов, (продолжение)

	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	2,7	3	3,3	4	4,4

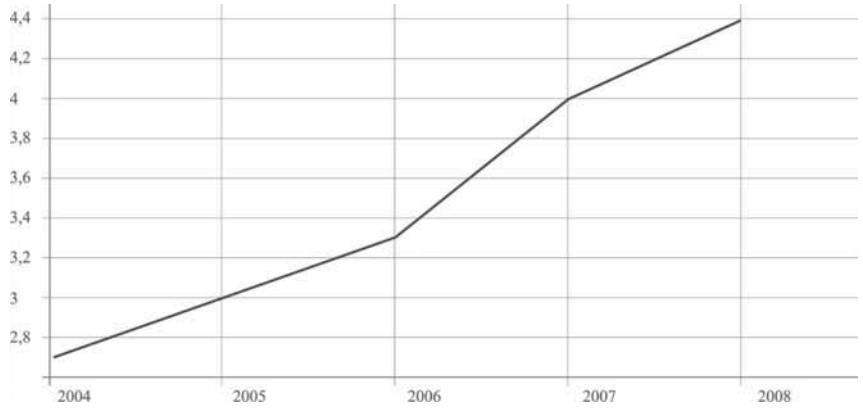


Рис. 7.1.

4. Международные реалии, которые представляют собой группу факторов влияния (экономических, финансовых, военно-политических и др.). Среди таких факторов возрастающее значение в последние годы стал иметь человеческий потенциал в его различных формах: институты гражданского общества, образование, наука, туризм и т. д.
5. Представления правящей элиты — субъективный фактор — как совокупность доминирующей в данное время в элите идеологий. Также представления с разной степенью адекватности (а, иногда, неадекватность) выражаются элитой в формулируемых его целях и задачах.

В предлагаемом варианте не обсуждаются неадекватные представления и действия элиты, которые выходят за рамки рациональных. При этом вариант «х» рассматривается как идеальный, а варианты «а» и «г» как допустимые, но наименее эффективные и даже опасные.

Структура работы построена таким образом, чтобы последовательно рассмотреть все элементы идеологической модели, а также, что очень важно, их влияние и взаимодействие друг на друга. Так, в предлагаемой модели стрелками указаны **факторы влияния**, которые могут быть **непосредственными** (группа факторов «1» влияет на группу факторов «4» или «2»), а также **опосредованы**. Например, цели (группа «3») не линейно (идеально) отражают национальные интересы (группа «1»), а через «преломление» в сознании элиты. Или элита воспринимает ресурсы и возможности не прямо, а **через национальные интересы и цели**.

3. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы истории

Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам[43].
А. Пушкин

Непомерную щедрость Ельцина в раздаче интересов России я объяснял для себя его ревностью. Он очень ревновал мировую элиту к Михаилу Сергеевичу Горбачеву… Поэтому Борис Николаевич старался изо всех сил прыгнуть в обещаниях выше Михаила Сергеевича, пойти в уступках — дальше его[44].
М. Полторанин

Исторический экскурс необходим для того, чтобы понять, каким образом российская (а до этого советская) элита последние 25 лет **понимала** национальные интересы и как трансформировала эти интересы в цели политики безопасности. Без этого невозможно понять сегодняшнее положение в этой области, являющееся основополагающим для разработки адекватной стратегии национальной безопасности, ибо ошибки, совершенные в недавнем прошлом, к сожалению, повторяются в ряде своих моментов и сегодня.

На мой взгляд, многое объясняется тем, что новая страна перманентно находилась в состоянии переходного периода — политически, экономически, социально, — когда ее внешняя политика была зачастую предоставлена сама себе и не находилась в системе приоритетов правящей элиты. Но это — справедливая, но слишком общая констатация, которая должна быть, на мой взгляд, конкретизирована в важных деталях, иллюстрирующих как профессиональную неспособность, так и игнорирование национальных интересов правящей элитой СССР и России.

По существу вся политика российской элиты в области безопасности была антинациональна, т. е. противоречила национальным и государственным интересам России. Еще ее можно было бы назвать и предательской, антигуманной, античеловеческой. С определенной степенью условности она делится на следующие этапы:

I этап: 1987–1995 годы. Период «романтизма» во внешней и оборотной политике, когда отказ от противостояния и «холодной войны» рассматривался правящей элитой в качестве главного вектора внешней политики. В период правления М. Горбачева основным «теоретическим» постулатом выступала концепция «нового мышления» (которая, впрочем, так никогда и не была сформулирована внятно до конца). Этот этап характеризовался отказом от таких основополагающих понятий, как «национальный интерес» (этот термин вообще исчез из политического лексикона на время), «стратегический паритет», защита интересов СССР и России за рубежом.

Сторонники этого подхода, прежде всего министры иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и России — А. Козырев, проводили политику «уступок» по всем азимутам, которая в итоге привела к частичной потере суверенитета России и ее позиций в мире. Применительно к Европе внешнеполитические интересы России носили абстрактно-подчиненный, даже романтический характер, когда изначально предполагалось, что «всё, что делает Запад, — хорошо для России».

В этот период у правящей элиты, определявшей внешнеполитический курс России, была влиятельная оппозиция, которую условно можно разделить на два лагеря — коммунистов и националистов. Причем оба эти лагеря, даже с учетом влиятельного сегмента неполитизированной административной элиты, составляли **большинство российской элиты**. По вопросам внешней политики оппозицию поддерживала даже значительная часть правящей элиты и бюрократии, включая МИД, силовые структуры. Относительная и абсолютная слабость неолибералов объясняет, почему их влияние продержалось так недолго во внешней политике.

II этап: 1995–1999 годы. Этот этап характеризуется избавлением российской правящей элиты от части внешнеполитических иллюзий. «Протрезвляющими аргументами», которые воздействовали на элиту в эти годы, были такие факторы, как политика расширения НАТО на восток, фактическая поддержка чеченских сепаратистов, антироссийская активность Запада на постсоветском пространстве и целый «букет» действий США и НАТО, игнорирующих интересы России.

В этот же период начинается процесс консолидации российской элиты по внешнеполитическим вопросам. Примечательно, что уже на президентских выборах 1996 года практически отсутствовала критика Б. Ельцина по вопросам внешней политики со стороны всех оппозиционных кандидатов. Не являлась предметом острой критики внешняя политика и со стороны оппозиционных партий.

Стал меняться и кадровый состав лиц, влияющих на формирование внешней политики: А. Козырева сменил Е. Примаков, а затем И. Иванов.

Табл. 6. Надеетесь ли Вы на то, что Владимир Путин сможет улучшить отношения России с Западом?[45]

	Сентябрь 2003	Февраль 2004	Август 2004	Май 2005
Определенно надеюсь	27	36	25	22
В какой-то мере надеюсь	48	43	47	49
Не могу сказать, что надеюсь	13	11	16	16
Не испытываю никаких надежд	7	5	8	7
Затруднились ответить	5	5	4	6

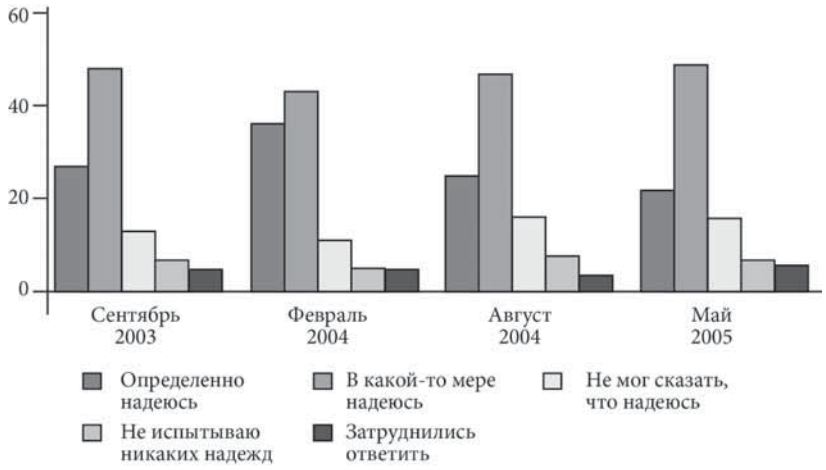


Рис. 8.

Менялся и состав советников Б. Ельцина в Кремле, аппарате Белого дома, из которых «уходили» старые кадры — идеологически ориентированные либеральные демократы.

В этот период политические взгляды российской элиты на европейскую безопасность становились все более прагматичными, а политика вынужденных и добровольных уступок постепенно сменилась на политику прагматизма и профессионализма.

III этап: 1999–2010 годы. Этот этап характеризуется постепенным переходом от голого прагматизма к системной внешней политике и политики безопасности, в основу которых положены долгосрочные политические концепции (Концепция внешней политики, Концепция (Стратегия) национальной безопасности, Военная доктрина России, Концепция информационной безопасности и др.).

Вместе с тем в годы президентства В. Путина сложился колоссальный разрыв между появившимися концептуальными наработками и позитивными результатами внешней политики страны для развития ее экономики и общества. Внешняя политика В. Путина, оцененная как «прагматизм», отнюдь не была таковой. Правящая элита страны избавилась от крайностей 90-х годов во внешней политике, но не сделало ее инструментом развития экономики и общества. Не изменилось к лучшему и состояние безопасности. Наступила «внешнеполитическая стабильность», в том числе и в вопросах безопасности, которая на самом деле означала потерю Россией позиций в области безопасности.

Как видно из приведенных данных (табл. 6, рис. 8), в период первого срока правления В. Путина почти две трети граждан в той или иной степени надеялись на улучшение отношений с Западом и лишь четверть не рассчитывало на это. Стабильность социальных групп, ориентированных как на улучшение отношений с Западом, так и безразлично относящихся к этой проблеме, свидетельствует, что в российском обществе в начале века **уже сложилось** сдержанно-объективное восприятие Запада. В отличие от эйфории 90-х годов, эта сдержанность опиралась на реальные результаты (точнее, их отсутствия) в отношении с Западом в период Б. Ельцина. Уже никто не испытывал иллюзий и не полагался на чью-то помощь.

— **во-первых**, взгляд российской элиты на национальные интересы и ценности как основы внешней политики. В июле 2010 года на встрече с послами в МИДе Д. Медведев уточнил формулировку главной внешнеполитической цели России: «Внешняя политика нашей страны при всей сложности и многомерности этой политики преследует главную, но, может быть, если хотите, единственную цель, цель достаточно простую — **всячески способствовать росту материального благосостояния наших граждан и их культурному развитию, развитию нашей страны, защите здоровья наших граждан и их человеческого достоинства в тех случаях, когда это необходимо, созданию условий для их безопасной и свободной деятельности во всех сферах**

современной общественной жизни. Поэтому приоритеты внутренней политики самым тесным образом влияют на выбор наших стратегий в международных отношениях. Так было всегда в истории Российского государства»[46]. Надо сказать, что этот взгляд вполне соответствует принципам консерватизма как идеологии. Это:

1. вера в универсальность морального порядка и, напротив, в ограниченность человеческого разума;
2. стремление к постепенности и осмотрительности в политических преобразованиях (следование пословице «семь раз отмерь, один раз отрежь»);
3. следование обычаям и традициям;
4. приоритет стратегии над тактикой в принятии решений (для практикующих политиков);
5. убеждённость в неравенстве (классов, сословий, групп, элит и отдельных индивидов);
6. антиутопизм (негативное отношение к либеральным и леворадикальным проектам социально-политического переустройства);
7. уважение к институту частной собственности — праву наследования и т. д.;
8. догмат о несовершенстве человеческой природы, а как следствие — убеждённость в том, что несовершенный человек неспособен создать совершенное общество;
9. приоритет общества над индивидом;
10. приоритет того, что есть перед тем, что может быть (т. е. практики перед теорией, реальности перед утопией и т. д.).

Кроме того, как справедливо отмечает Д. Витушкин, уже был сформулирован список «идей–врагов» — тех антиценностей, «против кого дружили» консервативные мыслители и политики в разных странах. Такими антиценностями для консерваторов стали: «индивидуализм, равенство, атеизм, моральный релятивизм, культ рассудка» (И. Д. Осипов даёт ещё более полный список антиценностей консерватизма: «абстрактный разум, универсализм, механицизм, индивидуализм, нигилизм, моральный релятивизм и цинизм, социальное и имущественное равенство, культ личных прав и свобод, атеизм, революционаризм, буржуазность»)[47].

При этом надо признать, что граждане России в основном не видят в лице Запада врагов, виноватых в нынешних проблемах России. Они, скорее, винят в этом собственную элиту, ее неспособность к эффективному управлению. Так, опрос общественного мнения, проведенного центром Левады, показал следующее (табл. 7)[48]:

Табл. 7. Почему Запад не вкладывает свои средства в экономику России?

	01.04.2005
Запад по-прежнему видит в России врага	18
Плохое состояние российской экономики	55
Дефолт 1998 года	13
Государственное вмешательство в экономику	9
Отсутствие гарантий частной собственности в России	32
Дело «ЮКОСа»	7
Другое	5
Затруднились ответить	10

Новая архитектура международной безопасности неизбежно связана с финансовой безопасностью, той системой, которая сложилась к XXI веку и неизбежно вызывает все новые и новые риски. Как справедливо заметил Л. Белоусов, «Рост валютно-финансового рынка все больше отрывается от реального сектора экономики. Складываются „ножницы“ между стоимостью реальных товаров и услуг и объемом финансовых потоков. В 1996 году в мире ежедневно продавался 1 трлн долл. Это было в 30 раз больше, чем стоимость всех товаров и услуг, продававшихся в тот же день.

К началу нашего века на 1 долл. в реальной экономике приходилось, по разным подсчетам от 20 до 50 долл. В финансовой сфере это уже была аномалия. Как образно выразился один из помощников президента Клинтона: „Маги-финансисты превратили весь мир в гигантское казино“.

Купля–продажа валюты и различных финансовых инструментов приносила фантастические прибыли. Деньги производили не материальные ценности, а новые деньги. То есть на смену классической формуле „деньги — товар — деньги“ пришла формула „деньги — деньги“, а это и есть схема казино. Долго так продолжаться не могло, пузырь не мог не лопнуть»[49].

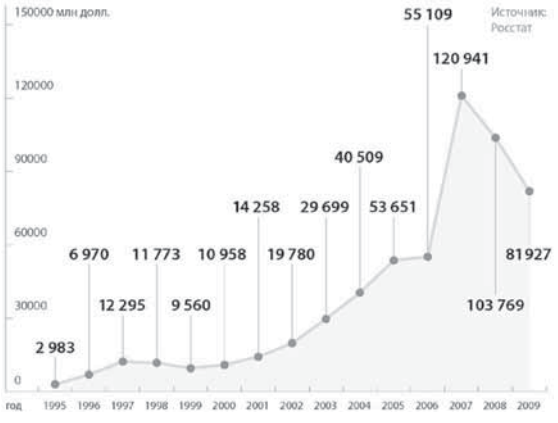


Рис. 9. Иностранные инвестиции в Россию[50]

Ещё более конкретно позиция граждан раскрывается в следующих результатах соцопроса (табл. 8)[51].

Таким образом, возник очевидный антагонизм между либерализмом ведущих развитых стран и консерватизмом, который имеет прямое отношение к проблеме модернизации России.

Табл. 8. Почему в России сейчас нет серьезного экономического роста?

	2003	2004	2005	2006
1. Бюрократический произвол, коррупция и взяточничество в высших органах власти	34	34	31	34
2. Грабительская политика крупного российского бизнеса/«олигархов», их незаинтересованность в экономическом возрождении страны	38	34	29	33
3. Неправильная экономическая политика властей	27	22	34	32
4. Отсутствие у властей определенной экономической программы	22	22	29	27
5. Вывоз капиталов из России/перевод капиталов в оффшоры	25	27	26	26
6. Воровство менеджеров (увод прибыли в собственный карман)	28	20	21	24
7. Изношенность основных фондов	13	11	11	17
8. Высокие налоги на предпринимательскую деятельность	15	10	13	13
9. Неконкурентоспособность российских товаров по сравнению с западными	9	10	10	12
10. Отсутствие инвестиций (вложений) в российскую экономику	11	11	12	12
11. Отсутствие законодательной защиты бизнеса	9	7	7	9
Другое	7	7	6	5
Затруднились ответить	12	12	9	11

Табл. 9. Сравнительная характеристика либерального и консервативного стилей мышления[52]

Стиль мышления/Критерий	Либеральный	Консервативный
Приоритет	Разум	История. Жизнь. Нация
Отношение к действительности	Дедуктивные наклонности	Иррационализм
Отношение к инновациям	Универсализм, изоляция отдельных областей культуры	Органицизм, синтез и обобщение
Отношение «целое — частное»	Изоляция индивидуумов в рассмотрении	Формирование понятия целого
Отношение к Разуму	Его нормы неизменны, он статичен	Динамическая теория Разума, идея его перманентного становления

— **во-вторых**, профессиональный подход российской элиты к этим проблемам. Надо сказать, что развал государственных институтов в 90-е годы привел к тому, что некоторые органы и министерства фактически перестали выполнять свои функции. Это в наименьшей степени сказалось на МИДе и других внешнеполитических органах, хотя, неизбежно, и отразилось на эффективности их работы;
— **в-третьих**, долгосрочный и системный характер внешнеполитических акций и инициатив. МИД, в частности, перестал лихорадочно заниматься «поиском новых инициатив», либо рефлексивной реакцией на действия других стран, что говорит в пользу предсказуемости внешней политики России;
— **в-четвертых**, Россия сменила в конечном итоге один вектор своей внешней политики в пользу США и Европы на многовекторность, «вернулась» в те регионы мира, где традиционно было сильно ее влияние (Куба), и даже в новые регионы (Венесуэла, Боливия);
— **в-пятых**, в качестве особого внешнеполитического приоритета было обозначено постсоветское пространство, и прежде всего отношения с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Азербайджаном, Арменией, другими бывшими республиками, в т. ч. перестала снимать ответственность за региональные конфликты (Ю. Осетия, Абхазия, Приднестровье, Карабах и др.).
— **в-шестых**, в этот период стало более актуальным и значимым сотрудничество России с США и Евросоюзом, в таких областях, как международный терроризм, новые вызовы и угрозы, распространение ядерного оружия и новых технологий, борьба с наркотиками и отмыванием денег и ряда других направлений, которые объективно ведут к расширению сфер сотрудничества в области международной и европейской безопасности;
— **в-седьмых**, Россия и Евросоюз стали медленно, но неуклонно продвигаться по всему спектру сотрудничества между Западной и Восточной Европой, включая политические институты, энергетику, туризм, финансы и другие направления. Эти процессы, несмотря на все трудности, развиваются, втягивая в свою орбиту все новые и новые области.

В основе этого сотрудничества лежат **общие ценности** — демократия, международное право, социально ориентированная экономика, соблюдение фундаментальных прав человека, которые неизбежно воспринимаются с национальной спецификой,

но **не меняют общей значимости**. Как признает бывший представитель России в Брюсселе, а ныне заместитель министра юстиции В. Лихачёв, «взяв старт с подписания Соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в 1994 г., взаимодействие России с ЕС получило сильный многовекторный импульс к развитию с учетом новых политико-правовых и социально-экономических реалий в 2005 году, когда на московском саммите РФ–ЕС были утверждены четыре „дорожные карты". Они касались совместных планов Москвы и Брюсселя построить общие пространства в области экономики; внешней безопасности; свободы, безопасности и правосудия; науки, образования, включая культурные аспекты.

Запущенный пять лет назад проект был новым словом в европейской дипломатии. Политический по своему характеру, он опирался на нормативную базу партнерства РФ–ЕС, утверждал ориентиры для его совершенствования. Только число планируемых международно-правовых договоренностей сторон приближалось к 30. Содержащиеся в документах позиции имели прямой выход на различные юридически обязательные источники, разработанные ООН, ОБСЕ, Советом Европы, другими международными институтами. Это, несомненно, усиливало текст «дорожных карт» и придавало политический авторитет содержащимся в них положением. В целом появление таких специфических документов–целей для партнерства России и ЕС было воспринято позитивно»[53].

4. Новый подход к безопасности через модернизацию

Россия сегодня не участвует в глобальной дискуссии о мировой повестке дня, о текущем состоянии и путях будущего развития человечества[54]
И. Федюкин

… нам в ряде случаев нужно находить в себе силы отрешаться от стереотипов…[55]
Д. Медведев

К концу 2011 года в правящей элите России вызрело понимание того, что безопасность не может быть обеспечена только внешнеполитическими и военно-политическими средствами. В послании Президента России 30 ноября 2010 года был сделан акцент на обеспечении безопасности через международное сотрудничество и модернизацию. И связано это было непосредственно с «идеологией» модернизации. К сожалению, без существенного результата. Так, экспертами, разрабатывавшими обновленный вариант «Стратегии-2020» и федерального бюджета, было предложено до 2020 года увеличить средства на здравоохранение и образование на 4 % ВВП страны, сократив на 2 % ВВП расходы на оборону. В бюджете же на 2012 год произошло прямо противоположное — до 2014 года запланировано сокращение расходов на образование и рост военных расходов[56].

Из этого колебания в течение одного года (!) видна непоследовательность не только модернизационной и экономической политики, но и политики безопасности. Во всяком случае в начале 2012 года прослеживается тенденция перераспределения расходов в пользу расходов на оборону за счет все той же нефтяной ренты. И у этой политики есть экономическое основание, сочетаемое с модернизационными усилиями за счет роста госрасходов на оборонные нужды.

Руководство страны исходит из того, что у России есть резервы, а ее экономическая ситуация лучше, чем в развитых странах: «государственный долг. Он составляет 13 % ВВП против 100 % у США и 200 % у Японии. **Суммарный долг России, включающий все виды частных и государственных заимствований, — примерно 60 % против 200 % у США и 300 % у злополучной Греции**. На прилагаемом к этой статье графике, представленном в отчете Всемирного экономического форума 2010 года, сравнивается суммарный уровень задолженности (в процентах) с конкурентоспособностью страны. Легко видеть, что задолженность России много ниже, чем у стран равной конкурентоспособности (см. рис. 10). Если к большим золотовалютным запасам и возможностям для России брать деньги в долг и печатать новые рубли прибавить еще большие перспективы доходов от приватизации (до 500–600 млрд долл.), то видно, что Россия в силах выдержать и не такие аппетиты радетелей за народное счастье»[57].

Аналогичная ситуация сложилась и с курсом на «разновекторную политику». Хотя в 2009–2010 годах Д. Медведев и В. Путин значительно, я бы даже сказал радикально, расширили географию своих поездок — от Туркмении, Кореи и Вьетнама до Китая, Индии и Украины — акцент на сотрудничестве делался прежде всего со странами Евросоюза.

Это не случайно. Многие в России и прежде всего В. Путин и Д. Медведев определились «для себя» с моделью модернизации страны через технологические заимствования у развитых стран Западной Европы.

Произошло это во многом, на мой взгляд, потому, что собственные попытки модернизации, пред-

Рис. 10. Суммарная задолженность / ВВП, %

принятые в 2007–2011 годах, оказались неудачными. Риторики, в том числе и на самом высшем уровне, было много, а конкретных результатов — практически нет. Россия стремительно теряла остатки советской промышленной мощи, а период стабилизации не привел ни к существенному росту промышленности, ни НЧП. Ежегодно из страны по-прежнему уезжало 65–79 тыс. человек, преимущественно в США, а уровень ВВП 1990 года В. Путин в декабре 2010 года обещал достигнуть в 2012 году.

К сожалению, тенденции игнорирования приоритетного развития НЧП сохраняются. Во всяком случае в бюджетных проектировках на 2012–2014 годы. Как видно из табл. 10, расходы на образование, культуру и здравоохранение относительно общих расходов планируется существенно сократить[58]. Как, впрочем, и на ЖКХ и национальную экономику.

Одновременно увеличиваются расходы на оборону, т. е. на военно-технический компонент внешней политики.

Нынешнее положение России в мире, как и ее экономика, определяется экстенсивными факторами и ресурсами, которые не могут иметь долгосрочного значения. За исключением территории, эта внешнеполитические ресурсы не определяют сегодня реальное место государства в мире, а именно:

— ядерное оружие стремительно девальвируется по мере появления у других стран ядерных потенциалов и высококачественных обычных вооружений;
— демографический потенциал России сокращается и деградирует. За последние годы ИРЧП постоянно сокращался;
— природные ресурсы, которые являются пока что основой российской экономики, стремительно истощаются и не могут гарантировать в будущем того влияния нашей стране, которое они обеспечивали в последние годы. Это видно по двум главным статьям российского экспорта — сырой нефти и газа (табл. 11, табл. 12).

Табл. 10. Сокращение расходов на образование, здравоохранение, культуру и ЖКХ до 2014 года, в% от суммарных расходов

Статьи расходов	2009 г.	2011 г.	2014 г.
Национальная оборона	12,3	13,9	18,8
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	10,4	11,3	14,2
Национальная экономика	17,1	16,2	11,3
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,6	2,1	0,5
Образование	**4,3**	5,1	**3,4**
Культура, кинематография*	**1,2**	0,8	**0,6**
Здравоохранение**	**3,6**	4,6	**3,2**
Межбюджетные трансферты субъектам РФ и муниципалитетам***	37,2	5,7	3,4

* В 2009–2010 годах раздел назывался «Культура, кинематография, средства массовой информации.
** В 2009–2010 годах раздел назывался «Здравоохранение, физическая культура и спорт»
*** В 2009–2010 годах раздел назывался «Межбюджетные трансферты».
Источник: данные Минфина и расчеты компании ФБК

Табл. 11. Достоверные запасы, добыча и спрос на нефтяное сырье, млн барр./сут

	Запасы*	Добыча			Спрос		
	2008	2008	2009	2010	2008	2009	2010
Весь мир	1258,0	86,0	84,5	85,4	85,6	84,2	85,0
ОПЕК, в т. ч.:	955,8	36,7	36,9	36,5	6,5	6,6	6,7
Саудовская Аравия	264,1	10,8	10,7	10,8	2,2	2,2	2,3
Иран	137,6	4,3	4,4	4,4	1,7	1,7	1,7
Ирак	115,0	2,4	2,4	2,4	—	—	—
Кувейт	101,5	2,8	2,8	2,8	0,3	0,3	0,3
ОАЕ	97,8	2,9	2,9	2,9	0,5	0,5	0,5
США	30,5	6,7	6,7	6,6	19,4	19.4	19,3
Канада	28,62	3,2	3,1	3,1	2,2	2,1	2,2
Мексика	11,9	3,2	3,1	3,1	2,0	2,0	2,1
Западная Европа, в т. ч.:	12,5	4,4	4,3	4,3	15,3	15,2	15,2
Великобритания	3,4	1,5	1,5	1,4	1,7	1,7	1,7
Норвегия	7,5	2,5	2,5	2,4	0,2	0,2	0,2
Россия	**60,0**	9,9	9,9	9,9	2,8	2,8	2,9
Китай	15,5	3,9	3,9	3,9	8,0	8,1	8,4

* На конец года, млрд барр.
** Без учета 151 млрд барр. в нефтеносных песчаниках.

Табл. 12. Запасы, производство и потребление природного газа в мире, млрд куб м[59]

	Запасы*	Производство			Потребление		
		2008	2009	2010	2008	2009	2010
Весь мир	177,1	3065,6	3142,0	3170,0	3018,7	3080,0	3110,0
Россия	47,6	568,0	575,0	580,0	287,0	289,0	290,0
США	6,7	582,2	590,0	597,0	657,2	659,5	662,8
Канада	1,6	175,2	173,5	172,0	100,0	102,5	103,4
Иран	28,1	116,8	118,0	120,5	117,6	119,6	122,8
Норвегия	2,3	99,2	100,0	102,8	4,4	4,5	4,5
Алжир	4,5	86,5	87,5	89,2	25,4	25,9	26,6
Саудовская Аравия	7,3	78,1	80,2	81,4	78,1	78,9	81,4
Великобритания	0,3	69,6	67,5	65,0	93,9	94,8	95,4
Китай	2,3	76,1	82,5	87,4	83,3	86,7	89,5
Туркмения	2,7	66,1	67,5	68,0	19,0	18,8	18,5
Катар	25,3	76,6	79,8	80,3	19,8	20,2	20,7
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	93,7	95,0	96,4
Германия	0,2	13,0	12,5	11,8	82,0	82,4	82,8
Италия	0,1	8,4	8,0	7,2	77,7	77,9	78,6
Всего по 14 странам	129,0	2015,8	2042,0	2062,6	1739.1	1755,7	1773,4

* Достоверные запасы на 01.01.2009 г. трлн м.

Как видно, известные запасы нефти в России не так уж и велики. Строить внешнеполитическую стратегию и безопасность на «нефтяных песках» — заблуждение. Даже если и предположить, что правящая элита ни на что другое не способна.

Модернизация и сотрудничество, как синонимы безопасности, стала главной внешнеполитической идеей 2009–2010 годов. Причем вполне конкретно ориентированной на развитие отношений прежде всего с развитыми странами Евросоюза.

Общее понимание выразила исследователь этой проблемы И. Селихова, которое в целом сводится к внешне простой мысли о необходимости сотрудничества: «Важность сотрудничества России и НАТО очевидна. Более двенадцати лет, начиная с 1997 года, они говорят об объединении своих усилий по обес-

печению европейской и глобальной безопасности в рамках Основополагающего акта. Сегодня отношения строятся на новой, более прагматичной основе с целью придания им стабильного характера. Этому способствует общее понимание того, что:

— «вечная мерзлота» в отношениях НАТО и России — непродуктивна;
— Россия и НАТО — слишком крупные «игроки» на поле европейской и глобальной политики, чтобы бесконечно игнорировать интересы друг друга;
— уровень сотрудничества между Россией и НАТО во многом определяет способность европейского сообщества обеспечить мир и стабильность как в Европе, так и в глобальном масштабе;
— без участия России европейская безопасность не может быть эффективной.

Если альянс действительно желает безопасной и стабильной ситуации в Европе, он должен непременно учитывать российские интересы. Россия сегодня четкая стратегия на европейском направлении. Она базируется на развитии всестороннего сотрудничества, открытости, конструктивизма, решении всех спорных вопросов политическими средствами, расширении доверия[60].

Однако возникает вопрос, почему так трудно продвигается это сотрудничество?

При этом остается открытым вопрос о возможности воздействия невоенными средствами внешней политики на Россию, использование которых, однако, может привести к военному конфликту. В этом ключе — военная опасность отнюдь не перестала быть реальностью.

Идеологическим обоснованием использования военной силы против других государств (или организаций) выступает идея «гуманитарных интервенций»[61], которая направлена не на обеспечение интересов нападающего государства, что было бы явным нарушением международного права, а на защиту прав человека. Либо «защиту» иных гуманитарных ценностей, например, экологии, свободы торговли и т. д. Список, как говорится, не закрыт.

Таким образом, — отмечает Ю. Колотий, — и преступления против наций и народов, борющихся за свою независимость, и преступления против окружающей среды, и международный терроризм могут быть квалифицированы как международные преступления. И они должны получать не только соответствующую правовую, но и политическую оценку.

По мнению Р. Орешкина, с окончанием «холодной войны» произошло кардинальное изменение расстановки сил на международной арене. Соединенные Штаты стали единоличным лидером демократического мира, единственной мировой сверхдержавой. Вслед за этим последовало расширение зоны американских «жизненно важных» национальных интересов. Америка стала воспринимать как внутригосударственные конфликты, так и факты массовых нарушений прав человека в каком-либо государстве в качестве угрозы не только международной безопасности, **но и непосредственно своим национальным интересам**. Данный подход ограничивает возможность компромисса с другими участниками международных отношений, поскольку уступки в пользу их достижения и определения общего подхода к какому-либо конфликту и варианту его разрешения означают для США ущемление собственных национальных интересов. Деятельность в рамках Совета Безопасности ООН, основанная на принципе консенсуса, достигаемого путем взаимных уступок, представляется для государственного департамента США далеко не всегда целесообразной.

Отражением этого факта стала расширившаяся практика военных интервенций Соединенных Штатов.

Такую же точку зрения разделяет американский политолог М. Мандельбаум: «… с окончанием холодной войны родилась новая американская политика: гуманитарная интервенция»[62].

Безопасность как модернизация — эти процессы оказались запараллелены в 2008–2010 годы. Не только в сознании, но и политической практике. Как отмечали американские исследователи, «…Предвыборная программа Президента Медведева называлась „4 И: инновации, институты, инфраструктура и инвестиции“ и была основана на широко известном тезисе о необходимости модернизации экономики России. Первоначально молодой лидер страны сосредоточился на координации проводимой государственной политики, устранении дублирования усилий и противоречий между созданными ранее институтами, выделив пять приоритетных направлений развития инновационной экономики:

— биотехнологии и медицина;
— альтернативная энергетика и энергосбережение;
— стратегические информационные технологии и создание суперкомпьютеров;
— космические и телекоммуникационные технологии;
— ядерные технологии.

Эти пять приоритетных направлений представляют собой сочетание традиционно сильных в России секторов, например космических и ядерных технологий, слабых, таких, как разработка экологически чистых источников энергии, и секторов, развитие которых Россия считает необходимым условием сохранения национальной конкурентоспособности, таких, как биотехнологии и суперкомпьютеры.

Насколько успешной окажется реализация заявленной повестки дня, будет зависеть от того, удастся ли России создать национальную инновационную экосистему. **Внедрение элементов этой системы осуществляется посредством заимствования инновационных мер и институтов, апробированных в других странах, и их переосмысления в российском институциональном и историческом контекстах**. Перечисление и анализ существующих в мире

элементов инновационных экосистем через призму российского опыта чрезвычайно важны для предоставления каких бы то ни было рекомендаций»[63].

В 2010 году наметился новый подход российской элиты к вопросам международной безопасности, который был озвучен Д. Медведевым на регулярной встрече с российскими послами в июле 2010 года в МИДе. Главную, даже «единственную цель» внешней политики, которая прежде в том или ином виде сводилась к защите национальных интересов, Д. Медведев сформулировал предельно четко: «Внешняя политика нашей страны при всей сложности и многомерности этой политики преследует главную, но, **может быть, если хотите, единственную цель, цель достаточно простую — всячески способствовать росту материального благосостояния наших граждан и их культурному развитию, развитию нашей страны, защите здоровья наших граждан и их человеческого достоинства в тех случаях, когда это необходимо, созданию условий для их безопасной и свободной деятельности во всех сферах современной общественной жизни**. Поэтому приоритеты внутренней политики самым тесным образом влияют на выбор наших стратегий в международных отношениях. Так было всегда в истории Российского государства»[64].

По мнению Президента РФ, эта цель конкретизируется в трех основных задачах:

Первая: «модернизация нашей экономики и прежде всего модернизации производства, создание элементов инновационной экономики»;

Вторая: «укрепление институтов российской демократии и гражданского общества», «способствовать гуманизации социальных систем повсюду в мире…», не поступаясь при этом нашими национальными интересами».

Третья: борьба с организованной преступностью.

В рамках решения первой задачи Д. Медведев определил «специальные модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами — Германией, Францией, Италией, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки.

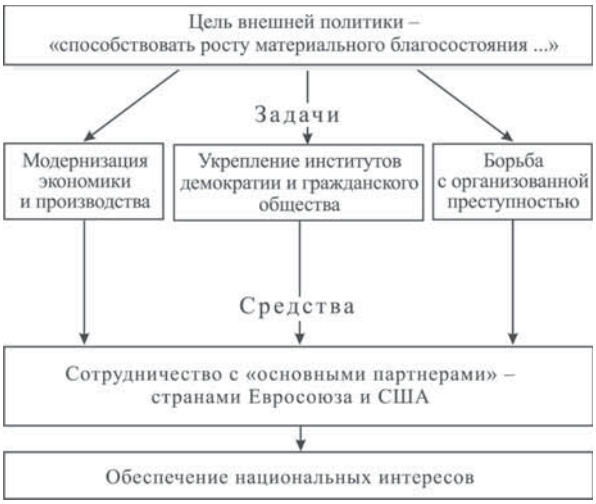


Рис. 11.

Таким образом, основная цель внешней политики России, приоритетные задачи, главное средство — модернизация — стали восприниматься в Кремле в июле 2010 года через призму модернизации и сотрудничества с «основными партнерами» — странами Евросоюза и США, что можно выразить следующим образом — см. рис. 11:

При таком восприятии целей и задач внешней политики, а, главное, средств их решения, вопросы национальной безопасности становятся во многом **в зависимость от сотрудничества**, которое может обеспечить модернизацию экономики, производства и гражданского общества. Вопрос только до какой степени интереса национальной безопасности и национальная система ценностей будут зависеть от желания и действий наших партнеров из Евросоюза и США? Не секрет, что у них есть **своя** система ценностей и **свои** интересы безопасности, в которые до настоящего времени Россия не вписывалась.

«Неэффективное российское государство не может справиться с монополизмом и, как следствие, с инфляцией. Не способно оно справиться и с нелегальной продукцией теневых производств, контрабандой, контрафактом и фальсификатом товаров»[65].

В России в настоящее время из 196 мини-нефтеперерабатывающих заводов 116 не зарегистрированы, но при этом исправно отгружают свою продукцию на экспорт. По этому поводу 12 февраля текущего года на совещании в Омске, президент страны Дмитрий Медведев, возмущенный криминальностью нефтяной отрасли, потребовал: «Я не знаю, куда эти деньги идут, а может быть, на поддержку терроризма? Разберитесь»![66]

Безусловно, разобраться надо. Вместе с тем до тех пор, пока государство не обеспечит соблюдение закона всеми субъектами экономических отношений — не создаст условия ответственности власти, бизнеса и граждан — всегда будут существовать возможности теневых отношений.

Между тем теневое производство налажено не только в нефтяной отрасли. Так, нелегальная продукция по легкой промышленности составляет сегодня 40 %, а по программному обеспечению — 68 %. Оборот фальсифицированной и контрафактной продукции в России составляет, в зависимости от конкретной отрасли, от 30 до 90 %. Это в 10–20 раз превышает аналогичный показатель в развитых странах Западной Европы и США.

Российское государство не в состоянии успешно противодействовать коррупции, справиться с рейдерскими захватами частной собственности, обеспечить свободу деятельности малого и среднего бизнеса, равные права конкуренции — главной движущей силы рыночной экономики. Все это препятствует формированию и развитию полноценной рыночной экономики, обеспечивающей высокие социальные стандарты жизни, успешно конкурирующей на мировых рынках[67].

Рис. 12.

Такой новой внешней политике должна соответствовать и новая система международной безопасности, которая несколько раньше была названа Д. Медведевым **новой архитектурой международной безопасности**, предназначением которой является **обеспечение благоприятных условий для модернизации**.

Не только Евросоюз, который видится сегодня главным партнером России в модернизации, но и другие регионы, становятся взаимосвязаны с новой концепцией безопасности. Это можно выразить в формуле, имеющей глобальное значение для российской внешней политики (рис. 12):

Из этой формулы нельзя вычленить какой-либо отдельный регион, ибо тогда безопасность будет неизбежно формироваться по геополитическим приоритетам — в Европе, на Дальнем Востоке, на Юге и в Арктике, — что, конечно же, не верно. Так, «Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой наиболее динамично развивающийся регион мира. В этом районе, и, прежде всего, в Северо-Восточной Азии формируется новый центр мировой экономики и политики, который по своим масштабам производства, объемам финансовых, производственных, сырьевых, энергетических и информационных ресурсов заметно опережает, к примеру, Европейский Союз (ЕС). В этом регионе действуют и сталкиваются интересы крупнейших мировых держав — США, Китая, России, Японии, а также стран АСЕАН.

Главными локомотивами экономической жизни АТР являются экономики таких стран, как США, Япония, Китай, Республика Корея, велика роль транснациональных корпораций перечисленных стран. На АТР приходится свыше 60 % мирового ВВП, такая же доля мирового экспорта, а размер ВВП на душу населения на 40 % выше среднемирового уровня.

Интересы России как евразийской державы в АТР стратегически существенны и весьма разнообразны. Как показывает беспристрастный анализ, главные из них связаны с возможностью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для ускорения экономического развития не только Сибири и Дальнего Востока, но и всей страны в целом. Из материалов СОПС и ВсеГинГео им. А. Карпинского, следует, что по своему минерально-сырьевому потенциалу Дальневосточный федеральный округ является наиболее перспективным. Из 26 872 объектов геолого-экономического районирования по минерально-сырьевым ресурсам в целом по России на ДВФО приходится 11 927 объектов. Однако для разработки месторождений полезных ископаемых, доходы от экспорта которых составляют весомую долю российского бюджета, расходы в государственном бюджете не превышают 0,2 %. Для освоения дальневосточных территорий необходимо в разы увеличить финансирование, связанное как с разработкой месторождений полезных ископаемых, так и с развитием инфраструктуры на российском Дальнем Востоке. Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями, причем как в экономической, так и в политической сфере»[68].

5. Новая архитектура международной безопасности как новый элемент модернизации внешней политики Д. Медведева и В. Путина

События последних лет показали, что для американцев целостность других государств — ценность всегда относительная. Когда целостность теряет вероятный противник или его союзник — это приветствуется[69].
М. Перевозина

В архитектуре взаимосвязаны функциональное, техническое, эстетическое начала (польза, прочность, красота)[70].
Краткая российская энциклопедия

Существует немало версий, концепций и моделей международной безопасности, которые пытаются так или иначе научно обосновать развитие системы международных или двусторонних отношений. В том числе и достаточно экзотических, например, объясняющих известную цикличность российско-

американских отношений развитием потенциалов ядерных вооружений. Так, А. Фененко, например, считает, что «Циклы российско-американских отношений продолжались примерно 15–20 лет. Это — **срок функционирования определенного поколения стратегических вооружений, на протяжении которого оно вводится в строй, находится на боевом дежурстве и исчерпывает свои ресурсы**. Такой цикл взаимодействия проходил в своем развитии примерно пять этапов:

— создание новых правил взаимодействия в стратегической сфере;
— развитие программ модернизации стратегических потенциалов в рамках выработанных правил контроля над вооружениями;
— появление у одной и/или обеих сторон представлений о возможности достижения стратегического превосходства;
— наступление серьезного военно-политического кризиса вследствие эскалации одного из региональных конфликтов;
— возобновление контактов для начала переговоров о ревизии правил взаимодействия в стратегической сфере»[71].

Думается, что в этой концепции есть много правды. На мой взгляд, эта военно-техническая логика, во всяком случае, не хуже любой иной политологической концепции объясняет удачи и провалы двусторонних отношений. Во всяком случае, как минимум, подводит под нее материальную основу.

Задачам модернизации российской экономики и общества соответствует два важнейших внешнеполитических условия, которые Д. Медведев озвучил в июле 2010 года в МИДе: **во-первых**, высокий уровень безопасности, а, **во-вторых**, высокая степень сотрудничества с развитыми государствами, точнее, — «основными партнерами». «Нынешняя политика», — по словам Д. Медведева, — «несколько отличается от той внешней политики, которая была (можно предположить, что речь идет о внешней политики России после мюнхенской (2007 г. речи В. Путина. — *А. П.*). Это не значит, что поменялись наши приоритеты. У России приоритеты прежние, но какие-то элементы внешней политики меняются, если хотите, это модернизация»[72].

Действительно, осенью 2010 года, как заметили многие западные СМИ (но, кстати, не российские), во внешней политике России «произошел колоссальный поворот». На поверхности это выглядело как череда неожиданных, иногда противоречивых, встреч на высшем уровне: от традиционных, но ставших уже почти интимными, встреч с Н. Саркози и А. Меркель, до переговоров с президентом Венесуэлы Уго Чавесом, лидером Туркмении Г. Бердымухаммедовым и переговоров в Южной Корее и Японии. Видимо, расширение контактов в целях модернизации «по всем азимутам», прагматизм в этих же интересах, стал визитной карточкой уже внешней политики собственно Д. Медведева. Апогеем этому стала серия комплиментов российско-американскому сотрудничеству и лично Д. Медведеву, в которых рассыпался на встрече G20 в Японии в ноябре 2010 года Б. Обама.

На самом деле, в основе сближения России и США лежат объективные тенденции не столько сотрудничества, сколько смены приоритетов — и для США, и для России двусторонние отношения перестали быть высшим приоритетом в XXI веке. Для России это место заняло постсоветское пространство, а для США — Китай и Средний Восток. При этом в России стало принятым считать, что «большая часть интересов сторон, в том числе являющихся для них жизненно важными, совпадают»[73].

Первое условие связано с необходимостью концентрации национальных ресурсов на модернизации. Это очень важное обстоятельство, ведь в конце прошлого века считалось, что затраты на оборону и безопасность, превышающие 8 % ВВП, ведут к милитаризации экономики и стагнации в ее развитии. По оценке многих экспертов, именно эти сверхусилия в гонке вооружений (когда, по некоторым оценкам, такие расходы достигали 20 % ВВП), навязанной США, привели к краху советской экономики. Сегодня развитые страны тратят 3 % ВВП и менее, хотя в абсолютных цифрах эти расходы составляют три четверти мировых[74]. Так же, как и Россия, хотя в некоторые периоды опережающего развития в ряде стран эти расходы не превышали 1 % ВВП. На мой взгляд, российскому руководству следовало бы подумать об этом.

Во-вторых, необходим новый, более высокий уровень сотрудничества с развитыми странами, который сегодня сдерживается рядом факторов. Как со стороны России, но так и со стороны Запада. Официальная позиция России по этому вопросу излагалась не раз. Приведу один из таких примеров, ссылаясь на С. В. Лаврова: «Россия принимает самое активное участие в работе различных многосторонних форматов, призванной способствовать определению основных параметров нового многополярного мироустройства, которое должно опираться на коллективное лидерство ведущих государств, представительное в географическом и цивилизационном отношениях.

Речь идет, прежде всего, о Совете Безопасности ООН, но также о „двадцатке“, „восьмерке“ и других международных и региональных структурах. Приметой времени явились оперативные действия мирового сообщества под эгидой „Группы двадцати“ в ответ на вызов мирового финансово-экономического кризиса. „Двадцатка“ утверждается в качестве основного механизма согласования подходов по глобальной макроэкономической проблематике. Полагаем, что удалось задать правильное направление многосторонним усилиям по преодолению кризиса, реформированию международной финансовой архитектуры, повышению эффективности регулирования финансового сектора, восстановлению доверия на рынках.

Однако предстоит сделать еще очень многое, в том числе определить в этом форуме четкие правила игры как с точки зрения равноправия всех его участников, так и в плане взаимодействия „двадцатки“ с универсальными организациями, прежде всего ООН»[75].

Наконец, важный элемент сотрудничества заключается в необходимости регулирования социальных и гуманитарных механизмов. В XXI веке общественные силы и организации начали играть особую, далеко не всегда конструктивную, а иногда и дестабилизирующую роль. События в странах Северной Африки и Востока, а также в Европе в 2010–2011 годах показали, что эта проблема актуальна не только для России и постсоветских государств, но и других стран мира. От их позиции во многом зависит, как и насколько эффективно будут действовать новые политические силы. И не только в Киргизии и на Украине, но и в Москве, Лондоне, Париже, Тель-Авиве. Грабежи и насилия, охватившие летом 2011 года крупнейшие города Великобритании, показали, насколько уязвимы на самом деле могут быть самые развитые в политическом и экономическом отношении страны[76].

Главное же заключается в другом. Наивно и ошибочно думать, что Западу нужны новая система безопасности и новый уровень сотрудничества с Россией. **Его вполне устраивает нынешний уровень**. Кроме того, намерения, как показывает история (и правительства), меняются быстро, а соотношение сил — значительно медленнее. Вот в 2010 году Б. Обаму поддерживали только 45 % американцев, а ведь еще год назад он пользовался феноменальной поддержкой[77].

Хотя также было бы ошибкой думать, что Запад, включая США, не делают вывода из серьезных изменений в расстановке политических сил. На мой взгляд, сохраняя прежнюю внешнеполитическую стратегию, администрация США **тактически** модернизирует ее в новых условиях, внимательно наблюдая за изменением ситуации во всех без исключения регионах планеты. Типичный пример — развития отношений России и КНР на Дальнем Востоке, где Вашингтон, по признанию российского эксперта А. Фененко, «ищет противовес экономической политике КНР на российском Дальнем Востоке»[78].

А. Фененко считает, что «интерес США к Дальнему Востоку на первый взгляд выгоден России. Участие американского бизнеса в развитии дальневосточной инфраструктуры помогло бы решить многие социально-экономические проблемы. Но дальневосточная политика Вашингтона может иметь для Москвы и негативные последствия.

Во-первых, в Соединенных Штатах не раз обсуждались сценарии ослабления контроля России над Дальним Востоком. В первой половине XX века в Белом доме обсуждали вопрос о противодействии Японии на Дальнем Востоке в случае поражения России–СССР. В начале 1920-х годов США всемерно поддерживали независимость Дальневосточной Республики. В 1990-е годы американские эксперты дискутировали об опасности превращения Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая. Это не официальная позиция США, но повод задуматься у России есть.

К новым феноменам будущей архитектуры международной безопасности можно отнести формирование региональных союзов вокруг новых центров силы. Эта тенденция отчетливо видна на примере стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Как пишет исследователь из МГИМО(У) А. Иванов, „…страны региона начинают подумывать о создании у себя чего-то вроде **Евросоюза**. С похожими инициативами выступали не так давно лидеры Австралии Кевин Радд и Японии Юкио Хатояма. Китай ратует за построение общеазиатского дома на основе АСЕАН. Россия тоже видит залог укрепления азиатской стабильности и безопасности в развитии уже существующих в АТР региональных структур. Но реализация любой из моделей Азиатско-Тихоокеанского союза потребует от его потенциальных участников самоограничения и готовности играть по общим правилам“[79].

Россия может активно участвовать в этих процессах. И на западе, и на востоке, и на юге. И стремиться к тому, чтобы новые организации создавались не только при ее активном участии, но и претендовать на ключевую роль в этих союзах.

Во-вторых, у России и США есть комплекс территориальных противоречий. Москва не ратифицировала Вашингтонское соглашение 1990 года о передаче Соединенным Штатам спорного сектора в Беринговом море. Вашингтон оспаривает эксклюзивные права российской стороны на ряд участков Северного морского пути. США связаны с Японией союзным договором 1960 года и поддерживают претензии Токио на острова Курильской гряды. Американцы не признают Охотское море территориальным морем России.

В-третьих, привлечение американских инвестиций потребовало бы от России более глубокой интеграции в структуры АТЭС. Но стратегическая цель этого форума — создание к 2020 году системы свободной торговли на Тихом океане. Быстрая реализация этой инициативы создала бы трудности для многих российских предприятий. Под вопросом оказалось бы и обеспечение пограничного контроля над миграционными потоками.

В-четвертых, активная экономическая политика США на российском Дальнем Востоке насторожит Китай. В Пекине могут рассматривать варианты противодействия американской стратегии в этом регионе. Под вопросом могут оказаться „большой“ российско-китайский договор 2001 года и весь комплекс соглашений по пограничному размежеванию России и КНР.

Россия нуждается в американских инвестициях для развития Дальнего Востока. Но более инвестиций она нуждается в сохранении эффективного контроля

над Дальневосточными регионами. Поэтому России нужно быть максимально осторожной в отношении прорывных экономических проектов США по „совместному освоению“ Дальнего Востока»[80].

И все-таки попытку Д. Медведева следует рассмотреть подробнее. Применительно к сформировавшемуся у современной российской элиты новому подходу к международной и европейской безопасности речь идет о следующих **принципиальных моментах**:

Во-первых, создание именно **новой** архитектуры безопасности вообще и европейской безопасности, в частности, а не модернизация прежней системы, основы которой были оформлены Хельсинкским актом в 1975 году. С тех пор прошло 35 лет: и мир, и Европа радикально изменились, в результате чего радикально изменилось соотношение сил в мире, прежде всего в военной области. К наиболее важным изменениям следует отнести:

— Нет больше двух противостоящих идеологических и политических систем, а также военно-политических блоков — Организации Варшавского Договора и Североатлантического Союза, — но сохранился лишь один из них — НАТО. Более того, этот блок существенно изменился: и географически, и по количеству стран, и по своей совокупный экономической и военной мощи.
— Нет противостоящих идеологических и экономических систем, которые не просто конкурировали, но и соперничали в глобальном масштабе. Нет и государственных структур, которые обеспечивали такое противостояние. Во всяком случае у бывших стран социалистического содружества.
— Нет проблемы прав человека. Во всяком случае в том масштабе, как она стояла или виделась в 70-е годы.

То есть основные три группы проблем, стоявшие в 1975 году при подписании Заключительного Акта, сегодня выглядят **принципиально иначе**. Но система обеспечения европейской безопасности осталась прежней, той, которая была создана и позже дополнена для решения именно этих групп проблем. Как дипломатично отметил Д. Медведев, «…нынешняя система международной безопасности не идеальна… Именно поэтому появилась наша идея создания новой европейской конструкции безопасности — Договор о европейской безопасности»[81].

Во-вторых, система безопасности по Медведеву должна опираться на **международное право**, а не политическую целесообразность, идеологические мотивы или экономические интересы. Сегодня это не так. Мы видим много примеров того, как в качестве обоснования для тех или иных действий используется не нормы права, а самые разные мотивы и аргументы, включая идеологические, даже частные. И здесь важное значение имеет целый комплекс договоренностей между Россией и Евросоюзом, который может и должен базироваться на нормах международного права. Так, в рамках только первого, экономического, направления, утвержденного в числе «четырех дорожных карт» на саммите России и Евросоюза в 2005 году сложилась система из 16 отраслевых диалогов (инвестиции, энергодиалог, транспортное регулирование, промышленная политика и предпринимательство, космос, сельское хозяйство, финансовая и экономическая политика, госзакупки, рыболовство и др.).

Вторая «дорожная карта» посвящена внешней безопасности и имеет свои специфические задачи — поддержание международного порядка, неделимой безопасности, уважение ООН и др. Как признает В. Лихачёв, «В ходе реализации документа ЕС и РФ неоднократно демонстрировали свою индивидуальную и кооперативную способность воздействовать на мировые процессы, добиваться оптимизации мироуправления. Наглядный пример их сотрудничество в сферах: борьбы с терроризмом (в соответствии с международными стандартами в области прав человека, беженским правом и гуманитарным правом, на плацдармах международных и региональных форумов, в частности, Контртеррористического комитета СБ ООН); нераспространение, экспортный контроль и разоружение, универсализация международных инструментов — ДНЯО, КЗХО, КБТО, ДВЗЯИ, укрепление всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ, ядерное досье Северной Кореи и Ирана, поддержка конференции по разоружению в Женеве. Значение имеет диалог по вопросам безопасности и кризисного регулирования с целью реагирования на современные глобальные и региональные вызовы и основные угрозы. Важной вехой явилось задействование (по просьбе ЕС) российской вертолетной группы для обеспечения военной операции Евросоюза в Чаде и ЦАР в 2008–2009 гг. В настоящее время налажено рабочее взаимодействие между российскими кораблями, действующими в Аденском заливе, и операцией ЕС „Аталанта“ по борьбе с пиратством у берегов Сомали»[82].

В-третьих, недопустимость конфликтов, использование военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Сегодня европейская система безопасности это допускает, в том числе и за пределами Европы. В свое время бывший госсекретарь США К. Райс сказала, что «подобно тому, как действуют на шахматной доске фигуры сильные и слабые, так и в политике сверхдержава определяет и направляет поступки остальных государств. И сильному может противостоять только более сильный»[83]. Наверное, это признание, — нынешняя реальность, но должно ли влияние одной державы неизбежно переходить в использование военной силы? Из первого тезиса российского президента, определяющего приоритет международного права, вытекает, что нет: военная сила не должна применяться в одностороннем порядке. Она — как исключительная мера, — может быть лишь результатом коллективного решения, основанного на международном праве.

В-четвертых, новая архитектура европейской безопасности должна исключать доминирование любого государства или нескольких государств. Сегодня эта возможность есть у США, но завтра она может появиться и у других стран, например, Китая. Альтернатива доминированию — гуманизация международных отношений, включая гуманитарную экспертизу и гуманитарное прогнозирование возможных последствий тех или иных политических решений. Как справедливо отмечают авторы фундаментальной работы, подготовленной в МГИМО(У), «Реальная международная гуманитарная практика является, как правило, запоздалой и не всегда адекватной реакцией на проблемы, вызревающие в течение длительного времени»[84].

Наконец, **в-пятых**, не случайно Д. Медведев сказал слово «теперь», обращаясь не только к международному сообществу, но и российской элите. Как мне представляется, он хотел подчеркнуть, что именно в конце первого десятилетия нового века наступило время **переоценки сложившихся международных реалий** не только периода «холодной войны», но и последующих лет. И действительно: противостояние между Востоком и Западом закончилось, завершился (или почти завершился) переходный период в России и странах, которые были союзниками СССР, но система международной безопасности, сложившаяся после Второй Мировой войны осталась прежней. **«Теперь» — означает отказ от концепции атлантизма, которая лежала в основе системы обеспечения безопасности Запада после Второй мировой войны.**

Такое намерение России в целом соответствует и интересам Запада, который по большому счету не заинтересован в односторонних действиях. Как справедливо заметила бывший государственный госсекретарь США К. Райс, «Изоляция России не дает нам никакого выигрыша и не соответствует нашим интересам»[85]. Но это слишком революционный отказ от стереотипов атлантизма, который вряд ли реален в ближайшие годы. Мы понимаем, что стабильную и надежную будущую систему безопасности нельзя выстраивать, исходя из тактических расчетов.

Другое дело **конкретные механизмы** обеспечения международной безопасности, какими они видятся из Москвы и Вашингтона (Брюсселя). В этой связи у российской элиты появились новые точки зрения, отличные от зафиксированных в нормативных документах — Концепции внешней политики, Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности. Так, председатель правления ИНСОРа И. Юргенс предложил в сентябре 2010 года несколько «позитивных сценариев «развития отношений Россия — НАТО», включая вступление нашей страны в Союз, «Союз с Союзом» на основе двустороннего стратегического договора о безопасности и, в-третьих, создание координационного совета международных организаций (НАТО, ЕС, ОДКБ, ШОС, возможно, с участием ООН).

Такое развитие событий потребует коренного пересмотра всех трех основополагающих документов, определяющих политику безопасности России. Доцент МГИМО(У) Е. Пономарева[86] отмечает, что «…согласно Концепции внешней политики, реально оценивая роль НАТО, Россия исходит из важности поступательного развития взаимодействия в формате Совета Россия — НАТО в интересах обеспечения предсказуемости и стабильности в Евроатлантическом регионе, максимального использования потенциала политического диалога и практического сотрудничества при решении вопросов, касающихся реагирования на общие угрозы, — терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные кризисы, наркотрафик, природные и техногенные катастрофы. Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия — НАТО обязательства не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности Российской Федерации, а также обязательств по военной сдержанности. Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности, к планам приема в члены альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, что нарушает принцип равной безопасности, ведет к появлению новых разъединительных линий в Европе и противоречит задачам повышения эффективности совместной работы по поиску ответов на реальные вызовы современности»[87].

Стратегия национальной безопасности содержит более жесткую позицию по этому вопросу. Цитирую: «п. 17. Определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права. Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евроатлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности»[88].

Эту взаимосвязь модернизации и демократизации вполне ясно выразил профессор МГИМО(У) А. Богатуров: «Между тем переосмыслить уроки двадцатилетней давности в духе современности полезно. Модернизация России — фундаментальная задача, и решить ее **вне сотрудничества с западными странами нельзя** (подч. — *А. П.*). Идея правильная.

И все же очевидно, что если вместо „модернизация“ в известном лозунге написать „демократизация“, то получится в точности тот тезис, слепое следование которому в начале 1990-х годов привело систему международных связей России в упадок, из которого их до сих пор так и не удается окончательно вывести. Поэтому, говоря о цели модернизации, ошибкой было бы не думать о ее цене и стоимости»[89].

Действительно, «плата» за модернизацию по европейскому сценарию может быть очень высока — частичная или полная потеря суверенитета. Вместе с тем нельзя ставить под сомнение и необходимость сотрудничества с Европой по самым разным проблемам, например, в Центральной Азии. Как отмечали авторы доклада ИНСОРа в сентябре 2011 года на Ярославском форуме, «Вывод войск НАТО из Афганистана ставит сложнейшую (и дорогостоящую) проблему укрепления таджикско-афганской и узбекско-афганской границы и постоянного дежурства боеспособных элементов сил КСБР и КСОР ОДКБ к северу от афганской границы. Собственно, сценарии учений КСБР и КСОР и сейчас строятся на отражении предположительных прорывов с юга отрядов талибов.

Необходимо провести серию консультаций ОДКБ и НАТО, России и НАТО по постепенной и согласованной, растянутой во времени процедуре снижения вовлеченности НАТО и повышения вовлеченности других акторов в афганское урегулирование и стабилизацию. Контингенты стран ОДКБ не должны входить на афганскую территорию. Но после возможного сворачивания международной коалиции остается немало „зависающих“ задач на афганском направлении, которые могут быть решены ОДКБ и с собственной центральноазиатской территории. Например, расширение программ переучивания афганской полиции, ремонт и эксплуатация вертолетной техники советского производства, сохранение „северного транспортного маршрута“ для поддержания и снабжения миссий ООН, Красного Креста и других международных организаций в Афганистане.

В среднесрочной перспективе в процессе постепенного вывода войск международной коалиции из Афганистана вероятна угроза дальнейшего роста наркотрафика и дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе. Поэтому предполагается, что интересы стран ЦА заключаются в сохранении военного присутствия сил международной коалиции в течение достаточно длительного периода для полной стабилизации обстановки»[90].

«Во что обойдется решение такой задачи с точки зрения ситуации внутри России, жизни россиян — это, грубо говоря, стоимость. А сколько денег из нефтяных доходов за это придется заплатить западным партнерам и отечественному жулью, которые на этом партнерстве станут неизбежно пробовать нажиться, — это, так сказать, цена. Обратим внимание: тема цели в речах лидеров и СМИ звучит громко и уже назойливо, а темы цены и стоимости даже не слышно. Снова „не пожалеем живота своего“ или, наученные опытом, дадим себе труд определить: как быстро и на каких условиях разумно строить новую гармонию партнерства с Западом?»[91]

В Военной доктрине зафиксировано, что «деятельность Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов предполагает „д“ укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитие отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями (Европейским союзом и НАТО)»[92].

Сегодня в Концепции архитектуры международной безопасности, на мой взгляд, не хватает главного — демонстрации исключительной роли, которую может и должна играть Россия в этой системе. Хотя даже на Западе серьезные исследователи это признают и всегда признавали.

По мнению главного редактора журнала «Евразия» и Т. Грациани (Италия), «Доминирующие державы нацелены на распространение своего влияния … на всю планету. …В конце первого десятилетия XXI века мы становимся свидетелями возврата к **модели организации политики по континентальному принципу** (подч. — *А. П.*)…»

И далее: «Ключевая роль России как хартленда евро-афро-азиатской суши … сегодня подтверждается, а понимание функции России в процессе становления новой многополярной системы представляет собой значительно более сложную задачу»[93].

Примечательно, что итальянский профессор полагает, что России удалось вновь утвердиться в качестве важной евразийской силы благодаря следующим мерам:

— ряд стратегически важных производств был возвращен в государственную собственность;
— были обузданы сепаратистские поползновения;
— энергетические ресурсы были поставлены на службу геополитики;
— политика России была нацелена на возвращение в ее орбиту стран ближнего зарубежья;
— было учреждено партнерство Россия — НАТО и проведены дискуссии с целью остановить процесс расширения атлантического военного альянса;
— структура российских внешнеполитических связей была сориентирована на решение задач континентального масштаба, интеграцию с республиками Средней Азии, Китаем и Индией;
— был учрежден ряд организаций для обеспечения коллективной безопасности (ОДКБ)[94].

Что касается ОДКБ, то эта организация была создана «в целях обеспечения внешнеполитической координации деятельности государств — членов ОДКБ на международной арене, осуществлен механизм

регулярных консультаций и согласования позиций. Его работа проходит в соответствии с директивными документами Совета министров иностранных дел ОДКБ, опирающимися на положения статьи 9 Устава Организации: „Государства–члены согласовывают и координируют свои внешнеполитические позиции по международным и региональным проблемам безопасности, используя в том числе консультационные механизмы и процедуры Организации".

На практике речь идет о проведении консультаций в соответствии с ежегодным планом, регулярном обмене мнениями на заседаниях уставных органов, а в случае необходимости — об организации внеочередного обсуждения актуальных вопросов развития международной обстановки. Главная задача — **сближение позиций с целью координации совместных действий, организации согласованных выступлений от имени ОДКБ, проведения общей линии в переговорном процессе, обеспечения взаимной поддёржки при обсуждении важных для ОДКБ и ее членов вопросов**»[95].

Реализация данной совокупности мер сначала Путиным, а затем Медведевым сделала очевидной роль России как станового хребта Евразии и центра притяжения процессов континентальной интеграции, но данные шаги не имели структурного характера, как того требовали отношения России с Европой и России с Японией, то есть **не были нацелены на создание евразийского моста между европейским полуостровом и японской островной дугой**.

Если считать Россию евразийским мостом между Европой и Японией, обязанность Кремля должна состоять в том, чтобы **принять стратегическое решение относительно сценария будущего развития — оно должно состоять в том, что западная система подлежит разрушению**… (подч. — *А. П.*)[96].

6. «Историческая» политика как альтернативный вариант новой архитектуры международной безопасности

Полагать после этого (войны в Ираке. — *А. П.*), что международная система регулируется преимущественно посредством права, не было никаких оснований. Как и в 1950-х годах прошлого века, **мир стал тяготеть к регулированию на основе силы**[97].
А. Богатуров

Я думаю, что одна из величайших трагедий для России — принятие православия[98].
В. Познер, публицист и телеведущий

«Историческая политика» — термин, обозначающий политизацию истории, стал с конца XX века глобальной тенденцией[99].

Немаловажно, что и в современной России влиятельные круги, особенно в либеральных СМИ, продолжают заниматься политизацией, а нередко и прямой фальсификацией истории.

Подобное совпадение в России, на постсоветском пространстве и в Восточной Европе не случайно. Как замечает А. Миллер, «идеологические основания исторической политики демонстрируют поразительные черты сходства во всех странах Восточной Европы»[100]. По его мнению, сходство «основано на четырех главных постулатах»:

— история не имеют права претендовать на свободу от политики;
— подчеркивается, что политизация — «неизбежное зло»;
— считается очевидным, что историки должны солидарно противостоять внешним врагам;
— воспитание «патриотизма».

У российского предложения о создании новой архитектуры международной безопасности существует влиятельная альтернатива — уже существующая система международной безопасности, основанная на мощи США и НАТО, их готовности использовать для этого «мягкую силу»[101].

После кризиса 2008–2010 годов очевидно усилилась консервативно-традиционалистская тенденция в действиях правящей элиты ведущих государств мира. И это не случайно. Политика по отношению к нацменьшинствам Н. Саркози во Франции, высказывания А. Меркель о христианской основе европейской культуры и ее критика мультикультурализма в Германии, усиление позиций консерваторов-республиканцев после промежуточных выборов в конгрессе США осенью 2010 года и т. д. — звенья одной цепи, иллюстрирующие тенденцию, которую можно обозначить как **укрепление национальной идентификации и национальных интересов**[102]. На мой взгляд, это абсолютно естественно противостоит как позиции либералов, так и левых.

В русле этой же тенденции шло и развитие внешнеполитического курса России с 2007 года (после речи В. Путина в Мюнхене). Тенденции, которая, однако, встретила разное неприятие, даже испуг,

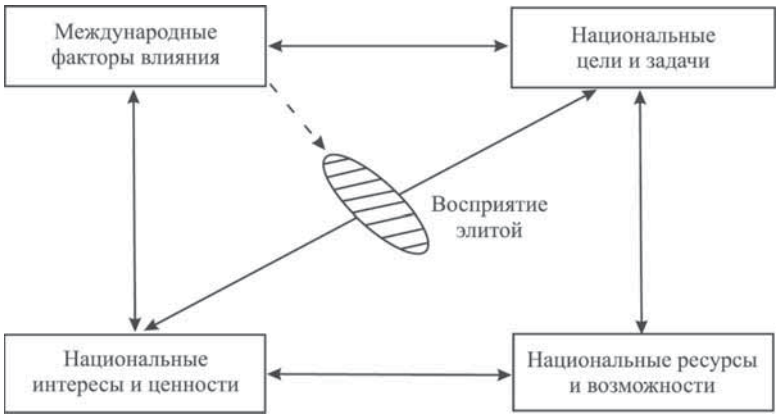


Рис. 13.

в некоторых странах «новой Европы». Прежде всего Польше, странах Балтии, Грузии. Процесс самоидентификации российской элиты, таким образом, вызвал негативную реакцию Запада, который во многом инспирировал нападки на Россию в 2007–2010 годы.

Эта, казалось бы, неожиданные тенденции свидетельствуют о многом. И прежде всего о стремлении национальных элит защитить свои национальные ценности и базовые интересы от внешнего вмешательства, сохранив тем самым свою национальную идентичность. Это ответная реакция. Такая же, как и на Манежной площади в декабре 2010 года, которая, на мой взгляд, стала главным событием во внутриполитической жизни России.

Вместе с тем необходимо более глубокое осмысление взаимосвязи таких понятий, как «национальные ценности», «внешнее влияние» (особенно в форме «мягкой силы», национальной и международной безопасности. Если вернуться к модели политико-идеологического процесса, то она выглядит следующим образом — см. рис. 13.

Как видно, внешнее влияние отдельных государств (групп) осуществляется:

— во-первых, непосредственно на формирование элитой целей и задач государства;
— во-вторых, косвенно (через цели и задачи) на элиту страны;
— в-третьих, непосредственно на систему национальных интересов и ценностей;
— а, в-четвертых, в последние годы проявилась новая особенность, которая не была ярко выражена в прошлом и не имела решающего значения: **непосредственного** влияния на общественное мнение и национальную элиту внешних сил, прежде всего, правительств, международных и иных общественных организаций и институтов, получившее название «мягкой силы».

На этой особенности необходимо остановиться подробнее, ибо национальная и международная безопасность становятся **предметом прямого воздействия** с помощью «мягкой силы» других государств, прежде всего, мировых лидеров. Суть проблемы заключается в следующем. Если до недавнего времени основным инструментом внешней политики государств являлась военная сила, экономическая и финансовая мощь государств, то с конца XX века таким основным инструментом стали гуманитарно-информационные средства — негосударственные институты, СМИ, Интернет, туризм и др. Что изображено на рис. 14.

Рис. 14.

При этом **главной целью** такого влияния выступает национальная система ценностей и национальные интересы. Политический результат влияния (воздействия) всегда был и остается главным («война — средство политики» — К. Клаузевитц). Наилучший результат — «абсолютная победа» — это отнюдь не военное поражение противника, даже не оккупация его территории, а **смена системы ценностей, изменение национальных интересов**.

Война, как инструмент внешней политики, точнее — военная сила — всегда применялась в двух основных формах: прямой («со стрельбой») и косвенной («без стрельбы», угроза, шантаж). Причем, косвенная форма, когда политический результат достигался без прямого использования военной силы, была многократно эффективнее. Но с появлением ядерного оружия, арсеналов, военная сила, как инструмент внешней политики, во многом обесценилась.

Ослабли и другие, например, финансово-экономические инструменты влияния. Глобализация сделала экономическую блокаду труднореализуемой.

На фоне этих процессов стремительно росло влияние гуманитарных факторов. В особенности после появления новых технологий в области связи и информатики, которые выступили их усилителями, своего рода «транзисторами». Это относительное усиление сделало «мягкую силу» практически абсолютным оружием, способным внедрять в сознание не только элиты, но и общественности чужую систему ценностей, чужие национальные интересы, чужие цели и задачи политики. Возможность достижения не только полной, но и окончательной политической победы **стала реальностью**. Именно это и произошло с СССР, который не потерпел ни военного, ни экономического, ни технологического поражения, но оказался **политически разгромленны**м к началу 90-х годов.

Вот как описывает значение «мягкой силы» известный политик Д. Най в нашумевшей книге «Мягкая сила. Средства достичь успеха в мировой политике» (N. Y.: Public Affairs, 2004): Джозеф Най определяет смысл силы как возможность добиться от других желаемых результатов. Такая возможность зависит от наличия у тебя тех или иных ресурсов осуществления власти, умения их применять, а также «контекста», то есть условий для их эффективного применения. В рамках международных отношений иные ресурсы власти выглядят очевидными — это экономическая и военная мощь государства. Именно эти ресурсы Най определяет как «жесткую силу» по силе и однозначному характеру их воздействия. Однако только на этом властные ресурсы государства не исчерпываются. По мнению Дж. Ная, важную роль при стремлении добиться от других желаемых результатов играют также и другие факторы: культура страны, исповедуемые государством политические принципы и проводимая им внешняя политика. В том случае, если данные факторы могут работать на повышение привлекательности образа государства, они образуют особый ресурс, определяемый Наем как мягкая сила. Она, по его мнению, побуждает политических лидеров или общественность с большим понимаем относиться к политике, проводимой твоим государством, и тем самым зачастую позволяет добиться желаемых целей без непосредственного использования военных или экономических ресурсов.

По мнению Дж. Ная, при современных тенденциях развития значение мягкой силы в общем властном балансе каждого государства должно неминуемо возрастать. В частности Най, анализирует тенденции к сокращению возможностей применения развитыми государствами военной силы для разрешения собственных проблем — из-за взаимного переплетения экономик, больших издержек, связанных с применением некоторых форм современного оружия, прежде всего ядерного, а также снижение значения военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ. В нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны играет гораздо большее значение, чем раньше. Мягкая сила позволяет сократить многие издержки, связанные со стимулированием других государств к необходимым действиям исключительно путем материального поощрения. Мягкая и жесткая сила крайне переплетены и увязаны друг с другом.

Внимание автора сосредоточено главным образом на исследовании природы мягкой власти Соединенных Штатов Америки. Исходя из собственного определения мягкой власти как совокупности привлекательных для других государств аспектов национальной культуры, исповедуемых политических ценностей и проводимой внешней политики, Дж. Най подробно останавливается на каждом из этих источников мягкой власти применительно к Америке.

В частности, автор высоко оценивает возможности американской культуры в качестве источника мягкой силы Америки. В первом случае Най обращает внимание на большую роль американских образовательных центров, служащих точками притяжения для студентов из разных государств. Значительное количество выпускников американских университетов, составляющих государственные элиты, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к Америке за ее рубежами. Среди прочего, Джозеф Най указывает на важную роль проведения американо-советского студенческого научного и культурного обмена в годы «холодной войны» и, в частности, обращает внимание на то, какое влияние оказала стажировка в Колумбийском университете в 1958 году на мировоззрение будущего «прораба перестройки» Александра Яковлева[103].

Чужой образ, идеалы, ценности, внедренные в СССР, оказались способными разрушить мощное в военном и политическом отношении государство. Обязательным условием для этого послужила кампания «деидеологизации», проведенная под руководством одного из лидеров государства — А. Н. Яковлева.

Аналогичная кампания сегодня начата против России. Ее задача — дискредитация национальной системы ценностей.

Не случайно в 2007–2010 годах на Западе усилилось внимание к политической истории России, которое нередко превращалось в попытки фальсификации. Связано это, прежде всего, со стремлением пересмотреть нынешнюю политическую роль и место России в системе международной безопасности через переоценку российской системы ценностей и представлений о ней в мире.

Но не только. Существующая сегодня система международной безопасности основана на господстве США и НАТО. Наивно было бы отрицать, что эта система их не устраивает. Поэтому ставится задача, во-первых, укрепить эту монополию в военно-политической области, а, во-вторых, не дать создать альтернативную, новую систему международной безопасности. Для этого важно изначально дискредитировать её возможных инициаторов. Кто же они?

Теоретически новая система международной безопасности может сложиться по инициативе государства (союза государств), способного стать блокообразующим. Понятно, что такое государство должно обладать большим экономическим, демографическим, военным (включая ядерный) и человеческим потенциалом. Сегодня это могут быть США, Китай, Россия, страны Евросоюза, а также Япония (пока не обладающая ядерным потенциалом).

Соответственно объектом экспансии «мягкой силы» становятся те государства, которые сегодня не входят в существующую систему международной безопасности, — Китай и Россия. Что, собственно, мы сегодня и наблюдаем, когда попытки дискредитировать политические системы и внедрить свои ценности усилились.

Сегодня уже стало очевидным, что история, как наука, перестала быть только историей, но превратилась в политический инструмент, средство для достижения вполне конкретных, а иногда и сугубо меркантильных целей. С этой точки зрения фальсификация истории становится острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность/нелегитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях.

В последнее время такими целями стало, во-первых, российское государство, во-вторых, русская история и национальные культурные и духовные ценности, а в-третьих, русская нация как таковая. Именно три этих направления стали главными объектами фальсификации. И именно эти три составляющие являются основой существования современной России, обоснованием её национальных интересов и ценностей.

Так, огульно критикуя, а по сути дела, фальсифицируя историю России — СССР — Российской Федерации, фальсификаторы на деле целятся в современное российское государство как таковое, государство, которое, как правило, является наиболее эффективным институтом нации и общества. Объектом критики кроме того становится современная политическая система, легитимность которой ставится под сомнение. Логика таких псевдоисторических аналогий проста: сначала ставится знак равенства между «тоталитарными режимами» Сталина и Гитлера, затем — между СССР и его преемником Россией, — а затем между «режимом Сталина и Путина».

Можно экстраполировать и дальше. Как показывает югославский опыт, любой политический режим можно назвать сначала тоталитарным, а затем и… нелигитимным. Можно даже начать против него (режима) войну. Конечно же, Россия это не Югославия, и применить против неё военную силу смогут планировать только психопаты (хотя грузинская агрессия показала, что и такие могут быть в руководстве некоторых государств), но вот санкции ввести или испортить международный климат — это, пожалуйста.

Не случайно и то, что декларируя авторитарность, даже тоталитаризм российского режима, на самом-то деле выступают против укрепления российского государства, усиления его международных позиций и влияния на постсоветском пространстве. И здесь прослеживается аналогия с концом 80-х годов, тогда начались попытки развалить СССР именно с декларирования концепции «борьбы с этатизмом», провозглашённой А. Яковлевым. Суть сегодняшних обвинений в «неоимпериализме» та же самая — ослабить влияние России.

Именно поэтому история сегодня становится предметом политической борьбы. Важно помнить, что молодое российское государство возникло на прочном фундаменте, заложенном многие столетия тому назад нашими героическими предками. Его история по праву считается важнейшей частью мировой истории. Особенно важную роль оно сыграло в истории формирования современного облика Европы. Достаточно сказать, что три самые крупные нашествия, угрожавшие самому представлению о современной Европе, — татаро-монголов, французов и гитлеровской Германии — были отражены и оплачены огромными жертвами народов России.

Причём фальсифицируют историю отнюдь не только политические противники из-за рубежа, но и наши соотечественники. Как справедливо заметил академик Н. Левашов, «Нас долгое время пытаются убедить в том, что наши предки были дикарями, которые вылезли из ям, в которых они жили только в IX веке. Нас пытаются убедить, что славяне всегда были и сейчас остаются совершенно дикими и никчёмными людьми, которые сами никогда ничего создать не могли и не могут. Когда мы слышим это от наших врагов, это ещё более–менее понятно: на то они и враги. Но очень странно слышать такие речи от наших соотечественников, от наших учёных-историков, которые, по идее, не должны бездумно повторять чужие измышления, а отыскивать и популяризировать правдивую историю своей Родины. Многие страны просто придумывают себе красивое прошлое, используя для этого красивые легенды. А наша официальная историческая наука занимается только тем, что поливает грязью всё и всех в нашем многотысячелетнем прошлом, и истерично повторяет, что до крещения Руси практически не существовало. Хотя сегодня в эту незатейливую ложь уже не верят даже самые ленивые».

Эта историческая роль России в истории Европы неоднократно подвергалась сомнениям. Прежде всего, в политических целях. Сегодня мы наблюдаем очередную попытку «политического переосмысления» современной истории. И понятно почему. Многим, к сожалению, хочется воспользоваться временной слабостью России, чтобы добиться вполне конкретных политических и экономических выгод. А для этого необходимо, если не переписать историю, то изменить хотя бы отношение к известным историческим фактам, сложить удобное общественное мнение.

Таким образом, за попытками фальсификации стоят вполне конкретные материальные интересы. На мой взгляд, это:

— во-первых, исказить историческую и правовую основу на те территории, которые сегодня занимает Россия;
— во-вторых, на те права, которые она получила после Второй мировой войны.

Действительно, если на одну доску ставится гитлеровская Германия и сталинский СССР, то и итоги — военные, политические, экономические — Второй мировой войны можно поставить под сомнение. И, ведь, ставятся!

У этой проблемы есть и более фундаментальная сторона, имеющая прямое отношение к будущему России. Занимаясь неотложными делами по созиданию нового общества и новой экономики, решая самые острые социально-экономические проблемы, мы не можем и не должны забывать простые истины: всё новое, в том числе и качественно новое, создаётся только на прочном национальном фундаменте, заложенном предыдущими поколениями наших предков. На том огромном историческом, духовном и культурном наследии, которое тысячелетиями создавалось нашими пращурами. Убери этот фундамент — и не будет нации, государства и общества.

Сегодня уже многие понимают, что историческое наследие во многом определяет и даже предопределяет современную систему ценностей, а та, в свою очередь, реальные политические интересы и цели. В том числе, и национальной безопасности. Вот почему любое государство стремится сохранить свою систему ценностей, а некоторые даже навязать её другим странам. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, «возрождаются российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти».

У этой проблемы есть ещё одна сторона: историческое наследие во многом предопределяет и политическое будущее государств, их место в глобальном мире. Искажённое представление о прошлом не только подрывает современные основы общественного и политического устройства, но и превращает нацию в примитивную ассоциацию граждан, «не помнящих родства. Более того, искажение истории — как показывает опыт многих стран — создаёт предпосылки для межнациональных и государственных конфликтов. В последние десятилетия мы не раз наблюдали, как исторические искажения превращаются в человеческие трагедии. Это, кстати, хорошо понимают на Западе. Недавно получила огласку позиция лидеров неоконсерваторов Д. Чейни по отношению к России. Напомню, что Чейни — не просто флагман американских «неоконсерваторов», он — их рупор, порой способный говорить открыто вещи, о которых другие предпочитают умалчивать. Так, дочка бывшего вице-президента Лиз Чейни выступила со статьёй в «Уолл стрит джорнэл», проливающей свет на истинные взгляды американских неоконсерваторов на отношения с Россией. (Напомню, что помимо того, что мисс Чейни выполняет роль своеобразного идеологического оруженосца при чиновном отце, она и сама в недавнем прошлом была важным чиновником — заместителем госсекретаря, отвечающим за политику США на Ближнем Востоке при обеих «бушевских» администрациях в 2002–2004 и в 2005–2006 годах). Так что выраженные в статье взгляды лишь формально являются её частным мнением, отражая на самом деле истинное отношение неоконов к нашей стране. Каково же это отношение?

«Есть две разные версии того, как кончилась холодная война: русская версия и правдивая версия», — с места в карьер начинает статью бывшая замглавы американской дипломатии и добавляет: «Президент Обама на прошлой неделе в Москве подкрепил русскую версию». Дальше идёт цитата из выступления Обамы в Москве, в котором американский президент всего лишь повторил то, что все три предыдущих американских президента неоднократно заявляли во время своих визитов в Россию. Обама напомнил, что «перемена» (то есть конец холодной войны) не была делом одной нации (те, кто хоть изредка читал газеты в 1986–1991 гг., прекрасно это знают и без напоминаний, добавим от себя). А вот и следующая фраза Обамы, выведшая Лиз Чейни из себя: «Холодная война закончилась из-за действий многих народов в течение многих лет, а также потому, что народы России и Восточной Европы встали вместе и решили, что конец этой войны будет мирным».

«Правда, конечно же, в другом — в том, что Советы содержали жестокий авторитарный режим, — возражает в своей статье мисс Чейни, беззастенчиво путая Горбачёва со Сталиным. — КГБ убивал своих оппонентов или утаскивал их в ГУЛАГ. Не было ни свободной прессы, ни свободы слова, ни свободы религии, ни вообще какой-либо свободы. Основой холодной войны было не соревнование в астрофизике и спорте, а глобальная битва между тиранией и свободой… Холодная война прекратилась не потому, что Советы решили её закончить, а потому, что им не удалось устоять перед решимостью сил свободы и готовностью свободных наций защитить свободу и разгромить коммунизм».

Это типичный пример политической фальсификации истории, когда ставится прямая задача дискредитации современной политической власти России. Под сомнение ставится, отнюдь, не будущее политического режима, а будущее самой России.

Сегодня, только те государства добьются успеха в экономике и социально-экономическом развитии, которые смогут синтезировать новейшие достижения с национальной традицией, тем огромным историческим наследием, которое позволяет нации называться нацией. Примеры Японии, Китая, Индии и других стран — показательны. Те же страны, которые в условиях глобализации не смогут сохранить свою

национальную идентичность, свою систему ценностей, не только не смогут стать мировыми лидерами, но и не сохранятся как самостоятельные государства. Поэтому проблема исторической точности является одновременно и проблемой опережающего развития, и проблемой укрепления суверенитета государства. И, наоборот, неосознанное, либо сознательное «исправление» истории негативно влияет на фундаментальные основы общества.

Это очень хорошо понимают в мире. Глобализация, как это не может показаться странным, усилила стремление в целом ряде государств подчеркнуть свою идентичность, и это отчётливо видно на примере всех развитых стран. Особенно в период кризиса. Вот почему мы наблюдаем всплеск интереса к истории во всех странах. И прежде всего к отечественной истории. Видимо, прав был известный фантаст И. Ефремов, предсказавший, что в XXI веке ведущую роль из всех наук займёт история.

Другой аспект взаимосвязи исторического наследия и глобализации заключается в том, что институты государства отнюдь не отмирают. Наоборот, их эффективность во многом определяет способность государств решать самые острые политические, экономические и социальные проблемы. В том числе и в периоды острых кризисов. Причём не только экономических, но и политических, даже мировоззренческих.

Одним из таких инструментов государства стала созданная решением президента России Комиссия по противодействию фальсификации истории. Подчеркну — не переписывания истории, не приглаживания исторических фактов, а именно противодействия попыткам некоторых современных историков и стоящих за ними политиков её фальсифицировать. Основными задачами комиссии являются обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа России, и подготовка соответствующих докладов президенту РФ. Полагаю, что Комиссия ускорит публикацию, готовящихся в настоящее время работ. Более того, по её инициативе — как в случае с нынешней работой — выйдут новые крупные исследования по отечественной истории.

Главной задачей Комиссии, конечно же, будет разработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий. Мы исходим из того, что государству нельзя отказываться от участия в формировании исторического и общественного сознания граждан. В противном случае это сознание будет формироваться другими силами и — почти наверняка — в ущерб самим гражданам. Историческими подделками сегодня завалены все книжные полки магазинов, а труды серьёзных авторов выходят крошечными тиражами.

Заслуживает, в этой связи, внимания мнение известного израильского публициста А. Эскина: «Естественным союзником России в борьбе против фальсификации истории могут быть Израиль и еврейская диаспора. Наш народ хорошо знает, кто был палачом и кто был освободителем. В эти дни, когда намечается отдаление Израиля от США и Западной Европы, мы должны особо тщательно стяжать конструктивные и эффективные пути для реализации широкого потенциала российско-израильского сотрудничества. Совместная борьба против новых тенденций, отражённых в резолюции ОБСЕ, должна стать важной составной в отношениях между нашими странами.

Не умаляйте меры опасности того, что произошло в ОБСЕ. Это не только новый удар по памяти. Это будет способствовать оживлению всего, что было повержено во прах нашими дедами во время Второй мировой войны. Попытка возродить то, что никогда не должно более повториться».

Государство — и в его лице Комиссия — может внести свой вклад в процесс рассекречивания архивов и превращения их в доступную информацию не только для специалистов, но и всех граждан. И первый опыт МГИМО–Университета, который вводит в научный оборот значительное число уникальных документов — только самый первый шаг в этом направлении.

Кстати, рассекреченные недавно и публикуемые документы, наглядно свидетельствуют о реальной политики, как гитлеровской Германии, так и других европейских стран. Любой читатель вправе сам делать вывод о том, какую роль сыграл СССР или Германия в подготовке и начале Второй мировой войны.

Отдельный вопрос — политическая интерпретация известных фактов. Не секрет, что ряд государств и институтов намерены переписать историю. И здесь, как говорится, все средства хороши. В том числе и откровенно недобросовестные. Так, среди документов, принятых XVIII сессией Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Вильнюсе, была и резолюция «Воссоединение разъединённой Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой предпринята откровенная попытка искажения истории в политических целях, а именно сталинизм приравнивается к нацизму. Тем более кощунственным выглядит предложение ввести общеевропейский день памяти жертв тоталитаризма, приурочив его к дате подписания пакта Молотова-Риббентропа (23 августа 1939 года).

Запад уже готов в корне пересмотреть историю Второй мировой войны и назвать решающий вклад, который внесла в освобождение Европы от фашизма наша страна, «опасной фальсификацией», — пишет Юрий Филатов в портале «Кирилл и Мефодий».

«Я думаю, что речь идёт о кампании, причём организованной кампании по фальсификации истории… Об этой фальсификации говорят прибалтийские страны, Украина и Польша», — заявил на круглом столе, прошедшем в американском политологическом центре Heritage Foundation (Фонд «Наследие»), про-

фессор университета Мэриленда, американец польского происхождения Майкл Шпорер, слова которого приводит РИА «Новости».

Со Шпорером тут же солидаризировался глава комиссии по иностранным делам эстонского парламента Свен Миксер. «Целью Советского Союза была экспансия. Так называемое освобождение Европы на самом деле было завоеванием и аннексией», — заявил он, получив в благодарность за своё выступление в Heritage Foundation галстук цветов эстонского флага. «А между тем, — сетует Шпорер, — эта фальсификация встречает большую поддержку в России. Согласно недавнему опросу, 77 % населения считают, что Красная армия освободила Европу». По его мнению, такая «фальсификация» связана с «кризисом самоидентификации» России, с тем, что она сама ещё не понимает, остаётся ли она, по сути, советской страной или «двигается куда-то ещё».

Здесь очевидна политическая подоплёка. Во-первых, страна-агрессор ставится на одну доску со страной, которая всё сделала для того, чтобы в Европе сложилась дееспособная система коллективной безопасности, вынужденно подписав пакт с Германией только после того, как провалились все попытки создать механизм противодействия агрессору.

Во-вторых, ведущие западные страны к тому времени уже фактически развязали руки Гитлеру, позволив ему не только аннексировать целые государства, но и развязав руки для дальнейшей агрессии.

Наконец, в-третьих, тоталитарный сталинский режим уж точно не был виновен ни в холокосте, ни в уничтожении цыган или других наций.

МИД России регулярно привлекает внимание к попыткам пересмотреть историю в ряде стран бывшего СССР. Так, в частности, российское внешнеполитическое ведомство неоднократно выражало возмущение слётами ветеранов 20-й эстонской дивизии СС в Эстонии. По мнению российской стороны, поддержка подобных акций — потакание попыткам популяризовать нацизм и подобные неофашистские проявления недопустимы в стране-члене Евросоюза.

Двусторонние отношения России с Латвией серьёзно отягощает продолжающаяся в этой стране героизация бывших латышских формирований СС. Хотя в 2008 году президент и премьер-министр Латвии осудили неонацистские акции 16 марта, посвящённые «годовщине» создания латышского легиона СС, и призвали граждан страны воздержаться от участия в них, власти Риги разрешили проведение сборища легионеров и их последователей, отмечают в МИД РФ.

В конце ноября 2009 г. МИД России осудил создание во Львове на Украине рядом с Мемориалом советским воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, «пантеона» нацистским приспешникам — боевикам ОУН–УПА, виновным в массовых убийствах советских солдат, гражданских лиц, мирных польских граждан на Волыни». При этом, как заявил МИД РФ, могилы советских солдат оскверняют. Украинский МИД заявил в комментарии, что путь Украины — «в цивилизованную Европу, где уважают прошлое и современное каждого народа».

Выступая на заседании Российского организационного комитета «Победа», посвящённого подготовке к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, Д. Медведев заявил, что вести диалог с теми странами, которые реабилитируют и возвеличивают фашизм, надо без аккуратных дипломатических формулировок. «Мы оказываемся в ситуации, когда должны отстаивать историческую истину и даже ещё раз доказывать те факты, которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными. Это трудно, иногда даже, честно сказать, противно. Но это необходимо делать», — сказал президент России.

Сегодня, например, некоторые пытаются поставить под сомнение хорошо известные факты. И, наоборот, замолчать очевидное. Напомню одно из авторитетных высказываний. «С точки зрения большой стратегии, — подчёркивал ещё в мае 1942 года президент США Ф. Рузвельт, — трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединённых Наций вместе взятые».

Но все эти свидетельства непосредственных участников тех событий (более того — людей, во многом вершивших тогда судьбы мира) новоявленным «экспертам» пришлось бы явно не по душе. И о них на круглом столе, который собрал под своей крышей Heritage Foundation, предпочли не упоминать вовсе.

Тем более, что ситуация развивается, к сожалению, «по восходящей» — в мае 2009 года День памяти жертв нацизма и сталинизма был учреждён в Эстонии, а в июле — в Латвии. Некоторые политики даже считают, что их страны могут воспользоваться решением ОБСЕ, чтобы потребовать у России, как правопреемника СССР, возмещения ущерба, понесённого за годы советской оккупации.

История всегда влияла и влияет на политический фон в отношениях между государствами, а сегодня, к сожалению, видно, что есть заинтересованные лица и даже государства в том, чтобы осложнить международные отношения.

Понятно, что те силы, которые заинтересованы в развитии мирного климата на континенте, будут делать всё, от них зависящее, чтобы противостоять не только неоправданным политическим амбициям, но и попыткам использовать в этих целях общеевропейское историческое наследие.

В качестве основных задач Комиссии определены: обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа России, и подготовка докладов об этом президенту РФ; выработка стратегии противодействия попыткам

фальсификации и конкретных рекомендаций по адекватному реагированию на такие попытки, по нейтрализации их возможных негативных последствий и другие.

Критики в адрес едва созданной Комиссии уже предостаточно. Даже сторонники её учреждения обращают внимание на неудачное название. Если комиссия намерена противодействовать попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, то будет ли она мешать фальсификации «во благо?» И почему противодействие только «попыткам»? А как будут определяться «интересы России»?

Вопросов, действительно, много. Однако и назначение Комиссии, и круг проблем, которыми она должна заниматься, в общем-то, ясны всем. Президентский указ — одна из главных мер по подготовке к 65-летию Великой Победы. Давно пора ответить всей силой Государства Российского.

---

1 **Международная безопасность** — *зд.* состояние международных отношений, гарантирующее нации стабильные и благоприятные условия для ее развития, а государству — суверенитет.

2 **Национальная безопасность** — *зд.* степень защищенности национальных интересов от высоких и внутренних угроз.

3 *Медведев Д.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 2010. 7 мая. С. 2.

4 *Мунтян М. А.* Политология: курс лекций для студентов вузов. М.: МАКС-пресс, 2008. С. 167.

5 *Воронин Е. Р.* Ливийская операция НАТО: некоторые выводы. Аналитическая записка. МГИМО(У). 2011. Ноябрь. С. 3.

6 Это особенно ярко выражалось в стойкой неспособности российской элиты к мало-мальски качественному стратегическому прогнозу о чем я писал еще в 2003 году. См.: *Подберезкин А. И., Коровников А. В.* Россия и глобализация. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 59–61.

7 В. Путин: Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года» / Эл. ресурс: Viperson. 2008. 8 февраля / URL:http://www.viperson.ru

8 Там же.

9 *Харичев И. А.* О культурных заимствованиях России // Мир перемен. 2010. № 3. С. 186.

10 *Торкунов А. В.* По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 180.

11 *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

12 Отношение населения и элиты африканских стран к ведущим мировым державам (Россия, США, Китай). Экспертный доклад. № 3 / ред. кол. А. И. Подберезкин, А. А. Орлов, В. М. Сергеев. М.: МГИМО(У), 2011. С. 51.

13 *Куликов С.* Ученые нашли друзей и врагов науки // Независимая газета. 2011. 15 ноября.

14 *Богомолов О.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 14–15.

15 Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Опубликовано для ПРООН, «Весь мир», 2010. (Статистическое приложение). С. 148–151.

16 В свое время, в первой половине 90-х годов, автор со своими коллегами опубликовал первые варианты концепций национальной безопасности России, которые не встретили понимания у российской элиты. Даже сам термин ставился под сомнение. См.: *Подберезикн А.* Концепция национальной безопасности России. М.: РАУ-Корпорация, 1995.

17 *Путин В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М. 2006. С. 5.

18 Transformation Index 2010: Political Management in International Comparison Bertelsmann Stiftung.

19 Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2007–2008. М.: ИНСОР, 2009. С. 25–26.

20 Индекс международной безопасности // Коммерсант. 2010. 2 ноября.

21 **Индекс международной безопасности** — *зд.* индекс, предназначенный для того, чтобы показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от идеальной (идеальная — 4210 пунктов).

22 *Фурман Д.* Последняя модернизация // Независимая газета. 2010. 25 августа. С. 5.

23 *Лавров С. В.* «Российская дипломатия в меняющемся мире» // Федеральный справочник. МИД России. 2010. 30 апреля. Т. 23. / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

24 Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров*. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 116.

25 *Хрусталев М. А.* Структура внешнеполитического курса государства. С. 127. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров.* М.: Аспект Пресс, 2009. С. 126.

26 *Мау В.* Именно тогда были заложены основы современной экономики // Известия. 2011. 11 января. С. 10.

27 *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 236.

28 Там же. С. 59.

29 *Мелихов И. А.* Личность в дипломатии. На исторических параллелях. М.: Восток-Запад, 2011. С. 191–192.

30 *Фурсенко А.* Стенограмма выступления на Госсовете. 2010. 31 августа / http:www.president.ru

31 *Башкатова А.* Программа-2020 взята на семейный подряд // Независимая газета. 2011. 11 января. С. 4.

32 **Модель** — *зд.* упрощенный, мысленно представляемый объект, сохраняющий важнейшие его свойства, который необходим для практической реализации намеченных целей. В настоящее время может представлять различные, в т. ч. математические, логические, социологические и др. формы.

33 *Авдеев А.* Культ. Личности // Российская газета. 2011. 13 января. С. 28.

[34] Стенограмма выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года // МИД России. 2010. 1 сентября / http://www.mid.ru/brp

[35] К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». 2010. Август–сентябрь. С. 18.

[36] *Бибиков В.* Логика общей территории // Союз. 2011. 13 января. С. 1.

[37] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 33.

[38] Гусев: на основе бесспорных данных доказано, что подлинные арийцы — русские. 2011. 11 января / www.d-pils.lv/news

[39] *Жебит М.* Русские введут // Российская газета. 2011. 13 января. С. 5.

[40] Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных / http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/

[41] *Жизнин С.* Модернизация или индустриализация. Независимая газета. НГ-энергия. 2011. 11 января. С. 11.

[42] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. iii.

[43] Цит. по: *Примаков Е. М.* Мысли вслух // Российская газета. 2011. С. 17.

[44] *Полторанин М.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 266.

[45] База данных ВЦИОМ.

[46] *Медведев Д.* Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации. 12 июля 2010 г. // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 2–3.

[47] *Витушкин Д. А.* Правоконсервативная идеология в современной России // Золотой Лев. № 95–96 / http://www.zlev.ru/95_32.htm

[48] Центр Левады. 01.04.05. URL://http://www.levada.ru/economic.html. P. 6.

[49] *Белоусов Л.* Мировой финансовый кризис и Россия. В кн.: Современная российская политика курс лекций. 7 вып. / под ред. В. А. Никонова. М.: Международный университет в Москве, 2010. С. 136–137.

[50] К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай 2010». Август–сентябрь. С. 24.

[51] Центр Левады. 01.04.05. URL://http://www.levada.ru/economic.html. P. 7–8.

[52] *Витушкин Д. А.* Правоконсервативная идеология в современной России. «Золотой Лев». № 95–96 / http://www.zlev.ru/95_32.htm

[53] *Лихачёв В.* Эпоха «Дорожных карт» // Российская газета. 2010. 7 мая. С. 1.

[54] *Федюкин И.* Вернуться на карту мира // Ведомости. 2010. 17 сентября. С. 4.

[55] *Ермолаев Д.* Послы России критично отнеслись к речи Дмитрия Медведева на совещании в МИД. 19.07.2010 / http://www.regnum.ru/news/1305717

[56] *Цветкова Р., Самарина А.* В круге не первом и не последнем // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 15 ноября. С. 7.

[57] *Цирель С. В.* Россия в эпоху мирового кризиса // Независимая газета. 2011. 2 декабря. С. 6.

[58] *Куликов С.* После выборов жизни нет // Независимая газета. 2011. 16 ноября. С. 4.

[59] Россия и мир: 2010. Ежегодный прогноз. ИМЭМО РАН, 2009. С. 50.

[60] *Селихова И.* Россия и НАТО: политические взаимоотношения // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 122–123.

[61] **Гуманитарная интервенция** — *зд.* применение силы или угрозы силы государством за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила. Считается, что такая интервенция направлена на пресечение грубых нарушений прав человека.

[62] *Колотий Ю. Я.* Постсоветское пространство в прицеле «гуманитарной интервенции // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 110.

[63] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 94.

[64] Цит. по: *Ермалаев Д.* Послы России критично отнеслись к речи Дмитрия Медведева на совещании в МИД. 2010. 19 июля / http://www.regnum.ru/news/1305717

[65] *Аринин А. Н.* Задачи федеральной, региональной и местной элиты в модернизации России. 2010. 22 апреля / http://politobraz.livejournal.com

[66] *Кузьмин В.* Дмитрий Медведев пошел против криминала в ТЭК.2010. 15 февраля / http://www.fishkamchatka.ru

[67] *Аринин А. Н.* Модернизация России — необходимость эффективного развития Дальнего Востока // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 59.

[68] *Островский А.* В. Дальневосточный регион в социально-экономическом пространстве России: проблемы и пути их решения // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 76.

[69] *Перевозкина М.* Всем спасибо, все свободны // Московский комсомолец. 2010. 26 августа. С. 4.

[70] Краткая российская энциклопедия. М.: ОНИКС 21 век, 2003. Т. I. С. 164.

[71] *Фененко А.* Военно-техническая модернизация и «Циклы» сближения между США и Россией // Международные процессы. 2011. № 2 (25). Т. 9. С. 41.

[72] Цит. по: *Гиренко Ю.* Модернизация внешней политики. 2010. № 10 (60). С. 69.

[73] Россия: стратегия для нового мира. Сборник докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. С. А. Караганова. М.: Высшая школа экономики, 2011. С. 59.

[74] Надо сказать, что это во многом стимулирует расходы на НИОКР, которые в США достигают 70 % от расходов развитых стран. См.: Меч и Щит России. Ракетно-ядерное оружие и системы ПРО. Калуга: Калуга-Пресс. 2007. С. 25.

[75] *Лавров С. В.* «Российская дипломатия в меняющемся мире» // «Федеральный справочник». Т. 23. МИД России, 30.04.2010 / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

[76] Грабежи и пожары охвативший Лондон и другие города / Эл. ресурс «BBC Russian». 07.08.2011 / URL://http://www.bbc.co.uk

[77] *Строкань С.* Пятикратный сенатор равен президенту // Коммерсант. 26 августа 2010. С. 6.

[78] *Фененко А.* Дальневосточная стратегия Вашингтона // Независимая газета. 2010. 1 сентября. С. 3.

[79] *Иванов А.* В Азии стало тесно от «драконов» // Эхо планеты. 2010. 3–9 декабря. № 46. С. 7.

[80] *Фененко А.* Дальневосточная стратегия Вашингтона // Независимая газета. 2010. 1 сентября. С. 3.

[81] *Медведев Д.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 2010. 7 мая. С. 2.

[82] *Лихачёв В.* Эпоха «Дорожных карт» // Российская газета. 2010. 7 мая. С. 1.

[83] Цит. по: *Труш М. И.* Кондолиза. Путь к Олимпу // Историческая газета. 2009. С. 127.

[84] Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров*. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 96.

[85] Цит. по: *Труш М. И.* Кондолиза. Путь к Олимпу. М.: Историческая газета, 2009. С. 127.

[86] *Пономарева Е.* Ляжет ли Россия под НАТО? / Столетие. Интернет-газета, 10.09.2010 / http://www.stoletie.ru/print.php

[87] Концепция внешней политики РФ (12 июля 2008. Пр — 1440). Гл. 4. Региональные приоритеты.

[88] Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537).

[89] *Богатуров А.* Противоречия тандемной дипломатии / Эл. СМИ: МГИМО(У). 6 октября 2010 г. / http://www.mgimo.ru/system/php

[90] ОДКБ: ответственная безопасность / под общ. ред. И. Ю. Юргенса. М.: ИНСОР, 2011. Август. С. 48.

[91] *Богатуров А.* Противоречия тандемной дипломатии / Эл. СМИ. МГИМО(У). 6 октября 2010 г. / http://www.mgimo.ru/system/php

[92] Военная доктрина (Указ Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 г.).

[93] *Грациани Т.* Россия — краеугольный камень системы многополярного мира // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 101–102.

[94] *Грациани Т.* Россия — краеугольный камень системы многополярного мира // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 102.

[95] *Бордюжа Н.* ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Международная жизнь. 2011. Июль. С. 33.

[96] *Грациани Т.* Россия — краеугольный камень системы многополярного мира // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 102.

[97] *Богатуров А.* Лидерство и критерии лидерства в мировой системе. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М. Аспект-Пресс, 2009. С. 158.

[98] *Познер В.* Православие — это тяжелая ноша для России. 22.07.2010 / http://www.online812.ru/2010/07/22/021/

[99] *Миллер А.* Вызов из прошлого // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. Т. 9. С. 18.

[100] Там же.

[101] «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, — это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества. См., например: *Най Дж.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения / http://www.situation.ru/app/j-art_1165

[102] См., например: *Гиренко Ю.* Модернизация внешней политики // ВВП, 2010. № 10 (60). С. 66–68.

[103] *Кувалдин С.* Бархатная перчатка для железного кулака / http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1084173688&archive=1086854170

Глава 4

Выбор сценария модернизации как самоидентификация российской правящей элиты

Цивилизационная самоидентификация[1] открывает
путь к социальному творчеству[2].
И. Ионов

Достаточно уехать 300 интеллектуалам, и Франция
превратится в страну идиотов[3].
Б. Паскаль

Самоидентификация — это «царь в голове», который управляет и отвечает за все действия любой живой системы, предопределяя судьбу человека и нации. При этом невозможно эволюционизировать и продвигаться вверх по спиральным ступеням, сохраняя одну и ту же идентификацию[4].

В этой части работы предстоит рассмотреть, как стратегия модернизации России, оформленная в 2010–2011 годах в ряде документов, влияет на формирование международной системы безопасности.

Эта взаимосвязь — «стратегия модернизации» и «международная безопасность», по всей вероятности, станет определяющей в политике России в ближайшие годы. Очевидно, что кризис последних 25 лет, хроническое недофинансирование Вооруженных сил и растущее отставание привели к тому, что советский ресурс себя исчерпал практически полностью. Угроза гонки вооружений и повсеместно растущие военные расходы стали фактом, который даже в период кризиса 2008–2011 годов никто не оспаривал. Не случайно поэтому российская правящая элита в 2011–2011 годах приняла решение о существенном увеличении расходов на оборону, что конкретизировалось в росте зарплат военнослужащих в 2,5–3 раза и открытии новых, в том числе амбициозных программ строительства новых систем ПЛАРБ, нового поколения СНВ, 120 комплексов «Искандер-М» и другие вооружения[5].

Но у этой взаимосвязи есть и другая, политико-идеологическая сторона. Доктрина инновационного развития «стала претендовать на статус глобальной „метаидеологии“»[6]. При этом, хотя чаще всего предполагалась технологическая и экономическая модернизации, выбор приоритетов оставался за политиками. Именно такой политический выбор приоритетов модернизации лежал во многом в основе внешней политики России в 2008–2011 годы, которая претерпела определенные коррективы — от односторонней ориентации на «старую» Европу до провозглашения курса на создание Евразийского союза.

Для этого необходимо вновь вернуться к принципиальной схеме (рис. 1), в которой рассматривается

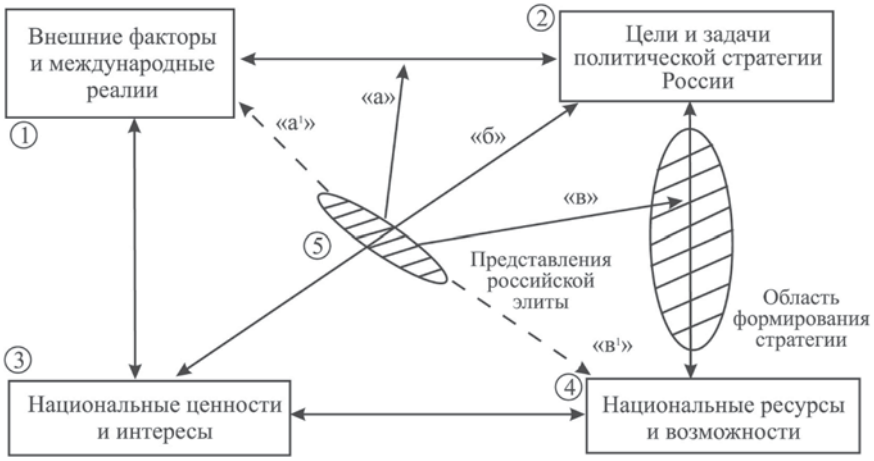


Рис. 1. Взаимосвязь основных элементов политико-идеологической системы

взаимосвязь основных элементов политико-идеологической системы. Из нее, в частности, видно, как политическая стратегия России влияет на формирование международной системы безопасности. И, наоборот, как внешняя среда влияет на политическую стратегию российской элиты.

Из рисунка видно:

1. Что цели и задачи политической стратегии формируются правящей элитой на основе национальных интересов и ценностей с учетом национальных ресурсов (группа 3 и группа 5).
2. Что политическая стратегия определяется взаимоотношением целей и ресурсов (группа 2 и группа 4).
3. Что на цели и задачи оказывают внешние факторы (группа 1).
4. Элита, формулируя цели, может по-разному их воспринимать (варианты «а», «б» и «в»). Так, вынужденный уйти в отставку президент ФРГ Х. Келер, «проговорился», заявив, что «в некоторых случаях военные акции необходимы для защиты наших интересов, в частности, для обеспечения свободы торговых путей»[7].

Наконец, цели и задачи также оказывают влияние на внешние факторы. Это и есть влияние внешней и внутренней политики государства на систему международной безопасности. Политическая стратегия России, как заявил в своем послании Федеральному Собранию Д. Медведев 30 ноября 2010 года, была сформулирована в послании 2009 года. В 2010 году он повторил ее основные положения: «Год назад в этом зале я представил свою **политическую стратегию**: опираясь **на ценности демократии, модернизировать экономику** и создать стимулы для прогресса во всех областях; воспитать поколение свободных, образованных, творчески мыслящих граждан; поднять стандарты жизни людей на качественно новый уровень; утвердить статус России как современной мировой державы, достигшей успехов на инновационной основе»[8].

Как видно из приведенной цитаты и последующих шагов российской власти, правящая элита выбрала либеральный вариант «а» политической стратегии. Этот вариант в большей мере, чем другие, ориентирован на учет внешних условий в ущерб в определенной степени национальным интересам. Возникает естественный вопрос, а насколько аргументирован, просчитан и верно выбран этот вариант? Где, когда и с чьей помощью он анализировался? Кто ему оппонировал? Учитывая, что круг экспертов крайне узок и в течение многих лет остается одним и тем же, возникает серьезное сомнение в качестве этого выбора. Тем более, что в адрес разработчиков часто раздается справедливая критика. Так, Н. Гульбинский жестко констатирует: «У Кремля не просматривается толковых аналитиков, которые сумели бы убедить общество в том, что страна идет правильным курсом. Создается впечатление, что перед лицом новых угроз и вызовов околокремлевские политтехнологи впали в растерянность, а некоторые из них — в опасную неадекватность»[9].

На практике это означает, что **выбраны неправильные приоритеты**. Так, например, огромные деньги будут вложены в проект «Сколково». Сама по себе идея неплоха, но эти деньги сегодня, сейчас требуются для более важных приоритетов. Например, создания условий для ученых и аспирантов, которые продолжают уезжать за рубеж, обескровливая нацию. Как подсчитал В. Иноземцев, «Исчерпывающей статистики новейшей российской эмиграции не существует, так как обычно оценивается число лишь тех лиц, которые снимаются с регистрации по месту жительства в России. Их и впрямь становится меньше: после 140 тыс. отъездов в 1993 г. и в среднем по 100 тыс. в год во второй половине 1990-х в середине 2000-х годов число эмигрантов стабилизировалось на уровне 55–65 тыс. человек ежегодно. Однако эта статистика не должна успокаивать, причем по нескольким причинам. Во-первых, в последние годы практически сошла не нет немецкая и еврейская эмиграция, а доля русских, которая в первой половине 1990-х годов составляла 20–25 %, достигла во второй половине 2000-х годов 70–75 %.

Во-вторых, если раньше уезжали в основном жители крупных городов, то с середины 2000-х годов начинается эмиграция из областных центров, а значительная часть потенциальных эмигрантов перебирается в Москву и Петербург в желании уехать. В-третьих, сегодня готовятся уезжать и уезжают не оставшиеся не у дел специалисты, а те, кто только стал ими: опросы в вузах показывают, что такую возможность не исключают до 45 % выпускников, а твердо намерены добиваться отъезда от 18 до 24 %. Готовы покинуть страну до 30 % предпринимателей. В-четвертых, сейчас к отъезду готовятся намного тщательнее, чем прежде: не менее 4 млн россиян имеют вид на жительство в странах ЕС и США, сотни тысяч семей отправляют детей учиться за рубеж, значительное число россиян скупают недвижимость»[10].

По его мнению, не менее 2 млн молодых человек сегодня готовы к отъезду, имея для этого все необходимые документы.

Д. Медведев считает, что мы не можем железный занавес опустить или каким-то другим образом предотвратить «утечку мозгов»[11]. В том-то и дело, что можем: достаточно дать достойную зарплату и жилье, как показывают опросы, и отъезжающих резко станет меньше. Деньги «Сколково» могли бы существенно исправить ситуацию уже сегодня, сейчас, а не через 5–7 лет.

Другой пример: в 2011 году рост госрасходов на образование, по оценкам депутата Госдумы О. Смолина, составит 1 %. Что, естественно не говорит о приоритете отрасли.

К сожалению, это типичный пример избранной модернизационной стратегии, где игнорируется НЧП в угоду технократическим решениям. Его типичность говорит о **системной ошибке** в избранной политической стратегии — игнорировании приоритетов развития НЧП. Как признается в редакционной статье «Независимой газеты», «А что в „Программе–2020“ сказано об изменениях в модели управления страной? Да, по сути, ничего. Модернизация российскими властями, похоже, воспринимается как чисто техническое действие, никакого отношения к политической системе не имеющее»[12].

1. Адекватность политической стратегии России современным международным реалиям

Российской власти нужна наконец окончательная «политическая форма», в противном случае каждый новый начальник будет всегда по тем или иным благим мотивам переделывать закон под себя[13].
Б. Межуев

Реализуемая государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям[14].

Возникает вопрос относительно адекватности избранной стратегии развития и адекватности нынешней российской элиты. С одной стороны, выбрав вариант «а», российская элита вполне «вписалась» в границы адекватного выбора, ведь могло бы быть и значительно хуже, как, например, в начале 90-х годов, когда элита выбрала неадекватную стратегию, в которой внешние интересы учитывались больше, чем национальные. Или как в 70-е годы (вариант «в»), когда внешние факторы минимально учитывались из-за идеологического догматизма внешней политики.

Но, с другой стороны, видно, что у избранного варианта есть недостатки.

Повторю, выбор сценария модернизации российской элиты, таким образом, был сделан фактически в 2010 году, хотя основные идеи были заложены значительно раньше. К сожалению, этот выбор означает, что наша страна избрала в очередной раз догоняющую модель развития, основанную целиком на чужом опыте, которая характеризуется следующими параметрами:

— эта модель модернизации основывается на идее заимствований западных технологий, опыта и знаний, того, что в эпоху фазового перехода уже **не является** лучшей моделью экономического и общественного устройства. И мировой кризис 2008–2010 годов это наглядно продемонстрировал;
— эта модель **не опирается** на национальные ценности, отечественные научные и культурные достижения, оставляя приоритет за достижениями других стран. Это означает, что мы изначально будем повторять чужой (не всегда лучший) опыт, неизбежно отставая от развитых стран;
— эта модель **не является** продолжением, конкретизации национальной идеологии развития, т. е. она **не является** продолжением стратегии. Она вырвана из общенационального контекста, эклектична, внесистемна;
— эта модель **не может** стать механизмом укрепления национальной безопасности. В лучшем случае она предназначена «приспособить» Россию

к системе европейских ценностей, угрожая потерей национальной идентичности;

— наконец, эта модель **не претендует** на идеологическое лидерство, а значит, в условиях глобализации неизбежно обрекает Россию на роль аутсайдера.

Подытоживая, можно сказать, что эта модель **не ведет** к опережающему развитию нации (которое может быть только за счет темпов опережающего развития НЧП), укреплению государства, а, как следствие, и реализации планов по созданию новой архитектуры международной безопасности.

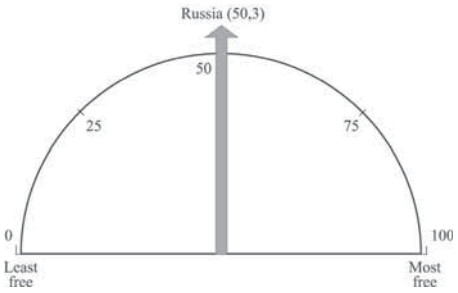


Рис. 2. Индекс экономической свободы

Но эта модель не ведет и к «идеальной», еще в недавнем прошлом либеральной модели развитых государств, которая основывается на приоритетах и принципах свободного предпринимательства и индивидуальной свободы. Что наглядно видно из следующего примера, характеризующего соответствие модели основному принципу либерализма.

В «общем зачете» по «Индексу экономической свободы» за 2009 год — исследованию, подготовленному The Heritage Foundation, Россия заняла 143 место из 183, набрав 50,3 балла (Украина — 46,4; КНДР — 1,0; Гонконг — 89,7) (рис. 2).

Таким образом, избранная модель модернизации государства и общества не является ни национально ориентированной моделью развития НЧП (что соответствовало бы критериям XXI и требованиям фазового перехода), ни относительно старой либеральной моделью, с помощью которой развитые страны Запада достигли максимальных успехов в XX веке. Россия в очередной раз оказалась на полпути или между двумя стульями: полусоветское, полулиберальное, полудемократическое, полуавторитарное государство, не имеющее ясной национальной стратегии развития. В качестве главного преимущества, как было неоднократно заявлено, избрана «демократическая модернизация в противоположность проводившихся прежде в истории страны «сверху» модернизаций — Петра I, Столыпина, Сталина.

Между тем такой выбор (о котором В. Сурков сказал 16 декабря 2010 года: «надо бы попробовать») мне лично отнюдь не представляется наиболее эффективным. В силу совершенно разных обстоятельств. И прежде всего известного приоритета, признанного к 2010 году, в развитии национального человеческого потенциала (НЧП), которому в этом выборе уделяется наименьшее влияние. Между тем именно НЧП составляет основную часть национального богатства России.

Рис. 3. Национальное богатство России

Как видно из рис. 3, основной акцент в модернизации сделан на технологиях, а не на НЧП. Это ведет в международной области к следующим последствиям:

— росту «технологической зависимости «России от Запада, которая неизбежно перерастает в политические уступки и ограничения суверенитета;
— отказу от наиболее эффективного способа модернизации через развитие НЧП, т. е. выбор заведомо не самой эффективной стратегии развития;
— постепенному ограничению инициативы и активности внешней политики, которые неизбежно будут обретать условиями, формулируемыми странами-экспортерами технологий;
— неизбежному заимствованию не только технологий, но и социальных и политических моделей и норм, которые могут противоречить национальным интересам и ценностям России;
— неизбежному затягиванию кризиса идентичности российской нации, которой придется «примерять» в очередной раз западные стандарты и нормы.

Представляется, что стратегия развития России должна исходить из более широких, политико-идеологических принципов. В этом случае она способна ясно сформулировать и задачи модернизации, которые далеко не сводятся к технологической модернизации, а включают в себя:

— задачи модернизации всей экономики;
— задачи модернизации общества;
— задачи модернизации политической системы;
— наконец, задачи модернизации государства и его институтов.

Сегодня происходит наоборот: частная, технологическая задача **предопределяет** остальные задачи. Более того, такая частная задача выступает в качестве базовой для постановки задачи национальной и международной безопасности. Хотя должно было бы быть наоборот. Это означает, что избранная Д. Медведевым в 2009–2010 годах политическая стратегия не вполне отражает международные и национальные реалии, иначе, она не вполне адекватна.

Главное, что связывает в XXI веке проблему национальной самоидентификации и развития, в т. ч. модернизации, это то, что «цивилизационная самоидентификация открывает путь к социальному творчеству». Творческий процесс, креативный класс являются **главными движущими силами** развития экономики и социальной сферы в XXI веке, но путь для них «открывает» национальная самоидентификация.

Универсализация, интеграция российской нации в чуждые культурные, экономические и социальные системы неизбежно ведет нацию к уменьшению творческого потенциала, а, значит, сокращает потенциала развития.

2. Проблема международной идентификации России: точка бифуркации

Запад нам не указ и не тюрьма…[15].
И. Ильин

В Евросоюзе последовательно изживают… суверенитет отдельных государств…[16].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Сценарий модернизации должен логично вытекать из политической стратегии, а та, в свою очередь, базироваться на внятной цивилизационной основе. Россия не просто нация. Это — цивилизация. Так же, как и китайская и индийская цивилизации.

Россия не просто государство, обладающее государственными интересами. Государство — всего лишь институт нации, которая, в свою очередь, составляет еще более широкую общность — цивилизацию.

Соответственно внешняя политика, являясь **лишь частью политической стратегии**, может основываться на одном из вариантов самоидентификации. В 2009–2010 годах сложилось впечатление, что Россия выбрала первый, «общеевропейский» вариант. Расставленные Д. Медведевым акценты на встрече в МИД, лиссабонский саммит НАТО, наконец, послание президента РФ 30 ноября 2010 года, в котором подчеркивалась идея «модернизационного партнерства, — всё говорит в пользу этого вывода[17].

Но не угрожает ли такое «модернизационное партнерство» национальной и цивилизационной идентичности России? Если в Евросоюзе, как справедливо заметил А. Торкунов, «последовательно изживается суверенитет отдельных стран», то насколько сближение России с Европой приведет к такому же процессу в России?

Эти вопросы в той или иной форме были в центре внимания в 2010 году не только в России, но и за рубежом. В это время я посетил, например, Китай и Индию, где быстрое сближение России с Евросоюзом и НАТО было воспринято с тревогой. Там видели Россию в качестве самостоятельного центра силы и во многом стратегического партнера, а не как часть Европы, а тем более НАТО[18].

Такому восприятию способствовало и усиление активности НАТО в последние годы в Центральной Азии и в бывших среднеазиатских советских республиках.

За рубежом различные исследовательские центры также активно включались в эту работу. Один из примеров — доклад нью-йоркской академии наук, представленный в сентябре 2010 года на ярославском форуме: «Ярославский план 10–15–20» представляет собой обзор и обобщение исторического опыта пяти стран: Израиля, Финляндии, США, Индии и Тайваня. Он также анализирует состояние дел в области инноваций в России и дает 15 конкретных рекомендаций, учитывающих полученный опыт и уже заявленные приоритеты развития страны. Кроме того, в докладе содержатся 20 предостережений, сделанных на основе анализа ошибок и провалов, допущенных другими странами.

Примечательно то, что авторы американского доклада делают акценты на **национальном опыте** стран, успешно совершивших модернизацию. Они отнюдь не стремятся давать «универсальные» советы, что выгодно отличает их от отечественных и зарубежных апологетов либерального опыта. Нет в этом докладе и какого-нибудь стремления доказать преимущества американской системы, что также нередко встречалось в прошлом. «Нью-Йоркская академия наук искренне полагает, — пишут авторы, — что, если реализовать предложенные меры и постараться не совершать указанные ошибки, путь к построению инновационной экономики можно будет пройти намного быстрее, „чем считают большинство российских экспертов". В то же время мы понимаем, что эти рекомендации не носят всеобъемлющего характера, могут потребоваться и другие меры. Поэтому данный документ должен служить лишь ориентиром и творчески развиваться в процессе работы»[19].

Вообще в 2009–2010 годах появилось немало сравнений и сопоставлении позиций России в той или иной области, подготовленных ведущими зарубежными центрами. Например, либеральный фонд «Наследие» (The Heritage Foundation), где анализируется «Индекс экономической свободы». Авторы проекта определяют экономическую свободу как одно из основных прав человека. Для нас эта оценка очень важна, так как реально свидетельствует, насколько либеральна экономическая стратегия России, насколько она идентифицируется в мире с либеральной системой ценности. Эта оценка также важна потому, что позволяет, на мой взгляд, судить о том, насколько Россия уже стала частью мировой либеральной экономики, т. е. насколько неизбежен выбор его либеральной модели самоидентификации.

В рамках проекта фонда «Наследие» оценивались десять показателей экономической свободы. Оценка велась по 100-бальной шкале (100 баллов означают максимальную свободу). По этим результатам был получен средний балл — показатель степени экономической свободы в каждой стране. Итоговый рейтинг государств делится на пять групп: «полностью свободные», «преимущественно свободные», «средне свободные», «преимущественно несвободные» и «полностью несвободные».

В «общем зачете» Россия заняла 143 место из 183 возможных, набрав 50,3 балла. Для сравнения — у Гонконга эта цифра равна 89,7; у США — 78,0; у Великобритании — 76,5; у Белоруссии — 48,7; у Украины — 46,4; у КНДР — 1,0. Наша страна со своим показателем является самой «преимущественно несвободной» из всех представленных в рейтинге.

Все 10 показателей выглядят следующим образом:

— Свобода бизнеса — 52,2;
— Свобода торговли — 68,4;
— Налоговые свободы — 82,3;
— Внедрение государства в экономику — 66,5 (в процентном отношении к ВВП), что выше, чем у развитых государств. Для сравнения: у Японии — 61,6; у США — 58; Германии — 41,4;
— Финансовая свобода — 62,6;
— Инвестиционная свобода — 25,0 и имущественные права 25,0 (на уровне Таджикистана и Эквадора);
— Свобода труда — 59,6;
— Отсутствие коррупции — 21,0 (Для сравнения: США — 73, Великобритания — 77), т. е. на уровне Бангладеш, ЦАР и Таджикистана[20].

Таким образом, мы видим, что по либеральной шкале ценностей экономической свободы Россия **оказалась в очередной раз у точки бифуркации**[21], т. е. перед выбором: либо двигаться в неолиберальном направлении, избрав либеральную модель развития, которая в принципе не характеризуется национальными особенностями, либо формировать свою собственную модель политического и экономического развития.

Многим покажется, что точка бифуркации Россией уже пройдена и она идет по западноевропейскому пути развития. На мой взгляд, это не так. У страны и нации существуют настолько значительные национальные особенности, которые определяют ее специфику именно как своеобразный, специфический, а не «недоразвитый» либеральный элемент мировой системы. Низкие показатели, данные фондом «Наследие», отражают поэтому не либеральную «недоразвитость», а национальную специфику нашей страны. Конечно, можно иронизировать по поводу показателя «отсутствие коррупции», но вообще-то это тоже национальная специфика, а именно — **коррупция сознательно создавалась и создается либеральной российской элитой как альтернативная (государственной) система управления не только экономикой, но и страной и обществом**. Поэтому борьба с коррупцией должна привести к смене системы управления, точнее — ее замены на другую.

В этой связи интересен опыт правящей элиты Китая. Ее логика модернизации выглядит сегодня

следующим образом: необходимо перейти из стадии «Сделано в Китае» на стадию «Создано в Китае». При этом порядок и приоритетность задач выглядят следующим образом[22]:

— увеличение душевого ВВП до уровня развитых государств;
— ликвидация дисбаланса в уровне развития регионов;
— превращение производящей экономики в наукоемкую экономику;
— социализация экономики: акцент на образовании, здравоохранении, уровне доходов;
— дальнейшая демократизация государственных общественных институтов;
— укрепление международных позиций и статуса Китая по мере укрепления его экономики. Признается, в частности, что «пока» КНР занимает относительно пассивную международную позицию, что потребует определенных усилий по ее изменению. «Это — первый вызов на пути превращения Китая в мировую державу». При том, что «не прекратятся попытки разделить и вестернизировать Китай, превратить его в младшего партнера,.. используя в этих целях свои ценности и принципы…»[23].

Как видно, Китай прошел свою точку бифуркации, выбрав свой, **китайский путь** развития. При этом он отнюдь не выпал из процесса глобализации. Совсем наоборот — получил от глобализации максимум преимуществ. Что видно, например, по его внешнеторговому балансу по сравнению с другими странами[24] «Большой 20».

Рис. 4. G20: Торговля. Текущий расчетный баланс 2010

3. Возможные варианты модернизации: «Сделано в России» или «Создано в России»?

Пока же в России очевидна тенденция деградации человеческого капитала. Для экономически активного населения характерна деквалификация (то есть потеря профессиональных навыков из-за невозможности работы по специальности), деградация, люмпенизация и даже дебилизация[25].
И. Юргенс

Недостаточная разработанность внешнеполитической программы делает внешнеполитический курс непоследовательным, что создает государству имидж «непредсказуемости[26].
М. Хрусталёв, профессор МГИМО(У)

Следует признать, что у России существует, как минимум, три основных варианта цивилизационного выбора и, соответственно, три сценария модернизации, которые условно можно назвать «проамериканским», «прокитайским» и «пророссийским». Хотя, как показывает история последних 50 лет, **каждая страна**, преуспевшая в модернизации, — Финляндия, Израиль, Тайвань, Индия, США, — сделали это опираясь прежде всего на **свою национальную специфику**. Общие закономерности, конечно, есть, но специфических, национальных — значительно больше. Об этом в последние годы писалось много, например, в подготовленном в августе 2010 года докладе американских ученых «Ярославский план 10–15–20», в котором систематизированы именно специфические, национальные стратегии модернизации[27].

В основе любого из них лежит выбор той или иной системы ценностей, но не только цивилизационный, но и выбор модели модернизации, непосредственно связан с развитием национального человеческого капитала, который не случайно имеет определение «национальный».

На тесную взаимосвязь цивилизационного и модернизационного сценариев указывает баланс интеллектуальной эмиграции/иммиграции. В 1990-е годы как уже говорилось, из России ежегодно уезжало по 100–150 тыс. человек. Сегодня эта цифра (кстати, не очень точная) опустилась до 55–65 тыс. Что катастрофично для НЧП и страны в целом.

Вместе с тем в 2009 году, например, профессиональная эмиграция в США составила 48 тыс. в Израиль — около 12 тыс., в Австралию — 10 тыс.,

в Германию — 9 тыс. и в Канаду — 7 тыс. человек. Многие эти граждане являются выходцами из России. Россияне, например, создают более 28 % всех технологических новинок в США[28].

Происходит это потому, что в этих странах абсолютный приоритет отдан созданию условий для привлечения научной иммиграции. Более того, в «Стратегии национальной безопасности США» от мая 2010 года Б. Обама объявил этот приоритет — важнейшим интересом национальной безопасности страны[29].

В России таких условий нет. И создавать их не спешат. Реальная политика такова, что ученый не может выжить и плодотворно работать в своей области. Он постоянно должен искать приработок.

Призывы к внедрению научных разработок в действительности безосновательны. По некоторым оценкам и опросам, только 1 % ученых готовы заниматься внедрением.

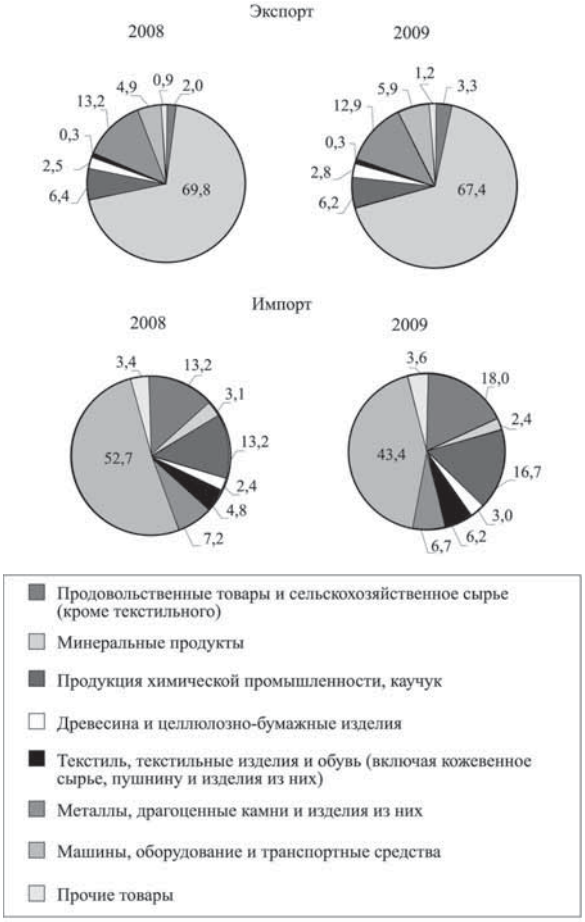
Неясность внешнеполитической позиции или программы, внесение в нее неоправданных, а тем более радикальных корректив, как правило, отрицательно сказываются на внешней политике государств. Мировые лидеры и международная практика — весьма консервативны и с осторожностью относятся даже к самым благоприятным переменам во внешней политике других государств. Предсказуемость, пожалуй, самое ценное и востребованное качество во внешней политике любых государств. В этом смысле идеология, как фундамент для внешнеполитической программы, не просто обязательный, но и очень **прагматичный атрибут государства, гарантирующий от быстрых субъективных изменений во внешней политике**, т. е. требуемую предсказуемость.

Следует понимать и то, что выбор цивилизационной модели и модели модернизации российской элитой во многом изначально **предопределен** исторической, культурной и духовной традиций нации, ее специфическими геополитическими, климатическими и иными условиями. Игнорировать их, а тем более навязывать некие «идеальные», абстрактные или западные модели бессмысленно,

Но попытки неолибералов доказать это продолжаются. Очередная волна подобных попыток проявилась в 2010 году. Типичный пример — интервью популярного телеведущего В. Познера, сделавшего весьма примечательное заявление: «Если оттолкнуть от таких определений, как демократия, качество жизни, уровень жизни, и распределить страны именно по этим показателям, то на первом месте будут именно протестантские страны, все. Потом католические. И лишь потом такие, как Россия, Греция, Болгария и т. д. И это совершенно не случайные вещи, потому что более темной и закрытой религией является православие»(!)[30]. По существу этим заявлением В. Познер поставил под сомнение **всю российскую** систему ценностей, а также ее историю.

И российская элита эту реальность в своем большинстве сегодня достаточно хорошо это понимает (в отличие от начала 90-х годов), независимо от того, какой мировоззренческой или идеологической концепции она придерживается. Примером выделения такой российской специфики может быть ее обоснование профессором Г. Н. Смирновым (хотя существует множество и других обоснований и авторов, рассуждающих аналогичным образом)[31].

Кроме того, нельзя отрицать и сложившуюся структуру российской экономики, в том числе и структуру ее экспорта/импорта (рис. 5–7), которые имеют не только отсталой, но и инерционный характер. Игнорировать эти реалии невозможно.



Россия в цифрах – 2010 г.
Федеральная служба государственной статистики

Рис. 5. Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации (в %)

С точки зрения **национальной**, Россия — сложная этническая общность, в основе жизнеспособности которой лежит мощное мононациональное ядро великороссов, взаимодействующих на добровольной, равноправной основе с другими народами, которые выразили готовность жить в едином с этим славянским ядром государстве.

С точки зрения **исторической**, Россия — носитель славянского «культурно-исторического типа», законный наследник двухтысячелетней цивилизации

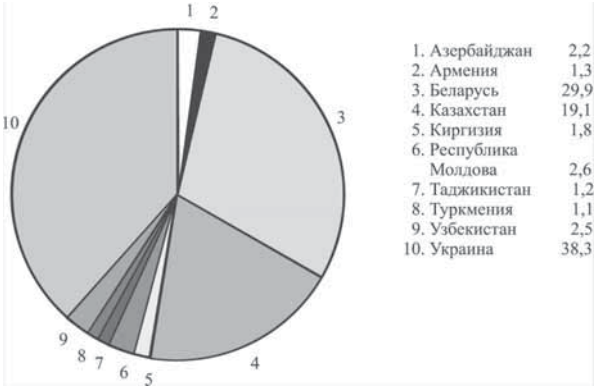


Рис. 6. Структура экспорта России по странам СНГ в январе–марте 2010 г., в %

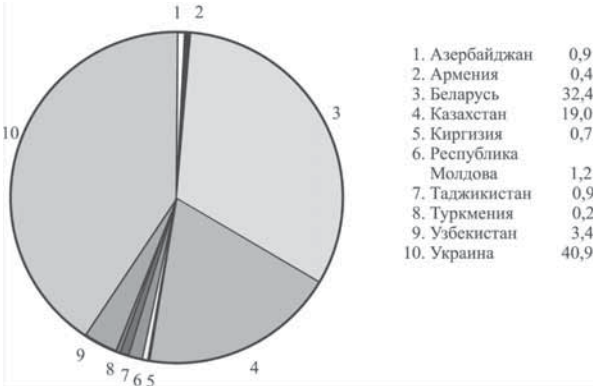


Рис. 7. Структура импорта России по странам СНГ в январе–марте 2010 г., в %

первохристианских апостольских общин, Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, Советского Союза.

С точки зрения **геополитической**, Россия — стержень и главная опора европейского блока, противовес гегемонистским устремлениям США и атлантического большого пространства.

С точки зрения **экономической**, Россия — автономный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей деятельности от западной модели «свободного рынка» и нуждающийся не в перестройке или шоковой терапии, но в эволюционном самобытном развитии, разработке собственной экономической модели.

С точки зрения **мировоззренчески-идеологической**, Россия — хранитель древней духовной традиции, фундаментальными ценностями которой являются соборность или коллективизм, державность или государственная самодостаточность и стремление к воплощению высших «небесных идеалов справедливости и братства в земной действительности». Отрицать этот факт, как это делает В. Познер, конечно, можно, но от этого объективная реальность не перестает быть объективной.

Вместе с тем, признавая эту специфику, российская элита не отрицает, а **признает общеевропейскую общность, которая, по ее мнению, не противопоставляет особенностей России**. Боле того, национально-ориентированный вариант вполне совпадает с концепцией безопасности человека, которая является **частью** НЧП и, по мнению, большого числа экспертов включает в себя[32]:

— экологическую безопасность;
— экономическую безопасность;
— социальную безопасность;
— политическую безопасность;
— культурную безопасность.

На последний элемент — культурную безопасность — хотел бы обратить особенное внимание, ведь концепция безопасности предполагает как низкий уровень риска, защищенность, так и влияние на глобальную безопасность, а также на национальную безопасность, которые тесно взаимосвязаны.

В рамках этого доминирующего подхода есть свои частные и даже маргинальные взгляды, которые могут существенно отличаться. Таким образом следует признать, что в первом десятилетии XXI века Россия, ее элита, **не выработала окончательной позиции** в отношении своего пути развития, включая и такие принципиальные положения, как, например, пути своей **модернизации**. Споры и дискуссии по этой теме вылились по сути дела в общенациональную дискуссию в 2010 году, носящую порой острый политический характер и проявившуюся в самых разных ипостасях — от споров относительно роли КПСС и истории СССР до часто бытовых вопросов, которые «вдруг» всплыли в СМИ.

Модернизация, используя выражение известного отечественного социолога В. Ядова, — это наш «философский камень». Согласно генеральному замыслу, именно модернизация должна совершить долгожданный прорыв, который позволит: избавить страну от «унизительной сырьевой зависимости», диверсифицировать экономику, подтолкнуть общество к гражданской активности и предпринимательству, молодежь к образованию и саморазвитию, отечественную науку к новым открытиям, а промышленность к эффективности и инновациям. В строгом соответствии с расчетами теории «волнового цикла» Н. Кондратьева, мы через 10–12 лет должны вместе со всем развитым демократическим миром осуществить двойной скачок»: завершить в основном пятый цикл технологического развития («информационный») и начать шестой (экобиотехнологический). Ожидается, что такой значительный «формационный» сдвиг изменит в человеческой цивилизации практически все: тип общества, его социально-функциональную структуру и даже сам образ жизни человека[33].

Казалось бы, для проведения модернизации сегодня у государства есть все необходимые ресурсы: денежные, сырьевые, научные. Однако не нужно забывать, что осуществление модернизации — это не просто обновление «железок», но и одновременное проведение колоссальных сдвигов в социально-политической сфере. Опыт успешных

Рис. 8.

стран свидетельствует: полноценные модернизации постиндустриальной эпохи основываются на свободе и достоинстве индивида, раскрепощении его творческих способностей, энергии и инициативы. **Поэтому в России модернизация экономическая невозможна без осуществления в первую очередь модернизации социальной**.

Надо признать, что этот процесс **самоидентификации и выбора сценария модернизации в России очевидно затянулся**. Еще в 2004 году я писал о том, что перед Российской элитой стоит выбор из трех вариантов модернизации: инерционного (продолжения политики до 2004 г), экстенсивно-ресурсного (попытку «удвоения» ВВП); интенсивно-технологического[34]. В результате российская элита де-факто «выбрала» второй, экстенсивно-ресурсный вариант развития, которого придерживается вплоть до 2010 года, декларируя на словах необходимость перехода к инновационному сценарию развития. На самом же деле никакой выбор так и не состоялся, если под выбором понимать не выбор настроений в ту или иную пользу, а выбор решений и реальных действий. Проблема в том, что на самом деле никакого выбора нет. Просто элита этого еще не осознала. Как справедливо заметили Т. Добрынина и В. Севостьянов, «в российском обществе (включая и представителей органов государственной власти) ещё не развилось понимание комплексности проблем перехода к инновационной экономике, в результате нет и системного подхода к решению этих проблем. Между тем проблемы вовсе не исчерпываются чисто технологическими и экономическими аспектами — по сути дела, **инновационная экономика основана на эффективном использовании „человеческого капитала“**, а это требует учета сложных социально-политических и социально-экономических процессов. Вот почему, в частности, невозможно слепо копировать даже наиболее успешный зарубежный опыт — специфика ситуации в России требует разработки, основанной на отечественных реалиях **национальной идеологии модернизации страны**. Именно идеологические регуляторы обеспечат адекватность принимаемых стратегических и тактических управленческих решений базовым российским национальным интересам»[35].

Рис. 9. Гражданская идентичность на региональном уровне по данным проекта «Будущее России», в %

Табл. 1. Территория ШОС, включая страны-наблюдатели, занимает более 60 % Евразийского континента. В регионе проживают свыше 2,8 млрд человек, сосредоточено около 45 % мирового рынка

Страна	площадь (млн кв. км)	население (млн чел.)	ВВП (%, 2009 г.)		ВВП на душу населения (тыс USD, 2009 г.)
			спад	рост	
Казахстан	2,72	15,6		1,2	7,0
Киргизия	0,20	5,4		2,3	0,9
Китай	9,60	1334,7		8,7	3,7
Россия	17,08	141,4	–7,9		8,7
Таджикистан	0,14	6,5		3,4	0,8
Узбекистан	0,45	27,9		8,1	1,2
Индия	3,29	1199,1		5,7	1,0
Иран	1,65	74,1		1,8	4,5
Монголия	1,56	2,7	–1,6		1,6
Пакистан	0,80	163,8		2,0	1,0
Белоруссия	0,20	9,5	–0,2		
Шри-Ланка	0,07	20,2		3,5	2,0

Сегодня этот выбор выглядит следующим образом. Россия может выбрать условно «проамериканский вариант», «прокитайский» или национально-ориентированный вариант модернизации. Примечательно, что речь не идет об иных вариантах или моделях — «исламском», «сингапурском», либо каком-либо еще, хотя некоторые из них выглядит для части российской элиты вполне привлекательно[36].

У всех этих вариантов есть как свои сторонники, так и свои противники. И не только в российской элите. Так, бывший премьер-министр Югославии (2001–2002 гг.) М. Панич, выступая в конце апреля 2010 года в МГИМО(У) заявил: «России нужно углублять экономическое взаимодействие с соседями. Россия может вступить в Евросоюз, поскольку они заинтересованы друг в друге. Другим вариантом была бы тесная экономическая интеграция России и Китая»[37]. В любом случае у России сохраняется многовариантность развития и выбора модели модернизации. Как цивилизационный выбор. Графически это выглядит следующим образом — см. рис. 8.

Очень важное обстоятельство заключается в общественной поддержке того или иного варианта модернизации. Эта поддержка — не только огромный политический ресурс, не учитывать который элита не имеет право, — но и **огромный ресурс самой модернизации**. Как показывают исследования (рис. 9), национально-гражданская идентичность не только стабильно достаточно устойчива, но и является **катализатором** экономического развития, потому служит взаимному доверию и сотрудничеству, содействует мотивации и экономической активности[38].

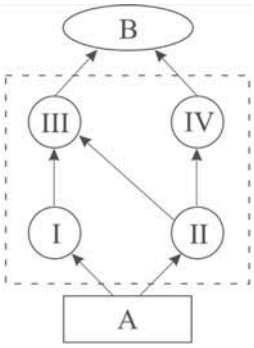
При этом следует понимать, что выбор первого или второго варианта предполагает существенную потерю суверенитета, а, в конечном счете, и национальной идентичности, что в условиях глобализации, вероятно, приведет к размыванию и исчезновению нации. Также важно понимать, что первой вариант модернизации предполагает ее осуществление теми способами, которые свойственны для США и Китая, условно-демократическими способами и инструментами, а второй — тоталитарными.

Если же попытаться проанализировать, какая часть российской элиты поддерживает тот или иной вариант, то окажется, что сторонников первого или второго варианта в России явное меньшинство. Даже сторонники КПРФ, которые любят ставить в пример КНР, по любому поводу, имеют в виду, что контроль КПК и государства в переходный период доказал свои очевидные преимущества, но отнюдь не склонны во всем, тем более в политике, следовать по китайскому фарватеру.

Другое дело, что на европейский выбор неизбежно будут оказывать влияние азиатские реалии — исторические, экономические, политические — России. Так, участие в Шанхайской организации сотрудничества не может не сказаться положительно на всей модели модернизации[39].

Значительно больше сторонников у второго, проамериканского варианта, но и они, даже среди неолибералов находятся в явном меньшинстве. Прежняя идеализация американской модели ушла далеко в прошлое.

В этой связи принципиальное значение приобретает субъективный фактор — адекватность восприятия элитой интересов (потребностей) нации. В данном случае объективной потребности модернизации. Уместно, применительно к внешней политике, повторить общую схему (рис. 10), сформулированную профессором МГИМО(У) М. Хрусталёвым[40].



A — субъект международных отношений (государство);
B — внешнеполитический курс;
--- — внешнеполитическая программа;
I — интересы;
II — ресурсы;
III — цели;
IV — образ действий.

Рис. 10. Внешнеполитическая программа и ее составляющие

Исходным мотивом любой жизнедеятельности **является потребность**, однако, в отличие от животных, человек осознает свои потребности и **в известных пределах может регулировать их удовлетворение**. Соответственно, осознанная потребность выступает **как интерес**. Иначе говоря:

интерес = потребность + осознание

Интерес, таким образом, имеет дуалистическую природу: объективную в виде **потребности** и **субъективную в виде ее осознания**. Поскольку когнитивные возможности сознания всегда ограничены (невозможность познания абсолютной истины), то в процессе осознания всегда в большей или меньшей мере возникают **различного рода ошибки и недостатки**.

Принципиальное несовершенство осознания в наибольшей степени сказывается тем сильнее, чем дальше социальные потребности удаляются от биологически детерминированных (материальных потребностей индивида). Соответственно, возрастает значимость их адекватного осознания. Потребность населения страны в продуктах питания, воде, энергии и т. п. осознается автоматически, а внешнеполитические потребности в принципе требуют немалых интеллектуальных усилий для своего осознания. Исключение тут, как правило, составляет потребность защиты от сильного и агрессивного врага.

В этой связи нельзя не остановиться на самом политическом сознании, хотя бы в самой общей форме. Оно имеет трехчленную композицию: **психология — идеология — наука**.

Два первых компонента обычно объединяются в понятие «политическая культура». Научная корректность такого объединения вызывает серьезные сомнения, как в силу самого термина «культура», который предельно многозначен, так и принципиального различия этих двух типов сознания. Что касается науки, то ее включение в политическое сознание — явление относительно недавнего времени, и далеко не везде это уже произошло. Пока это удел великих держав и крупных государств.

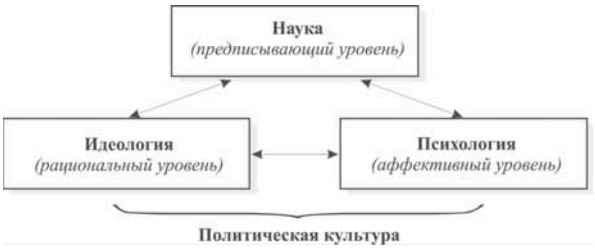


Рис. 11.

Хотя роль науки непрерывно возрастает, что находит свое выражение в развитии все более плотной системы научно-исследовательских институтов и центров, тем не менее особую значимость продолжает сохранять идеология. В этом нет ничего удивительного, так как именно **идеология формулирует тот политический идеал** (в данном случае идеальное состояние СМО), **достижение которого становится самоцелью (самоценностью)**. Следует заметить, что политический идеал есть синтез соответствующих (имеющих отношение к любой рассматриваемой сфере) **ценностей, то есть он всегда аксиологичен**[41].

Американские исследователи, сделавшие подробный анализ российской инновационной экосистемы, отмечают следующие ее основные элементы[42]:

— **Кадровый потенциал.** Наличие адекватной потребностям экономики кадровой основы в лице подготовленных и творчески настроенных учёных и инженеров, а также ориентированных на создание новых предприятий предпринимателей и финансистов является ключевым фактором успеха. Нынешняя институциональная база российской науки и технологии отражает наследие системы, построенной Советским Союзом. Организации, ответственные за стимулирование и развитие научно-технической мысли в советское время, подразделялись на четыре основные категории:
— **Российская академия наук**. На самом верхнем уровне находились научно-исследовательские институты РАН, на долю которых приходилось порядка двух третей фундаментальных научных исследований. Академия наук существует с досоветских времен и является продуктом модернизации, проведённой еще Петром I. В 1990 году АН СССР насчитывала 535 институтов. В постсоветский период эти институты серьезно пострадали ввиду недофинансирования и стали сворачивать свою деятельность. Наиболее пострадал биологический сектор, в меньшей степени — физико-математический.

— **Высшая школа**. Вторая группа состояла из вузов, отвечавших за подготовку учёных, инженеров и исследователей. Университеты занимались не столько фундаментальными исследованиями, сколько исследованиями по договорам с предприятиями и институтами. На начало 1992 года в стране насчитывалось 450 вузов, занимавшихся научными исследованиями на договорной основе. Они также пережили катастрофический упадок в связи с недофинансированием постсоветского периода.
— **Отраслевые и ведомственные научно-исследовательские институты (НИИ)**. Эти институты были важным элементом развития производства в рамках плановой экономики. Все предприятия, находившиеся в ведении того или иного министерства, получали свои технологии от принадлежавшего данному министерству НИИ; разработки собственных КБ передавались в НИИ для доработки и распространения в отрасли (коммерциализации в современном понимании). В 1990 году на долю отраслевых НИИ приходилось 75 % всех прикладных исследований, 88 % конструкторских исследований и 78 % всех научных исследований за этот год. Большая часть этих институтов либо прекратила своё существование, либо перешла на бизнес по сдаче в аренду своих площадей. Некоторые вошли в состав крупных корпораций.
— **Научно-исследовательские институты и опытно-конструкторские бюро предприятий**. Эти институты были связаны с конкретными промышленными предприятиями и отвечали за адаптацию разработанных отраслевыми НИИ технологий к условиям данного завода, фабрики или объединения. Большая часть из них исчезла полностью, однако некоторые из них в ходе реформ превратились в коммерчески успешные проектные организации, особенно в нефтегазовом и металлургическом секторах.

Стоит заметить, что, хотя в других государствах с развитой экономикой центрами научно-исследовательских разработок являются преимущественно университеты, в России центрами фундаментальных исследований исторически были институты Российской Академии наук. **Университеты были высшими учебными заведениями, но не исследовательскими центрами**. Только наиболее передовые университеты и институты, среди которых Московский государственный университет, Московский физико-технический институт, Московский инженерно-физический институт, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Новосибирский государственный университет, Ленинградский государственный университет и некоторые другие, были интегрированы с научно-исследовательскими институтами АН СССР для проведения фундаментальных исследований с участием студентов старших курсов.

4. Национально-ориентированный вариант модернизации

… нельзя, как в 1990-х годах, свести дело к изучению одной только либерализации и демократизации как инструмента модернизации — причем на базе зарубежных теорий. Сегодня «нерв» исследований модернизации — вопрос о формировании в незападных ареалах мира (от Северной Африки до Восточной Азии) собственных жизнеспособных моделей государственного устройства[43].

А. Торкунов
ректор МГИМО(У)

… рынок инноваций — особый рынок … «закрытый клуб», «входным билетом» в этот клуб служит наличие **собственных** (подч. *А. П.*) инноваций, деньги здесь вторичны[44].

*В. Иванте*р

Как уже говорилось, развитию национального человеческого капитала в наибольшей степени соответствует национально-ориентированный цивилизационный выбор и модель модернизации. Такой выбор позволяет России использовать **ее исторические конкурентные преимущества**: культуру, духовность, историю, творческие способности и волю нации по защите своего государства, а также специфические реалии — геополитическое положение в мире и обладание природными ресурсами.

Эти критерии сегодня пока что не входят в ИРЧП и в ИРНП, но это только пока: развитие человечества в XXI веке неизбежно приведет к тому, что культурные и духовные, психологические и другие национальные особенности будут стремительно превращаться в факторы развития. Более того, на мой взгляд, в ближайшем будущем они и станут ведущими факторами развития.

Условия для модернизации, а не «конкретные проекты», которые спешат сегодня реализовать.

Такой подход, на мой взгляд, ошибочен. Невозможно **конкретными проектами мотивировать инновационное развитие**, если в стране не соблюдается закон, разворовывается бюджет, процветает

монополизм, душит коррупция, преобладает выпуск нелегальной продукции, рушится крупнейшая в стране ГЭС, взрываются поезда, десятками тысяч гибнут люди в дорожно-транспортных происшествиях, от паленой водки и пожаров. Иными словами, невозможно отдельными проектами перевести страну на инновационный путь развития, если государство неэффективно.

Невозможно, например, не создав условий для привлечения профессиональной иммиграции (даже, наоборот, сделав все для того, чтобы таланты уезжали), ликвидировать страшный дисбаланс в этой области: ежегодно из России уезжает до 100 000 человек, в то время как в страны, создавшие такие условия (США, Израиль, Австралия и др.), — приезжают десятки и сотни тысяч.

Невозможно, не создав условий для развития ИКТ в России, стать информационным обществом. Как справедливо описывает эту ситуацию эксперт А. Лукьянов, «…российские компании и общество в целом не используют IT как инструмент достижения конкурентных преимуществ, как средство пресловутой модернизации, культурной трансформации…»[45].

Те скромные попытки внедрения IT с помощью государства (например, в школы) не могут называться системными. Они могут претендовать на внимание лидеров, популиризирующих эти способы, но **не становятся системой** информатизации экономики и общества. В лучшем случае — некоторых институтов государства.

Подлинные инновации начинаются **с прочищения умов** (с изменения состояния сознания, прежде всего, элиты), обретения воли и веры, а также наведения элементарного порядка в системе государственного управления с помощью инструментов прозрачности.

С чего начать создание инноваций в экономике? Сурков считает, что «начинать надо с создания спроса, с заказа». Но как его обеспечить, если в России до сих пор по-настоящему не работает рыночная экономика? Скорее, надо начать с создания **условий для функционирования эффективного государства**.

Именно оно обеспечивает работу закона, запускающего рыночный механизм, при котором инновационная деятельность становится выгодной. Законность обеспечивает свободное развитие бизнеса, защиту частной собственности, а главное — это равенство прав конкуренции. Чтобы выжить в условиях конкуренции, бизнес вынужден наращивать производительность труда с помощью инноваций и новых технологий. Пока в современной России нет конкурентной борьбы, выживание на рынке достигается за счет коррупционных связей, теневых отношений и монополизации.

Наконец, есть и сугубо прагматическое соображение, которое странным образом мало учитывается нашей элитой. Идея купить технологии и новейшее оборудование отнюдь не нова. То же самое пытался делать М. С. Горбачев в 1980-е годы. Закончилось это огромными долгами и массой закупленного и неустановленного, незапущенного оборудования.

Экономически оправданный масштабный спрос на отечественные инновации возникнет через восстановление гражданского авиапрома, судостроения, энерго- и сельхозмашиностроения, медицины и т. д. Это, так сказать, рутинные процессы инновационного развития. Но ведь хочется и чего-нибудь необычного[46]

Абсолютное большинство российской элиты является сторонниками третьего варианта модернизации и развития, **который условно ассоциируется с «европейской» моделью**. Естественно, с российской спецификой, которая отражает геополитические, исторические и прочие реалии. Этот выбор объясняется прежде всего идентификацией российской элиты с историей и культурой Европы, которая рассматриваются как неотъемлемая часть российской культуры и истории, а та, в свою очередь, как предмет национальной гордости. Любопытен в этой связи результат социологического опроса, проведенного в 2009 году[47]. Так, на вопрос: **Если Вы гордитесь Россией, чем это обусловлено?** (Сумма ответов не равна 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Данные приведены от количества респондентов, испытывающих чувство гордости). Россияне ответили следующим образом:

В целом историческим прошлым России	77,6
Достижениями в области литературы и искусства	57,2
Большой территорией и богатством природных ресурсов	42,1
Красотой природы	40,1
Научными и техническими достижениями	38,8
Духовностью российского народа	36,2
Достижениями в спорте	16,4
Образованностью российского народа	15,1
Обороноспособностью страны	11,8
Политическим влиянием России в мировом сообществе стран	9,9
Другое	1,3

Примечательно, что среди результатов соцопросов обращает на себя внимание опрос о роли государственных деятелей России, где наивысшие баллы получили те личности, которые так или иначе связываются с борьбой за суверенитет России, сохранение её государственности[48].

Национально-ориентированный вариант модернизации предпочтителен и с социальной точки зрения. «В целом, — как отмечается в отчете РАН за 2009 год, — у российского населения преобладают пессимистические настроения по поводу развития взаимопонимания и сотрудничества между «простыми людьми» и теми, у кого «много власти». Практи-

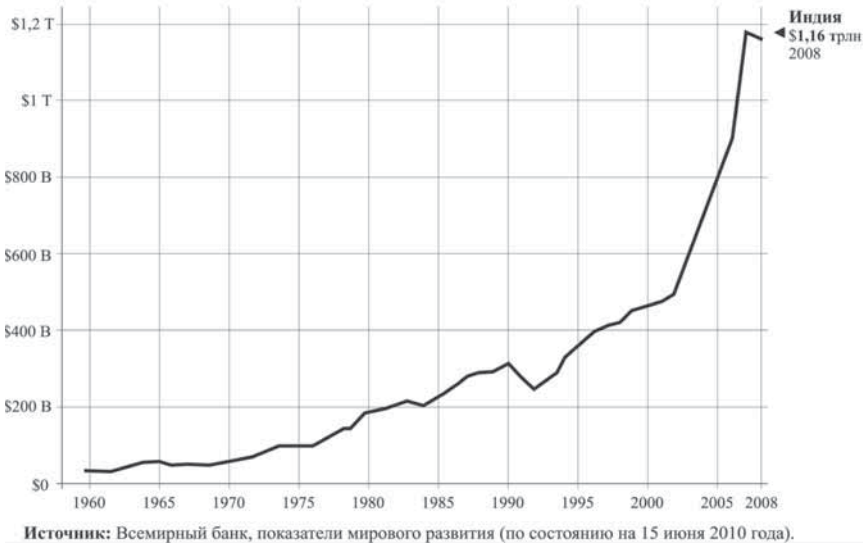


Рис. 12. Прямые иностранные инвестиции в Индию (платежный баланс, USD

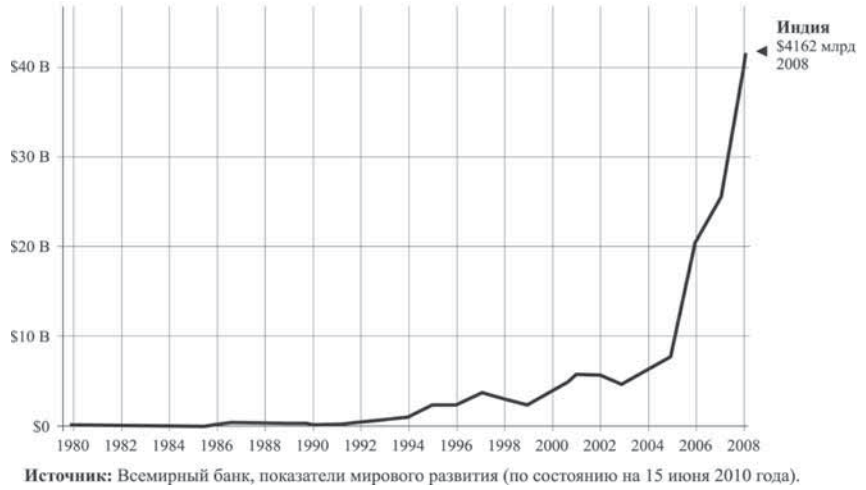


Рис. 13. Валовый внутренний продукт Индии (USD по нынешнему курсу без поправки на инфляцию)

чески половина опрошенных россиян — 48,6 % — полагают, что сегодня в России это невозможно. Треть опрошенных (32,6 %) считают, что оно „в чем-то возможно, в чем-то нет". Оптимистически настроенных людей оказалось не более 15 %. Социальная база для формирования гражданского сознания в целом в России невелика, но она уже формируется — это молодежь от 15 до 24 лет, у которой отсутствует личный опыт жизни в авторитарном советском обществе»[49].

Кроме того, этот вариант совпадает по своему идеологическому вектору с мнением и авторитетом не только православной церкви (РПЦ), но и других основных российских религий и конфессий. Возможен новый социальный конфликт, связанный с тем, что кто-то будет жить в «модернизированном» обществе, а кто-то — в архаическом.

«Дело в том, что модернизация — можно честно сказать, **догоняющая модернизация, тип реформ, которые Россия в своей истории уже не** раз переживала, — не может не вести к глубокому социальному расслоению. Разделение общества на современное и архаичное — это, к сожалению, для России данность. Явление, которое воспроизводится на каждом этапе догоняющей модернизации.

Мы больше не должны модернизироваться за счет этих отстающих. Наоборот, прогресс предполагает общий рост уровня жизни. А чтобы при этом не было социальных конфликтов — утопия. Отрадно то, что отсталые, но сытые вряд ли устроят бунт против существующего порядка вещей»[50].

Наконец, никто из-за рубежа не будет вкладывать инвестиции в человеческий капитал России, т. е. фактически в ее модернизацию. Сегодня эта доля составляет несколько процентов от всего объема иностранных инвестиций. Между тем, здравоохранение, например, — самая перспективная область для инноваций, а, кроме того, дает большой социальный эффект. Усилия последних лет привели к тому, что в первом квартале 2010 года рождаемость в стране увеличилась на 1,3 %, а смертность сократилась на 2,4 %.

Эти выводы подтверждает и успешный опыт модернизации Индии, которая за последние 20 лет сделала стремительный рывок в своем развитии. При этом внешние инвестиции выросли примерно в 3 раза, а ВВП — более чем в 30 раз[51].

Табл. 2. Как Вы оцениваете роль следующих государственных деятелей и военачальников в судьбе России?

	В основном положительная	Незначительная	В основном отрицательная	Затруднились ответить
Александр Невский	90,0	3,5	1,0	5,5
Дмитрий Донской	84,0	8,0	0,5	7,5
Иван Грозный	45,0	6,0	31,0	18,0
Петр I	90,5	1,5	3,5	4,5
Екатерина II	76,5	13,5	4,0	6,0
А. Суворов	93,0	5,5	—	1,5
Николай II	24,0	28,5	36,5	11,0
В. Ленин	36,0	5,0	42,5	16,5
И. Сталин	42,0	3,0	39,0	16,0
Г. Жуков	84,5	7,0	2,0	6,5
Н. Хрущев	37,5	29,5	18,5	14,5
Л. Брежнев	21,0	40,5	25,0	13,5
М. Горбачев	25,5	14,5	48,0	12,0
Б. Ельцин	24,0	11,5	52,0	12,5
В. Путин	63,5	13,5	7,0	16,0

Национальная европейская специфика России имеет очень важную особенность — **историческую память многих поколений о нашествии с Запада**. Не случайно в числе величайших деятелей России под номером один был назван в 2009 году А. Невский, вся деятельность которого — как государственного деятеля, полководца, дипломата и сторонника православия — была связана с отражением агрессии Запада на Восток. Подчеркну — не одного или двух нападений, а **движения** Запада на Восток. Как пишут сегодня российские историки, «…каковы бы были (оценки и данные о сражении), политическое, морально-психологическое и дипломатическое значение победы не может быть поставлено под сомнение — в 1242 г. русские отстояли свою независимость и свои территории перед лицом агрессии с Запада, или, если воспользоваться словами современника Александра Невского, захватчикам не удалось… „подчинить славянский народ себе“»[52].

Огромная популярность А. Невского в России может быть понята только тогда, когда примут восприятие этого политика как человека, отстоявшего национальную идентичность, государство и православие от агрессии Запада.

В этом же контексте следует рассматривать и другой исторический опыт России — нашествие армий Наполеона в 1812 году, объединившего под своими знаменами практически всю Европу в агрессии против России.

В XX веке нападение Германии на СССР также может рассматриваться как нападение «большой» Европы, ведь в войсках рейха, напавших на СССР в июне 1941 года, были румынские, венгерские, болгарские, австрийские, испанские и пр. дивизии.

Сложнее с выбором российской элиты межу тоталитарной и демократической формой модернизации и развития. Российский и мировой опыт нередко свидетельствует в пользу тоталитарной формы политического правления в переходный период, даже в пользу диктатуры. Примечательно, что такой позиции сегодня придерживаются не только убежденные государственники, но и многие либералы, которые полагают, что только диктатура сможет справиться с тотальной коррупцией и всевластием чиновников.

Важно, однако, что как тоталитарный метод модернизации, так и демократический **не ставят под сомнение ни европейскую идентичность России, ни необходимость самого широкого сотрудничества со странами Евросоюза, ни необходимость находиться в единой системе безопасности**. Во всяком случае, до тех пор, пока в Европе с пониманием относятся к интересам безопасности России. Даже в период осетино-грузинского конфликта, когда критика России со стороны Запада резко усилилась, в России не появилось сторонников иной точки зрения, хотя позиция НАТО добавила трезвости и адекватности восприятия реалий российской элите.

Таким образом, для абсолютного большинства российской элиты и общества более предпочтителен третий выбор, тем более, что он означает по сути дела **сохранение традиции европейского выбора России**, естественно, с присущей ей культурной, исторической и прочей спецификой, которую (специфику) не следует слишком преувеличивать.

При этом очень важное значение приобретает роль государства, системное и долгосрочное управление модернизацией **из единого центра**. С этим выводом согласны американские специалисты, которые, перечисляя органы, «направляющие инновационную политику» России, делают справедливый вывод: «На первый взгляд в обязанности этих министерств входят все аспекты распространения инноваций в России. Однако **на практике за инновационную экосистему в целом, равно как и за внедрение новых технологий в общественных учреждениях и государственных компаниях, никто персональной ответственности не несет**.

В результате практические действия, осуществляемые этими и другими министерствами и ведомствами, мало содействуют инновационному развитию. Так, действующее налоговое законодательство РФ ориентировано на интересы добываю-

щих отраслей с высокими капитальными затратами и сравнительно небольшой долей затрат на выплату заработной платы. В России персональные доходы облагаются очень низким налогом, уплачиваемым по плоской шкале, однако при этом предприятию на каждого сотрудника необходимо платить значительные социальные и пенсионные отчисления. **В результате отрасли, полагающиеся преимущественно на умственную деятельность своих сотрудников, например отрасль ИКТ, вынуждены платить очень высокие налоги**»[53].

На этом фоне с ностальгией вспоминаются советские пятилетки. У каждого их года был свой лозунг: первый — определяющий, второй — направляющий, третий — решающий…

С высоты российского демократического опыта всё это кажется наивным. С другой стороны, в том далёком теперь прошлом каждый худо-бедно представлял свою собственную перспективу и перспективу страны. Существовал рациональный посыл: руководство государства демонстрировало народу рубежи, к которым он должен был прийти; «генеральные цели» чётко разбивались на «подцели», контролировавшие общее направление движения… Да, не все задачи были реально достижимы, некоторые — типа «всемирной победы коммунизма» — большинством населения признавались просто иллюзорными. Тем не менее, «вектор развития» определялся довольно точно, что и делало каждый маневр, как минимум, исполнимым.

Какая цель у России сегодня? Какое общество мы хотим построить?

Может быть, есть смысл для начала нарисовать, описать самыми простыми словами, чего же мы добиваемся… А ведь было бы совсем неплохо организовать всероссийскую дискуссию на эту тему. Да и на другие тоже. Например — каким мы хотим видеть свой город? Свой дом? Свою семью? Какого гражданина должно воспитывать наше общество?[54].

К концу первого десятилетия в России сложились условия для превращения идей развития государства и общества в новую идеологию, т. е. систему взглядов, которую условно можно назвать «социально-консервативной» идеологией. Эта внешне теоретическая задача имеет огромное значение для современной России: наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится абсолютно невозможным без ясного определения приоритетов и целей развития, методов их достижения, национальной самоидентификации в глобальном мире, т. е. без решения идеологических задач. Конечно же, существуют и более «простые» объяснения. Как, например, у Д. Фурмана, полагающего, что «При Путине общество как бы отдохнуло после смуты в родной атмосфере авторитарной власти. Но когда оно отдохнуло, ему начинает хотеться „чего-нибудь прогрессивного“, а привычное начинает ощущаться как „застойное“. Время начинает работать на лозунги типа „модернизация“ и людей, их воплощающих. „Модернизация“ — мобилизующее, оптимистическое слово. Оно должно дать обществу ощущение перспективы, веру в свои силы и надежду на будущее. В теперешнем контексте лозунг модернизации может сыграть положительную роль и помочь нам сдвинуться с мертвой точки, в которую мы попали в путинское время, когда впереди виделось в самом лучшем случае лишь то, что уже было в прошлом»[55].

Другими словами, каждый вкладывает в термин «модернизация» свой смысл. Которые, в свою очередь, могут быть совмещены только в рамках общей системы взглядов, доминирующей в обществе идеологии. В данном случае идеологии социального консерватизма.

5. Русский социализм как сценарий модернизации и идеология национальной безопасности

> В условиях глобализации процессов мирового развития… Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности[56].
>
> *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года*

> Внешняя политика должна выражаться не только в ракетах, но и в конкретных и понятных нашим гражданам достижениях…[57].
>
> *Д. Медведев*

Примечательно, что политика России в области безопасности, в частности, ее внешняя политика, ставит знак равенства между понятиями «государственная безопасность» и «национальная безопасность». Очень важно понимать разницу, имеющую принципиальное значение. В том числе и для понимания сути внешней политики России в области международной безопасности и ее значения в модернизации страны. Это непонимание — **прямое следствие** отсутствия у правящей российской элиты идеологии, в том числе

идеологии развития и модернизации. Включая, естественно, и важнейшие аспекты международной безопасности.

Если для государственной безопасности, как говорит Д. Медведев, важны ракеты, то для национальной безопасности — люди, точнее — национальный человеческий капитал. Если для государственной безопасности основной объект воздействия — внешняя политика, то для национальной — гуманитарные области. Не случайно в своем Послании от 2010 года Д. Медведев акцентировал свое внимание в соглашении с Евросоюзом «Партнерство для модернизации» именно на трех гуманитарных аспектах: сотрудничество в области технологий, гармонизации норм и регламентов, упрощение визового режима и расширении профессиональных и академических обликов.

Здесь видна явная взаимосвязь между концепцией национальной безопасности и концепции внешней политики России, с одной стороны, и идеологии, с другой. Гуманитарные области сотрудничества и модернизации становятся в XXI веке не просто основными сферами международного сотрудничества, но и прямо вытекают из идеологии правящей элиты. Прежде всего видения ею приоритетов такого сотрудничества, его форм, а, главное, готовности идти до определенного предела в таком сотрудничестве.

Этот предел, в свою очередь, имеет важнейшее значение, что проявилось уже в 70-е годы XX века, когда гуманитарная область (так называемая «третья корзина») на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и в отношениях СССР и США стала областью, в которой давление на СССР было особенно ощутимым. Не секрет, что вопросы безопасности прямо связывались с гуманитарными проблемами (выездом из СССР, свободы СМИ и т. д.).

По сути дела в XXI веке взаимосвязь между проблемами безопасности и гуманитарными проблемами сохранилась. Несмотря на то, что Россия уже 20 лет как отменила все ограничения и перестала быть авторитарным государством. И сегодня на различных уровнях — двусторонних отношений, институтах Европы и Евросоюза и т. д. — отчетливо прослеживается стремление Запада навязать в качестве эталонов свои нормы и правила. Примечательно, что прошедший в Астане 1 декабря 2010 года саммит ОБСЕ (не собиравшийся 11 лет) реанимировал эту структуру взаимосвязи военно-политических и гуманитарных вопросов во многом из-за инициативы Д. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности. Эта инициатива президента, по мнению С. В. Лаврова, помогла преодолеть СБСЕ «кризис идентичности»[58].

Примечательно, что кризис идентичности СБСЕ не случайно совпадает с кризисом идентичности российской внешней политики и политики вообще. И в первом, и во втором случае эти кризисы имеют под собой фундаментальную основу. В России из-за незавершенности идеологических процессов и отсутствия общенациональной идеологии. В Евросоюзе — из-за потребности создать такую идеологию для нового субъекта международных отношений — конфедерации европейских государств.

Вот почему для России важно самой определиться прежде всего с той частью своей идеологии — как системы общепринятых взглядов российской элиты, — которая касается международной и европейской безопасности, сути и форм сотрудничества, границ и пределов такого сотрудничества и т. д.

На мой взгляд, следует выделить несколько особенностей формирования этой внешнеполитической идеологии в последнее время. Из них главными являются следующие:

Во-первых, идеология русского социализма — это российская, специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей форма идеологии социального консерватизма. Следовательно, она может стать основой стратегии национальной безопасности страны и основой концепции государственной безопасности России. Она (ее разновидность) становится также ведущей в ряде развитых странах, стремительно вытесняя как неолиберализм, так и неоконсерватизм. В разных странах она проявляется по-разному, но чаще всего в специфических формах социально-консервативной идеологии.

Похоже, что в начале XXI века именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. Особенно это проявилось в период кризиса 2008–2010 годов. Примечательно в этой связи, что масштабный соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, где традиционно сильна социально-консервативная идеология, показал, что 80 % граждан **не поддерживают капиталистическую идеологию**. Вместе с тем, опрошенные не вполне ясно представляют себе, какой должна быть идеология.

Во-вторых, основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложились за годы президентства В. Путина и Д. Медведева. Её отдельные элементы — сильное государство, традиции, социальная ориентированность. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее формализации, а может быть и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину, представляющую собой систему доминирующих взглядов российской элиты.

Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы, «смыслы» и принципы этой идеологии **уже существуют**. Поэтому неверно расхожее утверждение о том, что у В. Путина и Д. Медведева нет никакой идеологии и долгосрочной стратегии. Элементы и принципы уже просматриваются, но **системы** нет. Все последние послания президента Федеральному Собранию, а, главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично **закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития страны**. К сожалению, этот фундамент должен быть системой, которой он пока не **являет-**

Табл. 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, Российская Федерация (мужчины) значение показателя за год

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	59	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	62,8

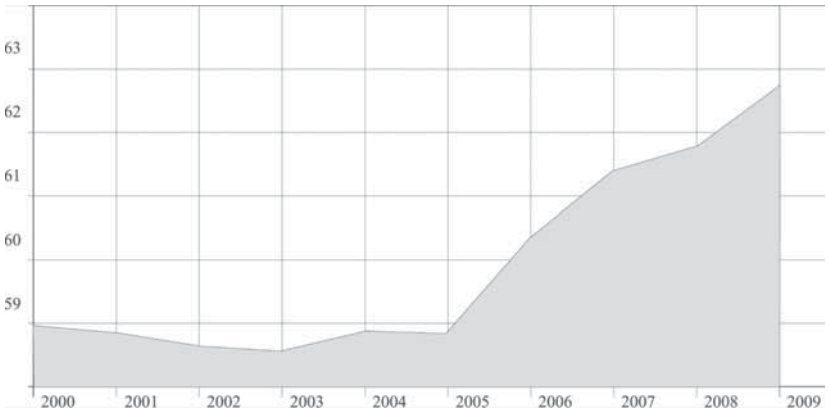


Рис. 14.

Табл. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, Российская Федерация (женщины) значение показателя за год

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	72,3	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	74,7

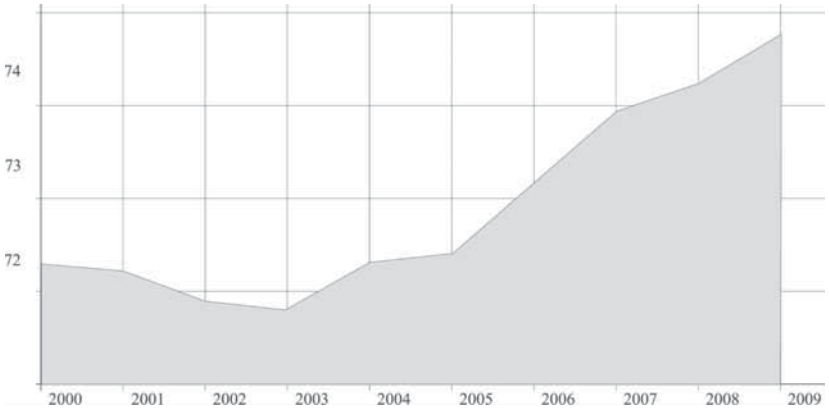


Рис. 15.

ся. Такой фундамент просто не может **не быть идеологическим**. Даже если В. Путин или Д. Медведев, как «главные идеологи», это и отрицают, апеллируют к абстрактному прагматизму.

Когда наши современные либералы противопоставляют национальные интересы и ценности идее модернизации, они делают серьезную, даже роковую ошибку. Модернизация возможна только как синтез традиционных ценностей и новых реалий. Только в результате такого синтеза возможно производство качественно нового продукта или услуги, что, собственно и является инновацией. Заимствования извне — это всего лишь заимствование. Это касается всех областей, в т. ч. политики, но особенно — международной. Как справедливо заметил С. В. Лавров, «Когда мы говорим о модернизационной перенастройке нашей дипломатии, мы отнюдь не отказываемся от базовых принципов своей внешнеполитической философии: прагматизм, открытость, многовекторность, неконфронтационное продвижение национальных интересов. Наоборот, речь как раз идет о максимальном задействовании этих принципов применительно к сегодняшним императивам развития страны»[59].

То же самое происходит и в экономике и в технологии: модернизация, основанная на базовых национальных ценностях, позволяет реализовывать стратегию опережающего развития, а заимствования всегда будут обрекать экономику страны на отставание.

Аналогично и для общественных систем. Примитивный перенос чужого опыта — политического, социального, гуманитарного — программирует наше отставание относительно других государств.

В-третьих, в основе идеологии русского социализма лежит главная идея — развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобали-

зации ключевую **роль цели** и одновременно **средства развития. Подчеркну** — национального развития, т. е. развития НЧП. Человеческий потенциал даже отдельной личности не может развиваться вне национальной культуры и национального наследия. Тем более человеческий потенциал нации.

Эта ключевая идея стала общепринятой в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться в сознании правящего класса в России еще до начала кризиса, в 2005–2008 годы. Мы можем признать, что в этот период произошло определенное переосмысление правящей элитой приоритетов развития, более того, даже приняты и реализованы некоторые решения.

Результаты, безусловно, есть. Они очевидны. Так, по ключевому, демографическому, показателю НЧК они свидетельствуют прежде всего о важнейшей роли субъективного фактора — осознания и принятия решения элитой страны. По данным Росстата видно, как практически отражаются усилия власти на важнейших показателях, характеризующих НЧК. Диаграмма, составленная по этим данным (рис. 14), наглядно иллюстрирует вполне субъективный, т. е. **зависящий от воли элиты**, демографический тренд, отчетливо проявившийся с 2005 г., т. е. **после принятия решения** о приоритетных национальных проектах[60].

Ожидается, что впервые в 2010 году в результате увеличения продолжительности жизни мужчин и сокращения смертности Россия покажет пусть небольшой, но прирост населения.

Еще заметнее эта тенденция для женщин, где показатели еще более выразительнее (рис. 15). Как видно из приведенных ниже данных, ситуация стала меняться с 2005 года. Не случайно этот показатель НЧП, считающейся наиболее важным, вполне совпадает с политической тенденцией в политике В. Путина и Д. Медведева в 2005–2010 года, которая, несмотря на мировой кризис, приобрела социальную направленность.

Этот процесс — подчеркну — еще не только не завершился, но даже не набрал необходимой силы. Однако уже совершенно ясна **общая тенденция**, **направленность вектора движения**. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал стали в центре внимания элиты, действий власти.

Социальная сторона жизнедеятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становятся ведущими областями, определяющими темпы не только социального, но и экономического развития. Повторю, этот процесс находится в стадии, когда от политических деклараций пока ещё только начинают переходить к конкретным действиям. Деятельность В. Путина и Д. Медведева по реализации нацпроектов — пример того, как в 2005–2010 годы власть настойчиво, иногда даже не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

Конечно же, еще нельзя говорить вполне определенно о том, что политика элиты стала социально ориентированной, направленной на главную цель — развитие НСП, — но поворот в этом направлении, безусловно, произошел.

Накопленные антисоциальные ошибки и тенденции 90-х годов еще придется долго изживать, ведь в этот период в стране, очевидно, господствовала не только антисоциальная, но и антинациональная внутренняя и внешняя политика. То, что сохранилось к 2011 году, можно целиком отнести на счет российских либералов 90-х годов, их псевдоидеологии и того правящего класса, который сформировался в тот период.

Но сегодня уже важен не политико-идеологический поворот — он произошел. Сегодня важно избавиться от остатков либеральной идеологии и ее носителей в правящей элите, законов, правил и норм, созданных в период их господства.

В-четвертых, идеология русского социализма может стать идеологией формирующегося ведущего класса современности — «креативного класса», который в современных реалиях уже стал ведущей производительной силой в других странах мира. Как считают некоторые эксперты, сегодня до 85 % прироста ВВП в развитых странах обеспечивает креативный класс. Но этот класс (как в свое время пролетариат) еще не осознал своего значения и не занял подобающего политического места в системе власти. Причем не только в России, но и в мире.

Во многом это происходит из-за того, что политические системы развитых государств уже не соответствуют требованиям времени, в частности, роли креативного класса в экономике и политической жизни страны.

Для России этот вывод еще более справедлив. За годы правления либералов креативный класс, прежде всего ученые, инженеры, деятели культуры, искусства, образования пострадали больше остальных социальных групп. И не только количественно. Их численность сократилась в разы. Но и качественно: лучшие представители уехали за границу, либо сменили профессии, которым в «демократической» России не нашлось применения.

Поэтому сегодня, в том числе и в интересах национальной безопасности и модернизации, необходима идеология, носителем которой стал бы креативный класс. Но не только. Важно, чтобы в политике, в том числе внешней, стало преобладать творческое начало. Важно, чтобы креативный класс, выбитый из органов власти, политически окреп, стал политической силой.

И здесь очень важно, что, осознавая себя политической силой, креативный класс сохранил свою национальную суть и государственническую ориентацию. Чтобы он не превратился в наднациональную социальную группу.

Эти и другие положения социального консерватизма суть новой политической концепции, которая

еще ждет своей идеологемы[61]. Можно признать, что основные идеи сформировались в последние годы в условиях глобализации в развитых странах и в России, т. е. это вполне объективная тенденция, которая пока еще сдерживается в нашей стране в силу известных факторов. Можно сказать и проще: плутая последние десятилетия по бездорожью, Россия почти вышла на твердую почву — магистральный путь развития. Увидела не только цель, но и вектор. Проблема теперь только в том, чтобы, во-первых, быстро по нему двигаться, т. е. проблема в стратегии; во-вторых, в том, чтобы полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т. ч. идеологии, чтобы очередные идеологические шаманы не столкнули с этого пути общество.

В-пятых, сегодня модернизацию и глобализацию пытаются противопоставить национальным ценностям и интересам. В том числе и вроде бы в интересах модернизации. Такая очередная деидеологизация снова приведет только к отказу от попытки совершить скачок в развитии нации и страны. Глобализация и идеология — два тесно взаимосвязанных процесса, чья взаимозависимость, однако, обнаруживается далеко не всегда. Только тогда, когда ее хотят обнаружить: во вред или на пользу нации. Так, **идеологическая установка** на развитие национального человеческого потенциала, прежде всего его научных и образовательных школ, является **условием** для создания качественно нового, оригинального продукта или услуги, а не примитивным повторением, пусть лучших, но чужих достижений. Как справедливо заметил В. Путин, «Недостаточно просто копировать чужой опыт, либо чужие образцы, так мы всегда будем отставать»[62].

В-шестых, позитивные аспекты глобализации — если подходить к ним с точки зрения национальных интересов — в России остаются без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во многом объясняется именно новыми идеологическими установками, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В. Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже **сам определяет его**. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»[63]. Идет мирная экспансия. Уже на технологической стадии. Но следует помнить, что при этом Китай никогда не поступался идеологическими, культурными и историческими ценностями.

Впрочем, как и Индия, которая в этой связи заслуживает отдельного разговора. Так, в 2010 году социальная политика страны получила самую высокую оценку: рост зарплат прогнозируется на 10,6 % (по сравнению с 6,6 % в 2009 году), а устойчивый рост ВВП страны — около 9 %. Ряд аналитиков даже считает, что Индия способна обогнать китайскую[64].

В-седьмых, процесс модернизации в России, если он будет осуществлен правильно (т. е. через синтез национальных ценностей и реалий глобализации), может иметь огромное международное значение. Российский успех может стать примером для многих. Наша страна **может вновь стать мировым идеологическим лидером**, дать своим примером ответы на многие вызовы, связанные с фазовым переходом. «…Россия не просто способна представить новую концепцию глобализации, но многие в мире заинтересованы, чтобы такая работа была проведена. Прежняя модель глобализации уже не работает. И в этом смысле Россия оказывается, возможно, единственной страной из крупных держав, которая способна поставить вопрос о ее смене», — заметил Дискин. «Тем более что на такую модель „уже фактически сформирован запрос“ у многих членов мирового сообщества (например, в рамках БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай)»[65].

В-восьмых, не только США, стремящиеся сделать привлекательными свою систему ценностей в мире (в т. ч. и государственными средствами), но и Россия способна предложить человечеству привлекательные идеи, инновации и концепции. То, что в действительности соответствует критериям инноваций, а именно: **качественно новый продукт** в экономике и социальной жизни. Для этого у России всё есть. Кроме ясной идеологической системы и мобилизации. И первое, и второе нужно для того, чтобы сконцентрировать усилия нации на решении задач опережающего развития. Но и первое, и второе нужно для активной внешней политики России в области международной безопасности. Для этого нужна внятная идеология, ориентированная на человека, развитие его возможностей и способностей. Это означает, что прежде всего потребуется уйти от приверженности и приверженцев макроэкономики, заменяющей сегодня России идеологию и составляющих большинство правящей элиты страны. Уйти к приоритетам социального и гуманистического порядка. В качественной работе, посвященной такой идеологии и человеческому потенциалу, ее авторы делают принципиальный вывод, с которым трудно не согласиться: «Для России особенно актуален **социогуманитарный переход** — от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека. Последнее означает согласованный, соразмерный рост составляющих человеческого капитала — витальной, интеллектуальной и духовной. Такой переход невозможен без коренного изменения культурной политики государства — отхода от коммерциализации культуры к политике, обеспечивающей гармоничное развитие человека.

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя „Национальная идея“. Такой на настоящем этапе является идеология социогуманизма, утверждающая

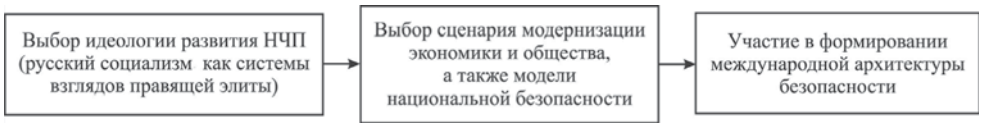


Рис. 16.

жизнь высшей ценностью бытия, приоритет гуманитарных ценностей над материальными»[66].

Добавлю, что, по сути, альтернативы этому курсу у России нет. Время неизбежно заставит избрать именно этот курс. Важно не потерять время, которое является таким же важным ресурсом, как и финансы, экономика. Следовательно, выбор сценария модернизации — это прежде всего **идеологический выбор не только во внутренней, но и во внешней политике России**. Этот выбор, в конечном счете, и предопределяет реалистичность идеи создания международной архитектуры безопасности. Последовательность этих действий такова — рис. 16.

Проблема, повторяю, во времени. Мы откровенно пренебрегаем этим ресурсом последние 20 лет, запаздывая в формулировании четких целей, и не спешим выполнить поставленные задачи. И сегодня, заявив о стремлении создать новую архитектуру безопасности, мы начинаем с конца, а надо бы с самого начала — разработки собственной идеологии и стратегии развития, в которой центральное место занимает развитие НЧП. Тогда и международному сообществу, может быть, наши планы не показались такими абстрактными. Они выглядели бы как естественное, внешнеполитическое продолжение общенациональной стратегии развития нации, государства, экономики и общества.

6. Национально-ориентированный выбор: авторитаризм или демократия?

… когда у власти оказался либеральный Альянс, идет лишь одна взаимоиспепеляющая война кланов (в Молдове. — *А. П.*), в страну вернулись все криминальные авторитеты…[67].

О. Воронин,
предприниматель

…власти (Казахстана. — *А. П.*) решили кардинально поменять ситуацию, увеличив расходы на образование только в 2010 году на 30 %[68].

России необходима самоидентификация и с точки зрения **выбора политической системы**, т. е. отождествления себя с вполне определенной политической системой, архетипом и т. д. Это имеет огромное значение и с международной точки зрения, ведь соблюдение взятых на себя обязательств является значимой мотивацией для сохранения своего идентификационного статуса. Психологи так трактуют это качество: «Под самоидентификацией (СИ) мы будем понимать именно отождествление себя с определенной социальной группой, образом, архетипом и т. д. Например, я инженер; я отец; я мужчина и т. д. Самоидентификация тесно связана с моралью. Одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств является именно **сохранение своего идентификационного статуса**». Слово офицера, слово дворянина, честное купеческое. «Так себя порядочные женщины не ведут», «ты мужчина или кто?» — примеры таких ситуаций. Если я не выполню этого, значит, я не настоящий офицер (дворянин, купец, женщина, мужик…), другие не будут относиться ко мне как к настоящему офицеру (купцу, женщине…)[69].

Система международной безопасности во многом зависит от того политического устройства и режима, который существует в той или иной стране. Этот вывод, справедливый во многих отношениях, не является вместе с тем универсальным правилом. Действительно, появление агрессивных идеологии и политических режимов, как показывает история XX века, ведет часто к дестабилизации системы международной безопасности и мировым войнам. Но мы знаем и немало примеров того, как характер политических режимов не влияет на международную безопасность, либо даже укрепляет ее.

Так, начало разрядки и процесса ограничения стратегических вооружений, подписание Заключительного акта в Хельсинки и другие события относятся к началу 70-х годов XX века, когда у власти в СССР находился авторитарный режим, а в США — консервативные республиканцы. Сегодня вполне авторитарный режим Китая очень осторожно ведет себя в мире, способствуя в реальности укреплению международной безопасности. Тоталитарный режим С. Хусейна уничтожил в десятки раз меньше граждан страны, чем демократические Соединенные Штаты. Поэтому ставить знак равенства между демократией и безопасностью нельзя.

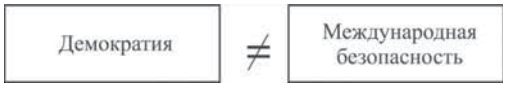


Рис. 17.

Сегодня многие не только на Западе, но и в России пытаются доказать, что условием создания системы международной безопасности и модернизации является демократия. Путают в очередной раз цель (безопасность) и средство (демократия), абсолютизируя демократию, превращая ее в самостоятельную цель. Это неправильно для внутренней политики, а тем более, — внешней.

Еще хуже, когда главная цель — развитие НЧП — становится средством для достижения демократии, а не наоборот. Так, генеральный директор журнала «Знание — США» И. Харичев пишет, рассуждая о модернизации: «Только приоритет человека перед государством рождает демократические формы»[70], которые ведут к модернизации. Его «формулу» можно изобразить следующим образом — см. рис. 18.

Рис. 18.

Национально-ориентированный выбор модели модернизации отнюдь не тождественен авторитаризму, чего так боятся нынешние либералы, проклиная по всякому поводу и без оного И. Сталина. Он также не и**сключает использование авторитарных методов**, даже предполагает их применение время от времени. Главное при определении такого выбора чётко вычленить **его цель**, самоценность которой является развитие НЧП, а отнюдь не демократия. Тем более когда «подлинную демократию» связывают с существованием партийной системы. Еще в 1990 году в своей статье «Как нам обустроить Россию» А. Солженицын писал: «Разделиться нам на партии — значит разделиться на части. Партия как часть народа — кому же противостоит? Очевидно — остальному народу, не пошедшему за ней… Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийности уже подавляет личность и роль ее, всякая партия есть упрощение и огрубление личности… **Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям. При буйстве партий — кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня. Не дать возможности „профессиональным политикам“ подменять собою голоса страны**»[71].

Может быть поэтому эту статью сегодня не любят цитировать наши демократы, которые по любому поводу используют имя А. Солженицина, пытаясь переписать в очередной раз нашу историю?

В данном случае — развитие НЧП, — где инновации возможны **только** при использовании государством вполне авторитарных методов, включая главный — создание искусственного спроса на инновации. Как справедливо заметил А. Аринин: «„Спрос“ на инновации появится, как только государством будут **созданы условия, при которых заниматься ими станет выгодно. А инновационный бизнес будет защищен законом и от чиновников, и от недобросовестных конкурентов**. Именно такую „безопасность“ и связанную с ней „открытость“ надо иметь в виду. Деньги непременно появятся, как только государством будут созданы необходимые условия для инноваций.

Чтобы запустить проект „инновационного чуда“, России, по мнению Суркова, необходимо улучшить „политический имидж“. В этих целях важно запустить «механизм энергии, амбиции элит, азарта и интереса к жизни». Для этого следует пригласить в создающийся инновационный центр иностранцев — создать новую „немецкую слободу“. „Нам критически необходимо, чтобы сюда проникла более высокая культура производства, технологий и исследований — вместе с живыми ее носителями“, — подчеркивает Сурков.

„Политический имидж“, однако, зависит не столько от „энергии, амбиции элит, азарта и интереса к жизни“, а от эффективности управления, ответственности и компетентности элиты, которая реализует эффективность ее главного инструмента — государства. Политический имидж начнет улучшаться, как только элита приведет **в порядок этот свой инструмент, создав условия для эффективного функционирования государства**. А опираться на иностранцев, создавая очередную „немецкую слободу“ в науке — бессмысленно и опасно, тем более, что мы имеем печальный опыт привлечение иностранных „варягов“ в российские политику и бизнес»[72].

Другой аспект, который как-то забывают, когда рассуждают о демократии в России. Уже сегодня Запад делит постсоветское пространство по принципу «демократических» и «авторитарных» государств, используя для этого различные поводы — от увязки проблемы визового режима до решения вопросов сотрудничества в области безопасности. При этом Россию специально противопоставляют другим постсоветским республикам — «менее демократической Белоруссии, Туркмении и Таджикистану» и «более демократической» Украине, Грузии, Молдавии. И этот раскол, в т. ч. благодаря нашей бездарной политике последних 20 лет, продолжает углубляться. Как справедливо заметил А. Лившиц, «скоро придет к власти в этих республиках новое поколение. Тогда будет поздно. Станем думать не о том, как подружиться. А о том, как бы не подраться»[73].

Национально-ориентированная модель модернизации в России, Казахстане, Азербайджане, Украине — в каждой республике по-своему, — не только отражает специфику этих республик, но и **не противоречит** общеинтеграционным процессом. Работает на единство. Но как только в дело вступают рассуждения о «демократичности режимов», то, естественно,

правящие элиты занимают оборону по всем фронтам, И выступать в этом процессе России в качестве участника — это значит идти против не только режимов, но и всей интеграции.

Вопрос о демократии и авторитаризме, на самом деле, оказывается вопросам о том, какая модель модернизации — национально-ориентированная или «демократическая» будет выбрана. Судя по заявлениям Д. Медведева, была выбрана «демократическая». В своем послании от 2010 года он так и сказал описывая свою политическую стратегию: «…опираясь на ценности демократии, модернизировать экономику…»[74].

«У нас своих научных кадров и передовых разработок — предостаточно. Надо лишь **создать нормальные условия для их эффективной работы**, о чем речь шла выше. А что касается высоких технологий, то, раз Запад препятствует их ввозу в Россию, надо идти по пути Китая, который ради своих национальных интересов игнорирует авторские права»[75].

Примечательно, что и авторы американского доклада на ярославском форуме, посвященного инновациям, видят также главную задачу государства в создании искусственного спроса на инновации: «…**успех или фиаско этих мер, как и прочих, будет зависеть от качества их исполнения, а также того, насколько хорошо учтены в них конкретная ситуация в стране и мире, политические проблемы и насколько хорошо осознаны причины, по которым те или иные меры сработали или провалились в других странах**. То есть, в любом случае новая инновационная политика должна учитывать российские реалии и принимать во внимание специфику географии, истории и культуры России, а не состоять из механически перенесенного на российскую почву чужого опыта.

Как было отмечено во введении, **настройку национальной инновационной системы следует производить в более широком контексте национальных реформ налогообложения, права, торговли**…

Наконец, не стоит забывать о постоянном искушении рассматривать возникающий в результате инновационных процессов экономический рост не как процесс, а как цель»[76].

Так, еще в 50-х годах XX века в США появился термин «качество жизни», который означал «более высокий стандарт уровня жизни» в новом обществе потребления. Он включал в себя такие параметры, как обладание товарами длительного пользования, домом и т. д. Позже к этим критериям были добавлены свободное время, состояние здоровья, а в 1967 году президент Л. Джонсон заявил, что задачи его администрации должны оцениваться «на базе критериев качества жизни, а не банковских операций»[77]. — Вполне авторитарное решение, реализованное также авторитарными методами.

С тех пор произошло множество изменений в оценке качества жизни, но главное, пожалуй, заключается в том, что критерий качества жизни стал не только ведущим критерием в оценке деятельности

Рис. 19.

управления, оттеснив показатель душевого ВВП, но и **целью** — практической и политической — развития.

Пример Казахстана, руководство которого упрекают в авторитаризме, — показателен. Эффективность

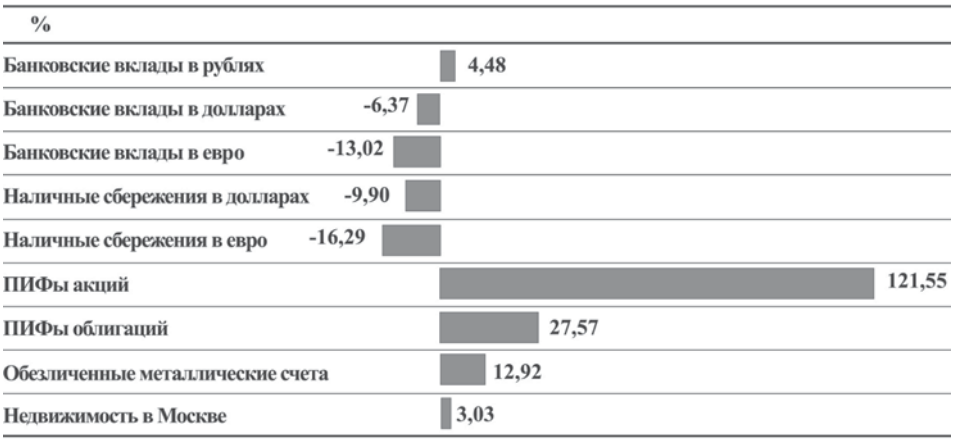


Рис. 20. Доходность сбережений (с июля 2009 года по июль 2010 года)

модернизации может быть высокой при любом режиме. Более того, даже служить некоторым примером. Так, в 2010 году в стенах нового университета были подведены итоги первого полугодия пятилетней **программы форсированного индустриально-инновационного развитии страны (ПФИИР)**. С участием Н. Назарбаева прошел общенациональный телемост «Сильный Казахстан построим вместе!», в рамках которого руководители всех регионов страны информировали главу государства о запуске в эксплуатацию объектов индустриальной программы. В результате было презентовано 72 инвестиционных проекта первого полугодия на сумму 2,5 млрд долларов, из них 68 пришлись на принципиально новое производство. В 2010 году будет запущена 144 проекта, всего в 2010–2011 годах планируется реализовать 191 индустриальный объект общей стоимостью 20 млрд долларов.

При этом для элиты сохраняются не только варианты тоталитарной или демократической модернизации, но и широкий спектр промежуточных вариантов, а также переходы от одной модели (варианта) к другому в зависимости от обстоятельств, времени и результативности. Авторитарные, даже тоталитарные методы модернизации для России, сегодня вполне приемлемы для значительной части элиты, которая видит в них единственное средство борьбы с воровством и коррупцией, бесчинством чиновников и силовых структур. Это подтверждают бесконечные дискуссии о «судьбе демократии» в России, которые ведутся с 2025 года по настоящее время. Как заметила профессор МГИМО(У) И. Бусыгина, «Во-первых, демократия за крайне редкими исключениями обсуждается только в связке с суверенным государством. Во-вторых, очевидно ключевыми при обсуждении являются два тезиса: 1) демократия имеет выраженные национальные особенности; 2) демократия небезгрешна и подвержена коррозии. Я предполагаю, что выбор именно таких фокусов для обсуждения не случаен — здесь **виден замысел** (подч. — *А. П.*), поскольку на следующей стадии фокусы эти весьма интересно интерпретируются для российской ситуации[78].

Действительно, у российской элиты «есть замысел». Он прост: она устала от демократии в том ее абстрактно-либеральном, идеализированном виде, который существует в умах части либерального общества. Она пытается «приспособить» демократию к своим конкретным потребностям, а не оставлять ее самоцелью.

Кроме того, в пользу авторитарных методов модернизации говорит опыт Чили, Китая, ряда других стран. На мой взгляд, авторитарные методы — единственно эффективные способы модернизации России в условиях переходного периода. Более того, я допускаю, что в переходные периоды возможен безболезненный переход от одного состояния в другое экономики, политической системы и общества **только при диктатуре**.

С этим связана, например, проблема инвестиций. Сегодня главным и по сути единственным инвестором модернизации выступает государство. Иностранные инвесторы **не заинтересованы**, как показывают данные (рис. 19), в модернизации России.

Из них в ЧК — менее 3 %.

Но и отечественный бизнес **также не заинтересован в инвестициях в НЧК**. Это хорошо видно на примере отечественной банковской системы.

Финансовая и банковская системы, как ни странно, **не заинтересована в привлечении денег не только у населения, но и бюджетных средств**. Существующие ставки по вкладам практически вышли в отрицательную зону (рис. 20).

Таким образом, в качестве инвестора остается только государство, его ресурсы, которые можно мобилизовать и использовать лишь под жестким, авторитарным контролем. Все «рыночные» механизмы ведут, как показывает опыт, только к банальному разворовыванию средств. В этой связи абсолютно согласен с А. Лившицем, который привел следующий интересный пример: А. Лившиц: «Имел разговор на эту тему со старым знакомым. Тоже когда-то советовал президенту. Только своему, заокеанскому. Выразил недоумение: на словах выступаете за свободную

экономику, а проход в свою перегораживаете. Как совместить? **Получил ответ: мы защищаем национальные интересы США. Иначе не умеем. На все остальное наплевать. Нам бы так**.

Вывод: просматриваются три варианта поведения. Первый — для развивающихся стран. Суть: любыми путями привлекать иностранных инвесторов. Сулить им господдержку. Затаскивая в экономику изо всех сил. Второй, противоположный, выбрали развитые страны. Суть: дотошно проверять. Придираться. Не пускать. Третий должен быть российским. Суть: ничего специально не делать. **Те инвесторы, которые заинтересованы в отечественной экономике, сами придут. Несмотря ни на что**. А прочие пусть остаются дома. Они нам не нужны. По-моему, будет правильно»[79].

Сегодня пытаются внедрить демократические процедуры, в т. ч. правовые нормы и правила в общество, которое не завершило период своей трансформации. В результате появляется множество представителей бюрократии и надзирающих органов, законов, правовых норм. Почему-то считается, что это способствует формированию демократического государства. На самом деле эти демократические атрибуты формируют аморфное, недееспособное, крайне неэффективное государство. Так, за последние годы добавилось огромное число новых чиновников и миллионы документов — нормативных актов, регламентов, предписаний и т. п. Стала ли Россия в результате демократичнее?

Диктатура в переходный период позволяет решить многие проблемы. Прежде всего «отсечь» от ресурсов значительную часть чиновников, принудить бизнес-элиту не вывозить деньги за рубеж, а создавать собственные производства, ограничить коррупцию, упростить процедуры управления страной и многое другое. При этом собственно общество, особенно его главная движущая сила — креативный класс, от такой формы управления не страдают: на процессы творческой деятельности, как ни странно, диктатура чаще влияет положительно, чем отрицательно. Примеры творчества А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова периода абсолютизма Николая I — лишь малая толика таких примеров. При советском тоталитаризме миллионными тиражами издавались «толстые» художественные журналы, тираж которых сегодня не дотягивает до нескольких тысяч.

Но у российской элиты нет общей точки зрения по этому вопросу. Наверное, большинство этой элиты, включая президента и премьера, а также правящую партию, придерживаются модели демократической модернизации в её самых разных формах — от «суверенной демократии» В. Суркова до «либеральной демократии имперского типа» Д. Медведева, осознанно выбрав в качестве образца «европейскую модель». При этом мы полагаем, как заметил ректор МГИМО(У) А. Торкунов, что «нужна не обязательно идеальная, но обязательно работающая, эффективная модель демократического государства. В поиске такой модели неизбежно могут случаться ложные шаги и ошибки. Однако в целом надо четко усвоить, что демократия не только постулирует плюрализм, но и сама, как модель общественного устройства, — плюралистична.

Действительно, научное и политическое сообщество уже сравнительно давно начало говорить о разнообразии не только цивилизационных, но и демократических моделей. Причем бессмысленно и вредно говорить о преимуществе одной мировоззренческой демократической или цивилизационной модели над другой. Нужно думать и говорить об организации их плодотворного взаимодействия, ибо, если и этого не делать, то будет их противостояние. Особенно в области таких вопросов, как безопасность. Отстаивание преимуществ своей цивилизационной или демократической модели с помощью силы — нонсенс. Но это имеет место в сегодняшних международных отношениях, когда пытаются силовыми методами насадить «симпатичные режимы» или «внедрить прогрессивные формы управления»

Необходима дискуссия на самых разных уровнях, в т. ч. и на высшем, где бы обсуждались формы сотрудничества разных систем, мировоззрений и форм правления, изначально исходя из двух посылов: во-первых, что ни одна система ценностей, либо моделей государственного управления не может быть идеальной и единственно правильной, а, во-вторых, что преимущества одной системы над другой должны доказываться вне силовых категорий на основе норм международного права.

Однако сегодня эти дискуссии не удалось перевести в плоскость реального политического анализа, а тем более внешнеполитической практики. Именно поэтому мы сталкиваемся с серьезными проблемами при попытках адекватной интерпретации событий, происходящих в мире — от Северного Кавказа до Ближнего Востока или Центральной Азии. «Примитивный универсализм, — считает А. Торкунов, — подменяет собой желание реально понять другую культуру, выявить в ней как позитивное, так и опасное для неконфликтного сосуществования»[80]. Более того, я полагаю, что такой «примитивный универсализм» на самом деле отражает стремление утвердить в качестве идеальной одну модель — либеральную. Это также неверно, как и пытаться с помощью такого универсализма утвердить китайскую или исламскую цивилизационные модели.

На самом деле в реальной политике всегда будут политические силы, которые будут стремиться это сделать в любом лагере — китайском, мусульманском или либеральном, ибо идеи мессианства стары как мир и лежат в основе любой идеологии. Важно, чтобы эти идеи не начинали приобретать агрессивные, насильственнее формы. И это правило должно лежать в основании, фундаменте любой системы международной или региональной безопасности.

Особо необходимо сказать о модном сегодня понятии «толерантность», которое означает терпимое отношение к особенностям другой расы, цивилизации, религии. На мой взгляд, эта «терпимость» должна перейти в уважение и стремление понять и обогатить культуры, а не приспособиться к ним. И это тоже проблема международной безопасности. Суть ее заключается в том, чтобы сохранить систему национальных традиционных ценностей, которая бы не только «терпела» присутствие другой ценностной системы, но и взаимодействовала, обогащала её. В этом смысле уникален опыт России и русского народа, который на протяжении многих столетий не просто уживался, но и мирно сосуществовал с другими культурами. В России не было преследований ни по национальным, ни по религиозным признакам на всем протяжении ее истории. Национальные и религиозные меньшинства сохранили свою идентичность при князьях, царях, генсеках. Это огромное достижение, которым не могут похвастаться другие государства и нации.

Отдельно — о демократии. Споры о ней в сегодняшней России имеют не столько научную, сколько политическую основу. Противники нынешнего режима занимают позицию, в соответствии с которой они заявляют об отсутствии демократии в России. Но это позиция, а не аргумент. Эти противники в качестве образца берут некую идеальную демократическую модель, которая не существует в природе. Более того, никогда и не существовала. Даже в «идеальных», но их представлению, США, на протяжении последних лет произошли серьезные идеологические изменения. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «Десятилетие 2000-х годов поражает динамизмом своих первых и завершающих лет в такой же степени, как поражало оно унылым консерватизмом своей середины. События 11 сентября 2001 г. и совпавший с мировым финансовым кризисом приход к власти Б. Обамы резко контрастируют с рутиной „по-техасски“ традиционного империализма США между 2002 и 2009 годами. И в начале, и в конце десятилетия мир был испуган. В первом случае — давно вызревавшей в недрах глобализации, но все же внезапно открывшейся угрозой транснационального терроризма. Во втором — глобальным кризисом виртуальных финансов, повергшим в рецессию всю мировую экономику.

Но есть и существенная разница. После нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон США метнулись к идейному и политическому фундаментализму — любимой республиканцами идее „глобального лидерства при помощи силы“»[81].

Наконец, они объявляют о том, что несоответствие этой модели — угрожает международной безопасности. Отсюда следует «простой» логический вывод: чтобы укрепить международную и европейскую безопасность необходимо создать аналогичную, идеальную демократическую модель государства. Как подчеркнул А. Торкунов, «В России медленно, но неуклонно складывается собственная, национально-своеобразная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников, она возникает из соединения двух разнородных оснований. Во-первых, из принципов классической западной демократии. Во-вторых, из комплекса традиционных российских представлений о допустимых, с точки зрения общественной морали, соотношениях между свободой и порядком, вольностью и долгом, терпением и воздаянием, верностью и покровительством»[82].

К 2010 году, особенно в связи с празднованием 65-летия Победы, вновь обострилась дискуссия вокруг демократии, которая приобрела форму «борьбы со сталинизмом». Некоторые СМИ и представители элиты даже расценили эту дискуссию как «попытку вернуться к сталинизму». В действительности же «сталинская история» не имеет ничего общего ни с политикой, ни с будущем демократии. Она свидетельствует только об одном: история России, история ее идеологических течений — продолжается. Как справедливо заметил В. Данилов, — «… Это симптом возвращения исторической перспективы. Возвращение Сталина — на портретах и автобусах, в телесериалах и документальных фильмах–реконструкциях обозначает очень важную вещь: признание того, что **конца истории удалось избежать**. Известно, что **крах СССР позволил идолу неолиберализма Фрэнсису Фукуяме написать оду на победу либеральной демократии**. Связь истории с борьбой тоталитаризма и либеральной демократии восходит к постгегельянским идеям русского эмигранта Александра Кожева, для которого сталинский СССР как раз и означал „конец истории“». «Сегодня возвращение Сталина значит **завершение дискурса о конце истории в любом режиме**. Но отнюдь не означает, как считают либералы, сталинский реванш — то есть признание сталинизма как легальной альтернативы. „Конец истории“ фиксировал тоталитарные режимы как форму политического изъятия из истории, но, одновременно, тем же самым жестом полагал счастливый хэппи-энд так же вне исторического процесса. Сталинизм формально оказывался тождественен либеральной демократии как вероятный конец истории и конец большой политики. Возвращение Сталина означает, что либеральная демократия так же не снята с исторической повестки, а политика снова имеет возможность стать „большой“»[83].

Мы видим, что традиционное, специфически российское не вымывается, не отмирает, а приспосабливается к заимствованному, обновляется вместе с ним, порождая тот синтез, который и определяет особенности нашей демократической модели. Российская модель демократии идейно восходит к тем же источникам, что и демократии в западном мире. По формам же воплощения эта модель близка японской, индийской или южнокорейской.

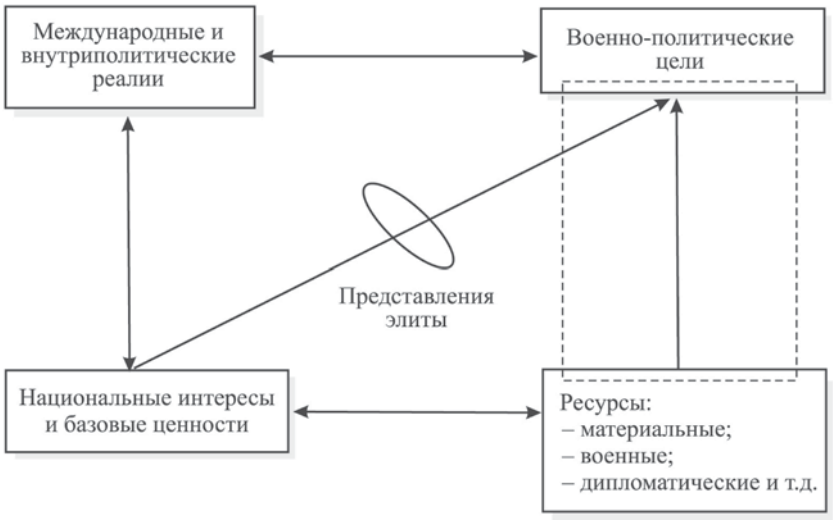


Рис. 21.

Главное отличие последних от классических образцов состоит в том, что они складывались в другое «историческое время» и, как следствие, исходили из других предпосылок и факторов. Это же можно сказать и о российской демократии.

Даже отрешившись от эмоционального подхода, не допускающего «общий аршин», можно констатировать, «**что укоренённость в традиции как раз и обеспечивает российской демократии необходимую ей опору в национальном сознании**, жизнеспособность в условиях именно нашей страны»[84].

В пользу этого выбора российской элиты говорит очень многое. Среди важнейших аргументов можно привести следующие.

1. Выбор системы (архитектуры) безопасности это прежде всего **цивилизационный выбор, выбор национальной идентичности**. Во многом он предопределен культурной. Исторической и духовной традицией. Граждане России считают себя европейцами, а Россию — частью Европы. И, действительно, Россия — старейшее государство Европы, которое было сведено династическими связями ещё с XI века.
2. Выбор системы европейской безопасности для России рассматривается ее элитой как система безопасности **от Ванкувера до Владивостока**, т. е. географически это территория охватывает не только зону ответственности НАТО, но и Сибирь, и российский Дальний Восток.
3. Россия зависит очень сильно от внешней политики. Напомню, что Россия граничит не только со странами, но и **всеми цивилизациями,** оставаясь сама самобытной частью европейской цивилизации. Она вынуждена считаться с влиянием исламской и китайской цивилизаций, которые не только успешно отстаивают свои национальные традиции и систему ценностей, но и реально продвигают их на российскую территорию. В последнее время, например, в КНР открыто издаются работы, написанные влиятельными авторами, в которых утверждается, что страна должна активно, в том числе и с использованием армии и флота, обеспечивать свои экономические мировые ресурсы и их распределение. В 2009 году, например, бестселлером стала книга «Китай недоволен», где прямо говорилось о том, что Пекин должен управлять мировыми ресурсами «на благо человечества», а один из ее авторов уже писал о «нехватке жизненного пространства»[85].

   В целом же российскую политическую элиту не может не настораживать, что в отдельные периоды времени возникают в той или иной форме территориальные проблемы у всех приграничных с Россией государств.

   Учитывая же огромную протяженность границ, периметр который составляет десятки тысяч километров, такое положение не может не вызвать беспокойства. Естественно, что это вносит свои трудности в текущую политическую жизнь, когда, например, возникает «вдруг» проблема использования шельфа Каспийского моря у Ирана.
4. Наконец, российская элита хорошо понимает, что какая бы риторика не присутствовала в США и странах Западной Европы, Россия остается глобальной державой, позицию которой нельзя не учитывать. Как справедливо сказала в свое время бывший госсекретарь США К. Райс, «игнорировать Россию не следует. Россия является влиятельной силой, без которой нельзя решать многие международные проблемы… Изоляция России не дает никакого выигрыша и не соответствует нашим интересам»[86].

Конечно, в российской элите есть и другая точка зрения, а именно, что США и Запад в целом хотят изолировать Россию и даже лишить ее суверенитета и независимости. Но сторонники этого взгляда на-

ходятся в явном меньшинстве и начинают оказывать реальное влияние только в случае резкого обострения отношений или неудач во внутренней политике.

Идея о новой архитектуре европейской безопасности, предложенная Д. Медведевым, отнюдь не абстракция, а **конкретный план,** который он предложил в октябре на Конференции по мировой политике в Эвиане (Франция). Схематично его можно выразить следующим образом (рис. 21).

«План Медведева» представляет собой, **во-первых**, перенести процесс формирования военно-политических целей с блокового или национального уровня на **уровень международного согласования, дискуссии с участием всех сторон** потенциального конфликта. **Во-вторых**, исключать изначально использование военной силы в ее непосредственной прямой форме, оставив другие инструменты влияния, защиты и обеспечения национальных интересов. Это два принципиальных момента в отношении обеспечения международной и европейской безопасности, которые стали частью российской внешней политики **до** выдвижения Д. Медведевым своей идеи. Сама по себе идея — частный случай этой концепции. Не более того.

---

[1] **Самодидентификация** — процесс, посредством которого человек развивает привязанность к другому человеку, обладающему качествами, которыми он сам хотел бы обладать. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. 2002.

[2] *Ионов И. Н.* Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2007. С. 173.

[3] *Ускова О.* Брейн-хантеры // Ведомости. 2010. 15 декабря. С. 4.

[4] Модель самоидентификации сознания (Self-Identity Model) / http://www.noetic.ru/model

[5] *Тельманов Д.* «Искандер» научили взрывать метро по фотографиям // Известия. 2011. 14 ноября. С. 3.

[6] *Селезнев П.* Инновационная политика — ответ на идеологический кризис рубежа XX–XXI веков // Обозреватель. 2011. Сентябрь. № 9 (260).

[7] *Зотин А.* Немецкий порядок // РБК. 2010. № 9. С. 30.

[8] *Медведев Д. А.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / http://www.kremlin.ru

[9] Г*ульбинский Н. А. М*ожет, пора подумать? // Независимая газета. 2011. 13 декабря. С. 3.

[10] *Иноземцев В.* Тихий исход энергичных и молодых граждан // Известия. 2010. 15 декабря. С. 6.

[11] *Кузьмин В.* Первопроходцы Сколково // Российская газета. 2010. 15 декабря. С. 2.

[12] Бесперспективная модель // Независимая газета. 2011. 14 ноября. С. 2.

[13] *Межуев Б.* Российская власть в поисках политической формы // Независимая газета. 2011. 20 июля. С. 3.

[14] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

[15] *Ильин И. А.* О русской идее. Цит. по: Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 410.

[16] *Торкунов А.* Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентябрь–декабрь. № 3 (21).

[17] *Медведев Д. А.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / http://www.kremlin.ru

[18] *Лукин А. В., Иванов А. В.* О некоторых проблемах российско-индийских отношений и путях их решения // Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2010. 17 декабря. С. 2.

[19] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20. 2010.

[20] Russia information on economic freedom. Facts, data, analysis, charts… / http://www.heritage.org/index/Country/Russia

[21] **Бифуркация** — раздвоение, валообразное разделение, например, рек — *зд.* возможность выбора одного из двух разных путей развития при приобретении **принципиально нового качества**. Эта теория помогает облегчить исследование не только реальных систем в химии, физике, но, на мой взгляд и в политической науке См.: Краткая российская энциклопедия. 2003. Т. 1. С. 303.

[22] Ma Zhangguang. The Way of China toward a World Power in: Great Transformation of the World a China`s Opportunities and Cholleuses. World Affairs Press, 2009. P. 97.

[23] Ma Zhangguang. The Way of China toward a World Power in: Great Transformation of the World a China`s Opportunities and Cholleuses. World Affairs Press, 2009. P. 98.

[24] *Санжиев А.* Валютам указали курс // Российская газета. 2010. 25 октября. С. 4.

[25] *Сергеев М., Куликов С.* В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. 2010. 16 сентября. С. 1, 4.

[26] *Хрусталев М. А.* Структура внешнеполитического курса государства. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров.* М.: Аспект Пресс, 2009. С. 122.

[27] См. подробнее: Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010.

[28] *Ускова О.* Брейн-хантеры // Ведомости. 2010. 15 декабря. С. 4.

[29] См.: National Security Strategy of the US. May10, 2010.

[30] *Познер В.* Православие — это тяжелая ноша для России. 22.07.2010 / http://www.online812.ru/2010/07/22/021/

[31] *Смирнов Г. Н.* Политический процесс, глобализация и Россия // Мир и политика. 2010. № 2 (41). С. 49.

[32] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008. С. 197.

[33] *Мун Д. В.* Современная Россия: риски, порождаемые «обществом риска» // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 92–93.

[34] *Булатов Ю. А., Муntян М. А., Подберезкин А. И.* Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Дипломатическая академия, 2005. С. 5.

[35] *Добрынина Т. В., Севостьянов В. Л.* Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы // Мир и политика. 2010. № 4 (43). С. 50.

[36] См., например, удивительно привлекательный пример, описанный в книге Ли Куан Ю «Сингапурская история: 1965–2000 гг. Из третьего мира — в первый. М.: МГИМО(У), 2010. С. 657.

[37] *Панич М.* Выступление в МГИМО(У) 29 апреля 2010 г. / http://mgimo.ru/new/ international_contacts/151527

[38] *Дробижева Л. М.* Динамика национально-гражданской идентичности // Мир и политика. 2010. № 4 (43). С. 64–65.

[39] *Поляк Д.* ШОС готова к расширению // ВВП. 2010. № 7 (57). С. 89.

[40] *Хрусталев М. А.* Структура внешнеполитического курса государства. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров*. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 122–124.

[41] См. подробнее: Хрусталев М. А.

[42] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 94–95.

[43] *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.

[44] *Ивантер В.* Мы равны самим себе // Эксперт. 2010. № 29. С. 38.

[45] *Лукьянов А.* Сектор упущенных возможностей // Ведомости. 2010. 15 декабря. С. 12.

[46] *Ивантер В.* Мы равны самим себе // Эксперт. 2010. № 29. С. 39.

[47] Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 2010. 19 января. С. 4.

[48] Там же. С. 3

[49] Отчет о научной и научно-организационной деятельности научных учреждений за 2009 г. РАН. 2010. С. 13.

[50] *Перла А.* Новый социальный конфликт // ВВП. 2010. № 7 (57). С. 168.

[51] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 61.

[52] *Торкунов А.* Александр Невский и российская дипломатия. В кн.: Исторические ориентиры российской государственности. Александр Невский: материалы общественно-научной конференции. М.: МГИМО(У), 2008. С. 15.

[53] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 98.

[54] Кирпичики модернизации // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 7, 8, 9.

[55] *Фурман Д.* Последняя модернизация // Независимая газета. 2010. 25 августа. С. 5.

[56] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 / http://www.kremlin.ru

[57] *Медведев Д.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / http://www.kremlin.ru

[58] *Лавров С. В.* Как преодолеть кризис идентичности // Российская газета. 2010. 30 ноября.

[59] Стенограмма выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 2010. 1 сентября / http://www.mid.ru/brp

[60] Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных / http://www.gks.ru/db-scripts/Cbsd/

[61] **Идеологема** — *зд.* эмоционально окрашенная часть идеологической системы, не имеющей четкого определения. Пример — «перестройка», «гласность» и т. п.

[62] *Федосеев Р.* Держаться курса // ВВП. 2010. № 8 (58). С. 36.

[63] *Малявин В.* Стратегическое подполье Китая // Ведомости. 2007. 28 марта. С. А4.

[64] *Кравченко Е.* Обогнать Китай // Ведомости. 2010. 1 сентября. С. 3.

[65] Новая модель глобализации родится в Ярославле // Известия. 2010. 1 сентября. С. 2.

[66] *Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А.* Качество жизни и его индексы: мир и Россия // Уровень жизни регионов России. 2010. № 1 (143). С. 18.

[67] *Воронин О.* Политические корни винного эмбарго // Известия. 2010. 24 августа. С. 10.

[68] Индустриализация и образование // ВВП. 2010. № 7 (57). С. 102.

[69] См. «Психологический словарь / http://www/ucheba.ru/referats/5435

[70] *Харичев И. А.* О культурных заимствованиях России // Мир перемен. 2010. № 3. С. 182.

[71] Цит. по: *Варламов А.* Слово Солженицына // Известия. 2010. 17 сентября. С. 6.

[72] *Аринин А. Н.* Модернизация России — необходимость эффективного развития Дальнего Востока // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 65.

[73] *Лившиц А.* Из сказки быль не сделать // Известия. 2010. 17 ноября. С. 6.

[74] *Медведев Д.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / http://www.kremlin.ru

[75] *Аринин А. Н.* Модернизация России — необходимость эффективного развития Дальнего Востока // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 65.

[76] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 105.

[77] Цит. по: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008. С. 189.

[78] *Бусыгина И.* Методы дискуссии: присвоение демократии // Ведомости. 2010. 12 ноября.

[79] *Лившиц А.* Третий вариант // Известия. 2010. 25 августа. С. 6.

[80] *Торкунов А.* Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. 2007/2008. № 3 (19). С. 37.

[81] *Богатуров А.* Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3 (21).

[82] *Торкунов А.* Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. 2007–2008. № 3 (19). С. 35.

[83] *Данилов В.* Гламурный сталинизм / http://www.liberty.ru/Themes/Glamurnyj-stalinizm

[84] *Торкунов А.* Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. 2007/2008. № 3 (19). С. 36.

[85] *Лукин А.* В. Внешняя политика Китая — новый поворот? // Россия в глобальной политике. 2010. Март-апрель. № 2.

[86] Там же.

Глава 5

«Их союз» или «Наш союз»? Инициатива Д. Медведева по созданию новой архитектуры международной безопасности и инициатива В. Путина

Такой конфликт (сопоставимый с масштабами Второй мировой войны), к сожалению, возможен, и это связано с тем, что существуют очень разные страны с очень разными интересами[2].
Д. Медведев

… безопасность в Европе — важнейшая проблема национальной безопасности Российской Федерации[3].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Термин «архитектура безопасности» прочно укоренился в начале XXI века в качестве определения состояния глобальной и региональной безопасности. В первом и втором десятилетиях нового века много говорят об «архитектуре международной безопасности», «архитектуре европейской безопасности», «архитектуре евроатлантической безопасности», «архитектуре безопасности ШОС», «архитектуре энергетической безопасности», «архитектуре безопасности АТР», а также более частных «архитектурах»: «месте ОБСЕ в архитектуре европейской безопасности», «архитектуре мировой безопасности третьего поколения» и т. д. и т. п. Эти дискуссии, однако, не ведут к укреплению безопасности в мире или созданию сколько-нибудь эффективных институтов.

2007–2011 годы проходили под знаком попыток России вписаться в европейскую структуру безопасности, оформив ее в правовом поле. Осень 2011 года, возможно, стало периодом смены приоритета на евразийскую структуру безопасности, которая может стать субъектом взаимоотношений с Евросоюзом и АТР.

Российская элита, как и элиты других развитых стран, осознала в первом десятилетии XXI века, что коренным образом изменился характер войны и использование военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Военная сила стала глобальным инструментом, даже более популярным, чем в XX веке. Это — реальный политический факт. Как заметил профессор Болонского университета К. Галли, «Век глобализации можно рассматривать и как эпоху, когда насилие и властные тенденции уже вряд ли будут ограничены **географической территорие**й. И терроризм, и мощные миграционные

потоки наглядно показывают, что национальному государству (даже если речь идет о мировой супердержаве — Соединенных Штатах) все труднее устанавливать различие между внешним и внутренним, а также проводить отбор и регулировать происходящее внутри собственных границ. Начиная с 11 сентября 2001 года — хотя предпосылок к тому моменту накопилось множество — **лицо войны изменилось радикально**. Она перестала быть конфликтом наций (или общественных систем, как в случае «тотальных войн» XX столетия) и превратилась в **асимметричную и глобальную войну**. То есть война стала напоминать чисто механическое соединение политических/военных действий, которым пытались найти оправдание с правовой (посредством международной полиции и миротворческих или гуманитарных миссий) либо моральной («справедливая война», превентивная война во имя демократии и т. п.) точек зрения. Сопротивление подобным действиям принимало форму народных бунтов или деятельности боевых групп, мотивируемой идеологическими, либо религиозными соображениями[4].

Национальному государству, чтобы вести такого рода войны, в которых резко стираются грани между гражданским и военным населением (грани, которые были естественны в период Второй мировой войны и постколониальный период), приходится претерпевать глубокие структурные и этико-политические трансформации и нередко прибегать к крайне спорным видам насильственных действий.

Необходимо отдавать отчет о реальных военных и невоенных возможностях России, которые не изменяются количественными показателями, а являются относительными критериями. Так, в период финансового кризиса 2008–2011 годов имели огромное значение не только ЗВР и внешний долг, но и реальное положение институтов, в том числе институтов НЧП. Объективные рейтинги свидетельствуют, что по большинству качественных показателей НЧП и институтов развития Россия качественно, в десятки раз, отстает от развитых стран, что хорошо видно на примере рейтинга финансового развития (рис. 1): если показатели ЗВР, внешнего долга и темпов роста ВВП у России вполне оптимистичны, то качественные — глубоко пессимистичны[5].

Еще одним вызовом монополии государства на насилие, а также внутренним и международным правилам его применения являются крупные картели, которые занимаются торговлей наркотиками, а плюс новоявленное пиратство, среди мотивов которого наряду с прочим часто выступают религия и идеология.

Национальное государство также переживает серьезный кризис своих внутренних демократических структур. Страхи и неуверенность в результате соответствующей манипуляции порождают призывы к протекционизму и сплочению граждан, иногда интерпретируемые чуть ли не в ущерб демократическим свободам. Общество раздроблено и сегментировано по самым разным причинам: иммиграция, угроза безработицы, либо общее расчленение социального пространства–времени, начавшееся в 1980-х, по таким параметрам, как культура, доходы или социальная мобильность.

Социальное и экономическое неравенство растет и закрепляется, способствуя иерархическому переустройству общества и приходу корпоративного эгоизма на смену гражданскому мышлению и классовой солидарности. И это на фоне безудержной конкуренции и пренебрежения всеми и всяческими общими правилами. При этом «за кадром» продолжают действовать крупные монолиты экономической и медийной власти, чья динамика в основном ускользает из-под контроля общественного мнения и политических институтов. Политики и национальное государство часто способны что-то предпринять лишь вдогонку социо-экономическому неравенству и ограничиваются лишь тем, чтобы сделать его более или менее функциональным[6].

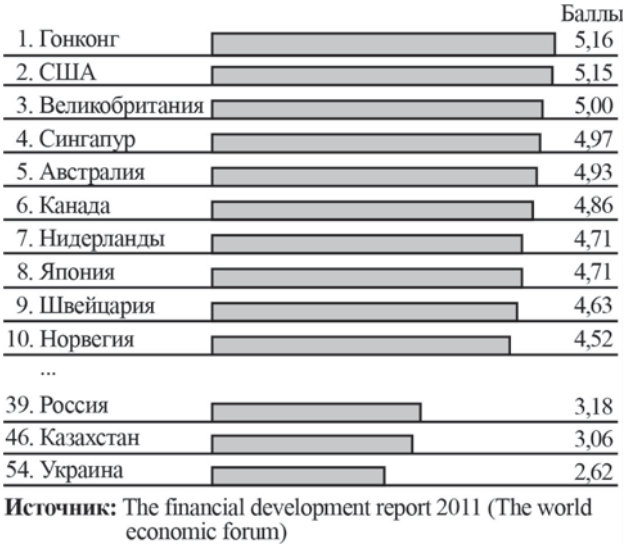


Рис. 1. Рейтинг финансового развития (всего в списке 60 стран)

1. Новые угрозы международной безопасности

… в период мирового финансового кризиса, заставившего государства искать новые ресурсы для экономического роста, интеграционные процессы получили дополнительный импульс[7].
В. Путин

Возникающая международная система становится все более сложной, динамичной, неустойчивой и все менее предсказуемой[8].
А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

К началу нового века стало ясно, что в международных отношениях происходят опасные процессы, в основе которых находились следующие радикальные изменения, произошедшие в конце XX века:

— в конце 80-х годов была во многом разрушена система международной безопасности, существовавшая после Второй Мировой войны. Она была несовершенна, чревата вспышками войн и конфликтов, но тем не менее за 40 лет своего существования смогла не допустить глобального конфликта и крупных войн. В ее основе лежало примерное равновесие военных сил между НАТО и ОВД и угроза взаимного гарантированного уничтожения;
— ликвидация одного центра силы в лице СССР и ОВД привела к неадекватному усилению другого центра силы — НАТО, который не только расширил географически зону своей ответственности, превратившись из регионального военно-политического союза в глобальный, но и усилен акцент на использование военной силы в качестве инструмента внешней политики. Прежде всего одной глобальной державы — США;
— за последние 20 лет стремительно изменилось соотношение сил в мире в пользу новых мировых гигантов, прежде всего КНР, Индии, Бразилии, которые усиливают влияние своей внешней политики уже в глобальных масштабе;
— ослабление России за последние 20 лет также повлияло на расстановку военно-политических сил в мире. Оставаясь ядерной державой, она стремительно теряла свое влияние не только в мире, но и на постсоветском пространстве, создавая вакуум военно-политического присутствия, который незамедлительно заполнялся другими политическими игроками. Прежде всего США и их союзниками. Но не только[9];
— в эти же годы происходила деформация и даже частичная деградация крупнейших международных институтов безопасности, чье влияние в ряде случаев игнорировалось ведущими государствами. Речь идет об ООН и Совете Безопасности ООН, ОБСЕ, других международных институтах;
— в эти же годы проявилась новая тенденция — создание политических и экономических коалиций и союзов: ОДКБ, ШОС и др.;
— также за эти годы укрепилось влияние некоторых международных институтов гуманитарной направленности — ПРООН, ЮНКТАД, ЮНЕСКО и др.;
— резко возросло влияние национальных и международных негосударственных организаций, а также информационного сообщества, которые превратились в самостоятельный фактор силы и влияния в мире;
— наконец, усилилось влияние традиционных идеологий и агрессивных идеологических концепций, создавших мировоззренческую и экономическую основу для такого феномена, как международный терроризм, наркоторговля и работорговля, пиратство и другие нетрадиционные для XX века угрозы.

Таким образом, в начале XXI века в мире существовали различные, иногда противодействующие друг другу тенденции, которые в **отсутствии** (иногда умышленном игнорировании) **устойчивых нравственных норм** и правил серьезно дестабилизируют международную ситуацию.

Потребность упорядочения отношений между государствами стала очевидной для абсолютного большинства стран, которые не были включены в систему евроатлантической безопасности. Это, конечно, относится к России, которая осталась не только без союзников, но и фактически без защищенных границ. Но это справедливо по отношению к другим странам. Эту потребность де-факто попытались реализовать прежде всего через резко возросшее двустороннее сотрудничество, встречи «двадцатки» и «восьмерки», а также через попытки создания новых институтов безопасности. Эти попытки, естественно, не компенсировали недостаток эффективной системы международной безопасности.

Иными словами, в начале XX века в международных отношениях наблюдается **нарастающий хаос**, который угрожает мировой дестабилизацией. По сути дела остался единственный стабильный институт безопасности — НАТО, — который однако размывается обретением странами Евросоюза фактически статуса самостоятельного субъекта международных отношений. Как считает Ю. Надточий, «расширение спектра задач альянса и выход его за пределы

традиционной зоны ответственности потребовали не только выработки новой стратегической концепции, но и выделения необходимых ресурсов, соответствующих более высокому глобальному статусу блока. Очевидно, что без соответствующего материального обеспечения планы по созданию проактивной защиты Альянса, формированию вокруг него безопасного стратегического окружения окажутся всего лишь нереализованным притязанием.

Еще предыдущая стратегическая концепция НАТО от 1999 г. содержала в себе ряд экономических положений и перечень экономических угроз, с которыми союз и его члены могут столкнуться в будущем»[10].

Действительно новая концепция, принятая в 2010 г., расширила и дополнила этот перечень за счет включения туда информационной и энергетической тематики[11].

На мой взгляд, вместе с тем, пессимизм Ю. Надточего в отношении НАТО преждевременен. Вряд ли можно согласиться с его утверждением, что «к концу первого десятилетия XXI в. замаячившие на горизонте «валютные войны», возрождение протекционизма, усиление международной конкуренции за энергоресурсы и контроль над маршрутами их доставки могут, по мнению ряда пессимистично настроенных экспертов, стать серьезной проблемой как для самой НАТО, так и для ее партнеров.

Налицо и другая тенденция, а именно: противодействие стран-членов НАТО — в явной, либо скрытой форме — созданию новых институтов и архитектур международной безопасности. Это и понятно, ведь существование одного доминирующего центра силы в мире крайне выгодно членам этого альянса.

Таким образом, в конце первого десятилетия XXI века мир вошел в период, который характеризуется не только изменением всех его качественных параметров, связанных с «фазовым переходом», но и состоянием нарастающего международного хаоса, стремлениям некоторых держав вернуться к широкому использованию военной силы в качестве инструмента своей внешней политики. Эти противоречия означают, что мировому сообществу так или иначе предстоит **сделать выбор** между двумя основными тенденциями развития — сохранением доминирования военно-блокового подхода или созданием новой архитектуры международной безопасности (рис. 2).

Во многом потребность создания эффективной архитектуры международной безопасности диктуется вполне объяснимым стремлением государств,

Существующая архитектура	Новая архитектура
Блоково-силовая система международной безопасности для некоторых	Нравственно-правовая система международной безопасности для всех
– безопасность для членов блока	– безопасность для не членов блока (равная безопасности)
– силовая составляющая	– правовая составляющая
– политическая зависимость, частичный суверенитет (отсутствие равенства прав)	– политическая независимость, суверенитет (равенство прав)
– отрицание принципа территориальной целостности	– территориальная целостность
– допустимость применения военной силы в прямой и косвенной форме	– недопустимость применения военной силы ни в какой форме за исключением решения Совбеза ООН
– стремление к военному превосходству	– принцип, разумной достаточности в вооружениях
– географическая ограниченность государственными интересами стран-членов блока	– географическая ответственность регулируется правовыми соглашениями

Рис. 2.

умаляя свое влияние через союзы «По отдельности и Россия, и Евросоюз обречены на роль второстепенных и третьестепенных игроков в новом мире»[12], — считают справедливо некоторые эксперты.

Признание в мае 2010 года российским президентом самой возможности мировой войны многое значит, ведь в последние годы политики, ученые и общественные деятели как-то избегали этой темы. Такое признание фактически означает признание усиления риска глобальной войны, а, кроме того, ослабления механизмов противодействия увеличения этому риску. Между тем мировая (глобальная) война, напомню, это война между военно-политическими коалициями, блоками, либо военными союзами, как минимум, нескольких государств. Таким образом существование блоков, коалиций **является серьезной и опасной предпосылкой** возможной мировой войны. Государства, не входящие в блоки, будут либо создавать их в противовес существующим, либо пытаться войти в эти блоки. И то, и другое, может быть, и решает проблемы отдельных государств, но точка не способствует укреплению международного мира.

Особенно, когда радикально меняется соотношение сил в мире между потенциальными противниками, (а именно этот процесс мы сегодня наблюдаем), возникают военные кризисы и конфликты. Именно это сегодня мы наблюдаем, но в еще большей степени столкнемся в будущем. Как справедливо отмечают многие авторы, «Современное положение России и Европейского союза характеризуется долгосрочной тенденцией к снижению их удельного веса в мировой экономике и политике и определяется сочетанием целого ряда факторов:

— недостаточно эффективная экономика, провал в сфере развития науки и технологий (больше относится к России);
— высокие административные барьеры для бизнеса (больше Россия), сокращение численности, а в недалекой перспективе и качества трудоспособного населения (и Россия, и ЕС);
— недостаточно динамичная политика на рынке труда и склеротичная социальная политика (больше относится к Евросоюзу).

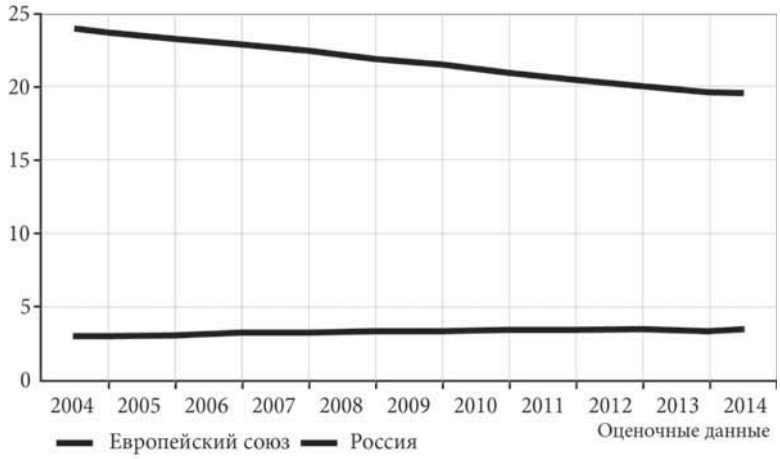
Негативные тенденции внутреннего развития отмечаются на фоне обострения глобальной конкуренции и быстрого роста новых центров силы, в первую очередь в Азии[13].

Другая сторона вопроса, как заметил Д. Медведев, «существуют очень разные страны с очень разными интересами». Это — аксиома международных отношений. Поэтому существуют теоретически три возможных сценария согласования этих интересов, не превращая их в конфликты:

— первый, **приспособить свои интересы** под интересы более сильных участников, пойти на уступки, которые могут привести к размыву суверенитета и даже потере национальной идентичности;
— создать **систему согласования этих интересов**, «правила игры», т. е. архитектуру международной безопасности, основанную на обязательных нормах и разумных компромиссах;
— в-третьих, **приспособить чужие интересы под свои**.

Французский исследователь А. Валладао, например, отмечал в этой связи: «Особое преимущество мирового положения США состоит в том, что в силу своей экономической, политической и военной мощи они являются государством, которое может позволить себе не приспосабливаться к мировому сообществу, **а приспосабливать это сообщество к себе**»[14] (подч. *А. П.*). Собственно это подтверждает и новая Стратегия национальной безопасности США, с которой в мае 2010 года выступил Б. Обама. Суть ее — «…реконструировать основы американской силы и влияния»[15].

Таким образом в мире существует несколько, порой взаимоисключающих подходов, которые трудно согласовать. Так, несмотря на все желание США «приспособить» КНДР под свои национальные интересы, это государство, как показывает конфликт осенью 2010 года, готово идти на радикальные меры,



Источник: World Economic Outlook Database, April 2009

Рис. 3. Доля Европейского Союза и России в мировом ВВП

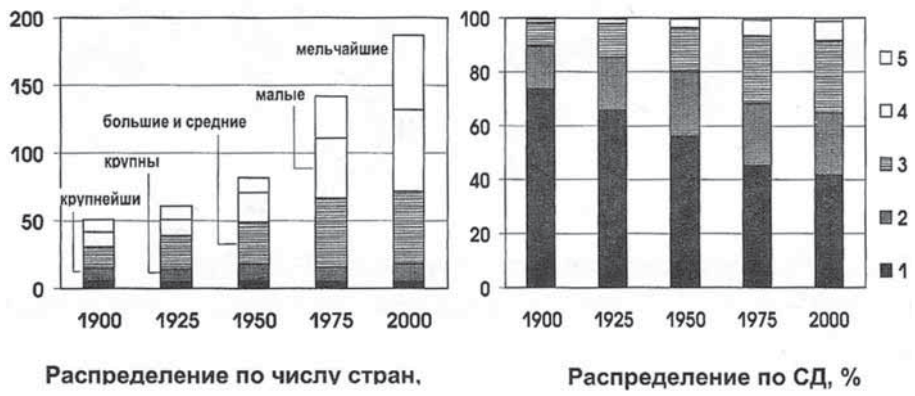


Рис. 4. Распределение исторических стран по размерным категориям в XX веке

вплоть до военных, чтобы не оказаться в качестве «приспособленного»[16].

По сути, чтобы избежать войн необходимо признать, что возможен единственный вариант — согласования интересов национальных государств в рамках общей архитектуры международной безопасности, которая может гарантировать справедливое согласование таких интересов.

Вопрос принципиальной важности **как** преодолеть, **как** согласовать эти интересы? Мирными, либо иными средствами? И здесь мы видим два принципиально разных подхода, которые вытекают как из отсутствия **общей стратегии**, так и **единого механизма**, единых международно-правовых стандартов решения проблем международной безопасности. Это — главная практическая проблема, которую необходимо решить для укрепления международной безопасности.

Существует, на самом деле, и множество других различий. Например, сопоставляя национальные интересы, необходимо сопоставлять сами страны, которые слишком сильно отличаются друг от друга. И по величине территории, и по численности населения, и по ВВП, и по политическому устройству, и по национальным системам ценностей (которые лежат в основе понимания национальных интересов) и по многим другим параметрам. Так, интересна одна из таких попыток сопоставления, в основе которой лежат разные параметры, предложенные А. Трейвишем. «Результаты замеров большинства исторических государств показаны на рис. 4 как соотношения их размерных групп, выделенных по шкале СД вполне формально, без претензий на типологию. Видно, что крупных стран всегда было мало, численный прирост давал малые размеры, ныне доминирующие. Пропорции по СД совершенно иные. Вклад в итог великанов постоянно убывал, но все же велик. Он заметно (сравнимо с их числом) вырос у средних стран. Малые и особенно мельчайшие, несмотря на бурное размножение, малоприметны»[17].

На эволюцию взглядов российской элиты в последнюю четверть века повлияли несколько политических, идеологических и религиозных течений, в которых их авторы выдвигали идею единой Европы. Так, первый папа-славянин Иоанн Павел II еще в 1979 году проповедовал единство славян и религий: «И разве не воля Христа, не предопределения Святого Духа в том, что папа-поляк, папа-славянин именно сегодня проповедует духовное единство христианской Европы? Да, есть две великие традиции — традиции Запада и Востока. И хотя мы, поляки, избрали для себя традицию Запада, как это сделали и наши литовские братья, мы всегда с уважением относились к христианским традициям Востока»[18].

В практическом плане эта проблема хорошо видна на примере отношения России к НАТО. Как справедливо отметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «Особой, крайне сложной, но неотложной задачей является продумывание долгосрочной стратегии России в отношении НАТО. Проблема в том, что в среде российских военных и политических экспертов по-прежнему распространено мнение о НАТО как просто о многостороннем военном альянсе. Между тем сегодня эта организация фактически, явочным порядком, в обход формальных международных решений приблизилась к превращению в своего рода универсальный инструмент глобального военно-политического регулирования. Россия, Китай, Индия, Бразилия и многие другие страны вряд ли оценивают эту тенденцию позитивно. Но с ней трудно не считаться»[19].

Эта эволюция НАТО произошла в последние два десятилетия. По сути она означала, что:

— НАТО фактически превратился в военно-политический блок, распространивший свое влияние на весь мир и заявивший о своей глобальной ответственности;
— эта претензия фактически означает, что НАТО попытался (и ему это почти удалось) заменить международные институты безопасности, прежде всего Совет Безопасности. В случаях с Югославией и Ираком это особенно заметно;
— за эти же два десятилетия НАТО реанимировал военно-силовой подход, который, как казалось многим в 80-е годы XX века ушел в прошлое;
— наконец, «за скобками» системы безопасности, сложившейся под эгидой НАТО, остались многие страны и прежде всего Россия.

Такая ситуация неизбежно ставит на повестку дня для этих государств вопрос реагирования. «Можно говорить о двух линиях поведения в этой связи. Первая состоит в том, чтобы противостоять географической и политико-правовой экспансии НАТО. Этим сегодня занимается почти исключительно одна Россия, за которой с холодным любопытством наблюдают из Пекина и многих других столиц»[20].

Действительно, нет и пока не предполагается коалиции «АнтиНАТО». Но такая коалиция может сложиться только в форме государств-сторонников новой архитектуры международной безопасности! Либо в форме новых военных коалиций. Например, «стратегического треугольника» Россия — Индия — Китай, хотя противоречия между Индией и Китаем делают такой союз крайне маловероятным.

На мой взгляд, создание военно-политических союзов, противостоящих НАТО, возможно только с участием России, Китая и Индии. Недостаточный экономический и военный потенциал других государств делает такие союзы практически бессмысленными.

Есть и другая возможность, о которой также говорит А. Богатуров: «Вторая — ее и предстоит обдумывать — может состоять в поиске путей ассоциации с НАТО при условии продолжения ее трансформации из военного блока образца 1949 г. в международную организацию, возможно и с ограниченным членством, но более универсальную по статусу, функциям, распределению расходов и внутреннему регламенту. Пока же можно констатировать: НАТО пытается формировать важнейшие решения по мировым военно-политическим вопросам, а Россия в этом процессе никак не представлена»[21].

Наконец, есть реальная альтернатива НАТО — создание международной архитектуры безопасности, включающей все или основные государства, обладающие военным потенциалом включая страны-члены НАТО. Именно это имел в виду Д. Медведев, заявляя о такой необходимости.

В реальности эта инициатива встретила холодный прием на Западе, лидеры которого пытались и пытаются ее игнорировать. Это и понятно, ведь для НАТО после развала ОВД и СССР сложилась очень комфортная военно-политическая ситуация. Фактически военно-политическая монополия на использование военной силы.

2. Необходимость создания новой архитектуры безопасности

> Только одно — развивать наукоемкие производства, которые сделают науку и образование востребованными обществом. Только таким способом можно решить проблему качества науки и образования, поскольку в его основе будет экономический интерес, который сразу отвергнет доминирование всех формальных критериев, так как деньги — самый формальный критерий если не полезности, то востребованности любого товара[22].
>
> *С. Бецофен*

> 49 % граждан России в 2010 году считало (по сравнению с 46 % в 2003 году), что военная угроза существует.
>
> *ВЦИОМ, осень 2010 г.*

Новая архитектура международной безопасности — производное уже не международно-правовых и политических действий, а, прежде всего новых возможностей НЧК. Сегодня инновации и технологии, НЧК в целом, становятся альтернативой классическим вариантам международных союзов, блоков и альянсов.

Создание новой архитектуры международной безопасности вызвано тремя объективными группами причин, отражающими национальные интересы (потребности) России.

Первая группа.

Реальное усиление вероятности войны для России в невыгодных для нее геополитических условиях. Известно, что граница России с членами этого военного блока реально передвинулась вплотную к нашей стране. И тенденция расширения НАТО в восточном направлении сохраняется: не только Грузия, но и ряд других бывших советских республик не исключают такой возможности.

Это продвижение на восток сопровождалось реальными военно-техническими и организационными мероприятиями на территории новых членов НАТО, что делает расширение НАТО отнюдь не только политической тенденцией.

С военно-политической точки зрения расширение НАТО означает, что на всем европейском континенте Россия выводится «за скобки» системы европейской безопасности, фактически оказывается в изоляции. Формирование ОДКБ — слабая и малоэффективная, но абсолютно необходимая мера, которая не сможет полностью компенсировать эту тенденцию.

Признание Д. Медведевым в мае 2010 года возможности войны — вполне адекватная, реалистическая оценка ситуации российским лидером, за которой стоит очевидно анализ Генерального штаба. Прежде всего соотношения военных сил, инфраструктуры, мобилизационной готовности, тенденций военно-технического развития.

Рис. 5. Оценка состояния Вооруженных Сил России

Для граждан России угроза войны никогда не была пустым звуком и всегда занимала самое приоритетное место. Наши граждане могут прощать многие ошибки власти именно по этой причине. «Лишь бы не было войны» — это выражение имеет очень глубокий смысл и традицию. Сохранение вероятности войны, которое при нынешнем соотношении сил и состоянии Вооруженных Сил России (рис. 5) всегда была самой приоритетной угрозой для граждан страны[23].

Вторая группа причин, толкающих к созданию новой архитектуры международной безопасности, вызвана несовершенством существующей системы международной безопасности. Это несовершенство практически исключает интересы России. Конфликт с Грузией в августе 2008 года показал реальное положение России в системе международной безопасности. Несмотря на очевидность грузинской агрессии, западные страны оказали этой стране недвусмысленную политическую, экономическую и военную поддержку. И, наоборот, по отношению к России мгновенно была сформирована враждебная коалиция и позиция СМИ.

«Не секрет, что за последние 20 лет в Европе сложился фактически новый военно-политический союз стран-членов ЕС, который после лиссабонских соглашений превратился в единую политику нового субъекта международных отношений — конфедерации. Поворотным пунктом в самоопределении ЕС как одного из главных политических „акторов“ в мире стали 90-е гг. Крутой вираж мировой истории, с одной стороны, потребовал от Союза переоценки своей роли в обеспечении мира и безопасности, а с другой — значительно расширил пространство возможностей его участия в мировой политике. ЕС ответил на это учреждением Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ, 1992 г.) и Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО, 1997 г.). Как показал опыт минувших лет, Евросоюз предпринял много усилий, чтобы самоутвердиться на мировой арене…»[24].

Получается, что Россия оказывается исключенной из системы международной безопасности в Европе дважды.

Во-первых, из широкой системы взаимоотношений стран-членов Евросоюза, включающей весь спектр политических, экономических и гуманитарных связей, которые развиваются в конфедерации «Большой Европы».

Во-вторых, из системы безопасности, сформированной собственно НАТО, где безусловным лидером выступают США, которые произвольно трактуют зону ответственности блока, ассоциируя ее со своими национальными интересами.

Частью этой группы причин выступает идея развертывания системы ПРО в Европе, которая является логичным продолжением стратегии США по созданию единого стратегического наступательно-оборонительного комплекса.

Реализация этих намерений неизбежно приведет к обесценению потенциала СНВ России и, как следствие, революционному изменению в соотношении военных сил. Превосходство НАТО и США в военно-стратегической области обеспечит полное военное превосходство, которое компенсировать будет невозможно. Если сегодня страны НАТО производят более 40 % ВВП в мире, а Россия — менее 3 %, то это экономическое превосходство компенсируется СНВ России. Обесценив СНВ, НАТО добьется полного экономического, военного и политического превосходства, когда интересы России могут игнорироваться Западом в зависимости от потребностей и интересов отдельных стран-членов блока.

Не следует питать иллюзий относительно вероятности реализации этого превосходства, которое, немедленно отразиться либо в скрытой форме (угрозы), либо открытой, прямой форме использования военной силы.

Третья группа состоит в острой потребности консолидации национальных ресурсов России в интересах модернизации. Речь идет о максимальной оптимизации военных расходов в интересах опережающего развития. Причем, понимая, что есть такие издержки (как, например, в НИОКР), которые могут помочь, стимулировать модернизацию. Есть и такие

(закупка В и ВТ), которые ложатся тяжелым бременем на экономику и планы развития страны.

В целом — открыто, либо скрыто — превалирует общая неудовлетворенность нынешним состоянием дел с международной и европейской безопасностью. Даже у тех политиков и ученых, которые полагают, что существующих переговорных площадок и институтов достаточно для решения вопросов безопасности. Действительно, сегодня в Европе сложилось вроде бы достаточно международных структур — Европейский Союз, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ и др., — которые предназначены для обеспечения международной безопасности исключительно тех государств, которые входят в эти структуры, а не защиты всех **без исключения государств**. То есть принцип неделимости безопасности отнюдь не универсален. Зато универсален, как считается, такой институт безопасности, как НАТО.

Вот почему прежде всего необходимо вернуться **к сути**, содержанию инициативы российского президента, которая предлагает не блоковый и невоенный механизм согласования различных интересов и различий между странами, в том числе (а, может быть, прежде всего) различий мировоззренческих и идеологических.

Сразу же оговорюсь, что, выдвигая такой амбициозный проект, Д. Медведев не преследовал цели немедленного получения результата. На мой взгляд, главная задача была обозначить наше видение современной концепции безопасности и дать старт переговорному процессу, начать дискуссию, в ходе которой стороны могли бы договориться по основным острым — старым и новым — проблемам.

Важно было сформулировать проблему и поставить ее в международную повестку дня. Вряд ли Д. Медведев рассчитывал, что эта идея вызовет энтузиазм не только у Запада, но и у других государств. По разным причинам. Так у крупных мировых игроков — Индии и Китая — есть свои концепции, которые сдерживают их внешнеполитическую активность интересами внутреннего развития. Кроме того, Китай, можно ожидать, будет в будущем ориентироваться на создание «китаецентристской» модели, концентрируя союзников и сателлитов вокруг Китая.

Но сама дискуссия вокруг этой проблемы чрезвычайно важна России для продвижения идеи. Другое дело, что России не удалось пока привлечь широкое внимание. Более того, многие общественные и политические деятели на Западе, да и во всем мире, даже и не слышали о ней. Мои встречи в США, Китае, Индии с экспертами говорят о том, что идея создания новой архитектуры международной безопасности не получила широкой политической и медийной поддержки. Уверен, что избранная Западом тактика замалчивания этой инициативы, оказалась успешной.

В ряде случаев западные политики использовали и другую тактику, а именно — сознательной дискредитации этой инициативы. Ее зачастую называют «слишком абстрактной», «не конкретной», «нереалистичной».

Обвинения в «абстрактности», «нереалистичности» предложений не соответствуют действительности. Как и в любой области отношений между людьми, корпорациями, государствами, следовало изначально обозначить, **во-первых**, интересующий предмет обсуждения, **во-вторых**, сформулировать свою позицию в качестве предложения, **в-третьих**, пригласить заинтересованные стороны к дискуссии.

Что и было сделано Д. Медведевым. Как заявил российский представитель при Европейском Союзе 12 апреля 2010 года на конференции в Брюсселе, «Новые вызовы партнерским отношениям ЕС и России», «Мы не собираемся искусственно форсировать процесс — нужно набрать необходимую „критическую массу“ политической воли. Но процесс должен быть инклюзивным, включать все международные факторы — как государства, так и организаций.

В основу положена идея подготовки нового, юридически обязывающего Договора о европейской безопасности (ДЕБ, учитывающего геополитические реалии сегодняшнего дня, который российский президент так и назвал «Договор о европейской безопасности», подразумевая некий механизм укрепления безопасности. Он также сказал, что «мы просто должны найти площадку, где будет **согласовываться** совокупность самых разных проблем. Мы должны найти **способ** разрешить противоречия»[25].

Речь не идет о подписании Договора. Сформулирована проблема, поставленная в повестку дня. К этой проблеме мы будем постоянно возвращаться, привлекать к ней внимание, обсуждать по разным поводам и в различной связи различные ее аспекты, набирая «критическую массу».

Мы пока что даже не нашли ясного механизма, «способа» решения этой проблемы, но само **начало этого поиска** уже значит многое. Проблема создания международной системы безопасности, даже если она и не будет решена, очевидно противопоставлена молчаливому согласию с существующей системой, опирающейся на НАТО.

Проблема «выбора площадки» для оптимальных дискуссий и переговоров по Договору о европейской безопасности — достаточно важная, даже самостоятельная тема. Сегодня у многих присутствует формальный подход в пользу ОБСЕ, которая является на протяжении более 30 лет площадкой для разработки основных принципов и обязательств в области сотрудничества на всем североатлантическом пространстве. А состав членов покрывает весь спектр на североатлантическом пространстве. Состав же членов покрывает весь спектр государств.

Но ОБСЕ не является универсальной, общемировой организацией. Сфера ее ответственности ограничена Европой. Крупнейшие новые центры силы — Китай, Индия, Бразилия — не охвачены ОБСЕ. Важную роль играют и другие государства, не входящие в ОБСЕ, — Иран, Индонезия, Мексика, Корея.

Кроме того, ОБСЕ создавалась в начале 70-х годов с ограниченными целями. СССР и его союзники стремились зафиксировать послевоенные границы в Европе (что уже оказалось устаревшим), а Запад — стимулировать демократические процессы в Восточной Европе. После того как эти цели потеряли свою актуальность, ОБСЕ превратилась в институт, который используется для ограниченный целей.

Сегодня ОБСЕ уже не способна решить задачу укрепления безопасности по очевидной причине эгоизма отдельных стран в отношении этой организации, стремления использовать ее в национальных или блоковых целях. Кроме того, ОБСЕ не обладает правоспособностью, и поэтому ее возможности изначально заведомо ограничены. Полностью отдавать идею ДЕБ в ОБСЕ означало бы заранее, изначально ее похоронить, хотя следует признать, что само появление инициативы Д. Медведева оживило эту организацию, ускорило процесс, направленный на повышение эффективности ОБСЕ.

Особо следует остановиться на новых геополитических реалиях и угрозах «сегодняшнего дня». Тех, которые не существовали прежде вообще, либо не достигали масштаба угроз. Так, например, в XXI в. стало ясно, что распространение информационно-коммуникационных технологий превратилось в реальную угрозу международной безопасности. Соответственно, объективно возникает потребность не только в создании переговорной площадки и обсуждения этой проблемы, но и в «… дополнении мировой разоруженческой повестки дня в части контроля над наиболее опасными видами вооружений и военной деятельности аспектом ИКТ и мирового процесса информатизации»[26].

Таким образом ОБСЕ, даже оживленная и модернизированная, будет не способна выполнять функции ни предметного обсуждения, ни переговорной площадки. Этот вывод, естественно, не означает, что ОБСЕ следует исключить из этого процесса. Наоборот, если дополнить ее новыми функциями и энергией, она также сможет стать дополнительным, вспомогательным инструментом в создании новой архитектуро-международной безопасности.

Отдельно необходимо сказать об ООН и Совете Безопасности ООН; их укрепление может стать фактором в ускорении процесса формирования новой архитектуры безопасности. Прежде всего в качестве универсальной площадки для дискуссии.

Важное значение может иметь и сознательное укрепление и расширение полномочий этого института.

Вместе с тем традиция, процедуры и масштаб этой организации не позволяют говорить о том, чтобы сконцентрировать ее усилия на прикладных проблемах международной безопасности, превращении ее в реальный механизм по формированию новой архитектуры. Нужен более оперативный, прикладной международный механизм.

Определенные надежды возлагаются на возможность сотрудничества НАТО и ОДКБ. Как пишет исследователь МГИМО(У) Ю. Никитина, «Взаимоотношения с НАТО являются одним из самых „проблемных“ направлений международно-политического измерения деятельности ОДКБ. Обычно анализ данного сюжета начинается с 2004 г. — с попыток ОДКБ установить официальные отношения на уровне организаций, однако, как представляется, правильным было бы затронуть аспекты взаимоотношений НАТО и стран Договора о коллективной безопасности (ДКБ) еще в 1990-е годы. Так, в Концепции коллективной безопасности 1995 г. указывается, что члены ДКБ не считают своим противником ни одно государство или коалицию государств. В документе отдельно прописано, что члены ДКБ будут консультироваться для согласования позиций в отношении НАТО и „других военно-политических организаций“ по вопросам сотрудничества и партнерства и даже участия, то есть допускалось, что некоторые страны-участницы ДКБ смогут участвовать в других региональных организациях безопасности. Напомним, что в январе 1994 г. НАТО запустила программу „Партнерство ради мира“ (ПрМ), к которой к моменту подписания Концепции уже успели присоединиться все новые независимые государства, кроме находившегося в состоянии гражданской войны Таджикистана, который стал участником ПрМ только в 2002 г.

Начавшаяся в 1999 г. военно-воздушная операция НАТО против Югославии (Косово) несомненно повлияла на активизацию сотрудничества стран ДКБ, хотя и косвенным образом: появление сил Альянса в Югославии создало препятствие на пути транспортировки афганских наркотиков по так называемому „балканскому пути“, что вынудило наркоторговцев в большей степени ориентироваться на „северный путь“, проходящий через страны Центральной Азии»[27].

Другими словами, Д. Медведев, российская элита в первом десятилетии нового века чувствует, что не хватает возможностей для согласования, совместного обсуждения различных проблем безопасности, что это обсуждение и согласование проходит нередко **без России**, учета её интересов и позиции. Кроме того, из этого признания президента следует, что Россию не всегда устраивают **способы** решения проблем безопасности. Все вместе говорит в пользу того, что Д. Медведев пытается преодолеть растущее игнорирование России и ее интересов. Не случайно он не только использует это слово «просто», но и сделать понятие «безопасность» универсальным.

Известно, что безопасность — главный национальный интерес (потребность). Этот интерес абсолютно приоритетен по отношению к другим интересам (потребностям) нации — экономическим, финансовым, даже социальным. Но:

— **во-первых**, спектр угроз и задач, определяемых понятием «безопасность», стремительно расширился, включая нетрадиционные и глобальные угрозы;

— **во-вторых**, очевидно, что глобализация привела к тому, что понятие «национальная безопасность» и «международная безопасность» становятся все более тождественными.

Так, экологическая безопасность наиболее ярко иллюстрирует практическое совпадение этих понятий. То же самое можно сказать о ядерной безопасности. Видимо, сближение этих понятий является неизбежным процессом. Поэтому возникает реальная проблема: перевести эти представления из области противопоставлений в область **взаимной интеграции, взаимного дополнения**, которые могут дать **синергетический эффект**. Усиление национальной безопасности в этом случае будет усиливать международную. И наоборот: укрепление международной безопасности будет укреплять национальную.

Чтобы реализовать эту идею, нужно создать такой **алгоритм поведения** государств и **правила их поведения**, обязательных для большинства стран. Собственно говоря, это и есть новая архитектура безопасности в мире. Сегодня мы имеем ее **отдельные элементы**, иногда эффективные, но не имеем **системы**, которая бы:

— во-первых, органично объединяла эти элементы, делала их взаимосвязанными и взаимозависимыми;
— во-вторых, эти система очевидно должна быть дополнена недостающими, очень важными элементами международной безопасности.

Речь идет о создании международно-правового механизма, гарантирующего нераздельность представлений о международной и национальной безопасности. Главная трудность в создании такого механизма — это добровольное ограничение суверенитета и свободы поведения государств в мире.

Вместе с тем пример стран, входящих в Евросоюз, показывает, что это вполне возможно. Как, впрочем, до этого такой суверенитет, даже в самой чувствительной, стратегической области, ограничивало множество договоров, конвенций и соглашений. Было же реально уничтожено биологическое и химическое оружие, сокращены и даже уничтожены ядерные вооружения, ограничены обычные вооружения и внедрены нормы контроля и проверки за соблюдением договоренностей.

Отдельно следует сказать о том, что инициатива создания Евразийского союза может стать мощным импульсом к созданию новой системы международной безопасности. Просто потому, что у этой инициативы появляются новые союзники и новые ресурсы, которые будет труднее игнорировать.

Так, формирование с 1 января 2013 года экономической политики в рамках количественных параметров, определяющих устойчивость экономического развития:

— годовой дефицит государственного бюджета — не выше 3 % ВВП;
— государственный долг — не выше 50 % ВВП;
— уровень инфляции — не более чем на 5 % выше уровня инфляции страны–участницы ЕЭП с наименьшим ростом цен.

Создание правовых основ для формирования и установления единых принципов и общих правил регулирования деятельности субъектов естественных монополий и гармонизацию на их основе национального законодательства Сторон в области регулирования деятельности естественных монополий.

Разработку и принятие модульного закона о конкуренции.

Порядок введения и применения компенсирующих мер при предоставлении промышленных субсидий и установление разрешенного объема государственной поддержки сельского хозяйства.

Рис. 6. Что обеспечит единое экономическое пространство в 2011–2015 гг.

Введение с 1 января 2014 года национального режима для всех государств ЕЭП при проведении государственных закупок.

Гармонизацию до 31 декабря 2013 года национальных законодательств Сторон в банковской сфере, на валютном рынке и в сфере страхования.

Осуществление комплекса мер по формированию общих рынков нефти и нефтепродуктов.

Согласование индикативного прогнозного баланса газа стран ЕЭП сроком на 5 лет (с ежегодным уточнением).

Переход на рыночные (равнодоходные) цены на газ не позднее 1 января 2015 года.

Унификацию до 1 января 2013 года железнодорожных тарифов на услуги по перевозке грузов по видам сообщений (экспортный, импортный и внутренний) на территории государств–участников ЕЭП.

Доступ к услугам железнодорожной инфраструктуры с 1 января 2015 года для перевозчиков государств–членов ЕЭП.

Гармонизацию законодательств государств–членов ЕЭП в области электроэнергетики

Надо понимать, что аналогии с Евросоюзом вполне допустимы. Более того, видимо, маршрут будет один и тот же[28].

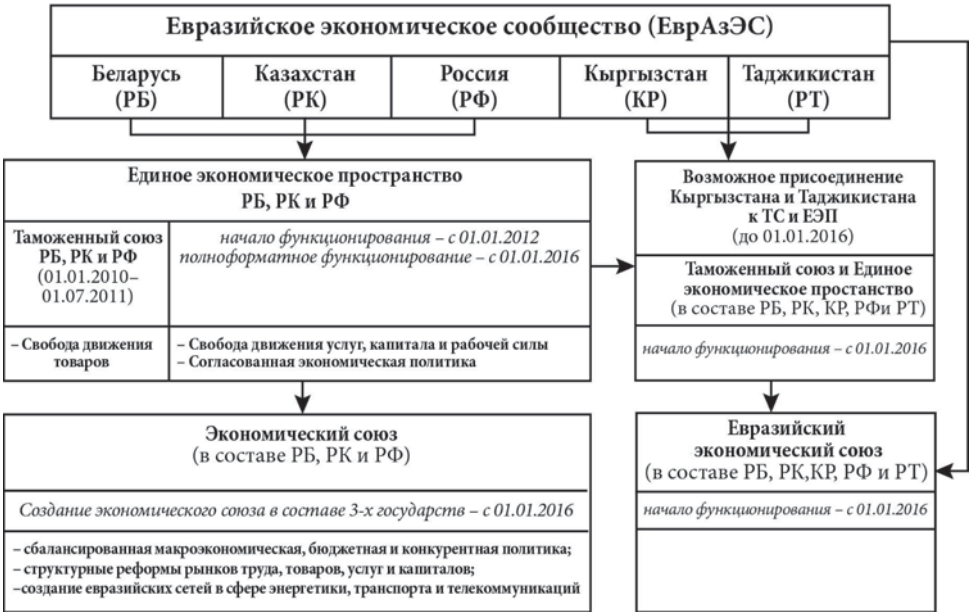


Рис. 7. Развитие интеграции в рамках Евразийского экономического сообщества

Основные этапы экономической интеграции Европейского союза

25.03.1957	08.04.1965	01.07.1968	29.06.1985, 17.02.1986	06.02.1992	01.01.2002
Подписание **Римского Договора об образовании Европейского экономического сообщества** (6 стран)	Учреждение наднациональных органов - **Совета и Комиссии ЕС** (6 стран)	Завершение формирования **таможенного союза** (6 стран)	Публикация Белой книги (План завершения формирования единого внутреннего рынка – 279 мер). Подписание **«Единого Европейского Акта»** (12 стран)	Подписание Маастрихтского **Договора о Европейском союзе** (15 стран)	Завершение формирования **экономического и валютного союза** (15 стран)
Формирование таможенного союза и единого внутреннего рынка			Установление срока перехода к единому внутреннему рынку (декабрь 1992 г.)	Создание экономического и валютного союза	Введение в наличное обращение единой валюты - евро

Основные этапы экономической интеграции ЕврАзЭС

10.10.2000	06.10.2007	01.07.2011	09.12.2010, 01.01.2012	2011 - 2015	
Подписание **Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества** (5 стран)	Принятие решения о создании ТС Учреждение наднационального органа - **Комиссии Таможенного союза**	Завершение формирования **таможенного союза РБ, РК и РФ**	Подписание документов, формирующих **Единое экономическое пространство (ЕЭП).** Вступление в силу документов по ЕЭП (3 страны)	Разработка и подписание **55-ти документов**, реализация более **70-ти мероприятий** правительств Сторон. (3 страны)	***Договор о создании Евразийского экономического союза***
Формирование таможенного союза и единого экономического пространства	Создание таможенного союза трех государств- РБ, РК и РФ		Начало функционирования ЕЭП	Обеспечение полноформатного функционирования ЕЭП	*Определение этапов и сроков создания экономического союза*

Рис. 8. Этапы интеграции Европейского союза и ЕврАзЭС

3. Принципы создания новой архитектуры международной безопасности

В Лиссабоне были приняты решения о выстраивании современного партнерства…, основанного на принципах неделимости безопасности, взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости[29].
Д. Медведев

На Соединенных Штатах и Европейском Союзе лежит историческая ответственность предложить создание нового мирового порядка…[30].
Из доклада «Перестройка отношений ЕС–США: концептуальный доклад», подготовленного 8 авторитетными европейскими политиками

Усилия, предпринятые в последние годы Россией в области международной безопасности, позволяют, как считает Д. Медведев, «с осторожным оптимизмом» говорить о «перспективах работы» над российской инициативой европейской безопасности. Определения Д. Медведева — «осторожный оптимизм» и «перспективы работы» вполне точно характеризуют реалистичность таких намерений. Можно и нужно говорить о **процессе**, который может привести к определенным результатам, но

отнюдь не о результатах. Тем более в ближайшем будущем.

Прототипом новой архитектуры международной безопасности может стать Договор о европейской безопасности (ДЕБ), в основу которого Дмитрий Медведев положил пять принципов, которые могут стать фундаментом и более универсальной, глобальной, а не только евроатлантической системы. Рассмотрим предметнее эти принципы применительно к ДЕБ

Первое. В договоре должно содержаться чёткое **подтверждение** базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве. Это:

— приверженность добросовестному выполнению международных обязательств;
— уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств. Уважение всех других принципов, которые вытекают из Устава Организации Объединённых Наций.

Не стоит думать, что принципы безопасности рождаются в тени кабинетов аналитиков, либо референтов и PR-служб. Эти принципы рождались жизнью и политической практикой. Так, в основе политики А. Невского лежали религиозные и нравственные принципы. Недаром его самое известное изречение «Не в силе Бог, но в правде».

Этот же принцип А. Невский переносил и на международную область. Напутствуя воинов перед битвой, он говорил, что «нельзя преступать чужие пределы». И сам никогда не предъявлял претензий на чужие территории. Среди российских историков «существует мнение, что едва ли не впервые в средневековой Европе А. Невский выдвинул идею нерушимости границ»[31].

Казалось бы, зачем вновь обращаться к общепринятой международной норме, ставшей таковой еще в 50–70 годы прошлого века? Неужели нужен этот ритуал, являющийся обязательной частью огромного числа международных договоров и конвенций? Тем более, что ряд критиков Д. Медведева именно из-за этого поспешили объявить его инициативу «абстрактной», «неконкретной», даже банальной?

Действительно, данная формулировка, как видно, не содержит никаких принципиально новых предложений. За исключением одного: подобные международные обязательства должны иметь универсальный характер, т. е. применяться **всеми** государствами по отношению **ко всем** государствам, а не носить избирательный характер. Не секрет, что в последние годы «политическая целесообразность» порой заменяла нормы права.

Президент России добивается лишь подтверждения и актуализации принципов, содержащихся в Уставе ООН, других документах, включая Заключительный Акт, подписанный в Хельсинки в 1975 году. Обращает на себя внимание также акцент, сделанный Д. Медведевым на **политической независимости государства**.

Не секрет, что в последние десятилетия, когда фактически сложилась однополярная военно-политическая система в мире, эта принципы не только размывались, но нередко и нарушались. Под такую политическую практику настойчиво подводились теоретические основания, суть которых сводилась к простой формуле: в эпоху глобализации суверенитет государств должен уступить место наднациональным правилам поведения, которые, как подразумевалось, разрабатываются странами-лидерами глобализации, прежде всего США.

На уровне исследователей — на конференциях, в печатных работах, включая российских ученых, — эта формула поднималась бесконечное количество раз. Из нее настойчиво пытались сделать международную норму де-факто. Также де-факто эта норма стала практической политикой ряда стран, предоставив, например, США право на односторонние действия.

В последние годы именно этот, общепринятый в прошлом постулат, подвергается постоянной ревизии. Руководство США открыто пренебрегает этим принципом, навязывая миру свои представления о демократии, прогрессе, правах человека и, главное, суверенитете. В ход идут: экономическое давление, политический шантаж, информационная агрессия и даже прямое военное вмешательство (Югославия, Ирак, Афганистан). Россия, де-факто, предлагает коллективно осудить такую практику и исключить ее из арсенала международных отношений.

Второе. Следует ясно подтвердить **недопустимость применения силы или угрозы** её применения в международных отношениях.

Следует сказать, что возвращение к принципу отказа от использования военной силы в международных отношениях, который был девальвирован в последние десятилетия, — очень важно. Военная сила стала рассматриваться США в качестве легального, допустимого инструмента под самыми различными предлогами. Если в 50–60 годы XX века это было «защита прав американских граждан», то в начале XXI века — «нарушение демократии», «международный терроризм», «наркоторговля» и другие поводы для военных интервенций.

Подтверждение этого принципа в условиях XXI века в качестве базового принципа архитектуры международной безопасности отнюдь не пустая декларация, а практическая потребность. Его строгое соблюдение может препятствовать, затруднять США, да и другим странам, использовать свои военные преимущества. И не только в Иране, Афганистане, но и в любой точке мира, ведь огромное политическое значение имеет косвенное, непрямое применение военной силы в виде явной или скрытой угрозы. Соответственно подтверждение этого принципа ограничивает политический эффект угрозы применения военной силы.

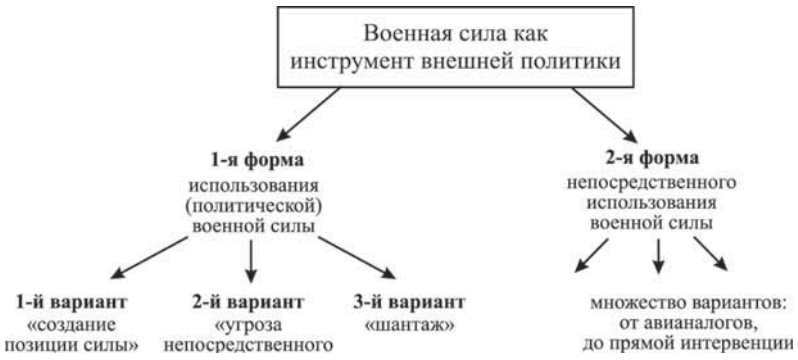


Рис. 9.

Для США всегда было принципиально важным сохранить военную силу в качестве инструмента своей внешней политики, который использовался всегда по-разному. Причем косвенное использование, как правило, было многократно эффективнее прямого. В стратегии США этому всегда уделялось много внимания, что можно изобразить на следующем простом рисунке (рис. 9).

Существенно, что Договор (ДЕБ) должен дать гарантии **единообразной трактовки** и **соблюдения этих принципов**. В последние годы существовал очевидный субъективизм.

Необходимо также закрепить единство подходов к **предупреждению и мирному урегулированию конфликтов** на евроатлантическом пространстве. Что также можно в самом Договоре. А в будущем распространить и на другие регионы. Упор следовало бы сделать на переговорных «развязках» — с учётом мнения сторон и при безусловном уважении к миротворческим механизмам. Это очень важный элемент архитектуры. В последние годы число конфликтов растет, а не сокращается. Некоторые из них долго остаются во взрывоопасном состоянии, которое может быть мгновенно нарушено. Это характерно для грузино-осетинско и абхазского, армяно-азербайджанского конфликтов, ситуации в Косово и др. Может быть, нужно закрепить и сами эти процедуры, сам механизм урегулирования споров. Уже есть опыт, в т. ч. удачный, действия такого механизма, но созданной процедуры ясной процедуры нет.

В развитие этого принципа инициатива Д. Медведева предполагает переговоры руководителей не только государств, но и созданных на евроатлантическом пространстве международных институтов — Евросоюза, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и СНГ — для обсуждения механизмов обеспечения универсальной безопасности и формировании неделимого пространства безопасности.

Сегодня эта проблема стала особенно актуальна после вступления в силу Лиссабонского договора, в соответствии с которым входящие в Евросоюз государства фактически взяли на себя обязательство о взаимопомощи, т. е. сформировали единое пространство безопасности, за пределами которого остались другие еврейские страны. Евросоюз стал фактически конфедерацией государств, объединенных единой внешней и военной политикой.

Принцип недопустимости применения силы можно рассматривать как расшифровку и детализацию первого (увеличения суверенитета и территориальной целостности) с упором на создание конкретных переговорных механизмов.

Разумеется, здесь подразумевается признание **равных прав** всех государств — потенциальных участников соглашения, независимо от их принадлежности к политическим союзам и военным блокам.

Третий принцип логически вытекает из второго: **«это гарантии обеспечения равной безопасности. Именно равной безопасности, а не какой-то другой**. И здесь нужно следовать трём «не». А именно:

— не обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности других;
— не допускать (в рамках любых военных союзов и коалиций) действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности;
— в-третьих, не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора.

Сказанное имеет прямое отношение, например, к такому новому субъекту международных отношений, каким стал Евросоюз после вступления в силу Лиссабонского договора. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) Л. Энтин, «Политические и географические границы ЕС нестабильны. В любой момент они могут измениться. С ареалом своего жизненного пространства ЕС так до сих пор и не определился. Куда его может завести внешняя экспансия, остается только гадать. Решение о внешних границах расширения ни Брюсселем, ни столицами „двадцати семи“ окончательно не принято. Одни государства хотели бы его продолжить, другие предпочли бы в какой-то момент остановиться»[32].

Действительно, расширение Евросоюза на юг и восток выглядит вполне вероятным. Некоторым кажется, что даже неизбежным. Но его превращение в военно-политический блок также выглядит вполне неизбежным после лиссабонских соглашений (декабрь 2009 г.). Поэтому для России, выведенной «за скобки» единого оборонного пространства, а также ряда других стран, военное измерение расширения Евросоюза не может ни быть беспокоящим процессом.

М. Энтин считает, что «политика в отношении Балкан давно уже отнесена к разряду внутренней. Поглощение субрегиона является лишь вопросом времени. Оно начнется с Хорватии и не остановится, пока все балканские страны не окажутся внутри объединения. В апреле 2009 г., окончательно закрепляя указанный тренд, заявку на вступление подала Албания»[33]. Это расширение влияния неизбежно ведут к росту конкуренции. Важно, чтобы такая конкуренция не переходила в военно-политическую область.

Это имеет огромное значение и для других регионов планеты, например, Центральной Азии и других регионов, где возможно втягивание различных стран в различные союзы и даже формирование новых военно-политических союзов и коалиций.

Так, например, не исключено формирование союза между Японией, США и Кореей, имеющего очевидную направленность против КНДР. Или США и Пакистана — против Индии, как, впрочем, и пакистано-китайской антииндейской коалиции.

Кроме того, может происходить эволюция двусторонних «стратегических партнерств» в сторону создания военно-политических союзов, а на их основе многосторонних блоков.

Все эти тенденции имеют реальную перспективу и не могут исключаться. Но самое главное — их развитие изначально не должно иметь направленность против третьих стран. Так, расширение российско-индийского стратегического партнерства при существовании таких ограничений может не выйти за рамки широкого военно-технического и политического сотрудничества. При отсутствии таковых — логично ожидать от него превращение в военно-политический союз с участием ряда центральноазиатских государств.

Развитие ШОС также может развиваться в различных направлениях. Как трансформации в военно-политический блок, так и сохранения «мягких» коалиционных форм.

Как считает М. Энтин, «… на Молдавию, Украину, Белоруссию и даже Закавказье ЕС также имеет свои виды. Во всяком случае, заигрывание с политическими элитами этих стран Брюссель интенсивно занимается. Мечты о перспективе членства искусно подпитывает. По Лиссабонскому договору любая из них может на него претендовать в случае, если будет удовлетворять политическим и экономическим критериям членства. Забота о достижении этих критериев прописана в политике соседства ЕС и восточного партнерства. Юридико-географическим критериям, будучи европейскими странами, они изначально соответствуют»[34].

Равенство прав всех участников соглашения должно воплотиться в равных гарантиях безопасности. Всеобщее признание этого постулата означало бы постепенную демилитаризацию военно-политических союзов. Действующий Устав НАТО предусматривает обязательство членов союза: агрессия в отношении любого из них рассматривается как агрессия против всех. А если член НАТО сам спровоцирует ответные действия, которые будут квалифицированы им как агрессия? Представим себе, что могло бы произойти, если бы Грузия в момент своего нападения на Южную Осетию являлась членом НАТО?!

Четвёртое. В Договоре (ДЕБ) важно подтвердить, что ни одно государство и ни одна международная организация **не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в Европе**. В полной мере это относится и к России. Но такая же модель взаимоотношений должна быть обеспечена и для других регионов планеты.

Это, конечно, «камень», брошенный в сторону США, ибо никакая другая страна и не претендует на подобную роль. В Европе размещены американские военные базы, ядерное оружие. США активно вмешиваются в каждую конфликтную ситуацию на континенте. Свежий пример — появление кораблей американского ВМФ у Черноморского побережья Кавказа во время осетино-грузинского конфликта. Расширение НАТО и его продвижение на восток, юг и даже на север чревато закреплением неоглобалистких тенденций. Так, в последние годы становится актуальным формирование консенсуса стран по Арктике. Если допустить, что НАТО захочет выглядеть гарантом, например, Канады или Дании, то переговоры об использовании этого региона, а тем более его границах, становятся еще более проблемными.

Применительно ко всему миру этот принцип означает, что ни одно государство и ни один блок не могут претендовать на эксклюзивное право по использованию военной силы или на принятие других мер по поддержанию стабильности. В противном случае эти претензии превратят в монополизм, определяющий всю систему безопасности и развития в регионе.

Фактически этот принцип направлен на исключение военно-политического доминирования со стороны любого государства или союза в мире. Экономическое, социальное и гуманитарное развитие во многом предопределяются способностью государств осуществлять свою суверенную внутреннюю и внешнюю политику. Поэтому принцип отказа от эксклюзивных прав на безопасность так или иначе распространяется и на экономическое, социальное и культурное развитие, способность государства обеспечить суверенитет и национальную идентичность.

Растущая конкуренция между различными ценностями и моделями развития, неизбежная сегодня и в будущем, не будет находиться под очевидным военным влиянием того или иного государства или блока, т. е. у них не будет **дополнительных конкурентных преимуществ**.

Выбор государством приоритетов и целей развития, использование в этих целях институтов государства происходят в зависимости от сохранением нации полного суверенитета. Если этого нет, то нации могут навязать экономические, социальные и иные решения. Как, например, многое было **навязано** СССР и России в прошлом.

Появление новых угроз и проблем в области безопасности требует конструктивного диалога **всех** заинтересованных сторон. Если у какой-то страны появляется соблазн и возможность «решить проблему» в одностороннем порядке, без консультаций, то это может привести к непредсказуемой реакции других государств. Таких потенциальных сценариев и вариантов реакции может быть множество. Предусмотреть все невозможно, но возможно и необходимо договориться об отказе от односторонних действий в случае возникновения новой угрозы, предварительных консультациях, в которых могут принять участие все заинтересованные стороны.

Подобные обстоятельства могут возникать не только на европейском континенте, но и в других регионах мира, где могут пересекаться интересы европейских государств. Так, например, в 1956 году во время Суэцкого кризиса на Ближнем Востоке столкнулись интересы СССР, Великобритании и Франции, которые не только привели к масштабному использованию военной силы, но и угрозе ядерной войны.

Сегодня такими потенциальными регионами может явиться уже не только Ближний, но и Средний Восток, Закавказье, Арктика, Средиземноморье, да и другие регионы.

И, наконец, **пятое**: «целесообразно установить **базовые параметры контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве.** Очевидно, что военная безопасность не может быть обеспечена без ограничения вооружений, контроля и договоренностей относительно военно-технических мер обеспечения безопасности. В свое время это поняли даже лидеры стран, находившихся в состоянии «холодной войны», запретив и ограничив целые виды и классы оружия включая ОМУ.

Кроме того, очевидна взаимосвязь между военным соперничеством и неизбежными военными расходами с развитием государств. Чрезмерные усилия, потраченные на обеспечение безопасности (иногда эксперты считают пределом 8 % ВВП), безусловно сказываются на возможностях опережающего развития. Соответственно гонка вооружений, тем более не ограниченная никакими обязательствами, ведет к нерациональному расходованию национальных ресурсов.

С другой стороны, опыт Израиля и США, а также, частично, СССР, показывает, что их инновационные достижения в промышленности во многом были **следствием** развития военных НИОКР. Поэтому принцип «разумной достаточности», узаконенный в международной практике, поможет ограничить чрезмерные для экономики и опасные для стабильности военные расходы.

Не секрет, что торговля оружием и услугами на внешнем рынке имеет как негативное, так и позитивное значение. Особенно, если речь идет о серийном производстве новых образцов В и ВТ для продажи за рубеж. Объем таких продаж может составлять для России более 10 млрд долларов, а также (как, например, в случае с Индией) обеспечивать особые, «стратегические» двусторонние отношения. И здесь принцип «разумной достаточности» может сыграть свою роль, регулируя объемы и направленность торговлей оружием и военной техникой.

Также важно сформировать новое качество **взаимодействия**, новые процедуры, новые механизмы взаимодействия по таким направлениям, как распространение ОМУ, наркотрафик и терроризм.

Очевидно, что новая международная реальность связана с ростом новых угроз. Новые, в т. ч. нетрадиционные угрозы, уже стали предметом взаимодействия между государствами. Иногда даже более приоритетными, чем прежние. Это относится к борьбе с международным терроризмом, «киберугрозами» и др. В МИДе России был создан даже специальный департамент, отвечающий за эти направления сотрудничества.

Речь здесь идет о выработке целого пакета соглашений по контролю за ядерными и обычными вооружениями в Европе. Старые соглашения (например, Договор об обычных вооруженных силах в Европе) после распада СССР полностью утратили смысл и перестали быть рычагом стабилизации военно-политической обстановки.

Со своей стороны Россия предпринимает все возможное для того, чтобы ее действия по обеспечению безопасности не рассматривались на Западе в качестве угрозы. Так, по мнению большинства западных экспертов, хотя расширение активности НАТО и Евросоюза на постсоветском пространстве и рассматривается в новой военной доктрине России[35] как главная угроза, «… достаточно очевидно, что Россия не собирается наращивать свой военный потенциал на западных границах»[36].

Пришло время искать новые подходы к контролю над вооружениями в мире и особенно в Европе. Это признают уже и здравомыслящие европейцы.

Предложенная Россией идея построения новой системы европейской и в перспективе международной безопасности носит концептуальный и долгосрочный характер и устремлена в будущее. Повторю, никто в России и не надеется, что Договор удастся подписать в краткосрочной перспективе. История дипломатии, однако, учит, что, не сделав первого шага, невозможно сделать последующие шаги к намеченной цели. Мало вероятно, чтобы все государства немедленно отказались от своих взглядов на роль военной силы и соответствующих институтов, признали универсальность принципов безопасности и норм международного права.

У России, реализующей планы экономической и социальной модернизации, есть острая потребность в создании новой архитектуры международной безопасности, основанной на прочных принципах. Понимая, что никакие договоры не гарантируют мирного развития страны, мы, конечно же, понимаем и то, что чем благоприятнее будут международные

реалии такого развития, тем быстрее и эффективнее будут развиваться процессы модернизации. Эта взаимосвязь — очевидна.

Ясно и другое. Никакое опережающее развитие и качественный скачок в развитии страны сами по себе не обеспечат военной безопасности. Даже страны-лидеры в экономическом развитии становились объектом агрессии и недружественной политики. Поэтому, развивая принципы обеспечения безопасности и международного сотрудничества, мы создаем фундамент для будущего существования нации и государства в качестве независимых субъектов международных отношений, т. е. работаем на свою будущую перспективу. Мы конструируем уже сегодня свое будущее, понимая, что оно зависит не только от нас, но и внешнего, не всегда расположенного к нам мира.

4. Новая архитектура международной безопасности как политико-идеологическое условие модернизации

Политические реформы не должны приводить к хаосу и параличу демократических институтов. Они должны укреплять демократию, а не разрушать ее[37].
Д. Медведев

… на смену идеологической борьбе либерализма и коммунизма, опиравшейся на военно-политические потенциалы двух сверхдержав, … пришло господство идеологии политического и экономического либерализма…[38].
М. Мунтян,
профессор МГИМО(У)

Модернизация в России во многом предопределяется тем, насколько благоприятны окажутся для нее внешние условия, прежде всего с точки зрения безопасности страны. Сегодня безопасность становится частью общего политико-идеологического противоборства и конкуренции стран в мире, предопределяется конкурентоспособностью национальных ценностных систем.

«Господство идеологии», опирающееся на мощь той или иной державы, — опасная и реальная угроза для России. Речь идет отнюдь не только о США, но о любой державе, которой, например, сможет стать через 20 лет КНР. Понятно одно: трансформация экономической и военной мощи в идеологическую, когда суверенным государствам **навязывается иная система ценностей и иные нормы поведения** (как правило, удобные и выгодные для тех, кто их навязывает), к сожалению, не только нынешняя, но и, вероятно, будущая реальность. Реальность, которая прямо угрожает безопасности государств и наций.

Для России ситуация осложняется нерешенностью целого комплекса проблем, связанных с национальной самоидентификацией. Прежде всего по отношению к Европе. Как считают некоторые авторы, «… в России нет ясности ни по поводу прошлого, ни по поводу будущего. После кризиса коммунизма и распада СССР в России не только не сформировался национальный консенсус о причинах этих событий, напротив, обсуждение соответствующих тем только усугубляло раскол»[39].

Подобная ситуация опасна. Прежде всего потому, что когда у правящей элиты и общества нет ясного представления о национальной системе ценностей, то внешняя политика неизбежно сталкивается с необходимостью постоянной корректировки стратегии. В частности, и прежде всего, в Европе, по отношению к которой в России постоянно ведутся споры о ее идентичности. Но и формирование было общей, мировой архитектуры международной безопасности сталкивается все с той же проблемой национальной идентификации — от выбора модели демократии до ассоциации себя с той или иной системой ценностей.

Все это суть идеологии. Даже если нам и не хочется использовать этот термин ни внутри страны, ни применительно к ее внешней политике.

В России в условиях модернизации идеологические разногласия не являются актуальными. Более того, «деидеологизация», как принято считать, создала благоприятные условия для модернизации. Например, В. Чижов, постоянный представитель России при Евросоюзе, отмечает: «Современные условия, экономическая, научно-техническая и, что немаловажно, идеологическая и правовая основы модернизации кардинально отличаются от тех, которые существовали ранее»[40].

Это, безусловно, верно. Но до определенного предела. Идеология перестала быть главным противоречием в отношениях между государствами, но отнюдь не исчезла. Даже если Россия «заявит» об ее исчезновении. Она останется потенциально самой опасной угрозой для безопасности, которая может развиться в реальную угрозу. Как это случилось с радикальным исламом или национал-социализмом.

В этой связи безопасность, как ситуация, при которой риски минимизированы, а благоприятные условия — максимальны, является обязательным условием не только для развития, но и самого существования наций. Категория «безопасность» относится

к высшим национальным и государственным приоритетам, поэтому очевидная угроза безопасности со стороны идеологии является самой опасной угрозой. В Стратегии национальной безопасности России до 2020 года по этому поводу говорится: «национальная безопасность» — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которые позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качества и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»[41]. Как видно, прямо об идеологической угрозе, национальной идентификации и национальной системе ценностей в Стратегии не говорится. Что, на мой взгляд, плохо. Потому, что важнейшим интересом (потребностью) нации является **сохранение ее идентичности**. Нация, сохранившая идентичность, но потерявшая временно частично или полностью суверенитет, еще может возродиться. Но нация, потерявшая идентичность, даже при формальном сохранении суверенитета, перестает быть нацией. История знает примеры как первого, так и второго рода.

Вся идеология формирования новой архитектуры международной (европейской в т. ч.) безопасности строится на равенстве суверенитетов государств, который косвенно предполагает равноправия ценностных и идеологических систем. Но именно косвенно.

Вот почему особенно важно, чтобы архитектура международной безопасности не размывала, а укрепляла национальную идентичность государств, не вела ко всеобщему универсализму, а содействовала бы многообразию культур и систем ценностей.

Состояние безопасности, т. е. когда международные риски сведены к минимуму, является наиболее благоприятным для любой модернизации.

В том числе риски социокультурные и ценностные.

Между тем мы часто наблюдаем, что процессы интеграции (например, в Евросоюзе) нередко сталкиваются именно с этой проблемой. Еще чаще мы видим, что проблемы безопасности пытаются сделать **условием** для отказа от национальных ценностей. Которые, кстати, лежат в основе национальных интересов.

В противном случае модернизацию приходится проводить, как это было в фашистской Германии в 30-е годы или в СССР, в условиях чрезвычайной мобилизации, отвлекая на этот процесс меньше ресурсов, чем это было необходимо. Это и понятно, ведь поддержание готовности к конфликту, тем более — войне, требует фактически милитаризации экономики и общественной жизни.

И, наоборот, когда обстоятельства (внешние силы, международная ситуация, эффективная политика) позволяют в минимальной степени отвлекаться на отражение внешней угрозы, возможности для проведения модернизации многократно увеличиваются. Так, в периоды самого бурного модернизационного процесса Япония и послевоенная Германия тратили менее 1 % своего ВВП на военные расходы. Сегодня такие расходы в большинстве ведущих стран не превышают 3 %. Эта логика видна из рисунка 10.

Из заявления президента Д. Медведева можно сделать такой вывод: Россия не согласна с моделью однополярного мира и произволом какой-то одной сверхдержавы или групп стран. Мы предлагаем изменить этот порочный международный порядок переговорным путем, через поиск компромисса и согласия с участием всех заинтересованных государств, международных и общественных институтов, т. е. создать систему безопасности, которая необходима России в качестве обязательного условия модернизации.

Эту логику понимают и на Западе, когда пытаются «обменять» безопасность на принятие по сути дела **идеологических условий и ценностей.**

Последовавшие события в 2009 году в Южной Осетии, разгоревшиеся в августе, только укрепили уверенность, что такой договор крайне необходим. Российский проект нового соглашения быстро разошелся по миру. Его направили во все страны-члены ОБСЕ, а также главам государств СНГ. С общим каркасом документа могли ознакомиться все страны.

14 пунктов соглашения предполагают закрепление на евроатлантическом пространстве принципов неделимой и равной безопасности, не нанесения ущерба безопасности друг другу. Любые меры безопасности участника или группы участников договора осуществляются исключительно с учетом интересов безопасности остальных членов соглашения.

При этом никто, в рамках Договора, не должен своими действиями затрагивать коллег, а также обязуется не поддерживать таких действий и не участвовать в них. Это касается не только непосредственно действий против участника соглашения, но и предоставления своей территории и использования территории другого участника в целях подготовки или осуществления вооруженного нападения против одного или нескольких участников договора.

Более того, участники Договора имеют право заранее запрашивать по дипломатическим каналам информацию относительно принимаемых другим участником существенных мер законодательного, административного или организационного характера, которая, по их мнению, затрагивает их безопасность.

Рис. 10.

Проект Договора предусматривает несколько уровней механизма решения споров. Самый простой — консультации участников Договора. Другие два варианта — конференция членов соглашения и чрезвычайная конференция. Участник Договора, по мнению которого существует нарушение или угроза нарушения его положений, может направить предложение о проведении консультаций, может пригласить партнера или группу партнеров на консультации.

Эхо кавказского столкновения в августе прошлого года отчетливо звучит в 7 статье документа. «Без ущерба для положений статьи 8 настоящего Договора Участник вправе рассматривать вооруженное нападение на другого Участника как вооруженное нападение на него самого, — гласит проект. — В порядке осуществления права на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций он вправе предоставить Участнику, на которого совершено вооруженное нападение, с его согласия, необходимую помощь, включая военную, до тех пор, пока Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

В 8 пункте документа, в свою очередь, говорится о созыве чрезвычайной конференции членов договора в случае подобных агрессий с участием как непосредственно сторон конфликта, так и третьих членов соглашения. «Чрезвычайная Конференция Участников является правомочной, если в ней участвуют не менее четырех пятых Участников настоящего Договора, — записано в проекте документа. — Решения Чрезвычайной Конференции Участников принимаются единогласно и являются обязательными. В случае если вооруженное нападение совершено Участником настоящего Договора, либо от него исходит угроза такого нападения, голос этого Участника не включается в общее число голосов Участников при принятии решения»[42].

---

1 **Архитектура международной безопасности** — *зд.* система обязательных международных норм и обязательств, регулирующая поведение государств в мире. В отличие от искусства архитектуры или науки архитектуры (в IT, например), это система обязательных международно-правовых норм.

2 *Медведев Д.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 2010. 7 мая. С. 2.

3 *Торкунов А.* Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентября–декабрь. № 3 (21).

4 Это, кстати, в полной мере относится и к политике Европы в отношении России, в основе которой лежат, как правило, идеологические мотивы. См.: *Барабанов О. Н., Клименко А. И.* Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза. М.: МГИМО(У), 2010. С. 10–12.

5 *Полюхович А.* Финансы идут на Восток // Известия. 2011. 15 декабря. С. 1.

6 *Галли К.* Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. Сентябрь–октябрь. № 5. С. 152–153.

7 *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября. С. 1.

8 *Торкунов А.* Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. № 6. С. 45.

9 См. подробнее: *Подберезкин А.* Национальный человеческий капитал как фактор влияния на систему международной безопасности. / Эл. СМИ. Viperson. 19 ноября 2010 г. / www.viperson.ru

10 *Надточий Ю.* Мировой экономический кризис: последствия для НАТО // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 23 (39). С. 7.

11 «Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation». Adopted by Heads of State and Government in Lisbon Active Engagement, Modem Defence. 19 Nov. 2010 / http://www.nato. int/cps/en/SID-F8C16058-858D313A/natolive/official_texts_68580.htm

12 К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». 2010. Август–сентябрь. С. 18.

13 К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». 2010. Август–сентябрь. С. 12.

14 Цит. по: *Мунтян М.* Идеология глобализма и современный мир / http://medvedev.viperson.ru

15 The US National Security Strategy. Wash., 2010. P. 1.

16 Интересна в этой связи оценка реальных возможностей КНДР, данная, например, в книге К. Пуликовского. См.: *Пуликовский К.* Восточный экспресс. По России с Ким Чен Иром. М.: Ковчег, 2010.

17 *Трейвиш А.* Что такое государства-гиганты и как с ними бороться. В сб.: Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сборник докладов. М.: МГИМО(У), 2010. С. 27.

18 *Кримс А.* Войтыла. Программа и политика папы / пер. с нем. М.: Прогресс, 1983. С. 47.

19 *Богатуров А.* Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3 (21).

20 Там же.

21 Там же.

[22] *Бецофен С. Я.* Воспитание элит через высокие технологии // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 14 декабря.

[23] *Абрамов К. В.* Армия и общество: что думают россияне? ВЦИОМ, 2010. С. 6.

[24] *Борко Ю.* Евросоюз и внешний мир: проблемы «мягкой силы» и «единого голоса» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 20 (36). 2010. С. 2.

[25] *Д. Медведев*. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 7 мая 2010. С. 2.

[26] НТР и мировая политика: учебное пособие / под ред. *А. В. Бирюкова, А. В. Крутских.* М.: МГИМО(У), 2010. С. 91.

[27] *Никитина Ю.* ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия организаций // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 23 (39). С. 9.

[28] Единое экономическое пространство начинает работать с 1 января 2012 года // Известия. 2011. 14 декабря.

[29] *Медведев Д.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 / http://www.kremlin.ru

[30] Цит. по: *Борко Ю*. Евросоюз и внешний мир: проблемы «мягкой силы» и «единого голоса» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 20 (36). 2010. С. 2.

[31] *Пядышева Е*. «Не в силе Бог, но в правде» // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 129.

[32] *Энтин М. Л.* Европейский Союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. № 2 (24).

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента России 5 февраля 2010 г. / www.sbef.ru

[36] *Новикова Д. О*. Российская военная доктрина в редакции 2010 г.: реакции и оценки политических и экспертных кругов Запада. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У) М. 2010. Апрель. С. 5.

[37] *Медведев Д.* Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперёд. Президент России, 23 ноября 2010 г. / http://news.kremlin.ru

[38] Цит. по: *Мунтян М.* Идеология глобализма и современный мир / http://medvedev.viperson.ru

[39] *Липман М., Петров Н*. Страна односторонней связи // Огонек. 2010. 6 декабря. № 48. С. 18.

[40] *Чижов В*. «Партнерство для модернизации» — ключевой элемент сотрудничества России и Евросоюза // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 37.

[41] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. / http://www.kremlin.ru

[42] *Кузьмин В.* Проект безопасной Европы // Российская газета. 2009. 30 ноября.

КНИГА ВТОРАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СЛЕДСТВИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

… западный мир утомлен собственной культурой, алчностью, эксплуатацией, разделением, собственными лжебогами и разочарованием в ложных обещаниях[1].
Папа Бенедикт XVI

Нам (Евросоюзу) необходимо пересмотреть и укреплять отношения с ключевыми партнерами. Прежде всего, я думаю о США, Канаде, России, Китае, Японии, Индии, Бразилии[2].
Херман Ван Ромпей, президент Евросоюза

Выше уже не раз говорилось о том, что в рамках существующей парадигмы мирового развития обеспечение международной безопасности возможно только традиционными военно-политическими и иными силовыми средствами. Что, естественно, является прямой угрозой и развязыванием новых войн и конфликтов. Последние 20 лет, когда было ликвидировано военно-политическое равновесие, полностью подтверждают это — количество войн, конфликтов, переворотов превысило все 40 лет после Второй мировой войны.

Будущее, возможно, будет еще хуже, если эта тенденция сохранится. Изменение соотношения сил в мире будет продолжаться, а вслед за этим (при сохранении прежнего подхода) будет сохраняться тренд на пересмотр «правил игры» в мире. И не только со стороны США и НАТО (развертывание систем ПРО и развитие потенциала СНВ делает возможным уже в ближайшем будущем ликвидацию ситуации ядерного сдерживания), но и других стран — Китая, Индии, Пакистана, арабского Востока, Латинской Америки и других регионов.

Современное состояние международной безопасности трудно понять без признания того факта, что мир в начале XXI века вступил:

— в период «фазового перехода», т. е. качественных изменений всех основных элементов международных отношений;
— этот переход сопровождается крупнейшим **идеологическим кризисом**, поразившим развитые страны и ставший причиной мирового кризиса 2008–2010 гг.;
— события 11 сентября 2001 года значительно ускорили процесс строительства Соединенными Штатами своей квазиимперии, основанной на идеологических принципах. Или, как признал один из авторитетных современных социологов А. Этциони, «… США взялись укреплять порядок в мире, используя для этого превосходящую мощь, статус и ресурсы единственной сверхдержавы»[3];
— устойчивость и стабильность развития КНР и Индии в период мирового кризиса объясняется прежде всего тем, что эти страны, сохранившие

Табл. 1.

ЗА	ПРОТИВ
— Консолидация усилий всех государств по обеспечению международной безопасности	— Развитие противоречий между союзниками, противопоставление Евросоюза США
— Россия — равноправный участник международных отношений	— Россия — младший партнер, ведомый развитыми странами, которые определяют нормы ее поведения
— Одна цивилизация, один регион в Европе	— Россия — за пределами единого (европейского) региона и цивилизационного пространства
— Россия как лидер, великая держава, имеющая глобальную ответственность	— Россия — выталкивается на периферию, ее влияние в мире ставится под сомнение
— Единое правовое пространство всех участников международных отношений	— Россия — не является полностью частью единого правового пространства
— Участие всех государств а процессах обеспечения международной безопасности	— Ограничение влияния — враждебных, по мнению Западных государств, выборочный подход
— Соблюдение баланса интересов всех государств, наций и личностей	— Соблюдение интересов некоторых государств и наций
— Замена одной архитектуры международной безопасности — другой	— Сохранение нынешней архитектуры безопасности, опирающейся на нынешние институты
— Системный подход, основанный на взаимосвязи всех элементов безопасности	— Субъективный, рефлекторный, односторонний подход
— Важность принципов, в т. ч. правовых и нравственных	— Приоритет политической целесообразности
— Универсальность норм и принципов	— Избирательность норм и принципов, соответствующих западным ценностям.

национальную систему ценностей и идеологию, не были охвачены кризисом идеологии (хотя следует признать, что они пострадали от экономического кризиса на Западе).

Таким образом, в начале XXI века сформировались две доминирующие мировые тенденции в отношении новой архитектуры международной безопасности. И обе эти тенденции по сути отрицали сложившуюся в XX веке систему, так или иначе дестабилизировали ее основы и институты.

Первая, — откровенно имперский курс США, основанный на собственных ценностях и представлениях о нормах поведения в мире, действенности и эффективности тех или иных международных институтов — от ООН и ЮНЕСКО до Киотского протокола и бомбардировки Ливии или уничтожения политических противников.

Вторая тенденция — нарождающиеся национально-ориентированные военно-политические и экономические центры силы — от Китая и Индии до ислама.

Россия оказалась в стороне. Она объективно была не способна (прежде всего по идеологическим причинам) стать частью второй тенденции и по ряду других причин войти в орбиту США. Все начало XXI века она пытаясь сформулировать внятную внешнеполитическую концепцию, которая появилась лишь осенью 2011 года в виде Евразийского союза.

Идеологический кризис проявился и в системе международной безопасности, сложившейся после распада СССР и ОВД на условиях США и НАТО. Он, в частности, выразился в том, что к 2011 году сформировались принципиальные политико-идеологические различия в самом понимании международной безопасности (табл. 1).

Россия так и не смогла до конца 2011 года преодолеть, как говорил К. Маркс, «иллюзорность идеология»[4], создать научную собственную идеологию, из которой вытекала бы осмысленная система взглядов на военную и внешнюю политику и, как следствие, международную и европейскую безопасность. Отсюда во многом объясняется слабая взаимосвязанность внутренней и внешней политики страны в начале XXI века, что свидетельствует о том, что у правящей элиты страны не было идеологии развития нации и ее места в международных отношениях.

Особое значение в 2010–2011 годах приобрел политико-идеологический выбор в пользу Евразийской структуры, СНГ, ОДКБ.

Соответственно была скорректирована не только внешняя политика Д. Медведева, но и внутренняя политика: Д. Медведев в ноябре 2011 года резко выступил против американо-европейской системы ПРО, а принятый в конце года бюджет на 2012–2014 годы отражал приоритет оборонной политики и Евразийского направления политики России. Как писал в конце ноября 2011 года И. Юргенс, «Госдума ратифицировала во вторник договор о создании евразийской экономической комиссии и в окончательном чтении приняла бюджет страны на ближайшую трехлетку. Оба документа — тот фундамент, на котором будет развиваться наша экономика. Однако предлагаю посмотреть на них не как на застывшую догму — подпи-

сано, и точка. А обсудить с точки зрения дальнейшего развития»[5].

И в этом утверждении либерального политолога много правды. Прежде всего смена курса означала разочарование ставкой на модернизацию, учитывающую позицию США и Евросоюза.

Таможенный союз выступал в этой концепции в качестве элементов такой архитектуры, а «внешние» региональные структуры — ШОС, Евросоюз и др. — в качестве партнеров. Как писал в октябре 2011 года В. Путин, «речь идет о запуске в СНГ конкретных, понятных, привлекательных инициатив и совместных программ. Например, в сфере энергетики, транспорта, высоких технологий, социального развития. Большие перспективы у гуманитарного сотрудничества в науке, культуре, образовании, у взаимодействия в сфере регулирования рынков труда, создания цивилизованной среды для трудовой миграции. Нам досталось большое наследство от Советского Союза — это и инфраструктура, и сложившаяся производственная специализация, и общее языковое, научно-культурное пространство. Совместно использовать этот ресурс для развития — в наших общих интересах»[6].

---

1 Цит. по: *Китинг П.* Шестнадцать потерянных лет. Почему не сложился «новый мировой порядок» // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 13.

2 Президент ЕС заявил о необходимости пересмотра отношений с Россией / http://ru.proua.com/news/26.02.2010/

3 *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отно-шениям / пер. с анг. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 130.

4 *Славин Б.* Идеология возвращается. М. 2010. С. 18.

5 *Юргенгс И.* Бюджет иждивенческих настроений // Независимая газета. 2011. 24 ноября. С. 1.

6 *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известие. 2011. 4 октября. С. 2.

Глава 1

Идеологические аспекты новой системы международной и европейской безопасности: за и против

…мы обращаемся к тем проблемам европейской реальности, с которых гораздо логичнее было начать наш анализ — к проблемам исторической и культурной идентичности Европы…[1].
В. Иноземцев

…опасный вакуум идей относительно долгосрочного развития мира требует чрезвычайных усилий…[2].
С. Караганов

Идеологические и культурные аспекты международной безопасности чрезвычайно важны и порой недооцениваются, хотя именно они лежат в основе внешней политики любой страны (группы стран). Эта цивилизационная, культурная и идеологическая специфика во многом определяет сегодня модели развития не только отдельных стран, но и целых регионов. А главное — новых центров силы. «Демократические модели «классического» западного типа в регионе (Центральной Азии. — *А. П.*) не возникли…», — признают исследователи МГИМО(У)[3].

Но это справедливо по отношению и к другим регионам планеты. «Универсальность», проповедуемая либералами, означает на деле признание «единственно — верной» модели мирового развития, в основе которой лежит система американских ценностей и стремление США (особенно после сентября 2001 года) распространить эту модель по всему миру.

Отношения России, например, и Европы имеют давнюю историю. Эта трудная история насчитывает более 1000 лет.

Этот фактор постоянно недооценивается. А зря.

Размышляя о проблемах европейской безопасности, нельзя не вспомнить Н. Я. Данилевского, который более полутора веков назад высказал мысль, имеющую, на мой взгляд, значение и сегодня. «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., …Европа поэтому видит в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. …Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою плоть и кровь, которое имеет силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью. …Европе трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это… не крестом, так пестом; не мытьем, так катаньем, — надо не дать

этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь»[4].

Политико-идеологические аспекты международной безопасности в XXI веке, на мой взгляд, вышли на первое место среди самых актуальных международных проблем. Особенно в период кризиса 2008–2010 годов, хотя на поверхности общественного внимания чаще всего фигурировали финансовые и экономические проблемы. Политика, в том числе олицетворяемая лидерами «Большой восьмерки» и «Большой двадцатки», явилась той «концентрированной экономикой», которая реально определяла состояние международной безопасности.

Но сама по себе политика выступает лишь проявлением идеологии, тех фундаментальных ценностей, которые отстаивала правящая элита. Таким образом, экономический и финансовый кризис 2008–2010 годов в действительности стал проявлением **идеологического кризиса либерализма на Западе**. Не случайно, что от кризиса в экономическом плане пострадали меньше всего те страны, которые идеологически меньше зависели от развитых стран и либеральной экономики.

Неудача попыток построения «однополярного мира», «триумфальное настроение правых завело», — как пишет американский исследователь И. Валлерстайн, — «мир в тупик»[5]. Но у этого была и еще одна причина — губительное высокомерие Запада, его элиты, которая искренне считала, что ей удалось построить «идеальный мир», в основе которого лежат «подлинные ценности». Когда так считают, то подобное высокомерие не только не отражает реальности, но и, как показывает история, бывает **строго наказано**.

Сегодня это «высокомерие Запада» мешает решать реальные проблемы, ибо исключает новые политические концептуальные подходы, выходящие за рамки этой идеологии. Что проявляется, в частности в отношении к российской внешней политике.

Стремление совмещать конкуренцию и сотрудничество означает дипломатический торг интересами, или политику «игры с ненулевой суммой» — эта идея красной нитью проходит через всю аргументацию экспертов и политиков, приближенных к Бараку Обаме. Для этого США необходимо понимать интересы России и соотносить со своими собственными интересами[6]. «Реальные проблемы» — экономические и социальные — становятся заложниками идеологии. «…развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т. е. зависит от целей, поставленных правящей элитой… политические интересы, идеология власть имущих, надолго деформируют экономические законы. Это рано или поздно приводит к взрыву…»[7] — академик О. Богомолов. Именно идеология правящей элиты США и ряда других стран определяла многие годы экономическую, внешнюю и военную политику в мире, включая, естественно, и весь комплекс вопросов, связанных с международной безопасностью. А поэтому Мировой кризис 2008–2010 годов стал не только финансовым и экономическим кризисом, но и кризисом идеологическим, и политическим правящей элиты Запада, который с новой остротой поставил на повестку дня вопрос о новой системе международной безопасности. В тех странах, где не было идеологической либеральной «ломки», экономический и финансовый кризис проявился лишь в той мере, в какой они зависели от стран-лидеров глобализации. В Китае, естественно, сократился экспорт, но падение ВВП «сократилось» до снижения роста на 1–2 %. Та же ситуация наблюдалась в Индии, а также исламских государствах, которых не **затронул идеологический кризис**.

Соответственно и выход из кризиса будет в том же порядке: сначала необходим концептуальный, идеологический посыл, поиск новой философии безопасности, затем — создание новой архитектуры и институтов безопасности (а также модернизация существующих), а затем практические политические шаги по созданию новых норм и правил, регулирующих функционирование новой системы безопасности, в частности, «единого пространства безопасности в Евроатлантике»[8].

Таким образом, создание новой идеологической системы взглядов на безопасность неизбежно должно предшествовать практическим шагам, ибо только такая система позволяет сформулировать долгосрочную стратегию по созданию и развитию системы международной безопасности. Эта стратегия должна быть выработана совместно, впрочем, как и ее реализация невозможна одним (группой) государств.

Последнее обстоятельство очень важное. В многополярном мире время коалиций и военно-политических союзов заканчивается. Им на смену должна придти **система** международной безопасности, в которой участвуют в той или иной мере **все** государства. Другими словами, система безопасности XX века столкнулась с кризисом. Это — прежде всего **кризис идентичности**. Для того чтобы его преодолеть, нужно выйти на иной мировоззренческий уровень. Этот кризис идентичности затронул и все существующие институты[9], созданные во второй половине XX века для обеспечения международной безопасности, — ООН, ОБСЕ, даже НАТО. Некоторые из них (как ОВД) распались, другие (как ОБСЕ) стагнируют[10], некоторые (Совбез ООН) — теряют свою эффективность.

Не последнее место в этом процессе преодоления кризиса идентичности принадлежит России, которая всегда была мировым идеологическим лидером, представляя собой не просто нацию, а целую цивилизацию. Она может и должна предложить миру свое новое понимание миропорядка и международной безопасности основанное на принципах гуманизма и приоритета национальных человеческих потенциалов. Не случайно в Стратегии национальной безопасности констатируется, что «…Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности»[11].

1. Роль идеологии в политике безопасности

…марксизм и либерализм дали в нашей стране сходный результат, если иметь в виду тип власти и тип общества[12].
И. Харичев,
генеральный директор журнала «Знание — сила»

… именно идеология формулирует тот политический идеал.., достижения которого становится самоцелью (самоценностью). …Политический идеал есть синтез соответствующих ценностей…[13].
М. Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)

Идеология, как «система взглядов, выражающих коренные интересы больших общественных групп»[14], применительно к вопросам безопасности означает **систему взглядов элит на международную безопасность**. В XX и XXI веке было немало попыток пересмотреть классическое отношение к военной силе и международной безопасности. Сложился парадокс: с одной стороны, глобализация, ядерное оружие, наконец, наступление эпохи «фазового перехода» требовали отказа от классического отношения к власти и военной силы (по меткому наблюдению О. Бальзака, «власть есть непрерывный заговор», а война как проекция власти и продолжение политики иными средствами есть непрерывная и скрытая по своей сути борьба всеми возможными средствами и в любое время)[15], а с другой — именно XXI век стал наивысшим подтверждением на практике этой истины.

Идеологически и политически мир в XXI веке стал опаснее, чем в XX, более жестоким, чем в столетии, когда произошли две мировые войны. Войны и террор стали атрибутом жизни всех стран, включая самые стабильные и благополучные.

Попытки отдельных государств создать «объективно» миролюбивую систему международной безопасности привели пока что к признанию простого факта: самым спокойным и мирным периодом были десятилетия холодной войны, когда два блока — ОВД и НАТО — противостояли друг другу по всему миру, т. е. идеология холодной войны была самой эффективной с точки зрения сохранения мира.

Идеология таким образом играет ключевую, даже самую важную роль в определении правящей элитой политики национальной и международной безопасности, которые можно рассматривать как совокупность официально принятых взглядов на государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей.

Такая широкая трактовка на практике включает самый широкий круг (идеологических систем) взглядов даже внутри правящей элиты. На мой взгляд, проблема заключается именно в этом: у российской правящей элиты до сих пор не сложилось **единой системы**, как, например, у правящих элит США, Франции, Великобритании, Германии.

В России реализовывается модель экстенсивного развития, основанная на идее сохранения макроэкономической стабильности и адаптации России к внешним условиям, в том числе к условиям безопасности. В то же время все настойчивее сложатся голоса о переходе на интенсивную модель развития, в т. ч. активизации внешней политики и политики безопасности. Безопасность России от глобальных кризисов должна быть не армия бедняков, … а развитие ее экономики на основе мощного интеллектуального подъема»[16].

Мы слышим, с одной стороны, что инновационное развитие основывается на принципах демократии, а, с другой — инновационное развитие должно обеспечить опережающее развитие России. И не суть важно, насколько окажутся стерильными методы.

Таким образом, идеология российской правящей элиты, в т. ч. та ее часть, которая относится к вопросам безопасности, — весьма противоречива, что, естественно, отражается и на внешней политике страны. Которая, к сожалению, нередко бывает не только непоследовательной, но и излишне зависимой от внешних условий. И причины здесь коренятся в недалёком прошлом.

В начале XXI века в России сохранилось заблуждение относительно значения идеологии, сформировавшееся еще в 80-е годы прошлого века. «Деидеологизация», «прагматизм» и прочие изыски, на самом деле, во многом виноваты в том, что у элиты России до сих пор не сформировалась относительно устойчивая идеологическая система взглядов, в том числе на вопросы международной безопасности. Спектр таких взглядов чрезвычайно широк: от полного игнорирования национальных интересов России в области безопасности до абсолютизации национальных интересов, их отрыва от международных реалий. Что и проявляется в повседневной российской политической практике.

Между тем политическая идеология представляет собой прежде всего определенную доктрину,

оправдывающую претензии той или иной группы лиц на власть. Иными словами, политическая идеология — это разновидность корпоративного сознания, отражающая групповую точку зрения на ход политического и социального развития общества и потому отличающаяся определенной предвзятостью оценок.

Как средство идейного обеспечения групповых интересов политическая идеология является по преимуществу инструментом элитарных слоев, которые с ее помощью консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают последовательность действий в политическом пространстве. Именно от компетентности элит зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов. И здесь-то как раз у российской элиты возникают проблемы: идеология упрощает, даже вульгаризирует и огрубляет действительность. Нередко, в зависимости от адекватности элиты, даже искажает ее.

Важно, однако, что такая систематизация и даже формализация, — обязательны. Без них не может быть выработана официальная (доктринальная) система взглядов. Поэтому, когда в России в первом десятилетии XXI века стали появляться концепции и доктрины, они во многом оказались вне широкого контекста взглядов элиты, не стали производными от них, а оказались как бы искусственно созданным продуктом Совбеза.

С помощью идеологий политические цели элиты символизируются и получают индивидуальные значения, а политические действия приобретают конкретную направленность. В результате снижается стихийность восприятия политики и хаотичность политического взаимодействия в группе.

Это же имеет колоссальное значение для использования внешнеполитических инструментов, которые во все большей степени зависят от идеологического обеспечения. «Естественно, что мягкая власть не может быть накоплена в виде некоего материального ресурса, а потому ее поддержание и укрепление — это постоянный процесс. Для его описания некоторые американские политологи используют термин «борьба за умы и сердца». Эта борьба ведется на различных уровнях:

— на государственном уровне, при помощи «публичной дипломатии»;
— на уровне гражданского общества, «гражданской» или общественной дипломатии (citizen diplomacy), делающей упор на развитие прямых контактов между народами (face-to-face contacts).

Все это осуществляется при помощи неправительственных организаций, СМИ, различных образовательных фондов, индустрии развлечений, культурных фондов и корпораций, которые развивают ценности и идеи, ассоциирующиеся с образом данной страны и способствующие росту его влияния»[17].

Огромное, даже чрезмерно огромное значение в создании эффективной системы европейской безопасности **имеют идеологические аспекты, которые во многом предопределяют внешнюю политику и позицию стран Евросоюза**. Эти аспекты традиционно играли большую роль в отношениях между Западом и Востоком в Европе, начиная с раннего Средневековья, заложив определенную традицию негативного отношения друг к другу.

Причем во многом эта традиция, на мой взгляд, имеет субъективный характер: как только возникала общая для Европы реальная угроза, будь то наполеоновская Франция или гитлеровская Германия, сразу становилось очевидным, что идеологические противоречия легко преодолимы, а у России и остальной Европы больше общих интересов, чем противоречий. Может быть, и сегодня опасения тех кто в российской элите полагает, что «идеологический конфликт РФ с восточными европейцами, где у России безусловно справедливая позиция, будет перенесена на весь комплекс отношений ЕС — РФ[18], — напрасны?

Это особенно наглядно видно из истории Второй мировой войны, когда очевидная угроза порабощения остальной Европы гитлеровской Германией стала катализатором в развитии отношений СССР и с другими европейскими государствами. Так, уже через месяц с небольшим после нападения Германии было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в борьбе против Германии», которое положило начало формированию антигитлеровской коалиции. «Хотя как отмечают российские критики, — во время переговоров и не были ликвидированы расхождения между СССР и Англией по ряду вопросов, но принятое соглашение имело важное значение в образовании будущего союза государств…»[19].

Представляется целесообразным более подробно остановиться на всем наборе аргументов, высказанных противниками инициативы российского президента, а также на позиции представителей разных частей российской элиты по этому поводу, которые в целом выступили достаточно консолидировано, поддержав Д. Медведева.

Сразу подчеркну, что, в отличие от начала 90-х годов, когда позиции различных идеологических течений и элит резко, иногда даже радикально отличались друг от друга, отношение к инициативе президента России в целом у российской элиты положительное. Так, если либералы начала 90-х годов просто принимали позицию США и НАТО без всяких оговорок, а коммунисты и националисты — также безоговорочно отрицали, то в первое десятилетия XXI века можно говорить о **вполне консолидированной внешнеполитической позиции российской элиты по вопросам международной и особенно европейской безопасности**. Эта позиция выражается в стремлении не просто наладить конструктивное сотрудничество с Евросоюзом, **но и стать частью**

системы общеевропейской безопасности. Конечно, в России не могут не видеть, что после выступления в силу Лиссабонского договора Евросоюз фактически превратился не только в экономический союз, даже конфедерацию, но и в военно-политическую коалицию. Вот почему часть российской элиты с тревогой, даже опасением, следит за этой эволюцией Евросоюза. Как пишется в одной из статей «Фонда стратегической культуры», «На Западе немало пишут сейчас о том, что Лиссабонский договор усиливает антидемократический и антисоциальный характер Евросоюза, передавая почти все права национальных государств, включая право на объявление войны, органам ЕС и регламентируя чуть ли не все сферы жизни европейцев. В России не слышно даже отголосков этой дискуссии, хотя изменения в Европе не в последнюю очередь касаются как раз России. Достаточно заглянуть в документы рабочих групп, занимавшихся шлифовкой Лиссабонского договора, чтобы понять это окончательно.

Наиболее частая аргументация „еврооптимистов“ — необходимость единой политики перед лицом внешних вызовов, которыми называют нарастающий потенциал России и Китая»[20].

Тех, кого в российской элите не настораживают такие моменты, все равно вынуждены признать, что «вступление в силу Лиссабонского договора откроет перед ЕС принципиально новые возможности в усилении внешней политики и внешнеэкономической деятельности силовым компонентом. Создание европейской армии он, правда, не предусматривает, но формировать на его базе современные мобильные военные формирования, прекрасно подготовленные и оснащенные военной техникой, для использования в любых регионах планеты станет намного проще. К тому же у государств-членов появится возможность продвигать в рамках ЕС структурированное сотрудничество. Это означает, что те из них, которые могут и желают идти по пути военной интеграции гораздо дальше, чем сейчас, смогут это делать беспрепятственно»[21].

Пока что констатируем, что в целом реакция на эти инициативы Д. Медведева на Западе была отрицательной, хотя и в разной степени. И аргументы эти были сплошь и рядом идеологизированы. Складывается впечатление, что у Запада в отношении инициативы Д. Медведева **идеология заменила политику**.

2. Как пропаганда заменила идеологию в области безопасности

Пора перестать относиться к «непохожести» российской жизни как к пережиткам, «особенностям транзита», которые скоро исчезнут. Традиционное сознание в России доказало свою устойчивость по отношению к вестернизации[22].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Надо иметь полную картину политического ландшафта, прорабатывать будущую стратегию[23].

Ю. Дроздов,
бывший руководитель разведки СССР

Существует большая разница между идеологией правящей элиты и пропагандой, которая является **средством** внешней политики. В вопросах международной безопасности эта разница имеет огромное значение. Если идеология — это устоявшаяся **система** взглядов правящей элиты на систему международной безопасности (описывающая цели, принципы, ресурсы и средства), то пропаганда — один из инструментов внешней политики.

Мировой опыт показывает, что политика вполне может уступить свое место пропаганде в отношении между различными государствами. Такие случаи нередки в современной политической жизни гражданского общества.

И, наоборот, когда возникают потребности (т. е. остро заявляют о себе национальные интересы), пропагандистские штампы легко уходят «на второй план». Хорошим примером может стать «вдруг» проявившаяся дружба между СССР и США в начале 1970-х годов, когда консерватор Р. Никсон заговорил о «разрядке», в основе которой находился достигнутый СССР паритет в области стратегических наступательных вооружений и та степень «идеологизированности» внешней политики (а на самом деле — степень пропагандистского влияния) определяется в конечном счете **реальными потребностями** того или иного государства (группы государств). Соответственно, когда такие потребности минимальны (как, например, у стран Евросоюза по отношению к России), то степень идеологизированности может быть очень высокой. И, наоборот, когда возникают реальные интересы, прежде всего интересы безопасности и экономики, то пропагандистские наскоки вдруг неожиданно исчезают. Так было, например,

во времена Второй мировой войны, когда США и Великобритания стали абсолютно лояльными СССР и сталинскому режиму.

Идеологические аргументы противников инициативы Д. Медведева хорошо систематизировал и сформулировал руководитель российско-китайских программ Центра европейских реформ Бобо Ло[24]. Так, по мнению критиков: «…предложение российского президента Дмитрия Медведева создать новую архитектуру европейской безопасности резко разделило Запад на два лагеря. Критики отвергают эту инициативу, усматривая в ней очевидную попытку поссорить западные государства. Более благосклонные аналитики видят в ней искреннее стремление сформулировать концепцию безопасности XXI века».

Россия, как и всякая другая держава, естественно, использует противоречия между другими странами. Для этого и существует дипломатия. Но делать стратегическую ставку на такие противоречия внутри Евросоюза, либо между Европой и США, сегодня было бы наивно. Никто в России этого и не делает. Более того, сама идея новой архитектуры европейской безопасности, предложенная Д. Медведевым, делает уровень двусторонних отношений между государствами менее важным, чем общая международно-правовая база, обязательная для всех государств. Тем самым и использование противоречий между другими государствами даже тактически становится менее перспективным.

Официальная система взглядов на вопросы безопасности и угрозы изложена в новой военной доктрине Российской Федерации, утвержденной президентом в 2010 году. Там, в частности, говорится, что, «…Мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов…

… несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются.

Основные внешние военные опасности:

— стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;
— попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;
— развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;
— создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
— территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;
— распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;
— нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;
— применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ОНН и других норм международного права;
— наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;
— распространение международного терроризма;
— возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира»[25].

Следующая мысль Бобо Ло: «Иногда на Западе и Востоке считают, что после окончания холодной войны Россия почувствовала, что оказалась на периферии. В 1990-е годы в ней царил политический хаос и социально-экономический кризис, а ее внешнеполитическое влияние резко уменьшилось; в результате, в международной жизни она могла претендовать самое большее на роль младшего партнера. Позднее, когда при Путине экономическая ситуация в России улучшилась, к ней стали относиться как к более влиятельному, но весьма неуклюжему и подчас враждебному государству. Короткая война с Грузией в августе 2008 г. ознаменовала сразу два момента: пик пресловутого возрождения страны и отчуждение между Россией и Европой».

Действительно, правление либералов в 90-е годы привело к глубокому социально-экономическому кризису. Прав Бобо Ло и другие критики и в том, что в результате этого кризиса «влияние нашей страны резко уменьшилось». Но дальше с его логикой нельзя согласиться: признается, что в результате улучшения ситуации в России она стала «весьма неуклюжей» и «даже враждебным» государством, т. е. связь прямая: слабая, кризисная Россия — удобная для европейских партнеров, а окрепшая — «неуклюжая» и «враждебная». Может быть именно в этом дело? Но возникает вопрос: насколько дальновидна такая политика, ведь страны Евросоюза и Россия находятся на одном континенте и связаны миллионами нитей. Ослабление одной из европейских составляющих — будь то Запад или Восток, — как показывает история, неизбежно отражается на безопасности другой половины.

Что, кстати, признается в нынешнем Евросоюзе, о чем пишет Р. Коэн в своей статье в «The New York Times» от 9 марта 2010 года: «Чтобы Лиссабонский договор стал не клочком бумаги, а Ван Ромпей — не просто декоративной фигурой, Евросоюзу необходимо выработать четкую стратегию по отношению к Китаю, России, ближневосточному мирному процессу, Афганистану, энергетической безопасности — и это лишь пять проблем, по которым у него отсутствует единая позиция. Кроме того, теперь даже Франция осознала, что соперничество между ЕС и НАТО в ситуации, когда Западу необходима сплоченность для того, чтобы хотя бы удержать свои позиции… Таким образом, европейцам необходимо как следует поработать и над координацией своей военной стратегии»[26].

Никак нельзя согласиться с термином «пресловутое возрождение страны». Это возрождение, пусть медленное, непоследовательное, но происходит. И не видеть, и не учитывать этот процесс нельзя, оставаясь реальным политиком. Россия превратилась из страны должника в страну — кредитора, восстановила свой ВВП, свои институты власти и т. п. Россия становится центром силы, который признают среди других центров в прошлом однополярном мире. Как пишет, например, американский ученый И. Валлерстайн, «… на мировую сцену выходят такие игроки, как Россия, Китай, Индия, Иран …»[27]. Заметьте, кстати, порядок перечисления этих стран.

Другая сентенция Бобо Ло: «Параллельно с этими процессами происходил еще один: ЕС и НАТО практически полностью отождествились с Европой той эпохи, которая наступила после холодной войны. В прошлом Россия была частью Европы за счет того, что она, с одной стороны, „типичная европейская христианская цивилизация“, а с другой, входила в число великих европейских держав: Россия, Франция, Германия и Великобритания. За последние 20 лет процесс европейской интеграции ускорился, и Россия отстала; теперь она оказалась аутсайдером еще в большей степени, чем страны вроде Турции (которая уже более полувека входит в состав НАТО)».

Может быть, Россия и отстала за последние 20 лет, но ни географически, ни культурно, ни духовно она не перестала быть частью Европы. И граждане нашей страны не перестали себя идентифицировать европейцами. Не перестала Россия быть и великой державой. Во всех смыслах этого слова (ВВП сопоставим с ВВП Англии, Франции и Германии), а тем более культурный, образовательный, научный потенциал.

Россия не может стать аутсайдером, даже если кому-то это очень и захочется, хотя, безусловно, несчастья и неурядицы последних 20 лет, конечно, повлияли на ее восприятие в мире и Европе.

Неправильно говорить и о том, что Россия отстала от интеграционных процессов за последние 20 лет. Напомню, что до конца 80-х годов Россия практически в них не участвовала, более того противопоставляла им «социалистическую интеграцию» в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Отношения СССР развивались на двусторонней основе, из которой исключалось полностью военное, политическое, финансовое и гуманитарное сотрудничество. Сегодня, как справедливо признает бывший посол России в Брюсселе В.Лихачёв, наступила «эпоха «дорожных карт», когда в область практического сотрудничества переведены целые направления в отношениях России и стран Евросоюза: от области миграции до гражданского, уголовного и торгового права.

В рамках переговоров по второму соглашению представители Евросоюза поднимают вопрос о присоединении Российской Федерации, как члена Гаагской конференции по международному частному праву, к ряду Гаагских конвенций, в частности, о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (1980 г. и 1996 г.). РФ изучает этот вопрос, она признает значение гаагского правового массива. Но при этом мы видим, что данные конвенции относятся к сфере семейного права, тематика которого не входит в диалог по третьей «дорожной карте». Надо быть просто объективным.

Наконец, «дорожная карта» по формированию общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. В ее основе богатый интеллектуальный, духовно-исторический капитал, тесное переплетение на протяжении нескольких веков культур, знаний и традиций. Все это способствует движению РФ и ЕС по пути интеграции, созданию реально новых, инновационных по сути, инструментов и принципов. За эти годы стороны продвинулись по пути формирования на базе Болонского процесса европейского пространства высшего образования. Разворачивается сотрудничество в рамках запущенной в 2008 г. программы ТЕМПУС–IV. Динамично

продвигается сотрудничество в сфере образования по линии открытого в Москве (2005 г.) Европейского учебного института при Российском университете МГИМО(У) МИД России. Разрабатывается, с учетом накопленного опыта, Проект программы действий России и Евросоюза в сфере культуры.

Следующий «аргумент» Бобо Ло: Медведев впервые заговорил об этой инициативе в июне 2008 г., перед конфликтом с Грузией. Ее главной целью было ограничить влияние Америки в Евразии. Медведев подчеркивал, что «атлантизм как единственный принцип исторически изжил себя»; утверждал, что нынешняя европейская архитектура несет «на себе отпечаток идеологии, унаследованной от прошлого»; говорил, что НАТО «никак не может обрести новый смысл своего существования». И главное: Москва призывала провести европейский саммит, посвященный разработке новой хартии по образцу Хельсинкской. На всякий случай, Медведев пояснил: «Важно, правда, чтобы все государства — абсолютно все государства Европы — участвовали в нём в своем национальном качестве, оставив блоковые и иные групповые соображения за дверью».

Совершенно неверно связывать инициативу Д. Медведева с какими-то частными, пусть и важными, событиями. Отношения России с ЕС имеют принципиальное значение, что отражается в официальных доктринальных, долгосрочных документах. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом В. В. Путина еще в июне 2000 года, по этому поводу говорится: «…Российская Федерация видит в ЕС одного из своих важнейших политических и экономических партнеров и будет стремиться к развитию с ним интенсивного, устойчивого и долгосрочного сотрудничества, лишенного конъюнктурных колебаний.

Характер отношений с ЕС определяется рамками Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, от 24 июня 1994 г., которое еще не заработало в полную силу. Конкретные проблемы, прежде всего проблема адекватного учета интересов российской стороны в процессе расширения и реформирования ЕС, будут решаться на основе одобренной в 1999 году Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом. Предметом особого внимании должно стать **формирующееся военно-политическое измерение ЕС** (подч. — *А. П.*)»[28].

Действительно, можно согласиться с критиками в том, что Россия считает, что атлантизм как принцип себя изжил, или, точнее, — почти изжил себя. И не только в представлении российской элиты, которая хотела бы стать частью европейской, но и в реалиях самого атлантизма. Напомню, что атлантизм (точнее — североатлантизм) возник как принцип после Второй мировой войны для обороны североатлантического региона, во-первых, и противоборства с СССР и его союзниками как носителей коммунистической идеологии — во-вторых.

Этот принцип, может быть, и был актуален до конца 80-х годов, когда в Европе противостояли две огромные военные группировки, готовые к полномасштабным действиям на всем континенте и даже в мире. Присутствие США, как считалось, ставит перед СССР преграду для нападения на Европу. Но за последние два десятилетия эта военная угроза исчезла: произошло радикальное, в несколько раз, сокращение Вооруженных Сил России, они были выведены из всех европейских государств, а наступательный потенциал — ликвидирован. Соответственно и отпала необходимость американского военного присутствия, да и принципа «антлантизма» как военной составляющей политики Европы и США. Вместо «силовых» принципов обеспечения безопасности настало время «правовых». И Россия уже сегодня положила эти принципы в основу своей политики безопасности. Так, в принятом еще в марте 1992 года законе «О безопасности» (который включил некоторые дополнения в 1993, 2002, 2005, 2006 и 2007 годах), прямо говорится (Статья № 5):

«Принципы обеспечения безопасности.

Основными принципами обеспечения безопасности являются:

— законность;
— соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства;
— взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности;
— интеграция с международными системами безопасности»[29].

Более того, за последние 20 лет мы отчетливо наблюдали два противоречивых процесса. С одной, российской, стороны, — сокращение вооруженных сил и вооружений, уничтожение всей инфраструктуры в Восточной Европе и ее существенное ослабление на европейской части бывшего СССР. С другой стороны, — усиление военной мощи НАТО, продвижение блока на восток, развитие инфраструктуры.

Кроме того, за последние десятилетия НАТО распространил зону своей ответственности далеко за пределы обозначенного региона (превратившись из региональной организации, разрешенной Уставом ООН, в глобальную), а, во-вторых, хотя и исчезли идеологические противники — государства, противостоявшие НАТО в 1949 году, но появляются новые аргументы в пользу глобализации действий и сферы ответственности НАТО.

Утверждения о том, что блоки способны обеспечить мир и безопасность опровергаются реальными событиями. После того как в Европе остался один военно-политический союз НАТО, количество войн и конфликтов отнюдь не сокра-

тилось, даже увеличилось. И эта мысль разделяется Д. Медведевым, который недвусмысленно сказал: «События 90-х годов в Европе, на Ближнем Востоке, на Кавказе … показывают: никакой блок свои задачи таким образом решить не может и безопасность, к сожалению, поддержать на должном уровне не может»[30].

Блоковая идеология себя исчерпала, так как исчезла блоковая противостоящая идеология и военно-политическая коалиция, поэтому формирование новой архитектуры безопасности предстоит делать самостоятельно суверенным государством (всем, как подчеркнул Д. Медведев) на основе международного права. Что, естественно, противоречит принципу атлантизма. Это можно организационно сделать только на международной конференции, где участвуют, во-первых, все европейские государства в своем суверенном качестве, а, во-вторых, когда изначальной нет блоковой составляющей. «Наша общая позиция заключается в том, что безопасность одного государства нельзя обеспечить за счёт безопасности другого. Напротив, она определяется максимально высокой степенью безопасности соседа», — заявил С. Лавров[31].

Особую группу возражений против инициативы Д. Медведева Бобо Ло объединяет под названием «Трещины и разломы». Его аргументы таковы:

«Кремль стремится использовать внутренние разногласия западного альянса — как между США и Европой, так и между европейскими государствами. В первый раз Медведев выдвинул свое предложение сразу после бухарестского саммита НАТО в мае 2008 г. В ходе этого саммита у членов альянса возникли серьезные разногласия по поводу того, следует ли давать Грузии и Украине статус стран, готовящихся вступить в НАТО. В итоге им пообещали членство в неопределенном будущем, без указания сроков и без плана подготовки к вступлению».

Действительно, такие разногласия у стран Запада есть. И как показали дальнейшие события, те, кто противился вступлению Украины и Грузии в НАТО, были абсолютно правы, а те, кто спешил их принять, — нет. Это, так сказать, внешние факторы, которые в действительности не зависят от России. Евросоюз расширился, включив в себя большое количество государств с самой разной экономикой, уровнем жизни, историей, традицией. Расширился и НАТО. Это — объективно и неизбежно ведет к росту противоречий, причем таких, которые (по пессимистическим оценкам некоторых экспертов) могут даже взорвать НАТО и Евросоюз изнутри. Но в истории НАТО и в истории ЕЭС были такие периоды и прежде. В этом смысле любые действия, даже если бы СССР или Россия этого очень хотели, вели бы скорее к консолидации коалиции, а не ее развалу.

Это объективные разногласия между европейскими государствами с разными позициями, в т. ч. и по отношению к России. Но такие же разногласия существуют в НАТО и по вопросам, где Россия вообще не присутствует. Думаю, что, несмотря на развитие интеграционных процессов в Европе и глобализации вообще, суверенные правительства и нации будут развивать там, где это возможно, свои специфические национальные черты и особенности. И это, конечно, никоим образом не зависит от России.

Более того, я полагаю, что по мере интеграции России и Евросоюза у России могут и даже неизбежно будут возникать противоречия и разногласия с другими странами за пределами Европы. Это совершенно естественный процесс, который возникает всякий раз, когда та или иная страна приобретает черты некой более крупной общности.

Следующая мысль Бобо Ло: «Инициатива Медведева стала естественной реакцией на замешательство в Европе. Бухарестский саммит выявил трещины в политике западного альянса в отношении России. Некоторые государства-участники — особенно Германия и Франция — считали, что Запад слишком отдаляется от России и что расширение НАТО на ближайшее время достигло своих естественных пределов. Именно на эту «прагматическую» часть альянса были рассчитаны первоначальные предложения Медведева, столь откровенно ориентированные на Европу. Политика администрации Буша в отношении России и стран бывшего СССР вызывала в Европе беспокойство, на котором и пытался сыграть Медведев. В более широком смысле, он старался использовать пусть даже подспудные антиамериканские настроения в некоторых европейских государствах и их желание стабилизировать отношения между Европой и Москвой».

Действительно, Россия не скрывает своего желания «стабилизировать, — как говорит Бобо Ло, — отношения между Европой и Москвой». Более того, не просто стабилизировать, но и развивать их по всем направлениям. Поэтому любая угроза рассматривается в Москве серьезно — будь то угроза, исходящая от США или новых членов Евросоюза. В этой связи уместно процитировать мысль бывшего премьера Австралии Пола Китинга, который следующим образом оценивал политику США того периода: «…следовательно позаботиться о рациональном сосуществовании с Россией в рамках имеющихся международных институтов… С человеческой точки зрения было еще важнее пригласить 140-миллионное население России, изрядно потрепанное в XX столетии, в сообщество процветающих наций.

Вместо этого Соединенные Штаты повели себя так, как это делали другие страны-победители на протяжении всей истории: они беззастенчиво использовали свое выгодное положение, окружив Россию военным щитом и обращаясь с ней как с потенциальным противником, а их сателлиты из Западной

и Центральной Европы еще больше настраивали Америку против Москвы»[32].

Интересны аргументы Бобо Ло в отношении деталей инициативы Д. Медведева: Когда Медведев впервые высказал свое предложение (в Берлине, в июне 2008 г.), Европа практически не отреагировала. Его проект привлек внимание только когда российский президент представил его более разработанную версию на конференции по вопросам мировой политики, проходившей в Эвиане в октябре 2008 г. К тому моменту (как раз после войны с Грузией) отношения России с Западом — особенно с США — были хуже, чем когда-либо за минувшие двадцать лет.

Между заявлением Медведева в Эвиане и его берлинским обращением была большая разница: внимание с Европы переключилось на евроатлантическую сферу. Медведев порицал Вашингтон за предполагаемое участие в грузинском конфликте и осуждал американскую однополярность в целом, но теперь он понимал, что США нельзя исключить из новой архитектуры безопасности…

Но по существу эвианская речь осталась маловразумительной и не содержала практически ничего нового. Соблюдение международного права, государственный суверенитет и территориальную целостность; недопустимость силовых методов воздействия; принцип «равной» и неделимой безопасности; жесткая критика НАТО и его безудержной экспансии — все эти заявления Кремль и Министерство иностранных дел не раз делали еще в годы правления Ельцина».

К сожалению, критики Д. Медведева не видят главного в его инициативе — системного подхода к формированию архитектуры европейской безопасности. В системном подходе важны **именно принципы**, которых можно не придерживаться (и не придерживаешь). Именно США в последние годы, да и ряд их сателлитов, **не нуждались** в принципах — приоритете международного права, уважении государственного суверенитета и признании территориальной целостности, недопустимости применения военной силы. Эти принципы, как и вся система, не только нарушались, но и под разными предлогами, — их девальвировали. В последние 20 лет отчетливо просматривается стратегия «размывания» и отказа от этих принципов: нормы международного право пытались сделать обязательными не для всех, «исключив» из числа стран, их соблюдающих, например, США. То же самое и в отношении принципов суверенитета и территориальной целостности, которые, как оказывается, не являются абсолютными, и в некоторых случаях просто нарушаются.

Именно системность принципов, которые должны быть положены в основу новой архитектуры безопасности, не устраивает критиков инициативы Д. Медведева. Ведь в этом случае им придется признать их **универсальность и обязательность для всех**, не делая исключений для государств, которые уже систематически, неоднократно их нарушали. Более того, не признают, например, такой принцип, как «равная безопасность» вообще.

Впрочем, критику Д. Медведева за абстрактность, неконкретность его инициативы Бобо Ло и его сторонники все-таки признают, что «…единственным принципиальным новшеством стал новый тип договора — по образцу Хельсинкского, — призванный на долгие годы в юридически обязывающей форме — обеспечить наши общие гарантии безопасности». Но значимость даже этого пункта еще не доказана. Идея договора «Хельсинки–2» стоит в ряду прочих грандиозных, но по сути пустых проектов вроде «мирового многополярного порядка XXI века», оси Москва — Пекин — Нью-Дели и БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Она не опиралась на современную концепцию международной безопасности. Вместо этого Медведев подчеркивал важность военных вопросов. Мнение, что международная безопасность — это военно-политическая проблематика отражает культуру более чем трехсотлетней давности; тогда «мягкая сила» и «мягкая безопасность» (в политической и гуманитарной сфере) считались скорее декоративной, нежели основополагающей составляющей.

Конечно в основе международной безопасности лежит много факторов, среди которых по-прежнему военные факторы являются определяющими. Военная сила, как инструмент внешней политики, — исключительная прерогатива суверенных государств и коалиций. Говорить о безопасности, игнорируя фактор военной мощи (как «культуру трехстолетней давности») — наивно. Только государства вырабатывают основы военной доктрины и осуществляют планы военного строительства. Только государства способны мобилизовать все национальные ресурсы. И только государства способны принять решения об использовании этих ресурсов в своих внешнеполитических целях.

Конечно, в XX и XXI веках к числу внешнеполитических инструментов добавились новые, в т. ч. «мягкая сила», которые **в мирное время** способны играть выдающуюся роль. Но отнюдь не заменять военную силу и не обеспечивать военную и международную безопасность. «Мягкая сила», как и любые иные ресурсы нации, выполняют вполне определенные функции, которые им отводятся государством и обществом. Но отнюдь не решающие, если речь идет о суверенных государствах. Там же, где суверенитет ослаб, или символичен, действительно военная сила вообще не требуется. Впрочем, сила (включая «меткую») вообще.

Надо сказать, что российская элита в последние годы очень болезненно относится к попыткам размыть суверенитет России с помощью «мягкой силы». Эта болезненность проявилась в том числе и в таких

концепциях администрации президента России, как «суверенная демократия», но ещё больше — в мерах, предпринятых государством по отношению к усилению контроля над институтами гражданского общества в России. Особенно теми, которые используются иностранными государствами или в интересах иностранных государств.

По мнению Бобо Ло у критиков Д. Медведева сегодня происходит смена приоритетов: «развитие медведевской инициативы раскрывает также чувствительность Москвы к изменениям внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Относительное единодушие Европы по поводу Грузии, влияние мирового финансового кризиса и — с недавнего времени — возрождение США с приходом Барака Обамы — радикально изменили внешнеполитический контекст деятельности России. Откровенно враждебный по отношению к Америке и НАТО тон больше неэффективен. Это, собственно, было очевидно еще на встрече в Эвиане, когда французский президент Николя Саркози подчеркнул, что любое соглашение по безопасности „от Ванкувера до Владивостока“ должно основываться, прежде всего, на НАТО, и призвал Россию к более тесному взаимодействию с уже существующими институтами и механизмами, такими, как Совет Россия — НАТО и Европейская политика безопасности и обороны ЕС.

Сейчас Москва явно стремится сгладить острые углы своей инициативы по безопасности. Когда отношения с США и НАТО начали улучшаться, Кремлю невыгодно омрачать этот процесс».

Изменилась не внешнеполитическая стратегия, а стало очевидно, что провалилась внешнеполитическая стратегия республиканцев. И не только по отношению к Европе или Ближнему Востоку, но и по отношению к России. Произошла «перезагрузка». Причем по инициативе всех сторон, а не только России. В том числе стала более понятной и позиция Москвы в отношении грузино-осетинского конфликта. И ошибки Запада и США.

Проблема именно в этом: Запад был вынужден признать, что стратегия «однополярного» мира бесперспективна, что США не все могут в этом мире, а Европа имеет не только схожие, но и отличные от США интересы. Произошла прежде всего корректировка внешнеполитического курса США, а не России.

Российская элита в этих условиях не просто готова признать эти изменения, но и приветствует их. Было бы глупо и непрактично делать вид, что происходящие в США и Европе изменения по отношению к России, не имеют значения. Впрочем, как и преувеличивать это значение: российская элита в первое десятилетие отчетливо сознает, что развитие сотрудничества с США и Европой — закономерный и естественный процесс, который в интересах безопасности страны.

Далее Бобо Ло делает весьма примечательное признание в пользу России: «Сейчас модно обвинять западные правительства (в первую очередь, США) в разрушении евроатлантической безопасности. Их ругают за то, что России постоянно утирают нос: особенно это заметно на примере экспансии НАТО на Восток с целью включить в себя большинство стран Центральной и Восточной Европы. В последние несколько лет Запад поддерживал цветные революции в Грузии и Украине; разрабатывал проекты по противоракетной обороне США в Польше и Чехии; безуспешно пытался сбалансировать российские амбиции в постсоветском пространстве — всё это вызвало сильное негодование Москвы. Нынешнюю европейскую архитектуру безопасности, сосредоточенную вокруг НАТО и ОБСЕ, критикуют за то, что она не только не смягчила противоречия, но и довела их до критической точки.

При поверхностном подходе может показаться, что у россиян есть оправдания: нынешняя архитектура безопасности неэффективна во многих отношениях. Она не препятствует войнам; служит плодородной почвой для развития враждебных отношений, — а западные державы используют это в национальных или коллективных (т. е. НАТО) интересах. Однако не следует забывать о том, что характер таких международных организаций зависит от того, какие страны входят в их состав. При всех достижениях многосторонней дипломатии со времен Второй мировой войны, в международных отношениях господствуют великие державы, а не многосторонние институты».

И я бы выделил особо итог, черту, которая резюмирует размышления по этому вопросу: «Сама постановка вопроса от оправданиях России — абсурд. Россия в XX веке сделала для Европы, ее безопасности больше, чем любая другая страна. И в Первую, и во Вторую мировую войну, а тем более после того, как в инициативном порядке прекратила военное противостояние, распустила ОВД».

Это весьма примечательное признание, особенно в связи с тем, что в международных отношениях «господствуют великие державы, а не международные институты».

Именно эту ситуацию и предлагает исправить Д. Медведев, заменив эгоизм великих держав участием **всех** государств и приоритетом норм международного права.

Не случайно Бобо Ло делает не столько прагматический, сколько пессимистический вывод: «Великие державы не всегда придерживаются международного права; они могут и не уважать суверенитет и территориальную целостность других государств; они будут иногда применять силу во внешнеполитических отношениях; они будут обеспечивать себе безопасность за счет других; они будут преследовать свои государственные интересы так, как сочтут нужным, невзирая на приоритеты и чувства других.

Никакая архитектура в мире не изменит такого положения дел» (подч. — *А. П.*).

И в этом выводе простая суть всей критики Д. Медведева: новая архитектура безопасности нереальна. Следует признать, что по-прежнему международная безопасность будет основываться на отрицании норм международного права, эгоизме великих держав, готовности использовать военную силу. То есть критики инициативы Д. Медведева **не верят**, что ситуацию можно изменить и предлагают **приспособиться к реалиям, а не менять их**: «Вместо того чтобы искать и без того очевидные недостатки нынешней системы безопасности, нам следует установить, можно ли ее исправить — хотя бы в перспективе. Может ли НАТО больше учитывать российские интересы? Как превратить ОБСЕ в более эффективный институт? Можно ли разрешить патовую ситуацию с ДОВСЕ (Договором об обычных вооруженных силах в Европе)? Повысится ли уровень европейской безопасности благодаря созданной при поддержке Москвы Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)? И выйдет ли Хельсинкская хартия на уровень XXI века благодаря новому паневропейскому договору?»

То есть речь идет о сохранении нынешней системы безопасности в нетронутом виде, адаптировав ее и институты к современности, без коренных изменений. Другими словами, критики Д. Медведева говорят о том, что «итак всё хорошо», признавая, что издержки — войны, конфликты, угрозы суверенитету и т. д. — неизбежны, и к ним нужно приспособиться.

Говоря о современном состоянии проблемы, Бобо Ло и те, кого он представляет, характеризуют ее следующим образом: «Российские инициативы часто критикуют за невнятность. Причина невнятности, видимо, в следующем: Москва гораздо лучше понимает, что ей не нравится, чем то, какой должна быть альтернативная архитектура. Другое возможное объяснение состоит в том, что медведевское предложение попало в неожиданный контекст: мировой финансовый кризис и, главное, потепление в отношениях России и США.

Администрация Обамы не только говорила о „перезагрузке“ американско-российских отношений, но и нашла новые пути взаимодействия с Москвой в тех областях, где роль России представляется важной: контроль над стратегическими вооружениями, иранский ядерный вопрос и Афганистан. В то же время, США практически свели на нет те проблемы, которые раньше служили причиной огромных конфликтов, как, например, расширение НАТО и противоракетная оборона. Благодаря действиям новой администрации изменился психологический климат, а Москва — хоть и с осторожностью — начала осознавать возможность взаимодействия с Вашингтоном по таким вопросам, в которых они оба живо заинтересованы и где она может сыграть реальную роль. Ввиду **перспективы возобновить сотрудничество с США в сфере безопасности, померкли грандиозные планы по внесению системных изменений в международную архитектуру безопасности**».

Это, конечно же, не так. Инициатива Д. Медведева носит, как уже говорилось, не только системный характер, но она представляет собой более общее видение картины мира, в том числе и международной безопасности, места России в мире, даже политической философии современной российской элиты, которая хочет быть «вписанной» в политическую философию развитых государств, найти в ней свое место. Для неё проблемы идентификации решены.

Но здесь есть и одна важная особенность, которую отметил Бобо Ло: «Обобщая, можно сказать, что Вашингтон снова заинтересовался Москвой, а это вернуло российское стратегическое мышление к старым американоцентристским традициям. Пусть больше половины российского экспорта и иностранных инвестиций приходится на Евросоюз, для руководства России главным игровым полем остаются отношения с США, так как это самая сильная страна в мире, несмотря даже на то, что перед ее властями стоят такие проблемы, каких ни разу не бывало за два прошедшие десятилетия. Можно сказать, что для России **грубая сила важнее географического положения, экономического взаимодействия и культурной близости**» (подч. — *А. П.*).

С этим утверждением, конечно, нельзя согласиться. Инициатива Д. Медведева направлена как раз в противоположном направлении. Как подчеркнул российский президент, необходимо «…создавать такие механизмы, которые будут работать во внеблоковом режиме»[33], т. е. невоенные, договорные, согласительные, любые иные не силовые, а цивилизованные механизмы защиты национальных интересов.

«Пока российско-американские отношения строятся вокруг конкретных приоритетов, в **них практически нет места концепциям и схемам, особенно если Вашингтон, как сейчас, не будет проявлять к ним интереса** (подч. — *А. П.*). Но как только двусторонние отношения испортятся, проект европейского/евроатлантического договора о безопасности получит новый импульс».

Вопрос в том, **до какой степени** испортятся, а также, **неизбежно ли это ухудшение отношений**? Вряд ли можно строить долгосрочную внешнеполитическую стратегию, ожидая такого поворота событий. Наоборот, Москва **не хочет** не только ухудшения отношений, но и предлагает создать механизм, способный предотвратить такое ухудшение. Россия полагает, что стабильные отношения с Евросоюзом — обязательное условие реализации всей внешней политики страны.

3. Необходимость «идеологического прорыва» России. Россия как цивилизационный и формационный мировой лидер

Возрождается — уже на новой основе — тенденция к глубокой идеологизации международных отношений…[34].

И. Иванов,
министр иностранных дел России, 2003 г.

… иные уже сейчас замечают, другие заметят вскоре, что сверх того непосильный современный поток уже избыточной и мелочной информации расхищает нашу душу в ничтожность, и на каком-то рубеже надо самоограничиться от него[35].

А. Солженицын

Решающим условием создания эффективной системы международной безопасности является превращение России в мирового идеологического лидера. Точнее, возвращение ей этой роли. Логика здесь проста: сегодня господствуют идеологические подходы к безопасности, в основе которых находятся либеральная система ценностей. Если мы хотим, чтобы представления о безопасности базировались на иной системе ценностей, то мы должны прежде всего предложить такую систему, а **только потом** основанные на ней представления о международной безопасности. Пример идеологической инициативы создания Евразийского союза — показателен, хотя все лидеры и попытались откреститься от идеологического содержания этой идеи: уже через три недели после инициативы В. Путина в «Единой России» «задумались о создании Евразийской партии»[36].

Политическое и идеологическое лидерство в мире тесно связано с лидерством технологическим. Пример США — наглядная иллюстрация «…превращения США в подлинного формационного лидера на заключительной стадии капитализма началось в 60-х — начале 70-х гг. с появлением в этой стране информационно-технологического уклада», — справедливо подчеркивает академии Н. Симония. И далее: «… в течение каких-то двух десятков лет (этот уклад) начал постепенно пронизывать и интегрироваться в сегменты „традиционной“ (т. е. индустриальной) экономики. … именно в США были созданы условия для расцвета инновационных технологий»[37].

В этом и может заключаться идеологическое лидерство России в мире. Чтобы мы ни говорили сегодня о недостатках коммунистической идеологии, СССР в тот исторический период был благодаря ей мировым идеологическим лидером. Лидером, за которым следовали многие государства.

Ведь весь мировой опыт показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **лидерами в идеологии**[38], т. е. выдвигают наиболее привлекательные идеи, ценности и инновации. Именно так на протяжении многих десятилетий ставят Соединенные Штаты в прямую зависимость от идеологического лидерства. В своем предисловии к «Стратегии национальной безопасности» США в 2010 году президент Б. Обама прямо декларирует: «В то время, когда мы боремся со стоящими перед нами проблемами, мы должны видеть горизонт, находящийся за ними — мир, в котором Америка будет сильнее, безопаснее и способна к преодолению вызовов, **одновременно отвечая ожиданиям всех людей на планете**. Для достижения этого мы должны реализовать стратегию **национального обновления и глобального лидерства**, стратегию, которая восстановит основы американского могущества и влияния»[39].

Это положение в тесной связи с идеологическим кризисом либерализма в мире, который во многом был усилен наступившим экономическим кризисом 2008–2010 годов в развитых странах. Примером остроты этого кризиса стал соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, когда более 80 % опрошенных высказались против капитализма и его ценностей. Как справедливо заметил министр иностранных дел России С. Лавров, выступая 1 сентября 2010 года в МГИМО(У), «Сегодня весь мир находится на переломном этапе своей эволюции. Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его „родовых мук“. Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова…

О реальной повестке дня в Евро-Атлантике, к примеру, говорят дискуссии по поводу т. н. конца прогресса, то есть по таким вопросам, как поиск путей сохранения достигнутого в Европе уровня жизни, приведение потребностей человечества в соответствие с возможностями ресурсной базы планеты, сопряжение стратегий национального развития с необходимостью обеспечения развития в глобальном масштабе. По сути, идет переосмысление самого понятия прогресса»[40].

Другими словами, в мире происходит системная переоценка ценностей, отказ от прежних идей и концепций, объединенных в идеологии либерализма. Для России это означает, что просто скопировать чужой, а тем более казавшийся удачным, опыт, в основе которого лежат либеральные идеи, не удастся, потому что

модернизировать предстоит не только всю экономику, но и общество и, наверняка, государство. Это, в свою очередь означает, что нужна идеология такой модернизации, как **система** взглядов элиты (а не отдельный набор часто противоречивых идей) на цели, приоритеты развития, национальные ресурсы и эффективность их использования, а также адекватную оценку (или переоценку) мировых и внутриполитических реалии. Наконец, как **часть** идеологии нужна общенациональная стратегия, которая не может быть сведена, например, только к социально-экономической стратегии, не представляет собой науку и искусство достижения поставленных целей при отсутствии достаточных ресурсов (а ресурсов никогда не бывает достаточно).

К сожалению, в России продолжается болезнь, связанная со страхами реанимации доминирующей партийной идеологии, когда во второй половине 80-х годов А. Яковлевым был провозглашён курс на «деидеологизацию» идеологии. Сегодня некоторые политологи и журналисты даже апеллируют к Конституции России, запрещающей государственную идеологию. Речь идет о Статье 13 (1) Конституции Российской Федерации, где говорится: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и (2) где констатируется, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»[41].

Но, **во-первых**, речь не идет о «государственной» идеологии, а, тем более, «обязательной». Я имею в виду доминирующую (общенациональную) идеологию правящей элиты и общества, где существует система взглядов на общие ценности, интересы, цели и способы развития, допускающая многовариантные толкования, в т. ч. заложенные в Конституции России, ее федеральных законах, традициях и нынешних объективных потребностях.

Во-вторых, такая идеология не может быть «обязательной» или «устанавливаться в качестве «государственной», т. е. монополией государственных институтов. Но она может и должна быть доминирующей хотя бы потому, что победившая на выборах партия обязана иметь свою идеологию.

В-третьих, опыт управления (в т. ч. российский), показывает, что корпорация, отрасль, предприятие, СМИ имеют свои идеологии развития в качестве инструмента управления. Более того, идеология сегодня рассматривается в качестве обязательного атрибута повышения эффективности управления.

В-четвертых, «отказываясь» от идеологии, элита на самом деле просто дает возможность **чужой идеологии** формировать систему ценностей, цели и стратегии (часто ложные) развития страны.

Наконец, **в-пятых,** нельзя создать стратегию или долгосрочный план без идеологии. Они — ее частный случай. Так происходит, например, с нынешним «частным случаем» — программами модернизации и инноваций, которые **вне системы** общепринятых взглядов сплошь и рядом допускают разные толкования и даже крупные ошибки.

Как только мы пытаемся выйти за рамки только технологий, мы сталкиваемся с нерешенными идеологическими вопросами, которые имеют большое практическое значение Так, американские авторы подчеркивают, например, что «…строительство в России инновационной экономики, экономики знаний, должно стать непрерывным процессом, а не рассматриваться как цель…»[42]. Но тогда, что же формулируется в качестве цели? Пока что модернизация и инновации рассматриваются чаще как цель или даже самоцель, а не процесс.

Таким образом, нерешенность мировоззренческих и идеологических задач становится серьезным препятствием для реализации планов модернизации. «Модернизация», «инновация» «опережающее развитие России», — термины, ставшие наиболее популярныwми в конце первого десятилетия XXI века, неизбежно натыкаются на известную излишнюю абстрактность, размытость и бессистемность. Насытить эти понятия конкретным содержанием — важнейшая задача, ведь как только мы начинаем рассуждать о мо-

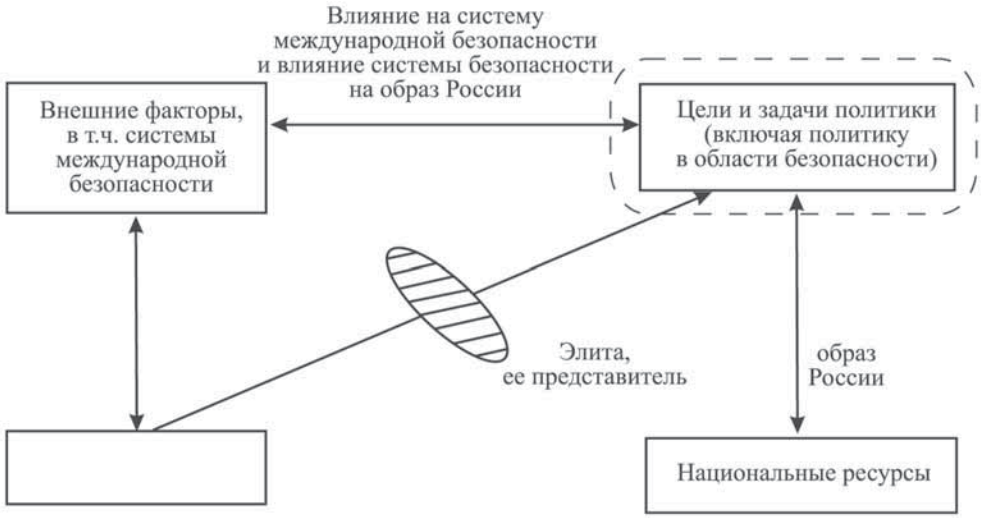


Рис. 1. Схема взаимосвязи элементов идеологии

дернизации экономики (не говоря уже об обществе), мы немедленно выходим за рамки только технологических инноваций.

Сегодня идеологическими лидерами являются прежде всего те государства, которые не отказались от собственных цивилизационных, религиозных и иных ценностей. Не так уж и важно, насколько эти ценности разделяются другими.

В России в последние годы произошли серьезные изменения в информационном обеспечении, но они, однако, не привели к новому качеству анализа и концептуальных подходов, новым идеям, образам и инициативам. Известно, что обилие информации не тождественно качеству принимаемых решений. Элита страдает отсутствием государственного мышления. Как сказал А. Солженицын, «Государственные размышления — это что-то слишком преждевременное для нас»[43].

Все предпосылки для совершения «идеологического прорыва» России во внешней политике созрели к 2010 году. Но он так пока и не произошёл. На мой взгляд, только потому, что результаты внутренней политики страны пока что не впечатляют: уйдя от конфронтационности (что уже хорошо само по себе), Россия пока что так и не предложила миру привлекательного для большинства образа. Своего и международных отношений. Образа, где отказа от конфронтации уже мало. Нужен конкретный, подкрепленный результатами, позитив. А если его нет, то идея.

А с идеями-то, как раз плохо. И не потому, что их нет, а потому, что они пока что не востребованы российской элитой. Эта невостребованность, в свою очередь, объясняется нежеланием правящей элиты (или неспособностью?) сформулировать внятную идеологию развития России, ее будущий желаемый образ; где система международной безопасности занимала бы свое, присущее ее, логичное место. Таким образом приходится вновь обращаться к известной схеме взаимосвязи элементов идеологии (рис. 1), обозначив изначально место в ней образа России, ее будущего. Причем в долгосрочной перспективе.

«Если смотреть на вещи чуть более стратегически, — профессор РЭШ И. Федюкин, — то тотальное запустение в российских общественных и гуманитарных науках означает. Что и подготовка в университетах будущих экономистов, менеджеров, госуправленцев в 95 случаях из 100 является чистейшей фикцией. Такой же фикцией являются, увы, и многочисленные программы повышения квалификации, обучения „инновационному бизнесу“ и проч. В России практически нет профессоров-обществоведов, способных самостоятельно составить такую программу университетского курса, которая отвечала бы современному уровню развития соответствующей дисциплины. Специалистом высокого уровня считается у нас тот, кто может адекватно скопировать программу, позаимствованную с сайта какого-нибудь американского вуза; высший пилотаж — это умение подобрать две–три хорошие программы и их грамотно скомпилировать.

Рассуждая еще более глобально, надо четко понимать: подобное положение вещей означает, что Россия сегодня не участвует в глобальной дискуссии о мировой повестке дня…»[44].

Между тем такое неучастие, безусловно, отражается на позиции и авторитете России, от которой ждут сформулированного ясно вполне идеологического и политического отношения к международной повестке дня. И по отношению к вопросам международной безопасности, в том числе «Попробуем… сравнить Запад и Восток. Для современного Запада более характерна, конечно же, цивилизационная парадигма. Предпочтение — высоким технологиям, автоматическому промышленному производству, новым направлениям в сфере массовой интернациональной культуры. А для Востока, я употребляю этот термин в собирательном смысле, на первом месте — национальная культура, вера, духовные традиции. Это не значит, что на Востоке пренебрегают достижениями цивилизации, пример цивилизационного рывка в Японии и Китае говорит о многом. Но все же почитание традиционной культуры, сбережение духовного потенциала нации на Востоке приобретают иные черты, чем на Западе»[45].

И в этом просматривается наше преимущество. И. Рудяк верно подметила эту черту (которую пока что наша элита **не прогнозирует** в отношениях с Европой: «Если в нашей стране сложится единство культуры, цивилизации и производства новых идей, она может очень достойно выйти из кризиса. А закат в Европе наступает потому, что цивилизация там оторвана от культуры. Во многих восточных странах придерживаются только национальной культуры, здесь чересчур преобладают традиции, поэтому не хватает цивилизации. Вот почему за Россией будущее»[46].

Ситуация обостряется в связи с глубинными процессами, вытекающими из фазового перехода человечества из одного состояния в качественно другое. М. Делягин заметил: «Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиально иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Этот переход осуществляется по целому ряду различных направлений и воспринимается нами как волна разнообразных и слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов. Между тем не только их взаимодействие, но и взаимосвязь их на принципиальном уровне представляются очевидными. Нежелание наше обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только все еще отраслевым характером знания (жестко разграничивающим разные его направления и противодействующим тем самым комплексному подходу), но и **страхом обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, которые мы готовы признать**.

В результате все мы не только „не видим за деревьями леса", но и боимся его увидеть, так как подозреваем, что он будет для нас неудобен, опасен и потребует жертв, о которых мы не хотим думать»[47].

Эта опасность осознается (хотя и не всегда признается) правящими элитами разных стран. Прежде всего в тех, где апеллируют к знаниям, а не вере. Именно поэтому в Европе и США меньше всего хотят признать признаки фазового перехода и необходимость смены идеологии.

Россия стоит не просто особняком, но вне этого процесса. Она добровольна отказалась от идеологии, претензий на идеологическое лидерство и трактовку — политическую и идеологическую — происходящих перемен. Хотя не только имеет на это право, но, может быть, одна из немногих наций способна это сделать. Более того, этого ждут в мире. Ждут от нации, давшей человечеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Пушкина, В. Вернадского и другие имена не просто писателей и ученых, **но мыслителей**, способных к качественно новому объяснению происходящих процессов.

Важно понимать, что инициатива, которая должна быть предложена Россией, не будет изначально легко воспринята. Такое могло бы произойти только с очень успешной страной, которая во всех отношениях — социальном, экономическом, правовом и др. — стала бы примером. Россия не стала примером и, наверное, не скоро может им стать. Поэтому ее идеологическая инициатива будет воспринята неизбежно с сомнением и даже с подозрением. И это абсолютно нормально: любое выдвижение, а тем более продвижение идей встречает очень серьезное сопротивление. Как в свое время сказал Гегель, «Развитие … есть не бесхитростное и безмятежное проистечение, каким оно бывает в органической жизни, а **жёсткая, яростная работа духа**» (подч. — *А. П.*)[48].

Неизбежно, но это отнюдь не означает, что такие идеи перестают выдвигаться. Более того, без борьбы идей нет развития: когда доминируют идеи одного плана, то общество начинает стагнировать. Именно так происходит сегодня в Европе и США. Поэтому там и не способны предложить качественно новые идеи.

А поэтому такие идеи должна предложить Россия. Идеи, которые будут отвечать национальным интересам России, но, одновременно, и интересам мирового сообщества. Именно поэтому они могут быть восприняты значительной его частью. Но именно поэтому они и не будут восприняты либеральным Западом.

Отдельная тема — стратегический прогноз и стратегическое планирование, которые непосредственно зависят от идеологии. Более того, я бы сказал, являются прикладным идеологическим продуктом.

Во-первых, образ будущей нации и государства — идеологический продукт. Сегодня этот стратегический прогноз является примитивной макроэкономической экстраполяцией. Разница не просто принципиальная, а качественная: в первом случае сознательно формулируется **цель**, причем цель комплексную, общенациональную. Во втором случае происходит механический перенос современных реалий в будущее. Между тем в эпоху фазового перехода это бессмысленно. Никто не может ясно представить себе развитие тех или иных тенденций просто потому, что появляются и быстро становятся решающими качественно новые факторы — результаты фундаментальных исследований, общественные изменения, изменения в соотношении сил в мире и т. д.

Во-вторых, идеологический прогноз является синонимом постановки задач общенационального масштаба правящей элитой страны, а макроэкономическая экстраполяция превращает результаты такого прогноза в общенациональные цели. Что абсолютно недопустимо.

В-третьих, исходя из результатов стратегических прогнозов (идеологического или макроэкономического) формируется стратегическое планирование, которое может быть амбициозным, либо инерционным. Сегодня оно инерционное.

Сказанное выше имеет самое прямое отношение к проблеме международной безопасности. Если мы используем идеологический прогноз, создаем сознательный образ России в будущей системе международной безопасности и превращаем его в реальность — это одна история.

Если же мы занимаемся макроэкономической экстраполяцией (которая может быть одним из инструментов идеологического прогноза), то мы идем **за реальностью, а не формируем ее**.

---

1 *Иноземцев В., Кузнецова Е.* Возвращение Европы. М.: Интердиалект+, 2002. С. 110.

2 *Караганов С.* А. Предисловие. К Союзу Европы. М.: РИА Новости. СВОП, 2010. Сентябрь. С. 1.

3 Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др. / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 304.

4 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С.-П.: Глаголъ, 1995. 6-е изд. С. 40–41.

5 *Валлерстайн И.* Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 9.

6 *Чимирис Е. С.* Перспективы взаимоотношений России и США: отголоски «холодной войны» или «перезагрузка» // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 44.

7 *Богомолов О.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 10.

8 *Медведев Д. А.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 / www.kremlin.ru.

[9] *Лавров С. В.* Как преодолеть кризис идентичности // Российская газета. 2010. 30 ноября.

[10] Так, саммит ОБСЕ прошел в Астане 1 декабря 2010 года только через 11 лет после последнего саммита.

[11] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

[12] *Харичев И. А.* О культурных заимствованиях России // Мир перемен. 2010. № 3. С. 184.

[13] Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. *А. Д. Богатуров.* М.: Аспект Пресс, 2009. С. 26.

[14] *Ядов В. Я.* Идеология / Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. 1995. С. 207.

[15] Цит. по: *Снесарев А. Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 275.

[16] *Черный В.* Интеллектуальная революция и Россия // Стратегия России. 2009. Июль. № 7 (67). С. 29.

[17] *Панова Е. П.* Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 157–158.

[18] *Шевцов Ю.* Европа угрожает России / РБК daily / http://www.rbcdaily.ru/ 2007/12/14

[19] *Пархитько Н. П.* Битва за Москву. Создание антифашистской коалиции. В кн.: Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки / сост. А. А. Ахтамзян. МГИМО(У), 2010. С. 326.

[20] Фонд стратегической культуры / http://www.fondsk.ru/article/2010/03/02/

[21] *Энтин М. Л.* Европейский Союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. № 2(24). С. 46.

[22] *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.

[23] *Дроздов Ю.* http://www.vrazvedka.ru/forum/viewtopic.php?p=152175

[24] *Бобо Ло.* Медведев и новая архитектура европейской безопасности. 14 апреля 2010 г. / http://www.polit.ru/institutes/2009/09/03/bezopasnost.html

[25] Военная доктрина Российской Федерации / http://www.scrfgov.ru

[26] *Коэн Р.* «Ушел, дружок, совсем ушел // The New York Times от 09.03.2010.

[27] *И.Валлерстайн*. Куда идет наш мир? // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 8.

[28] Концепция внешней политики Российской Федерации / http://www.scrf.gov.ru/ documents/

[29] Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» / http://www.scrf.gov.ru/docements/

[30] *Медведев Д.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 2010. 7 мая. С. 3.

[31] Совместная статья министра иностранных дел России С. В. Лаврова и вице-канцлера, министра иностранных дел Германии Г. Вестервелле «Ремонт евро» // Российская газета. 2010. 31 мая.

[32] *Китинг П.* Шестнадцать потерянных лет // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 19.

[33] *Медведев Д.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали // Известия. 2010. 7 мая. С. 3.

[34] *Иванов И.* Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. 2003. Январь–март. № 1. С. 1.

[35] *Васильев А.* Как мы обустроили Россию? // Российская газета. 2010. 17 сентября. С. 1, 6.

[36] Для Евразийского союза создают партию // Известия. 2011. 24 октября.

[37] *Симония Н.* Многополярность в эпоху глобализма // Аналитические записки. 2010. Апрель–июнь. С. 6, 7.

[38] **Идеология** — *зд.* система устоявшихся взглядов доминирующей части элиты и общества, в которых отражаются интересы и ценности, цели, а также основные реалии. Идеология — как упрощенное представление о действительности элиты — предлагает идеологемы и систему управления обществом и государством.

[39] National Security Strategy. Wash. May 2010. P. 1.

[40] Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года // МИД России, 2010. 1 сентября / http://www.nid.ru/brp

[41] Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Основные положения. Глава I. Основы конституционного строя / http://www.constitution.ru/10003000/ 10003000-3.htm

[42] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. iii.

[43] Это и была моя реальная попытка возврата на Родину // Российская газета. 2010. 17 сентября. С. 6.

[44] *Федюкин И.* Вернуть на карту мира // Ведомости. 2010. 17 сентября. С. 4.

[45] *Рудяк И.* За Россией — будущее // Стратегия России. 2009. Июль. № 7 (67). С. 41.

[46] Там же.

[47] *Делягин М.* Базовые кризисы современного человечества: The Great Transition. Доклад Московскому клубу. М. 2009. Апрель. С. 3.

[48] Цит. по: *Кузнецов В. Н.* Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России / http://spkurdyumov.narod.ru/Kuznetsov25

Глава 2

Международная безопасность и мировой кризис: ожидание перемен

На европейском континенте необходимы институты, отвечающие вызовам XXI века, особенно паневропейская структура безопасности с тремя опорами в лице США, объединенной Европы и России[1].
Т. Грэм

Мировой кризис 2007–2011 годов усилил ожидания перемен в сложившейся системе международных отношений. Этот кризис можно назвать импульсом к переменам в мире, нарастающей военно-политической нестабильности, несправедливому мировому правопорядку, финансово-экономической зависимости от мировых финансовых центров. В целом кризис 2007–2011 годов оказался кризисом мировоззренческим, идеологическим гораздо более чем кризисом финансовым или экономическим. Как заметил П. Кругман, «В истории человечества мало случаев, когда столь многие трудились столь упорно, чтобы нанести такой огромный вред.

Но если бы мне пришлось назвать тех, кто нас подвел сильнее всего, я бы указал на европейские структуры, которые своими действиями придали ложную интеллектуальную легитимность идеям сторонников экономии в США»[2].

То, что он пока не превратился в политический кризис означает только одно: у старой системы остались некоторые резервы существования. Вместе с тем кризис для всех внимательных наблюдателей стал кризисом политического доверия и последним предупреждением о необходимости внесения коренных изменений в сложившуюся систему международных отношений. О чем в июле 2011 года предостерег даже такой стойкий либерал, как З. Бжезинский. Более того, у многих к концу 2011 года сложилось ощущение, что власти развитых стран, прежде всего Евросоюза, «потеряли контроль над ситуацией в экономике».

Естественно, что положение в экономике Европы, США и Китая непосредственно сказывается на экономике России, которая крайне болезненно реагирует на любые проблемы экономик стран-лидеров. Складывается впечатление, что основные издержки кризиса несут на себе не США и ведущие страны Евросоюза, а наиболее динамично развивающиеся экономики. Так, за последние месяцы национальная валюта Индии стала дешевле на 14 %, показав самое значительное падение в регионе. В результате курс рупии достиг исторического минимума по отношению к доллару США: 22 ноября за $1 давали 52,73 рупии.

На фоне столь значительного ослабления национальной валюты растут темпы инфляции (рис. 1). За год (с октября 2010-го) цены в Индии выросли на 9,7 % (против 7,2 % в России, 7 % в Бразилии), в Индии дорожали продукты, что особенно сильно ударило по населению, живущему за чертой бедности[3].

Как видно, станы БРИК оказались наиболее пострадавшими от кризиса, который инициировали США и Евросоюз.

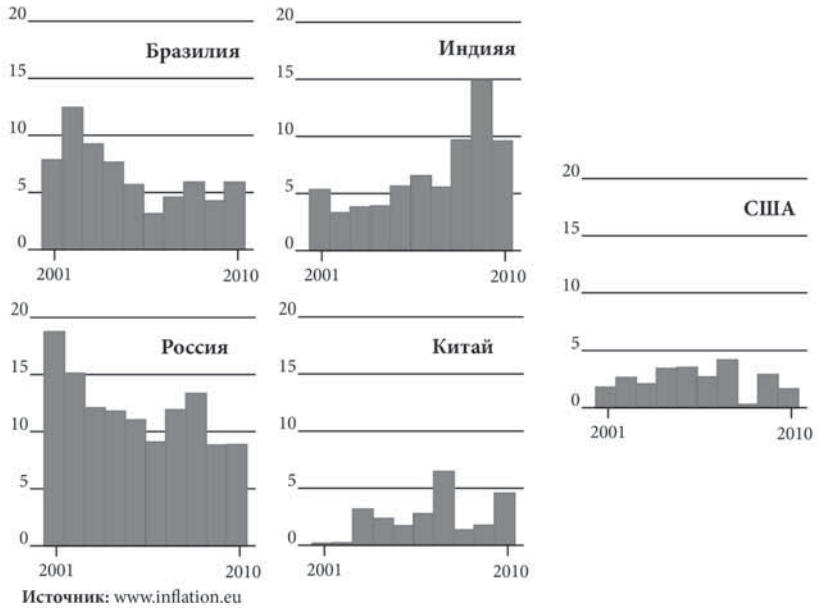


Рис. 1. Показатели инфляции в странах БРИК и США (%)

Кризис дал ясно понять, что в период «фазового перехода» радикально меняется вся ценностная система, ориентированная либеральной идеологией последнего столетия на ценности и принципы либерализма. Эти ценности и принципы должны уступить место другим ценностям и принципам, которые будут определяться новыми реалиями. Прежде всего гуманистическими. Если этого пока не происходит, то по одной причине: нынешним лидерам глобализации пока вполне комфортно в ситуации, которая сложилась в их пользу в 90-е годы XX века. Попытки части элиты России и других стран повлиять на этот подход встречают непонимание. «К сожалению, он слишком зациклен на текущих проблемах и не уделяет должного внимания долгосрочным трендам. Политические элиты ведущих стран испытывают серьезный дефицит государственной воли и ответственности. Стратегия уступает место сиюминутной тактике, а давно назревшие реформы подменяются паллиативами»[4] — заметил заместитель секретаря Совбеза Казахстана М. Шайхутдинов.

Это особенно видно на примере отношений развитых стран с Россией, которые изобилуют двусторонними и многосторонними встречами, с одной стороны, и очевидными выпадами против России, с другой. Складывается устойчивое впечатление, что кризис воспринимается правящими элитами развитых стран не как системный кризис, а как проявление частных финансово-экономических трудностей, которые можно преодолевать традиционными мерами.

«По мнению экспертов и политиков США, Россия ведет „политику международной экспансии“, формирует „сферу привилегированных интересов“, то есть фактически действует „устаревшими методами и приемами“. Данный аспект раскрывает целую серию смыслов, к примеру, понимание того, что Россия имеет иное видение международной ситуации, в которой мир делится на полюса влияния нескольких крупных держав, которые конкурируют между собой за сферы влияния»[5].

Одной из важнейших таких новых реалий стала, безусловно, возросшая роль человеческого потенциала, его влияния на экономику (до 75 % от национального богатства развитых стран), политику (появление новых, «гуманитарных» вызовов и угроз), социальную жизнь (резко возросшее значение креативного класса) и международные отношения (кризис политики, в основе которой лежала военная сила). Мир переходит в новую реальность, которую великие умы и пророки называли по-разному. Великий русский ученый В. Вернадский впервые высказал в октябре 1920 года мысль о науке как решающей, «геологической» силе (несколько позже эта идея приобретет форму концепции «ноосферы», т. е. «сферы разума»). В то время, в охваченной войной России, когда, казалось бы, не было дела до науки, он писал: «Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества… и из него еще не сделаны выводы социального характера»[6].

По Вернадскому, именно «социальные выводы», привели ко Второй Мировой войне. А, во второй половине XX века социальные выводы привели к созданию либеральной модели мироустройства, исключением из которой являлся СССР со своими союзниками. «Правила», которые были разработаны и внедрены либералами — лидерами глобализации, попытались назвать «универсальными» и обосновать ими процессы глобализации, иногда навязывая

их силой другим государствам. Но мировой кризис 2007–2010 годов показал, что эти принципы и правила либерализма не только не универсальны, но и не способны решить назревшие проблемы в мире. В том числе и прежде всего проблемы международной безопасности:

— нельзя согласиться, что некоторые страны могут нарушать нормы международного права, нравственности и игнорировать авторитетные международные институты ради своих национальных интересов;
— нельзя сохранять в мире социальную и политическую несправедливость, которая стала следствием развития политики западных стран;
— нельзя игнорировать возросшую роль человеческого потенциала, национальные системы ценностей и приоритетов, навязывая нациям «универсальные стандарты»;
— нельзя использовать мировые ресурсы в интересах узкой группы развитых государств, создавая в этих целях международную систему безопасности, основанную для обеспечения интересов узкой группы развитых государств;
— наконец, нельзя недооценивать созидательную, творческую роль народившегося креативного класса в национальной и международной политике, нравственные и религиозные нормы в угоду идеологии либерализма. Как сказал великий русский мыслитель Н. Бердяев, «количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации»[7].

Подытоживая, можно сказать, что кризис, наступивший в 2007–2010 годах, стал прежде всего мировоззренческим, идеологическим кризисом той модели международных отношений, которая была создана либералами США и других западных стран во второй половине XX — начале XXI века. Модели, приспособившей глобализацию в интересах узкого круга развитых государств.

1. Мировой кризис: логика и последствия

Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира…[8].
В. Путин

Нельзя убрать различия, игнорируя моральные ценности[9].
Патриарх Кирилл

Те страны (такие, как Китай, Индия и несколько других), которые сумели использовать глобализацию в своих национальных интересах, не поступившись своими ценностями, нормами и приоритетами, смогли не только в наименьшей степени пострадать от кризиса, но и использовать все выгоды глобализации в своих национальных интересах. Их успех показал, что подобный подход — единственно перспективный для других стран, но он требует пересмотра принципов и норм международной безопасности. Что касается развитых государств, то они использовали в целом известные антикризисные меры, которые отличались своими масштабами. Причем, чем менее «глобализированы», я бы сказал даже более национально ориентированы были эти страны, тем меньше объемы антикризисных мер им потребовались.

Под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса, был создан «**Евразийский союз — это мегапроект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего**.

По словам Н. Назарбаева, «Евразийский союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.

Нас не могут удовлетворить ни узкая перспектива быть совокупностью стран, развивающихся лишь на принципах „догоняющей модернизации“ ни участь вечно оставаться большим периферийным экспортером природных ресурсов для остального мира»[10].

Логика развития кризиса такова: назревшие идеологические проблемы привели к политическому кризису, который, к счастью, вылился всего лишь в кризис экономики и доверия. Этот кризис, в свою очередь, стал первопричиной финансового кризиса, который неизбежно превратился сначала в кризис экономический, а затем — социальный. То, что все эти кризисы не закончились войной, — свидетельство определенного резерва и дееспособности международных институтов. Прежде всего «двадцатки» и «восьмерки», а также резко возросших контактов на высшем уровне между лидерами различных государств. В целом — в политике, экономике, финансах — это означало возросшую роль национальных государств и их идеологий. Что видно на рис. 3.

Аналогична должны быть последовательность и выхода из кризиса Представляется, что неизбежен поиск новых мировоззренческих и идеологических решений, предполагающий **отказ от старой** системы международных отношений, моделей межгосударственных и блоковых связей.

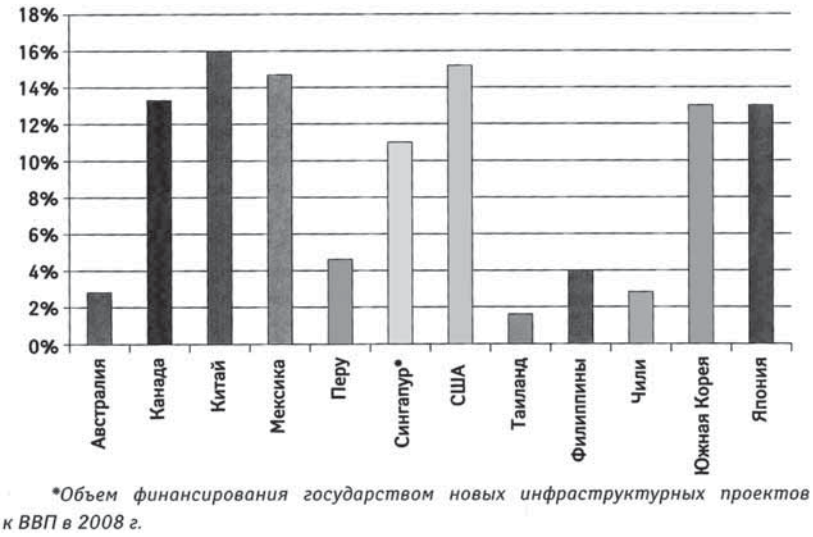


Рис. 2. Соотношение стоимости антикризисных мер к ВВП в 2008 г. в ведущих странах–членах АТЭС[11]

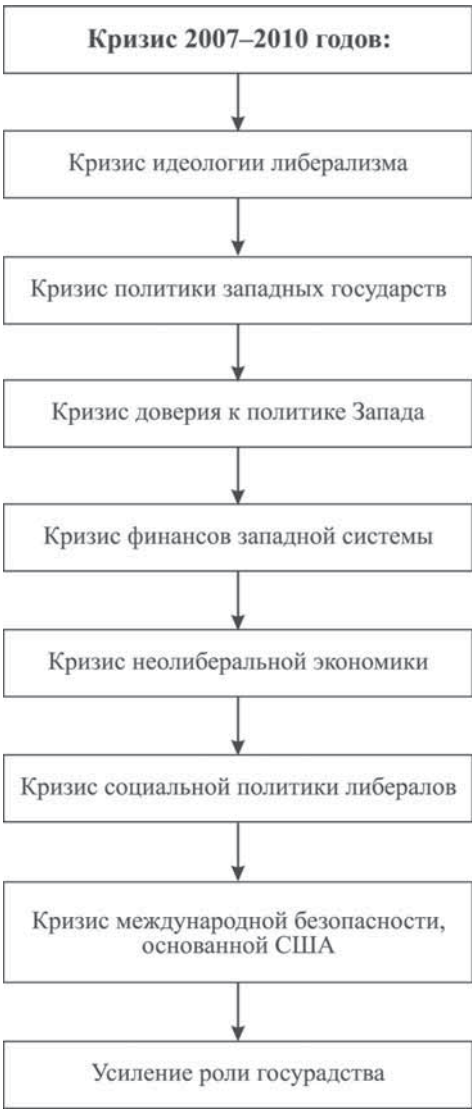


Рис. 3.

Кризис дал импульс не только оптимизации мировой финансовой и экономической системы, но и показал, что такая оптимизация и модернизация в рамках старой (либеральной) парадигмы[12] развития невозможны. Нужны новые мировоззренческие и идеологические модели[13], которые стали бы не универсальными, «глобальными», а общепринятыми и приемлемыми для всех субъектов международного права.

Такие модели и парадигмы могут быть разработаны и приняты только в качестве результата совместной — глубокой, равноправной и взаимно заинтересованной — мировоззренческой и идеологической работы, в основе которой должны находиться принципы, признаваемые **всеми** нациями, народами и государствами. Другими словами, необходимо изначально признать, что «универсальные» принципы глобализации, которые пытались навязать миру страны-лидеры глобализации, — **неприемлемы**. Они не являются ни универсальными, ни общепринятыми, ни, тем более, обязательными.

Что же нужно вместо этих либеральных принципов? А нужны такие принципы, которые органически сочетали и учитывали, синтезировали:

— национальные и международные интересы и ценности;
— суверенитет и нормы международного права;
— национальную и международную безопасность;
— национальное и общечеловеческое развитие;
— социальную и международную справедливость.

Переход человечества к стадии «фазового» (качественного) изменения в начале XXI века неизбежно ведет к качественным изменениям во всех областях. Даже если мы не знаем, или не хотим этих перемен. Но прежде всего это затронет вопросы международной безопасности, где неравномерность мирового развития наблюдается быстрее и наиболее заметно. Нали-

цо — ускорение исторического времени, которое все больше превращает человечество в некую тесно взаимосвязанную сверхсложную систему. «Единственной динамической характеристикой (этой. — *А. П.*) системы становится численность населения Земли»[14], — справедливо считает профессор С. П. Капица. Этот же критерий является главным показателем национального человеческого капитала (НЧК).

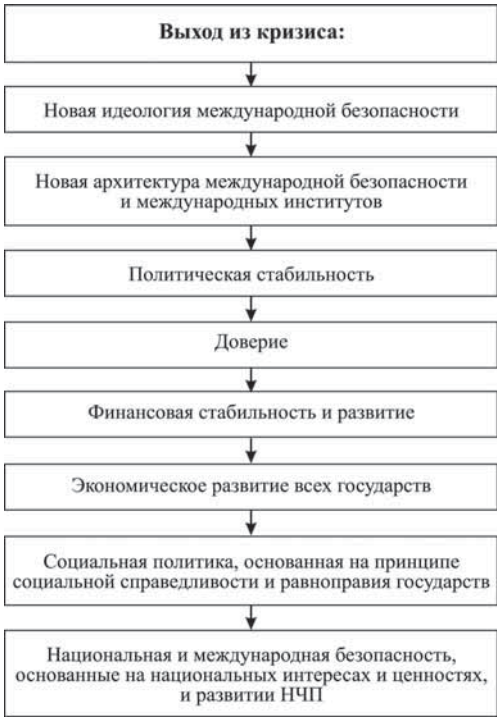


Рис. 4.

Мировой кризис 2008–2010 годов показал, что существующие две основные мировые тенденции — глобализация и защита национальных интересов — развиваются не в противоречии друг с другом и не равноправно. Глобализация отнюдь не является самостоятельным процессом, а тем более целью политики развитых стран. Она всего лишь **инструмент политики национальных интересов**, который используется там и тогда, где и когда это выгодно, т. е. необходимо для продвижения национальных интересов ведущих государств. Соответственно уступки «в интересах глобализации», а тем более укрепление некого абстрактного «сотрудничества», чреваты серьезными политическими и экономическими издержками. Так, «перезагрузка» отношений с США в 2009–2010 годах (которая должна была иметь своим следствием ратификацию договора по СНВ и подписание ряда других соглашений) привела к ряду неоправданных уступок со стороны России. Только отказ от поставок военной техники Ирану, например, обошелся нам в 13 млрд долл.[15]. А результаты российско-американской дружбы оказались во многом обесценены победой республиканцев на промежуточных выборах в конгрессе США в ноябре 2010 года.

Кстати, на мой взгляд, эта стратегия правящей элиты США отнюдь не отличается новизной. Как только США добиваются от России каких-либо уступок, немедленно появляются «объективные» причины, которые не позволяют администрации выполнить свои обязательства. К их числу можно отнести смену части конгрессменов, «изменение» общественного мнения, позицию влиятельных СМИ и т. д. Важно одно — вслед за одними уступками должны следовать новые, а выполнение собственных обязательств вновь превращается в новые обещания. И так до бесконечности. Этот откровенный цинизм особенно наглядно проявился во время скандала с публикацией базы данных переписки американских дипломатов и чиновников в ноябре–декабре 2010 года. Который, впрочем, не открыл ничего нового для профессионалов, но лишний раз высветил эгоизм и цинизм творцов американской политики. Очень хорошо эта «игра в уступки» была видна на примере взаимоотношений СССР и США в 80-е и 90-е годы по ограничению и сокращению вооружений. Так, число уступок со стороны СССР превысило все разумные представления и превратилось в «политику уступок», которая в итоге не привела ни к отказу от ПРО, ни к ограничению распространения НАТО на восток, ни к передаче американцами новых технологий, ни росту американской помощи. Все декларации советской и российской правящей элиты привели к существенным, даже катастрофическим для СССР и России последствиям: экономическим, политическим, финансовым, демографическим.

Наиболее явно это выразилось в системе международной безопасности, существовавшей до 1990 года. Вот лишь некоторые примеры и последствия уступок СССР и России:

— роспуск Организации Варшавского Договора (ОВД) **не привел** к роспуску НАТО. Наоборот, бывшие члены ОВД стали членами НАТО;
— сокращение потенциалов СНВ и ракет средней дальности (РСД) **не привело** к ограничению системы ПРО США. Наоборот. Сегодня рассматриваются варианты развертывания глобальной ПРО в Европе;
— развал СССР **не привел** к созданию полноценных и независимых государств. Наоборот, на территории бывшего СССР развернулась борьба за влияние на эти страны. Прежде всего межу США и Россией;
— сокращение ВС и вооружений СССР и Россией **не привело** к аналогичному сокращению ВС и вооружений в НАТО. Наоборот, эти ВС и вооружения сегодня размещены на территории бывших стран ОВД и СССР.
— наконец, уступки со стороны России **не привели** к укреплению системы международной безопасности и, главное, суверенитета России.

Таким образом, политика уступок (не только США, но и всей системы глобального либерального лидерства) — абсолютно бессмысленна и бесперспективна.

Мировой кризис стал еще одним поводом, который вновь заставил говорить о «возвращении государств с их национальными интересами в мировую политику», об «отсутствии доверия» стран друг к другу и даже об «отдалении Великобритании все дальше от ЕСовских дел» (лидер консерваторов до его избрания премьером Д. Кэмерон даже дал понять, что он «предпочтет вообще не видеть Европу, не общаться с Европой и не слышать слова „Европа“»)[16].

Даже внутри группы стран-лидеров глобализации национальные интересы преобладают. По мнению экспертов, американцы стремятся «децентрализировать и распотрошить» экономические ресурсы Европейского Союза до безопасного для себя уровня. Для этого используется традиционный «антибрюссельский» инструментарий — Великобритания и страны «новой» Европы. Кстати, в греческом вопросе им это где-то удалось. Лондон настоял на более широком участии в финансовой помощи Греции МВФ. Кредит Греции на две трети был предоставлен странами еврозоны и на одну треть — Международным валютным фондом.

Национальный эгоизм в любой форме не является лучшим способом противодействия кризису в условиях глобализации, но именно он возобладал. Многим кажется, что на какое-то время. На мой взгляд, это свидетельствует просто о реалиях. Так, в Германии, например, было принято два пакета антикризисных мер, рассчитанных на период 2009–2010 годов, чья общая стоимость составила 132 млрд евро (1,5 % ВВП). В первом пакете предусматривалось фондирование Немецкого банка развития, покрытие его рисков и поддержка отечественного бизнеса (15 млрд евро), повышение необлагаемого налогами вычета (до 1200 евро), введение 25 % допустимого уровня снижения балансовой стоимости активов сроком на два года, финансирование инфраструктурных проектов (три млрд евро), увеличение финансирования федеральных и земельных программ, увеличение суммы необлагаемого налога, снижение отчислений на государственное медицинское страхование, а также целый пакет мер по поддержке научных и технологических отечественных проектов, включая автомобильные двигатели и интернет[17]. Все они носили отчетливый характер поддержки национальной экономики.

Пока нерешенными, хоть и заявленными в рамках встреч G20, на сегодня являются[18]:

1. Задача сокращения глобальных дисбалансов (дефицита торгового баланса США и профицита в Китае и других странах) и;
2. Связанная с ней задача обеспечения устойчивого долгосрочного роста.

Дискуссия по этим вопросам сводится к давлению на Китай в сторону ревальвации юаня. Китай, надо отдать должное, принимает ответные меры, исходя из собственных национальных интересов. Так, принятая в США программа по стимулированию экономика вынудила власти КНР четыре раза за один год повышать обязательные резервы и, возможно, рост учетной ставки. Все это происходило на фоне роста китайского экспорта в развитые страны и профицита внешнеторгового сальдо, который летом и осенью 2010 года достигал почти 30 млрд долл. в месяц[19]. На самом деле, для кардинального изменения структуры американской и китайской экономики необходим рост инвестиционной активности, направленной на увеличение доли промышленности и экспортирующих секторов в США и на рост отраслей, работающих на внутренний спрос в Китае. Пока в заметных объемах этой активности не происходит.

Как показывает процитированное исследование ОЭСР, наиболее эффективными оказываются программы, которые способствуют росту спроса в краткосрочном периоде и росту предложения в долгосрочном. К таким программам относятся госинвестиции в инфраструктуру, расходы на активную политику в области рынка труда, включая организацию принудительных курсов повышения квалификации, снижение налогов на доходы, особенно для малообеспеченных семей.

Кризис показал, что один из ключевых факторов доверия к экономике и ее развитию — устойчивость национальной фискальной политики. Поэтому данные программы оказываются наиболее эффективными в странах, где фискальный бюджет и долг были **сравнительно не высоки до кризиса, а также когда программы сопровождаются убедительными для рынка обязательствами** (credible commitments) по своевременному сворачиванию программ[20]. Этот вывод эксперты Внешэкономбанка оформляют в следующем виде (табл. 1).

Либеральная «глобализация», доказала что в условиях кризиса ограниченность созданных ее инструментов влияния, которые не спасли мир ни от финансового кризиса, ни кризиса в экономике, ни от социальных последствий такого кризиса.

Более того, этот кризис показал неэффективность созданной США модели международной безопасности. США не удалось решить ни одной из проблем первого десятилетия в области безопасности: ни в Ираке, ни в Афганистане, ни в Иране, ни в Корее, ни на Кубе, ни на Ближнем Востоке. Это произошло прежде всего потому, что, прикрываясь представлениями об универсальных принципах международной безопасности, на практике США стремились добиться исключительно национальных целей. Так, «борьба с международным терроризмом» должна была бы вестись не в Ираке и Афганистане, а — в Пакистане (что, естественно, противоречит интересам США).

Таким образом, остается нерешенная ключевая проблема международной безопасности: **создание общепринятой** (не только либеральными странами, но и большинством государств мира) **модели** международной безопасности, которая учитывала бы все национальные интересы, была бы общепринятой, а не навязанной извне, сохраняла бы и развивала наци-

Табл. 1.

Этап	Характеристики этапа	Денежная политика	Фискальная политика
I этап: середина 2007 — март 2008	**Кризис развивается в США и Великобритании,** затрагивая финансовый сектор и рынок жилья. Периодически возникает отток капитала с развивающихся рынков, в результате: — В Российской экономике возникают кризисы ликвидности в финансовой сфере — В странах группы 2а, сильно зависящих от притока капитала и с перегревом экономики, начинается кризис (Казахстан, страны Прибалтики, Ирландия, Испания)	Снижение процентных ставок для недопущения перехода финансового кризиса в экономический. С сентября 2007 по декабрь 2008 ставка ФРС снижена в 10 раз (с 5,25 % до 0–0,25 %)	В США принят первый пакет фискальных стимулов (налоговые возвраты) и продлен срок получения пособий по безработице. Начинают разрабатываться меры по поддержке рынка жилья: налоговые льготы и субсидированная за счет государства реструктуризация саб-прайм и прайм ипотеки.
II этап: март 2008 — сентябрь 2008	— В США проблемы в фин. секторе обостряются, государство вынуждено поддерживать Fannie–Mae и Freddy–Mac. Быстро растет безработица, хотя ВВП все еще демонстрирует рост; — Развивающиеся (Китай, Индия) и некоторые переходные (Россия) страны демонстрируют устойчивый рост ВВП и финансовых рынков; — **Цены на нефть бьют рекорды, доллар дешевеет;** — **Получает распространение теория decoupling.**	Чрезвычайные меры по предоставлению ликвидности. Стабилизация отдельных фин. рынков и поддержка системообразующих компаний. (Bear Stearns, Fannie Mae и Freddy Mac). Китай: массированный рост кредитования (30 %)	
III этап: сентябрь 2008 — февраль 2009	Острая фаза кризиса начинается после банкротства Lehman Brothers и национализации ING. Кризис доверия на финансовых рынках. Бегство от рисков. Deleveridging. Обвал международной торговли. Спад ВВП или резкое снижение темпов роста в большинстве стран мира. Резкое удорожание доллара	Задача поддержки экономики выходит на первый план. Активное снижение процентных ставок и количественное ослабление (quantitative easing)	Синхронизированная гос. поддержка по решению G20. Меры разнятся от страны к стране. Основные компоненты: налоговые льготы, субсидии на покупку новых автомобилей взамен на старые, субсидии субфедеральным провинциям, инвестиции в инфраструктуру, телекоммуникации, «зеленую» экономику, образование, здравоохранение и др.
IV этап: март–июль 2009	**Теория возникновения «зеленых ростков».** Стабилизация падения ВВП в большинстве стран мира. Ралли на фондовых рынках. Восстановление цен на сырье. Закупки Китаем металлов и других сырьевых товаров. **Удешевление доллара к другим валютам.** Восстановление рынка облигаций. Падение объемов банковского кредитования в развитых странах		
V этап: август 2009 — настоящее время	**Положительные темпы роста в США и ЕС. Быстрый возврат к росту в странах Азии.** На фондовых рынках активы значительно переоценены, если оценивать по P/E. Ралли замедляется. Рынки становятся нестабильными в ожидании суверенных или субсуверенных дефолтов: реструктуризация долга Dubai–world, снижение рейтинга Греции и т. д. Некоторые из стран вынуждены сворачивать поддержку и сокращать государственные расходы. **Доллар вновь дорожает**, хотя и не столь сильно, как годом ранее	«Отмирание» чрезвычайных мер предоставления ликвидности. Репетиции стратегий выхода из количественного ослабления	Продолжение ранее принятых мер: налоговых льгот, инвестиционных программ, субсидирования спроса (кроме cash–for–clunkers). Введение дополнительных мер: внимание малому бизнесу и созданию рабочих мест. По итогам Копенгагена возможны дополнительные инвестиции в зеленую экономику

ональные ценности всех государств. Это — главное, пока что непреодолимое противоречие, которое исключительно ярко высветил мировой кризис.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы:

1. Мировой экономический кризис следует рассматривать в широком контексте. Я полагаю, что кризис 2008–2010 годов — это прежде всего кризис **идеологический, мировоззренческий**, который свидетельствует о том, что нынешняя модель глобализации и международных отношений устарела. Кризис — серьезный импульс к ее пересмотру. Но этот импульс может и затухнуть, если не будет поддержан суверенными государствами. Во всяком случае на время.

2. Я исхожу из того, что человечество находится на этапе «фазового перехода». Этот термин, принятый в физике и математике, очень точно отражает современный этап развития мира и международных отношений «Фазовый переход» — это качественные изменения во всей системе международных отношений — политической, военной, экономической, финансовой и социальной подсистемах.
3. Полноценный выход из кризиса предполагает принципиально новые ответы, соответствующие вызовам «фазового перехода». Это новая архитектура международной безопасности, новая финансовая и экономическая системы, новая расстановка политических и экономических сил в мире.
4. Меры, предпринимаемые государствами по выходу из кризиса, свидетельствуют о том, что большинство стран пока не готово к смене парадигмы мирового развития, используют старые подходы и опираются на прежние реалии.
5. Особое значение в период «фазового перехода» имеет осознание того факта, что **главной целью** и **главным средством** развития в современном мире выступает **человек**, его способности к творческому труду. Соответственно главным ресурсом государства становится национальный человеческий капитал (НЧК).
6. Новая система международных отношений должна опираться на развитие НЧК, которые предопределяют не только национальные внешнеполитические приоритеты, но и будущее международных отношений.
7. Выход из мирового кризиса и развитие будущих международных отношений будет зависеть от того, несколько быстро ведущие страны мира откажутся от прежней либеральной идеологии и смогут перейти на новый уровень сотрудничества. Порядок выхода из кризиса тот же, как и вход в него: решение идеологических проблем (в т. ч. доверия), признание необходимыми новых моделей сотрудничества, создание (модернизация) новых механизмов международного сотрудничества и обеспечения безопасности и только затем решение финансово-экономических проблем.

2. Международная безопасность в условиях кризиса

Нет сомнения в том, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения[21].
И. Дьяконов

В политико-психологическом смысле финансовый кризис сработал на формирование атмосферы чрезвычайности. Страны и правительства в такой ситуации находят извинительным поступать необычно, решительно и даже резко…[22].
А. Богатуров,
профессор МГИМО(У)

Кризис 2008–2010 годов показал уязвимость существующей системы международной безопасности. «Идеальные» институты демократии и «идеальные» ценности в условиях кризиса оказались далеко не идеальными. Более того, — даже неэффективными. Так, в 2010 году большой проблемой для стран Евросоюза стал бюджетный дефицит (табл. 2), который даже поставил под вопрос существование евро[23]. Греция в 2010–2011 годах столкнулась с переходом финансового кризиса в кризис социально-политический.

Напомню, что экономика России, в особенности НЧП, пострадали от кризиса еще больше. Представление об этом дает сравнение бюджетных расходов в 2010 году по отношению к 2009 году (табл. 3). Подчеркну, что в этом сравнении еще не учитывалась инфляция за 2010 год, которая составила по официальным данным порядка 8 %[24].

Это означает, что расходы на НЧП в реальных ценах сократились за один год на 10 и более процентов!

Табл. 2. Текущий дефицит бюджетов стран Евросоюза

	Дефицит, % ВВП
Ирландия	–14,3
Греция	–13,6
Великобритания	–11,5
Испания	–11,2
Португалия	–9,4
Исландия	–9,1
Латвия	–9
Литва	–8,9
Румыния	–8,3
Франция	–7,5
Польша	–7,1
…	…
Финляндия	–2,2
Эстония	–1,7
Люксембург	–0,7
Швеция	–0,5
В среднем по Евросоюзу (27 стран)	–6,8
В среднем по странам еврозоны	–6,3

Табл. 3. Изменение статей бюджетных расходов в период кризиса

	Бюджетные расходы 2010 г. к 2009 г., в %
Общегосударственные вопросы	139,8
Образование	108,1
Национальная оборона	105,8
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	100,2
Социальная политика	97,9
Культура, кинематография, средства массовой информации	94,4
Здравоохранение, физическая культура и спорт	91,9
Охрана окружающей среды	90,9
Межбюджетные трансферты	86
Жилищно-коммунальное хозяйство	81,2
Национальная экономика	66,7
Итого	89,4

Источник: расчеты компании ФБК

Примечательно, что те страны (например, Китай), которые дистанцировались от активного участия в международных делах и смогли сохранить национально ориентированную внешнюю политику не только минимально пострадали от последствий кризиса, но и постепенно усилили свои международные позиции. Например, Китай. На глобальном уровне предполагает увеличивать свои международные позиции, увеличить свою квоту в МВФ с 3,72 % на конец 2008 года до 6,2–6,3 % к январю 2011 года, чтобы превзойти квоту Японии (6,13 %)[25].

В эти же годы кризиса КНР инициировал **стратегический диалог**, в рамках которого устанавливаются новые форматы сотрудничества (и канал влияния) с США, Японией и Россией.

Также менее других стран от мирового кризиса пострадала Индия, благодаря прежде всего избранной еще в 1947 году модели импортозамещающей индустриализации («курса Неру»), а в более широком контексте — приверженности национальным ценностям и сформулированной на этой основе стратегии долгосрочного развития. Это, в частности, объясняет во многом и политическую стабильность в условиях кризиса, (премьер М. Синх олицетворял «надежность», «преемственность», «профессионализм», «способность к развитию»), а взятое вместе — национально ориентированную идеологию развития.

Таким образом, кризис, как это ни покажется странным, укрепил международные позиции и международную безопасность тех стран, которые не пошли на «универсализацию» своих ценностей и диктат глобализации.

В той или иной степени это признали все государства, особенно те, которые стоят вдалеке от управления глобальными процессами, но претендуют на равноправное участие. Речь идет прежде всего о странах БРИК. Но не только. В той или иной степени этот процесс затрагивает очень многие государства, открывая для России, Китая, Индии, Бразилии новые возможности для сотрудничества в интересах модернизации и укрепления международной безопасности. Так, визит Д. Медведева в Южную Корею в ноябре 2010 года показал не только влияние нового механизма — G20, — но и новые возможности двустороннего сотрудничества — создания аналога программы РФ — ЕС «Партнерство для модернизации»[26]. Главной проблемой международной безопасности в последние годы стал регион Центральной Азии. Прежде всего из-за поведения США, которые «… рассматривают **регион как стратегическую базу для долгосрочного доминирования там и военного присутствия в Афганистане**. Для Вашингтона предпочтительно объединение Афганистана и центральноазиатских государств в единый регион — Большую Центральную Азию в целях вывода государств региона из-под монопольного влияния сопредельных держав — России и Китая, а Афганистана — из орбиты влияния Пакистана и Ирана и усиления там роли Пентагона и НАТО.

Американские эксперты едины в том, что на протяжении последних десяти лет **военная составляющая доминирует в отношениях США с центральноазиатскими странами и часто идет вразрез с общей политикой Вашингтона в регионе**. Так, Министерство обороны США собирается построить ряд военных объектов в Афганистане и в регионе. В частности, недалеко от афганского города Мазари-Шариф, в 50 км от узбекской границы, США намерены разместить оперативную военную базу. В Туркмении, Узбекистане и Киргизии предполагается построить пограничные КПП и тренировочные центры, где американские войска будут готовить местные силы безопасности»[27].

Инициативы России по созданию новой системы международной безопасности, надо признать, не находят поддержки на Западе и прежде всего в США. Они откровенно замалчиваются, даже игнорируются. Как показала расшифрованная переписка «Викилика», под разными предлогами Запад уходит от обсуждения проблемы создания новой архитектуры международной и европейской безопасности. Представляется, что логика правящей элиты США и ведущих стран Запада, а также ассоциированных с ними по вопросам безопасности других стран — Японии, Пакистана, Ю. Кореи и др. — такова: «существующие механизмы обеспечения безопасности вполне нас удовлетворяют и мы не видим причин их менять». Даже если эти механизмы, как показывает ситуация в Ираке, Афганистане, Пакистане и Иране, не работают.

Только такой логикой можно объяснить подход США и их союзников практически ко всем проблемам международной безопасности. Многое объясняет принятие НАТО на лиссабонском саммите новой Стратегической концепции этого союза. Анализ этой Стратегии заслуживает отдельного разговора. Как справедливо признает эксперт МГИМО(У) Е.Пономарева[28], «Исторический смысл

новой Стратегии я вижу в ряде фундаментальных положений, самым непосредственным образом затрагивающих национальные интересы России.

Документ зафиксировал новый „стратегический“ вектор развития отношений НАТО с Россией. Этот вопрос вызвал очень острые дискуссии внутри Союза. В частности, в первоначальном варианте новой доктрины НАТО, наряду с задачей построения стратегического сотрудничества с Россией, была зафиксирована необходимость предоставить восточноевропейским странам „дополнительные военные гарантии их безопасности“. При этом ни ранее, ни сейчас не уточняется, от кого нужно защищать страны — члены НАТО. Хотя и без того понятно — кто и что имеется в виду»[29].

Ясно, что, предоставляя гарантии одним странам, граничащим с Россией, и отказывая Москве в таких же гарантиях, НАТО четко ориентирует направление своей военной стратегии на восток. Даже отрицая формально и вербально такие намерения. Стратегия, как область военного искусства, развивается по своей внутренней логике. Как писал известный русский военный эксперт Е. Мартынов, «Каждый народ в известную эпоху имеет свой политический идеал»[30]. Таковым идеалом для государств, объединенных в НАТО, сегодня являются идеалы либеральной глобализации. Те же страны, которые не разделяют таких идеалов, неизбежно становятся **объектом** воздействия. В том числе и военно-политического. Признают это такие страны или нет — не имеет решающего значения.

Сколько бы сегодня не было разговоров и рассуждений об отношениях НАТО и России, в т. ч. и вероятном сотрудничестве, даже интеграции, логика военного искусства говорит о том, что Россия и другие государства, не входящие в НАТО, — где бы они не находились, — **являются потенциальными объектами** военного воздействия. Сегодня это Ирак и Афганистан, а завтра, возможно, Иран, Китай, Индия. Иллюзий испытывать не стоит. Это — логика, вытекающая из существования военных блоков и коалиций.

Этой логике ничуть не противоречит внешнеполитическая риторика, объявляющая **не членов союзов** «партнерами», «друзьями» и даже «союзниками».

Новая доктрина НАТО, принятая 19 ноября, констатировала стратегическую роль сотрудничества с Россией. Прежде всего, в новом документе впервые зафиксировано: НАТО «не является угрозой для России», на чем особо акцентируют внимание натовские чиновники. «То есть до 19 ноября 2010 года, — подчеркивает Е.Пономарева. — НАТО была угрозой для нашей страны. Соответственно, **расширение НАТО преследовало стратегическую цель максимально сузить пространство манёвра для России**». Для думающих людей это никогда не было тайной.

Как отмечается в новой Концепции НАТО, «невзирая на наличие разногласий по отдельным вопросам», страны-члены альянса убеждены, «что безопасность НАТО и России тесно переплетены и что сильное и конструктивное партнерство, базирующееся на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости, может наилучшим образом служить нашей безопасности»[31].

Сотрудничать с Россией НАТО готова по весьма определённому, весьма ограниченному кругу вопросов. Это борьба с терроризмом, наркотики, пиратство и укрепление международной безопасности. Отдельно стоит проблема создания системы широкомасштабной ПРО.

Изначально здесь присутствует два подхода. **Первый**, еще со времен СССР, заключается в том, что наступательные и оборонительные системы стратегических наступательных вооружений составляют один, единый «наступательно-оборонительный комплекс». Я писал об этом еще в своей докторской диссертации в 1988 году[32]. Усиление одного из элементов — радикально, качественно сказывается на усилении всей системы.

Второй подход, озвученный не раз в США, — «защита от отдельных стран-изгоев» (КНДР, Ирана, Кубы и т. д.). Этот политический подход хорош для деклараций, но не имеет ничего общего ни с реальной военной стратегией, ни стремлением сохранить стабильность и международную безопасность.

Как известно, лидеры стран НАТО одобрили идею создания для евроатлантического региона системы противоракетной обороны, способной защитить территорию всех стран-членов НАТО. Только после этого России предложено «посотрудничать» с альянсом по вопросу ПРО.

Еще одна тема — «борьба с терроризмом и наркотиками», непосредственно затрагивающая интересы России, связывается с «постепенной передачей контроля над безопасностью в Афганистане самому афганскому народу». Как сообщил советник президента США по Афганистану Дуглас Льют, США «планируют завершить этот процесс на территории 34 провинций к концу 2014 г., начав его в 2011 году», что без помощи России сделать будет очень сложно, если не невозможно.

Высокопоставленные американские чиновники отмечают, что операции НАТО в Афганистане являются неотъемлемой частью общей Стратегической концепции. В результате по итогам саммита Россия — НАТО будет расширено соглашение об упрощенном транзите грузов через территорию РФ для сил НАТО в Афганистане и, что особенно важно, из Афганистана, продолжится дискуссия о приобретении для Афганистана партии российских вертолетов в едином пакете с услугами по их сервисному обслуживанию и подготовке пилотов и техников. Наконец, Россия и НАТО готовы расширить центр в Домодедово по подготовке кадров для антитеррористических структур Афганистана, Пакистана и стран Центральной Азии.

Важным вопросом сотрудничества с РФ НАТО считает также сокращение вооружений. По этому

поводу требования, как мне представляется, означают буквально вмешательство во внутренние дела: «В будущем при любом сокращении нам следует добиваться согласия России на увеличение прозрачности ее ядерного арсенала в Европе и передислокации этого оружия подальше от территории членов НАТО. Любые дальнейшие шаги *должны принимать во внимание неравенство и наличие у России более крупных запасов ядерного оружия малого радиуса действия* (курсив мой. — *А. П.*)». Вот вам и стратегическое партнёрство! Напомню, что разработка новой концепции проходила на фоне активной работы республиканцев в Сенате США по замораживанию процесса ратификации нового договора по СНВ. В такой обстановке заявления Б. Обамы о том, что ратификация Договора СНВ-3 является императивом национальной безопасности и краеугольным камнем в отношениях США и России остаются пустым звуком. А «перезагрузка» в отношениях с НАТО, о которой говорил американский президент накануне саммита, означает лишь односторонние уступки со стороны России.

Вызывают обеспокоенность России в Концепции вопросы связанные с расширением Североатлантического союза

Итак, заинтересованность НАТО в укреплении взаимодействия с Россией имеет очень простые объяснения. Во-первых, на Россию можно переложить часть материального бремени и моральной ответственности за «афганский вопрос». Во-вторых, без России невозможно запустить проект ЕвроПРО (нужны российские РЛС). В-третьих, Россия пока ещё нужна как постоянный член СБ ООН в обеспечении будущих операций, требующих решений этого органа. В-четвертых, наша страна «играет важную роль в преодолении так называемого „идентификационного кризиса“ альянса, выйти из которого без налаживания качественно новых отношений с Россией невозможно. Кроме того, укрепление отношений с Россией будет способствовать тому, чтобы показать релевантность альянса в глазах общественности. Наконец, очень существенное улучшение наших отношений позволит преодолеть опасную напряженность на постсоветском пространстве». Иными словами, авторитет России поможет расширению НАТО.

Осознавая всё это, никаких особых преференций России Североатлантический союз, тем не менее, не предоставил.

Вывод один: никакого действительного, тем более стратегического, партнёрства между Россией и НАТО на условиях новой натовской Концепции быть не может.

В конечном счете, понимание того, что такие институты, как и вся система международной безопасности, должны быть модернизированы, стало общим мнением. Важно, как это сделал С. Лавров, признать сам этот факт: «За последние 20 лет европейская безопасность **расшаталась по всем параметрам**. Это касается размывания режима контроля над вооружениями, атрофии ОБСЕ, возникновения серьезных конфликтов и опасности их неконтролируемой эскалации, попыток превратить замороженные конфликты в горячие. Высказывания, что „все нормально, ничего менять не надо“, убедить не могут. На мой взгляд, ключевыми для анализа сложившейся ситуации вопросами являются теория и практика всеобъемлющего подхода к обеспечению безопасности, включая будущее ОБСЕ и предлагаемое Россией комплексное и прагматичное решение проблемы в форме Договора о европейской безопасности»[33].

До кризиса 2008–2010 годов Россия, казалось, уверенно развивалась 8 лет, преодолев социально-экономическую катастрофу 90-х годов. Вместе с тем, ее развитие можно точнее охарактеризовать как экстенсивный экономический рост. Это, однако, привело к тому, что страна вернулась в реальную мировую политику[34], как минимум, в качестве участника.

Ключевые показатели — рост ВВП страны и душевого ВВП — характеризовали ее как государство со средним уровнем развития экономики и **большим неиспользованным человеческим потенциалом** (табл. 4). Отставание в этой области (образование, наука, культуры, здравоохранение) крайне негативно

Табл. 4. Россия: основные индикаторы 1996–2008 гг.

	1996–1999 (сред)	2000–2004 (сред)	2005	2006	2007	2008
ВВП, млрд долл.	316	395	764	988	1292	**1673**
ВВП на душу, тыс. долл.	2,1	2,7	5,3	6,9	9,1	**11,8**
Темпы роста ВВП, % к предыдущему году	–0,3	6,9	6,4	6,7	8,1	6,8
Норма накопления, % ВВП	17,2	18,1	16,7	17,6	20,1	21,6
Норма сбережения, % ВВП	27,1	33,8	33,5	33,8	32,0	31,0
Экспорт нефти и нефтепродуктов, % ВВП	6,7	12,3	15,3	14,9	15,0	16,1
Торговый баланс, % ВВП	8,4	16,2	15,7	14,1	10,1	9,5
Счет текущих операций, % ВВП	3,9	11,2	10,9	11,4	6,0	4,8
ИПЦ, % к предыдущему году (декабрь к декабрю)	38,5	15,5	10,9	9,0	11,9	13,2
Промышленное производство, % к предыдущему году	0,8	6,5	4,0	6,3	6,3	4,0
Реальные доходы населения, % к предыдущему году	–5,3	11,4	9,3	10,0	10,7	7,0

Рис. 5. Динамика производств ВВП в % к значению условного среднего квартала 2003 г.
(¼ номинального значения ВВП за 2003 г.)

сказалось как на структуре экономики, так и на возможностях России влиять в мире.

О производстве валового внутреннего продукта (ВВП) во II квартале 2010 года[35].

Объем ВВП России за II квартал 2010 г. составил в текущих ценах 10 859,4 млрд рублей. Индекс физического объема ВВП относительно II квартала 2009 г. составил 105,2 %, относительно I квартала 2010 г. — 108,0 %. Индекс — дефлятор ВВП за II квартал 2010 г. по отношению к ценам II квартала 2009 г. — 111,1 %.

Объем ВВП за первое полугодие 2010 г. в текущих ценах 20 732,6 млрд рублей, индекс его физического объема относительно первого полугодия 2009 г. — 104,2 %.

Причем в России наиболее «слабыми» отраслями оказались обрабатывающие отрасли и строительство[36], а наиболее «сильной» отраслью — туризм. Что вполне характерно для экономики и политики зависимой страны. Это также характеризует Россию как «слабое звено» в системе международной безопасности. Вновь возникает зависимость между степенью развития экономики страны и НСК и международной безопасностью: чем выше ИРЧП, качество НЧК — тем суверенней, независимее государство и тем эффективнее система международной безопасности. Строго говоря, оказывается, что **настоящая эффективная** система международной безопасности может быть создана:

— суверенными, независимыми государствами;
— нациями с высоким уровнем развития НЧК;
— нациями, сохранившими национальные традиции и ценности.

Отдельная тема — структура развития НЧК и его проявление в социальной сфере, которая становится сегодня более эффективным инструментом внешней политики, чем военная сила. Речь идет об институтах гражданского общества, «мягкой силы», но, главное, такой отрасли, как туризм и международные обмены.

Роль туризма и спорта по-прежнему остается недооценкой как с точки зрения, укрепления международной безопасности и продвижения имиджа России за рубежом, так и с экономической точки зрения. А между тем, если согласиться с особым значением НЧП России как фактора международной политики и заявки на культурно-идеологические лидерство, то именно массовые представители России, прежде всего креативного класса, являются той силой, которая может продвигать интересы страны за рубежом. Именно они являются проводниками российских ценностей достижений культуры, спорта, науки и образования на уровне рядовых человеческих контактов.

Не малое значение имеет и экономическая сторона. В современной экономике развитых стран доля туристической индустрии, как и сферы услуг, растет и будет расти. В некоторых странах она составляет главную статью ВВП и доходов, достигая 30 %. В этой связи отсталость России удручает. Как, впрочем, и сфера услуг, которая не только хуже, но и дороже, чем в развитых странах. При этом факторы, влияющие на эту ситуацию, хорошо известны, что неизбежно ставит вопрос о немедленном принятии мер[37] (рис. 6).

При этом в первом полугодии 2010 года 59 % общей стоимости услуг, оказанных турфирмами, приходилось на выездной туризм (он «является менее выгодным для экономики страны из-за вывоза капитала и отсутствия возможности создания новых рабочих мест», отмечают в ВШЭ), 30 % — на внутренний и только 7 % — на въездной туризм. Отметим, что еще в июне 2010 года число отдыхающих за границей граждан РФ превысило не только показатели кризисного 2009 г., но и вполне успешного 2008 года, а с ноября российские туроператоры сообщают о том, что новогодние туры за границу уже раскуплены.

В целом российская экономика к концу 2010 года вышла из кризиса (табл. 5). За исключением некоторых отраслей, она вышла на докризисные показатели 2008 года. Но можно ли это назвать успехом, ведь те страны, которые выбрали иную модель развития, в частности Индия (импортозамещение), за период кризиса значительно ушли вперед в своем развитии.

Табл. 5. Индекс физического объема ВВП и валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в постоянных ценах (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

	2010 г.			Справочно 2009 г.		
	I квартал	II квартал	I полугодие	I квартал	II квартал	I полугодие
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	**103,1**	**105,2**	**104,2**	**90,7**	**89,0**	**89,8**
в том числе:						
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	102,7	101,1	101,8	99,2	98,5	98,8
рыболовство, рыбоводство	109,4	106,5	108,0	101,0	101,9	101,5
добыча полезных ископаемых	111,7	105,2	108,4	96,6	94,8	95,6
обрабатывающие производства	113,4	115,3	114,4	75,3	80,4	**77,9**
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	109,0	103,7	106,8	93,0	96,2	94,3
строительство	91,1	99,7	96,1	80,8	79,1	**79,8**
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	99,9	103,7	101,7	92,8	85,4	89,1
гостиницы и рестораны	96,8	100,3	98,6	85,8	82,6	84,1
транспорт и связь	109,5	109,6	109,5	92,6	93,4	93,0

Источник: ГУ-ВШЭ

Рис. 6. Факторы, отрицательно влияющие на деятельность турфирм (доля организаций от общего числа опрошенных, %)

Кризис немедленно сказался на всех планах опережающего развития России до 2020 года, по сути заставил отказаться от принятой «Стратегии–2020». И не только из-за резкого падения ВВП в 2008–2009 годах, но и из-за возникшего крупного дефицита федерального и региональных бюджетов[38] (рис. 7).

Приходится признать, что антикризисные меры, предпринятых правительством России, часто были:

— **запоздалыми** (так, вплоть до октября 2008 года почему-то считалось, что Россия останется в стороне от кризиса неким «островом стабильности»);
— **не всегда адекватными** (правительство в конечном счете сконцентрировалось на мерах поддержки финансового сектора в ущерб идеям развития);
— **потерей стратегической перспективы** (меры были ориентированы на тактические, часто сиюминутные результаты, а не цели «Стратегии–2020»).

При этом кризис остро затронул социальную сферу. Прежде всего из-за инфляции и роста цен на тарифы и услуги. Ситуация в этой области оказалась значительно хуже, чем в странах Евросоюза.

Другими словами, российская экономика продемонстрировали все свои негативные особенности и уязвимость от внешних факторов. В том числе и в социальной сфере[39]. Модель экономического развития России оказалась антисоциальной, хотя Д. Медведев и В. Путин, казалось, делали все в условиях кризиса, чтобы не пострадали социальные программы даже в условиях неожиданно возникшего бюджетного дефицита.

Рис. 7. Профицит, дефицит (–) консолидированного и федерального бюджетов Российской Федерации (в % к ВВП)

Важно подчеркнуть, что в этот кризисный период Россия не смогла реализовать политически декларированные в 2007–2008 годах планы на опережающее развитие национального человеческого капитала, инновации и модернизацию экономики. Кризис заставил в 2008–2010 годы практически остановить эти замыслы.

По мере стабилизации в 2010 годы наметилось и возвращение не только в политической риторике к идеям инновации и модернизации экономики. На мой взгляд, в слишком узкой части, относящейся только **к технологической модернизации**, точнее — заимствованиям достижений развитых стран. Этим объясняется корректировка внешнеполитического курса, о которой фактически заявил Д. Медведев, выступая на очередной встрече с послами в МИДе летом 2010 года. Эта корректировка была справедливо расценена многими как односторонняя ориентация на страны Евросоюза в целях модернизации.

Это, конечно же, явное упрощение, хотя акцент на технологическую модернизацию через заимствования неизбежно толкает к этому.

Очевидно, что эгоистическое поведение государств в условиях кризиса оказалось наиболее эффективной моделью поведения. На мой взгляд, это не случайно, а отражает назревшую тенденцию «национализации» внешней политики государства в условиях глобализации.

Тем не менее, существует и другой подход, сторонники которого полагают, что совместные действия — более перспективная модель поведения в условиях кризиса. Особенно в области безопасности. Как отметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «Финансовый кризис 2008 г. не заслонил беду более общую — кризис миросистемный. Политики, деловой мир и общественность больше тревожатся из-за первого. Это понятно. Но финансовые потери — не единственная угроза. **Деградирует международный порядок, сложившийся после распада СССР, а с ним — модель партнерских отношений между Россией и Западом** (подч. — *А. П.*). Между тем эта модель представляет собой несомненную ценность, пусть условия русско-западных отношений и были выработаны с явным преобладанием интересов США и ЕС»[40].

С последней мыслью моего коллеги о «несомненной ценности русско-западных отношений» я не вполне согласен. Ценность таких отношений после

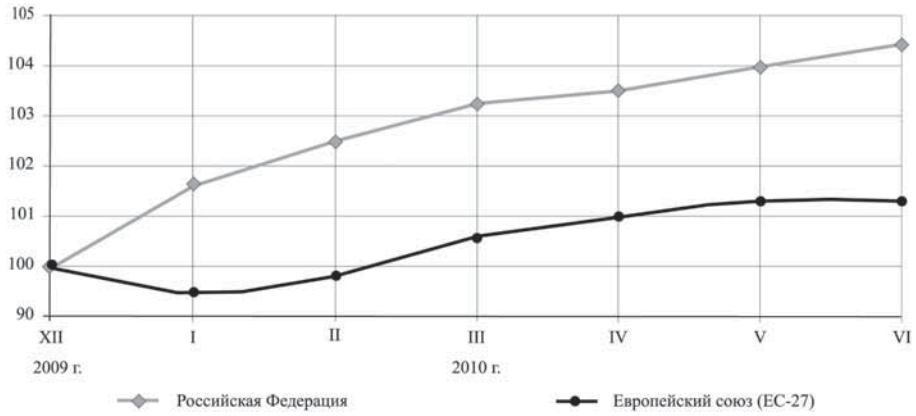


Рис. 8. Индексы потребительских цен в Российской Федерации и Европейском Союзе (в % к декабрю 2009 г.)

развала СССР, т. е. за последние 20 лет, весьма сомнительна. У меня сложилось четкое впечатление, что в ответ на вполне логичную и последовательную модель и стратегию Запада по отношению к России, наша элита так и не предложила такую же логичную и последовательную стратегию. Внешнеполитическая доктрина российской элиты по отношению к Западу колебалась от полного принятия в 90-е годы западных ценностей и приоритетов до не всегда последовательного ситуационного реагирования.

Более того, в России в последние годы в конечном счете пришли к консолидированному мнению о необходимости совершенствования международных институтов, а, если надо, то и создания новых механизмов сотрудничества и обеспечения безопасности. Эту позицию элиты по отношению к Европе хорошо сформулировал академик А. Торкунов, противопоставив её альтернативной позиции обеспечения безопасности: «В Москве с интересом следят за успехами интеграционного проекта Евросоюза. Он представляется очень перспективным. В его рамках значительное число европейских государств объединяет свои усилия для преодоления общих проблем и решения общих задач. Созданные в странах ЕС условия экономического процветания и социального мира показывают, что это получается у них достаточно успешно. Лиссабонский договор позволит ЕС действовать еще более эффективно…

Россия предлагает более реалистичное в обозримой перспективе и более демократичное видение „Большой Европы". В соответствии с ним Российская Федерация, Европейский Союз, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать мир, в котором хотели бы жить. Важно, чтобы он строился на равноправной основе и в нем уютно чувствовали себя все страны и народы.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе речи о том, чтобы оставшиеся вне ЕС европейские страны влились в него, не идет. К этому никто не готов. Евросоюз сам этого не выдержит. Вхождение ЕС в „Большую Европу" также не актуально. С одной стороны, ЕС уже находится в „Большой Европе". С другой — „Большая Европа" пока, скорее, надежда на лучшее будущее, чем реальность.

Но до этого лучшего будущего надо еще дожить в мире и спокойствии. Поэтому Россия стремится в согласии с другими странами реформировать основы обеспечения безопасности в Европе. Если для этого требуется перезаключить ранее подписанные договоры или подписать новые, то этим следует поскорее заняться»[41].

Принципиальный вывод таков: мировой кризис продемонстрировал, что необходим **новый уровень** международного сотрудничества, который может представлять собой **систему мер в области безопасности** в таких областях, как:

— финансовая область и международная торговая;
— использование ресурсов;
— создание единой инфраструктуры транспорта и связи;
— совместных действий против международного терроризма;
— контроля над критически важными технологиями и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ);
— но, главное, формирование **общих рамок международного права и поведения государств в мире**, что неизбежно потребует сотрудничества в поиске общих ценностей и разработке общих принципов, т. е. **сотрудничества даже на идеологическом уровне**, уровня понимания глобальных угроз, общих для безопасности национальных государств.

Иногда складывается впечатление, что у такого сотрудничества нет перспектив. Это не соответствует действительности. Мировой опыт говорит о другом. В частности, если речь идет об оказании помощи развитым государствам, то можно констатировать, что только за последнее десятилетие был сделан существенный прогресс. Так, в 2001 г. была принята рекомендация сделать несвязанным весь объем помощи наименее развитым странам, на которые традиционно приходится около трети всей ОПР. Обуславливалось это тем, что при «связывании» закупка товаров и услуг в рамках ОПР становится дороже в среднем на 15–30 % и необходимо, чтобы беднейшие страны не теряли данную сумму.

Большинство стран-членов КСР последовало этой рекомендации и в настоящее время (табл. 6) общий объем несвязанной помощи на двусторонней основе стран-членов составляет 92 %, причем у Великобритании он 100 %, Германии — 93 %, Франции — 95 %, у Японии — 90 % (в начале 2000-х гг. он достигал 96 %). Таким образом национальный эгоизм может отступить перед общим пониманием объективной потребности.

Применительно к Европе и Евросоюзу эти настроения российской элиты нашли выражение в проекте специальной Программы, разработанной и предложенной МИДом России президенту Российской Федерации в 2010 году. Этот проект документа получил название «Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации[43].

В определенном смысле Европа стала тем объектом, на котором Россия апробировала свои идеи сотрудничества в многополярном мире. Обращает на себя внимание, что Россия в последние годы резко активизировала свои усилия на всех направлениях, «по всем азимутам». Визиты Д. Медведева и В. Путина в КНР, Вьетнам, Туркмению, Республику Корея, Японию, Индию (декабрь 2010 г.) и другие страны показывают, что опасения относительно односторонней ориентации России на страны Евросоюза напрасны.

Табл. 6. Структура двусторонней помощи развитию стран «Группы восьми» (кроме США и РФ) в 2000–2005 гг. (в % от общего количества)[42]

ГОД		2000	2001	2002	2003	2004	2005
Все страны Комитета содействия развитию ОЭСР	Н	81,1	79,9	85,3	91,8	91,3	91,8
	Ч	2,7	2,6	3,3	1,6	0,4	1,8
	С	16,1	17,5	11,3	6,5	8,3	6,5
Канада	Н	24,9	31,7	61,4	52,6	56,7	59,4
	Ч				0,0	0,3	0,3
	С	75,1	68,3	38,6	47,4	43,0	40,3
Франция	Н	68,0	66,6	91,5	93,1	94,2	94,7
	Ч	25,5	24,3	5,1	3,9		0,2
	С	6,6	9Д	3,4	3,1	5,8	5,1
Германия	Н	93,2	84,6	86,6	94,6	92,2	93,0
	Ч						
	С	6,8	15,4	13,4	5,4	7,8	7,0
Италия	Н	38,2	7,8				92,1
	Ч						
	С	61,8	92,2				7,9
Япония	Н	86,4	81,8	82,8	96,1	94,4	89,6
	Ч	0,5	1,4	8,1	0,5	1,0	6,0
	С	13,1	16,8	9,1	3,4	4,6	4,4
Великобритания	Н	91,5	93,9	100,0	100,0	100,0	100,0
	Ч						
	С	8,5	6,1				

Примечание: Н — несвязанная помощь; Ч — частично связанная; С — связанная помощь развитию.
Источник: подсчет автора на основе данных КСР ОЭСР.

Россия в полной мере осознает свое положение и ответственность в качестве не только мировой, но и великой державы, чьи интересы в равной мере распределены не только в Европе, но и в Азии. Поэтому она не может, да и не должна быть связана только общеевропейскими интересами.

Процесс национальной самоидентификации России, в т. ч. во внешней политике, еще далеко не закончен. Но уже ясно, что курс на опережающее развитие и модернизацию потребует участия в создании принципиально новой модели международных отношений и поведения государств в мире.

3. Международная безопасность и новое соотношение сил

Россия уже не раз доказывала, что может сделать то, что другим кажется невозможным[44].
В. Путин

Миру нужна новая философия международных отношений[45].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

В конце первого десятилетия нашего века стало ясно, что европейской системе ценностей всё более откровенно противопоставляются иные цивилизационные системы ценностей — прежде всего исламская и китайская, — которые будут обеспечивать экономические и иные интересы стоящих за этими идеологиями государств. Но не только. В соотношении мировых сил учитывается прежде всего экономическая мощь государств, выражаемая в объемах ВВП и уровне технологий, качества жизни, индекса развития человеческого потенциала и т. д.

Внутри стран-лидеров происходит радикальное изменение в соотношении сил, которое проявилось уже при жизни нынешнего поколения. Но коренным образом ситуация изменится к 2050 году, когда доля развитых стран в общей численности населе-

Табл. 7. Население 20 наиболее многолюдных стран мира

	1950 г.		2009 г.		2050 г.	
1	Китай	545	Китай	1346	Индия	1614
2	Индия	372	Индия	1198	Китай	1417
3	США	158	США	315	США	404
4	Россия	103	Индонезия	230	Пакистан	335
5	Япония	83	Бразилия	194	Нигерия	289
6	Индонезия	77	Пакистан	181	Индонезия	288
7	Германия	68	Бангладеш	162	Бангладеш	222
8	Бразилия	54	Нигерия	155	Бразилия	219
9	Великобритания	51	Россия	141	Эфиопия	174
10	Италия	46	Япония	127	Конго	148
11	Бангладеш	44	Мексика	110	Филиппины	146
12	Франция	42	Филиппины	92	Египет	130
13	Пакистан	41	Вьетнам	88	Мексика	129
14	Украина	37	Эфиопия	83	Россия	116
15	Нигерия	37	Египет	83	Вьетнам	112
16	Испания	28	Германия	82	Танзания	109
17	Мексика	28	Турция	75	Япония	102
18	Вьетнам	27	Иран	74	Турция	97
19	Польша	25	Таиланд	68	Иран	97
20	Египет	22	Конго (ДР)	66	Уганда	91

ния составит абсолютное меньшинство. По оценке А. Вишневского, в 1950 году среди 20 крупнейших по числу жителей стран мира с общим населением 1,9 млрд человек (около 75 % мирового населения) было 10 стран Севера. В 2009-м в первую двадцатку государств, в которых было сосредоточено 4,9 млрд человек (71 % мирового населения), входили только четыре северные страны. По среднему варианту прогноза ООН, в 2050 году в число 20 крупнейших стран с общим населением 6,2 млрд человек (68 % мирового населения) войдут только три страны Севера. Доля Севера в совокупном населении первой двадцатки упала с 34 % в 1950 г. до 14 % в 2007 г., а к 2050 году **опустится ниже 10 %**[46].

Понятно, что эти тенденции не могут не беспокоить политиков. Идея евразийского союза, выдвинутая В. Путиным и Н. Назарбаевым в октябре 2011 года, — отражение этой обеспокоенности. Как писал в конце октября Н. Назарбаев, «В текущем столетии **регионализация стала общемировой тенденцией. Европейский Союз** в ближайшие годы планирует дальнейшее расширение за счет **вступления в него Хорватии, а в перспективе — Сербии, Черногории и других стран**.

В Восточной Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран АСЕАН с охватом сразу двух миллиардов потребителей. В финансово-экономическом плане самоорганизуется регион Персидского залива. Укрепляется интеграция стран Северной и Южной Америки, Африки.

За 20 лет суверенного развития экономики России, Казахстана и других участников евразийской интеграции стали частью глобальной экономики»[47].

Отдельно необходимо сказать о вероятном изменении в соотношении военных сил в мире. Уже сегодня новые экономические и демографические центры силы вполне амбициозно заявляют о своих политических амбициях[48].

Табл. 8. 20 стран с наибольшим ВВП

№ п/п	1950 г.		2007 г.	
1	США	1455,9	США	13780,0
2	СССР	510,2	Китай	7099,0
3	Великобритания	347,9	Япония	4272,0
4	Германия	265,4	Индия	2966,0
5	Китай	239,9	Германия	2807,0
6	Индия	222,2	Великобритания	2130,0
7	Франция	220,5	Россия	2097,0
8	Италия	165,0	Франция	2075,0
9	Япония	161,0	Бразилия	1849,0
10	Канада	102,2	Италия	1800,0
11	Бразилия	89,3	Испания	1361,0
12	Аргентина	85,5	Мексика	1353,0
13	Мексика	67,4	Канада	1271,0
14	Испания	66,8	Южная Корея	1206,0
15	Нидерланды	60,6	Турция	853,9

окончание табл. 8

№ п/п	1950 г.		2007 г.	
16	Швеция	47,3	Индонезия	843,7
17	Бельгия	47,2	Австралия	773,0
18	Швейцария	42,,5	Иран	762,9
19	Дания	29,7	Тайвань	698,6
20	Австрия	25,7	Нидерланды	645,5
	Всего	**4252,1**	**Всего**	**50 643,6**
	В т. ч. страны Юга	704,4	В т. ч. страны Юга	17 632,1
	Доля стран Юга, %	16,6	Доля стран Юга, 96	34,8

При этом обращает на себя внимание, что их доля военных расходов в ВВП продолжает увеличиваться темпами, опережающими другие государства.

Табл. 9. Доля военных расходов в ВВП в 20 странах с максимальным ВВП, по оценке ЦРС США

Страна, год	Доля в ВВП, %	Страна, год	Доля в ВВП, %
Турция. 2005	5,3	Иран. 2006	2,5
Китай. 2006	4,3	Великобритания. 2005	2,4
США. 2005	4,1	Австралия. 2006	2,4
Россия. 2005	3,9	Тайвань 2006	2,2
Индонезия. 2005	3,0	Италия. 2005	1,8
Южная Корея. 2006	2,7	Нидерланды. 2005	1,6
Франция. 2005	2,6	Германия. 2005	1,5
Бразилия. 2006	2,6	Испания. 2005	1,2
Индия. 2006	2,5	Канада. 2005	1,1
Иран. 2006	2,5	Япония. 2006	0,8
Великобритания. 2005	2,4	Мексика. 2006	0,5

Эти количественные измерения не учитывают, однако, важнейших факторов, которые определяют совокупную мощь государства, прежде всего, наличие эффективной идеологии, культурное и духовное наследие, приверженность нации своим ценностям и ее готовность отстаивать национальные интересы. Эти и другие факторы сегодня не поддаются точному измерению и не являются пока что предметом рейтингов, отсутствие соответствующих методик значительно ограничивают возможности измерения соотношения сил в мире. Поэтому мы пока что в своем анализе опираемся на количественные измерения экономик государств. Или динамику их развития. Так, например, в ежегодном прогнозе ИМЭМО РАН «Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика», анализ основывается на темпах прироста ВВП (табл. 10)[49].

Табл. 10. Темпы прироста ВВП (%)

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2009	2010	2009	2010
Весь мир	–1,1	3,1	-0,2	3,4
Развитые страны			–2,2	2,0
США	–2,7	1,5	-0,5	3,5
Япония	-5,4	1,7	-3,0	1,5
Зона евро	-4,2	0,3	-3,4	0,9
ЕС 27	-4,2	0,5	-3,3	0,9
Германия	-5,3	0,3	-3,5	1,5
Франция	–2,4	0,9	–2,0	1,4
Италия	-5,1	0,2	-4,0	0,9
Великобритания	-4,4	0,9	-3,5	1,3
Развивающиеся страны			3,5	5,6
Китай	8,5	9,0	9,0	10,0
Индия	5,4	6,4	5,8	6,8
Бразилия	-0,7	3,5	-0,5	3,5
Страны с переходной экономикой			-4,9	1,8
Россия	-7,5	1,5	-8,0	2,5

Ученые ИМЭМО комментируют: «МВФ прогнозирует падение производства США в 2009 году на 2,7 %, наши же расчеты свидетельствуют о том, что экономика США сократится максимум на 0,5 %. Наш прогноз основывается на оценке динамики основных элементов ВВП США по использованию: роста потребления населения, инвестиций, расходов государства, сокращения отрицательного сальдо торговли товарами и услугами. На количественной оценке всех перечисленных выше параметров также основывается наш прогноз о росте ВВП США в 2010 году на 3,5 % (оценка МВФ — 0,5 %)»[50].

Это видно также из сопоставлений ВВП по 146 странам и территориям мира, проведенным, например, по показателям 2005 года Всемирным банком.

Совокупный объем ВВП **стран**, принявших участие в Глобальном раунде по данным за 2005 г., составил около 55 трлн долл. США по паритету покупательной способности (ППС). По объему ВВП первая десятка стран мира выглядит следующим образом: США (12,4 трлн долл.), Китай (5,3 трлн долл.), Япония (3,9 трлн долл.), Германия (2,5 трлн долл.), Индия (2,3 трлн долл.), Соединенное Королевство (Великобритания) (1,9 трлн долл.), Франция (1,9 трлн долл.), Россия (1,7 трлн долл.), Италия (1,6 трлн долл.) и Бразилия (1,6 трлн долл.).

По показателю ВВП **на душу населения** по ППС **наиболее обеспеченными** странами и территориями являются Люксембург (70 014 долл./чел.), Катар (68 749 долл./чел.), Норвегия (47 551 долл./чел.), Бруней (47 465 долл./чел), Кувейт (44 982 долл./чел.), США (41 674 долл./чел.), Сингапур (41 478 долл./чел.), Ирландия (38 058 долл./чел.), Макао (37 259 долл./чел.), Гонконг (35 680 долл./чел.).

Самые бедные страны мира находятся в Африке, к их числу относятся Бурунди, Центрально-Африкан-

Табл. 11. Темпы роста ВВП стран-членов АТЭС в 2000–2008 гг., %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Канада	5,2	1,8	2,9	1,9	3,1	3,1	2,8	2,7	0,5
США	3,7	0,8	1,6	2,5	3,6	3,1	2,9	2,2	1,1
Мексика	6,6	0,0	0,8	1,4	4,2	2,8	4,8	3,3	1,3
Чили	4,5	3,5	2,2	4,0	6,0	5,7	4,0	5,0	3,2
Перу	3,0	0,2	5,0	4,0	5,1	6,7	7,6	9,0	9,8
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6
Австралия	3,4	2,1	4,1	3,0	3,8	2,8	2,8	3,9	2,1
Япония	2,9	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9	2,4	2,1	-0,6
Китай	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,1	11,4	9,0
Индонезия	5,4	3,6	4,5	4,8	5,0	5,7	5,5	6,3	6,1
Малайзия	8,7	0,5	5,4	5,8	6,8	5,0	5,9	6,3	4,6
Сингапур	10,1	–2,4	4,2	3,5	9,0	7,3	8,2	7,7	1,1
Таиланд	4,8	2,2	5,3	7,1	6,3	4,5	5,1	4,8	2,6
Тайвань	5,8	–2,2	4,6	3,5	6,2	4,2	4,9	5,7	0,1
Южная Корея	8,5	3,8	7,0	3,1	4,7	4,2	5,1	5,0	2,2
Новая Зеландия	3,9	2,7	5,2	3,4	4,5	2,8	1,5	3,0	0,3
Филиппины	6,0	1,8	4,4	4,9	6,4	4,9	5,4	7,3	4,6
Гонконг	8,0	0,5	1,8	3,0	8,5	7,1	7,0	6,3	2,5
Вьетнам	6,8	6,9	7,1	7,3	7,8	8,4	8,2	8,5	6,2
Бруней	2,9	2,7	3,9	2,9	0,5	0,4	5,1	0,4	–1,5
Папуа Новая Гвинея	–2,5	-0,1	-0,2	2,2	2,7	3,4	2,6	6,2	7,0

Источник: Международный валютный фонде

ская Республика, Демократическая республика Конго, Эфиопия, Гамбия, Гвинея-Биссау, Либерия, Малави, Нигер, Зимбабве, Мозамбик. ВВП на душу населения в перечисленных странах находится в пределах от 250 до 750 долл./чел.

Среди стран СНГ самый большой объем ВВП на душу населения в России — 11 861 доллар США, или 28,5 % от уровня США. По этому показателю Россия занимает 51-е место в мире. В Казахстане этот показатель составил 8699 долларов США (62-е место в мире), Беларуси — 8541 доллар США (65-е место в мире). Самая бедная страна СНГ Таджикистан — 1413 долларов США (119-е место в мире). Средний по СНГ уровень ВВП на душу населения составил 9202 доллара США. Из числа стран СНГ этот уровень превосходит только Россия, на долю которой приходится почти три четверти совокупного ВВП стран СНГ.

Самыми дорогими странами мира являются Исландия — 154 % от уровня цен США, Дания (142 %), Швейцария (140 %), Норвегия (137 %), Ирландия (127 %). Для России сопоставимый уровень цен составил 45 %. Самые дешевые страны — Исламская Республика Иран, Лаос, Вьетнам, Боливия, Киргизия, Таджикистан, Египет, Эфиопия, Гамбия[51].

Основные результаты приводятся в прилагаемой ВБ таблице. Дополнительная информация, включая показатели на душу населения и сопоставимые уровни цен по трем компонентам ВВП (фактическое конечное потребление домашних хозяйств, фактическое конечное потребление государственного управления и валовое накопление основного капитала) вместе с разъяснениями опубликована на сайте по адресу www.worldbank.org/data/icp.

Обращает на себя внимание неравномерность развития различных регионов планеты, которая ведет к резкому изменению в соотношении сил в мире уже в самое ближайшее время. Так, очевидно, что мировой экономический центр быстро перемещается в регион Тихого океана. И мировой кризис очевидно усилил эту тенденцию. Это видно как из динамики развития за последнее десятилетие, так и трех лет кризиса[52].

Страны-члены АТЭС имели разные тенденции в динамике темпов роста ВВП в период 2000–2008 гг. Китай, Вьетнам, Индонезия и Филиппины были лидерами по темпам роста экономики до 2007 года включительно.

Канада, США, Мексика, Япония, Южная Корея, Малайзия и Сингапур, а также Россия показали наибольшие темпы роста в 2000 году. В Австралии и Новой Зеландии зафиксированы наибольшие темпы экономического роста в 2002 г., в Чили, Гонконге и Тайване — в 2004 г. (табл. 11)

Кризис внес серьезные коррективы в темпы развития отдельных стран. Так, экономика Китая оказалась менее подверженной негативному влиянию мировых кризисных явлений, отмечалось лишь

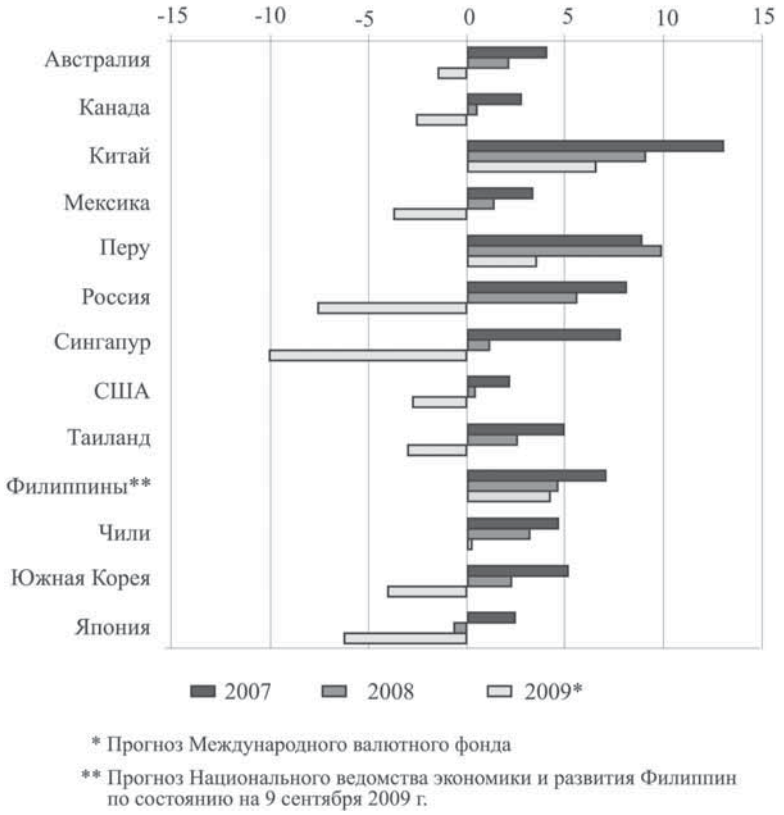
Табл. 12. Основные показатели международных сопоставлений ВВП за 2005 г.[53]

Страны и территории	ВВП (млрд USD по ППС)	Доля страны в совокупном ВВП по ППС (Мир = 100 %)	ВВП на душу населения по ППС (USD)	ВВП на душу населения по ППС (США = 100 %)	ППС (национальных денежных единиц за 1 USD)	Сопоставимый уровень цен (%)
СНГ						
Азербайджан	38,4	0,07	4648	11,2	1631,6	35
Армения	12,6	0,02	3903	9,4	178,6	39
Беларусь	83,5	0,15	8541	20,5	779,3	36
Грузия	15,3	0,03	3505	8,4	0,7	41
Казахстан	131,8	0,24	8699	20,9	57,6	43
Киргизия	8,9	0,02	1728	4,1	11,4	28
Республика Молдова	8,5	0,02	2362	5,7	4,4	35
Российская Федерация	**1697,5**	**3,09**	**11 861**	**28,5**	**12,7**	**45**
Таджикистан	9,7	0,02	1413	3,4	0,7	24
Украина	263,0	0,48	5583	13,4	1,7	33
ИТОГО	**2269,2**	**4,13**	**9202**	**22,1**		**43**

незначительное замедление темпов экономического роста в 2008 г. Более того, темпы развития Китая в условиях кризиса стали исключительно высокими. Оказалось, что Китай выиграл больше всех от глобализации в условиях кризиса. Что, естественно, отразилось на соотношении сил в мире и внешней политике Китая уже в 2010 году.

Наиболее пострадавшими от кризиса оказались страны, ориентированные на экспорт товаров и услуг, а также страны, являющиеся крупными финансовыми центрами, такие, как Сингапур, Южная Корея, Таиланд, Япония, США, Мексика, Канада и Австралия.

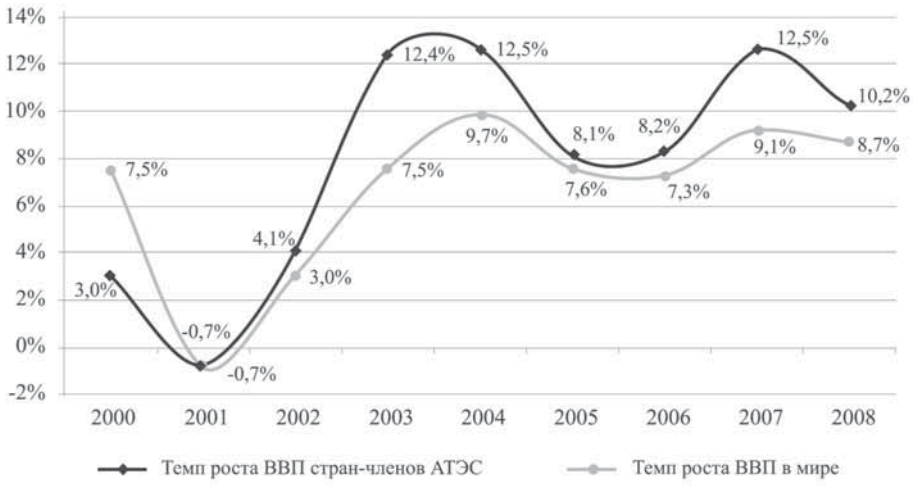
Менее подготовленными к нынешнему мировому финансово-экономическому кризису оказались Бруней, Япония, Тайвань, Новая Зеландия, Канада, Сингапур, именно в этих странах рецессия оказалась наиболее сильной в 2008 году.



* Прогноз Международного валютного фонда

** Прогноз Национального ведомства экономики и развития Филиппин по состоянию на 9 сентября 2009 г.

Рис. 9. Темпы роста ВВП ведущих стран–членов АТЭС в 2007–2009 гг., %



Источник: Рассчитано по материалам Международного валютного фонда

Рис. 10. Темпы роста ВВП в мире и в странах–членах АТЭС в 2000–2008 гг., %

Темп роста экономики США относительно предыдущих периодов в 2007 году уже был меньше темпов роста экономик других ведущих стран-членов АТЭС. Это можно объяснить тем, что современный мировой финансово-экономический кризис начался именно в США в середине 2007 года. В последующие годы США приняли беспрецедентные меры, однако общая тенденция снижения роли экономики США в мире сохранилась.

Очевидно отставание в целом — в динамике и темпах развития — постсоветских стран от общемирового уровня и особенно от стран АТЭС. По всем основным показателям их можно охарактеризовать как страны, относящиеся к группе развивающихся государств. Не только лидеры на постсоветском пространстве — Россия и Казахстан, — но и тем более другие бывшие советские республики **стремительно отстают от стран АТЭС в своем развитии**. Это отставание заметно как по абсолютным показателям, так и относительным (табл. 12).

На фоне быстрого изменения в соотношении сил в мире растет понятная обеспокоенность тем, как будущие экономические и технологические лидеры поведут себя на международной арене. Так, вплоть до конца 2010 года КНР вела очень осторожную внешнюю политику на протяжении всех десятилетий реформ, однако объективное усиление Китая ведет и к росту активности в его внешней политике. Как отмечает эксперт МГИМО(У) В. Корсун, «Я не исключаю возникновения вооруженного конфликта, тем более что китайские подводные лодки были неоднократно замечены в районе Окинавы, в непосредственной близости к японским островам. Китай настораживает усиление японо-американского альянса, поэтому китайцы ведут себя довольно демонстративно и беспардонно. Идет своеобразная проекция мощи в непосредственной близости от Японии. Небольшие послабления и надежды были связаны с премьером Хатоямой, но его сменили, и опять обозначилась некая неопределенность. С одной стороны, КНР всячески подчеркивает необходимость того, чтобы Япония дистанцировалась от США. Однако на самом деле Китай заинтересован в том, чтобы США как можно дольше обеспечивали ядерный зонтик Японии»[54].

Относительно Индии у КНР также есть проблемы, существующие много лет. В. Корсун их характеризует следующим образом: «Проблема китайско-индийского разграничения носит особый характер. У Китая до сих пор нет договора о границах с Индией. Есть только условная линия контроля по границе. И это тоже используется как рычаг воздействия на Дели. Общая территория индийских претензий — 35 тысяч кв. км. Это реальная территория, которую Китай захватил в ходе конфликтов 1959–1960 годов. А Китай выдвигает претензии на 92 тысячи кв. км., считая, что граница должна проходить не по т. н. линии Макмагона (что было согласовано Сеульским соглашением 1914 года), а по реке Брахмапутре, что будет означать потерю Индией штата Аруначал-Прадеш. Между прочим, в этом штате находится около 40 % процентов разведанных в Индии запасов нефти и выращивается половина индийского чая. Это очень по-китайски: поменять то, что вам и не принадлежало, на что-то реальное — такая пакетная сделка Дэн Сяопина (отказ от всех претензий за счет Индии) — это одна из китайских стратагем. По-моему, это № 17, она звучит так: „Поменять разбитую черепицу на яшму“. Это проблема всерьез и надолго, от этого рычага воздействия китайцы отказываться не будут, особенно в условиях стремлений Индии стать ядерной державой»[55].

В это время наблюдался всплеск китайского национализма, который уже не скрывал своих международных амбиций. Как отмечает российский исследователь А. Лукин, «…этот секрет… полностью раскрылся после недавних публикаций **нескольких официальных военных аналитиков, где высказывались те же мысли**. Так, в сразу же приобретшей

большую популярность книге „Китайская мечта“ профессор Университета национальной обороны (входит в систему Минобороны КНР) старший полковник Лю Минфу считает, что **в XXI столетии Китай должен стать первой державой мира**. В противном случае усилиями США, борьба (а может быть, и война) за лидерство с которыми неизбежна, он будет отброшен на обочину мирового развития. Причина американской враждебности — не идеология, а геополитика». И «даже если Китай станет более капиталистическим, чем Соединенные Штаты, они все равно будут полны решимости его сдерживать». По мнению Лю, борьба Пекина и Вашингтона — это соревнование за мировое лидерство, и **«чтобы спасти себя, спасти мир, Китай должен готовиться стать его кормчим»**. «Если Китай не поставит себе целью превзойти по военной мощи США и Россию, то он обречет себя на судьбу третьеразрядной военной державы», — пишет Лю Минфу и призывает: «Превратите несколько мешков с деньгами в патронташи»[56].

Можно по-разному относиться к этим высказываниям. Во время моих встреч в КНР, например, я слышал от китайских дипломатов, ученых и военных заявления, что такие высказывания носят «маргинальный характер», «свидетельствуют о китайской демократии». Вместе с тем в идеологической «кузнице» КНР — Высшей партшколе — ее руководители не стали полностью дезавуировать эти высказывания, сославшись на то, что «такая точка зрения существует».

Как бы то ни было Россия должна в своей долгосрочной стратегии ориентироваться не на заявления о намерениях, а на возможное соотношение сил и возможностей. Намерения, как известно, могут быстро измениться, а возможности меняются медленно. Так, большое значение для России в ближайшие годы будет иметь азиатский энергетический рынок, который может достигнуть к 2015–2018 годам 100 млрд куб. м российского газа и стать сопоставимым с европейским[57].

Даже при более низкой цене реализации (по 200 долл. за 1 тыс. куб. м) это может составить несколько миллиардов долларов ежегодных поступлений в бюджет.

Предполагаются и другие процессы, которые объективно свидетельствуют об утрате Евросоюзом своих позиций[58]. Прежде всего в финансовой области, где «борьба за оздоровление государственных финансов», которую органы Евросоюза вели последние 15 лет после подписания Маастрихтского договора, пошла насмарку. Чтобы вернуть государственный долг на докризисный уровень, странам Европейского Союза потребуется еще 15 лет. Насколько это будет актуально в 2025 г. И как к тому времени будет выглядеть мировая экономика, сказать трудно. Нарастание госдолга опасно по нескольким причинам»[59].

— Это ведет к росту зависимости отдельных стран от «старой» Европы;
— это ведет к обострению социальной ситуации;
— это ведет к отказу от социальных программ.

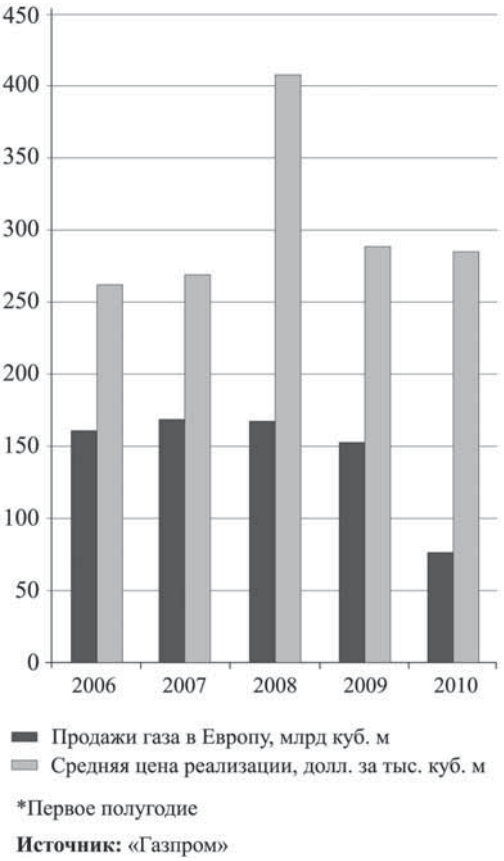


Рис. 11. Показатели поставок газа на европейских рынок в течение последних пяти лет

Но не только. В целом доля Европейского Союза в мировой экономике уменьшилась с начала века с 25 % до 21 % в 2008 году, но, главное, имеет **устойчивую тенденцию к дальнейшему снижению** (рис. 12). Не исключено, что к 2025 году страны Евросоюза будут представлять менее 15 % мировой экономики, уступая США, Китаю, Индии.

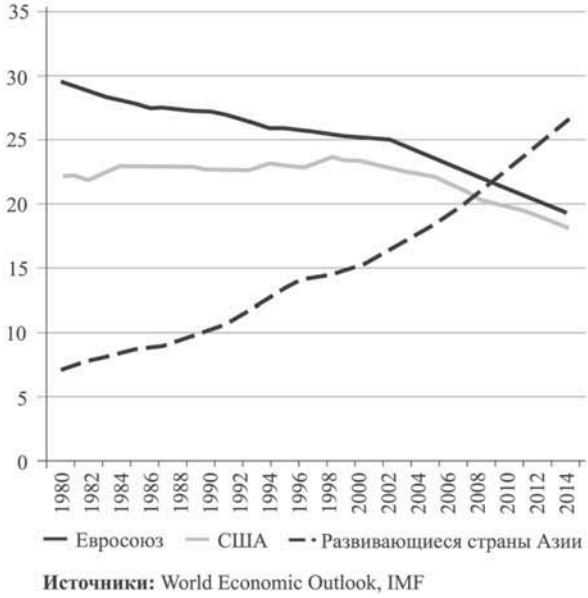


Рис. 12. Доля отдельных регионов в мировом ВВП в 1980–2014 гг. %[60]

Понятно, что в зависимости от соотношения сил будет меняться и политическая, и финансовая, и военная роль отдельных держав.

Не могут не беспокоить все страны (прежде всего быстро развивающиеся) и проблемы экономики США, которые на фоне роста экономики стран БРИК и АТЭС приобретают угрожающий характер. Кризис 2007–2010 годов, как известно, во многом был вызван именно ростом недоверия к существующей финансовой системе, контролируемой США. Которая, в свою очередь, во многом зависит от состояния экономики самих США. Так, не может не беспокоить как рост внешнего долга США так и снижение внутренних накоплений, наблюдающиеся с 80-х годов[61].

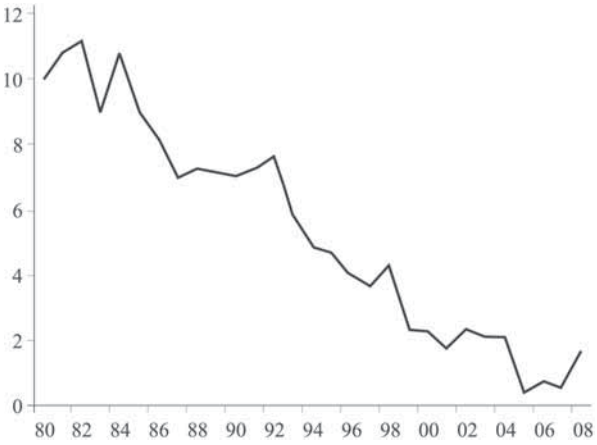


Рис. 13. Накопления в США

Эти тенденции говорят о том, что в период 2010–2020 годов произойдет **решительное изменение в соотношении сил в мире**; оно неизбежно проявится и в изменении роли отдельных держав и международных институтов. И отнюдь не в пользу США и Евросоюза. Естественно, что вслед за этим произойдет изменение и в соотношении политических и военных сил. В новый конфигурации мировых центров силы неизбежно встанет вопрос о создании **новых военно-политических союзов и коалиций** как представителей «совокупной военно-политической мощи» идеологии и близкой цивилизации.

Так, уже обращает на себя внимание массированная и активная политика Китая в организации помощи развивающимся странам, которая сопровождается усилением политического влияния КНР.

В последние несколько лет наблюдается значительный рост объемов помощи, которую оказывает КНР широкомасштабные инфраструктурные проекты, прежде всего наращивание энергетических мощностей и торговое сотрудничество. **Новыми приоритетами являются создание и поддержка институционального потенциала, а также развитие человеческих ресурсов**. В современной политике КНР по содействию развитию отдельных стран можно выделить несколько новых особенностей:

1. Увеличение объема ресурсов, направляемых на повышение институционального потенциала и развитие человеческих ресурсов. Эти изменения могут открыть путь новым возможностям создания партнерств между Китаем и международными донорами для предоставления помощи развивающимся странам.
2. Выделение большого объема ресурсов на реализацию проектов в странах Африки. В последующие пять лет Китай может стать самым крупным донором в Африке.
3. На основе опыта сотрудничества с многосторонними организациями в сфере содействия развитию в Центрально-Азиатском регионе и в регионе Большого Меконга Китай создает новые многосторонние партнерства, в том числе в рамках Программы развития ООН (ПРООН).
4. В настоящее время правительство КНР поддерживает исследования по развитию новых возможностей для создания международного партнерства, осуществляющего исследования в целях развития на основе диалога Юг — Юг в Пекине[62].

Если к тому времени не будет создана эффективная система международной безопасности или существенно улучшена существующая, в том числе и институты, которые ее обеспечивают, то новые центры силы потребуют очередного передела мира, ресурсов и сфер влияния.

Очевидно, что новые центры силы и вероятные военные коалиции будут во многом **ориентироваться на свои идеологии**. Мало иметь экономическую и даже военную мощь. Необходима идея, даже идеологическое лидерство, которые смогли бы сконцентрировать и направить ресурсы на достижение поставленной цели.

Именно поэтому необходимо, во-первых, внимательно следить не только за политическими и экономическими, но и идеологическими изменениями, которые неизбежно и динамично будут происходить в 2011–2020 годах в новых центрах силы, а, во-вторых, прилагать все усилия к тому, чтобы попытаться избежать нового противостояния военно-политических коалиций. Альтернативой такому блоковому строительству может стать новая концепция международной безопасности и идея новой архитектуры европейской безопасности.

В России все отчетливее начинают понимать необходимость долгосрочного стратегического прогноза и планирования, в т. ч. и в области безопасности. Это объясняет новый концептуальный подход России. Как сказал один из старейших представителей российской элиты бывший мэр Москвы Ю. Лужков, «Если у социализма и было системное преимущество перед капитализмом, то оно, наверное, состояло именно в системе долгосрочного планирования…»[63].

На мой взгляд, необходимо и **стратегическое планирование в области международной и европейской безопасности**. Причем с участием других государств. Мы должны уже сегодня не только

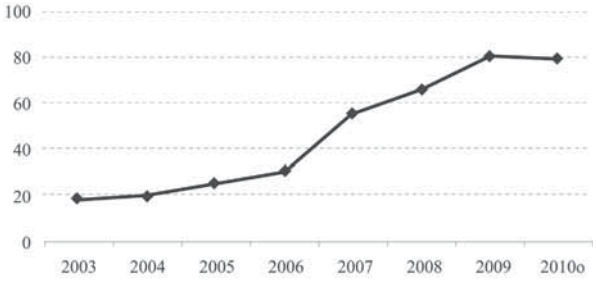
прогнозировать развитие мировой экономики, но Второй Мировой войны в Европе, на мой взгляд, показал, что старые дипломатические методы, двусторонние переговоры, секретные договоренности и ответные действия против агрессора малоэффективны[64]. И, наоборот, если бы европейские политики в 30-е годы прошлого века были более дальновидны и смогли бы договориться **о системе коллективной безопасности** (а именно к этому сегодня призывает все европейские страны Д. Медведев), то войны и десятков миллионов жертв можно было бы избежать.

Таким образом в связи с резким изменением в соотношении сил у **новой системы международной безопасности может быть несколько точек опоры**:

— **во-первых**, международное право и обязательства государств следовать его нормам, а не концентрироваться на «политической целесообразности» и исключительно «национальных интересах». Здесь следует сохранить доказавшие свою эффективность международные институты. Более того, укрепить и модернизировать их, а также, возможно, создать новые международные институты;
— **во-вторых**, необходима организация, способная объединить все европейские государства от Ванкувера до Владивостока, стать площадкой для согласования интересов всех государств и диалога для принятия совместных решений. Для Азии также необходима аналогичная международная организация. Я бы сказал нужен аналог ОБСЕ для Азии;
— **в-третьих**, общие идеологические и цивилизационные ценности, правила и нормы, учитывающие национальную специфику, но объединяющие не только европейцев, но и другие нации. И здесь огромная роль принадлежит древним цивилизациям Китая, Индии, России;
— **в-четвертых**, общее экономическое, таможенное, финансовое пространство, которое не ограничивается рамками Евросоюза, но включает в себя ведущие азиатские государства;
— **в-пятых**, общие стратегии научного, культурного и образовательного развития ведущих мировых государств. Именно эти области будут определять лицо цивилизации, экономики и общества в XXI веке.

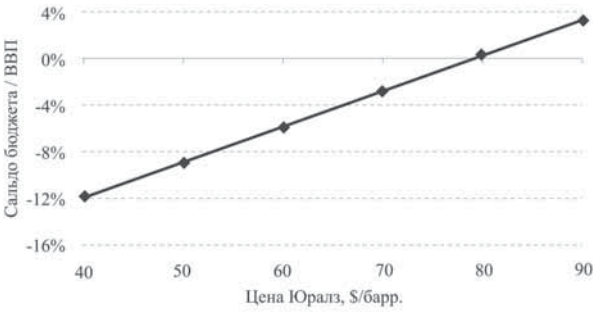
И, наконец, главное — успешная реализация планов модернизации России, которая приведет к превращению страны в мирового лидера в НЧП, прежде всего в области культуры, науки, духовности. Этот же результат станет подтверждением **идеологического лидерства России**, а также военно-технической и экономической самодостаточности, т. е. суверенитета России в мире. **Именно национальный и государственный суверенитеты, основанные на лидерстве в НЧП, останутся главными гарантами международной безопасности**.

Сегодня руководство России справедливо беспокоит превращение страны в государство, чье благополучие основывается на экспорте энергоносителей. Мировое инвестиционное сообщество считает Россию, прежде всего нефтяной державой, что сейчас, пожалуй, как никогда справедливо, принимая во внимание возросшую в последние годы зависимость федерального бюджета от цен на нефть, несмотря на значительные резервы, накопленные в нескольких государственных фондах. Если в 2005 году бюджет был бездефицитным при цене барреля в $25, то в 2009 — уже приблизительно при $80. Правительство старается избавиться от этой зависимости и уже сделало первый шаг, зафиксировав плановые расходы бюджета в 2010 году на уровне 2009 года[65].



Источник: Тройка Диалог

Рис. 14. Цена нефти, при которой бюджет России бездефицитен, $/барр.



Источник: Минфин, Тройка Диалог

Рис. 15. Зависимость бюджета от цен на нефть в 2010 году

Как видно из этих данных, Россия за последние годы стала крайне зависимой от цен на энергоносители. Это же свидетельствует о том, что ни о каком лидерстве по НЧП сегодня речь идти не может. А зна-

Рис. 16.

чит и об укреплении национальной безопасности. Это логика может быть изображена на рисунке 16.

Как видно, «стартовая позиция» начинается с формулирования задач по развитию НЧП в идеологии. Чему, собственно говоря, и были посвящены все выступления президента и премьера России в 2010 г. Особенно последующие послание президента Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 года.

Для этого необходимо учесть как сильные и слабые стороны, так и перспективы и опасности в развитии России. По мнению, например, американских ученых, они заключаются в следующем[66]:

SWOT-матрица для развития инноваций в России

Сильные стороны

— Высокий научный и образовательный потенциал, признанный в мире, наличие крупных научно-образовательных центров и большой технологический запас.
— Большой внутренний рынок.
— Значительный объём финансирования государственных инициатив в области поддержки высоких технологий.
— Географическое положение и исторические связи в центре Евразии с прямым доступом на европейские, азиатские и ближневосточные рынки.

Слабые стороны

— Недостаточно развитый спрос на инновации на внутреннем рынке.
— Слабая инфраструктура (доступ к офисным площадям, жилью, телекоммуникациям и т. д.).
— Неразвитая финансовая система (долговое финансирование, прямые и венчурные инвестиции, биржевые площадки).
— Недружественная к высокотехнологичным бизнесам налоговая и правовая система.
— Отсутствие предпринимательских традиций.
— Незнание международных рынков, плохие связи у национального бизнеса.
— Плохая репутация страны у международных инвесторов.

Перспективы развития

— Рост спроса на внутреннем и мировом рынках на продукты и услуги в сфере высоких технологий.
— Существующий разрыв между сильной российской наукой и способностью создавать на базе этой науки потенциал быстрого роста в случае внедрения процессов коммерциализации.
— Государственные инфраструктурные проекты: проект «Сколково», технопарки, особые экономические зоны и технологические кластеры.
— Пользующиеся государственной поддержкой институты развития, активно развивающие международное сотрудничество и стимулирующие местные инвестиции: Роснано, Российская венчурная компания, Росинфокоминвест.
— Растущая заинтересованность российской деловой и государственной элиты в инновационных процессах.
— Рецессия в развитых странах, сокращающая возможности трудоустройства и открывающая окно для привлечения мировых талантов в Россию.
— Расширение глобальных инвестиционных институтов и венчурного капитала, ищущих выхода на внешние рынки.
— Большая русская диаспора, особенно в США и Израиле.

Опасности

— Быстрый неконтролируемый рост издержек, в том числе расходов на заработную плату и приобретение недвижимости.
— Конкуренция с зарубежными компаниями.
— Утечка мозгов и технологий, возникновение кадрового голода.
— Коррупция и административные барьеры.
— Агрессивная и зачастую недобросовестная конкуренция со стороны крупных российских компаний.
— Непоследовательная государственная политика.

Надо сказать, что если внимательно проанализировать эти процессы, то обнаруживается, что **по всем направлениям** они развиваются. И развиваются вполне позитивно. Даже несмотря на временные трудности, вызванные кризисом или иными причинами. И эти процессы вызывают нормальное, естественное опасение у Запада.

От решения этих проблем зависит очень многое. И прежде всего, какое **место** займет Россия в будущей расстановке сил в мире. **Какое влияние** она сможет оказать на процессы мирового развития.

Это хорошо понимают в руководстве страны, связывая планы модернизации с внешнеполитической стратегией России. В конечном счете международные отношения будут формироваться наиболее сильными государствами.

Влияние международного права и международных институтов не станет самостоятельным. Как и прежде в истории, им будет позволено толковать события. Иногда не просто гибко, но и откровенно в интересах сильных государств, которые, безусловно, будут, как и прежде, пользоваться этими преимуществами.

Вот почему принципиально важно не дать монополизировать это влияние и превратить его в инструмент внешней политики отдельных государств. Это можно сделать при двух условиях:

Во-первых, когда другие государства выйдут на сопоставимый уровень развития (по душевому ВВП, ИРЧП, НЧК и т. д.).

Во-вторых, когда другие государства создадут **свою систему** обеспечения международной безопасности, противопоставят одной военно-политической коалиции — другую.

4. Будущие проблемы международной безопасности: Безопасность через развитие

… наше процветание и лидерство всё более зависят от наших возможностей обеспечить наших граждан необходимым образованием, привлекая лучший человеческий капитал[67].
Б. Обама

Реакция на внешнеполитические инициативы России говорит о том, что наш акцент **на формуле «безопасность через развитие» побудил многих партнеров по-новому взглянуть на перспективы углубления отношений с нашей страной**[68].
С. Лавров

Безопасность, национальная и международная, является прежде всего результатом, следствием национального и международного развития, а не международно-правовых договоренностей, которые в лучшем случае могут лишь фиксировать в правовой форме новое соотношение сил в мире.

В этой связи возникает острый вопрос о выборе вектора развития, формирование внешнеполитических будущих условий, в которых такое национальное развитие будет реализовано Споры о таком векторе в России ведутся с конца 80-х годов XX века, а до этого — еще со времен «западников» и «славянофилов». И, похоже, в октябре 2011 года В. Путин предложил новый вектор — евразийский, который может стать и новой моделью безопасности: «Мы предлагаем модель мощного **наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира** и при этом играть роль эффективной „связки“ между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики…»[69].

В Стратегии национальной безопасности США от 2010 года безопасность, лидерство, модернизация прямо связаны с лидерством в образовании на всех уровнях, а в целом, лидерством по НЧП. Это — предупреждение нам и нашей политике в этой области.

В ближайшие годы — произойдет резкое обострение международных отношений в борьбе за ресурсы. На мировой рынок выйдут новые гиганты — производители и потребители товаров и услуг: Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия, другие государства, которые изменят положение как на сырьевом рынке, так и станут конкурентами старых держав на рынке наукоемкой продукции.

Другая сторона проблемы — активная разработка новых источников энергоресурсов, которые в среднесрочной перспективе могут серьезно изменить ситуацию на мировом рынке. Так, бурный рост добычи

Табл. 13.

Российская Федерация

Регион: Европа и Центральная Азия
Уровень доходов: Доход выше среднего

Население: 141 800 000
Среднедушевой валовой национальный доход (в долларах США$): 9622,53

Простота в	ведении бизнеса 2010 рейтинг страны	ведении бизнеса 2009 рейтинг страны	Изменение рейтинга
Бизнес	120	118	–2
Регистрация предприятий	106	88	–18
Получение разрешений на строительство	182	182	0
Наём рабочей силы	109	104	–5
Регистрация собственности	45	49	+4
Кредитование	87	109	+22
Защита инвесторов	93	88	–5
Налогообложение	103	108	+5
Международная торговля	162	160	–2
Обеспечение исполнения контрактов	19	19	0
Ликвидация предприятий	92	92	0

Примечание: Индекс лёгкости ведения бизнеса за 2009 год был рассчитан заново с учётом методологической доработки и дополнения данными по два новым странам

сланцевого газа может охватить Китай, Канаду и Европу. Если эти страны повторят газовые успехи США, то Россия может лишиться значительного объема экспортных доходов. Как заявил главный экономист Международного энергетического агентства (МЭА) Фатих Бироль, позиции ведущих стран-экспортеров скоро будут серьезно подорваны. Отечественные эксперты считают, что «Газпрому» в новых условиях придется как минимум менять свою ценовую политику, а как максимум — сдержаннее относиться к новым и дорогостоящим трубопроводным проектам[70].

Наконец, есть, к сожалению, целая группа внутренних проблем, сдерживающих развитие России, без решения которых **нельзя говорить об обеспечении национальной безопасности**, а, значит, и международной безопасности. Речь идет о конкурентоспособности России в экономике. В частности, в создании условий для развития бизнеса. Об этом много говорят вот уже более 20 лет, но в реальности ситуация ежегодно ухудшается практически по всем направлениям, где Россия занимает при международных сопоставлениях одно из последних мест в мире. Например, в исследовании Всемирного банка «Ведение бизнеса 2010»[71] (табл. 13).

Критическое значение для обеспечения международной безопасности России имеет развитие национального человеческого капитала (НЧК), чья роль в XXI веке стала по своему значению не меньшей, чем роль военной силы на предыдущем этапе развития человечества. Место страны в мире, ее роль в между-

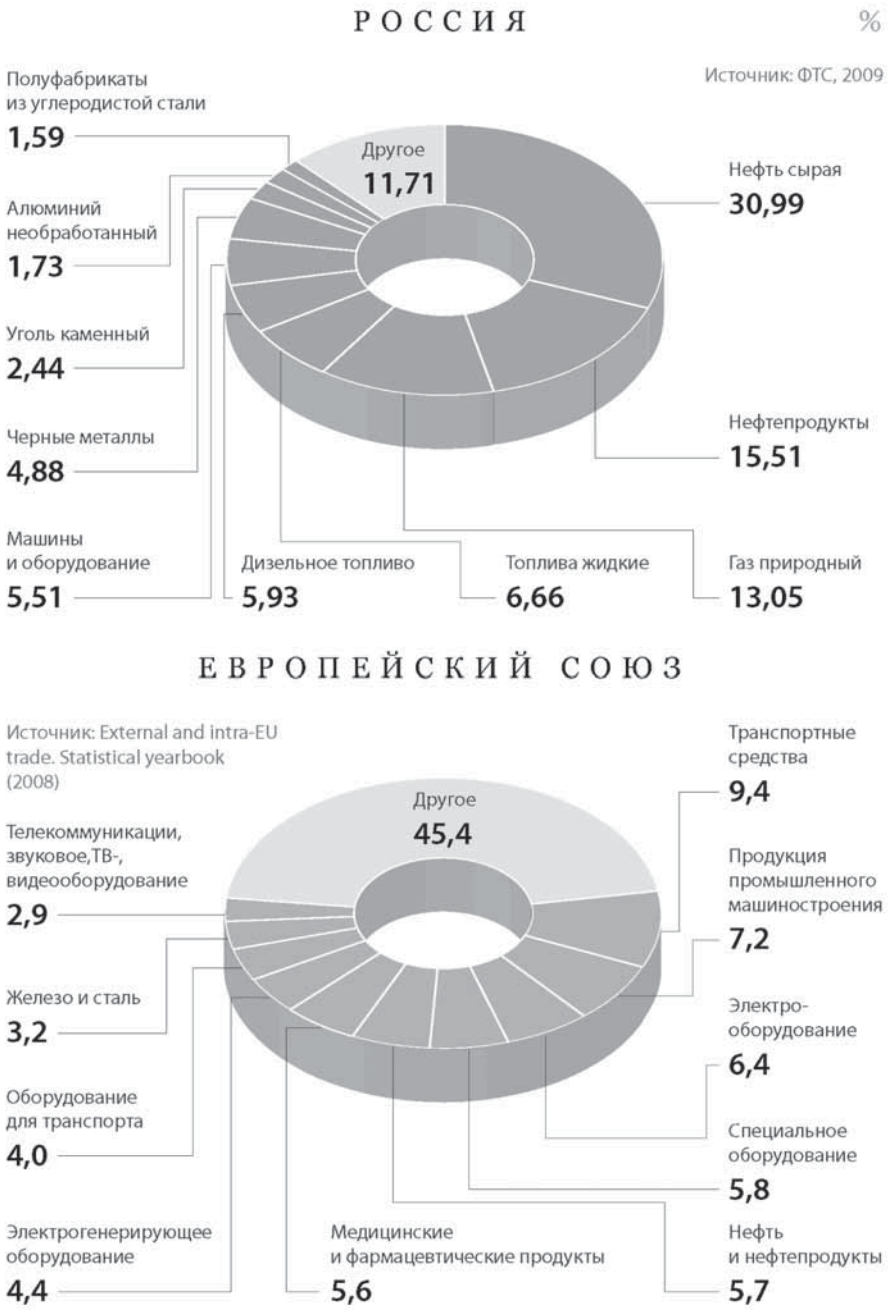


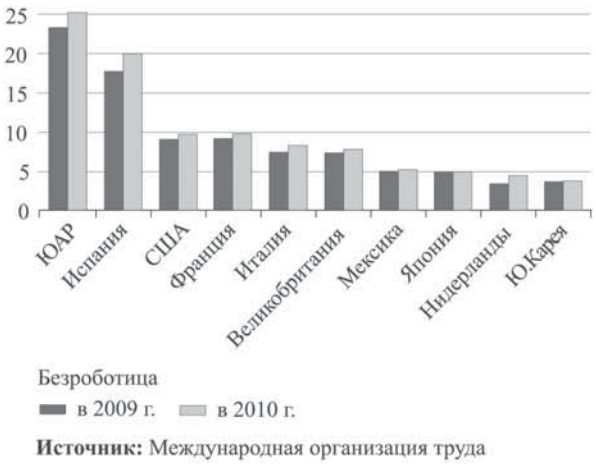
Рис. 18. Основные статьи экспорта России и ЕС[77]

народных отношениях сегодня определяется прежде всего её местом в развитии человеческого капитала. Вот почему любые изменения (в социальной структуре, финансировании, научно-образовательной области и т. д.) имеют принципиальное значение для международных позиций России и ее внешней политики. К сожалению, выводы в России делаются медленно, а решения, как всегда, — запоздалые. Уже после кризиса 2008–2010 годов принимаемые властью решения не выглядят адекватными. Так, контролируя в госсекторе более 50 % экономики, правительство вновь акцентирует внимание на развитии старых отраслей, а не НЧК. О чем свидетельствует, например, расширение в 2011 году списка госпрограмм за счет программ «Воспроизводство и использование природных ресурсов», «Обеспечение общественного порядка» и т. п.[72].

На фоне общих для ведущих государств проблем, таких, например, как бюджетный дефицит, инфляция, внешняя задолженность, безработица, остро стоит проблема сохранения международной безопасности **совместными усилиями** заинтересованных государств. Стремление отдельных государств обеспечить национальные интересы за счет других стран могут привести к росту социальной напряженности и, как следствие, внутриполитической дестабилизации, что наглядно проявилось в 2010–2011 годах в Греции, Франции, Италии, Испании. О чем в июле 2011 года публично заявил З. Бжезинский.

В условиях кризиса страны G20 не справились с безработицей[73].

Число безработных в мире сегодня достигло 210 млн человек, сообщила Международная организация труда (МОТ) в специальном отчете, подготовленном к встрече G20 в Сеуле. В странах «большой двадцатки» уровень безработицы колеблется от 5 до 25 %. В этом году рост безработицы отмечен в десяти странах G20, в том числе пяти странах G7. В МОТ подсчитали, что для сохранения нынешнего уровня занятости в мире необходимо ежегодно создавать 44 млн новых рабочих мест, из которых 21 млн должен приходиться на страны G20.



Источник: Международная организация труда

Рис. 17. Страны G20, в которых отмечается рост безработицы, %

Другой аспект — стремительное изменение социальной структуры в обществе, характерное для стран с быстро развивающейся экономикой. Прежде всего — Индии, Китая, Бразилии. Отчасти это справедливо и для России, где «…одним из основных итогов десятилетия стало заметное изменение социально-имущественной структуры российского общества. Судя по данным Левада-центра, самооценки своего материального положения в обществе заметно растут. Е сли в 2000 году основной, наиболее заметной имущественной группой были те, кто говорил, что «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» (их было 42 %), то сегодня наиболее многочисленной группой стали отвечавшие: «денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой» — 48 %. Первая группа за это время сократилась до 27 %, вторая выросла с 28 % — они поменялись местами.

Нижняя группа самых бедных, тех, кто «едва сводит концы с концами», сократилась с 23 % до 9 %, а тех, кто «может без труда приобретать вещи длительного пользования», выросла с 7 % до 16 %.

Без изменений осталась лишь доля самых состоятельных, кто «может позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, дачу и многое другое» — менее 1 %.

В стране сегодня сложилось две социальные группы: обеспеченные продуктами и одеждой — их всего две трети — 65 %, и те, кто не может покупать себе вещи длительного пользования — 84 %. Десять лет назад первых было 36 %, вторых — 92–93 %. Тогда можно было выделить: тех, кому хватало денег на продукты — 77–78 %, и тех, кому не хватало на одежду — 65 %.

Во время и после кризиса 2008–2010 годов ситуация в России существенно ухудшалась. Реальные доходы населения падали, особенно из-за роста цен на продовольственные товары (почти в два раза за 2008–2011 годы) и услуги ЖКХ. Снижался и уровень жизни для абсолютного большинства граждан, хотя статистика показывала номинальный рост зарплат. «Фокус» прост: в России средняя зарплата высчитывается из сложения доходов 5 % богатейших и 95 % беднейших слоев населения[74].

Очевидно, что в России 2010–2011 годов назревал национальный и социальный кризис, который, конечно, власть не могла не видеть, но делала вид, что все хорошо. Чему находились в очередной раз макроэкономические обоснования — рост ВВП, снижение бюджетного дефицита и т. д., ставшие заметными по итогам первого полугодия 2011 года.

Точкой перелома здесь можно считать 2006–2007 годы — именно тогда те, кто не мог покупать одежду, оказались в меньшинстве — 48 % и 43 %. В этот же момент резко сократилась доля бедных на фоне роста доли более состоятельных. В известной мере это можно отнести к результатам осуществлен-

ного властью так называемого «левого поворота» осени 2005 года[75].

Таким образом, во всех странах — от Китая, Индии, Бразилии и России до стран Евросоюза — наметились серьезные, даже радикальные, изменения, которые, безусловно, скажутся на международных отношениях. «Социализация» международных отношений неизбежно сформулирует новые приоритеты, даже новую повестку дня в отношениях между государствами в XXI веке. В центре новой повестки дня будет человек, обеспечение условий для его развития.

Будущая система международных отношений будет определяться прежде всего степенью сотрудничества между государствами в области развития потенциала человека, точнее — национальных человеческих капиталов (НЧК). Там, где это сотрудничество обеспечит развитие, следует ожидать наиболее быстрого развития двусторонних и многосторонних отношений.

И наоборот. Там, где развитие будет проходить за счет других государств, т. е. сдерживать потенциал развития НЧК, эти отношения будут свертываться, переноситься в область конфронтации.

У России есть свои спасения относительно намерений других государств[76]. Прежде всего в отношении постсоветского пространства. Так, наибольшее недоверие со стороны Москвы может вызывать цель создания сети зон свободной торговли (ЗСТ) между Европейским Союзом и странами-партнерами, провозглашенная в платформе «Экономическая интеграция и конвергенция с политиками ЕС». В принципе, согласно многосторонней системе требований в рамках договоренностей ГАТТ/ВТО, переход к свободной торговле должен, — как считает И. Болгова, — стимулировать торговлю между данными странами и **не создавать дополнительных барьеров для третьих стран**. Региональные соглашения призваны **дополнять принципы формирования многосторонней торговой системы в рамках ВТО, а не противопоставляться ей**. Такие соглашения члены ВТО должны заключать лишь с другими странами-членами, тогда как со странами-нечленами — лишь в порядке исключения, хотя на практике соблюдение этого требования неоднозначно.

Таким образом, просматривается избирательный интерес ЕС к странам на постсоветском пространстве.

Место Белоруссии в этом процессе пока не определено. Существуют дополнительные трудности, связанные с вступлением страны в ВТО, отсутствие четкого перечня отраслей, которые могут быть подвергнуты либерализации торгового обмена. Между тем у России в целом есть основания для опасений, исходя из опыта таможенного союза с Белоруссией. Как признает российский эксперт из ВШЭ А. Суздальцев, «…таможенная зона в рамках Союзного государства России и Белоруссии продемонстрировала свою неэффективность. Структура зоны и ее договорная база способствовали односторонней выгоде белорусской стороны, что в итоге привело к остановке экономической интеграции между Минском и Москвой»[78].

В долгосрочном плане Евросоюз намеревается создать «Экономическое сообщество соседства» («Neighbourhood Economic Community»), которое должно обеспечить условия для участия постсоветских стран в едином европейском рынке.

Адаптация государствами-партнерами европейских норм и стандартов заложена в основание и другой тематической платформы «Энергетическая безопасность», задачами которой являются развитие транспортной инфраструктуры и диверсификация поставок энергоносителей. Реализация этой платформы осложняется в первую очередь тем, что единый энергетический рынок ЕС находится только на стадии становления, и перспективы его развития зависят от исхода внутриевропейской борьбы в сфере либерализации рынков газа и электричества в ЕС.

В энергетической платформе «Восточного партнерства» заложен ряд противоречий на двустороннем уровне. Так, Европейский Союз напрямую увязывает заключение с Арменией «Меморандума о взаимопонимании по энергетическим вопросам» с закрытием Медзаморской АЭС. При этом от Украины в обмен на подписание такого же «Меморандума» не требуется закрыть атомные электростанции, хотя там стоят реакторы того же типа, что и на Армянской АЭС[79]. В качестве причины для закрытия Медзаморской АЭС европейские эксперты приводят сейсмическую опасность региона. Критики позиции ЕС в этом вопросе указывают на тот факт, что Спитакское землетрясение 1988 г. станция пережила с достаточным запасом прочности; кроме того, не ясно, где Армения возьмёт до 40 % электроэнергии, которую обеспечивает нынешняя АЭС, если она будет закрыта.

Как написал известный российский эксперт, профессор МГИМО(У) И. Томберг, «В Копенгагене в апреле 2010 года Д. Медведев напомнил о российской инициативе по совершенствованию международной правовой базы энергетического сотрудничества, включая новую версию Энергетической хартии»[80]. Эта инициатива имеет под собой самое серьезное основание. Энергетика сегодня стала не только объектом политики, но и предметом серьезных спекуляций, которые во многом определяют состояние экономики, фондовых и валютных рынков. Россия, может быть, больше, чем любая другая страна заинтересована в стабильности и защищенности этого рынка надежными международно-правовыми механизмами. Как подчеркивалось ведущими энергетиками мира весной 2010 года, «Мы глубоко озабочены тем, что мировой энергетический рынок сегодня не защищён от спекулятивности, нестабильности и системных рисков, способных нанести серьёзный ущерб мировому экономическому

развитию. Развитие мировой энергетики по-прежнему сдерживается **геополитическим соперничеством и политическими противоречиями глобального масштаба**. Эти противоречия не могут быть устранены ни отдельными странами, ни в рамках двухсторонних отношений»[81].

К числу таких глубоких противоречий, непреодолимых без высокой степени международного сотрудничества, следует отнести прежде всего экологические проблемы. России, безусловно, придется самостоятельно решать многие из них. Так, очевидно, что экономическое развитие в стране по экстенсивному сценарию ведет к росту экологической нагрузки. Даже в период кризиса 2008–2010 годов, когда было заметное падение промпроизводства, эта нагрузка не уменьшалась[82].

Как видно из рис. 19, реальные темпы роста ВВП России в 2009 году были таким же, как в 1998 г., а экологический ущерб — значительно выше. Эта ситуация отнюдь не только внутрироссийская, но неизбежно станет и предметом международных обсуждений и, возможно, конфликтов.

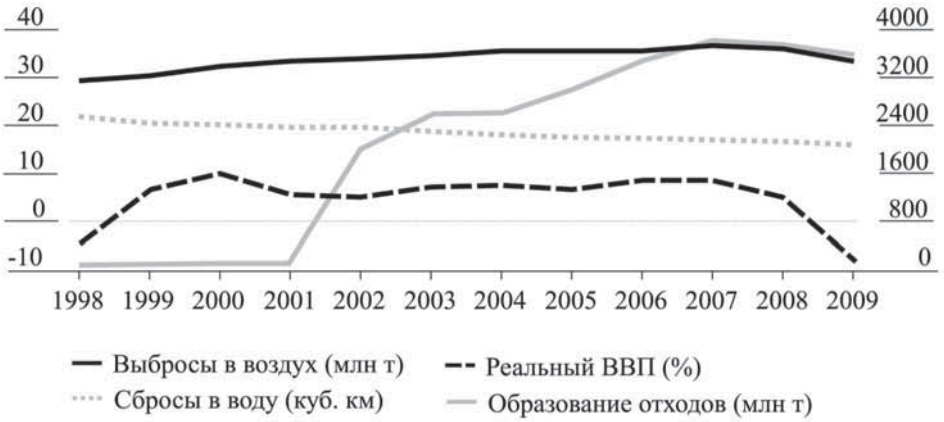
Особенно явно зависимость России от состояния мирового энергетического рынка проявилась в период кризиса 2008–2010 годов, когда цена на углеводороды во многом, определяла доходы российского бюджета. Подсчитано, что увеличение стоимости барреля нефти на один доллар дает приблизительно увеличение дохода российской казне на 1 млрд долл. в год. Но волатильность такова, что, например, весной 2010 года цена на баррель менялась в течение одной–двух недель на 15–20 долл. Причем факторы, влияющие на цену, могут быть самые неожиданные — от активизации вулкана и аварии на нефтяной платформе до информации рейтинговых агентств о состоянии бюджета Португалии.

Вопросы энергетической политики прямо связаны с проблемами международной и европейской безопасности, более того, являются их **следствием**. Дело в том, что страны-импортеры и страны-экспортеры взаимодействуют сегодня в рамках биполярной модели, нацелены на достижение **разных**, а, порой, прямо **противоположных стратегических целей**. Поэтому вопрос принципиальной важности заключается в достижение **политического, стратегического компромисса и баланса интересов**, следствием которого стало бы уже обеспечение энергетической безопасности, включая главные проблемы: транзит, ценообразование, инвестирование.

20 апреля 2009 г., во время своего визита в Финляндию, президент России поднял вопрос о необходимости радикального совершенствования правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами. Речь шла о том, чтобы совместно с «восьмеркой», «двадцаткой», Евросоюзом, СНГ, ШОС и другими международными и региональными организациями выработать **универсальный, юридически обязывающий документ**. При этом Россия призвала к тому, чтобы участниками договоренности стали как все основные страны-производители, так и страны — транзитеры и потребители энергоресурсов.

Именно об этом российское руководство говорит начиная с саммита «Большой восьмерки» 2006 года. И этой же проблеме посвящен «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики», который претендует на то, чтобы заменить «Энергетическую хартию» или войти в нее составной частью.

Напомню, что Договор к этой Хартии Россия так и не ратифицировала, не желая допустить ущемления своих интересов, т. е. Хартия не соответствует национальным интересам России. И прежде всего потому, что ключевые проблемы энергобезопасности — транзит, ценообразование, международное регулирование, инвестиции, т. е. все то, что затрагивает интересы производителей, остается вне ее ответственности. Таким образом, в области энергетики наблюдается то же, что и в области безопасности — изменение реалий не затронуло существующих механизмов, более того, делает сотрудничество и взаимодействие неравноправным. Как и в случае с проблемой европейской бе-



Источник: Минприроды, Росстат

Рис. 19. Динамика нагрузки на окружающую среду и экономический рост

зопасности, необходим фактически тот же комплекс мер и те же принципы: совместных действий, международного права, диалога всех заинтересованных сторон (в случае с энергобезопасностью, — экспортеров, транзитеров, импортеров). Соответственно, как и в случае с евробезопасностью, нужен и **новый механизм сотрудничества**, учитывающий интересы всех сторон и преобладание норм международного права. Суть новой концепции: распространить ответственность за «глобальную энергетическую безопасность» как на поставщиков, так и на потребителей и транзитеров энергоресурсов. Вытекающее отсюда требование к Европе: в обмен на безопасные поставки газа, во-первых, обеспечить безопасность спроса, под которой понимается прозрачный и предсказуемый сбыт, а во-вторых, открыть и гарантировать недискриминационный доступ к международным энергетическим рынкам[83].

Так же как и в области европейской безопасности, не удалось продвинуть российский «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики» как альтернативу Энергетической хартии. Это значит, что на европейском углеводородном рынке отсутствуют единые правила игры, которые бы устраивали и производителя, и потребителя, и транзитера. Другими словами, Россия предлагает выработать единые юридические правила игры, но большая Европа эти предложения фактически игнорирует.

Как и в случае с европейской безопасностью, Россия в области энергобезопасности прямо заинтересована в предсказуемых и долгосрочных отношениях с европейскими государствами. И понятно почему: сегодня рынок цен на нефть и газ в основном формирует потребитель, т. е. европейские государства. Но Россия уже инвестирует огромные средства в строительство новых и модернизацию старых трубопроводов. Вопрос в том, не напрасны ли эти инвестиции? Окупятся ли они. Ответить на него можно только в случае обладания долгосрочными (стратегическими) контрактами и эффективными международными механизмами их обеспечения.

«К сожалению, — отмечает И. Томберг, — стремление российского руководства создать прочную юридическую международную базу энергетической стратегии страны **не находят поддержки не только в западных СМИ, но и в российских и даже в экспертном сообществе**. Без широкой поддержки, разъяснительной работы, пропаганды, наконец, российских предложений проблема так и будет озвучиваться лишь высшим руководством без особого отклика в стране и за рубежом»[84]. Очевидна прямая аналогия с усилиями России в области евробезопасности последних лет.

Подытоживая, можно сослаться на формулировку А. Торкунова: «Внешнеполитический курс РФ далек от идеалистических представлений. В частности, он свободен от иллюзий относительно подлинного характера отношений с Западом, в которых сотрудничество в одних областях — там, где интересы совпадают, — сочетается с соперничеством и конкуренцией. Последняя, впрочем, типична далеко не только для отношений России и ее западных партнеров. Взаимоотношения на мировой арене в целом характеризуются острой конкуренцией за рынки, инвестиции, экономическое и политическое влияние. В итоге, место России в мировой системе определяется и будет определяться ее способностью преодолеть нынешнюю слабость, модернизировать общество, политическую систему, экономику и вооруженные силы»[85].

Что же должна делать внешняя политика в этих условиях? Каковы ее приоритеты? На мой взгляд, ответ очевиден: во-первых, содействовать укреплению позиций России в социально-экономической и научно-технической областях, т. е. формировать условия для опережающего развития, а, во-вторых, развивать международное сотрудничество по всем азимутам, укрепляя российские позиции в мире везде, где это возможно. Собственно эта идея «модернизации внешней политики Д. Медведевым» и стала очевидной в 2010 году.

Причем «укрепление позиций» следует рассматривать не только в экономическом смысле (что находит свое понимание в элите), но, прежде всего, **в социальном плане — как поддержку собственным народом** курса модернизации. Такая социальная составляющая сегодня — самая приоритетная. Она и должна стать лейтмотивом модернизации. Так, безработица и низкий уровень доходов не только сокращает внутренний рынок и сдерживает рост ВВП и производительности труда, но и **лишает правящую элиту политической поддержки большинства граждан**. По опросу ВЦИОМ, например, только 34 % граждан чувствуют себя уверенно на рынке труда даже в условиях, когда их зарплаты заведомо отстают от темпов инфляции 2008–2010 годов[86].

Рис. 20.

Примечательно и другой аспект этого явления. Эксперты из Гарварда провели исследование

«Регулирование и недоверие» (http://www.economics.harvard.edu/faculty/shleifer/files/distrust_qje2.pdf), из которого следует следующий вывод: чем ниже в стране качество госуправления, тем больше граждан ратует за повышение роли государства в экономике[87]. И во внешней политике. Что нуждается в соответствующей стратегии.

Эту стратегию ректор МГИМО(У) А. Торкунов описал следующим образом: «В свете этого внешняя политика России должна быть нацелена на содействие решению общенациональных задач. К их числу относятся повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, дальнейшая интеграция России в мировую хозяйственную систему. В качестве приоритетов внешней политики названы защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках»[88].

Это, казалось бы, абстрактное утверждение имеет множество конкретных измерений: финансовых, экономических, социальных и др., которые вполне определенной коррелируют друг с другом. Так, положительную динамику в модернизации страны можно вполне сопоставить с повышением ее кредитного рейтинга, которое очень образно сделало ведущее рейтинговое агентство «Standard&Poor's». Россия, по оценке этого агентства, с 2000 по 2006 год прошла следующий путь:

Табл. 14. Повышение рейтинга России агентством Standard&Poor's[89]

4 сентября 2006 г.	BBB+
15 декабря 2005 г.	BBB
31 января 2005 г.	BBB–
27 января 2004 г.	BB+
5 декабря 2002 г.	BB
26 июля 2002 г.	BB–
19 декабря 2001 г.	B+
28 июня 2001 г.	B
8 декабря 2000 г.	B–

Вместе с тем ей предстоит пройти еще **7 этапов** (от A до AAA), обгоняя последовательно другие страны, вплоть до последнего, седьмого этапа. Причем на фоне, когда экономическая политика в мире и в России не вызывает оптимизма: Багамы, Израиль (1-й этап), Китай, Литву, Словению (2-й этап), Исландию, Италию (4-й этап), Бельгию (6-й этап) и, наконец, группу лидеров — Сингапур, Швейцарию, США и др. страны (7-й этап), имеющих высший кредитный рейтинг AAA.

Для этого прежде всего должен быть составлен **поэтапный план опережающего развития**, в основе которого находятся критерии, определяющие НЧК, — образование, доходы, здравоохранение, наука, духовность, др. — при том понимании, что **лидерство в НЧК тождественно безопасности нации и государства**, причем не только военной, но всеобщей, включающей экономическую, социальную, информационную, экологическую, продовольственную и др. области безопасности.

Рис. 21.

Собственно военная, а тем более военно-техническая составляющая, национальной безопасности в XXI веке становится всего лишь одним из компонентов национальной безопасности, причем не самым важным. Финансовая, социальная, человеческая составляющие национальной безопасности становятся важнее фактора военной силы, который до XXI века играл решающую роль. Да и сама военная сила становится во многом производной от качества НЧК.

И такая позиция отражает настроение большинства российской элиты, которая **не хочет** слишком активной внешней политики, особенно сопряженной с экономическими затратами. Элита желает, чтобы с ней считались в мире, не игнорировали открыто ее интересы, не заявляли публично о недостатках. Не более того. Других амбиций сегодня нет. И так все понимают, что основная внешнеполитическая проблема России — это сама Россия, эффективность ее власти, элиты.

Отсюда во многом и стремление расширить круг внешнеполитических партнеров России. Вплоть до непопулярных режимов в Латинской Америке. Как справедливо отметил А. Торкунов, «К ключевым элементам внешнеполитической линии относится положение о многовекторном характере российской внешней политики. По сути дела, речь идет о том, что Россия должна выстраивать конструктивные отношения со всеми теми государствами, которые представляют для России интерес, решая в каждом конкретном случае конкретные важные для России проблемы. Ключевыми элементами внешнеполитической стратегии России стали прагматическое восприятие внешнего мира и национальных интересов страны с точки зрения ее безопасности; адекватное представление о необходимости коренного пересмотра архитектуры международной безопасности; геоэкономическая ориентация и замена „однополярной“ стратегии многовекторной. Актуальной задачей сегодня является полное претворение в жизнь обновленных стратегических установок с тем, чтобы в максимальной мере использовать открывающиеся

международно-правовые возможности в интересах России»[90].

Эта позиция России объективно уменьшает ее слишком большую зависимость от Европы — и как политического, и как экономического партнера. «Разные векторы» позволяют не только диверсифицировать экспорт и импорт, но и продемонстрировать европейским странам глобальный характер внешнеполитических интересов российской элиты, которая не собирается ставить себя в зависимость от позиции и настроений Европы.

Отдельно следует сказать о необходимости укрепления существующих международных институтов безопасности, прежде всего ООН, и создании новых институтов, либо модернизации прежних, таких, например, как ОБСЕ. Как справедливо заметил Д. Медведев на саммите этой международной организации в Астане 1 декабря 2010 года, «ОБСЕ стала терять свой потенциал и нуждается в модернизации…. Россия последовательно выступает за то, чтобы вдохнуть новую жизнь в принципы Хельсинки, воплощая их на практике. Для этого нужно модернизировать ОБСЕ, стиль и формы ее деятельности, — сказал президент России. — Убежден, что производство все новых обязательств и инструментов для их решения себя исчерпало, но нужна более четкая правовая база и универсальные правила использования ресурсов организации»[91].

Медведев напомнил о том, что Россия в соавторстве с партнерами представила проект устава ОБСЕ с предложениями по упорядочению работы ее структур, и о том, что при создании организации государства-участники смогли подняться над существовавшими тогда идеологическими разногласиями и прийти к консенсусу. «Сегодня нет никаких идеологических барьеров, нет военного противостояния, мы можем и должны объединиться для решения проблем», — считает Медведев.

Также Д. Медведев заявил, что ОБСЕ необходимы единые принципы урегулирования конфликтов на пространстве организации. По его словам, среди таких принципов — неприменение силы, достижение согласия самими сторонами, уважение согласованных переговорных и миротворческих форматов, обеспечение прав гражданского населения, оказавшегося в зоне конфликта. «Может быть, самым важным является разработка единых принципов урегулирования конфликтов, и придерживаться их нужно во всех кризисных ситуациях, а не в каких-то избирательных случаях», — сказал президент России[92].

Укрепляя ООН, Россия сохраняет международную структуру безопасности, которая, пусть с известными издержками, обеспечивала мир более 65 лет. Сегодня, на мой взгляд, стоит задача **усиления** этой структуры, в т. ч. и через выдвижение его глобальной концепции безопасности в послекризисном мире. Для этого есть необходимый опыт, наработанный ООН за последние десятилетия.

Международные стратегии развития ООН

1960	провозглашение первого десятилетия развития и принятие Международной стратегии развития
1970	провозглашение второго десятилетия развития и принятие второй Международной стратегии развития
1980	провозглашение третьего десятилетия развития и принятие очередной Международной стратегии развития
1990	провозглашение четвертого десятилетия развития и принятие Международной стратегии развития на период до 2000 г.
1994	публикация и распространение доклада Генерального секретаря ООН «Повестка дня для развития»
1995	проведение Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам развития
1997	принятие Повестки дня для развития ООН
2000	проведение Саммита тысячелетия ООН, принятие Декларации Тысячелетия ООН и Целей развития тысячелетия
2002	проведение Международной конференции по финансированию развития и принятие Монтеррейского консенсуса
2005	проведение Всемирной встречи на высшем уровне ООН

Надо сказать, что для этого у российской элиты есть определенные основания. И прежде всего объективное ослабление позиций европейских стран в мире, экономика которых постепенно уступает первенство не только Японии, но и Индии и Китаю. Огромные перспективы развития взаимоотношений у России и со странами Юго-Восточной Азии. Здесь у нее есть большие геополитические и транспортные преимущества наряду европейскими странами.

На мой взгляд, эти обстоятельства следует учитывать в европейских столицах, где необходимо радикально пересмотреть политику по отношению к России и совместимости российско-европейским проблема. В силу процессов, которые в ближайшие два десятилетия изменят геополитическую картину мира, объективные тенденции сближения Восточной и Западной Европы неизбежно станут общепризнанными, даже неизбежным. И чем раньше правительства стран Евросоюза это поймут, тем это будет лучше и выгоднее для всех стран Европы. Всех без исключения. Поэтому необходимо отказаться от практики выдвижения разного рода условий. Таких, например, которые сопутствуют отказу от отмены визовых ограничений. При этом, продолжая свои инициативы (как, например, на саммите в Астане 1 декабря 2010 года[93], России не следует идти на политические уступки.

Пока же в европейской элите господствуют настроения, которые бывший премьер-министр Австралии Пол Китинг назвал «губительным высокомерием Запада»[94]. И это высокомерие мешает лидерам Евросоюза понять, что мир стремительно меняется

и наряду с США, Евросоюзом и Японией на мировую арену выходят новые глобальные игроки и даже региональные лидеры. Как справедливо отметил американский исследователь И. Валлерстайн, «Мы имеем дело еще не с полной анархией, но с массовым геополитическим беспорядком…»[95]. И у Европы, и у России в этом геополитическом беспорядке гораздо больше совпадающих интересов безопасности, чем противоречий.

Идея «Безопасности через развитие» была конкретизирована президентом Д. Медведевым в ежегодном президентском послании 30 ноября 2010 года Федеральному Собранию России, в части, касающейся внешней политики России. По сути это — прагматическая внешнеполитическая программа, которая сводится к следующим направлениям. Приведу максимально полно этот текст[96]:

(«Пятое») «Нам необходимо наращивать экономическую дипломатию, прямо соотнося её результаты с практической отдачей для модернизации, прежде всего для модернизации. Внешняя политика должна выражаться сейчас не только в ракетах, но и в конкретных и понятных нашим гражданам достижениях: в создании на территории России совместных предприятий и появлении качественных недорогих товаров, в увеличении числа современных рабочих мест и упрощении визового режима.

Я отмечу, что такой прагматичный подход находит понимание у наших зарубежных партнёров, они готовы делиться и своим опытом инновационного развития. Я считаю, что нам нужно адресно работать и с теми странами, и с теми компаниями, которые к этому готовы. Благодаря такой взаимной заинтересованности у нас уже складываются, по сути, модернизационные партнёрства, скажем, с Германией и Францией. Большой потенциал в наращивании инновационной составляющей сотрудничества с Китаем, Индией, Бразилией, Республикой Корея, Сингапуром, Японией, Канадой, Италией, Финляндией, Украиной, Казахстаном, некоторыми другими странами. Эти партнёрства будут ориентированы на пять приоритетов технологической модернизации России.

Существенный резерв в достижении этих целей я вижу в расширении сотрудничества с Европейским Союзом и Соединёнными Штатами Америки. Механизмы российско-американского партнёрства нужно использовать для налаживания полномасштабного экономического сотрудничества, улучшения инвестиционного климата и взаимодействия в сфере высоких технологий.

Соглашение между Россией и Евросоюзом „Партнёрство для модернизации“, мы эту идею сформулировали как раз ровно год назад, должно работать по следующим трём направлениям. Во-первых, это взаимный обмен технологиями, гармонизация технических норм и регламентов, практическое содействие Евросоюза во вступлении России в ВТО.

Во-вторых, это упрощение визового режима с близкой перспективой его полной отмены.

И, в-третьих, это значительное расширение профессиональных и академических обменов. Именно в этом ключе на следующей неделе я и буду вести разговор с нашими партнёрами в Брюсселе на саммите Россия — Евросоюз.

Шестое. Крайне актуальна задача региональной интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Надо активнее использовать потенциал российского участия в форуме АТЭС, на других форумах, они недавно как раз прошли. Расширение связей с государствами региона приобретает для нас стратегический характер. Это, кстати, хорошо видно на примере наших отношений с Китаем. Беспрецедентно высокий уровень двустороннего сотрудничества проецируется и на наше партнёрство на международной арене и в свою очередь отражается на росте авторитета и влияния таких объединений, как БРИК и ШОС. Серьёзный резерв мы имеем и в развитии долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества со странами Латинской Америки и Африки.

Седьмое. Особым и приоритетным направлением нашей внешней политики, конечно, остаётся пространство СНГ и действующие на нём структуры — ЕврАзЭС, ОДКБ. Мы уже сформировали Таможенный союз и создаём Единое экономическое пространство в рамках ЕврАзЭС. апробируем при этом современные интеграционные схемы и концепции эффективной экономической кооперации. В конечном счёте мы должны действовать в направлении формирования единого экономического пространства — от Арктики до Тихого океана, на всей территории Евразии.

Восьмое. Россия, опираясь на свой уникальный опыт, технические и кадровые ресурсы, может стать инициатором глобальной и трансъевропейской системы борьбы с чрезвычайными ситуациями. Около полугода назад, на саммите „большой двадцатки“, я выдвинул инициативу по объединению усилий в целях сохранения морской среды от разливов нефти. Теперь нужно вплотную подойти к нашей основной задаче — обмену наилучшими практиками в этой сфере и предотвращению или ликвидации последствий разливов нефти.

И последнее из международных вопросов. Следует энергичнее налаживать международное взаимодействие в борьбе с пиратством. Мы выдвинули инициативу о создании международного механизма для суда над пиратами. Считаем, что это поможет решить вопрос привлечения пиратов к уголовной ответственности, ведь одним из ключевых побудительных факторов пиратства всё ещё остаётся самый главный — безнаказанность пиратов.

Я жду от внешнеполитического ведомства конкретных результатов работы на всех этих направлениях».

[1] *Грэм Т.* Взгляд поверх геополитических баталий // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 169.

[2] *Кругман П.* «Эксперты» кругом ошиблись // Независимая газета. 2011. 4 октября. С. 5.

[3] *Полюхович А.* Рупия раздора // Известия. 2011. 24 ноября. С. 1.

[4] *Шайхутдинов М.* Е. Запоздалый полет совы // Россия в глобальной политике. 2011. 20 октября. Т. 9. № 5. С. 84.

[5] *Чимирис Е. С.* Перспективы взаимоотношений России и США: отголоски «холодной войны» или «перезагрузка» // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 43.

[6] В. И. Вернадский о науке. Т. 1. Научное знание, научное творчество, научная мысль. М.: РАН. Феникс, 1997. С. 131.

[7] *Бердяев Н.* Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 464.

[8] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известие. 2011. 4 октября. С. 1–2.

[9] Цит. по: *Латухина К.* Другой родины нет // Российская газета. 2011. 20 июля. С. 3.

[10] *Назарбаев Н.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 октября. С. 5.

[11] Антикризисные программы стран-членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации // Внешэкономбанк. 2009. С. 2.

[12] **Парадигма** — *зд.* наиболее общий способ видения мира, который предопределяет приемлемость тех или иных норм, принципов и критериев.

[13] **Модель** — *зд.* изображение, некоторый материальный или мысленно представляемый объект или явление, замещающий упрощением оригинальный объект или явление.

[14] *Капица С. П.* Об ускорении исторического времени. В кн.: История и математика / отв. ред. А. Е. Гринин и др. М. 2006. С. 15.

[15] *Белянинов К.* Конгресс перезагружает «перезагрузку» // Коммерсант. 2010. 11 ноября. С. 8.

[16] *Билан В.* Европа: откат к национализму? / http://www.stoletie.ru. 05/04/2010.

[17] Антикризисные программы зарубежных стран и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешэкономбанк, 2009. С. 5–7.

[18] Антикризисное страноведение: обзор программ стимулирования. 26.02.2010 / http://slon.ru/blogs/udaeva/post/293890/

[19] *Басманов Е.* Китайский ответ США. Пекин ужесточает денежно-кредитную политику // РБК daily. 2010. 11 ноября. № 206 (1011). С. 4.

[20] Антикризисные программы зарубежных стран и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешэконбанк, 2009. С. 7–10.

[21] Цит. по: *Капица С. П.* Об ускорении исторического времени. В кн.: История и математика / отв. ред. Л. Е. Гринин и др. М. 2006. С. 19.

[22] *Богатуров А.* Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 2 (17).

[23] *Наумов И.* Страны PIGS поразил дефицит // Независимая газета. 2010. 30 апреля. С. 4.

[24] *Куликов С.* Региональные бюджеты адаптируются к кризису // Независимая газета. 2010. 21 апреля. С. 4.

[25] Россия и мир: 2010 // Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 93.

[26] Д. Медведев строит мост из Сеула в Сколково // Коммерсант. 2010. 11 ноября. С. 8.

[27] *Пабат А.* Новая большая игра в Центральной Азии и события в Киргизии // Мир перемен. 2010. № 3. С. 171.

[28] *Пономарева Е.* Лиссабонская перезагрузка // МГИМО(У), 2010. 20 ноября / www.mgimo.ru/system/

[29] Там же.

[30] *Мартынов Е. И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 15.

[31] *Пономарева Е.* Лиссабонская перезагрузка // МГИМО(У), 2010. 20 ноября / www.mgimo.ru/system/

[32] *Подберезкин А.* Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США. М.: Дипломатическая академия, 1988.

[33] *Лавров С. В.* Полный текст статьи Министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованной в журнале «Дефанс Насьональ» (Франция) в сокращенном виде, май 2010 года. 24.05.2010 / МИД России / http://www/mid/ru/us_dos.nsf.

[34] Мировой кризис: угрозы для России. М.: ИНСОР, 2009. С. 4.

[35] О производстве валового внутреннего продукта (ВВП) во II квартале 2010 г. Росстат. База данных / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Iss

[36] Там же.

[37] *Николаева Д.* Туризм скрылся за границей // Коммерсант. 2010. 11 ноября. С. 6.

[38] Росстат. База данных / http://www.gks.ru/free_doc/new/finans/fin299.htm

[39] Росстат. База данных / URL: / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/

[40] *Богатуров А.* Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 2 (17).

[41] *Торкунов А.* Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. № 3 (21).

[42] *Дегтерев Д. А.* Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (на примере США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М.: МГИМО(У), 2010. С. 32.

[43] Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации / http://www.runenewsweek.ru

[44] *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года». 08.02.2008 / http://www.viperson

[45] *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.

[46] *Вишневский А.* Конец североцентризма // Россия в глобальной политике. 2009. Сентябрь–октябрь. №№ 5. С. 182.

[47] *Назарбаев Н.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 октября. С. 1.

[48] *Вишневский А.* Конец североцентризма // Россия в глобальной политике. 2009. Сентябрь–октябрь. № 5. С. 189–190.

[49] Россия и мир: 2010. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

[50] Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика // Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 20.

[51] Паритет покупательной способности российского рубля составил 12,74 рубля за 1 доллар США.

[52] Антикризисные программы стран-членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешнеэкономбанк, 2009. С. 3–5.

[53] О результатах Глобального раунда международных сопоставлений ВВП / http://www.gks.ru/bgd/free/b02_18

[54] *Корсун В. А.* Возвращение колосса // МГИМО(У). 2010. 29 октября / http://www.mgimo.ru/system/

[55] Там же.

[56] *Лукин А. В.* Внешняя политика Китая — новый поворот? // Россия в глобальной политике. 2010. Март–апрель. № 2.

[57] *Шишкова Ю.* Вторая Европа для «Газпрома» // РБК daily. 2010. 11 ноября. С. 5.

[58] Так, отдельно нужно говорить о финансовых мерах, необходимых для стабилизации ситуации с госдолгом. См., например: Финансовые известия. 2010. 26 августа. С. 3.

[59] *Буторина О. В.* Еврозона на вираже кризиса // Россия в глобальной политике. 2010. Март–апрель. № 2.

[60] Там же.

[61] *O`Neil J.* The Outlook for Dollar in the Next Decade // Global Economics Paper. 2009. February 17. № 180. P. 10.

[62] *Дегтерев Д. А.* Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (на примере США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М.: МГИМО(У), 2010. С. 89.

[63] *Лужков Ю.* Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? М.: Московские учебники и картография, 2009. С. 79.

[64] Очень подробно этот процесс показан в фундаментальном исследовании, снабженном огромным количеством документов, 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. *С. Е. Нарышкина*, акад. *А. В. Торкунова*. М.: МГИМО(У), 2010.

[65] Россия. Долговые бумаги // Тройка диалог. 2009. Декабрь. С. 10–11.

[66] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской Академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 104.

[67] National Security Strategy, Wash.: May 20, 2010. P. 29.

[68] *Лавров С. В.* Российская дипломатия в меняющемся мире // Федеральный справочник. МИД России. 2010. 30 апреля. Т. 23. / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

[69] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известие. 2011. 4 октября. С. 5.

[70] *Куликов С.* Китайский сланец институт на пятки «Газпрому» // Независимая газета. 2010. 16 сентября. С. 4.

[71] См.: Doing business in Russia. 09.09.2010 / http://russian.doingbusiness.org/ Expbare Economics

[72] *Наумов И.* ВВП прирастет госпрограммами // Независимая газета. 2011. 22 июля. С. 4.

[73] РБК daily. 2010. 11 ноября. С. 4.

[74] *Бунич А.* Рубль РФ рухнет по-белорусски / Эл. СМИ. 21.07.2011 / www.viperson.ru

[75] *Черняховский С.* Из нищих в бедные // Эл. СМИ. «Viperson». 09.09.2010 / http://www.viperson.ru

[76] *Болгова И. В.* О влиянии программы ЕС «Восточное партнерство» на интеграционные процессы на пространстве СНГ. М.: МГИМО, 2010. С. 3–4.

[77] К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». 2010. Август–сентябрь. С. 15.

[78] *Суздальцев А.* Политика впереди экономики // Россия в глобальной политике. 2010. Январь–февраль. Т. 8. № 1. С. 84.

[79] Помимо этого, для характеристики нынешнего этапа восточной политики ЕС необходимо напомнить, что Литва, Болгария, Словакия в середине 1990-х гг. согласились с закрытием АЭС фактически в обмен на полноправное членство в ЕС.

[80] *Томберг И.* О новых правилах игры на энергетическом поле. Фонд стратегической культуры. 30 апреля 2010 г. / http://www.fondsk.ru

[81] Итоговая совместная Декларация. Московский международный энергетический форум «ТЭК России в XXI веке». 10 апреля 2010 г. Москва.

[82] *Шаповалов А., Сапожков О.* Природе наметили новые законы // Коммерсант. 2010. 25 октября. С. 6.

[83] *Томберг И.* О новых правилах игры на энергетическом поле. Фонд стратегической культуры. 30 апреля 2010 г. / http://www.fondsk.ru

[84] *Томберг И.* О новых правилах игры на энергетическом поле. 30 апреля 2010 г. / http://fondsk.ru/article.php&id=2987

[85] *Торкунов А.* Мир становится другим // Мир и политика. 2009. Январь. № 1 (28).

[86] Ситуация на рынке труда: итоги 2009 г. и перспективы 2010 г. ВЦИОМ. 2010. Март.

[87] Фактор страха // Ведомости. 2010. 2 декабря. С. 1, 4.

[88] *Торкунов А.* Мир становится другим // Мир и политика. 2009. Январь. № 1 (28).

[89] Как догнать Америку. Stantard&Poor`s.

[90] *Торкунов А.* Мир становится другим // Мир и политика. 2009. Январь. № 1 (28).

[91] *Медведев Д*. ОБСЕ стала терять потенциал и нуждается в модернизации // АЭИ Прайм. 2010. 1 декабря.

[92] Составлено *Дегтерев Д. А.* Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (на примере США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М.: МГИМО(У), 2010. С. 32.

[93] Медведев заявил, что РФ продолжит добиваться отмены визового режима ЕС. 1 декабря 2010 г. / http://www.interfax.ru/politics/news

[94] *Китинг П.* Шестнадцать потерянных лет. Почему не сложился «новый мировой порядок» // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 13.

[95] *Валлерстайн И.* Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 9.

[96j] *Медведев Д*. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. 30 ноября 2010 г. / http://news.kremlin.ru/transcripts/9637

Глава 3

Экологическая безопасность и модернизация в России[1]

… борьба за экологию становится, образно говоря, проводником инновационного развития[2].
В. Гутенев,
председатель Общественного совета Минпромторга России

Применение технологий зависит от ценностно-социальных контекстов[3].
А. Посадский

Мировой кризис 2008–2011 годов значительно обострил противоречие между традиционной политикой развитых государств, в основе которой лежат национальные интересы, и общечеловеческими — биологическими и социальными интересами. Частью, причем важнейшей, таких биологических общечеловеческих интересов являются интересы обеспечения экологической безопасности.

Впервые на международный уровень вопросы окружающей среды и развития были вынесены в 1972 году на Стокгольмской конференции, в результате работы которой были заложены основные подходы к разработке принципиально новой стратегии развития. Дальнейшее нарастание проблем привело к выработке в 1987 году Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию альтернативной техногенному росту мировой стратегии — концепции «устойчивого развития», главная идея которой заключается в том, что экономической рост не должен сопровождаться ростом ущерба окружающей среде[4].

Экологическая безопасность[5], устойчивое опережающее национальное развитие и модернизация — три тесно связанных между собой понятия в современной действительности. Похоже, что правящие элиты современных государств еще только начинают это осознавать, что, безусловно, многое объясняет в их отношении и проведении реальной политики.

Этот общий вывод справедлив для всех развитых государств, включая, естественно, Россию. «Идеальная модель» развития России предполагает, как минимум, что в ее основании находятся три базовых, фундаментальных интереса (потребности). Это является важнейшим положением современной гуманитарной науки и идеологии русского социализма, что в несколько упрощенном виде можно представить следующим образом (рис. 1).

Как видно из рисунка, взаимосвязь трех базовых интересов детализируется в более частных составляющих. Взятые вместе, они означают основу для новой системы взглядов правящих элит и общества, и это прежде всего их **идеологический** и **политический выбор**.

Именно из этого выбора следуют дальнейшие шаги власти. В том числе частные, например, по мнению неправительственных организаций, меры по энергоэффективности и президентская модернизация могут снизить выбросы на 40 % от уровня 1990 года[6].

Но дальше остаются открытые вопросы. Причем вопросы, которые находятся вне видимой

Рис. 1.

взаимосвязи между модернизацией и экологией. Прежде всего в области политики и экономики. Как, например, социально-экономическая, экологическая и климатическая стратегии России согласуются с ее курсом на развитие отношений с Евросоюзом? Или с новыми центрами силы в мире. Или новыми международными союзами, например, БРИКС, где дискуссии по этим вопросам приобрели регулярный характер[7]? Или, каким образом эти стратегии увязаны с амбициозными планами В. Путина по созданию евразийского пространства, которые предполагают высокую степень интеграции на основе базовых интересов[8]?

Применительно к России ситуация осложняется еще и тем, что на протяжении последних 20 лет у нее были различные внешнеполитические концепции. Причем, если в 90-е годы само довлела ориентация на США, то в новом столетии — курс корректировался чуть ли не каждые два года, а в 2010–2011 годы складывалось впечатление, что у нас существуют сразу две внешние политики. Как заметил Б. Межуев, «…внешнеполитическая идеология заслуживает того, чтобы над ней системно работать»[9]. Понятно, что такие шараханья не могли не отразиться на аспектах внешней политики.

Таким образом важные вопросы экологии становятся неизбежным следствием внешнеполитических стратегий, а нередко их заложниками. Без понимания этой общей канвы трудно понять суть экологической и климатической дипломатии.

1. Феномен одновременного роста национализма и усиления глобальной взаимозависимости

Расширяющийся экологический кризис делает невозможным устойчивое развитие цивилизации[10].
И. Лянгер

… две нерациональные политические крайности — плановая экономика и экстремальный либерализм — были объявлены нежизнеспособными…[11].
Мировой политический форум, 2010

Во втором десятилетии XXI века наблюдается своеобразный феномен: нарастание общих для всех государств проблем глобального порядка и рост национализма в большинстве стран мира. Это выразилось в том, что правящие элиты государств в качестве приоритетных по инерции рассматривают те угрозы, которые традиционно сложились еще в XX веке — возможность глобальной войны, военного конфликта между Россией и США, Китаем и странами Евросоюза, экономическое соперничество и финансовые

неурядицы, т. е. очевидное отставание правящих элит в понимании существа происходящих процессов и, как следствие, приверженность традиционной политике. Отчасти это справедливо. «В XXI веке ничего не изменилось — слабых по-прежнему бьют, поэтому надо быть сильным…»[12], — заметил Е. Бажанов.

Сразу же оговорюсь, что национализм и защита национальных интересов являются очень эффективной, а иногда и единственно возможной национальной стратегией. Тем более в периоды кризиса.

Такой подход в реальной политике многое объясняет в позициях государств по экологической проблематике, включая и ее климатические аспекты. Он вытекает из практической, но не афишируемой политики национализма не только США и Китая, но и других государств, элементы которой усилились во время кризиса 2008–2011 годов. Национализм, возникший в эпоху модерна, то есть рационального капитализма[13], остается во многом сущностью политики правящих элит абсолютного большинства государств даже в том случае, когда те декларируют приоритет интеграционных идей.

Очень показателен в этой связи финансово-бюджетный кризис Евросоюза, когда в результате возникших у Португалии, Ирландии, Греции и Италии проблем с государственным долгом Брюссель был вынужден создавать сначала Еврофонд финансовой стабильности (ЕФФС) в 440 млрд евро, а затем, в октябре 2011 года, увеличивать его в 4–5 раз. Причем, по мнению экспертов, это увеличение планируется сделать за счет заимствований у Китая (который уже вложил в европейскую экономику десятки миллиардов евро), стран Персидского залива и других стран[14]. Не с Китаем у стран Евросоюза возникали серьезные проблемы по экологическим и климатическим вопросам. Прежде всего из-за быстрых темпов развития китайской энергетики, основу которой составляют ТЭЦ, работающие на угле.

Для понимания значения взаимосвязи по оси «национализм — экологическая политика» необходимо помнить, что:

— национализм, как считал М. Вебер, признает **самоочевидной** (подч. — *А. П.*) идею того, что «насущные интересы нации, несомненно, важнее демократии и парламентаризма»[15];
— национализм полагает, что национальные интересы и ценности имеют абсолютный приоритет над частными, групповыми и глобальными интересами;
— в действительности национализм — групповой эгоизм и корпоративизм правящей элиты, проявляющийся каждый раз в конкретных идеях, программах и лозунгах;
— в национализме происходит разделение на «мы» и «они» не только по внешним, но и по внутренним границам;
— национализм — не всегда политика, но «всегда бытовой культурно-психологический нарциссизм» при сравнении собственных культурных достижений с чужими[16].

В этом-то и заключается главная трудность при решении глобальных экологических и климатических проблем. С одной стороны, национализм диктует традиционные нормы поведения в дипломатии, а с другой — они оказываются малоэффективны для решения глобальных проблем, что наглядно проявляется в дипломатической практике. И экологическая дипломатия, насчитывающая уж более 30 лет, — подтверждение этому. Противоречия между «абсолютными» национальными интересами и общечеловеческими интересами — главная проблема экологической дипломатии.

Для современной России огромное значение имеет и другой аспект этой проблемы, а именно — самоидентификация, **выбор собственного вектора своего развития**, в т. ч. приоритетов интеграции. Что отражалось на всей внешней политике России.

Теоретически существует несколько вариантов интеграции для России, которые неизбежно будут оказывать решающее влияние на национальную стратегию развития и решение экологических проблем.

Во-первых, это стратегия «вписывания» в Евросоюз на их условиях и ценностях в качестве периферийного члена. В том числе и на ценностях экологических. Например, в Европе уже давно автолюбители платят налог не за объем двигателя, а за его экологичность[17]. Чем выше уровень выбросов, тем выше налог. Интегрируясь с Европой, России предстоит принять эти правила.

Понятно, что будущее России в этом случае будет определяться в Брюсселе, но главное — неизбежность потери суверенитета и национальной идентичности, превращение страны в восточное захолустье Европы. Евросоюз фактически превратился в конфедерацию, а Российская Федерация может стать только частью этого нового государства.

Во-вторых, это стратегия интеграции с Востоком, которая грозит еще больше национальной идентичности и ведет к превращению страны в один из регионов «большой империи» — Китая. У китайской империи огромный тысячелетний опыт. С точки зрения экономики и экологии это будет означать сначала возрастающую зависимость России, а затем неизбежно ее превращение во второстепенную часть «срединной империи».

Наконец, в-третьих, это стратегия восстановления единого экономического, гуманитарного, а, в конечном счете политического, финансового и военного пространства на территории бывшего СССР-империи. Эта стратегия получила мощный толчок в октябре 2011 года после выступления в «Известиях» В. Путина.

Применительно к трем фундаментальным интересам выбор вектора развития имеет огромное значение. В первом случае, я сомневаюсь, что интеграция с Европой послужит реализации этих интересов. Тем более, что справедливо со вторым вектором развития. Остается фактически только третий, на мой взгляд,

не имеющий альтернативы, евразийский вектор. Кстати, этот вывод логичен и для климатической политики — ареал Евразии естественная территория, связанная общей экологией.

В этой связи неизбежно возникают новые трудности понятийного, и правового порядка. Например, в определении самого термина «экология». Как считает, например, Н. Соколова[18], «Экология — это наука сложного сплетения отношений между живыми организмами и их живым или неживым окружением. Это взаимозависимость живого и неживого составляет экосистемы (лес, озеро и т. д.). Крупные экосистемы или комбинации экосистем — это биоты (например, арктическая тундра). Земля, окружающая ее оболочка воздуха, вода и все живые организмы образуют биосферу?»[19].

Таким образом, геополитическое пространство становится «ответственной» за антропогенное влияние на биосферу. В данном случае — в Евразии.

Но на этом взаимосвязь политики и экологии отнюдь не заканчивается: «… окружающая человека среда включает не только биосферу, но также его взаимодействие с естественным и искусственным окружением»[20].

Есть и третье измерение взаимосвязи политики и экологии. Огромное значение имеют, например, последствия освоения космоса, в частности, атомные реакторы и другие космические «отходы», которые во все большей степени угрожают экологии планеты. Уже известны несколько случаев, когда это воздействие, в т. ч. космодромов, угрожало огромным территориям[21]. Гибель спутников с атомными реакторами уже стала реальностью. Причем не только превратилось в серьезную опасность для ближних, но и дальних соседей. Так, гибель советского спутника над территорией Канады привела к заражению огромных площадей.

Это утверждение абсолютно справедливо, ведь именно в конце XX века появились принципиально новые угрозы, ликвидировать которые в одиночку, даже очень сильным государствам просто невозможно: мировой океан, атмосфера, климат по сути своей не могут принадлежать только сильным. Один из последних примеров: озоновая дыра в 2011 году над районами Арктики увеличилась на 80 % и распространилась на северные районы Сибири[22]. В этом смысле интеграция усилий всего международного сообщества не противоречит, а дополняет усилия по региональной интеграции. Хотя, надо отдавать себе отчет, что на региональных уровнях экологическая интеграция может быть глубже и проходить быстрее.

В целом же можно представить себе систему новых международных отношений в экологической области, которая будет охватывать как страны и регионы, так и все международное сообщество. При этом на каждом уровне противоречия между политикой национальных интересов и взаимодействия в области экологии будут неизбежно усиливаться. Если на национальных уровнях экологические проблемы уже стали частью национальных интересов (хотя нередко уступая в приоритетности экономическим и социальным интересам), то на региональном уровне такие противоречия серьезно усиливаются, а на глобальном — нередко кажутся пока что не разрешимыми.

Все это требует новой политической философии правящих элит, без чего добиться интеграции экологической политики просто немыслимо. Глобальный характер взаимоотношений человека со средой его обитания привел к появлению понятия ноосферы, введенного Ле-Руа, а затем к концепции ноосферы, развитой Тейяром де Шарденом. Ноосфера, по Тейяру де Шардену, — это коллективное сознание, которое станет контролировать направление будущей эволюции планеты и сольется с природой в идеальной точке Омега, подобно тому, как раньше образовывались такие целостности, как молекулы, клетки и организмы. «Мы беспрерывно прослеживали последовательные стадии одного и того же великого процесса. Под геохимическими, геотектоническими, геобиологическими пульсациями всегда можно узнать один и тот же глубинный процесс — тот, который, материализовавшись в первых клетках, продолжается в созидании нервных систем. Геогенез, сказали мы, переходит в биогенез, который в конечном счете не что иное, как психогенез… Психогенез привел нас к человеку. Теперь психогенез стушевывается, он сменяется и поглощается более высокой функцией — вначале зарождением, затем последующим развитием духа — ноогенезом»[23].

Свою интерпретацию концепции ноосферы дал на основе учения о биосфере В. Вернадский. Как живое вещество (это стало ясно, в частности, благодаря фундаментальным трудам Вернадского) преображает косную материю, являющуюся основой его развития, так человек неизбежно обладает обратным влиянием на природу, породившую его. Как живое вещество и косная материя, объединенные цепью прямых и обратных связей, образуют единую систему — биосферу, так человечество и природная среда образуют единую систему — ноосферу.

Развивая концепцию ноосферы вслед за Тейяром де Шарденом, Вернадский рассмотрел то, как на основе единства предшествующей стадии взаимодействия живой и косной материи на следующей стадии взаимодействия природы и человека может быть достигнута гармония. Ноосфера, по Вернадскому, «такого рода состояние биосферы, в котором должны проявляться разум и направляемая им работа человека, как новая небывалая на планете геологическая сила»[24].

Вернадский развил концепцию ноосферы как растущего глобального осознания[25].

А раз так, то возникает объективная проблема достижения взаимоприемлемых договоренностей. Более того, в широком контексте международных отношений возникает даже новое понятие, охватывающее внутреннюю и внешнюю политику всех государств, получившее название «политической

экологии»[26]. В ее основе, как справедливо отмечает Т. Романова, «… лежит три проблемы, которые можно связать с производственной цепочкой: распределение ресурсов и их ограниченность, развитие экономики и нагрузка на окружающую среду, и, наконец, проблема загрязнения и отходов. Все три аспекта тесно взаимосвязаны и обуславливают друг друга»[27].

Взаимодействие природы и общества, которое возникло в процессе становления человека, вначале основывалось на биологическом обмене веществ людей. В ходе же истории этот обмен заменялся социальным во всей его сложности. Соответственно изменялся и характер взаимодействия рассматриваемых систем. В последнюю четверть XX века появился новый влиятельный фактор влияния — информация и массовые системы связи, чье воздействие до сих пор до конца не изучено.

Специфика социоэкосистем, по Н. Мамедову, И. Суравегиной (1996), определяется способом взаимодействия составляющих его гео-, эко- и социосистем. А теперь уже и информационно-коммуникационных систем. Социосистемы при этом не являются абсолютно независимыми и равнозначными. Так, социосистемы не могут существовать без эко- и геосистем, а экосистемы без геосистем. Гео- и биосфера по отношению к обществу выполняет роль внешней среды. Исходя из принципов экологического подхода, общество здесь предстает центральной системой, гео- и биосфера — внешней (природной) средой[28].

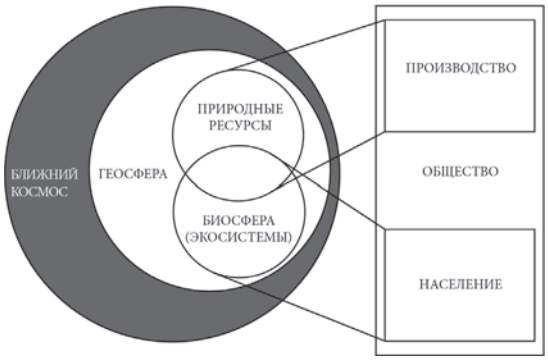


Рис. 2. Взаимодействие элементов социоэкосистемы (по Н. М. Мамедову, И. Т. Суравегиной, 1996)

Следует отметить, что воздействие ближнего и дальнего космоса огромно, но до конца не изучено. Ясно, например, что солнечная энергия и электромагнитное поле играют колоссальную роль на жизнь на Земле: малейшие изменения немедленно отражаются на биосфере и даже на поведении людей.

Не менее важно и другое: космические тела (как, например, комета, пролетевшая на близком расстоянии от Земли в ноябре 2011 года) могут решительно изменить жизнь на Земле, либо даже вызвать катастрофу человеческой цивилизации.

Пока что эти аспекты находятся вне поля серьезного международного сотрудничества. Даже «космический мусор», реально угрожающий не только искусственным космическим объектам, но и большей поверхности Земли (особенно ИСЗ с ядерными реакторами), не стали предметом переговоров.

Таким образом, можно признать, что за прошедшие после Стокгольмской конференции 1972 года основное внимание правящих элит государств было сконцентрировано на решении важных, но частных экологических проблем (прежде всего климатических) во взаимосвязи с растущим признанием концепции «устойчивого развития».

Устойчивое развитие[29] — развитие общества, при котором весь набор воздействий на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека в прежнем качестве. На рисунке это может быть изображено следующим образом (рис. 3).

Рис. 3.

Если глобализация в экономике может находиться под влиянием, даже управляться из нескольких центров силы, то природа находится под воздействием всех людей, как проживающих в «сильных», так и «слабых» странах. Человек стал глобальной, по Вернадскому, — «геологической силой». Это высказывание В. Вернадского середины XX века стало очевидным, но серьезных политических выводов сделано не было. Во всяком случае пока. Политические декларации и частные решения очевидно не успевают за стремительно растущим антропогенным воздействием.

Изучение феномена взаимовлияния «природа — общества», находится в рамках существующих традиционных социально-политических, экономических и международных моделей.

В этой связи важное значение приобретает изучение истории развития взаимосвязи «природы и общества». Особенно в современный период,

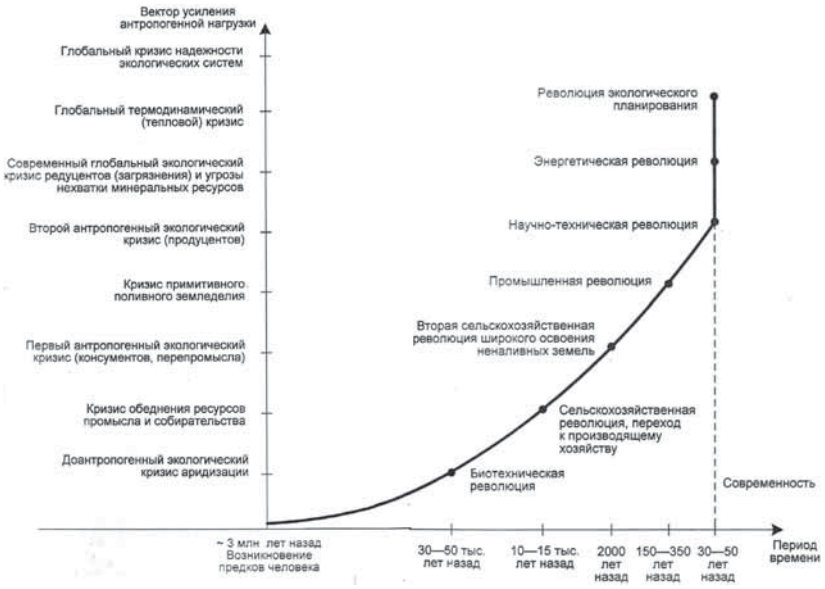


Рис. 4.

к которому можно отнести индустриальный и информационно-коммуникационный этапы развития человечества, т. е. XX и XXI века. Принцип историзма, который применительно к экологическим проблемам приобрел даже термин «историческая экология». Как пишет С. Светлов, «Историческая экология определяет исторический подход к решению множества современных экологических проблем, предоставляет возможность ученым и специалистам взглянуть на исторические корни этих проблем, рассмотреть их развитие, их динамику. В таком подходе к решению современных экологических проблем нет ничего излишнего, ничего ненужного. Напротив, именно такой подход предоставляет ученым и специалистам наиболее точную методологию их исследований, когда существующие явления и события рассматриваются не только в их сегодняшней взаимосвязи, но и в их историческом развитии. Это дает возможность создать гораздо более полную и объективную научную картину современных событий и сделать достоверный научный прогноз их будущего развития»[30].

Историческая экология — не только важная научная дисциплина, но и метод формирования общественного мнения и сознания элит, без чего реального продвижения по пути перехода к устойчивому развитию добиться трудно. Общество и элиты должны, во-первых, увидеть реальность существующих проблем (что совсем не очевидно даже для части научного и политического сообщества, отрицающего, например, опасность климатических изменений), а, во-вторых, сформировать общественный запрос на эффективную экологическую политику и международное сотрудничество.

Особо следует отметить важность фундаментальных и прикладных масштабных исследований по изучению огромного количества взаимосвязей в отношениях между природой и человечеством. В том числе и ее частной международной составляющей, которая, в свою очередь, делится на множество более частных взаимосвязей — международно-правовых, международной экономики, финансов, безопасности, информационного взаимовлияния и т. д. Как справедливо отмечает С. Светлов, «Экологическая проблематика предстает перед исследователями как цепь причинно-следственных связей, как сложнейшая многомерная композиция, где взаимосоединены и взаимоувязаны такие разнородные компоненты, как развитие общества, эволюция биосферы, воздействие климата, геологические и даже космические факторы. Естественно, что такую сложнейшую многомерную композицию при ее научном исследовании почти неизбежно приходится упрощать, вычленять только те события, воздействия и факторы, которые доступны данному исследователю. Но также естественно, что при таком упрощении неизбежно теряются другие события, воздействия и факторы, которые также оказывают влияние, пусть неявное и опосредованное, на всю систему и чье влияние может оказаться критическим для системы и получаемых выводов»[31].

При этом крайне важно помнить, что человечество находится в периоде «фазового перехода», т. е. качественных изменений во всех областях. Происходит стремительный процесс «сжимания» исторического времени, когда реагировать на происходящие изменения необходимо оперативно и эффективно. Существующие политические и дипломатические механизмы и инструменты делать этого не позволяют. В целом можно вполне определенно выделить следующие циклы, описанные российскими учеными в соответствии с представлениями о ноосферной концепции[32].

Как видно из рисунка 4, историческое «сжимание» времени привело к тому, что в современный период «фазового перехода» происходит практически совпадение научно-технической, энергетической и экологи-

ческой революций, к которым я бы добавил очевидную революцию в информатике и связи и нарастающую волну социальной революции, которая, как показывает мировой кризис, является прямым следствием нарастающей потребности смены идеологической и политической парадигмы развития человечества.

Для России, которая так до сих пор и не разработала эффективной и реалистичной концепции устойчивого развития (ее до сих пор заменяют концепции социально-экономического развития[33], доказавшие свою неэффективность), необходимо найти свой алгоритм развития, который вписывался бы в общие мировые тенденции, но базировался на собственных конкурентных преимуществах. Это тем более необходимо, что роль и место России в мировых делах стремительно уменьшаются в последние десятилетия. Как и ее ресурсов и экономики. Приведу часть общего обзора, данного моим давним соавтором С. Кортуновым: в конце 2009 года. С тех пор ситуация для нашей страны стала только хуже: «Экономическое положение Российской Федерации в современном мире просто несопоставимо с положением, например, СССР. До 1989 года Советский Союз по объему ВВП (но, конечно, не по эффективности) был второй экономикой мира. Его ВВП составлял не менее 60 % от ВВП США (а объем промышленного производства — 80 %) и в четыре раза (!) превосходил ВВП КНР. В 2008 г., несмотря на экономический рост в среднем на 7 % в год после дефолта в 1998 г., ВВП РФ по номинальному потенциалу составил 6 % от ВВП США (по паритету покупательной способности — 10 %) и 18 % от ВВП КНР (по ППС — 24 %). В отличие от РФ, внешний долг которой в 2008 г., по данным Минэкономразвития, составлял 460 млрд долл. (36 % ВВП)., в 1985 г. внешний долг СССР составлял всего 20 млрд долл. (4,6 % от ВВП).

К этому следует добавить, что, по мнению ряда отечественных экономистов, например, Е. Гайдара, Е. Ясина, Я. Кузьминова и др., экономический рост РФ в 1999–2008 гг. был во многом восстановительным, а кроме того, определялся ростом мировых цен на энергоносители, который не ведет к увеличению их производства в тоннах (нефть) и в кубометрах (газ), но увеличивает их стоимость, что, соответственно, увеличивает показатель номинального ВВП. К тому же он был связан с процессом виртуализации экономики США. Вот публичное заявление одного из архитекторов путинской России В. Суркова: «Я хочу напомнить, что наш экономический рост — производная от того пузыря, который американцы надували. Мы ведь не заслужили этот рост».

Таким образом, наш хваленый экономический рост, не будучи ростом качественным, в значительной степени представлял собой самообман. Конечно, доля России в мировой энергетике весьма значительна: 10,3 %. Однако наша доля в инновационной экономике мира, в которую мы хотим интегрироваться, катастрофически ничтожна — 0,3 % (!).

По данным ЦРУ, в 2008 г. ВВП РФ достиг лишь 77 % ВВП РСФСР и 47 % ВВП СССР в 1989 г., а на душу населения, соответственно, 94,4 % и 80 %. При восстановлении докризисных темпов роста российской экономики в 2010 г. (что, конечно, крайне маловероятно) только через пять лет ВВП РФ превзойдет уровень ВВП РСФСР в 1989 г.

Данные же МВФ, приводимые известным российским экономистом В. Кудровым, показывают и другую весьма неблагоприятную для России реальность — значительное снижение ее доли в мировом ВВП: по сравнению с 1950 г. — на 56,2 % и по сравнению с 1990 г. — на 44,8 %[34].

2. Противоречия между глобальным характером экологических угроз и политикой национальных интересов

Нам нужно отказаться от прежней философии, отношения к экологическим проблемам, и не только потому что это имеет прямое отношение к нашим потомкам, нашим детям… Помимо этого нормальное отношение к экологии формирует нормальные стандарты жизни, об этом тоже не следует забывать[35].

Д. Медведев

Принципиальная особенность Таможенного союза и ЕЭП — это наличие надгосударственных структур. К ним также в полной мере относится такое базовое требование, как минимизация бюрократических процедур и нацеленность на реальные интересы граждан[36].

В. Путин

Очевидное противоречие между глобальным характером экономических угроз и национальными политиками кажется труднопреодолимым. Проблема заключается в том, что глобальные интересы человечества должны осознаваться как более приоритетные, чем национальные в иерархии таких интересов.

Примечательно, что понимание этого обстоятельства ведет к правильному пониманию в соотношении национальных и общечеловеческих интересов

в разработке стратегии модернизации, которой сегодня у России пока нет. Так, авторы Американской академии наук, подготовившие детальный анализ наиболее успешных в модернизации стран, признают, что «для стран, которые поощряют инновации, к сожалению, не существует универсального рецепта оптимальной государственной политики. Поэтому **каждая страна вынуждена внедрять уникальную систему инноваций** с учетом своих собственных сильных и слабых сторон»[37].

Вместе с тем они демонстрируют общую схему стартовых условий для создания национальной инновационной системы (НИС), которая — хочу подчеркнуть — должна быть «вписана» в мировую систему.

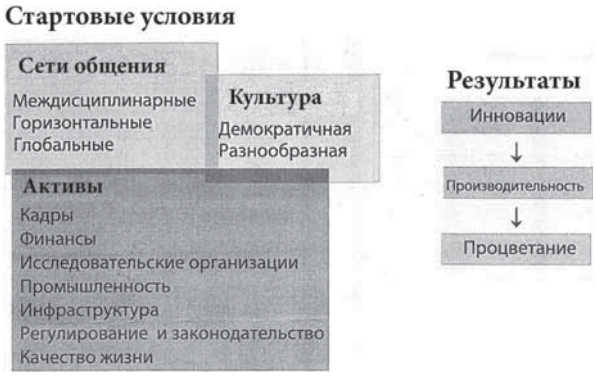


Рис. 5.

Что касается социальных сетей, то выделяет (например, П. Бурдьё) до 60 форм социального капитала, но при более общей видовой классификации их «можно свести к трем основным типам, которые, собственно, и структурируют три типа сетей и иерархий: (1) капитал экономический…; (2) капитал властный и (3) капитал культурно-когнитивный, или престижа»[38].

Возвращаясь к известной модели, иллюстрирующей взаимосвязь основных элементов политической системы государства, не трудно обнаружить, что абстрактная приоритетность общечеловеческих интересов далеко не всегда (точнее — редко) рассматривается важнее национальных, социальных, групповых и личных. Это вопрос уже не только мировоззренческий, религиозный и нравственный, но и вопрос выживаемости человечества вообще и каждой нации, каждый социальной группы и каждого человека в отдельности.

Как видно из рис. 6, принципиальную важность имеет **способность элиты и общества** адекватно:

1. Осознать приоритетность общечеловеческих интересов.
2. Четко сформулировать национальные политические приоритеты и цели (так, например, вполне адекватные идеи строительства «транспортного коридора» между Востоком и Западом, должны учитывать, что Китай строит свой «транспортный коридор» — через Среднюю Азию и Казахстан в обход России)[39].
3. Перераспределить ресурсы[40] в соответствии с:
   а) сформулированными целями;
   б) понятыми так или иначе объективными интересами.

Парадоксально, но к 2012 году сложилась ситуация, когда по основным вопросам среди различных политических сил сложилось общее понимание приоритетов развития. Так, даже в либеральном лагере признавали, что «общий стратегический вектор российской социальной модернизации: от борьбы с бедностью — к росту среднего класса или от тактики выживания — к стратеги и развитию»[41].

4. Понять, что международные реалии являются следствием реализации сформулированных

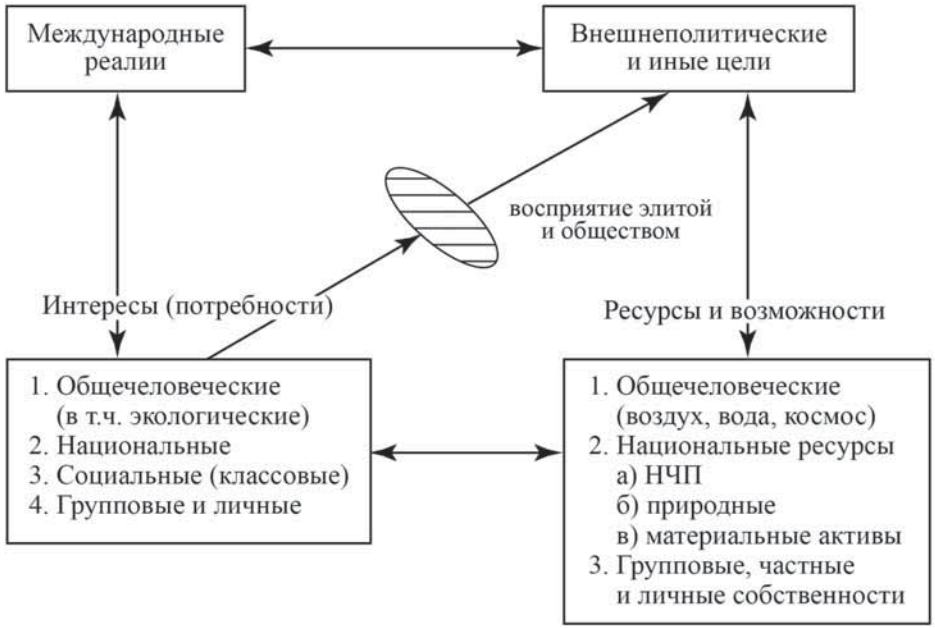


Рис. 6. Взаимосвязь основных элементов политической системы государства

национальных целей и проекцией интересов (в порядке приоритетности). Такой важнейшей международной реальностью стала стремительно возросшая роль человеческого капитала, особенно в отдельных, развитых странах, т. е. **национального человеческого капитала**. Это, в свою очередь, привело к тому, что современная мировая экономика и политика «приводятся в действие именно растущим влиянием интеллектуального труда профессионалов…»[42].

Экологические и климатические переговоры последних 20 лет — драматическое свидетельство того, как национальные правящие элиты пытаются сопоставить интересы общечеловеческого и национального развития.

В настоящее время существует три потенциальные модели их решения. И все они — наднациональные.

Первая модель — глобальная, использующая все (или большинство) мировое сообщество, в которой задействованы ведущие международные институты, прежде всего ООН.

Применительно к такой глобальной проблеме, как климат, очевидно, что позитивные результаты возможны только в том случае, когда в совместные действия вовлечено большинство ведущих государств, а принцип международного сотрудничества, закрепленный в международном праве, становится практическим принципом политического сотрудничества. «Значение принципа сотрудничества во имя экономического и социального прогресса всех народов в деле поддержания международного мира и безопасности (в том числе экологической) трудно переоценить. Фактически современное международное право установило международно-правовую обязанность сотрудничества государств независимо от их политических, экономических и социальных систем во имя общего благосостояния народов, в интересах всего человечества»[43]. «Государства обязаны сотрудничать друг с другом, независимо от различия их политических, экономических и социальных систем, в областях межгосударственных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству, свободному от дискриминации»[44].

При этом важно отметить, что сотрудничество и модернизация к сожалению, воспринимаются развитыми странами **как европейские нормы**, что, естественно, затрудняет поиск общего знаменателя в международных делах. Как пишут исследователи МГИМО(У), «Утвердившееся и до недавнего времени доминировавшее на Западе понимание прогресса предполагает линейную смену стадий общественного развития. Причем, начиная с XIX столетия, представители европейской культуры были убеждены в том, что собственная причастность к „прогрессу“ позволяет западному миру приобщать к цивилизации другие, менее передовые регионы, распространяя и утверждая там близкие ему ценности. При этом ценностная составляющая рассматривалась в качестве центрального элемента данного процесса, ибо сам термин modernity всегда был связан с культурными аспектами общественного развития. Противопоставление традиционного и современного социумов стало, начиная с Макса Вебера (1864–1920), общим местом социологической науки. Вытекающее из этой дихотомии понимание модернизации предполагало, прежде всего, механическое уподобление жизни иных народов и культур европейским нормам»[45].

Для России этот факт имеет особое значение, ибо ее будущее и будущее человечества отождествляется с «особым путем» развития. Как пишет один из ученых, «…сама проблема „Россия и системный кризис мировой экономики“ имеет свое разрешение только в контексте ноосферного пути выхода из этого кризиса…» Об этом же я писал еще в 80-х годах прошлого века, когда тема В. И. Вернадского перестала быть целиком запретной[46].

Вторая модель — региональные организации и союзы, способные консолидировать авторитет и ресурсы целого ряда стран, например, Евросоюза, который занял активную позицию в экологической дипломатии. Не секрет, что в этих вопросах старая Европа два десятилетия занимала лидирующее положение, обеспечив в том числе себе и морально-политическое лидерство.

Для России принципиально важной представляется идея создания Евразийского экономического пространства, а в будущем евразийского государства. В силу целого ряда причин. В том числе эколого-климатических.

Географически и климатически постсоветские государства находятся в непосредственной близи друг к другу. Соответственно экологические проблемы для них изначально общие.

Третья модель — создание новых механизмов двустороннего и регионального сотрудничества, «выработка», как сказал В. Путин, — «общих подходов „снизу“. Сперва — внутри сложившихся региональных структур — ЕС, НАФТА, АТЭС, АСЕАН и других, а затем — путем диалога между нами. Именно из таких „кирпичиков“ может сложиться более устойчивый характер мировой экономики»[47]. И, добавим, условия для решения экологических проблем.

Сегодня трагедии и катастрофы привлекают повышенное общественное, научное и политическое внимание. В том числе и к низкой эффективности деятельности политической власти и международных институтов, не способных уйти от политической конъюнктуры. Так, по мнению российских экспертов, «авария на АЭС „Фукусима-1“ и обострившийся вопрос с ядерной энергетикой — типичный пример того, как европейские правительства „преимущественно решают сиюминутные внутриполитические проблемы“ в ущерб стратегическим целям»[48]. И не только

европейские. К сожалению, можно говорить об опасной тенденции недооценки правительствами роста численности, увеличения масштабов и остроты экологических проблем.

Говоря о безопасности, следует признать, что новым глобальным угрозам, прежде всего в экологии, уделяется очевидно второстепенное внимание. Даже в тех странах, где «экологическая повестка дня» кажется актуальной. Примечательно понимание исследователем МГИМО(У) А. Богатуровым роли модернизации во внешней политике России. «Президент заявил, — пишет профессор, — что России нужно поддерживать отношения с развитыми странами ради интересов модернизации»[49].

Такое узкое понимание международного сотрудничества, исключающее, например, проблемы экологического сотрудничества, — не случайно. Экологические проблемы очевидно находятся на периферии внимания не только правящей российской элиты, но и правящих элит развитых стран. Происходит это из-за того, что действительно глобальные проблемы не попадают в перечень «сиюминутных» приоритетов дипломатии, хотя формально это понимание и находит отражение в нормативных документах. Так, в Экологической доктрине Российской Федерации признается: «Устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Для этого необходимо формировать и последовательно реализовывать единую государственную политику в области экологии, направленную на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Сохранение и восстановление природных систем должно быть одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества[50].

Закрепленное в Экологической доктрине понимание правящей российской элиты не реализуется полностью в практической политике. И не только из-за экономических трудностей, но, прежде всего, из-за отсутствия национальной стратегии развития, в которой экологические аспекты должны были бы занять достойное место. Приходится признать, что „ручное управление“, вынужденное в условиях восстановления государственности или во время обострения кризиса, не может заменить стратегию долгосрочного национального развития. Тем более не может этого сделать неолиберальная модель развития общества и государства, уповающая на всесилие рынка. Рыночная модель совместима с моделью устойчивого экологического развития только в условиях, когда правила игры жестко задает государство. Такие примеры, конечно, есть (как в случае отказа ФРГ от ядерной энергетики), но они не могут носить системный характер из-за очевидного противоречия потребностей общества и рыночной экономики.

Как видно из рис. 7, иллюстрирующего структуры органов государственного управления, отвечающих за охрану окружающей среды, формально решение этих вопросов отнесено ко всем основным институтам государственной власти — президенту, правительству, Федеральному собранию РФ. На практике же органа — влиятельного, статутного, не зависящего от текущей конъюнктуры, — нет. Фактически вся реальная полнота власти делегирована в соответствующие второстепенные департаменты и отделы, а также на региональный уровень. Пожары 2010–2011 годов показали неспособность власти контролировать ситуацию. Тем более она не способна выстроить долгосрочную политику в соответствии с принятой Экологической доктриной.

Нет и единой точки зрения в российских научных и политических кругах, что особенно ярко

Рис. 7. Структура государственных органов управления природопользованием и охраной окружающей среды (2000 г.)

проявилось в ходе процесса ратификации Россией Киотского протокола в 2004 году. Так, по свидетельству А. Алимова, „в России, которая является эмитентом 17 % этого парникового газа, довольно долго шли научные и политические дискуссии о возможности и необходимости ратификации документа. И, наконец, в 2004 году Киотские соглашения были ратифицированы принятием Государственной думой соответствующего закона". В связи с этим также появились различные оценки значимости и полезности этого документа. Так, например, В. Данилов-Данильян, директор Института водных проблем РАН, считает, что, ратифицировав Киотский протокол, страна получит больше преимуществ, чем рисков, и что участие ее в Киотском процесс будет способствовать прогрессивным структурным сдвигам?

Иную позицию занимал по этому поводу В. Ивантер, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Он полагает, что сам по себе Киотский протокол представляется дискуссионным, а с климатологической и экономической точек зрения недостаточно выверенным документом. Решение же о присоединении к нему России носит политический характер, дивиденды от которого попросту неизвестны[51].

Более резкое мнение по этому вопросу высказывал бывший в то время экономическим советников Президента РФ А. Илларионов. Он считал, что:

— во-первых, ограничение промышленных выбросов российских предприятий сделает невозможным решение поставленной задачи удвоения ВВП;
— во-вторых, решившись на участие в Киотском процессе, Россия могла бы понести ущерб в размере 400 млрд — 1 трлн долл.

Особе мнение по этому поводу высказал академик К. Я. Кондратьев, один из наиболее известных климатологов современности. Он подчеркнул в этой связи: „…Как по меньшей мере парадоксальную следует рассматривать такую ситуацию, когда президенты и премьер-министры различных стран вступают в дискуссию о том, следует ли считать Протокол Киото (ПК) научно обоснованным документом".

Россия играет ключевую роль в поддержании глобальных функций биосферы, так как на ее обширных территориях, занятых различными природными экосистемами, представлена значительная часть биоразнообразия Земли. Масштабы природно-ресурсного, интеллектуального и экономического потенциала Российской Федерации обусловливают важную роль России в решении глобальных и региональных экологических проблем»[52].

Это очень наглядно видно из рис. 8, сделанного профессором МГИМО(У) Л. Капицы в ее курсе «Экономическая дипломатия». На рисунке видно, что чем ближе, к «центру дипломатической деятельности», тем приоритетнее и актуальнее выглядят проблемы для правящих элит. И, соответственно, наоборот.

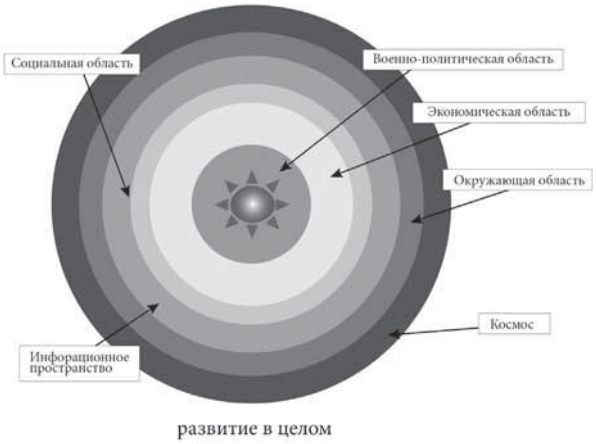


Рис. 8. Сфера дипломатической деятельности

Проблемы окружающей среды, космоса, например, находятся на заметном удалении от центра дипломатической активности. В прямом и переносном смысле. Безопасность космических объектов для жителей Земли, похоже, никого не волнует. Так, существует огромная проблема с космическими ядерными энергетическими установками (ЯЭУ), которые используются уже более 50 лет. Однако эта проблема не является предметом сегодняшних переговоров, хотя последствия могут быть и катастрофическими, и глобальными. Как полагает профессор В. Мельников, «необходимо считаться с мнением международного сообщества, которое как ранее, после чернобыльской аварии, так и в особой мере после аварий сразу на трёх АЭС в Японии, настроено против вынесения в космос ядерной энергетики.

Получает распространение и такая форма межгосударственной латентной конкуренции, как экологическая дипломатия, под которой понимается комплекс приёмов, методов, способов, санкций и т. д. для решения государством природоохранных проблем, а также использование в качестве средства для решения национальных проблем экологических соображений. Так, промышленно развитые страны претендуют на роль „локомотива" в экологических межгосударственных мероприятиях.

Они выступают в качестве инициаторов осуществления различных природоохранных проектов. В определенной степени эту стратегию можно рассматривать как экспансионистскую. Осознав, что именно они наносят окружающей среде наиболее значительный ущерб, что в регионах их проживания действительно имеет место истощение природных ресурсов, развитые страны начинают навязывать идею всеобщего экологического кризиса всему остальному миру, который еще не столкнулся в полном объёме с данными проблемами.

Анализ событий, происходящих в России в последние годы, позволяет сделать вывод, что экологическое содействие, оказываемое, в частности, США, увы, далеко не бескорыстное. США вкладывают колоссальные средства в строительство на территории России

комплексов по переработке радиоактивных отходов. Одновременно с этим Соединенными Штатами организуются базы хранения собственного ядерного сырья на территории России (например, в Челябинской области). К 2000 г. Соединенными Штатами в России построено три подобных комплекса, на которые они потратили более сорока миллионов долларов. Всё, что связано со строительством подобных заводов на территории России, — их финансирование, расположение, а также производственная деятельность, для россиян является сферой секретности. Российский гражданин скорее узнает истинные масштабы угрозы его собственному жилищу из иностранных источников информации, нежели из отечественных. Так, заместитель директора американского агентства по нераспространению ядерного оружия назвал конкретные цифры, характеризующие масштабы проводимых американцами работ на российской территории по утилизации ядерных отходов лишь в масштабах одного комплекса. За время американского сотрудничества в области разоружения дальневосточный завод „Звезда" в приморском городе Большой Камень утилизовал 11 атомных стратегических подводных лодок, 420 ракетных шахт и 792 боеголовки. Мощность построенных комплексов такова, что позволяет перерабатывать не только свои, но и зарубежные отходы, что вполне соответствует одной из американских стратегических целей; — уменьшить вдвое количество отходов на своей территории. Германия, напротив, взяла на себя обязательства по финансированию строительства на территории России комплексов иной направленности, предназначенных для ликвидации химического оружия.

Наконец, необходимо учитывать общее снижение в последние годы технической культуры и надёжности изделий как космической техники (бесчисленные аварии ракет-носителей, отказы на 19 космических аппаратах в 2010 году), так и в других отраслях (например, авария на Саяно-Шушенской ГЭС). Всё это осложняет создание и эксплуатацию изделий атомной промышленности»[53]. Техногенные катастрофы в России стремительно нарастают. Причем не только в тех сферах, где существуют сверхсложные системы, но и, казалось бы, на вполне безопасных и безвредных объектах — автомобильном и железнодорожном транспорте, сельском хозяйстве, спортивных сооружениях и т. д. Складывается впечатление, что обострение экологической ситуации вызывается все больше не технологическими, а социальными причинами.

Представляется, что это не случайно: очевидно, что социальная деградация совпадает с экономической и экологической.

Между тем, отмечают эксперты МГИМО(У), «даже крупнейшим странам мира, обладающим необходимым научно-техническим потенциалом, не под силу в одиночку остановить процесс разрушения окружающей среды и потерю мировых экоресурсов (пресную воду, лес, рыбные запасы и т. д.)»[54].

В этой связи возникают объективные проблемы, во-первых, создания **новой архитектуры** международной безопасности, учитывающей потребности в нейтрализации экологических угроз, получившей название экоархитектуры[55], а, во-вторых, **создание эффективного механизма решения таких проблем**. Механизмом такого рода могут быть только дипломатические механизмы — многосторонние и двусторонние, — способные реализовать некую общую, пусть в самых общих чертах, цивилизационную экологическую стратегию, согласовать политико-экономическую деятельность отдельных государств **в рамках единой концепции** долгосрочного развития. Не случайно исследователи прямо связывают эффективность решения экологических проблем с двумя группами факторов. Во-первых, практической реализации Концепции устойчивого развития (КУР) большинством стран, а, во-вторых, с созданием международного механизма на всех уровнях — глобальном, региональном и национальном. А. Алимов подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность этих аспектов: «В настоящее время следует сделать вывод в связи с необходимостью принятия серьезных мер, направленных на создание условий экологической безопасности, по возможности, на трех! уровнях — глобальном, региональном и национальном. Несомненно, важным шагом в этом направлении следует считать «вступившую в силу» Концепцию устойчивого развития. При всех ее неопределенностях, противоречивости и недостатка, КУР — это данность, изменение или отрицание которой практически не представляется возможным[56].

Эти задачу не могут быть эффективно решены до тех пор, пока правящие элиты ведущих государств не пересмотрят свое принципиальное отношение к проблеме обеспечения безопасности, более того, ради своих важнейших мировоззренческих позиций. Предложений и идей на этот счет выдвигается не мало, но все они пока что носят либо очень частный, даже личный характер, либо выдвигаются общественными организациями. Одним из типичных таких примеров может послужить предложение В. Кузнецова, который, говоря о российской идеологии XXI века, выдвигает следующие вполне справедливые (но также абсолютно нереализуемые) предложения[57]:

Безопасность — совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития, жизнеспособности государства и достижения Национальной цели, Социального идеала — благополучия всех граждан и семей; целесообразного развития и сохранения фундаментальных ценностей и традиций народов Российской Федерации; нормальных отношений Личности и Государства; способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами.

Табл. 1.

Годы	Форма охраны природы	Важнейшие события	Парадигма, «лозунг времени»
1960-е	Отсутствие обеспокоенности о судьбе природы	Первые публикации, имевшие большой общественный резонанс	«Размыкающийся круг»
1970-е	Снижение уровня загрязнения окружающей среды («высокие трубы» и «тонкие фильтры»)	1-я Международная конференция по окружающей среде и развитию (Стокгольм, 1972)	1. Экология 2. Развитие
1980-е	Разработка технологических систем, снижающих воздействие на природу: технологии «замкнутого цикла» и безотходного производства	Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987)	Экологическое развитие
1990-е	Формирование долговременных и многокомпонентных систем охраны природы: ISO, EM AS, LA21 и др.	2-я Международная конференция по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992)	Устойчивое развитие
2000-е	Разработка и внедрение концепции эко-эффективности (Eco-Efficiency)	3-я Международная конференция по окружающей среде и развитию (Йоханнесбург, 2002)	«Думать о будущем — действовать сейчас»

Возникновение феномена безопасность можно связать именно с фактом возникновения и оформления (осмысления) опасностей, угроз, рисков и вызовов для жизни человека, функционирования семьи, общества, государства, самой цивилизации. Как признают западные исследователи, взаимосвязь безопасности и экологии проявилась отчетливо в 70-е годы XX века. Тогда же, пытаясь избежать загрязнения приземного воздуха диоксидом серы, строители воздвигали высокие трубы, что, однако, приводило к усиленному превращению диоксида серы и оксидов азота в кислоту и их распространению на сотни километров от источника. Близорукость подобной природоохранной политики позднее стали обозначать как «синдром конца фабричной трубы».

В. Н. Кузнецов считает принципиально важным на первое место поставить наличие конкретных опасностей, угроз, рисков и вызовов для целей, идеалов и ценностей человека, его интересов.

Структура общей теории безопасности может быть представлена в таких аспектах:

— единство теорий гуманитарной, природной и техногенной безопасности;
— взаимосвязь личной, общественной, государственной, национальной, региональной и глобальной безопасности;
— взаимодействие видов безопасности: духовной, социальной, экономической, социально-политической, информационной, экологической, этносоциальной, международной, военной.

Следует сказать, что такая единая экологическая стратегия возможна только в рамках единой стратегии развития, точнее — устойчивого развития, когда интереса всех государств в той или иной мере учитываются основными политическими игроками, а не в рамках традиционно существующей системы, «правила игры» которой создаются, определяются и контролируются ведущими мировыми державами. Так, по оценкам ООН, за последнее столетие мировые потребности в питьевой воде выросли в 6 раз, а население — в 4 раза. Для питьевых целей пригодно не более 1 % воды, а к 2050 году более 60 % населения планеты будут испытывать нехватку питьевой воды[58], т. е. она станет **важнейшим мировым ресурсом**.

Эта сверхтрудная задача сегодня кажется иллюзорной, но время говорит в пользу того, что она все настойчивее переходит из области философско-гуманитарной в политико-прикладную. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «Сложившиеся обстоятельства диктуют необходимость выработки единой **общепланетарной стратегии и синхронизированной политики развития**, что представляется чрезвычайно трудной задачей в свете названных социально-экономических различий между странами и регионами мира. Решению именно этой задаче и подчинена **дипломатия устойчивого развития**»[59].

В этой связи резко возрастает роль переговоров как инструментов регулирования международных отношений, что стало заметным во второй половине XX века и абсолютно необходимым с конца прошлого столетия. Прежде всего отчетливо прослеживается зависимость (рис. 9):

Можно констатировать, что по мере увеличения значения глобальных проблем, в том числе экологических, будет усиливаться значение механизмов

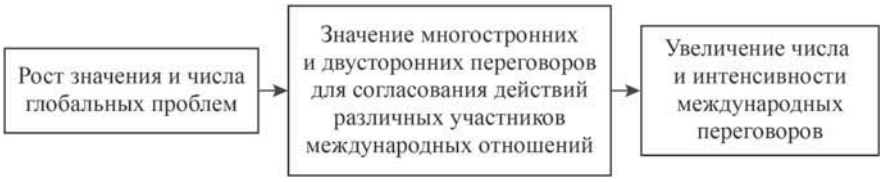


Рис. 9.

международного сотрудничества, а также численности и интенсивности международных переговоров, развитие существующих и неизбежное появление новых структур и механизмов международного сотрудничества.

Появление во второй половине XX века новых глобальных экологических угроз (Чернобыль и Фукусима — яркие примеры) требует переоценки приоритетов в международных отношениях и дипломатии, точнее — адекватного отношения к таким приоритетам высшего уровня у правящих элит всех государств. В настоящее время сформировалась Глобальная интеллектуальная черная дыра, отражающая **запаздывание коллективного разума человечества, в том числе науки, на нарастающие процессы. Глобальной экологической катастрофы**.

Она актуализирует проблему мобилизации сил науки и образования на преодоление этой ситуации и формирование адекватной научной картины мира, в которой живет человек, — ноосферной картины мира. Ноосферный социализм потому и ноосферный, что он берет на себя ответственность за будущее Человека и Природы на основе не только сохранения, но и ноосферного развития соборных, коллективистских, общинных ценностей, ценности Общего Дела Н. Федорова, которым становится трансформация современной **цивилизации человечества в ноосферную цивилизацию**[60].

3. Взаимосвязь проблем безопасности, экологии и модернизации

Основополагающими категориями в политике являются категории «друг» и «враг»[61].
К. Шмитт

Прекращение же биполярного противостояния… усложнило внутренние процессы и поставило на повестку дня вопрос о новой самоидентификации[62].

В начале XXI века острой потребностью для правящих кругов всех государств стала необходимость осознания практической взаимосвязи между национальной безопасностью, экологией и модернизацией. Эта взаимосвязь формально признавалась на самом высоком уровне. Так, на саммите АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 года Вашингтон предложил сосредоточиться на мерах по продвижению «зеленой экономики». Смысл этой программы заключался в повышении конкурентоспособности экологически чистых товаров за счет введения для них дополнительных преференций. Но как стало известно «РГ», эти идеи встретили противодействие со стороны развивающихся стран, где посчитали чрезмерными темпы реализации проекта. Позже Лавров кратко объяснил суть разногласий: «Сначала надо договориться, что представляют собой экологически чистые товары и услуги». В то же время министр подтвердил готовность развивать «зеленую» тему и во время российского председательства[63].

На практике существует реальное отставание в осознании взаимосвязи между международной безопасностью, решением экологических проблем и новым этапом модернизационных усилий государств, стремящихся догнать развитые страны. «Национальная специфика» России в этой взаимосвязи выражается особенно ярко. Что отражается практически на **отсутствии мотивации** у элиты и бизнеса не только в модернизации и обеспечения экологических условий существования, но и в обеспечении национальной безопасности. Как справедливо отметил один эксперт, «…барьерами, сдерживающими развитие энергосбережения и энергоэффективности в стране, являются недостаток мотивации, недостаток информации, недостаток опыта финансирования проектов, недостаток организации и координации»[64].

Применительно к современной России это означает отсутствие строгой и системной стратегии развития, вытекающей из системы взглядов элиты и общества, т. е. идеологии устойчивого развития. Именно это отметил один из рецензентов вышедший осенью 2011 года моей книги «Национальный человеческий капиталъ» (т. 3): «Будущее России зависит от идеологии…»[65].

Именно идеологическая система может поставить в один ряд вопросы безопасности и экологии. Как справедливо заметил Н. Клюев, «Обостряющиеся глобальные проблемы выдвинули вопросы безопасности (во всех ее аспектах) в число важнейших задач современной науки. Экологическая безопасность сегодня является (точнее — должна являться) неотъемлемой составной частью национальной безопасности. Последняя, в свою очередь, складывается из безопасности регионов страны. Отсюда очевидна своевременность научного поиска, направленного на разработку научных основ обеспечения экологической безопасности на глобальном, национальном и региональном уровнях.

В обстановке острейшего социально-экономического кризиса в современной России утрачивается контроль за ее экологическим и экономическим будущим. И причина здесь в прежде всего в полнейшем отсутствии идеологии национального развития и, как следствие, стратегии развития нации и государства, т. е. целеполагания, стратегического прогнозирования и планирования. Как замечает Я. Гилинский, «**Все**

Табл. 2. Рейтинг отдельных видов деятельности для достижения устойчивости
(по опросу ведущих западных компаний)[68]

Вид деятельности	Процентная доля ответивших компаний			
	способствует достижению устойчивости	не способствует достижению устойчивости	компания принимает меры в данной области	компания не знает, что делать в данной области
1. Сокращение использования энергии	96	1	74	0
2. Сокращение использования ресурсов	96	1	67	0
3. Сокращение объема и токсичности отходов	85	3	67	1
4. Цели на пути достижения устойчивости	84	3	48	8
5. Создание и использование системы экологического управления и контроля	81	7	66	4
6. Использование специальных и экологических критериев при принятии инвестиционных решений	74	5	40	21
7. Отчетность о достижении цепей устойчивого развития	74	4	48	8
8. Экологизированный проектный цикл (повышение надежности, учет жизненного цикла и т. п.)	74	11	41	10
9. Обеспечение информацией о социальных и экологических воздействиях (на уровне внутри компании, в т. ч. акционеров, финансовых кругов и др.)	64	4	55	10
10. Заявления стратегического характера по обеспечению устойчивого развития	64	10	56	3
11. Открытость по отношению к внешним группам лиц и отдельным лицам	56	15	47	4
12. Изменение системы бухгалтерского учета в целях соблюдения правил по охране окружающей среды	51	14	19	25

развитые страны имеют свой технологический прогноз для своей страны и для мира в целом. У нас ничего такого нет. У нас нет руля, мы не проектируем будущего. Для корабля, у которого нет порта следования, не может быть попутного ветра. У нас царит, если можно так выразиться, **диктатура бухгалтеров** — все сводится к тому, как освоить деньги, как „распилить“ бюджет. Нужно определить цели и приоритеты — какие отрасли нам нужно развивать, где мы **хотим быть первыми**…».

Мы уже упустили пятый технологический уклад, считает Георгий Малинецкий. «Это компьютеры, химия, Интернет и так далее. Если сейчас построить завод по производству мобильных телефонов, **он прогорит, он не нужен. В России 180 миллионов мобильных телефонов, и все они произведены за рубежом.** Шестой технологический уклад будет основываться на биотехнологиях, нанотехнологиях, робототехнике, технологиях виртуальной реальности. Сейчас определяется, какие страны будут лидерами… У России очень мало времени. Наша задача — вскочить в последний вагон уходящего поезда. Иначе с большой вероятностью нас не будет… **Чтобы была модернизация, а не ее имитация, нужно четко определить, что мы хотим быть, а не казаться.** Государство должно взять на себя целеполагающие, проектирующие будущее функции»[66].

России нужна не просто долгосрочная стратегия, а долгосрочная стратегия устойчивого развития, в которой экологические факторы являются неотъемлемой частью всей системы развития, ее определяющими характеристиками.

Экологические проблемы — это отнюдь не нечто внешнее по отношению к социально-экономической сфере. Они — плоть от плоти национальной и даже мировой экономики (учитывая экологическую взаимосвязанность мира). Пренебрегая экологическими требованиями, мы легко попадаем в порочный круг, хорошо знакомый странам, отставшим в развитии, когда леса вырубаются, чтобы выжить. А выжить, уничтожив среду обитания, нельзя, в лучшем случае приходится „прозябать“»[67].

Чтобы появилась общечеловеческая стратегия развития изначально необходимо **создать дипломатию устойчивого развития**, которая не только четко выделяла бы приоритетность общемировых, человеческих интересов над национальными и иными — военно-политическими, экономическими, финансовыми, но и стала бы реально действующим механизмом реализации такой стратегии.

Это подтверждает Экологическая доктрина России, принятая 31 августа 2002 года, где, в частности, говорится: «Современный экологический кризис ставит под угрозу возможность устойчивого развития человеческой цивилизации. Дальнейшая деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для

жизни. Преодоление кризиса возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды»[69].

Кстати, этот фундаментальный вывод сформулирован в рядовом распоряжении Правительства, и не в Указе Президента РФ или даже Постановлении Правительства, что изначально делает этот документ второстепенным и малозначимым, создает у власти ощущение необязательности его выполнения.

Таким образом, основная трудность — абстрактность понимания этой практической потребности. Правящие элиты привыкли решать острые и насущные задачи — кризисы, выборы, политическую борьбу и т. д. Им некогда задумываться о стратегических вопросах. Человеческий фактор должен быть тотально определяющим. Ведь именно повышение благосостояния, уровня и качества жизни наших граждан — конечная цель всех модернизационных и инновационных процессов. Простой пример: Потенциал альтернативных, возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Российской Федерации чрезвычайно велик. Экономический потенциал использования ВИЭ равен 270 млн тонн условного топлива в год, что соответствует более 25 % от годового энергопотребления. Однако вклад в энергобаланс России альтернативных источников энергии — геотермальных вод, приливных течений, ветра, солнца и т. д. — очень мал, масштабы и темпы их освоения у нас в стране отстают от зарубежных и не отвечают потребностям экономики[70].

Эту взаимосвязь между приоритетами экологической безопасности и модернизации в России признают как на формальном политическом уровне, так и на уровне научном. Но отсутствие реальной стратегии национального развития, а в широком понимании, — идеологии устойчивого развития, делает практически невозможной разработку модернизационных планов, в основе которых лежат экологические приоритеты. Нужно переосмыслить стратегическую взаимосвязь между проблемами безопасности, модернизации и экологии. Как, например, писал академик А. Торкунов в 2009 году, «Перед Россией стоит задача всесторонней модернизации, которая во многом будет определять ее место в посткризисном мире. Для ее осуществления необходимы не только новые проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания»[71]. «Целеполагающие мотивации» у нынешней элиты и бизнеса отсутствуют. Как и «атмосфера созидания». Их заменяет жажда наживы и «идеология» постоянного роста потребления, сформированная несколько десятилетий назад на Западе. При таком подходе невозможно говорить в принципе о стратегии долгосрочного устойчивого развития. Это свидетельствует прежде всего о том, что российская элита неадекватно оценивает ситуацию в мире и место России. А ведь именно адекватные действия начинаются с адекватного анализа. «Одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем. Очевидно, что обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое бы с полной мерой ответственности перед будущим России отражало ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные и гуманитарные ценности и национальные интересы»[72].

Человеку необходима достойная и безопасная жизнь сегодня, в настоящем, а не в отдаленном будущем. А это не в последнюю очередь зависит от состояния среды обитания. Причем я имею в виду не только наличие чистой воды и воздуха, но и продовольственную безопасность, возможность приобрести качественные лекарства, отдыха… Словом, все то, что обеспечивает человеку нормальную здоровую физическую и духовную жизнь. Это и есть настоящая стратегия развития, которая отсутствует в сегодняшней России. А что же есть? Один из ответов дает С. Белковский: «Я считаю, основной итог года в России — окончательная кристаллизация курса нынешней власти в России. Это завершение формирования портрета путинской России. **Это курс на евразийскую Нигерию»**…[73].

Важно подчеркнуть, что предпринятые в 2011 году попытки «скорректировать» провалившуюся «Стратегию–2020», ни к чему не привели прежде всего потому, что руководили этим процессом те же люди, которые последние годы упорствовали в своих либеральных начинаниях. Как свидетельствует участник этого процесса С. Кимельман, «…необходимость обновления Стратегии–2020 ни у кого не вызывает сомнения, так как в действующей стратегии (принятой в 2008 году) отсутствует идеологический стержень и экономическая модель развития страны. Нет в ней ни анализа истинного состояния экономики, ни выводов из этого анализа, ни конкретных целей и натуральных показателей, на достижение которые нацелена стратегия, ни механизмов практической реализации заявленных целевых установок»[74].

К сожалению, результат работы экспертов оказался тот же, что и в марте 2008 года. Ни идеологии национального устойчивого развития, ни прогноза, ни планирования так и не появилось. Ответ на это дает все тот же С. Кимельман, цитируя афоризм Мишеля Монтеня: «Не достигнув желаемого, они сделали вид, что желали достигнутого».

Наиболее яркие примеры растущей взаимосвязи безопасности и экологии, с одной стороны, и формирования и экологической дипломатии, с другой, — это аварии на Чернобыльской и Фукусимской АЭС. «Фукусиму» и Чернобыль прежде всего объединяет их масштаб и значение для электроснабжения государства. Так, ЧАЭС на момент аварии обеспечивала

около 10 % всей электроэнергии в Украинской ССР. «Фукусима-1» и «Фукусима-2», расположенные на расстоянии 8 км друг от друга, объединяют 10 энергоблоков и входят в число 25 крупнейших современных АЭС. Мощность вырабатываемой электроэнергии на японском объекте на сегодня почти в 2,5 раза выше, чем на советском, — 9000 мВт против 3800 мВт. При этом обе станции практически ровесники: «Фукусима» функционирует с 1971 года, ЧАЭС была запущена в 1977 году. Таким образом, японская АЭС эксплуатируется уже 40 лет, в то время как советская станция до катастрофы проработала лишь 9 лет[75]. Масштаб катастроф, их последствия, безусловно, имеет глобальный характер, а уровень международного сотрудничества — очевидно не соответствовал масштабу угроз. И в первом, и во втором случае национальные власти не спешили прибегнуть к международной помощи, правильно оценить масштаб угроз и своевременно информировать собственную и международную общественность.

Катастрофическими в обоих случаях оказались и последствия как для государств, так и их ближних и дальних соседей. Сегодня никто точно не может определить их масштабы, но складывается впечатление, что реальная картина замалчивается.

Не вполне соответствует этому пониманию взаимосвязи безопасности, модернизации и экологии, и национальные цели экологической политики, которые, в частности, в экологической доктрине России сформулированы следующим образом:

«Стратегическая цель, задачи и принципы государственной политики в области экологии:

Стратегической целью государственной политики в области экологии является сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны»[76].

С первого взгляда, вроде бы, все правильно: говорится о взаимосвязи между сохранением экологических систем и устойчивым развитием. Но, во-первых, нет обязательности учета создания стратегии национального развития и ее экологической составляющей. Экология и ее доктрина выступают как бы одним из условий, причем не обязательных. Во-вторых, нет понимания взаимосвязи международной безопасности, стратегии национального развития и экологии.

Соответственно в экологической доктрине господствует декларативность, фактически отрицающая конкретные меры по обеспечению взаимосвязи национального развития и экологической безопасности. Так, в доктрине перечисляются следующие меры:

«— сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества;
— обеспечение рационального природопользования и равноправного доступа к природным ресурсам ныне живущих и будущих поколений людей;
— обеспечение благоприятного состояния окружающей среды как необходимого условия улучшения качества жизни и здоровья населения.

На этих примерах видно, что, как минимум, необходимо сотрудничество в таких областях, как:
— оперативное и полное предоставление информации;
— формирование совместных ресурсов для борьбы с катастрофами такого масштаба;
— разработка универсальных мер по предотвращению техногенных катастроф;
— совместная деятельность по ликвидации глобальных последствий таких катастроф»[77].

Другая область, требующая международного сотрудничества, это контроль за космическим мусором и использованием околоземного космического пространства. В частности, ИСЗ, использующими ядерные энергетические установки. Сегодня на околоземных орбитах находятся тысячи фрагментов, в т. ч. крайне опасных для всех граждан Земли.

В обществе — несомненно. На уровне государства — в значительной степени. А вот в бизнесе — не вполне. Так, государство во время кризиса направило значительные субсидии на поддержку промышленных (главным образом, металлургических) предприятий, чтобы они могли завершить технологическое перевооружение. Причем эти средства должны были быть израсходованы в том числе и на обеспечение экологической безопасности. Особенно в моногородах, где расположены многие предприятия.

Однако не все предприятия рационально расходовали выделенные на модернизацию средства. Руководство целого ряда заводов — и в том числе заводов вполне успешных, стабильных, даже высокорентабельных — по укоренившейся привычке решение проблем окружающей среды, в которой работают и живут их сотрудники, оставило «на потом». Другими словами, действующее экологическое законодательство в очередной раз выведено за скобки производственной деятельности».

Начало XXI века ставит перед человечеством в целом и перед нашей страной в частности совершенно новые подчас невиданные задачи. И это прежде всего экологическая ситуация во всем мире, которая постоянно продолжает ухудшаться. И не только на Земле, но и в космосе, где находится более 15 тысяч объектов искусственного происхождения, из которых менее 1 тысячи — исправные аппараты[78].

Основной причиной обострения экологических проблем является техногенная деятельность людей. Научно-технические достижения, с одной стороны, являются предметом гордости человечества. Важными шагами стали освоение атомной энергии, покорение космоса. Однако стало понятно, что мощные

силы, полученные благодаря развитию науки и техники, зачастую негативно сказываются на экологической ситуации в мире. Нашу планету покрывают зоны экологического бедствия. В том числе резкое увеличение численности населения в XX веке привело к усилению давления на окружающую природную среду.

Потребительское отношение человечества к природе и ресурсам наносит огромный вред экологической ситуации в мире. Обогащение определенных предпринимательских кругов по-прежнему осуществляется за счет природы без должного учета последствий для естественной среды проживания людей. Духовно-нравственной основой появления глобальных проблем современности можно считать широкое распространение идеологии потребительства. В настоящее время человек все в большей и большей степени попадает в зависимость от многообразия вещей. Каждое удовлетворение определенной потребности рождает у человека новую потребность. Таким образом, это превращается в бесконечный круг.

В настоящее время человечество начинает понимать, что кризис и его губительные последствия становится все более реальным. Мы все чаще становимся свидетелями таких явлений и процессов, как стихийные аномалии в виде наводнений, засух, пожаров, температурных колебаний, ураганов и других подобных явлений; сокращение площадей, занимаемых лесами, снижение плодородия почв, сокращение биоразнообразия; сокращение жизненно важных природных ресурсов, необходимых для общества, по многим позициям, изменение некоторых географических показателей, таких как озоновый слой, газовый состав атмосферы, радиационное загрязнение и т. п. Такие проблемы, как изменение климата, кислотные дожди, загрязнение океанов, рек, пресноводных водоемов, гибель тропических лесов, отчуждение огромных территории в результате промышленных аварий приобретают первостепенную важность для всех людей на Земле.

Обострение экологических проблем поставило под вопрос безопасность и само существование человеческого общества, а также его способность адекватно реагировать на возникшие угрозы и вызовы. Дж. Мартин, говоря об экологической ситуации в мире, отмечал, что «сегодня нам легче уничтожить нашу планету, чем ликвидировать нанесенный ей ущерб».

Важно подчеркнуть, что процесс осознания экологических проблем и формирования модернизационной политики может идти в России, как, впрочем, и в любой другой стране, но двум разнонаправленным векторам[79].

Это либо вектор глобализации, отказа от национальных интересов и системы национальных ценностей, когда экологическая и модернизационная политика становятся «слепком», копией аналогичных действий развитых стран. Нередко в ущерб национальным интересам и собственно экологической безопасности России. В полной мере это относится к варварскому использованию природных ресурсов страны — прежде всего углеводородных, — но также атмосферы, лесов, воды и т. д.

Другой вектор — укрепление национального суверенитета и, как следствие — формирование национальной экологической и модернизационной политики. Этот вектор укрепился не только в результате необходимости принятия национальных антикризисных мер в период 2008–2011 годов, но и в результате общего изменения соотношения сил в мире и роста понимания опасностей, которые несет глобализация. Прежде всего в социально-политической области, а также с точки зрения угрозы национальной идентичности. Не случайно именно в этот период резко вырос интерес к истории и культурному наследию государств во всем мире, стремлению понять взаимосвязь нынешних социально-политических процессов с историко-культурной традицией. Академик А. Торкунов, например, в этой связи писал: «Огромную стимулирующую роль в формировании у московской правящей элиты новой государственной идентичности и собственной внешнеполитической философии сыграло крушение Византийской империи. Царское достоинство византийского императора стало восприниматься как естественное наследство московского великого князя. А такое достоинство не предполагало над собой никакого сюзеренитета»[80].

К сожалению, правящая элита России не вполне адекватно реагирует на экологические вызовы. Это выражается, в частности, в недостаточном финансировании, которое несопоставимо ни с расходами развитых стран, ни другими статьями федерального и региональных бюджетов. Так, в проекте федерального бюджета РФ на 2010 год совокупные расходы бюджета росли год к году незначительно — на уровне 27 млрд руб. Что в условиях кризиса объяснимо. Но разбивка расходов на основные статьи **выявляет существенные перекосы бюджетной политики**. На национальную оборону, безопасность и правоохранительную деятельность бюджет в 2010 году должен был расходовать примерно **на 100 млрд руб**. больше, чем в 2009-м (около 2,6 трлн руб.) **Но в культуру, здравоохранение, образование и социальную политику приток бюджетных средств должен был сократиться почти на 130 млрд руб.** Бюджетное финансирование жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) тоже сокращалось в течение года — примерно на 93 млрд руб., и это происходило на фоне постоянного роста коммунальных тарифов.

В 2011 году **тенденции сохраняются те же**. Проектируя бюджет–2011, Минфин планировал в течение трех лет — с 2011 по 2013 год — увеличить расходы на национальную оборону, безопасность и правоохранительную деятельность **почти на 900 млрд руб.** Бюджетное финансирование ЖКХ должно сократиться за три года на 145 млрд руб. Расходы **на охрану окружающей среды, о которой в последнее**

время стало модным рассуждать с политических трибун, вырастут за три года лишь на 3,5 млрд руб. до 17 млрд руб. Финансирование культуры, здравоохранения, образования и социальной политики вырастет примерно **на 200 млрд руб**. При этом в 2011 году расходы на социальную политику, например, должны сократиться на 376 млрд руб. по сравнению с 2010 годом[81].

4. Современные экологические проблемы: приоритетность и степень важности

Из-за неудовлетворительных гигиенических условий, вызванных дефицитом воды, ежедневно в мире умирает около 6 тыс. человек[82].
А. Чечевишников

Это (экологические требования) один из беспроигрышных способов повысить конкурентоспособность отечественных товаров и услуг на мировых рынках[83].
*Д. Медведе*в

Человек своими действами поставил природу на грань вымирания, и, если он хочет, чтобы следующие поколения жили в нормальных природных условиях, ему необходимо уже не только всерьез задуматься о проблемах окружающей среды, но и принимать решительные меры. Пока что российский подход к решению экологических проблем ставит во главу угла не исправление экологической ситуации, а коммерчески выгодное усиление антропогенных нагрузок. Что видно на примере проекта государственной программы Москвы «Охрана окружающей среды на 2012–2014 годы»[84]. Или на примере того, как золотодобывающая компания «Высочайший» вошла в конфликт со своим инвестором ЕБРР из-за игнорирования ею экологических стандартов в национальном парке «Югыд Ва»[85]. (Кстати, мэр Москвы С. С. Собянин решительно отреагировал, отправив на доработку эту программу, потребовав учета мнения экологов)[86].

В 70-х годах проблемы международных отношений стали активно обсуждаться на международной арене. Такие проблемы были включены в повестки дня большинства государств, ООН стала активно участвовать в обсуждении проблем окружающей среды. За прошедшие почти 40 лет с этого момента в сфере экологий были сделаны колоссальные достижения, было проведено большое количество международных конвенций, подписано невероятное количество договоров и конвенций.

Тем не менее, большое количество проблем остаются нерешенными до сегодняшнего дня. Мировому сообществу необходимо продолжать работу в экологической сфере: проводить как можно больше конференций, вырабатывать новые соглашения, добиваться участия всех государств в важных договорах, сокращать производство и потребление веществ, которые наносят вред окружающей среде.

Основные экологические проблемы, которые существуют на сегодняшний день, следущие:

1. Водные ресурсы. Примерный общий объем воды на земле составляет 1400 млн куб. км, из них всего около 2,5 % приходится на пресную воду. Источниками пресной воды обычно считаются реки, озера, почвенная влага. Из-за «неудовлетворительных гигиенических условий, вызванных дефицитом воды, ежедневно в мире умирает около 6 тыс. человек»[87], — считает исследователь МГИМО(У) А. Чечевишников.

В сфере водных ресурсом достаточно часто встречается проблема загрязнения, например, в таких странах, как Индия, Китай, Египет. В Центральной Азии народы сталкиваются с проблемой высыхания рек и озер. Пресной воды, пригодной для питья, катастрофически не хватает в странах Африки.

Вот это может быть причиной конфликтов между странами. Прежде всего речь идет о странах Ближнего Востока, Южной Азии и Африки.

Почти 40 % населения земли зависят от трансграничных условий водных ресурсов. Отсюда сотрудничество стран приобретает очень большое значение. Недавно Европейская экономическая комиссия ООН в своем докладе заявила о том, что « в Европе и Центральной Азии нарастают разногласия по поводу совместного использования государствами трансграничных водных ресурсов. Борьба за них чревата конфликтами и может привести к экологической деградации ценных экосистем». Как считает исследователь МГИМО(У) К. Боришполец, «водные ресурсы в государствах Центральной Азии распределены, как известно, неравномерно — регион четко делится на богатые водными ресурсами страны (Таджикистан и Кыргызстан) и зависимые от них в поступлении воды Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Если Кыргызстан контролирует бассейн реки Сырдарьи, то Таджикистан — Амударьи. Сырдарья — первая по длине и вторая по водности река в Центральной Азии. Длина реки составляет 3019 км, площадь бассейна — 219 тыс. кв. км. Основная част (75,2 %) стока Сырдарьи формируется на территории Кыргызстана, 15,2 % — на территории Узбекистана, 6,9 % — в Казахстане и 2,7 % — в Таджикистане. Длина другой водной артерии — Амударьи — составляет 2540 км, площадь

бассейна — 309 тыс. кв. км. Как и Сырдарья, Амударья в нижнем течении теряет много воды на ирригацию. Основной сток Амударьи (74 %) формируется на территории Таджикистана, 13,9 % — на территории Афганистана и Ирана, 8,5 % — на территории Узбекистана»[88].

2. Не менее важной проблемой является проблема вырубки лесов. Лесные ресурсы являются «как поставщиками экологических услуг для всего живого в целом, и человечества в частности, так и как источниками экономически ценных продуктов». «К началу XXI века лесная зона мира сократилась до 4 млрд га, что составляет примерно половину от того, что было 8 лет назад.
3. Следствием исчезновения лесов является эрозия почвы, которая ведет к опустыниванию земель. По данным Программы Организации Объединенных Нации по окружающей среде, четвертая часть суши на планете находится под угрозой опустынивания. Эта проблема «непосредственно затрагивает свыше 250 млн человек, возникает угроза для источников средств существования свыше 1 млрд человек более чем в 100 странах.
4. Климатические ресурсы мира сейчас находятся в достаточно тяжелом положении. В этой сфере человечество сталкивается с такими проблемами, как загрязнение атмосферы, парниковый эффект, изменение климата, озоновые дыры, кислотные дожди.

С проблемой загрязнения атмосферы сталкивается большинство развивающихся стран. Такая проблема связана со сжиганием в этих странах угля и природного газа, а также с выбросом в атмосферу выхлопного газа. «Индустриальные страны для уменьшения выбросов в атмосферу устанавливают очистительные сооружения и переходят на те виды топлива, которые меньше загрязняют атмосферу, например, сжигание газа». Богатые страны могут позволить себе подобные программы, однако бедные страны вынуждены отказывать себе в этом. Парниковый эффект сегодня также представляет большую угрозу. Под парниковым эффектом принимается «повышение температуры нижних слоев атмосферы планеты по сравнению с эффективной температурой, то есть температурой теплового излучения планеты, наблюдаемого из космоса»[89].

Важной проблемой в этой области является образование Озоновой дыры. Озóновая дырá — это локальное падение концентрации озона а озоновом слое земли. Озон предохраняет планету от ультрафиолетового излучения, а также оказывает большое влияние на многие процессы, происходящие как в атмосфере, так и в биосфере, которые, в частности, вызывают раковые заболевания и снижают иммунитет. Большое волнение также вызывает появление озоновой дыры над Антарктикой. Это является одним из наиболее ярких проявлений изменения климата.

5. Сокращение биологического многообразия является важной проблемой сегодня. Большое количество животных, рыб, насекомых находятся на грани вымирания. Принимаются меры по защите редких видов. Например, в 1946 году появилась первая конвенция подобного рода, которая регулировала истребление китов. Затем Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря (1958), Конвенция о биологическом разнообразии (1992), Соглашение по сохранению китообразных Черного и Средиземного морей и прилегающей Атлантической акватории (1996), Европейская конвенция о защите животных при международных перевозках.

Большинство перечисленных проблем оказывают влияние не на одну конкретную страну, а на все мировое сообщество. Совершенно очевидно, что индивидуальных или локальных мер в сфере борьбы с экологическими проблемами недостаточно. Такие проблемы могут быть решены только при международном сотрудничестве, совместными усилиями всех государств. Все больше и больше растет экологическая зависимость стран друг от друга, и это еще больше указывает на необходимость международного сотрудничества для решения подобных проблем.

5. Взаимоотношения общества и природы как условие модернизации

… с самого начала обсуждения экологической проблемы, выявленной на основе научных данных во второй половине 1960-х годов, мнения специалистов, занимающихся вопросом выяснения степени глобальной экологической опасности, разделились[90].
А. Алимов

Экологический аспект все более становится одним из важных факторов конкурентоспособности и частью стратегии развития международного бизнеса[91].
Н. Пискулова

Позиции России в быстро развивающейся экологоцентричной системе международных отношений сегодня крайне слабы, мы упускаем уникальную возможность занять в этом процессе лидирующую роль, адекватную ключевому значению наших экосистем в биосферной регуляции»[92].

Именно экологический и природноохранительный факторы прежде всего требуют разработки новой модели развития экономики, общества и государства. Это мнение, однако, не разделяется всеми учеными, которые еще во второй половине XX века разделились на два лагеря — «алармистов» и «технологистов». Если первой крупной работой алармистов стал доклад «Пределы роста», подготовленный Римскому клубу в начале 1970-х годов, то второй лагерь наглядно иллюстрирует статья профессора В. Сапунова «Глобальный экологический кризис» как продукт околонаучного миротворчества» основная идея которой, по мнению эколога А. Алимова, «определена автором как стремление «разбить представление о глобальном кризисе на составляющие и оценить реальность каждой из них». Исходя из поставленной задачи, автор делает следующие выводы:

1. Локальные экологические кризисы возможны, но глобальный маловероятен;
2. Проблема перенаселения планеты надумана и ресурсный потенциал планеты достаточен для обеспечения устойчивого развития;
3. Глобальные изменения климата и толщины озонового слоя имеют место, но их причина процессы в системе «Земля — космос»; влияние человека на них незначительно.

При этом В. Сапунов достаточно логично и последовательно рассматривает наиболее значимые, с точки зрения глобальной экологической проблемы, вопросы:

— сокращение биомассы и биоразнообразия;
— глобальное потепление;
— озоновые дыры;
— демографический кризис и возможная нехватка органического и минерального сырья.

И по всем поставленным сюжетам автор, как мы уже отмечали, приходит к выводу о том, что ни экологический, ни демографический, ни ресурсный кризис глобального масштаба современному человечеству не грозит»[93].

Взаимоотношения человека и природы существовали начиная с появления человеческого рода. Такая взаимозависимость непрерывно и постоянно воспроизводится на каждом этапе общественной истории. Все люди, если они живут, действуют, обеспечивают себе условия существования, преобразуют и совершенствуют свою жизнь, то они постоянно вступают во взаимосвязь с природой.

Анализирую взаимоотношения общества с природой важно отметить, что в рамках того или иного исторического периода наблюдаются различные особенности.

В ранний период развития (собирательная цивилизация) человек не столько изменял природу, сколько приспосабливался к ней. Следы его действия на природу были практически незаметны. Он научился пользоваться огнем, создал простейшие виды оружие, такие как каменный топор или лук, однако природа для него все равно казалась огромной таинственной силой. Она стала предметом обожествления, мифологии, религии.

Большое внимание уделяли взаимоотношениям человека и природы философы Античности. Особый интерес мыслители Древней Греции и Рима проявляли к вопросам происхождения и развития жизни на Земле, а также к выявлению связей предметов и явлений окружающего мира. Так, древнегреческий философ, математик и астроном Анаксагор выдвинул одну из первых теорий происхождения известного на тот момент мира и населяющих его живых существ. Согласно его представлениям основу существования реального мира составляет соединение неисчислимого множества бесконечно малых его элементов, «семян вещей». Будучи изначально в беспорядке, они образовывали хаос. Однако впоследствии мировой «ум» привел их в движение и упорядочил таким образом, что неоднородные элементы отделились друг от друга, а однородные — сцепились между собой, образовав землю и вещи. Причем наиболее тонкие, светлые, сухие и теплые элементы оттеснились наружу и образовали эфир, а плотные, темные, влажные и холодные собрались к центру и образовали воздух, воду и землю. Высохнув и отвердев, земля стала колыбелью жизни: ее поверхность была оплодотворена семенами, занесенными туда из воздушной сферы дождями. В результате на свет появились растения, а уже следом за ними пришли животные.

Одной из главных проблем, занимавших умы античных мыслителей, была проблема взаимоотношений природы и человека. Изучение различных аспектов их взаимодействия составило предмет научных интересов древнегреческих исследователей Геродота, Гиппократа, Платона, Эратосфена и др.

В период аграрной цивилизации природа продолжала оставаться для человека внешней силой. Аграрная культура охватывает всю эпоху, когда основой материального производства были земледелие и скотоводство — с момента появления сельского хозяйства (ок. 8 тыс. лет до н. э.) вплоть до возникновения полноценного промышленного производства (середина XVIII в. н. э.). В этот период господствовал космоцентризм, который требовал от человека жить «по Логосу», то есть в гармонии и согласии с природой. Концепция космоцентризма ставит на первое место Природу, Высший Разум, считая человека частью Вселенной, его Микрокосмосом, но не наделяя его привилегированным, особым положением в Природе.

Тем не менее, в это время масштаб деятельности человека возрос: появилось земледелие, скотоводство, торговля, ремесло. С развитием научных знаний человек начинает относиться к природе как к объекту практической деятельности. Для эпохи феодализма характерно широкое использование в производстве силы ветра и течения воды. В городах и сельской местности стали находить все большее применение

водяные и ветряные двигатели (их использовали, в частности, при производстве хлебной муки).

На всем протяжении эпохи Средневековья духовная жизнь Европы была под контролем христианства, церковная догматика определяла общественную деятельность и мораль. Отношения общества и природы объяснялись исключительно Библией, повествующей о том, что Бог отдал человеку всю землю и всех ее обитателей в полное и безраздельное владение. В это время религия сильно сковывала развитие осмысления отношений общества и природы, так как считалось, что любое объяснение есть в Библии и только там может быть единственно верное объяснение. Христианство понимает природу как последнее звено лестницы, которая ведет вниз, от бога к человеку и от человека к природе. Развивая свои духовные силы, человек стремится к возвышению над природой.

Все же в глобальном плане человек Средневековья не меньше, чем человек Античности, был подчинен природным закономерностям. С течением времени человечеству все чаще приходилось сталкиваться с негативными последствиями своего влияния на природу. Прошло, однако, много веков, прежде чем люди сочли необходимым начать регулировать свои взаимоотношения с ней. В эпоху Средневековья стали появляться первые законодательные акты, направленные на охрану окружающей среды. В середине XVI в. во многих странах Европы была запрещена охота в лесах, принадлежавших монархам, крупным феодалам, монастырям. В них были организованы заповедники, представлявшие собой, правда, частные охотничьи хозяйства. Именно этим законам человечество обязано тому, что в лесах Европы до сих пор сохранились многие дикие животные.

В период индустриальной цивилизации человек практически противопоставил себя природе. Наступление принципиально нового этапа в развитии науки традиционно связывают с именем философа и логика Фрэнсиса Бэкона. Главной целью науки он провозгласил увеличение власти человека над природой. Это достижимо, по мнению Бэкона, лишь при одном условии — наука должна позволить человеку как можно лучше понять природу, чтобы, подчиняясь ей, человек, в конце концов, смог господствовать в ней и над ней[94].

Темпы возобновления, утилизации и нейтрализации в современную эпоху отстают от темпов изъятия ресурсов и загрязнения среды.

На взаимоотношения человека и природы во многом повлиял антропоцентризм эпохи Возрождения с его идеей титанизма как величия и всесилия человека. Титанизм развивал в человеке эгоизм и высокомерие, способствовал появлению амбициозных устремлений и проектов. Человек стал рассматривать природу как гигантскую мастерскую, в которой он сам является работником. Природа стала восприниматься как источник прибыли и пользы.

Человек начал освобождаться от жестких оков религиозной догматики, культура стала приобретать светский характер. Началась эра Великих географических открытий, зародился протестантизм, сильно поколебавший доселе незыблемые устои католицизма. Открытия Галилея и Коперника перевернули представления людей о Вселенной. В эпоху Возрождения понимание человечеством своих отношений с природой вышло на качественно новый этап: в это время люди стали природу изучать, применяя для этого научные методы, сформулированные Френсисом Бэконом.

С конца XVI в. в странах Западной Европы наблюдается быстрый подъем творческой мысли. Расширение географического кругозора человечества, последовавшее за великими географическими открытиями (Америки, Австралии, морских путей в Индию, Китай и др.), и накопление огромного багажа эмпирических знаний и фактов нуждались в теоретическом осмыслении. Этого требовали также запросы быстро развивавшихся сельского хозяйства и промышленности. Однако и в XVII–XVIII вв. естествознание все еще находилось под контролем религиозных догм. В XIX в. существенно возрос объем выработки ряда полезных ископаемых, прежде всего железной руды и угля. Во второй половине XIX века начинает развиваться добыча нефти и газа, растет добыча цветных металлов.

Таким образом, к середине XX века человек фактически противопоставил себя природе. Развитие науки и техники, резкое расширение масштабов хозяйственной деятельности, а также сама психология пользования природой в итоге привели к ситуации, в итоге которой мы стали свидетелями глобального экологического кризиса.

Современную эпоху некоторые исследователи характеризуют как этап перехода к постиндустриальной (информационной) цивилизации.

Еще Френсис Бэкон обращал внимание на особую роль, которую призвано играть научное знание в развитии взаимоотношений общества и природы. Он считал, что знание законов природы позволит людям удовлетворить свои насущные потребности и интересы, а увеличение могущества человека невозможно без подчинения этим естественным законам. Познавая их, наука должна помочь человеку двигаться к поставленным целям по наикратчайшему пути, обходя препятствия, избегая ошибок, многие из которых могут поставить под угрозу само существование человеческого рода.

В настоящее время почти половина населения Земли (3,2 млрд чел.) живут на два доллара в день. В то же время население развитых стран, составляющее менее 20 % мирового населения, потребляет более 70 % производимой на планете энергии, 75 % обрабатываемых металлов и 85 % деловой древесины. Прогнозы показывают, что к 2020 году их энергопотребление удвоится. Судя по всему, в ближайшие

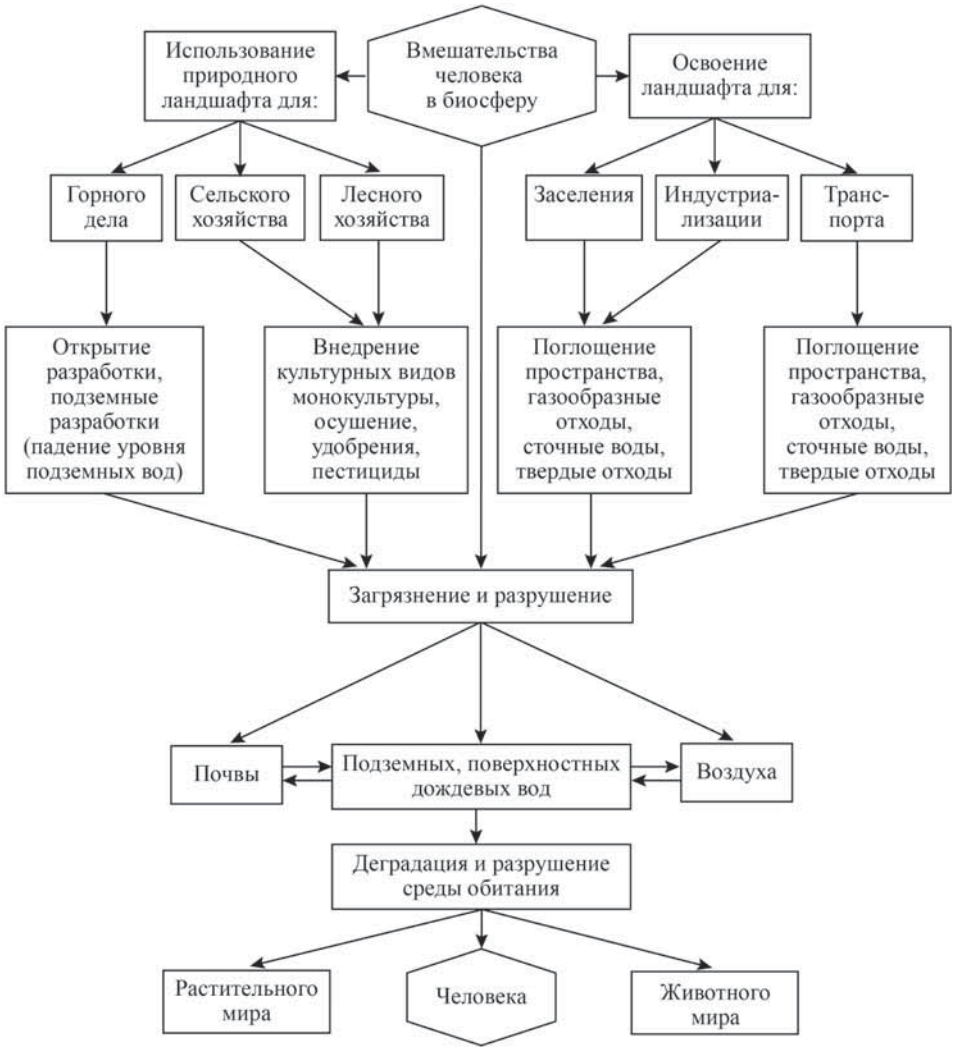


Рис. 10. Виды вмешательства человека в биосферу (по Н. М. Мамедову, И. Т. Суравегиной, 1996)

десятилетия вряд ли удастся изменить сложившуюся диспропорциональную структуру мирового потребления и, следовательно, ослабить социально-экономическую пропасть между развитыми и развивающимися странами.

Технологические инновации, основанные на знаниях и являющиеся главным богатством постиндустриальных стран, не могут быть воспроизведены, а зачастую и использованы в развивающихся странах. В то же время потребность в них для обеспечения динамичного развития отстающих стран крайне высока. В этом и заключается главная причина того, что пропасть, разделяющая развитые и развивающиеся страны, по мере укрепления постиндустриализма, будет только расширяться и углубляться.

В последние 20–30 лет наблюдается резкое сокращение потребления сырья и материалов в развитых странах. Нижние ресурсоемкие этажи экономики постепенно вытесняются наукоемкой продукцией. «Экономика знаний» способствовала смягчению проблем окружающей среды. В то же время в развивающихся странах растут бедность, голод, усиливается деградация окружающей среды, учащаются экологические катастрофы. Разрыв в уровнях «здоровья» окружающей среды в странах, вступающих в постиндустриальную эпоху, и в индустриальных, а тем более, в аграрно-индустриальных странах растёт.

В постиндустриальном обществе развитых стран фактически устранены **сырьевые и ресурсные ограничения хозяйственного развития**, а рост потребления обусловлен, в первую очередь, использованием информационных благ, а не расширением спроса на массовые промышленные товары.

Безусловно, в странах, где начинает доминировать «экономика знаний», прилагаются огромные усилия, выделяются значительные средства для решения тех или иных проблем окружающей среды. В странах Евросоюза на природоохранные проекты выделяется 4–9 % ВВП (в США меньше около 2,5 % ВВП), причем этот показатель растет. Политика в области окружающей среды с середины 90-х годов становится одним из приоритетных направлений деятельности ЕС; с 1998 г. Европейской комиссией было объявлено о включении вопросов окружающей среды во все направления политики ЕС, в том числе эти вопросы были включены и в проект конституции ЕС.

В результате природоохранных мероприятий в странах ЕС, а также в США удалось снизить нагрузку на окружающую среду при одновременном росте объемов производства. Как показывают исследования, с помощью внедрения современных технологий эффективность использования природных ресурсов повышается в четыре раза, т. е. можно жить в два раза лучше, потребляя в два раза меньше.

Сегодня многие крупные компании пришли к твердому убеждению, что успех в бизнесе и забота об окружающей среде не могут быть разделены и «завтрашними победителями будут те, кто уже сегодня в большей степени преуспевает в повышении своей природоохранной эффективности». Например, чистая прибыль от введения в США закона о «Чистом воздухе» уже к 1995 г. достигла 90 млрд долл. **В постиндустриальном обществе экологический интерес становится фактором интенсификации экономики** (подч. — *А. П.*).

Проведение природоохранной деятельности **ускоряет развитие**, поскольку и развитие и **охрана окружающей среды имеют общие выводы, зачастую базируются на локальных данных по ограниченному количеству наблюдений**. Имеет место, как преувеличение антропогенных факторов, так и недооценка природных процессов, природной устойчивости и саморегуляции геосистем; при этом «зеленое» движение, по мнению ряда авторов, становится ширмой политической борьбы.

Осознание нарастающего глобального экологического кризиса привело к тому, что проблемы, касающиеся природной среды, начиная с 60-х годов прошлого столетия, стали все в большей степени выходить на авансцену мировой политики. И если сначала эти проблемы поднимались только на уровне небольших национальных природоохранных общественных организаций, то с течением времени они стали объектом внимания крупных международных организаций, включая ООН как главного механизма глобального и регионального сотрудничества.

6. Новая политическая философия решения экологических проблем

… очевидно, что универсальная модель развития общества не найдена, что существуют различные национальные модели[95].
В. Никонов

Считается, что среди различных критериев, которые должно выполнить государство — кандидат на членство в ЕС, охрана окружающей среды относится к важнейшим[96].
Я. Логинов

Необходимость новой политической философии при решении экологических проблем вытекает из простой констатации факта того, что «экологический кризис делает невозможным устойчивое развитие цивилизации»[97], т. е. решение экологических проблем стало фактически международной нормой. Признавая это на словах, представители правящих элит государств однако, не спешат превращать эти нормы в свои политические приоритеты, а тем более ставить эти приоритеты выше других приоритетов — политических, экономических, финансовых. Между тем это логично вытекает из пирамиды иерархии интересов, наверху которой находятся общечеловеческие (биологические) интересы — общие для всех наций, государств, социальных слоев и групп человечества. Эта иерархия выглядит в упрощенном виде следующим образом (рис. 11):

При этом если все интересы делятся в свою очередь по времени на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные, то (за исключением общечеловеческих интересов) внутри каждой из групп они подразделяются еще и на политические, экономические, финансовые, военные, информационные и пр. интересы.

Таким образом, мы видим, что во-первых, экологические (биологические) интересы и, соответственно, проблемы находятся на первом, высшем месте в иерархии интересов, а, во-вторых, что они в принципе соотносятся с долгосрочными интересами человечества, т. е. они по сути являются **стратегическими** интересами.

Эта матрица усложняется тем, что в мировой политике, представляющей собой, по словам А. Торкунова, «пирамиду, состоящую из целого ряда „слоев“, секторов, наложенных друг на друга» — экономическом, финансовом и т. п., — «есть свои лидеры и аутсайдеры»[98]. Так, Россия, безусловно, играет выдающуюся роль в политическом и военно-стратегическом секторе и незначительную — в экономическом и технологическом.

Как отмечает исследователь Н. Пискулова[99], «первые признаки реального осознания человеческим сообществом серьезности природоохранных проблем и нового подхода к мировому развитию появились в 1960–1970-е, и еще более в 1980-е — начале 1990-х гг., когда экология стала приниматься во внимание при разработке и реализации международной и национальной экономической политики. Но этот процесс

Рис. 11.

осознания общности интересов всего человечества сталкивался с осознанием национальными правящими элитами собственных национальных, либо корпоративных интересов. Как правило, в пользу последних и решались эти проблемы.

Другими словами, мы наблюдаем два процесса, которые иногда совпадали, но чаще вступали в противоречие, — осознание общих цивилизационных (биологических) интересов, где экологические интересы играли все возрастающую роль, и сохранение национальных интересов. Чаще всего это проявлялось в экономике, но важно подчеркнуть, что именно политические национальные интересы по-прежнему оставались главными, нередко не только препятствующими росту понимания общечеловеческих ценностей, но и формирующими атмосферу, среду, в которой предстояло решать эти проблемы.

Современный мир не может обойтись без философии в решении глобальных проблем, «вечных вопросов». К подобным вечным вопросам относится и вопрос о единстве человека и природы, который в наше время является крайне актуальным и напряженным. Экологический вопрос для человека — это вопрос его способа бытия в природе, его места в мире. Эту часть человеческой экологической ситуации, человеческой экологической потребности, человеческого экологического вопроса исследует философия, делая предметом своего рассмотрения своеобразие человеческого отношения к природе.

Проблемы взаимодействия человека, общества и природы являются традиционными для философии на протяжении всей истории ее существования. Философы всегда старались решить проблемы бытия человека и природы, стремились придать определенную гармонию их взаимодействию на основе духовного постижения человеком себя и мира природы и, соответственно, одухотворенной деятельности, направленной на преобразование природы.

«Философия достигла многого в осмыслении и прояснении экологических проблем, которые существуют в современном мире:

— философы дают обобщенную мировоззренческую трактовку экологических проблем;
— в философии происходил активный процесс выработки понятийно-категориального аппарата по проблемам взаимодействия человека, общества и природы, экологии и, соответственно, формирования экологической формы общественного сознания;
— в философии вместе с наукой и другими видами духовной деятельности активно осуществляется процесс поиска наиболее эффективных путей решения экологических проблем современности».

Философия может помочь решению экологических проблем в различных направлениях. Философия «стимулирует формирование нового общественного сознания, ориентированного потребностью преодоления экологических противоречий… способствует преодолению ограниченности частных научных позиций, односторонности духовно-практических ориентаций человека в его отношениях с природой».

Можно выделить три круга проблем, которые философия связывает с современной критической экологической ситуацией:

— первый круг проблем связан с осознанием фундаментальности диалектического противоречия между человеком и природой и рассмотрением философских принципов, на основе которых это противоречие могло бы преодолеваться;
— второй круг проблем затрагивает вопросы познания взаимодействия человека и природы в плане субъект-объектного отношения;
— третий круг проблем — этико-эстетический. Он касается определенной нравственной и эстетической переоценки отношения к природной среде в плане формирования экологической этики, экологического сознания, эстетики природы, рассмотрения диалектики свободы и ответственности человека по отношению к природной среде.

«В современном познании… философия призвана соединить все множество разноплановых подходов к экологической проблеме, всю совокупность ее аспектов и оснований. Философия осуществляет этот теоретический синтез, решая в то же время традиционную задачу методологического поиска».

В настоящее время все больше людей приходят к осознанию неблагополучия своей и современной жизни и ищут выхода из сложившегося положения. Движения «зеленых», экологические движения, поиски новой нравственности, педагогические эксперименты и движения — все это ростки и очаги новой альтернативной мировой культуры. «Наблюдения подсказывают, что мы живем в переходное время, когда завершает существование и развитие один тип человека и складываются условия для образования другого типа. В этих условиях нужно готовить условия для формирования человека грядущей культуры и цивилизации. Такая работа предполагает, с одной стороны, практическую реализацию новых форм жизни, новых опытов общения и общежития, с другой — интеллектуальное обеспечение, формирование мировоззрения».

Следует отметить, что ряд достижений научно-философской мысли заслуживает особенно высокой оценки, так как они оказывают прямое и достаточно значительное влияние не только на сознание людей, но и на их практическую, в том числе экологическую деятельность:

Это учение В. Вернадского и его последователей о ноосфере, как уже было сказано выше, в котором предложен путь достижения гармонии между человеком, обществом и природой и на этой основе решения экологических проблем.

Значительными являются идеи Н. Н. Моисеева об экологическом императиве, о коэволюции природы и общества, которые отразили современное состояние экологической ситуации в мире и подходы к ее стабилизации и улучшению.

Важное значение имеет концепция устойчивого экологического развития, выработанная и предложенная мировому сообществу коллективно рядом институтов, учрежденных ООН по проблемам экологии и включенная во многие нормативные документы, принятые на международном, региональных и национальных уровнях.

Однако при всей важности и значимости результатов научно-философской деятельности по проблемам экологии, достигнуть явно недостаточно. В. И. Вернадский отмечал, что человечество в целом представляет собой мощную силу, «перед его мыслью и трудом возникает проблема о преобразовании биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого». Необходимость согласования отношений общества и природы в наше время вполне осознана, существует осознание также и того, что человечество в решении экологических проблем должно действовать как единое целое и в этом направлении осуществляется определенная деятельность. Однако в целом экологические проблемы на практике пока эффективно не решаются. Объединение усилий в этой области происходит медленно. Согласованных действий недостаточно.

В 2003 году, констатировав, что вода имеет, важнейшее значение для устойчивого развития, в том числе сохранения природной среды и сокращения масштабов нищеты и голода, что без воды нельзя обеспечить здоровье и благосостояние населения, Генеральная ассамблея ООН объявила 2005–2015 годы Международным десятилетием действий «Вода для жизни». Основной задачей этого специализированного проекта является поощрение усилий в целях выполнения принятых на международном уровне обязательств по вопросам воды и водоснабжения. Деятельность ООН по формированию системы глобального регулирования водных ресурсов опирается на разнообразные программы, проводимые по линии других многосторонних институтов, прежде всего ЮНЕСКО.

В настоящее время международным сообществом реализуется Стратегия Всемирного водного совета на 2010–2012 годы, в которой в качестве основных задач ставятся:

— поддержка политических действий по улучшению водоснабжения и санитарно-технических служб и управления водными ресурсами;
— усиление участия основных водопользователей в решении глобальных водных проблем;
— укрепление регионального сотрудничества для достижения водной безопасности и экономического развития;
— мобилизация граждан и потребителей для преодоления глобального водного кризиса. Особый вклад в решение проблем рационального потребления воды вносит программа ВВС «Виртуальная вода».

«Водной проблематикой занимаются как правительственные, так и неправительственные структуры. К важнейшим можно отнести Глобальное водное партнерство (далее ГВП), сформированное в 1996 году в виде международной сети организаций (государственных, частных, региональных, научных, проектных и т. п.). Основные задачи ГВП — развитие и внедрение принципов интегрированного управления водными ресурсами, обмен информацией и опытом. ГВП стремится к продвижению идей по установлению Единого управления водными ресурсами (Integrated Water Resources Management). Штаб-квартира ГВП находится в Стокгольме. В своей деятельности данная структура руководствуется Дублинскими принципами в области водных ресурсов.

Крупнейшей НПО, занимающейся водной проблематикой, является Международный союз охраны природы и природных ресурсов, созданный в 1948 году во Франции.

Прогнозированием ситуаций, а также оценкой состояния природных ресурсов продолжают заниматься аналитики Римского клуба»[100].

В России, несмотря на общее игнорирование экологических потребностей, предпринимаются

как попытки руководства страны («экологический» Госсовет 20 июня 2011 года, продвижение ряда законопроектов и т. д.), так и бизнеса вывести ситуацию из стагнации. Но пока что инициатива принадлежит все-таки НПО и общественности, которая стремительно активизируется. Например, в 2011 году только в московской области участие в экологических акциях приняло более 1 млн человек. В сентябре 2011 года открыт первый «экологический дом» («Active House»)[101].

7. Экологическая этика[102] и экологический гуманизм[103] как принцип модернизации

После падения коммунизма, дискредитации неолиберализма и нарастающего недоверия к крупномасштабным политическим идеологиям, гуманизм — это, наверное, самый важный «изм» в современном мире[104].
М. Уолцер

События 2010 и 2011 годов дали немало примеров, насколько опасна для жизни и благополучия сотен тысяч, миллионов людей разбушевавшаяся природа. Необходимы коллективные работы в области прогноза климатических изменений на земном шаре[105].
Е. Примаков

Экологическая этика — учение о моральных отношениях человека с природой, основанных на восприятии природы как морального партнера, равноправии и равноценности всего живого, а также ограничении прав и потребностей человека. Как отмечает профессор Дипломатической академии МИД В. Щетинин, «общепризнанно, что современное положение страны в мире, тем более имеющей исторически признанный статус великой, мировой державы, зависит не только от успехов на межгосударственных переговорах ее правительственной дипломатии, но и от ординарного, каждодневного и не обязательно связанного с какими-либо важными международными событиями поведения ее бизнеса — как за рубежом, так и в национальных границах своего государства. В числе характеристик такого рода «частной» дипломатии важное место принадлежит отношению к проблемам экологии»[106].

Особое значение имеет взаимосвязь популярной концепции устойчивого развития с условиями ее реализации, о которых писал, например, С. Пегов:

— борьба с нищетой;
— стабилизация численности населения;
— снижение ресурсопотребления всеми видами производства;
— сохранение устойчивости биосферы путем экологизации экономики;
— замена невозобновляемого сырья возобновляемым;
— непрерывный мониторинг за состоянием окружающей среды;
— широкое вовлечение науки в решение проблем окружающей среды;
— необходимость учета природных закономерностей при принятии решений, международное и национальное регулирование и;
— стимулирование выполнения всеми странами требований новой модели развития[107].

Скептицизм автора относительно возможностей выполнить эти условия (как, впрочем, и большинства других) основывается на неспособности правительств внедрить необходимые ограничения и добиться эффективных международных договоренностей.

У экологической этики обширнейшее поле проблем: от экспертизы строительства нефтепроводов и атомных электростанций до заботы об одиноком дереве, которое стремится срубить владелец престижного коттеджа. Столь же многогранны проблемы биоэтики, обсуждающей отношения человека с живой природой. В токийском зоопарке поставлен памятник умирающим в неволе животным.

«Этика — это своего рода зарождающийся общественный инстинкт… Развитие этики можно выразить через философские и через экологические понятия. Этика в экологическом смысле — это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле — это различие общественного и антиобщественного поведения».

Основателями экологической этики считают немецко-французского теолога, врача и философа Альберта Швейцера и американского эколога, зоолога и философа Олдо Леопольда. Швейцер полагал, что «благоговение перед жизнью» должно стать основанием универсальной этики и в целом мировоззрения людей. Этика есть ответственность за все, что живет. Там, где наносится вред какой-либо жизни, необходимо ясно осознавать, насколько это необходимо: нельзя делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного. Соответственно, смысл существования человека —

в постоянном самосовершенствовании и гармонизации микрокосма и макрокосма. Если у Швейцера в центре внимания находится нравственность, то в работах Леопольда доминирует экологический аспект в структуре этического знания: конфликт с природой предопределен не только неправильным использованием ее ресурсов, но и неумением видеть Землю как часть общности, к которой принадлежат все люди. Леопольд вводит новый термин «экологическая совесть».

Экологическая этика стала преподаваться в США с 1970-х гг. Подобные курсы были введены в вузах Англии, Австралии, Канаде, Норвегии, Финляндии. В середине 80-х гг. — в других развитых странах.

Такими философами, как Сингер, Риган и Линзи в 1970–1980-х гг. было сформулировано понятие прав животных, на основе которого организовано Движение за освобождение диких животных. Тэйлор разработал универсальные этические правила и принципы, Калликот и Ролстон — понятия о ценностях дикой природы.

На прошедшей в 1982 году Генеральной Ассамблеи ООН была принята Всемирная хартия природы — первый международный документ, утвердивший этический принцип, что всем формам жизни должна быть обеспечена возможность существования.

Впервые о гуманном отношении к животным в нашей стране было сказано в Уставе благочиния, изданном в 1782. Одним из первых экоэтические взгляды стал выражать в середине XIX века Н. Щербина. Об этическом отношении к природе писали Тургенев, Достоевский, Хлебников и особенно Л. Толстой. Друг последнего В. Чертков впервые в России выступил против любительской охоты («Злая забава»). В 1899 вышла книга Фишера, впервые заявившая о правах животных.

В советские времена этические отношения к природе практически не разрабатывались. Исключение составляет книга Д. Андреева «Розы мира». В 60-х гг. XX века появились статьи Леонова, Рябинина о морали любительской охоты, благодаря которым в России на длительный срок была запрещена весенняя охота, а при некоторых городских обществах охраны природы созданы секции по защите животных от жестокого обращения.

Однако существенного влияния на государственную политику это не оказало. В СССР лишь в 1988, одновременно с Китаем и Турцией, было создано Всесоюзное общество покровительства животным. До сих пор Россия остается единственной европейской страной, не подписавшей Страсбургской конвенции 1959 о безболезненном забое сельскохозяйственных животных.

Экологическая этика стала развиваться в России и странах СНГ уже в конце 1990-х гг. В Москве была издана книга Павловой «Биоэтика в высшей школе». С 1999 в Киеве стал выходить «Гуманитарный экологический журнал», а с 2001 регулярно проходят ежегодные семинары по экологической этике.

Спиноза писал в своем труда «Этика»: «Соображения нашей пользы не требуют сохранения того, что существует в природе, кроме людей, но учат нас сохранять, разрушать или употреблять это на что нам нужно, сообразно с различной пользой, которую можно отсюда извлечь». Сам же Спиноза, впрочем, предупреждал: «Но человеческая способность весьма ограниченна, и ее бесконечно превосходит могущество внешних причин; а потому мы не имеем абсолютной возможности приспособлять внешние нам вещи и нашей пользе».

Об ответственности человека за преобразуемую природу говорили и экзистенциалисты. Еще до возникновения экологического кризиса, но уже после создания атомного оружия А. Камю сказал, что задача его поколения «состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть».

Наряду с ответственностью, стержнем экологической этики является любовь к природе. Часто любовь к природе считают чем-то несерьезным. В этой связи В. Вундт отмечал, что чувство скорее ведет к альтруизму, чем рассудок. «Чистый, не обоснованный на эгоизме альтруизм естественно мог развиться только при переходе от рассудочной морали к морали чувства, при допущении, что непосредственные чувства симпатии и любви являются основами альтруистического поступка».

Рассудку трудно бывает побороть соображения собственной выгоды, а для чувства любви, жалости, сострадания достаточно бывает мгновения». Поэтому к экологической этике ближе путь через чувство любви, чем расчет, через благоговение перед природой, чем принятие экологического законодательства, которое еще надо приучиться исполнять.

Необходимость более любовного и ответственного отношения к природе обосновывается и в мистике XX века. В главе 3 «Розы мира» «Отношение к животному царству» Д. Андреев пишет: «Ценность материальная или духовная какого-либо объекта, материального или духовного, возрастает вместе с суммой усилий, затраченных на то, чтобы он стал таким, каков он есть». Из этого следует, что «ценность инфузории меньше ценности насекомого, ценность насекомого меньше ценности млекопитающего, ценность этого последнего еще далека от ценности человека». Но в противовес принципу духовной ценности существует принцип нравственного долга, который можно сформулировать так: «Начиная со ступени человека долг существа по отношению к нижестоящим возрастает по мере восхождения его по дальнейшим ступеням». Таким образом, экологическая этика возможна даже если мы оставим в стороне дискуссионный вопрос о равноценности всего живого в силу несопоставимой внутренней ценности каждого существа.

«На первобытного человека уже возлагался долг по отношению к прирученным животным. И не в том

он состоял, что человек должен был их кормить и охранять… Этический же долг первобытного человека заключался в том, что он должен был то животное, которое приручал и которым пользовался, любить». В настоящее время, когда человек может уничтожить все живое на Земле, этого уже мало. «Разве мы не в состоянии любить и тех животных, от которых не получаем непосредственной пользы — диких животных, по крайней мере, тех из них, которые не приносят нам вреда?»

Экологический гуманизм.

По мере того как в цивилизованных странах благодаря достижениям науки и техники стало снижаться насилие над человеком, но благодаря им же возросло насилие человека над природой. Эксплуатация природы как бы частично заменила эксплуатацию человека. Поэтому стал нужен гуманизм, распространенный на природную среду.

Появилась необходимость, чтобы столь незыблемыми в эпоху Ренессанса принципы гуманизма были соотнесены не только с человеком, но и с природой. В таком рассмотрении гуманизм потерял свое прежнее содержание и стал экологическим гуманизмом. Любовь человека, эгоистически направленная только на него самого, привела, в конечном счете, к экологическому кризису. Экогуманизм, в отличие от традиционного гуманизма, видит в природе бытие человека. Именно поэтому человек вынужден относиться к ней так же бережно, как к самому себе. Природа ценна для нынешних и будущих социальных систем. Главной идеей экогуманизма является отказ от насилия над природой и человеком.

Экологический гуманизм основан на принципе гармонии человека и природы и признании равноценности всего живого. Экологический гуманизм требует изменения отношения к природе (защита животных, охрана среды от загрязнения и т. д.), к людям (сохранение культурного и индивидуального разнообразия), к Универсуму. Экологический гуманизм соединяет отношение к человеку и животным, преодолевая тот парадокс, что люди могут бороться за права животных и не обращать внимания на насилие над людьми. Согласно экогуманизму, права животных и людей одинаково священны.

Экологический гуманизм исходит из того, что существующие формы жизни в условиях техногенной цивилизации, глобализации, экологического кризиса, новых угроз и рисков характеризуются нарастанием многочисленных и усложняющихся негативных процессов. «Среди гуманистических векторов развития, проявления его человечной сущности всё большее значение приобретает вектор сохранения всего живого на планете Земля», — отмечает Е. Когай, характеризуя родство гуманизма и ценностных оснований экологической культуры». В связи с этим гармонизация отношений человека с социальной и природной средой все более актуализируется как глобальная проблема в условиях растущей разбалансированности быстро меняющихся социальных условий и отношений, с развитием человека, его духовно-психической и биологической природой. «Новый ракурс утверждающегося сегодня гуманистического идеала выражается в отказе от понимания процесса творческого самоопределения через овладение окружающим миром, через утверждение могущества, силы, величия, через установление контроля и господства с использованием инструментальных средств — разума, рациональности, соответствующих технологий, — пишет Е. Когай. — Природа при таком подходе перестаёт рассматриваться как бесконечный ресурс человеческой деятельности, подлежащий бесконечному, перманентному покорению и переделыванию».

Особого внимания заслуживает работа «Экогуманизм», изданная Гуманистическим институтом. В этом научном сборнике восемнадцать авторов с различных точек зрения обсуждают проблемы связи экологии и общества, эволюционной психологии, универсализма и партикуляризма, религии и др. Едва ли не фокус всей полемики составил вопрос: «Смогут ли человеческие существа признать значимость иных форм жизни и не поставить себя в центр своих действий»? Ответ известного американского учёного Верна Буллоу совершенно определённен: «…в длительной перспективе никакая стратегия не может быть эффективной, если мы не учтём человеческий фактор. Но этот человеческий фактор относится ко всему человечеству, и он должен быть гуманистичным». Американские учёные полагают, что в области экологии решающим остается вопрос, сможем ли мы решить проблему человека. Буллоу уточняет: «Экологические вопросы не решаются изолированно от реальной жизни реальных людей», а это требует решения проблем глобальной справедливости».

Анализируя экологический гуманизм, важно упомянуть труды известного ученого-марксиста, видного деятеля движения за мир Говарда Парсонса. Одна из его первых крупных работ была посвящена гуманизму Карла Маркса. Вместе с тем, во многих последующих трудах он разрабатывал идеею натурализации человека и гуманизации природы. Парсонс четко видел растущую значимость угрозы экологической безопасности. Его можно считать одним из предтеч современного антиглобализма, поскольку он резко критиковал транснациональные корпорации и западный военно-промышленный комплекс не только за гонку вооружений, но и за загрязнение и осквернение окружающей среды, за вывоз грязных технологий в развивающиеся страны, за бесконтрольное производство товаров, далеко не безопасных для потребителей.

8. Экологический кризис как часть мирового кризиса[108]

Современная экономика приводится в действие именно растущим влиянием интеллектуального труда профессионалов…[109].
М. Клинова

На данном этапе необходима экологизация через активную экомодернизацию, внедрение экологичных наилучших доступных технологий (НДТ)[110].
С. Кричевский

Кризис 2008–2011 годов является не столько экополитическим или финансовым кризисом, сколько кризисом мировоззренческим и идеологическим. Этот кризис показал, что мировое развитие в рамках либеральной традиции (в частности, модернистской, «рационального капитализма»)[111] не решает сложившихся проблем. В том числе в экологической области, когда возникли реальные угрозы для главного интереса человечества — его биологического существования.

Усугубление экологических проблем связано с убыстряющимися темпами развития экономики потребления: быстрый рост темпов ВВП неизбежно ведет к росту потребления энергоресурсов, что, в свою очередь, ведет к неизбежному усилению негативных последствий в экологической области.

Этот рост приходится прежде всего на те страны, которые принято называть развитыми — прежде всего США и Евросоюза, а также Китай, Бразилию, Россию, Индию, ЮАР и ряд других. По оценкам экспертов, к 2020–2030 годам ЕС будет импортировать 70 % газа, 90 % нефти и 100 % угля[112].

Понимание этой зависимости в Европе существует. В январе 2007 года, например, Европейская комиссия заявила, что «все государства — члены ЕС сталкиваются с проблемой изменения климата и роста зависимости от импорта … энергоносителей»[113]. Однако практические действия правительств существенно отстают от темпов нарастания остроты проблемы.

Это объективно подталкивает к созданию новых и повышению эффективности существующих институтов. Кризис, таким образом, объективно сформулировал задачу совместных действий. И не только в экономике, но и в политике, и в идеологии. Как подчеркнул В. Путин в октябре 2011 года, озвучивая идею Евразийского союза, «характерно, что в период мирового финансового кризиса, заставившего государства искать новые ресурсы для экономического роста, интеграционные процессы получили дополнительный импульс. Мы объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства — как в СНГ, так и в других региональных объединениях. И сконцентрировали свое внимание прежде всего на развитии торговых и производственных связей.

Замечу, что именно такая задача ставилась при создании в 2000 году ЕврАзЭС. И в конечном счете, именно логика тесного, взаимовыгодного сотрудничества, понимание общности стратегических национальных интересов привели Россию, Белоруссию и Казахстан к формированию Таможенного союза»[114].

Мировой кризис остро поставил перед Россией и другую задачу — ликвидации зависимости от западных рынков, которая основывается на ресурсно-сырьевой экономике и фактическом отсутствии экологической политики, в том числе и в области климата. И если первая констатация стала общепризнанной хотя бы в политической риторике (ее просто сформулировал В. Полтерович: «Экономический кризис подтвердил тезис о том, что российский механизм экономического роста в 1999–2008 гг. решающим образом зависел от внешнеэкономической конъюнктуры, прежде всего, от цен на природные ресурсы и условий кредитования на мировом рынке. Многие российские эксперты и политики связывают выход России из кризиса с возобновлением роста в западных экономиках»[115], то вторая до сих пор не оказалась в эпицентре внимания.

Вместе с тем обращает внимание отнюдь не случайное совпадение: в самый разгар мирового кризиса, в декабре 2009 года, в Копенгагене (7–19 декабря) проходила международная конференция ООН, на которой все мировые лидеры (кроме председателя Госсовета КНР) собрались вместе и пришли к соглашению, пусть и имеющему всего лишь статус коммюнике, то есть необязательного к исполнению, которое может стать основой для будущего глобального международного сотрудничества. Как признает эксперт А. Кокорин, «если же мы возьмем окончательный вариант соглашения, то там нет конкретных цифр снижения выбросов — в угоду Китаю их просто убрали. Но если мы возьмем положения, которые были в документе до компромисса с Китаем и по которым было достигнуто согласие всеми развитыми странами и большинством развивающихся (потому что у Индии, Бразилии, Индонезии, ЮАР немного другое положение, чем у Китая), получится, что мир был готов сделать шаг на пути к ограничению роста глобальной температуры на уровне третьего градуса. В идеале, конечно, надо говорить о борьбе за ограничение роста уже на уровне двух градусов»[116]. В официальном сообщении для прессы говорилось, в частности, что Копенгагенское соглашение при-

знает научное видение того, что ограничение роста глобальной температуры на уровне двух градусов является необходимым для сдерживания наихудших последствий изменения климата.

Для достижения этой цели соглашение предписывает, что индустриально развитые страны должны будут выполнить, индивидуально или совместно, численные обязательства по их общенациональным выбросам на 2020 год, которые должны были быть внесены в соглашение до 31 января 2010 года.

Ряд развивающихся стран согласились сообщать о своих усилиях по ограничению выбросов парниковых газов каждые два года, а также до 31 января 2010 года представить список своих добровольных предложений.

Национальные приемлемые действия по предотвращению, требующие международной поддержки, должны вноситься в реестр наряду с соответствующей поддержкой со стороны.

Как результат, они намерены учредить «Копенгагенский зеленый климатический фонд» для поддержки непосредственных действий по борьбе с изменением климата Коллективное обязательство относительно финансирования со стороны развитых стран на следующие три года будет составлять 30 млрд долл. США.

Для долгосрочного финансирования развитые страны согласились поддержать цель о совместном предоставлении к 2020 году 100 млрд долл. в год, направленных на нужды развивающихся стран. Правительства намереваются учредить новый технологический механизм чтобы ускорить развитие и передачу технологий с целью поддержки действий по адаптации и предотвращению.

119 мировых лидеров присутствовали на встрече, широчайшем в истории ООН собрании глав государств и правительств. «Изменение климата — долговременный серьезный вызов нашего времени, — сказал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. — И поэтому я призываю мировых лидеров оставаться вовлеченными в проблему».

«Сегодня мы имеем рабочий пакет для начала немедленных действий», — заявил исполнительный секретарь РКИК ООН Иво де Боер[117]. «Тем не менее, нам должно быть ясно, что это лишь декларация о намерениях, и она не определяет в юридических терминах того, что должно быть сделано. Поэтому проблема сейчас в том, чтобы превратить то, о чем мы политически согласились в Копенгагене в нечто реальное, поддающееся измерению и контролю», — добавил он[118].

В это же время, а именно 17 декабря 2009 года, в России появилось распоряжение президента «О климатической доктрине Российской Федерации», в котором говорилось: «В целях осуществления скоординированных действий, направленных на обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации в условиях изменяющего климата:

1. Утвердить прилагаемую Климатическую доктрину Российской Федерации.
2. Правительству… руководствоваться положениями Климатической доктрины»[119].

Такое совпадение по времени и по концептуальности подхода, конечно, не может быть случайностью. Принимая Климатическую доктрину одновременно с решениями международной конференции ООН по климату, российское руководство подчеркивало, что мировой кризис требует принципиально нового подхода к решению политических, экономических и экологических проблем, который отличается от модернистской националистической традиции.

Признавая этот факт, либералы, однако, полагают, что главной причиной роста угрозы стала не прежняя либерально-ресурсная мировая модель развития, а новые угрозы, связанные, прежде всего, с националистическими и религиозными формами сознания, которые стали стремительно развиваться в условиях однополярного мира. Как пишут авторы дискуссионного клуба «Валдай», «прекращение же биполярного противостояния, которое структурировало мир и позволяло находить устойчивый баланс сил и интересов, **усложнило внутренние процессы** и поставило на повестку дня вопрос о новой самоидентификации. **Идеологический вакуум начал быстро заполняться более традиционными формами сознания, прежде всего религиозными и националистическими**. Это оказывает разнонаправленное воздействие на ход событий, в особенности в регионах, где пересекаются интересы крупных политических игроков»[120].

В настоящее время мы являемся свидетелями мирового экологического кризиса. Основной причиной данного кризиса является резкое возрастание антропогенной нагрузки на природную среду. Развитие техники, промышленности, городов является причиной подобной нагрузки. «Экологическое неблагополучие — следствие прямого уничтожения естественных экосистем (вырубка лесов, распашка степей и лугов, промышленное, дорожное строительство и т. д.) или негативных антропогенных воздействий на них (загрязнение атмосферного воздуха, водных объектов, территории и почвы отходами производства и потребления, подтопление либо, наоборот, иссушение земель вследствие выполнения гидромелиоративных работ, а также промышленные и другие антропогенные аварии». Антропогенная нагрузка на природу превосходит возможности ее сопротивляемости, природа начинает погибать.

В настоящее время в мире растет стремление вернуть единство человека и природы. Можно сказать, что философия XX века решительно покинула характерное для Нового времени противопоставление субъекта и объекта, человека и природы. Природа стала пониматься как дом, в котором живет человек. Экология в дословном переводе с греческого означает наука о доме.

Табл. 3. Запасы энергоресурсов по отдельным регионам мира
по состоянию на январь 2007 г. в % к общемировым запасам

	Уголь	Газ	Нефть
Северная Америка	28	6	5
Южная Америка	2	8	8
Западная Европа	6	3	2,7
Россия	17	33	10
Ближний Восток:	5	35	62
Юго-Восточная Азия	24	7	3
Африка	9	8	9
Австралия	9	–	0,3

Источник: Экономика и управление. 2007. № 2 (28). С. 56.

Столкнувшись лицом к лицу с экологическим кризисом, человечество не знает, как справиться с ним. Несмотря на реализацию программ по развитию безотходных производств, усовершенствованию экологического законодательства, экологическая ситуация только ухудшается. Становится все более очевидным, что главная экологическая проблема заключена не в природе, а в ценностно-этических представлениях человека и общества. Как заметил З. Левин, стержнем всех определений понятия «современное общество» является представление о том, что оно ориентировано на постоянное изменение в достижении рациональных целей. (Отечественный социолог И. Яковенко акцентирует внимание на таком факторе, как рациональное целеполагание в современном обществе. Он, в частности, говорит о том, что, в отличие от сцементированных верой во всемогущество высших сил средневековых империй, национальные государства призваны защищать интересы людей. Первые были ориентированы на иррациональные цели и ценности, причем человек и общество в целом служили лишь средством достижения этих целей…»[121].

В настоящий момент, чтобы добиться результата в решении экологических проблем, перед политической философией стоит ряд задач. Центральной задачей является осмысление модели будущего устройства общества как экологоинформационной цивилизации, способной к гармонизации отношений с природной средой. Эта новая модель должна стать, безусловно, конкурентоспособной существующей модели, но принципиально отличаться от нее. Как справедливо считают российские ученые[122], «… в результате конкуренции лидерами эпохи постиндустриальной экономики должны стать не отдельные субъекты рыночного пространства, но государства и мировые сообщества, которые смогут обеспечить наивысший интеллектуальный потенциал, пригодный для его продуктивного использования рынком с целью создания широкого круга жизненных благ в виде товарных ресурсов». Отсюда Россия:

— нуждается в адекватном позиционировании на мировом экономическом пространстве, защите естественных конкурентных преимуществ, национальных интересов и традиций;
— страна с населением менее 3 %, но имеет более 12,8 % территории и около трети сырьевых ресурсов планеты (см. табл. 3). При столь больших запасах энергоресурсов Россия имеет самый низкий во всем мире уровень энергоэффективности (ВВП по ППС 2006 г. на потребление энергии, долл. США на 1 кг нефтяного эквивалента) — 2,1 в 1990 г. и 2,6 в 2005 г., а в странах с низким доходом — 2,8 и 3,8 соответственно. При таком отношении к нашему основному естественному конкурентному преимуществу вполне вероятна его скорая потеря;
— обладает значительной протяженностью сухопутных и морских границ и низкой плотностью населения. Достижение оптимальной плотности населения является важным условием конкурентоспособности экономики, основанной на разделении труда;
— существуют потенциальные военные угрозы;
— отсутствуют надежные экономические союзники. В долгосрочной перспективе, в связи с формированием новых мировых центров экономической и финансовой мощи и ослаблением позиций России возможны попытки установления контроля (политического, военного, экономического) над территориями, имеющими жизненно важное значение для России, и даже над некоторыми регионами внутри самой страны.

Также крайне важна задача переориентации общества с потребительского отношения к природе на отношения, основанные на ответственной коэволюции, способные гармонизировать систему «общество — природа».

Развитие экологически ориентированной экономики — важнейшее условие перехода общества на путь гармонизации системы «общество–природа» и стабилизации экологической ситуации в мире, в регионах и отдельных странах.

В виду того, что главная причина возникших экологических проблем исходит от самого челове-

ка, следовательно, нуждается в изменениях и сам человек и прежде всего его духовность. Нуждается в изучении, определении и использовании духовный потенциал человека и общества в решении сложных экологических проблем, вставший перед мировым сообществом.

Нуждается в защите и природа самого человека. Одна из самых опасных современных угроз состоит в том, что нарастают негативные изменения в генетической основе человека, в том числе под влиянием неблагоприятных природных условий, а также в результате употребления различных вредных веществ, вызывающих эти изменения. В выработке подходов к решению этих задач философы могут и должны принимать самое активное участие для блага человека и человечества.

---

1 Этот раздел подготовлен в соавторстве с аспиранткой кафедры дипломатии МГИМО(У) Русаковой Ю. А.

2 *Гетенев В.* Экологическая безопасность как важнейшее условие модернизации // Регионы России. 2010. Июль–август. № 7–8 / http://www.gosrf.ru/jurnal/articl/1207

3 *Посадский А.* Экологическая модернизация в контексте теорий постиндустриального и информационного общества. 7 октября 2009 г. / Социальное богословие / www.soctheal.ru

4 *Пискулова Н.* А. Экологический вектор развития мировой экономики. М.: NAVONA, 2010. С. 37.

5 **Экологическая безопасность** — *зд.* одна из важнейших составляющих национальной безопасности, совокупность природных, социальных, политических и экономических условий развития нации.

6 *Шмелева Е.* Климат без жертв // Российская газета. 2010. 30 июля. С. 2.

7 См., например: *Мартынов Б.* БРИКС: заря новой эры или business as usual? // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98). С. 161–163.

8 Оценивая эту инициативу, Н. Назарбаев, например писал, что она «имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры…» Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 октября

9 *Межуев Б.* Конфликт внешнеполитических идеологий // Известия. 2011. 9 ноября. С. 10.

10 *Кукушкина А. В.* Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: Международно-правовые аспекты / Предисловие И. Б. Лянгера. М.: ЛКИ, 2008. С. 5.

11 Модернизация экономики России: от теории к практике. Доклад для Мирового политического форума. Ярославль. 2010. С. 25.

12 *Бажанов Е. П.* Слабых бьют // Независимая газета. НГ-дипкурьер. 2011. 19 сентября. С. 10.

13 *Мнацаканян М. О.* Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М.: Анкил, 2011. С. 53.

14 *Прокофьев В.* Бились лбами до четырех утра // Российская газета. 2011. 28 октября. С. 6.

15 Цит. по: *Калхун К.* Национализма. М. 2006. С. 178.

16 *Мнацаканян М. О.* Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М.: Анкил, 2011. С. 263–264.

17 Правда ли, что… // Российская газета. 2011. 10 ноября. С. 4.

18 *Соколова Н. А.* Теоретические проблемы международного права окружающей среды. Иркутск. 2002. С. 7.

19 Правда ли, что… // Российская газета. 2011. 10 ноября. С. 4.

20 *Guruswamy L, Palmer W., Weston B.* International Environmental Law and World Order. St. Paul, 1994. P. 223.

21 Экологические проблемы и риски воздействий ракетно-космической техники на окружающею природную среду / под общей редакцией В. В. Адушкина, С. И. Козлова и А. В. Петрова. М.: Анкил, 2000. С. 640.

22 *Веденеева Н.* Дыра на оба ваши дома // Московский комсомолец. 2011. 4 октября. С. 3.

23 *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. 1973. С. 180.

24 *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетарное явление. М. 1977. С. 67.

25 *Горелов А. А.* Экология. М.: Юрайт-М, 2002. С. 56.

26 **Политическая экология** — *зд.* новое направление в исследованиях, изучающее долговременные политические и экономические последствия экологических процессов и принимаемых международных и внутриполитических решений.

27 *Романова Т. А.* Что такое политическая экология? // Россия в глобальной политике. 23 октября 2010 г. / http://www.globalaffairs.ru

28 *Степановских А. С.* Прикладная экология: охрана окружающей среды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 66.

29 См.: *Мастушкин М. Ю.* Экология и экологическое право. М.: МГИМО(У), 2001. С. 209.

30 *Светлов С. В.* Историческая экология, демография и биотехнология. С. 25.

31 Там же.

32 Экология и безопасность жизнедеятельности / Под ред. Л. А. Муравья. М.: ЮНИТИ, 2000.

33 *Кортунов С. В.* Войдет ли Россия в пятерку мировых лидеров? // Вестник аналитики. 2010. № 1. С. 6.

34 См., например: Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. М.: МЭР, 2010.

[35] *Климентьев М.* Медведев призвал чиновников менять отношение к природе. РИА-Новости. Экология. 2011. 9 июня / http://eco.ria.ru

[36] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

[37] Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России. Доклад Академика наук США. The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 2.

[38] *Сергеев В. М., Казанцев А. А., Коктыш К. Е.* Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках: монография. М.: МГИМО(У), Проспект, 2010. С. 55.

[39] *Куликов С.* Россия в АТЭС торгует своим пространством // Независимая газета. 2011. 9 ноября. С. 1.

[40] Возможность управлять ресурсами — главная особенность правящей элиты. «Политический класс является **правящим**, так как он занимается управлением и распоряжается ресурсами власти». См.: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2005. С. 63.

[41] Обретение будущего: Стратегия-2012. Конспект. Экон-информ, 2011. С. 54.

[42] *Клинова М. В.* Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 97.

[43] *Клюканова Л. Г.* Экологический аспект интеграционных процессов в ЕС и СНГ (международно-правовой анализ) / СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург). 2001. С. 8.

[44] Декларация о принципах международного права. 1970 // Международное публичное право. Сб. док. В 2 т. Т. 1. Гл. 1. М. 1996.

[45] *Бусыгина И., Захаров А.* Общественно-политический лексикон. М.: МГИМО(У), 2009. С. 110.

[46] *Подберезкин А. И.* Ответственность «вперед смотрящих» / В кн.: Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1987.

[47] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

[48] *Караганов С., Олешковский А., Тельчик Х.* Гостиница «Европейская» // Российская газета. 2011. 16 сентября. С. 1.

[49] См.: Сотрудничество и соперничество в Евразии (материалы Восьмой российско-японской научно-практической конференции. Москва, 7 сентября 2010 г.) / под ред. А. В. Лукина. ИМИ МГИМО(У). М.: МГИМО(У), 2011. С. 7.

[50] *Акимова Т. А., Хаскин В. В.* Экология: человек — экономика — биота — среда. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 147.

[51] *Алимов А. А.* Экологическая безопасность и мировая политика: что происходит, кто виноват и что делать? // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 230.

[52] Экологическая доктрина Российской Федерации (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р). С. 1.

[53] *Капица Л. М.* Лекционный курс «Экономическая дипломатия». Кафедра мировой экономики МГИМО(У) / http://lkapitsa@yandex.ru

[54] Экономическая дипломатия в условиях глобализации / под общ. ред. Л. М. Капицы. М.: МГИМО(У), 2010. С. 525.

[55] *Кравченко С. А.* Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с англ. эквивалентами). М.: МГИМО(У), 2011. С. 364.

[56] *Алимов А. А.* Экологическая безопасность и мировая политика: что происходит, кто виноват и что делать? // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 231.

[57] *Кузнецов В. Н.* Российская идеология XXI века / http://spkurdyumov.narod.ru/Kuznetsov25

[58] *Брэнсон Н.* Предприниматели спасут планету от жажды // Независимая газета. 2011. 20 сентября. С. 3.

[59] Экономическая дипломатия в условиях глобализации / под общ. ред. Л. М. Капицы. М.: МГИМО(У), 2010. С. 525.

[60] *Субетто А. И.* Мировой экономический кризис в начале XXI как начало исторического краха. 2011. 7 августа / www.cprfspb.ru

[61] Правовая мысль: антология / автор.-сост. В. П. Малахов. М.: Екатеринбург, 2003. С. 243.

[62] Россия: стратегия для нового мира. Сборник докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. С. А. Карагановва. М.: ВШЭ, 2011. С. 5.

[63] *Шестаков Е.* Вернулись на Гавайи // Российская газета. 2011. 14 ноября. С. 2.

[64] *Лелюшкин Н.* Запрограммированная бессистемность // Независимая газета. НГ-энергия. 2011. 11 октября. С. 1.

[65] *Мельник Н.* Чтение с карандашом // Независимая газета. 2011. 3 ноября. С. 7.

[66] *Гилинский Я. И.* Исключенные навсегда // Независимая газета. 2011. 18 ноября. С. 5.

[67] Россия и ее регионы: внешние и внутренние экологические угрозы. М.: Наука, 2001. С. 5.

[68] *Мастушкин М. Ю.* Экология и экологическое право. М.: МГИМО(У), 2001. С. 33.

[69] Экологическая доктрина Российской Федерации (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р). С. 1.

[70] *Малик Л.* Нетрадиционная экология // Независимая газета. НГ-энергия. 2011. 11 октября. С. 11.

[71] *Торкунов А. В.* Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября. С. 6.

[72] Там же.

[73] *Гилинский Я. И.* Исключенные навсегда // Независимая газета. 2011. 18 ноября. С. 5.

[74] *Кимельман С.* Как я провёл этим годом, пытаясь активно участвовать в экспертной группе по обновлению «Стратегии–2020» / Эл. ресурс Viperson. 2011. 26 ноября / www.viperson.ru

[75] *Осипов И., Левин М.* Фукусима не Чернобыль? 16 марта 2011 г. / Форбс. http://www.forbes.ru/nocle/64883

[76] Экологическая доктрина Российской Федерации (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р).

[77] Там же.

[78] *Степнов А.* Американцы сосчитали орбитальный мусор // Известия. 2011. 5 сентября. С. 1.

[79] После кризиса 2008–2011 годов противоречивость этих двух векторов стала вновь предметом острых дискуссий. В частности, на Мировом политическом форуме в Ярославле, в сентябре 2011 года, который произошел под девизом «Современное государство в эпоху социального многообразия». На нем, в частности, президент Республики Корея Ли Мен бак заявил, что «стало невозможным, чтобы одна страна могла справиться с любой проблемой международного характера».

[80] *Торкунов А.* От Третьего Рима к мировому городу. *Торкунов А. В.* По дороге к будущему / А. В. Торкунов ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. С. 229.

[81] *Башкатова А.* Брешь в бюджете пробили не пенсионеры // Независимая газета. 2011. 5 сентября. С. 4.

[82] Проблема пресной воды: глобальный контекст политики России / кол-тив авт. МГИМО(У) // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 45.

[83] Экологическая модернизация / СМИ.ru, 27 июня 2010 г. / http://www.smi.ru

[84] *Пустарнакова А.* Экологи считают природоохранную программу слишком сырой // Известия. 2011. 5 сентября. С. 4.

[85] *Маринин В.* «Высочайший» потеряет европейских партнеров из-за экологических проблем // Известия. 2011. 12 сентября. С. 1.

[86] *Верховская М, Гавычева А.* Сергей Собянин потребовал пересчитать расходы на экологию // Известия. 2011. 12 октября. С. 6.

[87] *Чернявский С. И.* Россия и современная гидрополитика // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 25.

[88] *Боришполец К. П.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 31.

[89] Парниковый эффект был обнаружен Жозефом Фурье в 1824 году, количественно исследован он был Сванте Аррениусом в 1986 году.

[90] *Алимов А. А.* Экологическая безопасность и мировая политика: что происходит, кто виноват и что делать? // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 226.

[91] *Пискулова Н. А.* Экологический вектор развития мировой экономики. М.: Навона, 2010. С. 240.

[92] Предложения Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцева РАН к докладу «О реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации». РАН, 2011.

[93] *Алимов А. А.* Экологическая безопасность и мировая политика: что происходит, кто виноват и что делать? // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 227.

[94] *Степановских А. С.* Прикладная экология: охрана окружающей среды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 82.

[95] *Никонов В.* Демократические институты в полиэтнических обществах. Мировой политический форум. Ярославль. 2011. Август.

[96] *Логинов Я.* Экология как новая форма дипломатии // ЭСКО. 2009. Август. № 8 / http://esco-ecosys

[97] *Кукушкина А. В.* Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: Международно-правовые аспекты / Предисл. И. Б. Лянгера. М.: ЛКИ, 2008. С. 5.

[98] По дороге в будущее / А. В. Торкунов, ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 147.

[99] *Пискулова Н. А.* Экологический вектор развития мировой экономики. М.: Навона, 2010. С. 37.

[100] Проблема пресной воды: глобальный контекст политики России / кол-тив авт. МГИМО(У) // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 47.

[101] *Астахова А. В.* Концепт без колес // Независимая газета. 2011. 11 октября. С. 16.

[102] **Экологическая этика** — *зд.* область исследований и практика реализации этических норм и принципов, регулирующих отношение человека к природе. Так, в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года были закреплены основные принципы экологического права, разработанные на основании норм поведения в экосфере.

[103] **Экологический гуманизм (экогуманизм)** — *зд.* гармония социальной, биологической и природной деятельности человека, включающая в ценностные характеристики современной цивилизации все сферы деятельности. Как считал Н. В. Тимофеев-Ресовский, «даже крайне малое антропогенное воздействие на природные процессы способно обернуться значительными последствиями на всех уровнях организации живого: молекулярно-генетическом, онтогенетическом, популяционном и биосферном» (Парсонс Г. Человек в современном мире / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. С. 109.

[104] *Уолцер М.* Помощь людям — это благотворительность, долг или и то и другое вместе взятое? // Россия в глобальной политике. 2011. Июль–август. № 4. Т. 9.С. 34.

[105] *Примаков Е. М.* Мысли вслух // Российская газета. 2011. С. 156.

[106] *Щетинин В. Д.* «Частная» дипломатия в вопросах экологии / http://www.referatcity.ru

[107] *Пегов С. А.* Мифы устойчивого развития. Успеет ли человечество реализовать его принципы // Географические проблемы стратегии устойчивого развития природной среды и общества. М.: ИГ РАН, 1996.

[108] **Экологический кризис** — *зд*. такая экологическая ситуация, когда возникает реальная угроза существованию одного из видов или популяции.

[109] *Клинова М. В.* Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах / М. Н. Клинова. М.: Магистр, 2011. С. 97.

[110] *Кричевский С. В.* Экомодернизация аэрокосмической деятельности России: проблемы, стратегия, перспектива / http://www.svkrich@mail.ru

[111] *Мнацаканян М. О.* Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М.: Анкил, 2011. С. 53.

[112] *Пашковская И. Г.* Энергообеспечение Европейского Союза: восточное направление. М.: НАВОНА, 2010. С. 5.

[113] Communication An Energy policy for Europe. COM (2007). 10.01.2007, SEC (2007) 12. // http://ec.europa.eu/energy_policy/doc/01

[114] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября. С. 1.

[115] *Полтерович В. М.* Стратегия модернизации: выход кризиса на траекторию быстрого экономического роста. В кн.: Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В. М. Полтерович. С-Пб.: Алетейя. 2010. С. 8.

[116] *Кокорин А.* Копенгаген — это не провал // Эл. СМИ Рабкор.ru. 31 декабря 2009 г. / http://www.rabkor.ru

[117] Насчитывая 194 Стороны, Рамочная конвенция Организации Объединенных Нации об изменении климата (РКИК ООН) является практически всемирным соглашением. Конвенция является «родителем» Киотского протокола 1997 года, который на настоящее время ратифицировали 190 Сторон РКИК ООН. Согласно протоколу, 37 индустриально развитых стран и стран с переходной экономикой имеют юридически закрепленные обязательства по ограничению и снижению выбросов. Конечной целью обоих соглашении является стабилизация концентраций в атмосфере парниковых газов на уровне, который бы предотвращал опасное антропогенное воздействие на климатическую систему.

[118] Сообщение для прессы. Копенгагенская конференция ООН по изменению климата завершается политическим соглашением о сдерживании роста температуры, сокращении выбросов и увеличении финансирования ООН.

[119] О климатической доктрине Российской Федерации. Распоряжение Президента Российской Федерации. № 861-рп. 17 декабря 2009 года.

[120] Россия: стратегия для нового мира. Сборник докладов МДК «Валдай» / под ред. С. А. Караганова. М.: ВШЭ, 2011. С. 5.

[121] *Левин З. И.* Восток: модернизация в человеческом измерении (опыт системного подхода). М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С. 16.

[122] *Курнышева И. Р., Сеченова В.* В. Россия в конкурирующем мире. В. кн.: Конкурентоспособность России как стратегическое направление развития. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 18–20.

Глава 4

Глобальные изменения климата и первые попытки их предотвращения[1]

Политики становятся государствами в рамках международных систем. ри этом происходит отчетливое разделение на гегемонов, их сателлитов и акторов промежуточного плана, на интеграторов международных систем и их периферийных участников[2].

М. Ильин,
профессор МГИМО(У)

Модель светского либерализма, проповедующая безудержное потребительство, показала свою неспособность дать реалистичный ответ на вопрос о путях обеспечения устойчивого гармоничного развития человечества, в том числе в условиях исчерпаемости природных ресурсов и деградации окружающей среды[3].

С. Лавров

Климат — как многолетний статистический режим погоды, характерный для определенной местности[4], является важнейшим условием существования человечества. Климат, «определяемый географической широтой местности, высотой над уровнем моря, удаленностью местности от океана, рельефом суши, характером подстилающей поверхности, антропогенным воздействием, экологическими и другими факторами; происходит от греческого слова klima — наклон земной поверхности к солнечным лучам, чем и определяются климатические характеристики разных регионов, широт, территорий, смена времен года»[5].

Проблема климата может рассматриваться как проблема климатического эффекта (climatic effect), то есть изменения биосферной энергетики в результате накопленных в атмосфере газов, нарушающих тепловые потоки и плотность озонового экрана, прямого выброса энергии, изменения характера влагооборота и т. д.

Кроме того, эта проблема рассматривается и как климатический фактор (climatic factor), включающий метеоклиматические элементы — поступление солнечной энергии, характер циркуляции воздушных масс, баланс тепла и влаги, динамику атмосферного давления и т. д.[6].

Таким образом, проблема климата — **производная проблема от действия антропогенных, природных и космических факторов, что ограничивает изначально возможности ее решения нейтрализацией негативных факторов человеческой деятельности**. Другими словами, климатическая проблема может быть частично решена только совместными международными усилиями, способными ограничить

негативные последствия человеческой деятельности, т. е. добровольно взятыми обязательствами суверенных государств (либо, что мы наблюдаем, отказом взять на себя такие обязательства). Это хорошо видно из следующих данных[7].

Табл. 1. Рост техносферы в XX веке
(по Т. А. Акимовой, А. П. Кузьмину, В. В. Хаскину, 2001)

Показатель	Начало века	Конец века
Валовой продукт, млрд долл./год	60	25 000
Энергетическая мощность техносферы, ТВт	1	14
Численность населения, млрд человек	1,6	6,0
Потребление пресной воды, км^3/год	360	5000
Потребление первичной продукции биоты, %	1	40
Площадь лесопокрытых территорий, млн км^2	57,5	50,0
Рост площади пустынь, млн км^2	—	1,7
Сокращение числа видов, %	—	20
Площадь суши занятая техносферой, %	20	60

Глобальный антропогенный материальный баланс, по Т. Акимовой, В. Хаскину (2000), представлен на рис. 1.

В любом случае мы вынуждены признать, что существует два комплекса проблем. Первый комплекс связан с международным сотрудничеством и дипломатией, направленный на нейтрализацию антропогенного фактора. Второй — стихийный, природный и космический, влияние на который человечество может сегодня эффективно оказывать только с точки зрения ликвидации негативных климатических последствий. В любом случае оба эти аспекта имеют существенные последствия для России. Так, по оценке российских ученых, «при сохранении современных тенденций изменений климата границы природных зон в Евразии будут сдвигаться к северу. К 2080 г. тундра на 10–35 % будет замещена тайгой, но при этом в Сибири площадь лесов может сократиться в два раза, так как южная граница леса также сдвинется к северу на несколько сотен км, а площадь степной зоны увеличится. При реализации сценария сильного потепления смена типов экосистем произойдет на большей части Сибири, границы природных зон сдвинутся на 600–1000 км, доминировать будут степи, на юге Сибири возникнет опасность опустынивания. Однако на Европейской территории России при условии гумидного потепления зона лесов может увеличиться как на север, так и на юг»[8].

Как уже говорилось выше, проблемы международной безопасности теснейшим образом связаны с экологическими проблемами, которые по самой свой сути являются глобальными, то есть международными. В последние десятилетия на первый план в международных отношениях вышли проблемы климата, на примере решения которых мы и рассмотрим экологическую дипломатию[9]. В ряде исследований она получила название «политическая экология»[10].

К сожалению изначально приходится признать, что как на уровне политической философии, так и практических действий усилия государств существенно отстают от уровня климатической угрозы и ее последствий. Так, в 2011 году эксперты отметили, что озоновая дыра в Арктике увеличилась на 80 %, распространяясь на северные регионы России.

Экологическая дипломатия базируется на общепринятых принципах и нормах международного экологического права.

Важнейший вклад в становление этих принципов внесли Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды (1972 г.), Всемирная хартия природы (ВХП), одобренная Генеральной Ассамблеей (1982 г.), и Международная конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Соответственно в истории развития (кодификации) **основных экологических принципов международного сотрудничества** обычно выделяют три этапа (периода).

1. **Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972)** ознаменовала начало важнейшего этапа в экологической политике государств и международных сообществ. По итогам конференции была принята Декларация, в которой определялись стратегические цели и направления действий мирового сообщества в области охраны окружающей среды.

Стокгольмская конференция провозгласила 5 июня Всемирным днем окружающей среды. На конференции был образован постоянно действующий орган ООН по окружающей среде (ЮНЕП) со штаб-квартирой в г. Найроби (Кения).

Программа ЮНЕП предусматривает организацию и планирование природоохранных действий в пределах трех функциональных направлений: 1) оценка окружающей среды — глобальная система наблюдений; 2) управление окружающей средой; 3) вспомогательные меры (образование в области окружающей среды и подготовка кадров). ЮНЕП координирует также деятельность других международных организаций по использованию, воспроизводству и охране компонентов окружающей среды — земель, вод, атмосферы, растительного и животного мира и др.

2. Всемирная **хартия природы (ВХП) принята Генеральной Ассамблеей ООН 28 октября 1982 г.** Как и Стокгольмская декларация, Всемирная хартия природы определила приоритетные направления экологической деятельности международного сообщества на тот период, что в значительной мере предопределило дальней-

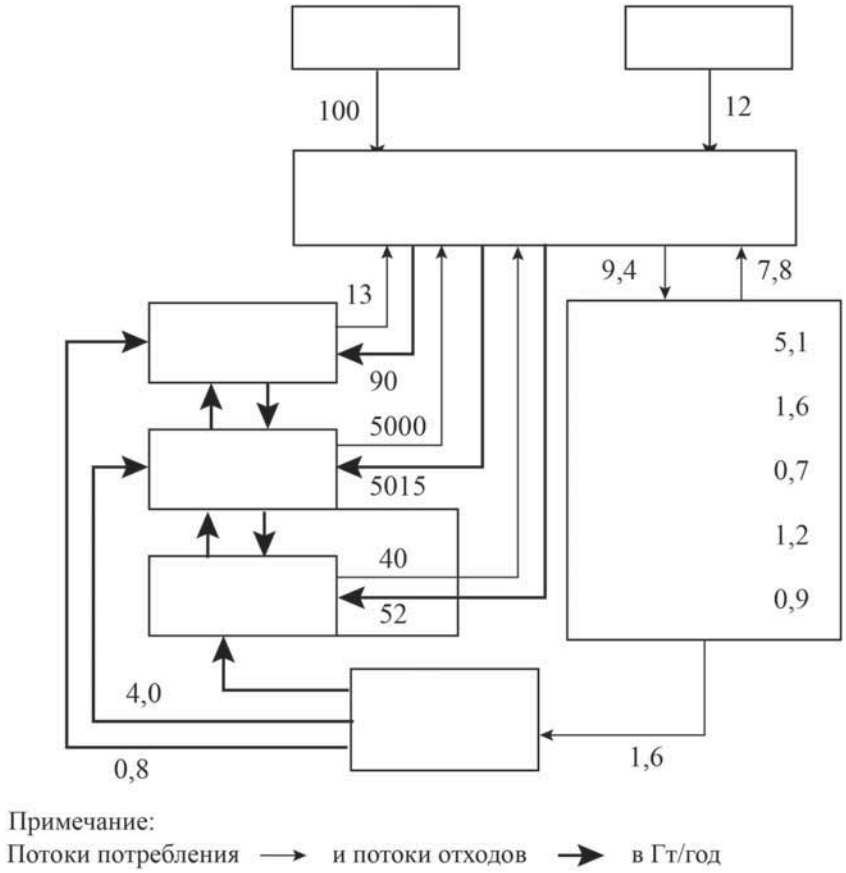


Рис. 1. Глобальный антропогенный материальный баланс (по Т. А. Акимовой, В. В. Хаскину)

шее формирование экологической политики государств. По мнению многих ученых и специалистов, Всемирная хартия природы в сравнении с конференцией в г. Стокгольме (1972 г.) продвинулась дальше по пути «генерализации международных юридических принципов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов». В Хартии провозглашались следующие основные принципы;

1. Человечество осознает, что является составной частью природы. Поэтому к природе следует относиться с уважением и не нарушать ее основных принципов.
2. Генетическая основа жизни на Земле не должна подвергаться опасности. Популяция каждой формы жизни, дикой или одомашненной, должна сохраняться, необходимую для этого среду обитания следует сохранять.
3. Все регионы Земли, как на суше, так и на морях, должны быть подчинены охране в соответствии с этими требованиями, особая защита должна обеспечиваться уникальным районам — типичным представителям всех видов экосистем и среды обитания редких или исчезающих видов.
4. Природные ресурсы должны не расточаться, а использоваться умеренно, как того требуют принципы, изложенные в настоящей Хартии; биологические ресурсы используются лишь в пределах их природной способности к восстановлению; ресурсы многократного пользования, включая воду, используются повторно или рециркулируются.

Согласно Хартии, деградация природных систем в результате чрезмерного и нерационального использования природных ресурсов, так же как и неспособность установить прочный экологоэкономический порядок между странами и народами, ведут к подрыву основ цивилизации.

3. **Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.)**. В Рио-де-Жанейро встретились 114 глав государств, представители 1600 неправительственных организаций. Бесспорно, это был самый впечатляющий форум по экологии в XX веке.

Открывая конференцию, Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали отметил: «Никогда ранее в истории так много не зависело для вас самих, для ваших детей, для ваших внуков, для жизни во всем многообразии ее форм от того, что вы делаете или не делаете».

На конференции были одобрены пять основных документов: Декларация РИО об окружающей среде и развитии; Повестка дня — XXI в.; Заявление о принципах управления, сохранении и устойчивого

развития всех типов лесов; Рамочная конвенция по проблеме изменений климата; Конвенция по биологическому разнообразию.

Важнейшими достижениями Конференции ООН было признание следующих фактов: «проблема окружающей среды и экономического развития не могут рассматриваться раздельно» (принцип 4), «государства должны сотрудничать в духе всемерного партнерства с целью сохранить, защитить и восстановить здоровье и целостность экосистемы Земли» (принцип 7), «мир, развитие и защита окружающей среды взаимосвязаны и неразделимы» (принцип 25). В основу разработки экологической стратегии государством мирового сообщества рекомендовалось положить концепцию устойчивого развития.

На Конференции было подчеркнуто, что устойчивому развитию, под которым понимается одновременное решение проблем экономического развития и экологии, нет разумной альтернативы.

Подводя итоги конференции, Генеральный секретарь оргкомитета М. Стронг (Канада) подчеркнул беспрецендентный масштаб и значимость этого события. «Мир после конференции должен стать другим, — заявил он. — Другими должны стать дипломатия и система международных отношений ООН, а также правительства, принявшие на себя обязательства продвигаться к устойчивому развитию». Для человеческой популяции среда обитания — вся биосфера, которая представляет единую и целостную систему, поэтому успешное продвижение всего мирового сообщества к устойчивому развитию возможно лишь на основе согласованных усилий всех государств.

В 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялся крупнейший Всемирный саммит по устойчивому развитию «Рио + 10», на котором были подведены итоги первого десятилетия движения мирового сообщества по пути устойчивого развития[11].

До этого саммита, «учитывая критический фактор времени, правительство ЮАР организовало дополнительный, неофициальный, тур переговоров в течение двух дней 24 и 25 августа, накануне саммита. Он прошел в так называемом „Венском формате“, при котором выступления разрешались только от основных государств-участников и групп стран. Переговоры перешли в официальную стадию 26 августа и продолжались параллельно с самим саммитом, который проходил 2–4 сентября как на уровне экспертов, так и министров, вплоть до последнего вечера, когда продолжалось выдвижение и принятие поправок к тексту декларации. В 20:15 4 сентября председатель саммита — президент ЮАР Табо Мбеки — объявил заключительные документы принятыми.

При всех недостатках и слабостях итоговых документов, общий баланс саммита все-таки положителен.

Прежде всего принят **План выполнения решений** (около 90 страниц, 170 параграфов), который стал основным документом встречи и итогом рассмотрения выполнения „Повестки дня на XXI век“. В нем отслежены новые глобальные вызовы и приоритеты, сформулированы задачи на будущее и пути их достижения, в том числе через совершенствование международных институтов, включая систему ООН.

План выполнения решений имеет следующие разделы:

1. Искоренение нищеты.
2. Изменение неустойчивых моделей потребления и производства.
3. Охрана и управление естественной ресурсной базой экономического и социального развития.
4. Устойчивое развитие в глобализующемся мире.
5. Здоровье и устойчивое развитие
6. Устойчивое развитие малых островных развивающихся государств.
7. Устойчивое развитие Африки и другие региональные инициативы.
8. Средства осуществления.
9. Институционные рамки устойчивого развития.

Ценность плана для России прежде всего в том, что он проясняет современные ориентиры в области устойчивого развития, которым надлежит следовать, чтобы строить современную, социально ориентированную и стабильно развивающуюся экономику. Одно из ключевых положений плана предусматривает начало осуществления в 2005 г. национальных стратегий устойчивого развития. Работа на национальном уровне, увязывание задач Йоханнесбурга с экономическими, социальными природоохранными планами страны, в том числе через работу Национального и других советов по устойчивому развитию, станет серьезным испытанием для российского правительства и российского гражданского общества, в том числе неправительственных организаций. Поэтому своевременный учет в государственных документах, связанных с устойчивым развитием, положений плана (и заблаговременная подготовка национальной программы реализации итогов Йоханнесбурга) поможет в деле интеграции экономики страны в позитивные мировые процессы.

В этом смысле придать правильное направление может недавно принятая „Экологическая доктрина РФ“ (утверждена решением правительства 27 августа 2002 г., т. е. за несколько дней до начала йоханнесбургской встречи). Доктрина ставит задачи перехода России к устойчивому развитию, провозглашает сильную экологическую политику. Она устанавливает связь с экологической безопасностью: выделяются такие компоненты последней, как потенциально опасные виды деятельности, здравоохранение, чрезвычайные ситуации, терроризм, генетически измененные организмы.

Однако, очевидно, что принципы, заложенные в Доктрине, не смогут быть реализованы до тех пор, пока не будут восстановлены полноправные природоохранные механизмы управления и независимый

государственный экологический контроль. Эффективность последних будет зависеть от коренного изменения положения дел с рентой на природные ресурсы: если высокоразвитых странах 80 % ее идет на нужды государства, то в России — лишь 20 %»[12].

На сегодняшний день изменение климата представляет собой объективный факт. Спорным остается вопрос, какую роль в этих изменениях играет антропогенное воздействие. Тем не менее, необходимость адаптации к изменениям климата представляет собой один из ключевых вызовов современности.

Под термином «глобальное изменение климата» понимают перестройку всех экосистем, на которую указывает целый ряд наблюдаемых природных явлений, в том числе потепление, повышение уровня Мирового океана, таяние ледников и вечной мерзлоты, усиление неравномерности выпадения осадков, изменение режима стока рек и т. п.

Мы являемся свидетелями последствий климатических изменений уже сейчас, они проявляются в виде увеличения частоты и интенсивности опасных погодных явлений, распространении инфекционных заболеваний. Они наносят значительный экономический ущерб, угрожают стабильному существованию экосистем, а также здоровью и жизни людей. Выводы ученых говорят о том, что продолжающиеся климатические изменения могут в будущем привести к еще более опасным последствиям, если человечество не предпримет соответствующих предупредительных мер. Как категорически заметили российские исследователи, «возможностей или средств избежать глобальной трансформации природы нет. Давление на окружающую среду уже достигло пределов своего безопасного роста, и даже пределов возможностей биосферы, и превзошло их. Трансформация может наступить в любой момент, внезапно и неожиданно для большинства населения.

На планете Земля — социально-экологический (или эколого-социальный) кризис. Он не есть что-то необычное, небывалое в истории, и не конец историй. Он — просто отражение в условиях жизни людей эволюционно жестокого перехода развития человечества на другую ступень. И этот кризис обязательно разрешится катастрофой»[13].

Заявление комиссара ЕС по вопросам гуманитарной помощи Кристалины Георгиевой свидетельствует о том, что 2010 год установил печальный рекорд по числу и масштабам природных катастроф. Она сообщила, что жертвами стихийных бедствий по всему миру стали свыше 300 000 человек, мировой экономике причинен ущерб на 180 млрд евро, тогда как в предшествующие годы ущерб исчислялся суммами в 70–80 млрд евро. По ее мнению, в предстоящие годы число природных катастроф в мире только увеличится. Это вызвано в первую очередь изменением климата и ростом населения Земли[14].

1. Наблюдаемые изменения климата

Изменения климата означают, что на всей планете станут другими средние значения температур, поднимется уровень моря, погода станет дождливее, ураганы усилятся[15].
М. Грабб

К нам с опозданием, но пришло понимание того, что беречь природу — жизненно важно, что без жесткого следования экологическим стандартам у людей просто нет будущего[16].
Д. Медведев

«За последние 20–30 лет, — отмечает исследователь МГИМО(У) В. Горбанёв, — взгляды на проблему климата очень изменились. В настоящее время стало ясно, что проблема эта отнюдь не менее важная, чем проблемы сокращения ядерных вооружений, терроризма, энергетической безопасности и др.»[17].

Факт глобального потепления в настоящее время не вызывает сомнений. Данные метеорологических наблюдений свидетельствуют о том, что за последние 100 лет (1906–2005 гг.) средняя температура поверхности Земли выросла на 0,74°С, причем темпы ее роста постепенно увеличиваются[18].

«Период с 1995 по 2006 годы стал самым теплым по результатам наблюдений глобальной температуры с 1850 г., — отмечает В. Горбанёв. — При этом рост температуры был наиболее значительным в высоких северных широтах. Средние температуры в Арктике за последние 100 лет повышались темпами, почти вдвое превышающими глобальные средние значения. С 1978 г. среднегодовая площадь арктического льда уменьшилась в среднем на 2,7 %. Средний уровень Мирового океана с 1961 г. повышался со скоростью 1,8 мм/год, а с 1993 г. — 3,1 мм/год за счет теплового расширения и таяния ледников. Всего же за последние 100 лет его уровень повысился на 20 см. Дальнейшее потепление вызовет серьезные проблемы для прибрежных городов и островных государств, а аномальная летняя жара приведет к массовой гибели людей и животных.

Подобное быстрое изменение глобального климата не укладывается в рамки математических

моделей развития климатической системы. Поэтому большинство ученых пришло к единому мнению, что в последние десятилетия появился неучтенный в моделях фактор, в решающей степени влияющий на климатическую систему. И таким фактором может быть только антропогенная деятельность. Уже в первом докладе МГЭИК (1990 г.) был сделан вывод: рост концентрации двуокиси углерода и других парниковых газов в атмосфере, вызванный человеческой деятельностью, может привести к повышению температуры в масштабе всей планеты с соответствующими изменениями климата. Человечество ежегодно выбрасывает в атмосферу около 30 млрд тонн двуокиси углерода ($C0_2$). В XXI веке атмосфера может потеплеть на 1,4–5,8°С, если выбросы парниковых газов не будут ограничены. Даже если потепление достигнет величины 1–2°С, то это приведет к большим рискам для уникальных и исчезающих экосистем и к возрастанию риска стихийных бедствий»[19].

По прогнозам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в ближайший период рост температуры составит в среднем 0,2°С за десятилетие, а к концу XXI века температура Земли может повыситься от 1,8°С до 6,4°С[20]. Такая разница в данных — результат наложения целого комплекса моделей будущего климата, в которых учитывались различные сценарии развития мировой экономики и общества.

По данным наблюдений и модельных расчетов выяснилось, что климат на территории России более чувствителен к глобальному потеплению, чем климат многих других регионов земного шара. За последние 100 лет (1907–2006 гг.) по данным сети Росгидромета потепление в целом по России составило 1,29°С. За период 1976–2006 гг. среднее потепление по России достигло 1,33°С[21].

По прогнозам Росгидромета, к 2015 году температура воздуха в нашей стране может вырасти на 0,6°С ± 0,2°С по сравнению с уровнем 2000 года[22]. Таким образом, уже к середине нынешнего века климат в России может стать теплее примерно на 2°С, причем при сохранении темпов роста температуры на прежнем уровне. Однако многие ученые полагают, что темпы потепления будут только нарастать.

Рост среднегодовой температуры воздуха происходит во всех регионах страны, однако из-за большой протяженности территории России и разнообразия ее природных условий, климатические изменения проявляются неравномерно по различным регионам и сезонам. В целом, потепление более заметно зимой и весной. При этом в большей степени оно проявляется в Европейской части России и в Восточной Сибири.

Начиная с 50-х годов XX века, среднегодовая температура в Москве и Санкт-Петербурге выросла в среднем на 1,7°С, и по сути, весь рост температуры за истекшие два с половиной столетия достигнут именно в последние 60 лет[23].

В публикациях об изменениях климата зачастую говорится о благоприятности фактора потепления для нашей страны, которое способно привести к смягчению сурового климата, характерного для большей части нашей территории и оживлению экономической деятельности. Однако не следует забывать о том, что резкое потепление способно привести к усилению неустойчивости климата, которая уже проявляется на глобальном уровне в усилении изменчивости погоды (сильные морозы, сменяющиеся резкими оттепелями зимой, рост числа необычайно жарких дней летом), в увеличении частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений (штормов, ураганов, наводнений, засух), усилении неравномерности выпадения осадков, а также таких процессов, как таяние ледников и вечной мерзлоты, подъема уровня океана и т. п. Эти и другие проявления климатической изменчивости ежегодно становятся причиной тысяч смертей и наносят колоссальный экономический ущерб.

В различных источниках, в том числе научных, присутствует точка зрения, что на самом деле необходимо готовиться к глобальному похолоданию.

Как известно, в прошлом наша планета не раз переживала периоды похолодания и последующего потепления, связанные с многовековыми естественными циклическими процессами. Последний ледниковый период был 10 000 лет назад. Сейчас мы живем в межледниковый период. Действительно, через несколько тысяч лет стоит ожидать глобального похолодания.

Однако потепление климата, которое происходит сейчас, никак не вписывается в естественные циклы и к тому же происходит чрезвычайно стремительно: ведь речь идет не о тысячелетиях, а о сотнях и даже десятках лет. Никогда еще средняя температура планеты не изменялась с такой невероятной скоростью: 0,7°С за 100 лет, из них 0,5 — за последние 50. А 11 из последних 12 лет были самыми жаркими за весь инструментальный период метеорологических наблюдений[24]. Такая беспрецедентная скорость не характерна для естественных циклических процессов и оставляет мало шансов биологическим видам и экосистемам на приспособление к столь быстрым климатическим изменениям.

По мнению профессора Б. Пономарева[25], «…обращает на себя внимание совпадение двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, рост значимости развивающихся стран в международной политике и экономике, дополнительный импульс которому придал мировой финансово-экономический кризис. По мнению многих авторитетных экспертов, он стал мощным ускорителем смещения экономического могущества от богатых государств к развивающимся. С 2007 г. рост мировой экономики на 45 % обеспечивается странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Это вдвое больше, чем в 2000–2006 гг., и втрое выше уровня 1990-х гг. С другой стороны, развиваю-

щиеся страны (включая Россию) становятся лидерами в общемировом объеме выбросов парниковых газов, и соответственно их роль в решении данной проблемы значительно возрастает. США и Китай две крупнейшие страны по выбросам парниковых газов: энергетика и промышленность Китая и США выбрасывают 7 и 6 млрд тонн С02, соответственно. Но в сумме это лишь 28 % всех выбросов. Россию с нашими 2,2 млрд тонн (2008 год) обычно ставят на третье место, перед Индией и Японией. Но это без учета сведения лесов. С их учетом Бразилия дает более 3, а Индонезия более 2 млрд тонн. Так что снижать выбросы в мире надо всем и по всему спектру источников, даже если не все они известны абсолютно точно».

Сокращение уровня выброса парниковых газов могло бы спасти миллионы человеческих жизней во всем мире. Проведенные учеными исследования демонстрируют прямую зависимость между концентрацией углекислого газа в атмосфере и здоровьем людей[26].

Это наглядно видно на примере Китая, который, наряду с Соединенными Штатами, является мировым чемпионом по эмиссиям парниковых газов и ключевым игроком на всех международных переговорах по климатической тематике. Позиция КНР **решающим образом повлияла на отказ участников Копенгагенского саммита принять новый обязывающий договор взамен Киотского протокола, срок действия которого истекает в 2012 г.** Вместо этого подписано паллиативное и весьма расплывчатое Копенгагенское соглашение.

Наконец, специалисты и политики все больше отдают себе отчет и признают тот факт, что последствия изменения климата противоречивы для разных экономик, видов деятельности и слоев населения. Это связано с неравномерностью климатических изменений как во времени (за последние десятилетия темпы этих изменений резко ускорились), так и в пространстве в территориальном разрезе. В частности, если за столетие с небольшим (1900–2005) глобальная температура повысилась почти на 0,8°С, то в России этот показатель примерно в полтора раза выше.

Неоднозначность последствий глобального потепления для экономики связана и с тем, что страны и регионы мира, а также различные отрасли производства и группы населения по-разному уязвимы к воздействию опасных природных явлений. Некоторые выигрывают от указанных изменений, но большинство оказывается в числе проигравших. Это — исключительно важное обстоятельство, поскольку в попытках согласовать задачи смягчения последствий изменения климата с задачами экономического развития ключевую роль играют факторы регионального и производственно-отраслевого уровня. В то же время региональный климат зависит от более сложных и трудно прогнозируемых процессов, чем глобальный, поэтому и оценка последствий его изменений для населения и экономики сопряжена с большей неопределенностью, что порождает дополнительные риски.

Инвестиции в снижение климатических рисков весьма значительны. По оценкам Всемирного банка, в период с 2010 г. по 2030 г. на меры по снижению выбросов парниковых газов одним только развивающимся странам потребуются дополнительные (по сравнению со сценарием сохранения нынешней технологической модели развития, основанной на энергоемких процессах и использовании ископаемого топлива) капиталовложения в размере **от 140 до 175 млрд долл. в год.**

При этом рассчитывать на помощь экономически развитых государств особенно не стоит, поскольку им самим придется инвестировать немалые средства в снижение выбросов парниковых газов. По некоторым оценкам, ежегодно это около 180 млрд долл., или примерно столько же, сколько и развивающимся странам, помощь которым по Копенгагенскому соглашению оценивается в 10 млрд долл. в год в период с 2010 г. по 2012 г. с возможным увеличением до 100 млрд долл. к 2020 г. Сами развивающиеся страны полагают, что сумма должна быть вдвое либо втрое больше.

Не менее впечатляющие масштабы инвестиций прогнозируются для адаптации экономики к изменениям климата. Только развивающимся странам ежегодно потребуется от 100 до 180 млрд долл. Таким образом, речь идет о капитальных затратах в размере не менее 0,5 % мирового ВВП.

По оценкам Всемирного банка, в 2030 г. инвестиции в обеспечение адаптации мировой экономики к климатическим изменениям могут достигать 75 млрд долл., в снижение выбросов парниковых газов и реализацию других превентивных мер — 400 млрд долл. в год, что в сумме может составлять 0,30–0,32 % мирового ВВП. Однако эти оценки представляют собой медианные величины при вариации показателей от 30 до 90 млрд долл. и от 140 до 675 млрд долл. соответственно: при этом недооценены некоторые расходы, например, на ликвидацию последствий разрушительных природных катаклизмов. А если принять во внимание еще и практику воплощения в жизнь крупномасштабных проектов, реальные расходы на которые превышают первоначальную смету, как минимум, вдвое, то величина совокупных капиталовложений в снижение климатических рисков развития мировой экономики будет близка или превосходить приведенную выше среднегодовую величину (0,5 %) мирового ВВП.

Наиболее чувствительные к изменениям погоды сектора экономики дают примерно треть ВВП. Это АПК, лесное хозяйство, водное хозяйство, транспорт, туризм, санаторно-курортное дело и некоторые другие виды деятельности. Наносимый им ущерб при существующих тенденциях изменения регионального климата может достигать ежегодно в среднем 1 % ВВП. В уже упоминавшейся Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ отмечается, что примерно к 2030 г. могут возникнуть климатические барьеры, которые способны затормозить

экономический рост. Некоторые из этих барьеров проявляются уже сейчас.

Климатические изменения и новые возможности для экономики России

Вместе с тем климатические изменения открывают и «окна возможностей» для отечественной экономики. Так, потепление, помимо негативного воздействия, порождает и определенные позитивные эффекты. Прежде всего это проявляется в сокращении отопительного сезона, что исключительно важно для энергетиков, работников ЖКХ, транспортников и рядовых потребителей. Согласно данным Оценочного доклада Росгидромета Правительству России от 2009 г., на подавляющей части территории страны сокращение отопительного сезона варьируется в диапазоне от 4 до 10 суток. По оценкам, это дает экономию более 50 млн т условного топлива за сезон, или около 450 млрд рублей (цены 2009 г.).

Кроме того, расширяется зона земледелия, увеличивается вегетационный период, что приносит соответствующие выгоды АПК в виде роста урожая и соответствующих доходов. Далее, освобождение ото льдов окружающих морей, о чем ранее упоминалось в негативном плане (в частности, в связи с возможным повышением уровня Мирового океана, хотя здесь не все так однозначно), улучшает транспортные возможности. Например, даже неполное освобождение ото льдов Северного морского пути увеличивает продолжительность навигации, повышая потенциал судоходства. То же относится к автомобильному транспорту: сокращение продолжительности оледенения дорог ведет к сокращению издержек на борьбу с этим явлением. Все это, естественно, с определенными допусками по вероятности, поскольку в такой сфере, как изменение климата, ничего строго определенного быть не может.

Выгодами могут обернуться не только позитивные последствия климатических изменений, как таковые, но и косвенные эффекты, обусловленные реакцией общества на риски, о которых шла речь ранее. В первую очередь это стремление к модернизации и переход экономики к новому технологическому укладу, который, помимо прочего, снижает нагрузку на окружающую среду. Модернизация экономики связана прежде всего с реализацией программ и мер по повышению энергоэффективности и энергосбережения, предусматривающих инновации превентивного характера, т. е. тех, которые, собственно, уменьшают выбросы парниковых газов. В перечне критических технологий, утвержденном президентом России, указаны программы, которые связаны с развитием энергосбережения, энергоэффективности, альтернативной энергетики, с переходом на новые виды транспортного топлива и т. д. Обязательным компонентом должны стать и адаптационные инновации, связанные с использованием новых материалов, новых сортов растений, которые позволяют лучше приспособить экономику к меняющимся климатическим условиям. Можно и нужно стремиться избежать дополнительных, зачастую далеко не обязательных нагрузок на окружающую среду, понимая, что природная изменчивость никуда не девается.

Одним из источников инвестиций могут стать экономические механизмы Киотского протокола (совместные с западными партнерами проекты и торговля квотами на выбросы парниковых газов), которые до сих пор, к сожалению, не востребованы. В результате страна недополучила порядка 2 млрд долларов на модернизацию мощностей, в первую очередь в области энергетики. В годы, оставшиеся до конца обязательного периода действия Киотского протокола (2012), у России сохраняются шансы на привлечение инвестиций, несмотря на перехват значительной части рынка конкурентами, прежде всего Китаем. Подчеркнем: речь идет не о торговле воздухом, как нередко утверждается в СМИ, а о реальной возможности получения прямых инвестиций и технологий, которые помогут России в деле структурной перестройки и модернизации экономики. В том числе уйти от засилья портфельных спекулятивных инвестиций, которые в недавнем прошлом наводнили страну и бегство которых в значительной степени способствовало финансово-экономическому кризису в России.

Вообще, кризис отрицательно сказывается на темпах и перспективах модернизации экономики, связанных с энергосбережением и энергоэффективностью. Однако, как часто бывает, кризис дает и импульсы для развития, в первую очередь для поиска новых сфер приложения инвестиций — экономических ниш, в которых капиталовложения дадут наиболее быструю отдачу и наибольший мультипликативный эффект в кратко- и среднесрочной перспективе. В долгосрочном плане это позволит выйти на рубежи модернизации, которые обеспечат устойчивый рост и дадут всходы нового технологического уклада. В этом отношении технологии, способствующие решению проблем последствий изменения климата, оказываются теми инструментами, которые позволяют добиться наибольшего мультипликативного эффекта.

Отметим также, что в антикризисных программах развитых государств и стран с переходной экономикой, к которым относится и Россия, значительное, а в ряде случаев ведущее, место отведено модернизации энергетической и транспортной инфраструктуры, развитию альтернативной энергетики и связанных с этим НИОКР. Доля расходов на указанные цели в антикризисном «пакете» **Южной Кореи достигает 81 %, в Китае — 38 %, во Франции — 21 %, в Германии и США — 12 %. В российской антикризисной программе доля затрат на эти цели не превышает 2 %.**

В то же время данные приводимой ниже таблицы свидетельствуют о том, что с точки зрения рассматриваемой проблемы зарубежные и российская экономики имеют немало общих, пока недостаточно используемых, особенно Россией, возможностей.

2. Причины изменения климата

Первые признаки реального осознания человеческим сообществом серьезности природоохранных проблем и нового подхода к мировому развитию появились в 1960–1970-е и еще более в 1980-е — начале 1990-х гг., когда экология стала приниматься во внимание при разработке и реализации международной и национальной экономической политики[27].

Н. Пискулова

Наблюдаемые изменения в климатической системе Земли ученые связывают с аномальным ростом концентрации в атмосфере так называемых «парниковых газов» (углекислый газ, метан, закись азота и др.).

В классической работе А. Гилла «Динамика атмосферы и океана» принципиальная модель парникового эффекта описывается следующим образом (рис. 2)[28].

Парниковый эффект. Стекло прозрачно для коротковолновой радиации, суммарный направленный вниз поток которой равен I. Уравновешивающий направленный вверх поток длинноволновой радиации от почвы равен U, доля e которого поглощается стеклом и нагревает его, что вызывает излучение потока B в обоих направлениях

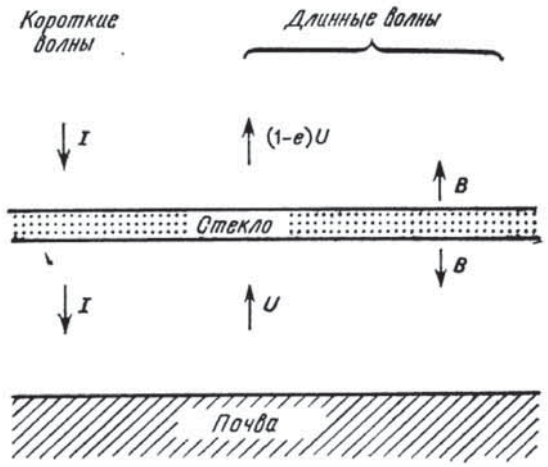


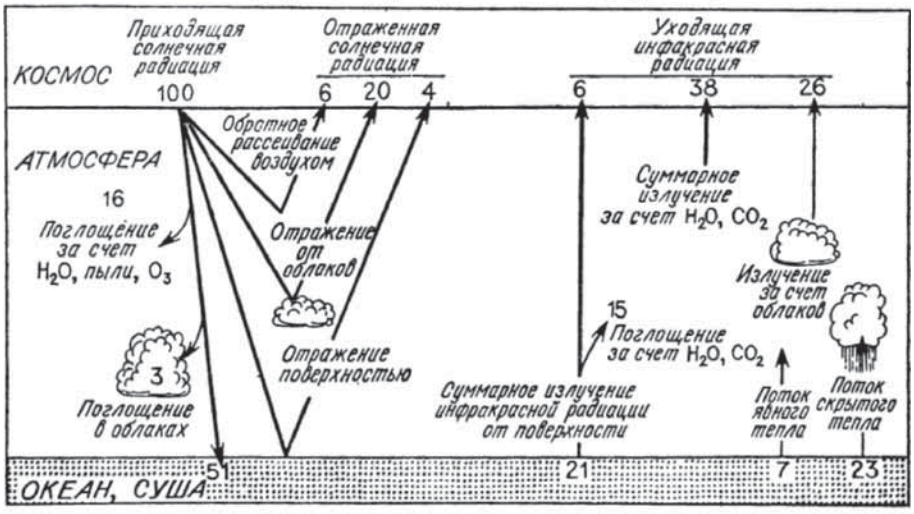
Рис. 2.

Расчет радиационного баланса атмосферы приведен на рис. 3. Это обратная радиация от атмосферы. (Возможно, что обратная радиация превышает приходящую. Это можно показать, обобщая рис. на случай нескольких листов стекла.)

Суммарное излучение поверхностью (разность между направленными вверх и вниз потоками) длинноволновой радиации составляет 21 единицу, оставшийся направленный вверх поток в 30 единиц передается через конвекцию. Поднимающийся к верхней границе атмосферы поток равен 70 единицам, как требуется для баланса пришедшей коротковолновой радиации. Средняя температура поверхности соответствует 98 + 51 = 149 единицам радиационного потока энергии на поверхности, а не 70 единицам, излучаемым на верхней границе атмосферы. Последний поток проще связать с температурой на верхней границе облаков (рис. 3).

Эти газы задерживают инфракрасное излучение, которое испускает земная поверхность, создавая тем самым «парниковый эффект». Явление парникового эффекта позволяет поддерживать на поверхности Земли температуру, при которой возможно возникновение и развитие жизни. Если бы парниковый эффект отсутствовал, средняя температура поверхности земного шара была бы значительно ниже, чем она есть сейчас. Однако избыточная концентрация парниковых газов ведет к существен-

(Переработано из «Understanding Climatic Chang», U. S. National Academy of Sciences, Washington, D. C, 1975, p. 14, и использовано с разрешения)

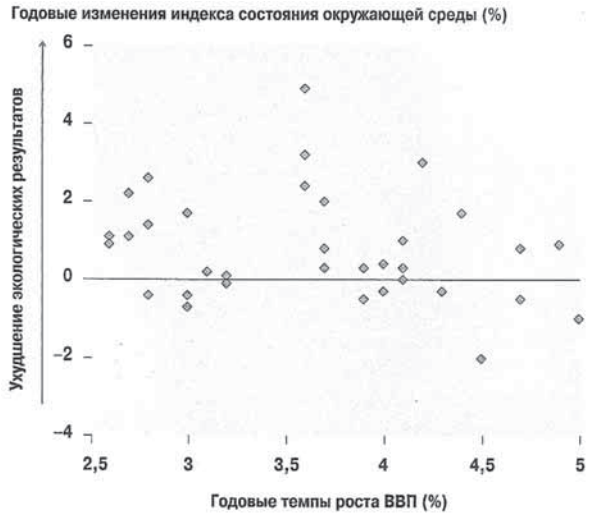


Имеется в виду отсутствие атмосферы и океана. *Прим. переводчика*

Рис. 3. Радиационный баланс атмосферы

ному увеличению температуры, следствием которого становится усиление неустойчивости климата и целый ряд природных явлений, опасных для человеческой цивилизации.

Заблуждение о том, что быстрый рост ВВП сопровождается неизбежно и пропорционально экологическими последствиями, к сожалению, широко распространено. На самом деле, как свидетельствует экспертиза Мирового банка, это не так[29].



Примечание. Индекс состояния окружающей среды рассчитан путем придания равных весов годовым коэффициентам обезлесения; загрязнения водной среды, которое измеряется с помощью показателя эмиссии органических загрязнителей в расчете на метрическую тонну и на душу населения; и роста эмиссии CO_2 в расчете на метрическую тонну и на душу населения за 1987-1995 гг.

Источник: World Bank (2001h).

Рис. 4. Совершенно разные экологические результаты при одинаковых темпах роста

Из предыдущего рассмотрения должна быть ясна реальная польза разработки стратегий развития, основанных на улучшении управления широким портфелем ресурсов. Основная проблема в решении этой задачи состоит в том, что некоторые виды ресурсов (знание, экологические и социальные ресурсы) имеют характеристики общественных благ или экстерналий; иначе говоря, их использование вызывает положительные или отрицательные внешние эффекты (выгоды или издержки) для тех, чьи интересы не принимаются в расчет. В результате запасы этих ресурсов оказываются недостаточными с точки зрения общества. В этом проявляются последствия провалов рынка или политики

В 2007 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) — международный орган, объединяющий тысячи ученых из 130 стран мира — представила свой Четвертый оценочный доклад, в котором содержатся обобщенные выводы о прошлых и нынешних климатических изменениях, их воздействии на природу и человека, а также о возможных мерах по противодействию таким изменениям. Согласно этому докладу, с 90 % вероятностью наблюдаемые изменения климата связаны с деятельностью человека, прежде всего с антропогенной эмиссией парниковых газов[30].

Антропогенное происхождение современных климатических изменений, в частности, подтверждают палеоклиматические исследования, основанные на анализе содержания парниковых газов в пузырьках воздуха, вмерзших в лед. Они показывают, что такой концентрации CO_2 как сейчас, не было за последние 650 000 лет (а за эти годы происходило не одно потепление нашей планеты). Причем по сравнению с доиндустриальной эпохой (1750 г.) концентрация углекислого газа в атмосфере выросла на треть. Современные глобальные концентрации метана и закиси азота также существенно превысили доиндустриальные значения[31].

Рост концентрации этих трех основных парниковых газов с середины XVIII века, по мнению ученых, с очень высокой степенью вероятности связан с хозяйственной деятельностью человека, в первую очередь — сжиганием углеродного ископаемого топлива (т. е. нефти, газа, угля и др.), промышленными процессами, а также сведением лесов — естественных поглотителей CO_2 из атмосферы.

Еще одним свидетельством роли человека в происходящих изменениях климата могут послужить результаты сопоставления данных моделирования роста глобальной температуры с данными реальных наблюдений. Учеными разработаны различные модели прошлых и будущих изменений температуры поверхности Земли. В одних моделях учитывались только естественные причины потепления, в других — дополнительно накладывался антропогенный фактор. При наложении на результаты моделирования данных прямых метеорологических наблюдений оказалось, что они совпадают с теми моделями, где учитывалось влияние человека. То есть, в соответствии с моделями, без воздействия антропогенного фактора температура на Земле была бы сейчас ниже, чем она есть на самом деле.

Научные споры о причастности человека к глобальному изменению климата продолжаются. Ведь абсолютное доказательство антропогенной гипотезы невозможно в принципе: у нас нет второй Земли, чтобы поставить контрольный опыт, поместив ее в точно такие же условия, что и нашу Землю, но исключив влияние человека. Хотим мы того или нет, все суждения о будущем Земли будут не более чем предположением. Человек, вынужденный продвигаться в полной тьме по незнакомому помещению, старается шагать как можно осторожнее. Точно так же человеческой цивилизации в условиях неопределенности предпочтительнее исходить из той гипотезы, которая предписывает ей более осторожное собственное поведение. Именно такой гипотезой и является антропогенная теория изменения климата.

У антропогенной теории изменения климата есть и другое преимущество: на сегодня она лучше согласована со всеми известными нам фактами, чем любая другая теория.

Тем не менее, важно осознавать, что изменения климата уже происходят и, как утверждают прогнозы ученых, в будущем, вероятно, будут лишь усиливаться. Поэтому вне зависимости от того, причастен ли к ним человек или нет, необходимо предпринимать меры по противодействию этим изменениям, сдерживать темпы роста температуры, чтобы избежать опасных и необратимых последствий для природы, экономики и общества в будущем. Уже сейчас надо пытаться приспособиться — адаптироваться и минимизировать негативные воздействия прогнозируемых климатических изменений и максимально эффективно использовать выгоду от них там, где это возможно.

Поэтому неслучайно одним из ключевых принципов Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) — международного соглашения, направленного на противодействие глобальным климатическим изменениям — является положение о том, что «там, где существует угроза серьезного или необратимого ущерба, недостаточная научная определенность не должна использоваться в качестве причины для отсрочки принятия мер, учитывая, что политика и меры, направленные на борьбу с изменениями климата должны быть экономически эффективными для обеспечения глобальных благ при наименьших возможных затратах»[32].

3. Последствия изменения климата

Киотский протокол — ужасное бюрократическое чудовище[33].
Б. Ломборг

… особенность современного потепления — его беспрецедентная скорость[34].
В. Горбанёв

Стремительное потепление ведет к такому же стремительному росту демографических и экономических издержек человечества. По некоторым оценкам, в середине XXI века размеры материального ущерба могут составлять 5 трлн долл. Или 10 % мирового ВВП, а людские потери — 100 млн человек[35].

Ураганы в США, засуха в Австралии, аномально жаркое лето в Европе, катастрофические ливни и наводнения на туманном Альбионе — список можно еще продолжить. Вот только некоторые примеры последствий климатических изменений. Экстремальные природные явления бьют все рекорды практически во всех регионах мира. А природные катаклизмы влекут за собой экономические последствия. С каждым годом ущерб от стихийных бедствий возрастает.

По оценкам ученых, климат на планете становится в целом более влажным. Но количество осадков не распространится по Земле равномерно. В регионах, которые и так на сегодняшний день получают достаточное количество осадков, их выпадение станет интенсивнее. А в регионах с недостаточным увлажнением участятся засушливые периоды.

В течение XX в. средний уровень моря повысился на 0,1–0,2м. По прогнозам ученых, за XXI в. повышение уровня моря составит до 1 м. В этом случае наиболее уязвимыми окажутся прибрежные территории и небольшие острова. Такие государства, как Нидерланды, Великобритания, а также малые островные государства Океании и Карибского бассейна первыми подпадут под опасность затопления. Кроме этого, участятся высокие приливы, усилится эрозия береговой линии[36].

Виды и экосистемы уже начали реагировать на изменение климата. Мигрирующие виды птиц стали раньше прилетать весной и позже улетать осенью. Существуют прогнозы исчезновения до 30–40 % видов растений и животных, поскольку их среда обитания будет изменяться быстрее, чем они могут приспособиться к этим изменениям.

При повышении температуры на 1°С прогнозируется изменение видового состава леса. Леса являются естественным накопителем углерода — 80 % всего углерода в земной растительности и около 40 % углерода в почве. Переход от одного типа леса к другому будет сопровождаться выделением большого количества углерода[37].

Современное оледенение Земли можно считать одним из самых чутких индикаторов происходящих глобальных изменений. Спутниковые данные показывают, что, начиная с 1960-х гг. произошло уменьшение площади снежного покрова примерно на 10 %. С 1950-х гг. в Северном полушарии площадь морского льда сократилась почти на 10–15 %, а толщина уменьшилась на 40 %. По прогнозам экспертов Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (Санкт-Петербург), уже через 30 лет Северный ледовитый океан в течение теплого периода года будет полностью вскрываться из-под льда[38].

Ускоренное таяние ледников создает ряд непосредственных угроз человеческому развитию. Для густонаселенных горных и предгорных территорий особую опасность представляют лавины, затопления или, наоборот, снижение полноводности рек, а как следствие — сокращение запасов пресной воды.

Влияние потепления на продуктивность сельского хозяйства неоднозначно. В некоторых районах с умеренным климатом урожайность может увеличиться в случае небольшого увеличения температуры, но снизится в случае значительных температурных изменений. В тропических и субтропических регионах урожайность в целом, по прогнозам, будет снижаться.

Самый серьезный удар может быть нанесен беднейшим странам, наименее всего готовым приспособиться к изменениям климата. По данным МГЭИК, к 2080 г. число людей, сталкивающихся с угрозой голода, может увеличиться на 600 млн чел., что вдвое больше числа людей, которые сегодня живут в бедности в Африке к югу от Сахары[39].

Одним из последствий климатических изменений может стать нехватка питьевой воды. В регионах с засушливым климатом (Центральная Азия, Средиземноморье, Южная Африка, Австралия и т. п.) ситуация еще более усугубиться из-за сокращения уровня выпадения осадков.

Из-за таяния ледников существенно снизится сток крупнейших водных артерий Азии — Брахмапутры, Ганга, Хуанхэ, Инда, Меконга, Салуэна и Янцзы. Недостаток пресной воды коснется не только здоровья людей и развития сельского хозяйства, но также повысит риск политических разногласий и конфликтов за доступ к водным ресурсам.

Изменение климата приведет к повышению рисков для здоровья людей, прежде всего менее обеспеченных слоев населения. Так, сокращение производства продуктов питания неизбежно приведет к недоеданию и голоду. Аномально высокие температуры могут привести к обострению сердечно-сосудистых, респираторных и других заболеваний. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), дополнительная смертность в европейских странах от тепловых волн в августе 2003 г. в Великобритании составила 2045 человек, во Франции — 14 802, в Италии — 3134, в Португалии — 2099[40].

Повышение температуры может привести к изменению географического распространения различных видов, являющихся переносчиками заболеваний. С повышением температуры ареалы теплолюбивых животных и насекомых (например, энцефалитных клещей и малярийных комаров) будут распространяться севернее, в то время как люди, населяющие эти территории, не будут обладать иммунитетом к новым заболеваниям.

Приведем также основные региональные прогнозы, сделанные экспертами МГЭИК, которые позволяют сделать вывод о характере возможных изменений климата в ближайшие десятилетия.

Африка. К 2020 г. от 75 до 250 млн чел. будут подвержены повышенному водному стрессу. К 2020 г. в некоторых странах урожайность неорошаемого земледелия может сократиться до 50 %. Сельскохозяйственное производство, включая доступ к продовольствию во многих африканских странах, будет поставлено под серьезную угрозу. Это окажет дальнейшее неблагоприятное влияние на продовольственную безопасность и усугубит недоедание. К концу XXI в. повышение уровня моря нанесет ущерб низколежащим прибрежным районам с большой численностью населения. Затраты на адаптацию могут составить, по меньшей мере, 5–10 % ВВП. К 2080 г. на 5–8 % увеличится площадь засушливых и полузасушливых земель в Африке.

Азия. К 2050 г. сократится обеспеченность пресной водой в Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно в бассейнах крупных рек. Прибрежные районы, особенно густонаселенные зоны в мегадельтах рек Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии подвергнутся самому большому риску морского затопления, а в некоторых мегадельтах — речному затоплению. Изменение климата усугубит нагрузку на природные ресурсы и окружающую среду в связи с ускоренной урбанизацией, индустриализацией и экономическим развитием. Распространенность эндемических заболеваний и смертность вследствие диарейных заболеваний, связанных в основном с наводнениями и засухой, будут возрастать в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии вследствие предполагаемых изменений в гидрологическом цикле.

Австралия и Новая Зеландия. К 2020 г. будет наблюдаться значительная утрата биоразнообразия в некоторых экологически богатых районах, включая Большой барьерный риф и влажные тропики Квинсленда. К 2030 г. возрастет проблема водной безопасности в южной и восточной Австралии, в Нортленде и некоторых восточных районах Новой Зеландии. К 2030 г. объемы производства в сельском и лесном хозяйствах снизятся в большей части южной и восточной Австралии, а также в некоторых восточных районах Новой Зеландии вследствие усиления засухи и пожаров. Однако в некоторых других районах Новой Зеландии на начальных этапах предполагаются выгоды.

К 2050 г. продолжающееся освоение прибрежных территорий и рост населения в некоторых районах Австралии и Новой Зеландии усугубят риски, связанные с повышением уровня моря и увеличением суровости и повторяемости штормов и затоплений прибрежных территорий.

Европа. Изменение климата усилит региональные различия в природных ресурсах и основных фондах Европы. Отрицательные последствия будут включать повышенный риск внутриконтинентальных бурных паводков и более частого затопления прибрежных областей, а также усиления эрозии, в том числе вследствие повышения интенсивности и повторяемости штормов и повышения уровня моря.

В горных районах будет наблюдаться отступление ледников, уменьшение площади снежного покрова, сокращение масштабов зимнего туризма,

а также значительные потери биологических видов. По сценариям с высоким уровнем выбросов в некоторых районах потери к 2080 г. составят до 60 %.

В Южной Европе ухудшатся условия — высокие температуры и засуха — в регионе, уже уязвимом к изменчивости климата, а также снизится водообеспеченность, гидроэнерегтический потенциал, масштабы летнего туризма и, в общем, продуктивность сельскохозяйственных культур.

Вот что повысит риск для здоровья вследствие волн тепла и учащения стихийных пожаров.

Латинская Америка. К середине столетия повышение температуры и связанное с ним уменьшение содержания влаги в почве приведут к постепенной замене тропических лесов саваннами в восточной Амазонии. Будет наблюдаться тенденция замены растительности полузасушливой зоны на растительность засушливой зоны.

Существует опасность значительной утраты биоразнообразия вследствие вымирания видов во многих районах тропической Латинской Америки.

Продуктивность некоторых важных сельскохозяйственных культур снизится, как и продуктивность животноводства, что будет иметь негативные последствия для продовольственной безопасности. В умеренных зонах урожайность соевых бобов возрастет, а, общее количество людей, находящихся под угрозой голода, увеличится.

Изменения в режимах осадков и исчезновение ледников значительно повлияют на обеспеченность водой для потребления населения, а также для сельского хозяйства и выработки энергии.

Северная Америка. Потепление в западных горах вызовет уменьшение снежного покрова, повышение частоты и интенсивности зимних наводнений и уменьшение летнего стока, что обострит конкуренцию за дефицитные водные ресурсы.

В первое десятилетие века умеренное изменение климата приведет к повышению совокупной продукции неорошаемого земледелия на 5–20 %, однако при значительной изменчивости между регионами. Серьезные проблемы возникнут для сельскохозяйственных культур, которые уже приблизились к тепловой границе пригодной области распространения или зависят от интенсивно используемых водных ресурсов.

Ожидается, что города, которые в настоящее время испытывают воздействие волн тепла, окажутся под влиянием дополнительного количества повышенной интенсивности и продолжительности волн тепла с возможными отрицательными последствиями для здоровья в течение этого столетия.

Население прибрежных районов и населенные пункты будут находиться во все большей степени под воздействием стресса, обусловленного последствиями изменения климата наряду с процессами развития и процессами загрязнения среды.

Полярные регионы. Основные биофизические эффекты будут заключаться в уменьшении толщины и протяженности ледников, ледовых щитов и морского льда, а также в изменениях в естественных экосистемах с отрицательными последствиями для многих организмов, включая перелетных птиц, млекопитающих и высших хищников.

Для людей, живущих в Арктике, последствия особенно в результате изменений снежных и ледниковых условий будут разнородными. Вредные последствия будут включать таковые для инфраструктуры и традиционного местного уклада жизни.

В обоих полярных регионах определенные экосистемы и среды обитания будут уязвимы, так как климатические барьеры для вторжения биологических видов будут снижены.

Небольшие острова. Повышение уровня моря усилит наводнения, штормовые нагоны, эрозию и другие опасные прибрежные явления, угрожая, таким образом, важнейшим объектам инфраструктуры, населенным пунктам и объектам, которые поддерживают средства к существованию островитян.

Ухудшение состояния берегов, например, вследствие эрозии пляжей и обесцвечивания кораллов, повлияет на местные ресурсы.

К середине столетия ожидается, что изменение климата уменьшит объем водных ресурсов на многих малых островах, например, в Карибском море и Тихом океане, до уровня, когда их будет недостаточно для удовлетворения спроса в периоды выпадения малого количества осадков.

При более высоких температурах произойдет увеличение масштабов вторжения неаборигенных биологических видов, особенно на острова средних и высоких широт[41].

Даже краткий обзор имеющихся долгосрочных и среднесрочных прогнозов свидетельствует о серьезности возможных климатических изменений на глобальном и региональном уровне, что требует значительных усилий комплексного характера по противодействию негативным последствиям.

Недостаточное внимание к возможным последствиям изменения климата и уже происходящим климатическим изменением может обернуться разрушительными последствиями для экономики и социальной сфере затронутых регионов и стран, но и как следствие — к значительному росту политической нестабильности и трудно контролируемых миграционных процессов.

Большое количество авторов указывают на взаимосвязь экологических изменений и конфликтов. Томас Гомер-Диксон, например, выделяет четыре взаимосвязанных следствия ухудшения экологической ситуации, которые потенциально способствуют развитию конфликтов: снижение урожайности, упадок экономики, миграция населения, разрыв социальных сетей[42].

В рамках Исследовательской программы по изменению окружающей среды и безопасности Научного центра им. Вудро Вильсона было отмечено,

что экологические сложности «могут способствовать развитию конфликта или же усугублять его причины: бедность, миграцию и инфекционные заболевания, однако же успешное реагирование на экологические проблемы и распределение природных ресурсов способствуют выстраиванию доверительных отношений и работают на дело мира через сотрудничество между различными сторонами там, где существует напряженность»[43].

Американская компания «CNA», которая включает в себя ученых, выдающихся генералов и адмиралов, говорит об изменении климата как о «факторе, усиливающем угрозы, возникающие в условиях нестабильной ситуации. Когда в и без того непростых регионах порождается еще более острая реакция на существующую напряженность распространение заболеваний и конфликты за доступ к воде. В таких регионах могут развиваться экстремистские настроения и террористические движения»[44].

В докладе, подготовленном при участии бывшего главы ЦРУ Джеймсом Вулси и лауреата Нобелевской премии Томаса Шеллинга для Центра стратегических и международных исследований (США), авторы приходят к выводу о том, что «изменение климата потенциально может стать одной из самых серьезных проблем в контексте национальной безопасности, с которыми когда-либо приходилось и придется столкнуться нынешнему или любому другому поколению политиков. Глобальное потепление может дестабилизировать практически любой аспект современной жизни и с высокой степенью вероятности породит новые конфликты и усугубит существующие проблемы. Даже умеренный рост глобальной температуры на 1,3°C к 2040 г. может привести к обширным последствиям в контексте национальной безопасности: распространение заболеваний, крупные миграционные потоки, усиление имеющейся напряженности и конфликты за обладание ресурсами. Более значительные климатические изменения и рост температуры на 2,6°C к 2040 г. способны породить нелинейные изменения в обществе и вооруженные межгосударственные конфликты в борьбе за ресурсами, в том числе ядерные»[45].

Прогнозируются также региональные особенности последствий изменения климата.

«Африка является регионом, очень уязвимым к изменению климата по причине значительной нищеты и серьезных социальных проблем. В течение 20 лет в Африке постоянно снижается производство продуктов питания на душу населения. К 2020 году в регионе ожидается снижение уровня урожая почти на 50 %, и в некоторых крупных субрегионах, обладающих минимальными необходимыми природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, вероятен значительный спад объемов производства. К 2080 году площадь засушливых земель в регионе увеличится на 5–8 %»[46].

Нехватка продуктов питания сокращает средства к существованию семей, которые ведут натуральное хозяйство, увеличивает уровень безработицы. Социальная ситуация усугубляется, и это вызывает конфликты с применением силы. В Африке можно наблюдать постоянную миграцию из сельских районов в города, что приводит к созданию трущоб, где процветает насилие и преступность.

«Маргинализованное население может поддержать акции неповиновения и вооруженных повстанцев, что приведет к дестабилизации обстановки, гражданской войне и межэтническим конфликтам. Треть населения Африки проживает в засушливых районах, треть населения в регионах к югу от Сахары не получает достаточного питания»[47].

Многие конфликты в Африке напрямую затрагивали экологические проблемы. Например, во время геноцида в 1994 году в Руанде произошло падение плодородия почвы. Рост населения и неравномерное распределение земельных ресурсов усилили межэтническую вражду и борьбу за власть.

В провинции Судана — Дарфур постоянно усиливается напряженность, так как в сухой сезон арабские пастухи кочуют с севера на юг в поисках воды и пастбищ для скота и заходят на поля африканских крестьян. В рамках Программы ООН по окружающей среде была сделана постконфликтная экологическая оценка в Судане. Она показала, что Дарфур «является трагическим примером общественного упадка в результате резкого ухудшения экологической ситуации».

Что касается Азии, то к 2050 году больше миллиарда людей могут пострадать от снижения доступности пресной воды. Согласно прогнозам, таяние льдов в Гималаях приведет к увеличению паводков и каменных лавин. В ближайшие 20–30 лет это очень негативно скажется на состоянии водных ресурсов.

В Центральной Азии эксперты МГЭИК прогнозируют резкое повышение температуры. Там 90 % водных ресурсов расходуется на полив сельскохозяйственных культур. Сельское хозяйство, которое составляет 20–30 % ВВП, а также электроэнергетика используют талые воды горных ледников. Однако некоторые ледники уже исчерпали свои ресурсы: 20 % глетчеров может исчезнуть до 2050 года. Закрытые рынки, социальное неравенство и слабая государственная власть мешает приспособиться к новым гидрографическим условиям.

В Южной и Восточной Азии густонаселенные дельты крупных рек подвергаются серьезному риску наводнений, так как они очень близки к океану. Изменение климата усугубляет ситуацию с безопасностью человека в Бангладеш. Там с 1960 года от циклонов, бурь и наводнений погибло больше 600 тыс. человек. Если уровень моря поднимется на 1 м, это может привести к затоплению шестой части территории Бангладеш, а также перемещению около 40 млн человек, проживающих на этой территории. Уже и так были зафиксированы острые столкновения в Бангладеш

и соседних странах, которые были спровоцированы миграционными потоками, состоящими из нищих людей. Изменения климата также угрожает социальной и политической стабильности в странах Южной и Восточной Азии[48].

Тревожные прогнозы касаются Латинской Америки. Тропические леса Амазонии, южная и центральная Мексика будут постепенно замещены саванной. Климат в некоторых регионах северо-восточной Бразилии и большей части центральной и северной Мексики станет более засушливым.

В результате изменения климата в Северной Америке прогнозируется значительное ограничение водных ресурсов, использование которых растет в связи с потребностями сельского хозяйства, промышленности, городов.

В течение XXI века в Северной Америки полностью преобразуется экосистема в результате вынужденной миграции биологических видов к северу и их размещение на более высоких позициях земной поверхности.

Примером экстремального погодного явления служит ураган Катрина, который произошел в 2005 году в США. Он привел к затоплению городов и сельских поселений на обширной территории, а также к повреждению большого числа домов, предприятий, промышленных объектов. Около 1800 жителей Нового Орлеана погибли, сотни тысяч стали беженцами. Ураганом была разрушена инфраструктура доступа к воде и пищевым продуктам, энергетики, транспорта, связи и канализации.

Климатические изменения сказываются и на Европейской части. В 2003 году в Европе была аномальная жара, которая привела к смерти более 35 тыс. человек и потерям сельскохозяйственной отрасли в размере 15 млрд долларов. Согласно прогнозам, в северных регионах Европы ожидаются более теплые зимы, рост количества осадков, расширение лесных зон. В южных регионах Средиземноморья повысится летняя температура воздуха, уменьшится количество осадков, увеличится интенсивность засухи, сократятся лесные площади.

На Ближнем Востоке наиболее остро ощущается нехватка воды в Ниле, Евфрате и Иордане. Нехватка воды тесно сплетена с конфликтами, возникшими в силу различных политических интересов. В регионе стоит вопрос о битвах государств за воду. Изменения климата вызвало увеличение засушливых периодов, а это еще больше подрывает условия достижения мира и безопасности человека. В рамках ближневосточного мирного процесса постоянно обсуждается вопрос о водных ресурсах.

Таким образом, справедливым представляется вывод немецкого исследователя Ю. Шефрана о том, что мы подчас не до конца осознаем масштаб социально-политических последствий климатических изменений, которые могут стать катализатором большинства существующих ныне угроз международной безопасности, включая терроризм: «Изменения окружающей среды, вызванные глобальным потеплением, не только влияют на условия жизни людей, но и порождают более масштабные последствия для общества в целом: угрожая разрушением общественной инфраструктуры, либо приводя к таким ответным мерам, которые лишь усугубляют проблему. Чем сильнее ощущаются последствия климатических изменений и чем значительней территория, на которой они проявляются, тем сложнее обществу адаптироваться к таким последствиям. Социально-экономическая и политическая напряженность может подорвать жизнедеятельность местных сообществ, эффективность различных институтов и стабильность общественных структур»[49].

4. Последствия изменения климата для России

Для России последствия… представляются не однозначно скверными, но приспособиться к изменению климата, особенно к оттаиванию вечной мерзлоты и к исчезновению арктических льдов, будет очень трудно и очень дорого[50].

М. Грабб

Для России особенно важен прогноз климатических изменений в Европе (южная оконечность Европейской части России) и в полярных регионах (Сибирь, Дальний Восток, северная оконечность Европейской части России).

К негативным изменениям в Европе относятся увеличение температур и усиление засух на юге, сокращение снежного покрова и отступание горных ледников, увеличение риска сильных паводков и катастрофических наводнений на реках; увеличение частоты лесных пожаров, пожаров на торфяниках, сокращение продуктивности лесов[51].

Реальные экономические издержки для России последствий изменения климата точно оценить невозможно. Во всяком случае минимальные издержки оцениваются в 5–10 млрд долл. Никто не знает, сколько жизней унесла засуха 2010 года, а скольким миллионам людей она сократила жизнь. В докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) вот уже много лет формулируются возможные последствия[52].

В российском обществе распространена точка зрения о пользе глобального потепления для нашей страны, прежде всего в плане смягчения холодного

климата, характерного для большей части территории России. Предполагаемые выгоды обычно ожидаются в сельском хозяйстве и в уменьшении расходов на отопление жилых и производственных строений в холодное время года. Позитивно оценивается влияние потепления на хозяйственное освоение районов крайнего севера, в том числе шельфа Северного ледовитого океана, использование морского пути, несмотря на то, что обеспечение интересов России в этом регионе потребует дополнительных серьезных политико-дипломатических усилий и мер в сфере обороны и безопасности.

Однако из-за протяженности территории страны и разнообразия ее природно-климатических особенностей, последствия климатических изменений проявляются по-разному в различных регионах России и могут иметь как положительный, так и отрицательный характер.

Действительно, по оценкам Росгидромета, которые приведены в «Стратегическом прогнозе изменений климата в Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России», к 2015 г. продолжительность отопительного периода сократится в среднем по России на 3–4 дня, что может дать ощутимую экономию топливно-энергетических ресурсов. Но в том же Стратегическом прогнозе говорится о том, что в связи с ростом числа дней с высокими и критическими значениями температуры воздуха — так называемые «волны тепла» — увеличатся затраты на кондиционирование зданий и промышленных предприятий, а это неблагоприятно отразится на самочувствии и здоровье населения, особенно в крупных городах[53].

Ожидаемые выгоды в сельском хозяйстве для России принято связывать с ростом урожайности и увеличением площади земель, пригодных для земледелия. Более внимательное рассмотрение агрогеографии России показывает, однако, что для основных сельскохозяйственных районов страны (бассейн Дона, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Алтай и степная часть Южной Сибири) сегодня главный фактор, ограничивающий урожайность, — не недостаточно теплое лето, а нехватка воды в вегетационный период. В соответствии со Стратегическим прогнозом при дальнейшем потеплении климата России падение урожайности может превысить 20 % после 2015 г. и стать критическим для экономики этих регионов. Многие плодородные сегодня районы Северного Кавказа и Поволжья могут превратиться в пустыни, подобные сухим степям, как это уже происходит, например, в Калмыкии.

Эта потеря вряд ли может быть компенсирована повышением урожайности в более северных областях, так как там отсутствуют плодородные почвы, способные заменить утраченные южнорусские черноземы. Смена типа почв требует, по крайней мере, многих тысячелетий и никак не может произойти за десятки лет. Вырастить же на тверских подзолах и суглинках кубанские урожаи не удастся ни при каких температурах. В целом по стране к 2020 году прогнозируется снижение урожайности зерновых культур на 9 %, по сравнению с уровнем 2005 года.

Недостаточное увлажнение во многих регионах России, в первую очередь на территориях Белгородской, Курской областей, Ставропольского края и Калмыкии, приведет не только к снижению урожайности сельскохозяйственных культур, но и к снижению обеспеченности водой населения (до 1000–1500 м^3 в год на одного человека, и даже менее, по данным Стратегического прогноза), что по международной классификации рассматривается как очень низкая или критически низкая водообеспеченность[54].

Отрицательные последствия изменения климата для России сказываются также в наблюдаемой тенденции повышения повторяемости опасных гидрометеорологических явлений (паводки, наводнения, снежные лавины, сели, ураганы и др.) и увеличения неблагоприятных резких изменений погоды, которые в свою очередь, приводят к огромному социально-экономическому ущербу. Они пагубно влияют не только на сельское хозяйство, но и на такие ключевые сектора экономики, как энергетика, водопользование и водопотребление, речное и морское судоходство, жилищно-коммунальное хозяйство.

Если в начале 1990-х в России ежегодно отмечалось 150–200 опасных явлений в год, то в последние несколько лет их число выросло до 250–300. В 2004 и 2005 г. было зафиксировано соответственно 311 и 361 подобная аномалия. 2007 г. был рекордным — 445 опасных гидрометерологических явлений. Ежегодный прирост количества подобных явлений составляет около 6,3 % в год. По оценке Всемирного банка, ежегодный ущерб от воздействия опасных гидрометеорологических явлений на территории России составляет 30–60 млрд рублей[55].

К сказанному следует добавить, что глобальное потепление угрожает создать или уже создает такие дополнительные социально-экономические угрозы, как просадки грунта из-за таяния вечной мерзлоты (такие изменения могут быть опасны для зданий, инженерных и транспортных сооружений); усиление нагрузки на подводные трубопроводы и вероятность их аварийных повреждений и разрывов, а также препятствия для судоходства вследствие усиления русловых процессов на реках; расширение ареала инфекционных болезней (например, энцефалита, малярии) и другие.

***

Каким же образом можно удержать изменение климата, пока этот процесс не стал необратимым? Как можно предотвратить неблагоприятные последствия наблюдаемых и прогнозируемых климатических изменений?

Очевидно, что предотвратить полностью прогнозируемые изменения климата человечеству вряд ли удастся. Однако можно попробовать смягчить

климатические изменения, сдержать темпы роста температуры с тем, чтобы избежать опасных и необратимых последствий в будущем. Как это можно сделать? В первую очередь, за счет:

— ограничения и сокращения потребления ископаемого углеродного топлива (угля, нефти, газа);
— повышения эффективности потребления энергии;
— внедрения мер по энергосбережению;
— более широкого использования неуглеродных и возобновляемых источников энергии;
— развития новых экологически чистых и низкоуглеродных технологий;
— через предотвращение лесных пожаров и восстановление лесов, поскольку леса — естественные поглотители углекислого газа из атмосферы[56].

При этом проблема выбора между снижением выбросов парниковых газов и экономическим развитием стран не стоит. Об этом, в частности, свидетельствуют выводы, представленные в Докладе Николаса Стерна «Экономика изменения климата», а также в Четвертом оценочном докладе МГЭИК[57]. Изменения в технологиях производства энергии и структуре мировой экономики, происходившие в последние годы, ослабили взаимосвязь между объемами выбросов парниковых газов и ростом доходов, особенно в некоторых наиболее развитых странах. При разработке грамотной и эффективной политики и принятии соответствующих мер, направленных, в первую очередь, на повышение эффективности использования энергии горючих ископаемых, можно снизить зависимость экономики как развитых, так и развивающихся стран от углеродной составляющей в масштабах, необходимых для стабилизации климата, без ущерба для экономического роста.

5. Первые шаги в решении проблемы изменения климата

… устойчивое развитие невозможно без эффективной экологической политики и совместной работы по противодействию изменения климата[58].
Д. Медведев

Укрепление нравственного основания международных отношений мы рассматриваем в качестве части большой политики[59].
*С. Лавро*в

Взаимосвязь между устойчивым развитием и эффективной экологической политикой, особенно в области климата, о которой президент Д. Медведев заявил в апреле 2011 года на саммите БРИКС, проходившем в Китае, стала таким образом предметом повестки дня на переговорах сразу нескольких крупных, наиболее динамично развивающихся государств мира.

Попытки решения глобальных экологических проблем, включая проблему изменения климата, неизбежно сталкиваются с проблемой национального суверенитета, которая при ближайшем рассмотрении выглядит крайне сложной. Как справедливо отмечает профессор МГИМО(У) М. Ильин, «привычная политическая карта мира — это множество разноцветных ячеек-государств. Согласно Уставу ООН, все ее 192 члена обладают равной мерой суверенитета. Но так ли это? Заметить дифференциацию „суверенноравных“ можно даже по формальным основаниям. В Совете Безопасности, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, при принятии решений по вопросам существа действует принцип „единогласия великих держав“. В самой семье ООН немало членов, которые не признают друг друга: одним не хватает одного голоса до „общепризнанности“ (например, Республика Кипр, КНДР, Южная Корея, Армения), другим (КНР, Израиль) — значительно больше. Есть суверенная территория Святого Престола — государство Ватикан, которое в ООН не входит, ограничиваясь статусом наблюдателя.

Одновременно мы наблюдаем феномен государств, имеющих полное международное признание, но не способных консолидировать власть на своей территории и выполнять свои суверенные функции. Они получают экономическую и иную помощь, но не могут использовать ее в целях развития. Одни из них стали виртуальными, как распавшаяся Сомалийская Республика, в других слабые центральные институты сосуществуют с „государствами–движениями“, „государствами–регионами“, „государствами–кланами“ или „государствами–общинами“. Среди таких „государств в государстве“ — ливанская „Хизбалла“, Иракский Курдистан, Южный Судан, Революционные вооруженные силы Колумбии.

В некоторых консолидированных демократиях (Великобритания, Бельгия, Испания, Канада) усиливают позиции массовые Националистические движения или „этнизированные“ политические группировки. Они, хотя и не требуют в большинстве случаев собственного «классического» государства, активно выступают за „передел“ власти гражданской нации, суверенитет которой официально декларирован как одна из основ демократического устройства.

Есть государства — члены ООН, которым мировые лидеры отказывают в „праве на суверенитет“»[60],… и т. д.

Проблема изменения климата занимает сегодня одно из приоритетных мест в международной повестке дня наряду с такими глобальными вопросами, как обеспечение энергетической безопасности, преодоление бедности и устойчивое развитие.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. общественные и политические круги начали активно обсуждать проблемы изменения климата. Одним из первых прецедентов широкого международного взаимодействия стали меры по предотвращению истощения озонового слоя Земли на основе Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальского протокола к ней 1987 г. Участники этих соглашений — 191 государство — сняли с производства 95 % веществ, разрушающих озоновый слой, восстановление которого до уровня начала 1980-х гг. ожидается к 2075 году[61].

К 1988 году проблема изменения климата становится одной из основных тем в сфере окружающей среды. Условия разрядки и последующего окончания «холодной войны» обеспечили благоприятный фон для постановки проблем подобного общепланетарного характера.

По мнению Т. Авдеевой, «на стыке 1980-х и 1990-х гг., когда произошел настоящий „прорыв“ экологии в большую политику (Именно в это время были подписаны важнейшие международно-правовые документы: Венская конвенция об охране озонового слоя (1985 г.) и Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1987 г.), Базельская конвенция о контроле за трансграничным перемещением опасных отходов и их удалением (1989 г), в 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялось крупное международное экологическое мероприятие — Конференция ООН по окружающей среде и развитию) проблему изменения климата активно подхватили международные организации. В 1988 году под эгидой ООН была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая стала регулярно — раз в четыре–пять лет — выпускать оценочные доклады о состоянии климата планеты. От доклада к докладу заключения экспертов становились все более уверенными: тренд потепления на Земле имеет место, и его главной причиной в последние 50–100 лет послужил рост концентрации в атмосфере парниковых газов (ИГ), вызванный растущими объемами хозяйственной деятельности человека (По оценкам экспертов, наибольший вклад в выбросы ПГ вносят энергетика (26 %), промышленность (19 %), землепользование и лесное хозяйство (17 %), сельское хозяйство (14 %), транспорт (13 %), а главным виновником „глобального потепления“ признается рост концентрации в атмосфере углекислого газа от сжигания ископаемого топлива)»[62].

Тревогу вызывает то, что, по достаточно распространенному в научной среде мнению, в последние 50–100 лет изменению климата сильно помог сам человек.

Консенсус среди ученых по вопросам изменения климата формировался медленно в период 1980–1990-х годов. В 1985 году в Австралии, в Филах прошла конференция, в ходе которой ученые пришли к согласию, что увеличение концентрации двуокиси углерода в атмосфере приведет к росту температуры на Земле. В течение последующих десятилетий эта точка зрения укреплялась благодаря результатам дальнейших исследований[63].

Ученые пришли к выводу, что последствия существенного усиления парникового эффекта из-за роста содержания в атмосфере углекислого газа могут уступать лишь последствиям мировой ядерной войны[64].

Проблема изменения климата стала обсуждаться в политических кругах. В 1988 году прошла конференция в Торонто, на которой участвовали ученые и политики различных стран. По результатам конференции были приняты рекомендации по сокращению двуокиси углерода на 20 % к 2005 году.

Главным инициатором создания Международной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) считаются именно Соединенные Штаты. Они же (еще при Дж. Буше-старшем) одними из первых ратифицировали РКИК. Развивая успех, президент Клинтон попытался ввести в стране т. н. «налог на BTE» (British Thermal Units), затрагивавший интерес топливной, и в особенности угольной промышленности; провести закон через Конгресс не удалось.

Не стоит забывать и роль закона о чистом воздухе (Clean Air Act) и дополнений к нему, принятых в 1990 году и давших начало торговле квотами сокращения выбросов сернистого ангидрида. Успешный опыт этой торговли во многом дал основания для такого важнейшего механизма гибкости, как торговля квотами сокращения выбросов парниковых газов. Наконец, некоторыми исследователями положительно оценивается влияние США на Россию, которую американским представителям удалось убедить снять свои возражения против принятия странами конкретных обязательств.

Все эти действия США, тем не менее, совсем не противоречили главной политической установке — обеспечить себе максимальную свободу рук в рамках создаваемой в области изменения климата международной правовой конструкции. Единственная супердержава не хотела в этой сфере стать подконтрольной единицей и, соответственно, противилась любому контролю извне.

Полной полярной противоположностью американскому стал подход Евросоюза. Традиционные предложения ЕС по конкретизации всех мер и направлений политики и ужесточению процедур контроля имеют под собой вполне определенную институциональную основу. Дело в том, что экологическая политика ЕС на протяжении ряда десятилетий базировалась прежде всего на мерах техни-

ческого регулирования и экологических стандартах, распространенных на все сферы, входящие в юрисдикцию ЕС. На уровне Евросоюза это — политика т. н. отраслевой экологической интеграции (sectoral environmental integration), в рамках которой были разработаны системы показателей (индикаторов)[65].

После конференции в Торонто имел место ряд межправительственных конференций, которые сделали возможным проведения в 1992 году «Саммита Земли». В 1992 году в Рио-де-Жанейро прошла Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая получила название «Саммит Земли». На этом саммите была принята Рамочная конвенция по изменению климата, которая вступила в силу 21 марта 1994 года. Она стала первым международным соглашением, направленным на борьбу с глобальным изменением климата и его последствиями. Эти действия положили начало дальнейшему международному сотрудничеству в этой сфере. Как вспоминают участники исторической Конференции «На одном из наиболее значимых экологических форумов XX века, каким стала конференции в Рио-де-Жанейро (3–14 июня 1992 г.), российская делегация была представлена всего несколькими официальными лицами. Поэтому слухов и непроверенных сведений о происходивших там событиях существует гораздо больше, чем достоверных фактов. Почему на этой конференции не присутствовал президент России? Чем на ней занимался А. Руцкой, возглавлявший российскую делегацию? Как проходили заседания и переговоры? Почему на финальном круглом столе место руководителя российской делегации пустовало? Нам представляется, что свидетельство второго лица в российской делегации В. Данилова-Данильяна будет весьма интересным.

Конференция в Рио-де-Жанейро была крупнейшим международным форумом десятилетия. В ней принимали участие более полутора сотен стран на уровне глав государств и правительств — президентов и премьер-министров. Делегации были очень представительными: скажем, от США — около двухсот участников, от Индонезии — шестьдесят. От России на эту конференцию была направлена совсем небольшая официальная делегация — всего десять человек, плюс два академика — А. Исаев и В. Коптюг, приехавшие туда на средства РАН, но работавшие в Рио вместе с официальной делегацией. Людей для полноценного участия во всех комитетах (а их было два десятка) не хватало, и мы, буквально, разрывались на части.

Столь небольшое число участников объяснялось двумя основными причинами — недостаточным пониманием важности мероприятия со стороны руководства России и, как следствие, недостаточным финансированием участия официальной делегации в этом форуме. Правда, от нашей страны в Рио приехали и представители общественных организаций, но они в основном форуме участия не принимали, а работали на проходившем неподалеку форуме общественных организаций.

Официальную делегацию возглавлял вице-президент А. Руцкой, который, правда, из одиннадцати дней работы конференции присутствовал лишь на двух заключительных. Он подписал две конвенции — по биоразнообразию и изменению климата, после чего совершенно откровенно прогулял круглый стол для глав государств, чем едва не разрушил начавшее складываться в этой области взаимопонимание с США и основными европейскими странами.

Проблема климатических изменений стала в 1990-е гг. одной из ключевых в повестке ООН и работе её учреждений. Под эгидой ООН была принята сначала Рамочная конвенция об изменении климата (РКИК ООН) — 1992 г., а потом и Киотский протокол — 1997 г. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун первый свой официальный доклад в начале 2007 г. посвятил именно вопросам климата, отметив, что «опасность, которую представляют войны для всего человечества и для нашей планеты, как минимум, сравнима с угрозой климатических изменений и глобального потепления»[66].

Следует признать ограниченный характер Киотского протокола, в котором не участвуют США и Китай, и в котором развитые и развивающиеся страны поставлены в неравное положение, сильно ограничивает возможности совместной работы, и продление протокола на второй период не даст никакого эффекта. Киотский протокол, по подсчетам экспертов, мог снизить глобальные выбросы только на 5,2 %, поэтому протокол всегда и рассматривался, как «пилотный», и свою миссию он в значительной мере выполнил. И чтобы остановить процесс потепления хотя бы в пределах двух градусов, необходимо, чтобы предельные глобальные выбросы сократились на 80 % к 2050 г. Это крайне сложная задача, требующая глобального перехода на инновационные энергосберегающие технологии, на альтернативные источники энергии. Только в этом случае можно будет добиться, (чтобы не произошли необратимые изменения в глобальной климатической системе)[67].

В рамках 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые в истории вопросы изменения климата обсуждалась на уровне глав государств и правительств, причем обсуждения не ограничивались экологическими вопросами, но затрагивали и такие проблемы, как преодоление бедности, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, долгосрочные планы социально-экономического развития стран.

В настоящее время обсуждается будущее соглашение, которое будет регулировать международную деятельность по противодействию климатическим изменениям на период после 2012 г., когда заканчивается действие Киотского протокола.

6. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Киотский протокол

В определенном смысле все переговоры в рамках РКИК и Киотского протокола — это своеобразная политическая дуэль между США и Европой[68].
С. Рогинко

Будущему человечеству угрожает многое, и не в последнюю очередь — изменения климата. В зависимости от того, как человечество решит — или не решит — эту проблему, будет развиваться (или не развиваться) его экономическая и политическая жизнь[69].
М. Грабб

Первые серьезные и убедительные предупреждения человечества о возможных грядущих экологических катастрофах прозвучали в докладах Римского клуба в начале 70-х годов XX века. Однако эти доклады не ушли дальше перечислений и характеристики аномальных явлений, предупреждений о них. Еще не было четких представлений и рекомендаций о том, какие меры и направления деятельности человечества могут отодвинуть и предотвратить возможные потрясения. Такого рода предупреждения ныне излагаются почти в любом издании, посвященном экологическим проблемам.

Впервые задачу, с одной стороны — выдвижения от имени официального международного органа серьезного и всесторонне обоснованного предупреждения и, с другой — указания путей предотвращения возможной катастрофы, выполнил доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) во главе с Г. Х. Брундтланд под названием «Наше общее будущее». Положения доклада в 1987 году были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, а затем взяты за основу решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию (июнь 1992 г.) в Рио-де-Жанейро (КОСР-2), принявшей ряд важнейших документов по актуальным вопросам охраны биосферы, давшей определение и официально узаконившей понятие «устойчивое развитие»[70].

Осознавая глобальный характер проблемы изменения климата и понимая важность принятия совместных действий в ее решении, международным сообществом в феврале 1991 года были начаты переговоры о принятии **Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН)**. Конвенция была открыта к подписанию 4 июня 1992 г. на состоявшейся в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию и вступила в силу 21 марта 1994 г. По данным на 2007 г. Сторонами Конвенции являются 190 стран и Европейский Союз. Полный и регулярно обновляемый список Сторон РКИК ООН размещен на сайте Секретариата РКИК ООН[71].

РКИК ООН была разработана как ключевой инструмент международного сотрудничества по смягчению негативных последствий изменения климата и снижения антропогенной нагрузки на атмосферу Земли. Она стала первым международным соглашением, направленным на борьбу с глобальным потеплением и его последствиями. Однако в Конвенции определены лишь общие направления деятельности по борьбе с глобальным изменением климата, поэтому РКИК носит рамочный характер.

Понимая необходимость введения более жестких мер для решения проблемы изменения климата, в 1997 году в дополнение к РКИК ООН международным сообществом был принят **Киотский протокол**, в соответствии с которым Стороны Приложения В — ряд промышленно-развитых стран и стран с переходной экономикой (в том числе и Россия) взяли на себя конкретные количественные обязательства по сокращению или ограничению национальных объемов антропогенных выбросов парниковых газов в первый период его действия (2008–2012 гг.) по сравнению с уровнем базового — 1990 года. Цель ограничений — снизить в этот период совокупный средний уровень выбросов 6 типов газов (CO_2, CH_4, гидрофторуглеводороды, перфторуглеводороды, N_2O, SF_6) на 5,2 % по сравнению с уровнем 1990 г.

К настоящему времени Протокол ратифицировали 188 государств (совокупно ответственные за более чем 61 % общемировых выбросов), включая все наиболее развитые страны, кроме США.

Примечательно, что Китай, Индия обязательств на себя не брали.

Киотский протокол устанавливает, что за первым периодом обязательств последует второй, переговоры по которому активно ведутся. Первый период осуществления протокола начался 1 января 2008 г. и продлится пять лет, до 31 декабря 2012 г., после чего на смену ему должно прийти новое соглашение. Ожидалось, что подобное соглашение будет достигнуто на Конференции ООН по климату в Копенгагене в декабре 2009 г. Однако этого пока не произошло.

Тем не менее, решать задачи по смягчению последствий климатических изменений необходимо не только на глобальном, но также на национальном, региональном и местном уровнях при совместных усилиях правительства, бизнеса, науки и общественности. Многие страны уже разрабатывают национальные и региональные климатические программы, направленные как на снижение выбросов парнико-

вых газов, так и на адаптацию к неблагоприятным последствиям климатических изменений, которые предусматривают активное вовлечение в их реализацию всех заинтересованных сторон.

Представляется, что меры по снижению выбросов парниковых газов, предполагающие сокращение или ограничение потребления ископаемого топлива, повышение эффективности его использования и переход на возобновляемые и низкоуглеродные источники энергии, пришлось бы рано или поздно предпринимать независимо от парникового эффекта и глобальных климатических изменений. Ведь минеральное топливо — ресурс невозобновляемый. Значит, переход на новые более эффективные технологии и на другие источники энергии в любом случае неизбежен, и чем раньше мы начнем к нему готовиться, тем менее болезненным он окажется. Можно сказать, что проблема глобального изменения климата создает для человечества дополнительный стимул для скорейшего и менее затратного перехода на «низкоуглеродный» тип развития.

То же самое можно сказать и о мерах по фиксации атмосферной углекислоты: если мы остановим процесс сокращения мировых лесов, восстановим их хотя бы на части прежней площади, наладим устойчивое и высокопродуктивное лесное хозяйство — это будет, безусловно, полезно вне зависимости от того, насколько это замедлит глобальное потепление.

Совместные действия международного сообщества по ограничению антропогенного воздействия на климатическую систему — приоритетный путь решения проблемы изменения климата. Однако одних этих мер недостаточно. Последствия изменения климата ощущаются уже сейчас, следовательно, уже сейчас надо пытаться приспособиться (адаптироваться) и минимизировать их негативные воздействия, организовывать мероприятия по адаптации к меняющимся условиям.

Существует целый ряд определений термина «адаптация к изменению климата». Согласно принятой терминологии МГЭИК адаптация — это «приспособление естественных или антропогенных систем в ответ на фактическое или ожидаемое воздействие климата или его последствия, которое позволяет уменьшить вред или использовать благоприятные возможности»[72]. То есть меры по адаптации могут быть направлены как на снижение климатических рисков, так и на извлечение потенциальных выгод от изменения климата.

Примерами таких действий являются более экономное использование дефицитных водных ресурсов, адаптация существующих строительных норм с расчетом на устойчивость зданий к воздействию будущих климатических условий и экстремальных погодных явлений, строительство защитных стенок от наводнений, повышение уровня дамб для защиты от растущего уровня морей, создание засухоустойчивых культур, отбор лесных видов и методов ведения лесного хозяйства, менее уязвимых к ураганам и пожарам, обустройство территорий и коридоров, помогающих миграции видов.

Заблаговременные действия могут принести заметную экономическую выгоду и свести к минимуму угрозы в отношении экосистем, здоровья человека, экономического развития, собственности и инфраструктуры. Подсчеты затрат на выработку адаптационных мер по предотвращению негативных последствий повышения уровня моря, паводков, а также переход на использование более устойчивых альтернативных источников энергии подтверждают, что выгода от принятия разумных решений может быть весьма существенной. В то же время, как отмечается в докладе МГЭИК, сопутствующие выгоды мер по сокращению выбросов парниковых газов могут компенсировать значительную долю затрат на предотвращение изменений климата и адаптации к ним.

Если большинство антропогенных систем чувствительны к изменениям климата, и лишь некоторые уязвимы, то для большинства естественных систем изменения климата могут нанести необратимый ущерб. При этом уязвимость как естественных, так и антропогенных систем в значительной степени варьируется от региона к региону. В наибольшей степени подвержены воздействиям климатических изменений приполярные и полярные области Земли, поскольку именно здесь последствия изменения климата проявляются наиболее интенсивно. Повышение уровня моря делает особо уязвимыми малые островные государства и прибрежные территории.

Стратегии по адаптации должны включать в себя научные оценки рисков, уязвимости и потенциальных выгод предполагаемых климатических изменений с учетом природно-географических, экономических, социальных и иных особенностей конкретного региона или отрасли экономики. Кроме того, важная задача — проведение экономических оценок затрат и выгод предлагаемых адаптационных мер для обеспечения их максимального эффекта на единицу вложенных средств и разработки оптимальной стратегии по адаптации к изменению климата для принятия хозяйственных решений.

Следует также отметить, что вопросы уязвимости к изменениям климата, разработка и принятие адаптационных мер в их отношении имеют существенный социальный акцент. Большинство наименее развитых стран расположены в регионах, в наибольшей степени подверженных негативным последствиям изменения климата. Основу экономики большинства этих стран составляют уязвимые отрасли, обладающие, кроме того, очень низким адаптационным потенциалом. Ограниченные финансовые, технологические, институциональные и прочие ресурсы делают население этих регионов исключительно зависимым от успешности мер по смягчению изменения климата и экономической помощи экономически развитых стран. Активная государственная политика имеет важнейшее значение

для борьбы с изменением климата. В настоящее время становится все более очевидно, что подобная политика совместима со стратегиями устойчивого развития и экономического роста или даже является их необходимым элементом. Адаптационные стратегии разрабатываются как в рамках отдельных секторов экономики, так и на региональном уровне с учетом географических и природно-климатических особенностей региона. Меры по адаптации также могут быть направлены на извлечение потенциальных выгод от изменения климата.

В рамках реализации Киотского протокола началось формирование рынка торговли квотами[73] на выбросы парниковых газов. Однако наша страна пока не участвует в этом процессе, хотя активно реализуются подготовительные меры по формированию национального банка данных о выбросах. Предполагается, что торговля квотами станет важным элементом механизма чистого развития, который позволит профинансировать хотя бы часть внедрения «зеленых технологий» за счет коммерциализации самой киотской проблематики.

7. Конференция ООН по изменению климата в Копенгагене (декабрь 2009 г.) и подготовка к посткиотскому периоду

… в отношении ресурсов общего пользования конфликт между личными интересами экономических агентов и общественными интересами решается в пользу первых…[74].
И. Макаров

Первая попытка — в… декабре (2009. — *Авт.*) в Копенгагене — успехом не увенчалась. Похоже, Канкун шансов тоже не имеет[75].
Ф. Лукьянов

«Копенгагенский саммит был на грани полного провала, но в последний момент удалось заключить неформальную сделку, за которой стояли четыре активно развивающиеся страны — Китай, Индия, Бразилия и ЮАР, а также прорвавшийся к ним президент США Барак Обама. В коммюнике впервые зафиксирован базовый ориентир — повышение температуры на планете не более чем на два градуса до конца XXI века. О масштабах сокращений выбросов и их распределении договориться не удалось, но документ содержит обещание развитых стран выделить в 2010–2012 году $30 миллиардов, а до 2020 года еще по $100 миллиардов в год на помощь развивающимся и бедным в переходе к новым производственным укладам.

Однако итоговое соглашение было лишь принято к сведению. Часть развивающихся стран высказались против того, что «крупняк» не готов давать больше, а, например, Европейский Союз смертельно обиделся на то, что его проигнорировали при выработке документа, несмотря на то, что ЕС давно выступает флагманом борьбы против изменений климата»[76].

«Спустя полгода оказалось, что „поплыло“ даже то, что сформулировали в Копенгагене. Трехстраничный копенгагенский документ стремительно распухает за счет новых (а точнее, старых) оговорок и условий, выдвигаемых странами. Обещанные деньги не поступают. Об обязывающем соглашении в Канкуне не заикается уже никто. В ООН заговорили о том, что, возможно, нового всеобъемлющего договора не будет вовсе, а нужно, например, рассмотреть вопрос о продлении Киотского протокола. Накануне боннских переговоров сенат США снял с обсуждения законопроект об ограничении выбросов, который хотела принять администрация Обамы. Следует заметить, что стержневая проблема климатического процесса заключается в том, что участники на деле обсуждают совсем разные проблемы.

„Третий мир“ в основном видит в переговорах возможность получить средства от богатых. Есть группа стран — беднейшие государства Африки, Азии и особенно небольшие островные государства, для которых речь в буквальном смысле идет о выживании. В случае повышения уровня Мирового океана вследствие глобального потепления нескольких членов ООН может просто не стать: их затопит. Представители, например, Мальдивских островов, Вануату или Гренады требуют принятия срочных мер.

По сути, речь идет не об экологии, а о расстановке сил — экономических, но не только — в XXI веке»[77].

«Быстро развивающие страны, стоящие на пути активной индустриализации и масштабного роста производства, пытаются добиться того, чтобы подавляющую долю ответственности за сокращение выбросов взял на себя Запад, где индустриализация началась более 200 лет назад.

За это время там, мол, эмитировали такое количество вредных веществ, что теперь пора расплачиваться. Развитый мир, испытывающий растущее конкурентное давление со стороны производителей из развивающихся стран, хотел бы, наоборот, иметь инструмент регулирования их роста, и введение международно-правовых обязательств по сокращению выбросов — одна из таких возможностей.

За этим конфликтом скрывается и принципиальная дилемма: что надежнее в качестве предпо-

сылки для будущего лидерства — ориентация на все более высокие технологии или возрождение более традиционных производственных основ. Во всяком случае, в развитых странах спорят о том, что деиндустриализация и перенос производства в „третий мир", которые рассматривались как признак прогресса, имеют оборотную сторону — сужение экономической и социальной базы и зависимость от более отсталых частей земного шара.

Однако это только верхний слой. По мнению некоторых наблюдателей, резкий поворот в дискуссии вокруг обязывающего соглашения уже не за горами. Случится он тогда, когда Китай посчитает, что обладает достаточным промышленным и технологическим потенциалом в области „зеленой экономики". Пока это трудно себе представить. Но итальянский исследователь Клаудиа Беттиоли, изучающая то, что она называет „геополитикой возобновляемой энергии", обращает внимание на опыт недавней пекинской Олимпиады. Одним из условий, на которых КНР получила право на ее проведение, было выполнение жестких экологических норм и улучшение качества воздуха. В сжатые сроки Китай совершил рывок в области экологически эффективных технологий и не только выполнил международные нормативы, но и создал солидную базу для развития. Пекин, кстати, не отрицает необходимость сокращения выбросов в принципе — он лишь резко против того, чтобы уровни ограничения устанавливались извне»[78].

Конференция ООН по изменению климата проходила в Белла-Центре, в Копенгагене, Дания с 7 по 18 декабря 2009 г. В рамках конференции состоялась 15-я конференция сторон (COP 15) РКИК и 5-я встреча сторон (MOP 5) Киотского протокола.

Несмотря на то, что участникам конференции не удалось выйти на заключение нового всеобъемлющего соглашения по вопросам климата, которое должно прийти на смену Киотскому протоколу, саммит стал важной вехой с точки зрения подтверждения ведущими экономиками мира значимости климатической проблематики. Причем об этом заявили в том числе страны, не взявшие на себя обязательств по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов в соответствии с Киотским протоколом — Китай, Индия, Бразилия и ЮАР или отказавшиеся его ратифицировать — США. Так что оснований для оценки саммита в Копенгагене как «провального», которая получила распространение в мировой прессе, явно недостаточно, хотя встреча вновь выявила рад существенных противоречий при решении вопросов климата на глобальном уровне.

В Дании в течение двух недель работали делегации около 200 стран. Копенгаген для встречи был выбран не случайно. Этот город считается одним из самых чистых в Европе: треть населения здесь перемещается на велосипедах, у которых, кстати, на дороге преимущество перед машинами. Но ни атмосфера города, ни выступления политиков и экологов не заставили участников саммита прийти к соглашению об объёмах выбросов CO_2.

Приезд глав государств в Копенгаген этот гордиев узел разрубить так и не смог. Вопрос об ограничении выбросов CO_2 из экологического стал экономическим и политическим, и это неудивительно, ведь объёмы выбросов зависят от того, насколько развита промышленность в стране. В результате 135 из 192 стран вообще отказались участвовать в рабочих группах, пока не будет решения по выбросам.

Документ, принятый в последний момент, никаких юридических обязательств по ограничению выбросов парниковых газов не определил. Но о выделении помощи развивающимся странам всё же удалось договориться: на борьбу с вредными эмиссиями в ближайшие три года выделят 30 млрд долл. и ещё 100 млрд долл. будут выделяться ежегодно до 2020 года.

Согласились проводить мониторинг промышленных выбросов Китай, Индия, США, Бразилия и ЮАР. Эти пять стран также договорились сделать всё возможное, чтобы ограничить рост мировой температуры 2°C. По оценкам Международного энергетического агентства, к 2050 году это намерение обойдётся мировой экономике в 10 трлн долл.[79]. Каким образом развитые и развивающиеся страны разделят между собой эти траты — предстоит решить в ближайшее время. Но в любом случае первым придётся субсидировать вторых.

В тот период премьер-министр Британии — Гордон Браун предложил основать специальный фонд, который распределял бы деньги между нуждающимися. Многие лидеры, в свою очередь, высказались за то, что не менее 10 % средств фонда следует направить островным государствам, которые первыми могут пострадать от повышения уровня мирового океана (к примеру, Мальдивы в Индийском океане или Тувалу и Кирибати в Тихом)[80].

Президент России Д. Медведев в своем выступлении на саммите особо отметил, что «к завершению первой фазы Киотского протокола, то есть к 2012 году, необходим более совершенный и эффективный механизм — работающий правовой документ, который будет регламентировать вопросы международного сотрудничества. Он должен быть прежде всего всеобъемлющим и базироваться на принципах справедливости и общей ответственности, причём ответственности дифференцированной — в зависимости от уровня развития страны»[81].

Президент России подчеркнул, что наша страна не отказывается от сокращения объёмов вредных выбросов, но только не в ущерб своей экономике: Российская Федерация готова участвовать в подготовке юридически обязывающего соглашения, готова зафиксировать свои обязательства по эмиссиям, обеспечить и не имеющее аналогов коммулятивное снижение выбросов парниковых газов в объёме более 30 миллиардов тонн в период с 90-го по 2020 год, что

соответствует 25-процентному сокращению выбросов на этот период[82].

Президент также добавил, что Россия и так является лидером по сокращению эмиссии парниковых газов — за последние 17 лет ей удалось достичь 30 % снижения выбросов по сравнению с началом 90-х гг., причем «на нашу страну приходится половина мировых объёмов сокращений эмиссии за последние 20 лет. И это в существенной степени компенсировало прирост вредных выбросов, наблюдавшихся в других странах»[83].

Как известно, пока подобное сокращение в нашей стране стало результатом падения промышленного производства с началом переходного периода. В будущем руководство нашей страны хотело бы обеспечить высокие показатели снижения выбросов за счет глубокой технологической модернизации экономики.

Сократить выбросы к 2020 г. на 17 % относительно уровня 2005 г. и на 80 % к 2050 г. пообещали и США. «Независимо от того, чем закончится наша встреча в Копенгагене, США будут и дальше активно действовать в этом направлении», — заявил президент Барак Обама[84].

Тем не менее, свыше 70 стран пожелали ассоциировать себя с Копенгагенским соглашением, которое было принято лидерами мировых держав в декабре 2009 г. на климатической конференции в Копенгагене. Всего на их долю приходится около 80 % мировых выбросов парниковых газов.

Все развитые страны уже представили в Секретариат РКИК ООН свои цели по снижению парниковых газов в посткиотский период. Это сделали даже США, которые не участвуют в Киотском протоколе.

В соответствии с Копенгагенским соглашением, развивающиеся страны должны представить свои национальные планы действий по сокращению антропогенной нагрузки на климат. Такие планы представили уже 30 государств, включая Китай, Индию, Бразилию, ЮАР, которые входят в число основных мировых эмитентов парниковых газов. В частности, Китай заявил о стремлении снизить выбросы углекислого газа на единицу ВВП на 40–45 % к 2020 году по сравнению с 2005 годом. Кроме того, он намерен увеличить долю возобновляемых источников энергии до 15 % в национальном энергобалансе[85].

Впрочем, Копенгагенское соглашение пока не является международно-принятым, обязывающим юридическим документом. Это лишь декларация о намерениях. Однако поддержка этого документа Китаем и Индией дает надежду на то, что создание нового всеобъемлющего климатического соглашения будет идти в позитивном русле.

Как заметил российский исследователь И. Макаров[86], «…эпоха романтизма закончилась, едва успев начаться, и Киотский протокол, которому многие придавали громадное символическое значение как первому шагу на пути решения климатической проблемы, оказался **на деле легким движением носка**, в то время как пятку человечество даже не оторвало от земли. Еще на этапе подготовки протокола всемирную озабоченность экологическими проблемами стал сменять скепсис, а также осознание правительствами ведущих государств цены, которую им придется заплатить за сокращение выбросов, предварительно получив на это мандат избирателей. Глубокое размежевание между развитыми и развивающимися странами (а также расколы внутри самих этих стран) показало, что всеобщего противодействия глобальной угрозе не будет. Каждый участник игры защищает свои и только свои интересы»[87].

Между тем авторитетный исследователь А. Кокорин справедливо полагает, что «…Основные меры, которые рассматривались в Копенгагене, предполагают снижение выбросов. Тут две стороны медали. Есть меры по адаптации к изменению климата — это помощь в объеме 30 млрд долл., выделяемая наиболее уязвимым странам (Россия в их число, не входит). Изначально предполагалось, что к 2020 году США добьются снижения выбросов на 17 % от уровня 2005 года, Япония — на 25 %, Норвегия — на 40 %, ЕС — 20 %. Россия по этим показателям — нечто среднее между развитыми странами и развивающими. Для развивающихся стран подсчеты выбросов строятся на основе базового сценария развития экономики. Тут диапазон 15–30 %.

Конечно, запланирован очень значительный шаг. Это часть пути к снижению выбросов парниковых газов к середине века в два раза. Для развитых стран предполагается еще большая цифра — на 80 %. Пока только США и страны ЕС четко прописали, с помощью каких мер и как они будут по этой траектории идти. Для России, наверное, параметры снижения выбросов к середине века могли бы быть близки примерно к 50 % (эта цифра в свое время озвучивалась на заседаниях „Большой восьмерки“).

Кроме того, ведущие финансовые доноры мира согласились, что нужно повышать объем финансирования программ помощи развивающимся странам в связи с изменением климата до 100 миллиардов долларов в год. Сейчас все финансирование на климатические цели — примерно 1 миллиард долларов. Вся помощь развивающимся странам целиком (на здравоохранение, борьбу с голодом, бедностью и т. д.) — примерно 120 миллиардов. И многие считают, что эту сумму надо увеличивать вдвое»[88].

«Глобальная переговорная площадка по вопросам климатических изменений стала напоминать, — едко заметил И. Макаров, — базарную площадь, на которой каждый старается выторговать максимум преференций себе и навязать партнерам-оппонентам как можно больше дополнительных обязательств. При этом развивающиеся страны активно использовали такие этические аргументы, как историческая ответс-

ственность Запада за предыдущие выбросы и недопустимость блокирования их собственного развития за счет ограничения эмиссий. США и Австралия откровенно и цинично доказывали наличие существенных угроз для своих энергоемких экономик и выступали за недопустимость одностороннего сокращения выбросов развитыми государствами. Европейский Союз настаивал на подписании соглашения любой ценой, видя в этом инструмент для укрепления интеграционных связей, а также собственную геополитическую победу — ведь именно ЕС был главным зачинателем международной климатической кампании».

«В итоге **европейские налогоплательщики и стали главными спонсорами Киотского соглашения**. Оно вступило в силу без наложения количественных обязательств по сокращению эмиссии на развивающиеся страны. В таком виде Протокол оказались не готовы ратифицировать ни Соединенные Штаты, ни Австралия (последняя все-таки сделала это, но лишь в 2007 г.), таким образом, соглашение покрыло менее половины всех мировых выбросов, превратившись в фарс с точки зрения экологической эффективности»[89], — считает И. Макаров.

Очевидно, что в наибольшем выигрыше от Киотского соглашения оказались развивающиеся государства (в первую очередь Китай и Индия), которые получают внушительные объемы западных инвестиций по проектам сокращения выбросов в рамках Механизма чистого развития (МЧР) Киотского протокола. Чрезвычайно благоприятны его условия и для стран Восточной Европы, в которых экономический спад 1990-х гг. привел к снижению эмиссии, намного превосходящему установленные Протоколом нормы. У этих государств появилась возможность продажи невыбранной квоты, а также привлечения инвестиций в рамках Проектов совместного осуществления (ПСО). Страны Персидского залива, выступавшие противниками любого соглашения, в целом также были удовлетворены документом, так как он не представлял серьезной угрозы для питающего их потока нефтедолларов.

В общем система международного климатического регулирования, построенная на основе Киотского протокола, стала компромиссным вариантом, устроившим всех, кроме поборников реального, а не символического противодействия климатическим изменениям. Но даже им внушили, что за относительно скромным первым шагом непременно последуют другие. Система международного климатического регулирования пришла в состояние равновесия. Однако уже в середине 2000-х гг. началась новая стадия, что было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, на смену климатическому скепсису вновь пришел алармизм — обеспокоенность возможными последствиями климатических изменений. Данные 3-го и особенно 4-го оценочных докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), вышедших в 2001 и 2007 гг. соответственно, демонстрируют, что проблема глобальных изменений климата еще серьезнее, чем предполагалось ранее. Апокалиптические сюжеты, связанные с климатическими катаклизмами, набирают популярность и даже проникают в Голливуд (фильм «Послезавтра»), Альберт Гор щедро наполняет «страшилками» сначала книгу, а потом и фильм «Неудобная правда» и вместе с экспертами IPCC получает Нобелевскую премию мира. Изменение климата стремительно приобретает статус глобальной проблемы номер один.

Во-вторых, тектонические сдвиги в мировой экономике, прежде всего дрейф экономической мощи в азиатском направлении, привели к полному несоответствию Киотского протокола современным реалиям. С одной стороны, некоторые азиатские страны (Южная Корея, Тайвань, Сингапур) вошли в число развитых, оставаясь в стороне от международной борьбы против изменений климата. С другой — Китай и Индия уже превратились в мировых лидеров по объему эмиссий и приближаются к таковым по накопленным выбросам. Их слабая вовлеченность в международное климатическое регулирование не только сводит его ценность к нулю, но и уже не может быть оправдана принципом «общей, но дифференцированной ответственности», согласно которому основную вину за изменение климата несут развитые страны.

В-третьих, научно-технический прогресс, особенно в области производства оборудования, возобновляемой энергетики, строительства, водопользования, переработки отходов и т. д., существенно снизил издержки климатической борьбы и превратил ее из препятствия в мощный стимул экономического развития. Прежний аргумент развивающегося мира — «снижение объемов сжигания ископаемого топлива лишает нас возможности прогресса» — утратил актуальность. Сокращение сжигания ископаемого топлива посредством замещения его другими источниками энергии — это и есть одно из проявлений развития сегодняшнего дня.

Началась подготовка нового соглашения, которое должно прийти на смену Киотскому протоколу в 2012 году. Климатические конференции в Копенгагене в 2009 г. и в Канкуне в 2010 г. преследовали цель выработки документа, в значительной степени исправляющего недостатки Киото. От развитых государств требуется значительно большее сокращение выбросов по сравнению с символическими киотскими обязательствами, а от развивающихся — полноценное участие в международном сотрудничестве. Несмотря на обе эти существенные модификации, планируемое новое соглашение лежит в русле прежней парадигмы «глобальные решения для глобальных проблем». Провал Киотского протокола, а также неудачи, сопровождающие процесс формирования нового обязательного соглашения, стали убедительной иллюстрацией недееспособности данной парадигмы.

Причины подобной ущербности кроются в коренных отличиях между системами локальных,

национальных ресурсов общего пользования, подобных пастбищу Хардина, и глобальных, к которым относится климатическая система. В отличие от общины или государства, международные институты не обладают достаточной властью для того, чтобы в должной степени обеспечить приоритет общественных (планетарных) интересов над индивидуальными (национальными). Классик экономики климатических изменений Уильям Нордхауз назвал данную ситуацию Вестфальской дилеммой: в современной системе международных отношений, строго защищающей национальный суверенитет, страны не могут быть принуждены к какому-либо действию насильно, что возможно по отношению к индивидам на национальном уровне.

Секрет успеха Монреальского протокола кроется в доброй воле государств, однако она проявилась лишь потому, что требуемые меры, во-первых, были сравнительно дешевы, а во-вторых, всерьез затрагивали лишь одну крупную отрасль (производство холодильников), представители которой к тому же уже начали осваивать новые безопасные для озонового слоя технологии. Для руководителей государств имиджевый дивиденд, полученный от участия в инициативах по защите озонового слоя, нередко был выше цены этого участия.

С изменениями климата все иначе. Во-первых, цена противодействия им несопоставима с ценой сокращения выбросов озоноразрушающих веществ: счет здесь идет на сотни миллиардов долларов в год. Во-вторых, и это главное, в настоящее время климат оказался в центре целого клубка проблем и противоречий развития глобальной экономики. Вокруг него — и дефицит пресной воды, и проблема голода и эпидемий, и стихийные бедствия, и миграция, и перспективы развития целого ряда ключевых отраслей: энергетики, автомобилестроения, самолетостроения, сельского хозяйства. По сути, на кону климатических переговоров стоит расстановка сил в мире как минимум на ближайшие десятилетия.

Сложно представить себе многосторонний компромисс, когда ставки столь высоки. Уже в Копенгагене стало очевидно, что строго обязательного соглашения добиться не удастся. Возможными оставались два варианта: не слишком обязывающее соглашение либо отказ от такового вообще. Первый вариант представлял собой белый флаг, второй некоторое время тоже воспринимался таковым. Однако это представление, вероятно, ошибочно: в действительности речь идет лишь о провале Киотской парадигмы. Развитие международного климатического режима пошло по второму пути.

И. Макаров справедливо полагает, что в рамках государства сокращают выбросы не потому, что того требует международное соглашение, а потому, что это может способствовать решению внутренних социально-экономических задач. Двигателем климатической борьбы должны стать так называемые технологии двойного дивиденда (или технологии win-win) — меры, способствующие сокращению выбросов, но одновременно направленные на достижение каких-либо других, более насущных с национальной точки зрения результатов.

И таких примеров множество. Так, первый и по порядку, и по важности блок мероприятий антикризисного плана Барака Обамы, подписанного в феврале 2009 г., называется «Создание рабочих мест с использованием чистой эффективной американской энергетики». Общая стоимость мер — более 50 млрд долл. Название блока отчетливо дает понять, что является целью, а что средством. Акцент ставится на решении конкретных социально-экономических задач, а борьбе с климатическими изменениями отводится лишь вспомогательная, инструментальная роль, что, впрочем, не умаляет значения экологических улучшений, которые будут достигнуты в случае реализации плана.

Соединенные Штаты вообще оказались пионерами в применении технологий двойного дивиденда в борьбе с климатическими изменениями. В то время как европейские государства и компании ломали голову над тем, как уложиться в установленные Киотским протоколом лимиты, в США, уклонившихся от участия в нем, компании, штаты и муниципалитеты один за другим объявляли о создании собственных инициатив по сокращению выбросов, действующих на добровольной основе. Так, добровольные соглашения компаний были положены в основу создания Чикагской климатической биржи. Усилиями 10 штатов Северо-Востока и Востока и с использованием для этого механизма торговли квотами учреждена Региональная инициатива в области парниковых газов с целью снижения эмиссии на 10 % к 2018 году. Собственную систему торговли квотами на выбросы приняла Калифорния. В 2005 г. климатическую программу запустил Сиэтл, ставший пионером среди муниципалитетов. В настоящее время в Союзе муниципалитетов по защите климата числятся уже свыше 1000 американских городов.

Штаты, компании и муниципалитеты охотно сокращали эмиссии без всякого принуждения, исходя из двух основных соображений. Во-первых, успех добровольных соглашений мог показать, что углеродное налогообложение или иные обязательные мероприятия не необходимы и нецелесообразны (и в итоге эта тактика оказалась оправданной). Во-вторых, отказ администрации Джорджа Буша от Киотского протокола не поставил под сомнение перспективность углеродных рынков и углеродонейтральных технологий, а, следовательно, и необходимость инвестировать в них как можно раньше. Сегодня появился и еще один аргумент: быть «зеленым» стало модно. Арнольд Шварценеггер после ухода с поста губернатора оставил Калифорнию с огромным бюджетным дефицитом, но навсегда запомнился своими «зелеными» инициативами и в первую очередь благодаря климатическому закону AB32.

После прихода к власти Барака Обамы принципы климатической политики, сформированные на местах, просто-напросто поднялись на федеральный уровень (хотя этот процесс и остался незавершенным в связи с отказом от предлагаемой законопроектом Керри-Либермана национальной системы квот на выбросы парниковых газов). Одновременно начался экспорт этих принципов за рубеж: американские рецепты с успехом применяются по всему миру. Особенно мощный стимул к распространению они получили в разгар финансово-экономического кризиса, в период, наиболее удобный для смены долгосрочных приоритетов. Так, в Германии на инвестирование в «зеленый» сектор пришлось 13 % стоимости всех антикризисных мер, во Франции — 21 %, в Китае — 38 %, в ЕС — 59 %, а безусловным лидером стала Южная Корея с показателем 81 %.

В 2008 и 2009 гг. в Соединенных Штатах и Европе введено больше новых мощностей по производству возобновляемой энергии, чем традиционной. В 2009 г. объем новых мощностей, основанных на ветровой энергетике, составил 38 ГВт, солнечной — 7 ГВт. Доля биоэтанола в автомобильном топливе превысила 8 %. В 2007–2009 гг. рекордные объемы продаж по всему миру продемонстрировала суперэкономичная модель автомобиля Toyota Prius, а параллельно в ряде стран запущены программы по производству доступных электромобилей. Более 85 государств разработали планы развития возобновляемых источников энергии к 2020 году.

Совершенно разные государства развивают «зеленые» технологии не для того, чтобы противостоять климатической угрозе, а потому, что это выгодно. В богатых странах их применение позволяет создавать рабочие места для так называемых «зеленых» воротничков — формирующих основной массив безработных кадров низкой и средней квалификации. В бедных странах «зеленые» технологии — отличный объект для привлечения иностранных инвестиций, в частности в рамках МЧР. Возобновляемые источники энергии в США, Китае и Евросоюзе способствуют достижению стратегической цели снижения энергетической зависимости от стран Персидского залива и России. Более того, в большинстве случаев их развитие просто экономически эффективно в условиях высоких цен на энергоносители. Наконец, «зеленые» технологии имеют и иной стратегический аспект: их освоение сейчас — это залог технологического лидерства в будущем, а за это лидерство готовы бороться и Соединенные Штаты, и КНР, и Европейский Союз.

Весь набор вышеперечисленных мотивов, по которым страны готовы развивать «зеленые» технологии, содержит огромный потенциал противодействия климатической угрозе. Установленные «сверху» квоты не заставят государства снижать выбросы, в то время как маячащий впереди огонек двойного дивиденда уже оказывает и будет оказывать активное воздействие на государства в этом направлении. Каждая страна ищет свои возможности: для США таковой является энергетика ветра на Среднем Западе, для Китая — энергоэффективность и солнечная энергетика, для ЕС — ветер на севере и солнце в Северной Африке и Испании, для Бразилии — биотопливо, для Индии — термическая энергия солнца.

В настоящее время «зеленые» технологии охватывают преимущественно энергетику — на ее долю приходится максимальный потенциал «зеленого» технологического роста. Когда сливки с энергетики снимут, акцент перенесут, например, на строительство и автомобилестроение в «зеленом» духе. Одновременно зеленый прогресс станет приобретать все более системный характер, переходя от отраслевого направления развития к территориальному.

Осознание открывающихся возможностей растет во многих странах, что наглядно показали огромные объемы государственных инвестиций в «зеленые» инициативы в период кризиса. Правительства придали первоначальный импульс «зеленому» рывку, но это не значит, что в дальнейшем они должны отойти в сторону. Большой объем капитальных вложений, необходимых на начальной фазе, является мощным препятствием для более широкого распространения «зеленых» технологий, особенно в странах с недостаточно развитым венчурным бизнесом. Государства должны наравне с бизнесом искать новые ниши, где возможен двойной дивиденд, и стимулировать их заполнение в собственных интересах. И они уже делают это.

Однако очевидно, что не все. Бедные страны, в которых проживает половина населения Земли, обладают слишком слабыми институтами для поиска технологий двойного дивиденда. Кроме того, в ситуации бедности приоритет отдается тактическим, а не стратегическим интересам, из чего следует сверхэксплуатация ресурсов даже при понимании долгосрочной важности их сохранения. В таких условиях решение климатической проблемы снизу вверх невозможно ввиду многочисленных проблем «внизу». А ведь на одно лишь сведение лесов на территории бедных стран и регионов приходится до 20 % парниковых выбросов в мире. Низкотехнологичное сельское хозяйство ответственно еще примерно за 15 %.

Помощь развивающимся странам в сокращении выбросов (прежде всего в прекращении уничтожения лесов и в технологических улучшениях в сельском хозяйстве) должна стать основой повестки международного климатического сотрудничества. В рамках Киотского протокола она осуществлялась преимущественно посредством МЧР. В Копенгагене удалось договориться о дополнительной финансовой помощи, направленной на противодействие изменениям климата и адаптацию к ним в развивающихся странах (в размере 30 млрд долл. ежегодно до 2012 г. с дальнейшим повышением до 100 млрд долл. к 2020 г.), что стало одним из немногих шагов вперед в развитии переговорного процесса за последние годы. Дальнейшее

продвижение в данном направлении гораздо важнее и перспективнее, чем продолжение бесплодных попыток распределять квоты на выбросы парниковых газов, научно совершенно не обоснованные, но при этом обязательные для исполнения. Тем не менее, оно должно сопровождаться ужесточением контроля за эффективным использованием средств, чтобы создаваемый Зеленый климатический фонд не превратился в механизм «переливания денег из карманов бедных людей в богатых странах в карманы богатых людей в бедных странах».

Новая парадигма заключается в переходе климатической политики на национальный уровень. Даже международная торговля квотами на выбросы, задуманная для установления взаимосвязей и координации усилий разных стран, постепенно распадается на множество эффективно действующих и расширяющихся национальных и региональных систем торговли квотами (в ЕС, Японии, Австралии, Новой Зеландии, ряде штатов США), полностью изолированных друг от друга. После Канкуна эксперты признают, что создание глобального углеродного рынка практически невозможно. Торговлю квотами на выбросы в качестве связующего звена международной кооперации постепенно будет заменять международная помощь бедным государствам, что в будущем должно способствовать смягчению и проблемы изменения климата, и связанной с ней напрямую проблемы развития отстающих.

Международная кооперация в области борьбы с климатическими изменениями окончательно разобьется на массу национальных климатических политик, различных по целям и инструментам. Движущей силой противодействия изменениям климата отдельными странами станет не искусственно заданный внешний ориентир, а внутренний мотив, основанный на возможности получения собственных выгод. Возникающая в итоге прагматическая максима, вероятно, позволит обеспечить и более высокий суммарный эффект по сравнению с тем результатом, который приносит традиционный подход, предполагающий альтруизм.

Провал Копенгагена, а также беспрецедентные национальные усилия сразу множества стран по развитию «зеленых» технологий явились наиболее яркой иллюстрацией зарождающейся тенденции смещения целей и приоритетов. Последнее носит долгосрочный структурный характер, так как его истоки кроются в особенностях регулирования ресурсов общего пользования и геополитики технологического прогресса. В русле заданной происходящими изменениями парадигмы будет следовать развитие международного климатического режима в ближайшее десятилетие[90].

8. После Копенгагена

…образовался значительным разрыв между тем, какие действия страны обещают предпринять по сокращению выбросов CO_2 и тем, что действительно необходимо для ограничение роста температуры на земле не более, чем на 2°C. Этот разрыв можно отчетливо наблюдать в мире и после саммита в Канкуне[91].

*Ежегодный доклад ЮНЕ*П

Главный вектор должен быть направлен на формирование общей структуры нового международно-правового документа, объединяющего в едином юридическом формате усилия развитых и развивающихся стран (на основе общей, по дифференцированной ответственности)…[92].

А. Бедрицкий

«…Копенгагенское соглашение поддержали более 100 стран (на конец сентября 2010 года Копенгагенское соглашение поддержали 139 стран). Прорывной характер Копенгагенскому соглашению придало включение в него двух приложений, которые обозначат обязательства и меры по сокращению эмиссий парниковых газов (ПГ) и противодействию изменению климата как развитыми, так и развивающимися странами. Все крупнейшие эмитенты ПГ представили данные о мерах по снижению выбросов: развитые страны (Приложение I Соглашения) — в виде количественных сокращений, развивающиеся (Приложение II Соглашения) — в виде соответствующих национальных мер и политики. В числе развивающихся стран, заявивших о поддержке соглашения и представивших информацию о мерах по снижению эмиссий, — Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и ряд других. Таким образом, обозначили свои намерения в Приложении I к Копенгагенскому соглашению 40 стран и в Приложении II — 30 стран.

Россия считает необходимым скорее выйти на консенсусные договоренности относительно климатического режима после 2012 года (посткиотский период) и придать ему универсальный по сути и глобальный по кругу участников характер. Нужно использовать все координационные механизмы взаимодействия (например, так называемую „зонтичную группу“, а также форматы БРИК (БРИК — неформальное объединение четырех наиболее активно развивающихся экономик мира в составе Бразилии, России, Индии и Китая), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) — региональная между-

народная организация, куда входят Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. В качестве наблюдателей в ШОС участвуют Индия, Иран, Монголия и Пакистан) с акцентом на сохранение переговорного процесса на площадке Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК). Нужно добиваться, чтобы все страны Приложения В к Киотскому протоколу (КП) (В Приложение В к Киотскому протоколу входят промышленно развитые страны и страны с „переходной" экономикой, имеющие обязательства по количественным сокращениям выбросов ПГ в 2008–2012 годах) твердо заявили о намерении работать после 2012 года в рамках именно нового соглашения, а не КП»[93].

29 ноября 2010 года в Канкуне открылась Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (UNFCCC). Здесь ни о каком глобальном соглашении речь не шла — эта задача, возможно, будет решаться на следующей конференции в южноафриканском Дурбане в конце 2011 года, приняла документы, подготовленные в рамках «трека» долгосрочного сотрудничества (LCA), которые позволят продолжить путь к новому посткиотскому соглашению. В этой связи президент Мексики Фелипе Кальдерон, выступая после принятия документа, заявил о начале «новой эры в сотрудничестве в сфере изменения климата».

Согласно документам, принятым в Канкуне, конкретные шаги выразились в учреждении Зеленого климатического фонда, куда пойдет значительная часть финансирования. К 2020 году средства фонда должны составить 100 миллиардов долларов в год, а в 2010–2012 годах объем выделенных средств должен равняться 30 миллиардам долларов. Кроме того, создаются центры передачи «зеленых» технологий.

В проект был также включен механизм пересмотра целевых показателей (потепление не должно превысить двух градусов) в зависимости от новых научных данных, меры по сокращению выбросов, механизма защиты лесов REDD, контроля и отчетности — MRV.

Как отмечают участники переговоров и эксперты, этот документ представляет собой расширенную и усложненную версию копенгагенского соглашения, хотя слово «Копенгаген» в нем ни разу не упоминается.

Ряд обозревателей считает, что итоги саммита в городе Канкун, который закончился к 13 декабря 2010 года, оказались неутешительными. Саммит начался с выражения всеми участниками нот беспокойства по поводу роста среднегодовой температуры на планете на два градуса выше нормы, а также связанными с этим последствиями[94].

Не было достигнуто понимания и единодушного мнения по продлению Киотского договора, который прекращает свое действие в 2012 г. Китай, Индия и США так и не подали заявки и не выразили свое желание пополнить ряд стран, соблюдающих и уменьшающих выбросы озоноопасных веществ в атмосферу Земли. По этому поводу Россия, Япония и Канада в один голос заявили, что при таком явном нежелании трех сверхдержав сокращать выбросы, они в свою очередь вообще отказываются от участия в продленном Киотском договоре. На данных переговорах еще одна страна Боливия во всеуслышание заявила о своем нежелании беречь окружающую среду, окончательно расстроив и без того шаткие отношения между участниками.

В результате все официальные и неофициальные участники были вынуждены оставить свои документы, привезенные с описанием мер по уменьшению или снижению вредоносного влияния на климат вновь созданной комиссии для дальнейшего рассмотрения и обобщения. Кроме этого, тут же на саммите во время неофициальных встреч ряд экономически стабильных стран подписали финансовое соглашение, направленное на поддержку и финансирование слабообеспеченных государств, затронутых последствиями глобального изменения климата. В последние моменты саммита многие государства выразили желание провести съезд через год, чтобы прийти к общему согласию.

С 3 по 8 апреля в Бангкоке (Таиланд) состоялась первая в 2011 году встреча сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Главными вопросами повестки мероприятия стало обсуждение выполнения странами Канкунских соглашений, а также подготовка плана работы на 2011 год. Исполнительный секретарь Рамочной конвенции К. Фигейрес (Christiana Figueres) отметила, что ни одна из стран-участниц не высказала принципиального несогласия против второго периода обязательств по Киотскому протоколу — отдельные стороны лишь выражают «личное» несогласие в нем участвовать. В ходе первой сессии одна из рабочих групп смогла утвердить собственную повестку только на итоговом пленарном заседании.

Но все же на данном мероприятии возникли и разногласия. В частности Россия, Япония, Канада и ряд других стран выступают за новое соглашение, называя Киотский протокол неэффективным, в том числе потому, что на страны, которые он охватывает, сегодня приходится лишь около 27 % мировых выбросов парниковых газов. Развивающиеся страны, в частности Индия, Китай, страны латиноамериканского блока и малые островные государства (группа AOSIS), считают, что второй период по единственному на данный момент юридически обязывающему соглашению жизненно необходим.

Вторая в 2011 году сессия переговоров сторон Рамочной конвенции ООН открылась 6 июня в Бонне, ее участники продолжили подготовку к итоговой конференции в южноафриканском городе Дурбан в ноябре–декабре 2011 года.

В Бонне удалось вернуться к практической работе после «тяжелого старта» в Бангкоке. Глава российской делегации на переговорах в Бонне, **Начальник отдела глобальных проблем окружающей**

среды МИД РФ О. Шаманов заявил: «Здесь, в Бонне, тоже ощущалась атмосфера нервозности в связи с тяжелым стартом в Бангкоке… Но, тем не менее, странам хватило мудрости и терпения преодолеть эту тенденцию и вновь вернуться к практической переговорной работе, поставить процесс вновь на рельсы практической работы».

Вспомогательный орган Конвенции для консультирования по научным и техническим аспектам (SBSTA) смог принять повестку своей работы только через три дня после начала сессии из-за разногласий сторон по отдельным ее пунктам.

Говоря о планах на итоговую конференцию в южноафриканском Дурбане, Шаманов отметил, что, несмотря на сложности, ни один из обсуждаемых вопросов не был «потерян».

Итоги встречи в Бонне эксперт WWF А. Кокорин оценил следующим образом. «По основополагающим вопросам продвижения не было. Какое и когда будет приниматься новое глобальное соглашение по проблеме климата? Будет ли период его подготовки, а это не менее 5 лет, „заполнен“ Киотским протоколом?».

По мнению России, Японии и Канады, надо полностью сконцентрироваться на подготовке нового соглашения. США отдают приоритет созданию прозрачной международной системы мониторинга мер и отчетности. Китай, Индия и другие развивающиеся страны настаивают на первоочередном принятии вторых обязательств по Киото (только развитыми странами). Сейчас этот вопрос более всего зависит от решения ЕС, чья позиция по Киото остается неопределенной. Все эти вопросы требуют политических решений, например, во время Генеральной Ассамблеи ООН, которая пройдет в конце сентября, за два месяца до Дурбана.

По мнению России, составленные в начале 1990-х списки развитых и развивающихся стран давно устарели. Поэтому в Дурбане надо принять, а затем всем ратифицировать поправку к Конвенции, предусматривающую регулярный пересмотр списка развитых стран и стран финансовых доноров. Иначе не только Китай, но и Сингапур, Кувейт, Южная Корея будут «вечно» иметь в Конвенции статус развивающихся стран. Другая поправка, предложенная к Дурбану Мексикой и Папуа Новой Гвинеей, предлагает отказаться от единогласного принятия решений и перейти на **большинство в ¾ голосов**. Тогда одна или несколько стран не смогут блокировать принятие решений, и работа пойдет гораздо быстрее. «В целом обе поправки носят революционный для Конвенции характер, поэтому, надеюсь, в Дурбане они будут активно обсуждаться. Но принять их, к сожалению, пока не получится», — комментирует эксперт Алексей Кокорин.

По мнению WWF, в Бонне достигнут определенный прогресс, на его основе в Дурбане можно и нужно принять действенные решения. Однако для принципиальных политических решений по Киото и по новому соглашению нужны встречи более высокого уровня.

Третья в 2011 году сессия климатических переговоров в рамках ООН прошла в Панаме 1–7 октября. Стороны готовились к семнадцатой сессии конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (UNFCCC), которая пройдет с 28 ноября по 9 декабря в южноафриканском Дурбане. Ожидается, что основными вопросами на ней будут реализация решений, принятых в прошлом году в Канкуне, и будущее Киотского протокола, первый период обязательств по которому заканчивается 31 декабря 2012 года.

Сессия переговоров по проблеме изменения климата в Панаме, как считается, прошла успешно, ее участники обсудили множество важных вопросов и готовы к принятию политических решений на итоговой сессии в Дурбане.

«Прогресс, которого нам удалось добиться в Панаме, означает, что у сторон будет больше времени как в ближайшие недели, так и в Дурбане разрешить оставшиеся вопросы, для чего потребуется политическая воля», — сказала секретарь конвенции Кристиана Фигейрес (Christiana Figueres) на пресс-конференции, которая транслировалась на сайте секретариата.

Главным из таких политических вопросов секретарь назвала будущее Киотского протокола. По ее словам, в Панаме сторонам протокола удалось прийти к соглашению по ряду ключевых технических аспектов проблемы. В числе таких аспектов, в частности, пересчет добровольных обязательств, принятых странами по Копенгагенскому соглашению 2009 года и на сессии в мексиканском Канкуне, в формат, сопоставимый с обязательствами Киотского протокола. «Теперь не хватает только политической воли», — отметила Фигейрес.

Секретарь конвенции подчеркнула, что стороны начали 2011 год с «очень далекими друг от друга позициями», но в течение года в ходе конструктивного обсуждения они начали постепенно сближаться.

Глава делегации США в Панаме Джонатан Першинг (Jonathan Pershing) на пресс-конференции отметил, что прогресс по многим вопросам, которого удалось добиться в ходе переговорной сессии, «вдохновляет». «Лучшим результатом Дурбана будет воплощение решений, принятых в Канкуне, беспрецедентных по своему охвату», — сказал Першинг. При этом он отметил, что будущий климатический режим потребует «существенного пересмотра» статуса стран-участниц конвенции так, чтобы он отражал «сегодняшнюю и завтрашнюю реальность, а не реальность 1992 года».

В соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности», страны, входящие в приложения и не включенные в них, несут разные обязательства. Страны приложения 1 должны предпринимать усилия по сокращению выбросов пар-

никовых газов и смягчению последствий изменения климата, а те, кто входит в приложение 2, должны также предоставлять финансовую и технологическую помощь странам вне приложений в поддержку их усилий по сокращению выбросов. Россия предлагает внести в статью 4 конвенции поправку, предусматривающую регулярный пересмотр списков.

Климатическая конференция в Дурбане (ЮАР) в декабре 2011 года станет важным шагом на пути к новому глобальному климатическому соглашению — в ЮАР странам нужно воплотить в жизнь решения, принятые годом ранее в мексиканском Канкуне, говорится в итоговом документе саммита «Большой восьмерки». «Конференция в Дурбане в конце года (COP 17) станет еще одним шагом вперед в работе над всеобъемлющим, амбициозным, справедливым, эффективным и обязывающим соглашением для всех стран, которое включало бы соответствующие обязательства по сокращению выбросов для всех крупнейших экономик климата. Нам нужно создать инструменты для воплощения решений Канкуна и разрешить оставшиеся проблемы», — говорится в тексте декларации.

«Мы предлагаем сотрудничество для того, чтобы сделать эту конференцию тем шагом вперед, в котором нуждается весь мир для успешной борьбы с изменением климата», — отмечается в тексте. Страны G8 также вновь подтвердили «готовность разделить со всеми странами цель достижения как минимум 50 %-го сокращения мировых выбросов парниковых газов к 2050 году» и в том числе цель снижения выбросов на 80 % к этому же году развитыми странами. «Развивающимся странам с крупными экономиками также необходимо предпринимать измеримые действия по сокращению выбросов до уровня существенно ниже обычного сценария развития событий», — подчеркивается в декларации.

В декабре весь мир будет следить за обсуждением вопросов глобального изменения климата в южноафриканском городе Дурбан. Однако ЮАР необходимо будет направить ожидания от этого климатического саммита в реалистичное русло.

«Важно, что мы смотрим на возможные результаты (17-й конференции сторон (COP17)) с позиции реализма», — заявила заместитель генерального директора Департамента охраны окружающей среды Джоанна Явич (Joanne Yawitch), являющаяся одним из представителей южноафриканской стороны.

«В то же время, — продолжила г-жа Явич, — есть осознание того, что нельзя больше гробить важные политические вопросы. Мы планируем заняться рядом проблем, которые в Мексике (на встрече COP16 в Канкуне) были обойдены вниманием. И это создает ситуацию, при которой нельзя ждать слишком многого, но вместе с тем и слишком занижать свои ожидания тоже нельзя».

Джоанна Явич добавила, что соответствующий баланс необходим для того, чтобы избежать принятия по результатам конференции в Дурбане невыполнимого или лишенного смысла соглашения.

На пути больших ожиданий стоит встреча в Дурбане: первый период обязательств по Киотскому протоколу заканчивается в 2012 году, и миру нужна определенность в том, что касается порядка сокращения выбросов в будущем.

Пока неясно, будет ли принят имеющий обязательную силу второй период обязательств по Киотскому протоколу или появится абсолютно новое соглашение, либо же это будут договоренности, не обязывающие стороны юридически.

ЕС может предложить «растянуть» Киотский протокол до 2018 года

Евросоюз может выйти на климатический саммит в Дурбане (ЮАР) в ноябре–декабре 2011 года с предложением продлить срок действия первого периода обязательств по Киотскому протоколу до 2018 года, чтобы сохранить его проектные механизмы, сообщило агентство Рейтер со ссылкой на источники в европейской делегации на переговорах.

По информации агентства, в следующие несколько недель представители 27 стран ЕС обсудят возможность официального выступления Союза, который участвует в переговорах единым блоком, с предложением продлить действие обязательств до 2018 года при условии, что затем протокол сменит новое единое соглашение с обязательствами по сокращению выбросов для всех ведущих экономик мира.

«Пока это не формальная позиция ЕС, хотя в последние месяцы число сторонников этой идеи росло. Мы видим, что есть много сторон, которые хотят сохранить протокол и его систему регулирования и отчетности, может быть, мы сможем сделать это без ратификации второго периода обязательств», — сказал агентству источник в европейской делегации.

Против второго периода обязательств по Киотскому протоколу выступают, в частности, Канада, Япония и Россия. В качестве одного из вариантов устранения «разрыва» между периодами обязательств и сохранения рыночных механизмов протокола рассматривается продление первого периода обязательств, в частности, до 2015 года, пока страны будут готовить отчетность по первому периоду.

Обсуждение предложения пройдет в преддверии встречи европейских министров по вопросам окружающей среды, которая состоится в октябре. Если все 27 стран придут к соглашению, то ЕС может выступить с официальным предложением уже в Дурбане, отмечает агентство[95].

Новую парадигму устойчивого развития российские исследователи предлагают сформулировать следующую позицию России на конференции «Рио + 20».

Перспективы и механизмы развития «Зеленой экономики» являются одной из основных тем Конференции. Ключевой элемент «зеленой экономики» — адекватная оценка экономической ценности функций природных экосистем (экосистемных услуг),

и прежде всего — их средообразующих функций. Позиция России в этой области уникальна, так как наша страна обладает крупнейшими в мире ресурсами природной регуляции среды. Функционирование природных экосистем России оказывает влияние на стабильность всей биосферы и во многом определяет будущий сценарий климатических изменений.

Поэтому в позицию России на Конференции целесообразно включить следующие пункты, которые исходят из того, что механизмы природной регуляции среды — ключевой природный ресурс будущего.

Современные условия жизни на Земле, в которых может устойчиво развиваться человечество, созданы непрерывной работой биосистем на протяжении миллионов лет их эволюции. Сегодня устойчивость условий среды также поддерживаются средообразующими функциями биосистем и экосистем.

Основными средообразующими функциями являются следующие:

— поддержание биогеохимических циклов вещества;
— поддержание газового баланса и влажности атмосферы, стабилизация климатических показателей;
— формирование устойчивого гидрологического режима территорий и самоочищение;
— природных вод;
— формирование биопродуктивности почв и защита их от эрозии;
— уменьшение интенсивности экстремальных природных явлений (наводнений, засух, жары, ураганов и др.) и ущерба от них; биологическая переработка и обезвреживание отходов;
— биологический контроль структуры и динамики биотических сообществ и отдельных видов, имеющих важное хозяйственное и медицинское значение.

Заменить в полном объеме эти природные механизмы **искусственными системами современная цивилизация неспособна**. В условиях глобальных изменений климата, продолжающегося роста численности населения Земли и экономического развития их ценность будет нарастать. Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем статус **ключевого ресурса будут приобретать средообразующие функции экосистем, обеспечивающие стабилизацию условий среды, в том числе климата, смягчение последствий природных катаклизмов, формирование и поддержание ресурсов чистой пресной воды и плодородных почв**[96].

---

1 Этот раздел подготовлен в соавторстве с аспиранткой кафедры дипломатии МГИМО(У) Русаковой Ю. А.

2 *Ильин М. В.* Структурные параметры неблагополучных государств / В моногр.: Асимметрия мировой системы суверенитета / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО(У). 2011. С. 2.

3 *Лавров С. В.* Стенограмма выступления на приеме в МИД России по случаю Православной Пасхи, Москва, 22 апреля 2009 года / С. В. Лавров Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 853.

4 *Снакин В. В.* Экология и охрана природы. Словарь-справочник / под ред. ак. А. Л. Яншина. М.: Academia, 2000. С. 137.

5 Экология. Юридический энциклопедический словарь. М.: Норма, 2001. С. 152.

6 См.: Англо-русский и русско-английский экологический словарь-справочник / Дом «Муравей-Гайд». М. 2000. С. 54.

7 *Степановских А. С.* Прикладная экология: охрана окружающей среды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 74.

8 Предложения Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцева РАН к докладу «О реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации». РАН, 2011. С. 2.

9 **Экологическая дипломатия** — *зд.* многосторонняя и двусторонняя дипломатия, в центре внимания которой находятся специальные экологические проблемы. Э.д. развивается на нескольких взаимосвязанных уровнях: мировом — прежде всего в системе ООН, региональном — в рамках региональных организаций и специализированных функциональных программ, а также в системе многосторонних межгосударственных отношений, двустороннем — в процессе взаимодействия государств, чаще всего географических соседей, решивших объединить свои усилия в изучении и решении конкретных проблем. Независимо от масштаба взаимодействия все эти формы сотрудничества ориентируются на разрешение международных экологических проблем. В основе современной экологической дипломатии лежат не узкотрактуемые национальные интересы, характерные для внешней политики эпохи идеологических и военных конфронтаций, а общечеловеческий интерес, направленный на сохранение природы.

10 См. подробнее: *Романова Т. А.* Что такое политическая экология? // Россия в глобальной политике. 2010. 23 октября / http://www.globalffairs.ru

11 Основные принципы международного экологического сотрудничества / http://www.ecology-portal.ru/publ/15-1-0-561

12 *Вавилов А. М.* Безопасность окружающий среды и саммит в Йоханнесбурге 2002 г. по устойчивому развитию / ДА МИД России. М. 2003. С. 25, 26, 32, 33.

13 *Валянский С. И., Калюжный Д. В.* Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир? М.: Алгоритм, 2002. С. 14.

14 Климат 2010 — итоги года. 2011. 21 февраля / http://www.rusecounion.ru

15 *Грабб М., Вролик К., Брэк Д.* Киотский протокол: Анализ и интерпретация / пер. с англ. М.: Наука, 2001. С. 5.

16 Д. Медведев поставит перед G20 «эковопрос» / http://www.km.ru/node/2716/

17 *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна / Вестник МГИМО(У). 2011. №4 (19). С. 240.

18 МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. 104 с. С. 2.

[19] *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна / Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 240.

[20] МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. 104 с. С. 7, 45.

[21] Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет. 2008. С. 9.

[22] Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет. 2005. С. 7.

[23] *Газина Е. А., Клименко В. В.* Изменения климата в Восточной Европе за последние 230 лет по инструментальным данным // Вестник Московского университета. 2008. № 3. С. 24.

[24] Глобальное потепление / изменение климата.ру [Электронный ресурс] http://www.climatechange.ru/node/117

[25] Пономарев Б. Атмосфера и экономика. 2010. 6 июля.

[26] ЕС «растягивает» Киотский протокол в ущерб мировой экологии. 2011. 23 августа / Экология севера / http://www.ecosever.ru

[27] *Пискулова Н. А.* Экологический вектор развития мировой экологии. М.: Навона, 2010. С. 36, 37.

[28] Цит. по: Модели радиационного равновесия / Эл. ресурс. Климат без истерики. 2010. 3 января / http://www.climatechange.ru/node/24

[29] Доклад о мировом развитии 2003: Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. С. 26

[30] Глобальное потепление / изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/node/118

[31] МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. 104 с. С. 5.

[32] Рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // Организация Объединенных Наций. 1992. С. 6.

[33] Цит. по: Отчет о НИР по теме: Оценка реализации климатической доктрины Российской Федерации и принципов устойчивого развития. Основные вызовы, угрозы и возможности. М.: МГИМО(У), 2011. Декабрь. С. 30.

[34] *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна / Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 240.

[35] Там же.

[36] Парниковый эффект. Справка / РИА Новости [Электронный ресурс] http://eco.rian.ru/documents/20090922/186036199.html

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. 104 с. С. 11–12, 49–51.

[40] Глобальное потепление / изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/node/118

[41] МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. 104 с. С. 11–12, 49–51.

[42] *Homer-Dixon, Thomas*. On the Threshhold: The Economics of Climate Change?/ Thomas Homer-Dixon. London, 2006 [Электронный ресурс] http://www.homerdixon.com/

[43] Environmental Change and Security Program/ Woodrow Wilson International Center of Scholars / Эл. ресурс / www.wilsoncenter.org

[44] National Security and the Threat of Climate Change Scenario/CNA Corporation. Alexandria. 2007.

[45] *Campbell Kurt M., Gulledge Jay, McNeill J. R., Podesta John, Fuerth Leon, Woolsey R. James etc*. The Age of Consequences. The Foreign Policy and National Security Implications of Global Climate Change, Washington, Center for Strategic and International Studies, Center for a New American Security, 2007.

[46] *Свечников, А.* О возможных последствиях глобального изменения климата // Вестник аналитики. 2010. № 1. С. 23–30.

[47] *Шефран Ю.* Тучи сгущаются: изменения климата — угроза безопасности? // Индекс безопасности. 2009. Лето. № 2 (89). Т. 15. С. 95.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] *Грабб М., Вролик К., Брэк Д.* Киотский протокол: анализ и интерпретация / пер. с англ. М.: Наука, 2001. С. 5.

[51] Отчет о НИР по теме: Оценка реализации климатической доктрины Российской Федерации и принципов устойчивого развития. Основные вызовы, угрозы и возможности. М.: МГИМО(У), 2011. Декабрь. С. 123.

[52] Третий доклад об оценках МГЭИК. Изменение климата, 2001 г. Обобщенный доклад. Редакторы: Р. Т. Уотсон и основная группа авторов. МГЭИК, Женева (http://www.ipcc.ch/home_languages_climate-changes-001-syr-languages.htm) Climate Change 2007 the AR4 Synthesis Report / Edited by Rajendra K. Pachauri, IPCC Chairman, Andy Reisinger, Head of Technical Support Unit, The Core Writing Team. Published by IPCC, Geneva, 2007. (http://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar4/syr/ar4_syr_ru.pdf) Итоги ра-

боты Рабочей группы II Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) (обобщение, проведенное представителем НИА-Природа по информации Росгидромета) http://www.priroda.ru/news/detail.php&ID=7768

[53] Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет, 2005. С. 13.

[54] Там же. С. 21.

[55] Там же. С. 8.

[56] Глобальное потепление / изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/node/118

[57] См. подробнее: Обзор доклада Николаса Стерна «Экономика изменения климата» / А.О. Кокорин, С.Н. Кураев. WWF, GOF. М.: WWF России, 2007. С. 50.

[58] Цит. по: *Кузьмин В.* Пока на бирже выходной // Российская газета. 2011. 18 апреля. С. 2.

[59] *Лавров С.В.* Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 859.

[60] Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. Монография / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО(У), 2011. С. 4.

[61] *Митева В.В.* Климат и экология / Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лебедевой / В.В. Митева. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 56–57.

[62] *Авдеева Т.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. №6. С. 62.

[63] Там же. С. 53.

[64] *Боровский Е.Э.* Антропогенные изменения климата / Эл. ресурс / http://him.1september.ru/2004/41/1.htm

[65] *Рогинко С.А.* Киотская рулетка. М.: Огни, 2003. С. 15.

[66] Secretary-General's address to UNIS-UN Conference on Climate Change New York, 1 March 2007 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций / Эл. ресурс / http://www.un.org/apps/sg/sgstats.asp?nid=2462

[67] *Горбанёв В.А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна // Вестник МГИМО(У). 2011. №4 (19). С. 248.

[68] *Рогинко С.А.* Киотская рулетка. М.: Огни, 2003. С. 14.

[69] *Грабб М., Вролик К., Брэк Д.* Киотский протокол: Анализ и интерпретация / пер. с англ. М.: Наука, 2001. С. 5.

[70] *Барлыбаев Х.А.* Путь человечества: самоуничтожение или устойчивое развитие. М.: Государственная Дума РФ, 2001. С. 13.

[71] Официальный сайт Секретариата ООН / Эл. ресурс / http://unfccc.int/essential_background/convention/status_of_ratification/items/2631.php

[72] МГЭИК, 2001: Изменение климата, 2001 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II и III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изучению климата [Роберт Т. Уотсон и основная группа авторов (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария. С. 183.

[73] **Квота** — *зд.* законодательно или в результате международного соглашения установленная степень использования природного ресурса, определяемая как доля от общей суммы ресурса. См.: В.Л. Трофимова. Природопользование. Толковый словарь. М. 2001. С. 69.

[74] *Макаров И.А.* Конец эпохи романтизма в климатической политике. 2011. Август.

[75] *Лукьянов Ф.* Климатический клинч. 2010. 12 августа.

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] Там же.

[79] Прогноз не сбылся. Итоги провального саммита в Копенгагене / Фокус / Эл. ресурс / http://www.focus.ua/foreign/89931

[80] Там же.

[81] Выступление Президента России Д.А. Медведева на Конференции ООН по проблемам глобального изменения климата / Копенгаген, Дания, 18 декабря 2009 г. / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.kremlin.ru/news/6384

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] Прогноз не сбылся. Итоги провального саммита в Копенгагене / ФОКУС / Эл. ресурс / http://www.focus.ua/foreign/89931

[85] Глобальное потепление / изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/node/421

[86] *Макаров И.А.* Конец эпохи романтизма в климатической политике. 2011. Август.

[87] Там же.

[88] *Кокорин А.* Копенгаген — это не провал / Эл. СМИ «Рабкор.ru. 31 декабря 2009 г. / http://www.rabkor.ru

[89] *Макаров И.А.* Конец эпохи романтизма в климатической политике. 2011. Август.

[90] Там же.

[91] UNEP Annul Report 2010 / Climate Change. UNEP 2011 / http://www.unep.org

[92] *Авдеева Т.Г.* Россия и мир после Копенгагена // Международная жизнь. 2010. №10. С. 144.

[93] Там же.

[94] http://rian.ru/news/ 14 декабря 2010 г.

[95] http://eco.ria.ru/business/20110823/422323156.html

[96] Предложения Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцева РАН к докладу «О реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации». М.: РАН, 2011.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И УЧАСТНИКИ ПЕРЕГОВОРОВ[1]

В 2007 году В. Потанин… внял требованиям правительств США и Канады… и укоротил трубы норильского комбината[2].
С. Киселев

… главный вектор перемен достаточно очевиден. Речь идет о формировании полицентричного миропорядка, о создании основ более демократической системы международных отношений… На первый план выходят общие для всех глобальные вызовы — распространение оружия массового поражения, терроризма… изменение климата…[3].

Во всем мире растет осознание важности изменения климата в отношении целого ряда вопросов. Это проблема большинством признается крайне серьезной и решать ее необходимо на самом высоком уровне. На протяжении долгого времени эта проблема обсуждается как на высшем уровне между ведущими государствами, так самыми влиятельными межправительственными организациями в мире и неправительственными организациями.

Исследователи МГИМО(У) отмечают, что «в настоящее время в мировой политике сложились две крупные коалиции или группы давления, которые выступают, соответственно, за ограничение выбросов парниковых газов в связи с глобальным потеплением или против этого.

В коалицию, которая выступает за ограничение выбросов парниковых газов в связи с глобальным потеплением, входит подавляющее большинство специалистов-климатологов (до 80–90 % их числа).

Позиция большинства ученых-климатологов доносится до общественности благодаря деятельности мощного и все растущего экологического лобби, состоящего из целого ряда неправительственных организаций. Одной из таких организаций является Earth Day Network (Сеть «День Земли»), которая объединяет 12 000 организаций в 174 странах мира. Сеть «День Земли» занимается просветительскими проектами в области экологии.

Другая коалиция активно противодействует первой: «Именно западные промышленники, особенно американские, составляют ядро коалиции интересов, которая противостоит на глобальном уровне активной климатической политике. В эту же коалицию входят в разной степени и по разным мотивам развивающиеся страны, включая как беднейшие, так и новые индустриальные государства».

Ярко и концентрированно позицию глобальной коалиции противников доктрины антропогенного потепления сформулировал в 2007 году основатель телеканала о погоде Weather Channel Джон Колман: «Я считаю так называемое глобальное потепление величайшим жульничеством в истории»[4].

Как заметил исследователь ГУ-ВШЭ И. Макаров, «Международные институты не способны ответить адекватно: парадигма, заданная Киотским протоколом, зашла в тупик, лишая их возможности

эффективно противостоять изменениям климата. Государствами движет эгоизм: несмотря на лозунги о необходимости дать совместный ответ на глобальный вызов, страны по-прежнему ставят национальные интересы выше общечеловеческих»[5].

Действительно, негативное развитие событий заметно опережает усилия государств и международных организаций. Так, в одном из престижных журналов «Nature» в 2011 году были опубликованы ошеломляющие результаты: за 2010 год над Северным полюсом было потеряно почти 80 % озонового слоя (по российским оценкам, — 40 %)[6].

«Конференции в Копенгагене и Канкуне — продолжает И. Макаров, — знаменовали собой переломный момент в развитии международного климатического режима — можно уже смело говорить об упадке прежней Киотской модели, одновременно наметились контуры новой, основанной на национальном прагматизме. Отныне страны принимают меры по противодействию изменениям климата, следуя собственным экономико-политическим интересам. В рамках новой парадигмы глобальное климатическое сотрудничество распадется на множество **национальных климатических политик.** Такая тенденция и станет в ближайшее десятилетие основой международного режима в этой сфере»[7].

Кроме того уже обозначилась тенденция, когда на мировую арену выходят влиятельные региональные организации, которые в будущем будут формировать международную повестку дня. Так, по мнению авторитетного норвежского социолога и математика (а также основателя и руководителя движения «Transcend» — сеть за мир, развитие и окружающую среду) Й. Гальтунга, «главная причина неотвратимости тенденции **к закату государства и усилению регионов** на удивление проста. Маркс писал о средствах производства, но не о средствах связи и транспорта. Благодаря SMS и скоростному перемещению все процессы в мире протекают в режиме реального времени, и размеры большинства стран значительно сокращаются. Выживут только сильнейшие — БРИК[8], США и некоторые другие; остальные будут все больше втягиваться в орбиту регионов, которые отличаются географической близостью и культурным родством. В результате получаем:

— светско-христианский Европейский Союз;
— смешанный Африканский союз;
— индуистско-мусульманскую Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК);
— смешанную Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН);
— светско-католическую Латинскую Америку;
— мусульманскую Организацию Исламская конференция (ОИК), простирающуюся от Марокко до Филиппин;
— буддистско-конфуцианскую Восточную Азию;
— и светско-православную Российскую Федерацию.

А на смену Организации Объединенных Наций (ООН), скорее всего, придет Организация Объединенных Регионов (ООР)[9].

Государство — это территория, власть на которой сконцентрирована в одноименной организации — „государстве“. Что же касается наций, речь идет о культурных группах, характеризующихся четырьмя признаками: **общий язык, религия-идеология, время** — общие представления об истории, прошлом, настоящем и будущем — и **пространство**, то есть общая территория и география. В мире две тысячи наций и около 200 государств, но только 20 из них представляют собой национальные государства, в которых преобладает одна нация. Только в четырех из 180 многонациональных государств нет преобладающей нации (в Европе это Швейцария, в которой несколько наций сосуществуют на равных, а также Бельгия, раздираемая проблемами межнациональных отношений, а в Азии — лингвистически федеральная Индия и Малайзия). Что касается остальных стран, то самый верный прогноз в их отношении — это борьба, часто насильственная. Нации, находящиеся в тени, будут бороться за место под солнцем — либо за полную независимость, автономию в рамках федерации, за другие виды суверенитета»[10].

1. Деятельность международных правительственных организаций

Кроме тех, кто в России профессионально занимается этой проблематикой, все остальные отключены от участия в соответствующих процессах в рамках многонациональных институтов[11].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Динамика роста антропогенного воздействия человечества на окружающую среду в различных сферах деятельности вызывает усиливающееся беспокойство[12].

И. Лянгер

Важнейшую роль в решении проблемы климатической безопасности играют, естественно, правительства, которые определяют национальную экологическую политику и ее соответствие международным нормам. Так, исследователь МГИМО(У) В. А. Горбанёв показывает взаимодействия и взаи-

мопротиводействия этих тенденций на следующем примере.

«… Важное место в работе конференции в Канкуне заняла проблема обязательств по сокращению выбросов парниковых газов к 2020 г. Здесь также мало что изменилось. Подготовлены две таблицы с целями сокращения эмиссии для развитых и развивающихся стран. Но эти цели не зафиксированы официально и не имеют юридической силы. Однако были вновь подтверждены конкретные цифры для обсуждения:

— к 2020 году США предполагают уменьшить эмиссию парниковых газов на 17 % по сравнению с уровнем 2005 г., и на 83 % — к 2050 г.;
— Япония предусматривает сокращение на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г.;
— Канада планирует снижение на 20 % по сравнению с уровнем 2006 г.;
— Австралия — снижение 25 % по сравнению с уровнем 2000 г.;
— ЕС — снижение на 30 % по сравнению с уровнем 1990 г.;
— Россия — снижение на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Причем ряд стран, в том числе и Россия, сделали оговорку, что указанные цифры будут достигнуты, если будет достигнуто глобальное соглашение, обязывающее другие страны к сопоставимым уменьшениям эмиссий. Как отметила эксперт МГИМО(У) Н. Пискулова, на новые стратегии по противодействию изменению климата в США в 2009 г. выделено около 80 млрд долл., в Китае на ближайшие пять лет — 454 млрд долл.

В то же время развивающиеся страны, как считает советник президента России по проблемам климата, президент Всемирной метеорологической организации А. Бедрицкий, прежде всего, такие крупные эмитенты, как Китай, Индия, Бразилия, не желают брать на себя конкретные обязательства по снижению эмиссий парниковых газов; они полагают, что развитые державы, как главные виновники деградации окружающей среды, должны начать с себя. И, тем не менее, Индия сообщила о намерении уменьшить эмиссии парниковых газов на 25 %, а Бразилия — на 1,8 %…»[13].

Проблема изменения климата является одной из приоритетных тем Организации Объединенных Наций. На сегодняшний день ООН остается основной площадкой обсуждения и глобального регулирования проблем климата. Работа системы учреждений ООН является важнейшим элементом адаптации к глобальным климатическим изменениям.

Под эгидой ООН действует Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая была создана в 1988 г. совместно и Всемирной метеорологической организацией (ВМО) ООН и Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП). МГЭИК — организация, объединяющая несколько сотен ученых из 130 стран мира, основная роль которой заключается в оценке имеющейся научно-технической и социально-экономической информации о климатических изменениях и подготовке инициатив в области противодействия изменениям климата.

В настоящий момент МГЭИК возглавляет Р. Пачаури, который от имени этой организации в 2007 г. вместе с А. Гором получил Нобелевскую премию мира. Нобелевский комитет отметил вклад МГЭИК в укрепление научного понимания проблемы изменения климата, в том числе связи между антропогенной деятельностью человека и глобальными климатическими изменениями.

«Роль МГЭИК состоит в оценке на всесторонней, объективной, открытой и транспарентной основе имеющейся научно-технической и социально-экономической информации, связанной с пониманием научной основы риска изменения климата, вызванного деятельностью человека, его потенциального воздействия и вариантов адаптации и смягчения последствий. МГЭИК не ведет ни научных исследований, ни мониторинга данных, связанных с климатом, или других соответствующих параметров. Ее оценки основываются, главным образом, на прошедшей внешнее рецензирование и опубликованной научно-технической литературе»[14].

Основной задачей МГЭИК является выпуск с регулярными интервалами оценок состояния знаний об изменении климата. МГЭИК подготовлен ряд оценочных докладов, технических документов, методологий, широко используемых политиками, учеными и широким кругом экспертов. В оценочных докладах содержатся результаты комплексного исследования климатических изменений, их причин и возможных последствий, а также оценка потенциала по принятию адаптационных мер и снижению антропогенного воздействия на климатическую систему как на глобальном, так и на региональном уровнях.

МГЭИК также занимается работой над методологиями составления национальных кадастров парниковых газов.

В своей структуре МГЭИК имеет три рабочие группы и одну целевую группу.

Рабочая группа I оценивает научные аспекты климатической системы и изменения климата.

Рабочая группа II рассматривает вопросы уязвимости социально-экономических и природных систем к изменению климата, отрицательные и положительные последствия изменения климата и варианты адаптации к ним.

Рабочая группа III оценивает варианты ограничения выбросов парниковых газов и тем самым смягчения последствий изменения климата.

Целевая группа по национальным кадастрам парниковых газов отвечает за Программу МГЭИК по национальным кадастрам парниковых газов.

Пленарные заседания Группы экспертов проходят примерно раз в год. На таких заседаниях принимаются решения о принципах, структуре, программе

работы МГЭИК, избирается председатель, а также согласуется круг вопросов, охватываемых докладами МГЭИК, и принимаются сами доклады.

Первый оценочный доклад, представленный МГЭИК в 1990 г., заложил основу для создания РКИК ООН. В 2007 г. МГЭИК презентовал Четвертый оценочный доклад, в котором содержатся самые последние научные выводы.

В 2007 г. МГЭИК была присуждена Нобелевская премия мира «за усилия по укреплению и распространению знаний о проблеме антропогенного воздействия на изменение климата и формирование основы для принятия необходимых мер по противодействию этому изменению»[15].

Ведущие российские ученые и специалисты из Росгидромета, Российской академии наук и других организаций вносят большой вклад в подготовку и написание регулярных докладов МГЭИК об оценке состояния знаний об изменении климата, различных технических докладов и составлении кадастра парниковых газов. Так, в подготовке Четвертого оценочного доклада МГЭИК (2007 г.) принимало участие около 15 российских авторов.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 сентября 1997 г. № 1311р национальным координатором Российской Федерации в МГЭИК назначен директор Института глобального климата и экологии (ИГКЭ) Росгидромета и Российской академии наук, академик-секретарь Отделения океанологии, физики атмосферы и географии Российской академии наук Ю. Израэль. С 2002 г. по 2008 г. академик Ю. Израэль занимал пост вице-председателя МГЭИК.

На 29-й сессии МГЭИК (31 августа — 4 сентября 2008 г., Женева, Швейцария) состоялось очередное переизбрание Бюро МГЭИК. Заместитель директора ИГКЭ Росгидромета и РАН С. Семенов избран на пост вице-председателя Бюро МГЭИК по второй рабочей группе МГЭИК.

Опубликованные доклады распространяются среди заинтересованных организаций для принятия своевременных решений в политике, хозяйственной деятельности, науке и образовании.

Каждые 6–7 лет МГЭИК публикует так называемые оценочные доклады, в которых отражены результаты комплексного исследования климатических изменений, их причин и возможных последствий, а также оценка потенциала по принятию адаптационных мер и снижению антропогенного воздействия на климатическую систему как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Первый оценочный доклад МГЭИК подготовила в 1990 г. Представленные в нем выводы подтвердили факт изменений климатической системы Земли, которые с большой вероятностью вызваны деятельностью человека. Первый оценочный доклад лег впоследствии в основу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

В начале 2001 г. МГЭИК завершила свой Третий оценочный доклад «Изменение климата–2001», который внес существенный вклад в развитие научного базиса в области изучения проблемы изменения глобального климата, в создание методологической базы для разработки и принятия мер по смягчению последствий этого изменения и по адаптации к нему.

Свой Четвертый оценочный доклад МГЭИК представила в 2007 г. В нем содержатся самые последние научные данные о проблеме изменения климата.

Однако в январе 2010 г. вокруг деятельности МГЭИК разразился скандал. Было объявлено, что в своих расчетах организация допустила очень серьезную ошибку. В докладе от 2007 г. скорость таяния льдов Гималаев была неверно соотнесена со временем полного исчезновения гималайских ледников. В докладе был указан 2035 год, хотя на самом деле ледники, по всей вероятности, растают к 2350 г.

Существуют различные точки зрения относительно происхождения этой ошибки. Некоторые считают, что в своих докладах МГЭИК использовала непроверенные данные и сослалась на уже опубликованные материалы других ученых. Многие полагают, что составители доклада намеренно поменяли две цифры местами для того, чтобы привлечь внимание к проблеме изменения климата.

Тем не менее, этот доклад вызвал особое внимание Индии, Китая и ряда других близлежащих стран. Исчезновение ледников к 2035 г. означало бы для них смертельную опасность. Многих специалистов в этой сфере также сильно поразили данные, опубликованные в докладе. Они утверждали, что ледники толщиной в сотни и тысячи метров никак не могут растаять в такой срок.

19 января 2010 г. МГЭИК была вынуждена сообщить, что она совершила ошибку в расчетах, связанных со скоростью таяния льдов в Гималаях. С этого момента появилось большое количество разговоров, относительно необходимости и эффективности работы МГЭИК в мире. На ежегодном собрании Ник Наттел, председатель ЮНЕП, объявил о том, что ООН собирается провести проверку деятельности МГЭИК. Руководство МГЭИК уже взяло на себя обязательство проводить проверку своих проектов по строгой научной процедуре. Также будет пересмотрен еще раз доклад от 2007 года с целью выявления возможных ошибок.

В своем интервью BBC заместитель председателя МГЭИК Жан-Паскаль ван Исперселе сказал: «Я не понимаю, как одна ошибка в 3000-страничном докладе может подорвать доверие ко всему докладу. Некоторые люди ухватились за эту ошибку и пытаются использовать ее для подрыва доверия к МГЭИК, но если мы сможем объяснить сложившуюся ситуацию, то это поспособствует укреплению авторитета МГЭИК, показав, что мы готовы учиться на своих ошибках»[16].

Эксперт по изменению климата Совета по международным отношениям М. Леви уверен, что, несмотря

на то, что в обзоре были допущены некоторые ошибки, в целом МГЭИК должна оставаться авторитетной организацией: «Жалко, что незначительное количество ошибок повлекло за собой такие большие политические последствия»[17]. Он дает свои рекомендации относительно возможного улучшения деятельности МГЭИК. «Во-первых, лидерам и сторонникам МГЭИК не стоит чрезмерно оправдываться и защищаться. Все доклады МГЭИК очень длинные и содержат большое количество деталей. Нет ничего особенного, что есть некоторые незначительные ошибки.

Во-вторых, руководители, а также председатель группы ни в коем случае не должны занимать какие-либо позиции в сфере политики. Их деятельность не должна носить политической окраски. Организация должна быть политически нейтральной. В-третьих, для многих членов группа, это всего лишь дополнительная обязанность к их основной работе. Важно сделать так, чтобы Группа для ее руководства и участников стала основным местом работы»[18].

Специалист по экологическим проблемам университета в Колорадо Роджер Пилк уверен, что группе необходимо пересмотреть институциальную политику и процедуры группы. Необходимо создать специальный механизм, целью которого будет решать все вопросы, связанные с обнаружением ошибок: «До тех пор, пока МГЭИК не проведет институциональную реформу, она не будет соответствовать требованиям XXI века. Группа будет сдавать позиции и в итоге полностью потеряет авторитет»[19].

Тем не мене, на протяжении долгого времени, несмотря на постоянную критику, МГЭИК остается наиболее авторитетной международной организацией по вопросам изменения климата. Выводы группы стали основой большого количества международных климатических переговоров и документов, прежде всего РКИК ООН и Киотского протокола. Пятый доклад МГЭИК ожидается к 2014 г.

Тема изменения климата обсуждается в ходе различных встреч высокого уровня, включая Совет Безопасности ООН, Экономический и Социальный Совет ООН, неофициальные прения по изменению климата в Генеральной Ассамблее ООН. ОНН организовала важные конференции, на которых обсуждались климатические проблемы (Рио-де-Жанейро, Бали, Копенгаген и т. д.). Такие важные документы, как Рамочная конвенция по изменению климата и Киотский протокол, были разработаны именно под эгидой ООН. ООН считается «подходящим многосторонним механизмом для создания необходимого режима, связанного с изменением климата»[20].

Говоря о проблеме изменения климата, Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун подчеркивает: «Изменение климата — одна из наиболее комплексных, многогранных и серьезных угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество. Реагирование на эту угрозу неразрывно связано с решением насущных задач обеспечения устойчивого развития и глобальной справедливости, противодействия уязвимости и повышения устойчивости к внешним воздействиям, роста экономики, сокращения масштабов нищеты и решения социальных проблем, а также построения такого мира, который мы бы хотели передать нашим детям»[21]. Именно этой теме он посвятил свой первый доклад. Он уверен, что ООН должна непременно играть основную роль в процессе принятия международных действий по решению этой проблемы.

ООН ставит перед собой цель содействия заключению международного соглашения об эффективной рамочной программе на период после 2012 г. Также ООН намерена создать межсекторальный механизм для претворения в жизнь будущих соглашений и для более эффективного выполнения действующих мандатов.

Глава ООН подчеркнул, что цена бездействия будет очень высокой, и призвал активизировать усилия по противодействию этой проблеме. «Переговоры по климату продвигаются слишком медленно. Ледники планеты тают быстрее, чем мы приближаемся к прогрессу по их защите и защите всех нас», — заявил Пан Ги Мун[22].

В ходе всей своей деятельности Генеральный Секретарь обращался к мировым лидерам с призывом считаться с проблемой изменения климата и подчеркивал, что «цена бездействия — в отношении экологии, людей и финансов — намного превзойдет затраты на немедленные действия».

Генеральный Секретарь создал рабочую группу, состоящую из четырех полномочных представителей по изменению климата. Эта группа должна помогать ему в консультациях с вовлеченными в процесс сторонами, в том числе правительствами государств, по вопросам содействия прогрессу в многосторонних переговорах, проводимых в ООН. В 2007 г. в эту группу были назначены Гру Гарлем Брундтленд, бывший премьер-министр Норвегии, и Лагос Эскобар, бывший президент Чили. Позже к ним присоединились бывший президент Ботсваны Фестус Могае и Срджан Керим, в прошлом — министр иностранных дел бывшей югославской Республики Македония и президент Генеральной Ассамблеи.

В 2010 г., на совместной видеоконференции Пан Ги Муна с занимавшим в то время пост премьер-министра Великобритании Гордоном Брауном и премьер-министром Эфиопии Мелесом Зенауи было объявлено о создании группы, которая займется мобилизацией ресурсов для финансирования усилий развивающихся стран по борьбе с изменением климата.

Глава ООН заявил, что остальные члены новой группы будут назначены в ближайшие 10 месяцев. Ими станут главы государств и правительств, министры или представители финансовых учреждений. «Будет выдержан баланс между развивающими и промышленно развитыми странами», — отметил Пан Ги Мун в ходе видеоконференции с Лондоном и Аддис-Абебой[23].

Генеральный Секретарь убежден, что развивающиеся страны должны добиваться сокращения эмиссий парниковых газов, но это не должно привести к замедлению темпов их развития. Многие бедные страны уже сегодня страдают от последствий глобального потепления, и богатые страны несут моральную ответственность за оказание им финансовой помощи в деле смягчения этих последствий и адаптации к ним.

ООН проводит программы по поддержке мер, направленных на борьбу с изменением климата, на глобальном, региональном и локальном уровнях.

На международном уровне ключевая роль в области борьбы с изменением климата принадлежит Рамочной Конвенции ООН по изменению климату. Секретариат РКИК призван обеспечивать материально-техническое и основное обслуживание заседаний Конвенций, а также осуществлять координацию с другими процессами.

На национальном уровне главная роль по урегулированию процессов изменения климата принадлежит Программе развития ООН (ПРООН) и другим представленным в странах организациям системы ООН. Они оказывают поддержку национальным правительствам, а также привлекают другие национальные заинтересованные стороны — неправительственные организации, университеты, исследовательские учреждения, частный сектор. Важным инструментом в содействии странам в принятии мер реагирования в связи с изменением климата и обеспечении согласованности мер является учет в национальных планах развития климатических аспектов, включая научно-технические достижении. Нередко при наличии политической воли на национальном уровне отсутствует необходимый потенциал, что препятствует предпринимаемым на этом уровне усилиям. Важную роль в заполнении такого пробела играет система Организации Объединенных Наций.

ООН создает различные программы, которые направлены на адаптацию, смягчение последствий проблемы изменения климата, внедрение новых технологий, финансирование подобных мероприятий. Эти меры ООН предпринимает в сферах общего планирования, энергетики, сельского хозяйства, водных ресурсов, лесных ресурсов, здравоохранения, транспорта.

ООН работает над повышением уровня информированности и образования населения, расширения всеобщего доступа к информации. В рамках программы ЮНЕСКО по вопросам экологической этики проводятся кампании по просвещению населения об этических аспектах экологических изменений в целях разработки и осуществления эффективных нормативно-директивных мер, включая определение путей оценки потребностей и прав будущих поколений и решение вопроса о том, какие именно ресурсы следует охранять и за счет каких затрат или усилий.

«ООН проводит целый ряд мероприятий, касающихся проблемы изменения климата. Они включают в себя:

Всемирную программу исследования климата, организаторами которой являются ВМО, МОК ЮНЕСКО и Международный совет по науке (МСНС); „Глобальную экологическую перспективу“, в рамках которой осуществляются раннее предупреждение и оценка возникающих угроз (ЮНЕП), и проведение строгих и объективных обзоров уровня знаний о климатических процессах и последствиях (ЮНЕСКО); Глобальную систему наблюдений за сушей; Систему предупреждения чрезвычайных ситуаций (СПЧС) в связи с трансграничным распространением вредителей и болезней, опасных для животных и растений (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО)); исследование последствий изменения климата для здоровья человека (Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)); оперативное исследование последствий изменения климата для детей и поддержку усилий детей на местном уровне по улучшению и мониторингу состояния окружающей среды в общинах (Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)); анализ уязвимости и мониторинг продуктов питания (Всемирная продовольственная программа (ВПП)); предоставление климатических и сезонных прогнозов в Африке в целях содействия улучшению процесса принятия решений в климатозависимых секторах (например, земледелие и водопользование) в регионе (Экономическая комиссия для Африки (ЭКА)); содействие малоимущим сельским общинам в повышении их способности адаптироваться к климатическим колебаниям путем разработки планов также на случай чрезвычайных ситуаций и непредвиденных обстоятельств (включая системы раннего предупреждения и планы действий в связи с чрезвычайными ситуациями) (Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР))»[24].

В рамках ООН действует Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Это специализированное учреждение, уполномоченное содействовать промышленному развитию и международному промышленному сотрудничеству. «Основная цель деятельности ЮНИДО, определенная в Соглашении, заключается в содействии международному сотрудничеству в экономической, технологической, промышленной и научных сферах между предприятиями, ассоциациями, организациями и фирмами из развитых и развивающихся стран»[25].

ЮНИДО способствует разработке проектов по смягчению выбросов парниковых газов в промышленном секторе и обеспечивает прямое участие представителей промышленности в таких мероприятиях, связанных с межправительственным процессом по вопросам изменения климата, как сессии Конферен-

ции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и заседания вспомогательных органов, и в соответствующих параллельных мероприятиях.

Важное внимание ЮНИДО уделяет энергоэффективности промышленности и устранению препятствий, мешающих разработке энергоэффективных проектов, направленных на сокращение выбросов двуокиси углерода и повышение конкурентоспособности и производительности в промышленности. Подчеркивается роль промышленности как ключевого сектора для проведения адаптационных мероприятий и необходимость отражения адаптационной политики и стратегий в политике промышленного развития на национальном уровне.

Большая работа по борьбе с изменением климата проводится в рамках Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

Эта программа является основным органом ООН в сфере экологии, через который осуществляется сотрудничество государств и международных организаций по решению проблем в области охраны окружающей среды и устойчивого развития на глобальном, региональном и национальном уровне.

Штаб-квартира ЮНЕП находится в Найроби (Кения). Совет управляющих ЮНЕП состоит из 58 членов, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН на четырехлетний срок. Исполнительным директором ЮНЕП с июня 2006 г. является Ахим Штайнер.

Проблема изменения климата занимает важное место в деятельности ЮНЕП. В своей программе на 2010–2011 гг. ЮНЕП поставил эту проблему на первое место. Целью ЮНЕП в этом направлении является укрепление способности стран, особенно развивающихся, планировать меры реагирования на изменение климата в рамках процессов национального развития.

Стратегия ЮНЕП в области изменения климата дополняет собой процессы и деятельность других учреждений, включая секретариат Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и Киотского протокола к ней. Она предусматривает:

— содействие странам, особенно развивающимся, в переходе на низкоуглеродные технологии посредством налаживания партнерства и привлечения частного сектора к деятельности по повышению энергоэффективности; ускоренного формирования рынков технологий, рассчитанных на возобновляемые источники энергии, содействия финансированию экологически чистых энергетических технологий и поощрения равноправного доступа к более экологически чистым источникам энергии. Кроме того, ЮНЕП окажет учреждениям Организации Объединенных Наций содействие в том, чтобы сделать систему Организации Объединенных Наций климатически нейтральной;
— помощь странам, особенно развивающимся, в снижении их уязвимости и повышении их устойчивости к последствиям изменения климата путем создания и укрепления национального институционального потенциала в области оценки уязвимости и планирования адаптационных мероприятий, а также поддержки национальных усилий, направленных на включение мер по адаптации к изменению климата в практику управления экосистемами;
— содействие лучшему пониманию результатов научных исследований в области изменения климата и их использованию для выработки обоснованной политики посредством распространения результатов оценок, подготовленных Межправительственной группой по изменению климата, а также специальных докладов и иной научной информации, рассчитанной на конкретные группы; содействие осознанию факта увеличения выбросов парниковых газов в результате обезлесения и деградации лесов; оказания научной, правовой и институциональной поддержки учреждениям и должностным лицам из развивающихся стран, участвующим в переговорах по вопросам изменения климата;
— повышение общего уровня понимания проблемы изменения климата путем разъяснения основных аспектов этой проблемы ясным и понятным для различных категорий неспециалистов языком, в том числе и с целью повлиять на их потребительский выбор[26].

Проблеме изменения климата уделяется много внимания и в работе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). «ВОЗ является направляющей и координирующей инстанцией в области здравоохранения в рамках системы Объединенных Наций. Она несет ответственность за обеспечение ведущей роли при решении проблем глобального здравоохранения, составление повестки дня для научных исследований в области здравоохранения, установление норм и стандартов, разработку политики на основе фактических данных, обеспечение технической поддержки странам, а также контроль за ситуацией в области здравоохранения и оценку динамики ее изменения»[27].

По поводу проблемы изменения климата д-р Маргарет Чен, Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения, заявила следующее: «Основная проблема кратко сформулирована так: изменения климата угрожают здоровью людей. Потепление климата на планете будет происходить постепенно, однако последствия экстремальных климатических явлений — ураганы, наводнения, периоды засухи и сильной жары — будут возникать внезапно и ощущаться очень остро. Обе тенденции могут неблагоприятно воздействовать на самые основополагающие детерминанты здоровья, такие, как воздух, вода, пища, крыша над головой и отсутствие болезней»[28].

В настоящее время мы являемся свидетелями того, что последствия изменения климата очень сильно сказываются на здоровье человека: больше народу умирают от чрезмерной жары, происходят изменения в области заболевания трансмиссивными болезнями, меняется модель стихийных бедствий. Эти последствия сказываются в основном на уязвимых группах населения, например, самые молодые и самые пожилые люди, люди со слабым здоровьем, неимущие слои и изолированные группы населения.

Последствия изменения климата для здоровья полностью устранить никогда не получится. Однако все же некоторые из них можно предотвратить и контролировать. «В здравоохранении и связанных с ним секторах разработаны меры по уменьшению воздействия изменяющегося климата и его последствий. Так, например, могут помочь такие хорошо известные и проверенные меры, как борьба с переносчиками заболеваний, уменьшение загрязнения воздуха транспортными средствами, а также эффективное использование земель и рациональное водопользование. Кроме того, многие из мер, необходимых для предотвращения изменения климата, полезны для здоровья. Так, например, благодаря более широкому пользованию велосипедами и общественным транспортом вместо личных машин в промышленно развитых странах могут уменьшиться выбросы парниковых газов. Это также будет способствовать улучшению качества воздуха и приведет к улучшению здоровья органов дыхания и сокращению преждевременной смертности. Чем раньше будут приняты эти меры, тем большее воздействие они окажут на здоровье населения»[29].

«Всемирная метеорологическая организация (ВМО) является специализированным учреждением Организации Объединенных Наций и авторитетным источником информации системы ООН по вопросам состояния и поведения атмосферы Земли, ее взаимодействия с океанами, образуемого климата и возникающего распределения водных ресурсов»[30].

ВМО была основана в 1950 г., членами организации являются 189 стран-членов и территорий. Штаб-квартира ВМО находится в Женеве, Швейцария. 23 марта, в день вступления в силу Конвенции об основании ВМО, отмечается Всемирный метеорологический день.

ВМО активно занимается вопросами изменения климата.

ВМО поддерживает региональные форумы по ориентировочным прогнозам климата. Такие форумы собирают вместе климатологов с целью выработки единого мнения относительно сезонных климатических прогнозов. ВМО объединяют различные группы пользователей в области предотвращения опасности бедствий, здравоохранения, сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства, туризма и энергетики для обсуждения потенциальных воздействий изменения климата.

ВМО занимается координацией деятельности, связанной с климатической информацией. Например, мониторинг климата, управление климатическими данными, обнаружение изменения климата, сезонные межгодовые прогнозы климата, оценки воздействия изменения климата.

Глобальная система наблюдений за климатом и Глобальная система наблюдений за океаном играют важную роль в улучшении сбора данных, необходимых для подготовки климатических прогнозов и обнаружения изменения климата.

В этой сфере в рамках Всемирной климатической программы действует Всемирная программа климатических применений и обслуживания. Эта программа призвана способствовать правильному применению знаний и информации на благо общества.

В ВМО действует Всемирная программа исследования климата. С помощью этой программы ВМО и ее партнеры содействуют исследованию климата для фундаментального научного понимания физической системы и процессов, необходимого для определения степени предсказуемости климата и влияния на него человеческой деятельности.

ВМО выпустила доклад «Наш будущий климат». В этом докладе само явление глобального потепления признается установленным фактом, антропогенным причинам уделяется важное значение в докладе. В докладе указывается на опасность для человечества будущих изменений. «Они хоть и краткосрочны в геологическом масштабе времени (Не более нескольких сотен лет — пока мировая энергетика основывается на ископаемом топливе), но за это время будет нанесен необратимый урон многим экосистемам, а человечеству придется понести огромные экономические и социальные потери»[31].

Этот доклад призывает к борьбе за восстановление климата на нескольких фронтах. Необходимо сделать промышленность более эффективной, перевести автомобили на другие виды горючего, лучше организовывать землепользование, восстанавливать леса, больше внимания уделять альтернативным источникам энергии. «Мы должны изменить наши жизненные установки и быть готовыми жить так, чтобы обеспечить и благополучие всех государств и сохранить климат»[32].

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) — это ведущий мировой форум научно-технического сотрудничества в области мирного использования ядерных технологий и проблем нераспространения. «МАГАТЭ, созданное в рамках Организации Объединенных Наций в 1957 г. в качестве самостоятельной организации, представляет собой воплощение программной президента США Д. Эйзенхауэра „Атом для мира“, с которой он выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1953 г. Он предложил создать международный орган, призванный как контролировать атомную энергию, так и содействовать ее использованию»[33].

Ядерная энергия — это чистая энергия с точки зрения эмиссии парниковых газов. Количество вредных выбросов от нее минимальное. «В настоящее время 439 энергетических ядерных реакторов производят почти 16 % мировой электроэнергии. В 9 странах на ядерную энергетику приходится более 40 % вырабатываемой энергии»[34]. Аналитики имеют различные точки зрения относительно использования ядерной энергии в будущем. Как минимум, очевидно, что если количество использования ядерной энергии сильно снизится, то это значительно затруднит процесс сокращения вредных выбросов. В обратном же случае рост использования ядерной энергии может внести значительный вклад в решение проблемы изменения климата. В любом случае, важно осознавать, что роль МАГАТЭ очень велика.

МАГАТЭ не проводит никакой деятельности, специально направленной на борьбу с изменением климата. Однако деятельность МАГАТЭ всецело соответствует этой цели. МАГАТЭ старается избежать политизации вопросов климата. «Агентство представляет собой ценный пример того, как международной институт может внести значительный вклад в борьбу с изменением климата, не являясь при этом официально вовлеченным в глобальную климатическую политику»[35].

2. Деятельность «Группы восьми» и «Группы двадцати»

Нарастает не только экономический, но также политический и культурный плюрализм современного мира[36].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

«Изменение климата — это самая серьезная из ныне существующих опасностей. Её породили в основном страны „Большой восьмерки“. На сегодняшний день эти страны сбрасывают в атмосферу более 40 % общемирового объема выбросов CO_2, хотя здесь проживает лишь 13 % населения земного шара»[37].

«„Большая восьмёрка“ должна сыграть ведущую роль в решении проблемы климатических изменений на современном этапе, т. к. на её долю приходится 65 % мирового ВВП и более 40 % глобальных антропогенных выбросов CO_2, а „G8“ фактически является главной движущей силой процессов технологического развития в мире, учитывая, что свыше 70 % научных исследований и публикаций приходится на эти страны»[38].

На долю стран–участниц «Большой восьмерки» приходится 49 % мирового экспорта, 51 % промышленного производства. В рамках «Восьмерки» осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам. Она внесла значительный вклад в решение проблемы климатических изменений.

Проблема изменения климата сравнительно недавно появилась в повестках саммитов. В 2000 г. «G8» предложила амбициозную программу расширения использования возобновляемых источников энергии, но эта инициатива так и не была утверждена[39]. В декларации, принятой в Генуе в 2002 г., подтверждается стремление глав государств «G8» активно заниматься этой проблемой: «Мы… признаем, что изменение климата является неотложным вопросом, требующим глобального решения…»[40]. В принятой декларации глав государств «G8» в Эвиане в 2003 г., в частности, говорится: «Мы приняли план действий по наилучшему использованию науки и технологии для устойчивого развития…: глобальный мониторинг; …контроль за загрязнением воздуха и изменением климата; …биоразнообразие»[41].

В 2005 г. под председательством Великобритании приоритетное внимание уделялось выработке общих подходов «Группы восьми» к проблеме преодоления негативных последствий глобальных климатических изменений и развитию экологически чистой энергетики. В Глениглсском плане действий «Изменение климата, экологически чистая энергетика и устойчивое развитие» предусмотрены меры по обеспечению устойчивого развития при соблюдении экологической и технологической безопасности энергетики при минимальном воздействии на глобальную экосистему и климат, а также применение энергоэффективных технологий и постепенный переход к низкоуглеродной энергетике[42]. Однако из-за бескомпромиссной позиции Джорджа Буша и нежелания Тони Блэра вступать в конфронтацию, результат переговоров оказался весьма нечетким и потерял смысл.

В 2006 г. под председательством Российской Федерации глобальная энергетическая безопасность также стала одной из приоритетных тем[43]. А в 2007 г. Германия выбрала тему «Изменение климата, энергоэффективность и энергетическая безопасность» в качестве одной из приоритетных[44].

«Однако при подготовке к встрече „Большой восьмерки“ в 2007 г. администрация США изо всех сил старалась не допустить малейшего прогресса в вопросе об изменении климата. Она заявила о своем „коренном несогласии“ с необходимыми сокращениями выбросов, за которое единогласно высказываются ученые всего мира. „Новая инициатива по климату“, выдвинутая Бушем 31 мая, не позволяет добиться соглашения по обязательным сокращениям и опасна

тем, что уводит от немедленных действий, так необходимых сегодня»[45].

Саммит 2008 года также показал, что главы наиболее развитых государств мира серьезно обеспокоены проблемой изменения климата. На саммите в 2008 г. участники подчеркнули свою решимость взять на себя лидерство в борьбе с изменением климата. При этом ключевым инструментом смягчения неблагоприятных последствий климатических изменений, по их мнению, являются меры, направленные на снижение глобальных выбросов парниковых газов и способствующие переходу к низкоуглеродной экономике. В первую очередь, это развитие экологически чистой энергетики, распространение инновационных низкоуглеродных технологий и практик, более широкое использование возобновляемых источников энергии, а также меры по повышению энергоэффективности. В 2008 г. страны «Группы восьми» договорились снизить количество парниковых газов вдвое к середине века.

8 июня 2008 г. страны «Большой восьмерки», а также Китай, Индия, Южная Корея и Европейский Союз приняли решение о создании Международного партнерства по энергоэффективности и сотрудничеству — «IPEEC» — на встрече Министров энергетики стран в 2008 году в Аомори, Япония[46].

В 2009 г. министры энергетики подписали учредительные договоры IPEEC. К Партнерству также присоединились Китай, Республика Корея, Бразилия, Мексика и ЕС в качестве наблюдателя.

«IPEEC оказывает поддержку в работе, проводимой странами-участницами и соответствующими организациями в целях повышения энергетической эффективности. Это дополнительный инструмент к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Партнерство опирается на опыт и работу, проводимые международными организациями и финансовыми институтами, научно-исследовательскими организациями, частным сектором, поддержку общественности — частного партнерства»[47].

Этапным стал саммит «Группы восьми» в Аквиле (Италия) в июле 2009 г. Он совпал с приходом в США новой администрации президента Б. Обамы, которая заняла более гибкую позицию по вопросам климата, фактически разблокировав их более конкретную постановку на встречах «Восьмерки». Саммит принял решение о том, что страны «Восьмерки» будут стремится к сокращению выбросов CO_2 к 2050 г. на величину не менее 80 % от уровня 1990 г.

Другим знаковым моментом этого саммита стало привлечение к его работе стран, не входящих в «Группу восьми», — Китая, Индии, Бразилии, Мексики, ЮАР и Египта. По итогам саммита было зафиксировано согласие стран «Восьмерки», что глобальная средняя температура не должна превысить доиндустриальный уровень более чем на 2°C. Впервые с таким подходом согласился Китай, позиция которого с учетом бурного экономического роста особенно важна с точки зрения формирования универсального международного режима в вопросах климата[48].

Таким образом, «Большая восьмерка» делает много, для решения проблемы изменения климата в глобальном масштабе.

Президент России Д. Медведев, выступая на пресс-конференции по итогам саммита «Группы восьми» в Аквиле 10 июля 2009 г., подчеркнул, что в работе «Восьмерки» есть «важные достижения. Во-первых, это определение амбициозной, долгосрочной цели — снижение выбросов парниковых газов. Решение развитых стран об уменьшении выбросов на 80 % к 2050 году — это, конечно, и амбициозная, и весьма сложная цель, которая может действительно изменить парадигму развития человеческой цивилизации»[49].

Наша страна в принципе поддерживает подобную цель, но пока определенно говорит о намерении снизить эмиссию выбросов к 2020 г. на 15–25 % с учетом уже имеющего места сокращения на 30 % по сравнению с уровнем 1990 г. Подобная осторожность продиктована необходимостью учета реалий переходного периода и в то же время является приглашением для наиболее развитых стран к активному и взаимовыгодному участию в модернизации российской экономики, технологической базы и инфраструктуры.

Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что «Группа восьми», с учетом того, что в неё входят наиболее развитые экономики мира могла бы сделать большие или в силу разных объективных и субъективных причин задействовала ещё далеко не все резервы для стабилизации климата и экологической ситуации в целом. В частности, П. Сулимов считает, что для повышения эффективности деятельности «Группы восьми» в этой сфере необходимо решить следующие задачи:

— создание глобальной системы мониторинга изменения климата Земли;
— построения количественной модели изменения климата Земли;
— поиск наиболее эффективных способов воздействия на климат Земли с целью стабилизации среднепланетарной температуры Земли (и/или концентрации CO_2 в атмосфере), не забывая о развитии экологии систем связывающих CO_2 из атмосферы;
— содействие работам в области возобновляемых источников энергии (солнечная, ветровая и гидроэнергия);
— получение углеводородного топлива из растительного сырья и бытовых отходов;
— повышение КПД тепловых двигателей, поскольку одним из наиболее вероятных шагов по предотвращению париковой катастрофы станет отказ от использования минеральных видов углеводородного топлива и России надо подготовиться к снижению спроса на углеводороды;

— анализ рисков и оценка возможных масштабов материального ущерба от парниковой катастрофы, в т. ч. анализ социально-политических аспектов данной проблемы[50].

В рамках **«Группы двадцати»** успехи в борьбе с изменением климата пока незначительны. Принимая во внимание разнородный состав группы, достижение консенсуса представляется тяжелой задачей и будет иметь крайне важное значение. «Группа двадцати» в 2009 г. начала работу, связанную с энергетическими вопросами. В сентябре 2009 г. было подписано соглашение об осуществлении в среднесрочной перспективе поэтапного сокращения и рационализации субсидий, выделяемых на использование неэффективных видов ископаемого топлива. Также в документе есть договоренности по вопросам борьбы с изменением климата и выражается поддержка по заключению нового соглашения об ограничении вредных выбросов в атмосферу.

Пока «Группа двадцати» не принимает активных мер для разрешения проблемы изменения климата. «Вопрос проблемы изменения климата завершает коммюнике, то есть, отнесен к маловажным. Мировые лидеры не продемонстрировали должной степени серьезности по отношению к данной проблеме. Сотни миллиардов долларов направлены в Международный валютный фонд и Всемирный банк, однако на защиту окружающей среды денег не нашлось. Одни только неясные пожелания, разговоры и соглашения ни о чем», — говорит Джон Совин, исполнительный директор Гринпис Великобритании[51].

«Пока мир катится к климатической катастрофе, лидеры „Группы двадцати“ занимаются перестановкой стульев на тонущем корабле. Все, что сейчас необходимо, — это четкое финансовое обязательство инвестировать в защиту окружающей среды. Нужен импульс для развития „зеленой“ экономики. Только так можно остановить глобальное изменение климата», — считает Джон Совин[52].

В феврале 2006 г. был начат первый диалог парламентариев стран «Группы восьми» и пяти развивающихся стран — Бразилии, Индии, Китая, Мексики, ЮАР (около 60 % выбросов парниковых газов). Диалог проходит в рамках процесса «Группы восьми» и направлен на выработку долгосрочной политики и мер для решения проблемы изменения климата[53].

В рамках подобных встреч обсуждаются действия мирового сообщества по борьбе с проблемой изменения климата, перспективы на период после 2012 г., энергоэффективность, чистые технологии, стратегии адаптации. В рамках подобных диалогов отмечается, что развивающиеся страны, наряду с промышленно развитыми, должны принимать участие в снижении выбросов парниковых газов.

В совместном заявлении участников второй встречи, проходившей 14–15 февраля 2007 г. в Вашингтоне перечислены меры, которые, по мнению участников, должны способствовать решению проблемы изменения климата, в том числе:

— разработка, внедрение и передача новых технологий, направленных на повышение энергоэффективности, снижение карбоноемкости экономики, а также технологий улавливания и хранения углерода;
— принятие мер, направленных на расширение использования возобновляемых источников энергии;
— создание партнерств по развитию научно-исследовательских программ;
— создание международного рынка торговли квотами на выбросы парниковых газов;
— принятие плановых показателей сокращения выбросов, как для развитых, так и для развивающихся стран[54].

3. Деятельность Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества

Однако на сегодня действия АТЭС в сфере изменения климата крайне скромные. В сентябре 2007 г. они подписали Сиднейскую Декларацию глав государств и правительств АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистому развитию[55].

В этой декларации страны АТЭС представили перспективную программу совместных действий и инициатив АТЭС, которая дополняет усилия стран-участниц в рамках других форумов: «Эти инициативы призваны подкрепить экономический рост и развитие, а также и впредь содействовать сокращению глобальных выбросов парниковых газов в соответствии с целями и принципами РКИК»[56]. Страны АТЭС решили:

«— подчеркнуть важность повышения энергетической эффективности путем работы в направлении реализации касающейся для всего региона АТЭС желаемой цели, предусматривающей снижение энергоемкости, по крайней мере, на 25 % к 2030 году (в качестве исходных берутся показатели за 2005 г.);
— вести работу в направлении реализации касающейся всего региона АТЭС желаемой цели, предусматривающей увеличение площади лесных массивов в регионе, по меньше мере, на 20 млн га

лесов всех типов к 2020 г. В случае достижения этой цели могли бы быть поглощены около 1,4 млрд тонн углекислого газа, что эквивалентно примерно 11 % ежегодного объема эмиссии (показатель за 2004 г.);
— создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам энергетических технологий в целях укрепления сотрудничества в регионе АТЭС в области энергетических исследований, в частности, на таких направлениях, как разработка чистой энергии из ископаемых ресурсов и освоение возобновляемых источников энергии;
— создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам устойчивого управления лесными хозяйствами и восстановления лесов в целях наращивания потенциалов экономик и активизации информационных обменов в лесном секторе; и
— способствовать принятию необходимых мер в сфере торговли экологическими товарами и услугами, авиационного транспорта, использования энергии из альтернативных и низкоуглеродных источников, энергетической безопасности, защиты морских биологических ресурсов, потенциалов анализа стратегических действий и использования подхода с позиции взаимообусловленной пользы»[57].

АТЭС также сотрудничает с различными международными организациями, например с МАГАТЭ, для решения проблемы изменения климата. Несмотря на то, что АТЭС не обязывает страны-члены вступать в какие-то юридические обязывающие договоры, эта организация представляет собой важный форум обсуждения и формирования политики в этой сфере для государств региона.

4. Неправительственные организации и проблема изменения климата

…уровень зрелости нашей демократии соизмеряется
и должен соизмеряться с реальным состоянием российского общества[58].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Большое количество неправительственных организаций в разных странах мира занимаются проблемой изменения климата. Они вносят большой вклад в попытки решения этой проблемы.

4.1. Всемирный фонд дикой природы

Всемирный фонд дикой природы (WWF) — международная общественная организация, целью которой является сохранение, исследование и восстановление окружающей среды. Это крупнейшая в мире независимая природоохранная организация с более чем 5 млн сторонников во всём мире, работающая в более чем 40 странах мира. «Уникальный метод работы WWF сочетает глобальный охват с научной обоснованностью, предполагает деятельность на всех уровнях, от местного до всемирного, и обеспечивает инновационные решения проблем, удовлетворяющие потребности, как человека, так и природы»[59].

Проблема изменения климата занимает приоритетное место в деятельности WWF. Целью организации является к 2050 г. сократить выбросы парниковых газов на 80 % Всемирный фонд дикой природы также занимается разработкой стратегий по адаптации людей и природы к неминуемым последствиям проблемы изменения климата.

Основные цели WWF заключаются:
— стремление к выработке нового глобального соглашения, которое было бы справедливым и юридически обязательным для всех государств;
— повышение энергоэффективности — самый быстрый способ снизить количество выбросов CO_2;
— активное использование различных альтернативных источников энергии;
— противодействие вырубке лесов — в настоящее время на это приходится около 20 % выбросов ПГ;
— выработка стратегий адаптаций к проблеме изменения климата[60].

Что касается нового соглашения, которое придет на смену Киотскому протоколу, то WWF выработали 10 требований, обязательных для эффективности будущего соглашения:

1. Заключить юридически обязывающее (подлежащее ратификации) соглашение — новый протокол, увязанный с Киотским протоколом.
2. Принять рекомендации ученых как стратегическую цель на 2050 г. — удержать глобальное повышение температуры на уровне не более 2°C от доиндустриального уровня, начать снижение глобальных выбросов парниковых газов с 2017 г.
3. Промышленно развитые страны к 2020 г. снижают выбросы до уровня на 40 % меньшего, чем в 1990 г. Именно такой уровень, с учетом поглощения CO_2 лесами был в России в предкризисном 2007 г., а значит наша задача — после выхода из кризиса удерживать выбросы на постоянном уровне, что согласуется с планами повышения энергоэффективности и энергосбережения.
4. Развивающиеся страны предпринимают широкомасштабные действия по ограничению роста

выбросов, по сравнению с базовым сценарием развития «business as usual», к 2020 г. снижение должно составить не менее 30 %.

5. Страны, где продолжается сведение тропических лесов, к 2020 г. на 75 % сокращают масштабы этого процесса.
6. Соглашение включает систему немедленной помощи, прежде всего, наиболее уязвимым странам и экосистемам, включая и специальный механизм страхования рисков и ущерба.
7. Крупномасштабная поддержка развивающихся стран (снижения выбросов и адаптации к изменению климата) со стороны развитых, к 2020 г. порядка 160 млрд долларов в год.
8. Соглашение включает работоспособную систему передачи чистых технологий с низкими выбросами парниковых газов, создает стимулы для их разработки и внедрения.
9. Соглашение, с организационной точки зрения, не «забюрократизировано» — дает хорошие условия для кооперации и взаимной поддержки, обеспечивает «прозрачность» мер и получаемых результатов.
10. По отдельным вопросам, таким, как рынок разрешений на выбросы, леса и землепользование, процедуры содействия соблюдению обязательств, новое соглашение, как минимум не слабее Киотского протокола[61].

WWF осуществляет работу по борьбе с изменением климата в рамках трех глобальных инициатив: глобальные действия в области изменения климата, инновации и новые технологии и противодействие вырубке лесов.

Фонд сотрудничает с различными бизнес-структурами и компаниями, помогая им снизить количество выбросов парниковых газов в атмосферу.

Первые проекты Всемирного фонда дикой природы появились в России в 1988 г., в 1994 г. было открыто Российское представительство WWF. В 2004 г. Всемирный фонд дикой природы стал Российской национальной организацией. За время своего существования в России ВФДП осуществил более 150 полевых проектов в 40 регионах России.

«Климатическая программа WWF России направлена на снижение глобальных выбросов CO_2 и оказание своевременной помощи экосистемам в адаптации к меняющемуся климату»[62].

WWF приложил огромные усилия для принятия Россией Киотского протокола. Около 80 % всех российских публикаций об антропогенном изменении климата издаются при участии WWF. Благодаря этому обеспечивается осведомленность россиян о проблеме изменения климата.

WWF занимается внедрением в России передовых технологий потребления, производства и передачи энергии, проводит различные эколого-экономические исследования для внедрения подобных технологий.

«WWF способствует принятию компетентных решений по охране природы, рациональному использованию ресурсов и устойчивому экономическому развитию регионов с помощью издания „климатических паспортов“ регионов. Уже вышли в свет „климатические паспорта“ Алтае-Саянского и Чукотского экорегионов, Кольского полуострова и Таймыра»[63].

4.2. Организация Гринпис

«Гринпис появился в 1971 г. как группа единомышленников, готовых своим примером, протестом изменить ситуацию, способствовать решению экологических проблем. Сегодня Гринпис — это мощная международная сила, опирающаяся на поддержку более 2,5 млн человек, из них около 10 тыс. — в России. Гринпис способна оказывать давление на правительства и корпорации и оставаться при этом независимой общественной организацией. Национальные организации Гринпис существуют более, чем в 40 странах мира. Они объединяют людей, живущих на разных континентах, с различным цветом кожи, говорящих на множестве языков»[64].

Гринпис ведет активную деятельность, направленную на информирование общественности и привлечение внимания мировых лидеров к проблеме изменения климата; выступает за развитие энергосбережения и альтернативных источников энергии. Сотрудники организации подчеркивают, что продолжение интенсивного использования невозобновляемых источников энергии смертельно опасно для всего человечества.

Гринпис настаивает на энергосбережении. Например, в «РФ 40 % вырабатываемой энергии теряется на пути к потребителю или в результате расточительного пользования»[65].

Гринпис видит принципиальное решение на основе развития возобновляемых источников энергии — энергии биомассы, ветра, солнца, морских волн и течения, тепла земли. Эти альтернативные источники энергии могут обеспечить человечество, не угрожая его существованию. К тому же запасы таких источников практически неисчерпаемы.

«Существуют технологии, позволяющие отказаться от сжигания углеродного ископаемого топлива. И есть средства, чтобы эти технологии внедрить, — считает Владимир Чупров, руководитель энергетической программы Гринпис России. — Основной барьер — мировоззренческие проблемы политической элиты. Политики не готовы менять сложившиеся столетиями отношения в бизнесе и обществе. Поэтому, как и в случае с ядерным разоружением, всю ответственность должны взять на себя лидеры государств»[66].

В Гринпис уверены, что «…борьба за снижение выбросов «парниковых газов» в любом случае принесет немалую пользу. Она предполагает переход на инновационный путь развития экономики путем внедрения энергоэффективных технологий,

развития возобновляемой энергетики и т. д. Эти требования были бы актуальны даже в том случае, если бы проблемы изменения климата не существовало. Органическое топливо, на котором основана мировая экономика, не вечно. Рано или поздно оно закончится»[67].

Организация проводит различные акции по привлечению внимания мировых лидеров к проблеме изменения климата. Так, например, в июне 2009 г., во время российско-американских переговоров на высшем уровне в Кремле Гринпис напомнил президентам Д. Медведеву и Б. Обаме об их ответственности за решения проблемы изменения климата. Используя лазерные лучи активисты организации создали на фоне Кремля световой баннер со словами «Leaders act! Save climate!» — «Мировые лидеры, действуйте! Спасите климат!»

4.3. Организация Оксфам

Оксфам является независимой международной благотворительной организацией. Она была основана в 1942 г. в Великобритании; охватывает более 70 стран мира. В РФ действует представительство Оксфам с 2003 г.

Оксфам относится очень серьезно к проблеме изменения климата и старается проводить активные меры в этом направлении. Согласно оценкам Оксфам; «к 2050 году 30 000 000 человек могут стать жертвами голода в связи с изменениями климата. К 2100 году 100 000 000 жителей планеты в той или иной степени пострадают от изменений климата»[68].

Более двадцати пяти лет Оксфам занимается проблемами изменения климата. В 1983 г., когда еще не было принято само понятие «изменение климата», Оксфам в своем докладе «Предостережение о погоде» заявил о данной проблеме.

«Благодаря активным действиям Оксфам после саммита ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро проблема изменения климата попала в топ-листы главных новостей. С тех пор Оксфам постоянно проводит исследования, подробно изучает климатические аномалии и их влияние на людей, под особым наблюдением — население бедных стран»[69].

Оксфам уделяет большое внимание в своей работе проблемам изменения климата: ищет различные пути решения, привлекает волонтеров и другие организации, старается прогнозировать и предупреждать катастрофы.

В основе деятельности Оксфам лежат три направления: гуманитарная помощь, развивающая деятельность и проведение информационных компаний.

Гуманитарная деятельность Оксфам включает в себя оперативное реагирование на стихийные бедствия, вызванные глобальными климатическими изменениями, и подготовку местных сообществ к экстремальным погодным явлениям: Оксфам поднимает дома на сваи, устанавливает специальные метеорологические системы, которые заблаговременно сообщают о стихийных бедствиях, ведет консультационную работу с населением. Специально обученные группы людей выезжают на место, помогают восстанавливать дома, оказывают психологическую и материальную поддержку, обеспечивают людей самым необходимым: продуктами, водой, медикаментами; помогают бедным сообществам по всему миру адаптироваться к климатическим изменениям и повысить свои шансы в борьбе с бедностью. В Южной Африке фермеры сажают скороспелые культуры, чтобы успеть воспользоваться ненадежными дождями. В Бангладеш крестьяне создают плавучие огороды, чтобы защитить свое хозяйство от наводнений. Во Вьетнаме местные жители густо высаживают мангровые деревья по всему побережью, чтобы защитить себя от штормовых волн.

Оксфам проводит различные информационные кампании, цель которых — участие всех стран в создании справедливого международного соглашения об изменении климата с учетом интересов бедных людей.

Оксфам настаивает, чтобы в будущем соглашении по проблеме изменения климата содержалось положение о создании «адаптационного фонда для бедных стран, чтобы в будущем их жители понесли наименьший урон от последствий изменения климата. В связи с этим организация планирует собрать 41 млн фунтов стерлингов и в течение пяти лет потратить эти деньги на помощь жителям бедных стран. Комплексная программа Оксфама включает в себя такие важные пункты, как внедрение технологии «высокий фундамент», подъём домов на сваи, установку современных метеорологических систем, программы обучения фермеров.

Как и все международные неправительственные организации Оксфам настаивает на том, чтобы мировые лидеры как можно скорей занялись проблемой изменения климата.

4.4. Коалиция неправительственных экологических организаций — CAN International

«„CAN INT“ — это всемирная коалиция, состоящая из 450 неправительственных организаций. Целью этой коалиции является продвижение правительственных и индивидуальных действий, направленных на снижение антропогенного влияния на изменения климата»[70].

Члены этой организации обмениваются информацией и занимаются координацией стратегий неправительственных организаций посредством международных и региональных климатически направленных публикаций. CAN имеет семь офисов для координации своей деятельности в регионах — в Африке, Центральной Европе, Восточной Европе, Латинской Америке, Северной Америке, Южной Азии и Юго-Восточной Азии.

«Участники CAN отдают высокий приоритет в одинаковой мере здоровью окружающей среды

и развитию, которые «отвечают нуждам настоящего, не подрывая возможностей будущих поколений удовлетворять свои нужды» (комиссия Брундтланд). Позиция CAN — это защита атмосферы наряду с обеспечением устойчивого развития»[71].

«Сеть „День Земли“ — международная неправительственная организация, которая объединяет 12 000 организаций в 174 странах мира. Цель этой сети — развитие экологического образования. Совместно со своими партнёрами она проводит мероприятия, которые заставляют общественность и правительства обратить внимание на проблему изменения климата. Подобные мероприятия направлены на то, чтобы создать экологически образованное общество, которое осознаёт все последствия своей деятельности; старается проводить программы на локальном, региональном и международном уровне, чтобы расширить экологическую сеть в мире и мобилизовать людей, правительства и корпорации на ответственность за окружающую среду»[72].

Представители ряда общественных организаций и инициативных групп при поддержке Сети «День Земли» планируют проведение целого комплекса мероприятий, в основном связанных с тематикой изменения климата, энергосбережения, экопросвещения.

5. Действия ТНК и проблема изменения климата

В глобальной борьбе за снижение выбросов углерода нашей целью должен стать переход автокомпаний на возобновляемые виды топлива[73].
Р. Брэнсон,
глава корпорации Virgin Gruop

…в современном мире господство постепенно переходит к глобальной, транснациональной элите, стоящей во главе ТНК[74].
А. Кочетков,
профессор

Некоторые исследователи считают, что «около половины мирового промышленного производства и свыше ⅔ внешней торговли приходится на ТНК. Они контролируют примерно 80 % патентов и лицензий на изобретения, новые технологии и ноу-хау. До половины экспортных операций США осуществляется американскими и зарубежными ТНК, в Великобритании аналогичные операции осуществляют до 80 % ТНК, в Сингапуре — до 90 %. На предприятиях ТНК работает более 70 млн человек, которые ежегодно производят продукции более чем на 1 трлн долл. С учетом различной инфраструктуры и смежных отраслей ТНК обеспечили работой 150 млн человек.

При этом, как справедливо замечает о сути ТНК М. Делягин, «весьма существенно, что **теневые взаимодействия (да еще и трансграничные) по самой своей природе не регулируются формальным правом**. Поэтому трансграничные теневые структуры, испытанные временем, с одной стороны, носят **семейный характер** (ибо отсутствие писаного закона требует компенсации исключительно высоким уровнем доверия), а с другой стороны — в наиболее значимых для себя аспектах действуют принципиально без учета законодательства. Это не только роднит их с организованными преступными группировками, но и, более того, почти предопределяет тесное сотрудничество с ними.

Формой существования описанных финансовых трансграничных теневых структур на всем протяжении их истории было взламывание заскорузлых административных и политических границ, препятствующих свободному развитию хозяйственной деятельности (в первую очередь их собственной). Таким образом, извлекая в силу своего трансграничного характера максимальную прибыль именно из наличия указанных границ, эти структуры на протяжении всей своей истории последовательно шли к подрыву основы своего собственного существования. По сути, они представляли собой инструменты интеграции человечества — столь же объективные, что и рыночные отношения, чьим проявлением в теневой сфере они являются»[75].

Таким образом, в современном мире господство постепенно переходит к глобальной, транснациональной элите, стоящей во главе ТНК. Сосредоточена она преимущественно на Западе, но ее представители есть и в других странах, в том числе и в третьем мире. С этой точки зрения мы можем говорить о взаимоотношениях России и Америки только условно. Есть отношения правящих элит этих стран, но в каждой из них действуют влиятельные силы, играющие против собственных правителей на глобальном поле.

Вместе с тем руководители крупных ТНК, такие, например, как Р. Брэнсон, прекрасно понимают, что игнорировать проблему климата им не удается, и они решительно включились в работу. Как признает Р. Брэнсон, «это произошло не вдруг. **Более пяти лет назад мы взяли на себя обязательство сделать бизнес экологичным, так что мы поддерживали контакт с начинающими инновационными**

компаниями в этой области и следили за их разработками. Примерно в то же время Virgin Atlantic дала зарок к 2020 году сократить выбросы парниковых газов на 30 % на каждый километр. И тогда же мы пообещали найти возобновляемые источники для производства топлива для наших самолетов.

За прошедшие пять лет группа Virgin, наш фонд Green Fund и я лично вложили средства во множество подобных проектов, включая завод по производству этилового спирта в США, и в компании — пионеры на рынке биотоплива Gevo и Solazyme. Разработка экологичного авиатоплива — это длительный и сложный процесс, требуется преодолеть множество препятствий. Сначала необходимо найти исходное сырье, чтобы на его основе создать высокоэффективное топливо, затем провести испытания и получить разрешение на использование его в авиации.

Временами случаются прорывы. Так, в начале этого месяца мы объявили **о самом значительном в моей жизни достижении в этой области. Вместе с новозеландской компанией LanzaTech мы разрабатываем низкоуглеродное авиатопливо, которое поможет вдвое сократить вредные выбросы Virgin Atlantic**. Проще говоря, мы открыли перерабатывающую компанию, которая превращает дым из труб в авиатопливо»[76].

В мире происходит снижение реальной роли публичных политиков в принятии решений, которые теперь **вырабатываются специализированными экспертными структурами и осуществляются под давлением глобальных факторов**. Происходит виртуализация политики, **при которой политический процесс воспринимается обществом как телевизионная картинка.** При этом деловые качества политика отходят на задний план в сравнении с имиджевыми чертами характера, вызывающими доверие. Символические функции политики расходятся с реальным процессом принятия решений.

Политическая борьба в начале XXI в. все больше носит глобальный характер и определяется **двумя основными группировками мировой элиты — социал-либеральной и неоконсервативной**. Так, в странах Европы и Северной Америки представители правящей политической элиты принадлежат к одной из этих «глобальных партий». У них имеются две разные стратегии, два ответа на проблему исчерпания ресурсов**. Социал-либеральная стратегия предполагает стабилизацию роста,** смягчение социальных конфликтов, снижение социального расслоения, что дает определенную экономию ресурсов. **Неоконсерваторы стремятся к усилению национально-государственной субъектности, социал-либералы при прочих равных условиях предпочитают «прозрачность» государственных границ и государственных структур** для управления извне, из транснациональных центров. Неоконсерваторы склонны разрушать низовые социальные нерыночные отношения и укреплять бюрократическую машину национального государства. Социал-либералы предпочитают укреплять глобальные вненациональные структуры управления, но и более терпимы к остаткам социального государства[77].

Следует особо подчеркнуть роль возникших у ТНК структур «паблик рилейшнз» (PR) для влияния на политику, общество и экономику. Как отмечает М. Маслов, «…власть в XXI веке будет, на наш взгляд, в первую очередь оцениваться силой и широтой распространения технологий отношения с общественностью, технологий социального контроля, то есть технологий „паблик рилейшнз“, управляющих культурой влияния на человека. А это, естественно, будет показывать и роль интеллекта, востребованного властью.

Существует более 470 определений, данных „ПР“ различными специалистами в области общественных связей. Автор исследования придерживается определения „паблик рилейшнз“, данного Английским институтом общественных отношений: ПР — это „планируемые продолжительные усилия, направленные на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и общественностью“.

При этом общепризнанной периодизации истории развития связей с общественностью пока не существует. Нам же представляется уместным привести здесь схему эволюции связей с общественностью, предложенную одним из величайших практиков ПР — основателем агентства „Берсон–Марстеллер“ („Burson–Marsteller“), американцем Харольдом Берсоном, который предложил разделить всю историю корпоративных связей с общественностью на три этапа, обозначив каждый этап одним коротким вопросом, имевшим наибольшую актуальность в данный период времени.

Первый этап — от начала нашего столетия и вплоть до конца 50-х — начала 60-х годов, Берсон охарактеризовал вопросом: „ Как сказать?“ По его мнению, в это время, в первую очередь, ощущалась нужда и желание донести до общественности посредством пресс-релиза некое решение или действие руководителя компании. Соответственно, ключевая проблема заключалась в том, чтобы облечь слова в правильную форму.

С развитием ПР в начале 60-х годов в практике работы специалистов по связям с общественностью наступили серьезные перемены — начался второй этап развития профессии. Новый вопрос: „Что сказать?“, отразил наметившееся желание представителей бизнеса перейти от элементов пропаганды к двустороннему общению с потребителем, клиентом, вступить с ним в диалог.

С середины 80-х годов, связи с общественностью занимают достойное место на самом верху иерархической пирамиды бизнеса и становятся неотъемлемой частью процесса принятия решений.

Специалисты по ПР входят в советы директоров большинства крупных компаний и получают воз-

можность оказывать прямое воздействие на формирование их политики. Даже сами „паблик рилейшнз" все чаще обозначаются как „управление репутацией". Новым вопросом на повестке дня становится, по мнению Берсона, классическое: „Что делать?"»[78].

Можно рассмотреть действия ТНК по борьбе с изменением климата на примере «British Petroleum»/«Бритиш Петролеум», одной из крупнейших нефтяных компаний мира и ведущих глобальных ТНК, которая ведет активный бизнес и в нашей стране, являясь совладельцем совместной российско-британской компании «ТНК–ВР».

Парадокс заключается в том, что углеродная энергетика, символом которой являются компании, подобные «British Petroleum», остается элементом индустриальной эпохи в условиях новой постиндустриальной цивилизации, формирующейся на базе наиболее развитых стран мира, население которых предъявляет все большие требования к качеству жизни. Среди подобных требований — не только максимальная предсказуемость мирового политического процесса, стабильность мировой финансовой системы, но и возможно более точный прогноз глобальных и региональных климатических изменений, их социальных последствий, общее снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Остроту проблемы вновь высветила экологическая катастрофа, вызванная взрывом одной из платформ «British Petroleum» в Мексиканском заливе.

Тем не менее, «ВР получила общественное признание как первая крупная нефтяная компания, заявившая о необходимости принятия превентивных мер для решения проблемы изменения климата. Позиция компании в этой области заключается в шести основных пунктах:

1. ВР признает, что потепление климатической системы — это неоспоримый факт, и существует большая вероятность того, что оно вызвано деятельностью человека. Во избежание опасных последствий изменения климата рост температуры должен быть ограничен двумя-тремя градусами выше уровня в доиндустриальный период.
2. Проблема изменения климата — глобальная проблема. Для ее решения необходимо сотрудничество всех стран, всех отраслей экономики, всех слоев общества.
3. Перед правительствами стран стоит задача — принимать трудные решения, чтобы найти баланс между необходимостью борьбы с изменением климата и обеспечением энергетической безопасности. Необходимые перемены могут быть достигнуты только путем правительственных решений, направленных на сокращение выбросов и стимулирование низкоуглеродных технологий.
4. Ключевая роль отводится энергоэффективности. Серьезное сокращение потребления энергоресурсов и вредных выбросов может быть достигнуто за счет технических новшеств, изменения поведения и правильной политики. Часто этого можно добиться без существенных затрат.
5. Проблема изменения климата требует инновационного подхода. По некоторым существующим технологиям, например, улавливания и захоронения CO_2, нам предстоит совершить быстрый переход от экспериментальной стадии к этапу полномасштабного внедрения.
6. В 2002 г. компания ВР заявила, что любой прирост выбросов парниковых газов в результате ее операционной деятельности к 2012 г. будет меньше сокращения от выбросов от низкоуглеродных продуктов. Данные 2001 г. были приняты как исходные»[79].

В компании пришли к выводу, что увязка производственной деятельности с работой в сфере производства энергии с низким уровнем выбросов уже не приносит пользу для сокращения выбросов на уровне отдельного предприятия. В ВР приняли решение управлять выбросами парниковых газов в рамках общей системы управления и мониторинга, от каждого производства требуется проведение оценки количества выбросов, а также внедрение наиболее передовых технологий. ВР улучшили свой метод учета стоимости углерода в процессе оптимизации инженерного проектирования. ВР отслеживает показатель своих производственных выбросов в сравнении с данными других процессов. Также ВР инвестирует значительные средства в технологии альтернативной энергии.

ВР принимает меры по борьбе с изменения климата по пяти основным направлениям:

— эффективная производственная деятельность. ВР продолжает начатые уже более 10 лет назад усилия по управлению производственными выбросами парниковых газов, для чего использует «умную» автоматику, которая уменьшает утечки и улучшает процесс закачивания скважин с целью сократить сжигание газа.
— ВР старается сотрудничать с производителями автомобилей и оборудования для повышения общей эффективности использования топлива и смазочных материалов. Оно создало топливо «Ultimate», которое продается уже в 18 странах, в том числе в России. В Германии ВР продает мазут с низким содержанием серы.
— ВР уделяет много внимания проектам альтернативой энергии и энергии с низким уровнем выбросов. С 2005 года ВР инвестировала свыше 2,9 млрд долларов в низкоулеродные энергопроекты. К 2015 году ВР обязалось направить на эти цели 8 млрд долларов.
— ВР участвует в дебатах о политике в сфере изменения климата. ВР поддерживает принятие политического решения об установлении цены на углерод.
— ВР старается оказывать финансовую поддержку и принимать участие в исследованиях развития

отрасли в будущем, как в сфере технологий, так и в сфере политике.

BP является основателем Института энергетических технологий, ежегодно этому учреждению выделяется до 5 млн фунтов стерлингов[80].

Таким образом, опыт «ТНК–BP» важен с точки зрения формирования модели трансфера в Россию наиболее передовых «зеленых» технологий в топливно-энергетическом комплексе, в том числе в контексте модернизации российской технологической базы и экономики в целом. Представляется, что активная поддержка Россией инициатив наиболее развитых стран мира по снижению выбросов парниковых газов во многом представляет собой предложение о существенном технологическом и инвестиционном участии в подобных совместных проектах, в том числе в области энергоэффективности.

Рядом крупных российских компаний были также приняты собственные корпоративные программы энергосбережения и экономии топливно-энергетических ресурсов. Такие программы реализуются в ОАО «Газпром» и крупнейших российских нефтяных, угольных и промышленных компаниях, некоторые из которых также входят в число ведущих в мире в своих отраслях. Причем, ОАО «Газпром» во многом является уникальной компанией и на глобальном уровне с учетом доли углеводородных ресурсов, которые он контролирует.

Так, например:

В ОАО «Газпром» проведена инвентаризация выбросов парниковых газов на предприятиях компании, создан реестр выбросов, реализуется план технических мероприятий по сокращению объемов выбросов парниковых газов на период 2008–2012 гг.[81].

В нефтяной компании «Лукойл» приняты корпоративная концепция и комплексный план планирования производственной деятельности компании на основе положений Киотского протокола, разработаны стандарты компании по системе управления выбросами парниковых газов по всем предприятиям компании за 1990–2006 гг.[82].

В компании «Норильский никель» проведена инвентаризация выбросов парниковых газов в Заполярном филиале Компании за 1990–2005 гг., разработан автоматизированный комплекс «Информационно-аналитическая система инвентаризации и мониторинга выбросов парниковых газов» и выполнена прогнозная оценка выбросов до 2015 года[83].

В реструктурированной в 2008 г. компании РАО «ЕЭС России» выполнена инвентаризация выбросов парниковых газов за 1990–2004 гг. в 77 региональных энергокомпаниях, создана система мониторинга выбросов парниковых газов, включая систему учета и отчетности[84].

В ОАО «Русал» проведена инвентаризация выбросов парниковых газов на одном из предприятий компании, планируется ее выполнить на всех предприятиях, принадлежащих компании[85].

В ОАО «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат» выполнена инвентаризация выбросов парниковых газов, разработана программа для автоматизированного расчета выбросов. Кроме того, следует отметить высокие экологические стандарты и требования Архангельского ЦБК. В частности, на предприятии принята специальная климатическая стратегия, включающая в себя добровольные обязательства по ограничению выбросов парниковых газов на период до 2012 г., выполнение которых тщательно отслеживается[86].

В 2007 г. ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии» заявил о своей поддержке глобальной инициативы Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) по уменьшению вредных выбросов в атмосферу, которая предусматривает сокращение потребления топлива в гражданской авиации к 2020 г. на 25 %, а к 2050 г. — достижение нулевого уровня выбросов углекислого газа.

В рамках специальной программы «Аэрофлот» уже усовершенствовал систему экологического управления и производственного экологического контроля. Система призвана следить за соблюдением нормативов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и лимитов на размещение отходов, а также выполнением требований природоохранного законодательства.

За последние годы объем вредных выбросов самолетов «Аэрофлота» в атмосферу снижен за счет модернизации и перехода на современную технику. Этому же способствует действующая программа экономии топлива, в рамках которой в 2006 г. удельный расход авиакеросина уменьшен на 3 грамма/ткм, а часовой расход топлива уменьшен на 46 тонн в час[87].

Таким образом, крупнейшие отечественные и зарубежные компании, понимают свою долю ответственности в контексте проблемы климатических изменений, несмотря на то, что зачастую являются основой той самой углеродной экономики, которая считается сторонниками теории «парникового эффекта» виновницей ускорения глобального потепления. Даже с учетом подобного парадокса любые усилия бизнеса по снижению нагрузки на окружающую среду и инвестиции в технологическую модернизацию следует приветствовать.

В то же время представляется, что ведущие компании мирового ТЭК не заинтересованы в очень быстром переходе к низкоуглеродной энергетике, поскольку являются основными выгодоприобретателями от торговли углеводородами. Тоже, кстати, можно сказать и об отечественном нефтегазовом секторе.

С другой стороны, на сегодняшний день ведущие мировые ТНК, в том числе в области ТЭК, по всей видимости, начали подготовку к постуглеродной, прежде всего, постнефтяной эре, рассчитывая стать обладателями основных ноу-хау, связанных с энергетическими технологиями будущего. Однако, проследить подобный процесс достаточно сложно, так как зачастую он идет опосредованно без лишней огласки.

6. Проблема изменения климата в качестве локомотива смены технологической парадигмы и формирования новой модели роста (на примере ЕС)

Сейчас стало очевидно, что необходимо перейти к новой модели развития — социоэкоразвитию[88].
М. Маслов

Представляется, что развитые страны мира взяли курс на ликвидацию последнего элемента, который существенным образом связывает их постиндустриальную экономику и общество с индустриальной эпохой в лице невозобновляемых источников энергии. В сущности, зависимость наиболее развитых государств от стран второго и третьего мира на сегодняшний день является критической только в вопросах невозобновляемых энергоносителей, прежде всего нефти.

Полная смена энергетической технологической парадигмы сделает сообщество наиболее развитых стран полностью автономным в геополитическом плане и существенно усилит его влияние на принятие ключевых решений для будущего всего человечества. К числу наиболее развитых стран мира относятся, прежде всего, страны Запада, Европейско-североамериканской цивилизации, включая США и ЕС, а также азиатские союзники США — Япония и с некоторыми оговорками — Южная Корея и Тайвань. Различия в позициях по выработке климатической политике на глобальном уровне в рамках этого сообщества государств, например между США и ЕС, не следует переоценивать. Представляется, что США, которые по-прежнему остаются наиболее влиятельной на глобальном уровне страной мира, стремятся сохранить за собой максимальную свободу маневра и в этих вопросах.

Подобное развитие событий напрямую касается нашей страны с учетом того, что экспорт невозобновляемых топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) обеспечивает на сегодняшний день более половины бюджетных поступлений. Значительная часть российского экспорта энергоносителей, прежде всего нефти и газа приходится на ЕС, который пока остается главным потребителем наших (ТЭР). В то же время важно осознавать, что зависимость ЕС от поставок энергоносителей из нашей страны, составляющая не менее одной трети от нынешних потребностей Евросоюза, в принципе не является критической и в условиях форсированного развития ВИЭ, в том числе альтернативной энергетики может быть существенным образом снижена. При этом переориентация наших поставок невозобновляемых ТЭР на Китай не будет оптимальным решением проблемы, поскольку КНР на сегодняшний день не является источником наиболее передовых технологий будущего, в отличие от Запада, в том числе ЕС, а также Японии.

На уровне Евросоюза уже принят целый комплекс нормативно-правовых актов, которые направлены на активное внедрение новых энергоэффективных технологий на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ), в том числе альтернативных. Там же в наибольшей степени разработаны и правовые механизмы, например, экологической ответственности (табл. 1)[89].

Наблюдается постоянный рост доли ВИЭ в перспективном энергетическом балансе. Так, согласно Электрической директиве ЕС, возобновляемые источники энергии до 2020 г. должны были составить 12,5 % всего выработанного электричества. Одна только энергия на основе биомассы должна составить до 2020 года около 5,75 %.

Табл. 1. Возможная сфера охвата режима экологической ответственности на уровне Европейского сообщества

Вид деятельности	Режим ответственности	Вид ущерба
Опасные и потенциально опасные виды деятельности, регулируемые соответствующим законодательством ЕС	строгая ответственность	традиционный ущерб (ущерб жизни и здоровью и имуществу)
Опасные и потенциально опасные виды деятельности, регулируемые соответствующим законодательством ЕС	строгая ответственность	загрязненные территории
Опасные и потенциально опасные виды деятельности, регулируемые соответствующим законодательством ЕС	строгая ответственность	ущерб биоразнообразию (охраняемые природные ресурсы в местах Natura 2000)
Виды деятельности, не относящиеся к опасным	ответственность на основе вины	ущерб биоразнообразию (охраняемые природные ресурсы в местах Natura 2000)

В марте 2007 г. лидеры стран ЕС в рамках конференции по климату и энергетике утвердили решение, согласно которому до 2020 г. 18 % всей энергии должно быть выработано с использованием ВИЭ[90].

25 июня 2009 г. вместе с климатическим и энергетическим пакетом вступила в силу директива ЕС, направленная на содействие развитию ВИЭ. Она предусматривает уже 20 % участия ВИЭ в процессе производства энергии в ЕС. Это первый акт, положения которого обязательны для выполнения всеми членами ЕС, регулирующий три сектора ВИЭ: ток, тепло/холод, транспорт. Директива содержит ясно заданные величины, чтобы создать одинаковые подходящие условия для внедрения возобновляемых источников энергии во всех секторах.

До 30 июня 2010 г. все государства ЕС должны представить специальной комиссии планы действий и будущих мероприятий (т. н. дорожную карту).

Лидер новой энергетической политики ЕС, которая является продолжением климатической политики, — Германия. Именно в этот период Европейский Союз принял решение об увеличении доли использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) всеми членами ЕС до 20 % от общего объема энергопотребления. Последовавшая за этим решением новая редакция немецкого Закона о возобновляемых источниках энергии 2008 г. имеет цель увеличить доли ветра, воды, солнечной и геотермальных видов энергии в производстве электроэнергии в ФРГ минимум до 12,5 % до конца 2010 г. (в 2020 до 30 %). До 2020 г. на эти нужды потребуется более 200 млрд евроинвестиций[91].

Конкретные шаги, которые Евросоюз и ведущие, члены «Группы восьми» предпринимают по формированию новой технологической парадигмы, свидетельствуют в пользу того, что данный процесс в неразрывной взаимосвязи с намерением сократить собственные выбросы парниковых газов на 80 % к 2050 г.

Представляется, что руководство наиболее развитых стран мира, прежде всего ЕС и его ведущих государств, увидело в «энергетической революции» новый источник роста собственной экономики и занятости своего населения. Этот источник роста в развитых странах должен прийти на смену военно-промышленному комплексу времен «холодной войны», который сыграл выдающуюся роль в появлении большинства наиболее передовых современных постиндустриальных технологий, включая информационные и биотехнологии, в рамках разработок двойного назначения. Однако в условиях глобализации этот источник технологического развития утратил значительную долю своей целесообразности и общественной легитимности.

Попытка разгонки мировой экономики через инвестиции и перенос производства крупнейшими мировыми ТНК, связанными с наиболее развитыми странами, в Юго-Восточную Азию, прежде всего в Китай, экономическое освоение Восточной Европы, явно натолкнулась на свои пределы — глобальные диспропорции социального развития, а соответственно и потребительского спроса, что со всей очевидностью вновь продемонстрировал текущей мировой финансово-экономический кризис.

Представляется справедливым замечание экономиста М. Делягина, что развитый мир и прежде всего ЕС принял стратегическое решение нерыночного характера, позволяющее, тем не менее, легитимировать и осуществить масштабные бюджетные вливания в науку, промышленный сектор и экономику в целом[92]. Проблема заключается в том, что в условиях ограниченности наших финансовых ресурсов, архаичности технологической базы, сырьевой зависимости бюджета, массового выезда ученых за рубеж и инерции неолиберальных подходов в управлении экономикой очень трудно принять подобные, если не более смелые и нестандартные решения на государственном уровне, обеспечивающие технологический и социально-экономический рывок.

Таким образом, нам необходимо настойчиво искать новую формулу во взаимоотношениях с сообществом наиболее развитых стран, что позволило бы и России на выгодных условиях вписаться в этот цивилизационный контекст будущего. С другой стороны, думается, что у нас есть в запасе не более 15–20 лет для того, чтобы слезть с «сырьевой иглы», поскольку в подобной временной перспективе мы можем столкнуться с резким падением значения невозобновляемых ТЭР в принципе, особенно если будет сделан дешевый автомобильный двигатель не на бензиновой основе.

7. Позиция США после 2009 года

Мы покажем всему миру, что Америка готова быть лидером[93].
*Б. Обам*а

С приходом Б. Обамы позиция США в отношении Киотского протокола резко, даже принципиально изменилась по сравнению с позицией администрацией Дж. Буша. Еще в январе 2009 года, за год до Конференции ООН в Копенгагене, Б. Обама заявил, что «США станут мировым лидером в области изменения климата».

Государственный секретарь Хиллари Клинтон тем временем выбрала ветерана Киотского протокола в качестве доверенного лица в переговорах по вопро-

сам изменения климата. Т. Штерн, ранее работавший в Администрации Клинтона, принимал участие в переговорах по Киотскому протоколу в период с 1997 по 1999 годы, прежде чем стать советником секретаря Казначейства в период с 1999 по 2001 год. Буш отверг Киотский протокол в 2001 году, объяснив, что это нанесет ущерб экономике США.

«Мы покажем всему миру, что Америка готова быть лидером», — заявил Обама, явно противопоставляя свою политику политике бывшего президента Дж. Буша, не желавшего взять на себя контроль над международной работой по борьбе с изменениями климата. «В целях защиты нашего климата и нашей коллективной безопасности мы должны призвать **к действительно глобальной коалиции»**, — сказал президент на церемонии в Белом доме.

Обама подписал меморандум, стимулирующий автомобильную промышленность США, находящуюся сейчас в тяжелом положении, разработать новые топливосберегающие транспортные средства, чтобы уменьшить зависимость США от источников энергии и оживить американскую экономику.

«Моя администрация не будет отрицать факты — мы будем руководствоваться ими», — заявил Обама: Обама потребовал от Агентства по охране окружающей среды решения по поводу того, стоит ли дать штату Калифорния разрешение на самостоятельное регулирование количества автомобильных выбросов, которые способствуют изменению климата.

Обама поручил Департаменту транспорта подготовить требования к автопроизводителям по достижению среднего уровня расхода топлива американских автомобилей — 35 миль на галлон к 2020 году. В целом, реакция со стороны «большой тройки» автогигантов была позитивной. Однако в сегодняшней ситуации некоторые автопроизводители напрямую зависят от правительственных денег.

General Motors заявил, что «усиленно работает над созданием продуктов и передовых технологий, которые отвечают национальным и потребительским приоритетам для экономии энергии и сокращения выбросов», и готов работать вместе с Обамой и Конгрессом. Альянс автомобильных производителей, в чьи ряды входят, в том числе Ford и Chrysler, также заявил, что готов сотрудничать с Администрацией.

Обама не только пообещал действовать в США, но и обратится к гигантским развивающимся экономикам, чтобы они сыграли свою роль в ограничении выбросов парниковых газов. «Я дал ясно понять, что мы будем действовать, но так же необходимо действовать и всему миру»[94].

---

1 Этот раздел подготовлен в соавторстве с аспиранткой кафедры дипломатии МГИМО(У) Русаковой Ю. А.

2 *Киселев С.* Трубный яд // Независимая газета. 2011. 22 сентября. С. 5.

3 *Лавров С. В.* Российская дипломатия в меняющемся мире // *Лавров С. В.* Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 107.

4 Цит. по: Отчет о НИР по теме: Оценка реализации климатической доктрины Российской Федерации и принципов устойчивого развития. Основные вызовы, угрозы и возможности. М.: МГИМО(У), 2011. Декабрь. С. 77, 79, 81.

5 *Макаров И. А.* «Двойной дивиденд» вместо глобального альтруизма // Независимая газета. 2011. 4 августа.

6 *Халин Ю.* Арктическая аномалия превратилась в дыру // Независимая газета. 2011. 26 октября. С. 15.

7 *Макаров И. А.* «Двойной дивиденд» вместо глобального альтруизма // Независимая газета. 2011. 4 августа.

8 За последние 10 лет страны-члены БРИКС увеличили свою долю в мировой экономике с 17,5 % до 25 %. См.: *Сарычева М.* МВФ предпочел китайский юань и бразильский реал российскому рублю // Известия. 2011. 18 октября. С. 1.

9 *Гальтунг Й.* Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. 2011. Июль–август. № 4. Т. 9. С. 11–12.

10 Там же.

11 *Торкунов А.* В. Внешнеполитическое обеспечение модернизации. В кн.: По дороге к будущему / А. В. Торкунов ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 13.

12 *Кукушкина А. В.* Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты / Предисловие И. Б. Лянгера. М.: ЛКИ, 2008. С. 5.

13 *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 247.

14 См. подробнее: International panel on climate change / Официальный сайт МГЭИК / Эл. ресурс / http://www.ipcc.ch/home_languages_main_russian.htm

15 Времени все меньше // Официальный сайт Организации Объединенных Наций / Эл. ресурс / http://www.un.org/ru/unforpeople/climate1.shtml

16 ООН признает ошибку в прогнозе//BBC Russian, 21 января 2010 г. / Эл. ресурс / http://www.bbc.co.uk/russian/lg/science/2010/01/100121_glaciers_ 2035_row.shtml

17 *Michael A. Levi.* How to Fix Climate Science Reporting, February, 24th, 2010/Council on foreign relations [Электронный ресурс] http://www.cfr.org/bios/11890

18 Там же.

19 См. подробнее: Climate Science: Roger Pielke Sr./Pielke Research Group News and Commentary [Электронный ресурс] http://pielkeclimatesci.wordpress.com/

20 Обзор деятельности Организации Объединенных Наций, касающейся изменения климата/Доклад Генерального секретаря Генеральной Ассамблее, 10 января 2008 г. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/204/48/PDF/N0820448.pdf? Open Element

[21] Secretary-General's address to UNIS-UN Conference on Climate Change New York, 1 March 2007 / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] http://www.un.org/apps/sg/sgstats.asp?nid=2462

[22] Там же.

[23] Лидеры Эфиопии и Великобритании возглавят группу по мобилизации финансовых ресурсов на борьбу с изменением климата / Центр новостей ООН, 12.02.2010 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] http://www.un.org/russian/mobile/fullstorynews.asp?newsID=13094

[24] Обзор деятельности Организации Объединенных Наций, касающейся изменения климата / Доклад Генерального секретаря Генеральной Ассамблее, 10 января 2008 г. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций / Эл. ресурс / http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/204/48/PDF/N0820448.pdf? OpenElement

[25] Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) / Официальный сайт / Эл. ресурс / http://www.unido.org/

[26] Программа ЮНЕП на 2010–2011 годы, подпрограмма 1 «Изменение климата»/ (UNEP/GC 25/12).

[27] Всемирная организация здравоохранения/Официальный сайт / Эл. ресурс / http://www.who.int/about/ru/

[28] Воздействие изменения климата на здоровье людей/Заявление Генерального директора ВОЗ, д-ра Маргарет Чен, 7 апреля 2008 г ./ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения / Эл. ресурс / http://www.who.int/mediacentre/news/statements/2008/s05/ru/print.html

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Наш будущий климат/Всемирная Метеорологическая Организация, Швейцария, 2003 / Официальный сайт Всемирной Метеорологической Организации (ВМО) / Эл. ресурс / http://www.wmo.ch/pages/themes/climate/index_ru.html

[32] Там же.

[33] Официальный сайт МАГАТЭ / Эл. ресурс / http://www.un.org/ru/ga/ iaea/

[34] Ядерная безопасность/ МАГАТЭ / Эл. ресурс / http://www.un.org/ru/development/progareas/global/nuclear.shtml

[35] *Katherine Michonski and Michael A. Levi*. Harnessing International Institutions to Address Climate Change, 2010/Council on foreign relations / Эл. ресурс / http://www.cfr.org/publication/21609/harnessing_international_institutions_to_address_climate_change.html

[36] *Торкунов А.* Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. №6. С. 45.

[37] Ключевые индикаторы результатов работы «Большой восьмерки», касающиеся вопросов глобального изменения климата / Официальный сайт «Гринпис» / Эл. ресурс / http://www.greenpeace.org/russia/ru/press/releases/1158986/1158995

[38] *Сулимов П.* Страны «Большой восьмерки» и проблемы изменения климата в мире//Мир глазами молодых // Юношеской восьмерки, 2010 / Эл. ресурс / http://j8club.ru/773

[39] Выступление Президента России Д. А. Медведева на пресс-конференции по итогам саммита «Группы восьми», Италия, Аквила, 10 июля 2009 г. / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://archive.kremlin.ru/appears/2009/07/10/1945_type63377type63380type82634_219455.shtml

[40] Там же.

[41] План действий «Группы восьми» Наука и технологии в целях устойчивого развития (Эвиан, 1–3 июня 2003 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации / Эл. ресурс / http://www.mid.ru/va_sob.nsf/b9b3 d7fa81fbad3a43256c940037088c/79bddc470fbae89743256d3c0045ed2c?OpenDocument

[42] Гленигласский план действий: изменение климата, экологически чистая энергетика и устойчивое развитие // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации / Эл. ресурс / http/www.mid.ru/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/bd02e48bfa51cb69c32573460048b375/$FILE/13

[43] Участие России в деятельности «Восьмерки» и «Двадцатки» / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации / Эл. ресурс / http://www.mid.ru/ns-g8.nsf/dvpg8

[44] Там же.

[45] *Сулимов П.* Страны «Большой восьмерки» и проблемы изменения климата в мире//Мир глазами молодых // Юношеской восьмерки, 2010 / Эл. ресурс / http://j8club.ru/773

[46] Международное сотрудничество в области энергоэффективности // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации / Эл. ресурс / http://minenergo.gov.ru/activity/energoeffektivnost/foreign/#a2

[47] Там же.

[48] *Волкова М.* Консилиум в Аквиле. Вчера лидеры ведущих стран решили, как лечить мировую экономику // Российская газета. 2009. 10 июля. №4950 (126).

[49] Выступление Президента России Д. SA. Медведева на пресс-конференции по итогам саммита «Группы восьми», Италия, Аквила, 10 июля 2009 г. / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://archive.kremlin.ru/appears/2009/07/10/1945_type63377type63380type82634_219455.shtml

[50] *Сулимов П.* Страны «Большой восьмерки» и проблемы изменения климата в мире//Мир глазами молодых // Юношеской восьмерки, 2010 / Эл. ресурс / http://j8club.ru/773

[51]]Результат встречи G20: а как же климат? / Официальный сайт «Гринпис», 3 апреля 2009 г. / Эл. ресурс / http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/g20

[52] Там же.

[53] Диалог парламентариев / изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/node/52

[54] Там же.

[55] Сиднейская декларация глав государств и правительств АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистому развитию, 8 сентября 2007 г. // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Республике Чили / Эл. ресурс / http://www.chile.mid.ru/rus/misc/apec2007–11_r.html

[56] Там же.

[57] Там же.

[58] *Торкунов А. В.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // Концепции и определения демократий: Антология. М. 2006. С. 197.

[59] HP и Всемирный фонд дикой природы инициируют программы по борьбе с изменением климата // LENTA.RU Rambler Media Group, 9 августа 2008 г. / Эл. ресурс / http://lenta.ru/news2/2007/08/09/hp/

[60] A way forward on climate change/Официальный сайт Всемирного фонда дикой природы / Эл. ресурс / www.panda.org/climate

[61] Официальный сайт Московского офиса Всемирного фонда дикой природы / Эл. ресурс / http://www.wwf.ru/about/what_we_do/climate/doc1956/page2/

[62] Климат / Официальный сайт Московского офиса Всемирного фонда дикой природы / Эл. ресурс / http://www.wwf.ru/about/what_we_do/climate

[63] Там же.

[64] Официальный сайт «Гринпис» / Эл. ресурс / http://www.greenpeace.org/russia/ru/

[65] Там же.

[66] Господа президенты, климат планеты — в ваших руках! / Официальный сайт «Гринпис», 7 июля 2009 г. / Эл. ресурс / http://www.greenpeace.org/ russia/ru/press/releases/3577005

[67] Соврамши, господин Гордон — Ответ Гринпис на передачу А. Гордона на 1 телеканале / Официальный сайт «Гринпис», 2010 / Эл. ресурс / http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/4365207/gordon

[68] Официальный сайт Оксфам [Электронный ресурс] http://www.oxfam.org

[69] Там же.

[70] Официальный сайт CAN — International / Эл. ресурс / www.climatenetwork.org

[71] Изменение климата / Эл. ресурс / www.infoclimate.org

[72] Официальный сайт организации Сеть «День Земли» / Эл. ресурс / http://www.earthday.net/programs/international/russia/default.aspx

[73] *Брэнсон Р.* Рывок к возобновляемыми источниками энергии // Независимая газета. 2011. 25 октября. С. 2.

[74] *Кочетков А. П.* Власть элиты в глобальном информационном обществе // Политические исследования. 2011. № 5. С. 13.

[75] *Делягин М.* Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2011. 27 октября.

[76] *Брэнсон Р.* Рывок к возобновляемым источниками энергии // Независимая газета. 2011. 25 октября. С. 2.

[77] *Кочетков А. П.* Власть элиты в глобальном информационном обществе // Политические исследования. 2011. № 5. С. 13.

[78] *Маслов М. А.* Публичная политика крупных корпораций США в сфере экологии. Учебное пособие. М.: МГИМО(У) МИД России, 2002. С. 61–62.

[79] Обзор устойчивого развития BP, 2008. С. 8.

[80] Там же. С. 15.

[81] См. подробнее: Газпром. Экологический отчет 2006. М. 2006. С. 52.

[82] См. подробнее: «Лукойл» подвел итоги работы по реализации корпоративной концепции планирования производственной деятельности на основе Киотского протокола / Пресс-релиз, 30.03.2009 / Эл. ресурс / http://www.lukoil.ru/press.asp?div_id=1&id=1874

[83] См. подробнее: Годовой отчет 2008 / Глава 9. Природоохранная деятельность / Эл. ресурс / http://www.nornik.ru/_upload/year2008/Chapter_9.pdf

[84] Михаил Роганков: «РАО ЕЭС может сократить выбросы парниковых газов на 20 млн тонн» // газета «Энергия России» / Эл. ресурс / http://www.rao-ees.ru/ru/news/gazeta/180–2005/show.cgi?rogan.htm

[85] Роль бизнеса в предотвращении климатических изменений / РУСАЛ. Материалы круглого стола. Красноярск, 29 октября 2007 г. / Эл. ресурс / http://www.rusal.ru/business_role.aspx

[86] Сообщения пресс-службы / Официальный сайт ОАО «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат» / Эл. ресурс / http://www.appm.ru/ press/2004/181.shtml

[87] Аэрофлот поддерживает глобальную экологическую инициативу (ИАТА) / Официальный сайт ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии» / Эл. ресурс / http://www.aeroflot.ru/press/default.aspx?ob_no=428&d_no=6969

[88] *Маслов М. А.* Публичная политика крупных корпораций США в сфере экологии. М.: МГИМО(У), 2002. С. 17.

[89] *Абалкина И. Л.* Экологическая ответственность: правовые и экономические механизмы. М.: ИСК РАН, 2002. С. 35.

[90] Europa und erneuerbare Energien / Эл. ресурс / http://www.bee-ev.de/Energiepolitik/Europa/index.php

[91] Ibidem.

[92] М. Г. Делягин о финансовом кризисе. Выступление перед студентами МГИМО(У) МИД России, 20 мая 2010 г. Видеозапись. / Эл. ресурс / www.youtube.com

[93] AFP / http://news.yahoo.com/s/afp/20090126/wl_afp/

[94] AFP: http://news.yahoo.com/s/afp/20090126/wl_afp/, uspoliticsobamaclimateenvironment_20090126221103

Глава 6

Дипломатическая деятельность Российской Федерации в решении проблем изменения климата[1]

…России пора занять свое место — место лидера — в деле борьбы с изменением климата. Именно от России зависит, удастся ли воплотить Киотский протокол в жизнь[2].
М. Грабб

… процесс активного вступления России в реализацию положений Киотского протокола все время пробуксовывал[3].
В. Горбанёв

В 90-е годы, Россия дистанцировалась от решения климатических проблем, уступив безусловное лидерство Европе. В начале нового века ситуация в мире, и в России существенно изменилась, а «острота обсуждения проблемы изменения климата… достигла своего апогея»[4]. Вступивший в силу в 2005 году Киотский протокол во многом обязан России.

Примером частного проявления системной климатической проблемы стала Арктика. Так, арктические страны располагают большими запасами энергетических ресурсов (табл. 1), поставляют на мировой рынок значительную долю энергии (Россия, Норвегия, Канада) и в то же время являются крупными загрязнителями атмосферы (особенно США и Россия)[5].

Дипломатическая деятельность России в области климата значительно активизировалась после конференции ООН в Копенгагене, но и сегодня ее вряд ли можно назвать активной. Во многом это объясняется приоритетами внутренней политики и теми негативными аспектами, которые стали следствием кризиса 2008–2011 годов. Так, известное распоряжение президента России «О климатической доктрине Российской Федерации», как и сама Доктрина, была принята 17 декабря 2009 года[6], а комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года — только 25 апреля 2011 года, то есть почти через полтора года[7].

При этом на 2011–2012 годы в этом плане были указаны меры по разработке информационной, научной, социально-экономической политики в области климата, а комплексные меры по минимизации последствий — отнесены на весь период до 2020 года, включая и мероприятия по модернизации, внедрению инновационных процессов и собственно ограничению выбросов парниковых газов. Особый упор был сделан на энергосбережении и внедрению энергоэффективных источников.

Табл. 1. Энергоэкологические показатели стран Арктики

Страны	Потребление энергии, 2008		Чистый импорт энергии в потреблении 2008	Выбросы CO_2, 2007		В % и к миру	
	млн т.п.э.	На душу населения, т. п.э.		млн т	На душу населения, т	Потребление энергии	Выбросы CO_2
Россия	686,8	4,838	–83	1531,6	10,8	6,04	5,00
США	2383,7	7503	25	5832,2	19,3	20,03	19,03
Канада	266,8	8,008	–42	556,9	16,9	2,2	1,82
Норвегия	29,7	6,222	–640	42,7	9,1	0,25	0,14
Швеция	49,6	5,514	33	49,2	5,9	0,42	0,16
Финляндия	31,7	6,635	53	64,1	3,6	0,27	0,21
Всего страны Арктики	3448,3	6857	–5,3	8076,7	16,1	29,2	26,35
Мир	11 899,4	1835		30 649,4	4,6	100	100

Источник: World Development Indicators.2011. Washington: The World Bank, 2011. P. 150–154.

Причин для такой «пробуксовки» было несколько. Прежде всего, как считали ряд российских ученых, — слабое научное обоснование. Как заявил президент РАН Ю. Осипов на встрече с президентом России Д. Медведевым, «мы обсуждали Киотский протокол, наша точка зрения состояла в том, что должного научного обоснования под Киотским протоколом нет»[8]. На обсуждении И. Назаров, Ю. Израэль и их коллеги обращали внимание на ключевое положение Киотского протокола о том, что «необходимо добиться стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере. При этом назван уровень, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему и позволял не ставить под угрозу экономическое развитие.

Российские оппоненты протокола отмечали, что не проведено научные исследования, которые позволили бы понять и определить:

— какой конкретно уровень концентрации парниковых газов в атмосфере не приведет к опасному антропогенному воздействию на климатическую систему;
— какой должна быть скорость приближения к этому уровню, чтобы экосистемы могли бы адаптироваться к изменению климата и не возникла бы угроза экономическому развитию.

Кроме того, расчеты, проведенные российскими учеными, показали, что реалистический прогноз эффективности протокола в отношении сокращения парниковых газов практически нулевой. По их мнению, результативность протокола существенно снижается из-за того, что ограничения накладываются только на развитые страны, а развивающиеся, в том числе Китай и Индия, остаются вне обязательств. Многие ученые полагают, что нет прямых доказательств того, что парниковые газы вообще провоцируют повышение температуры атмосферы»[9].

Вместе с тем другие ученые, ссылаясь на оценки Программы по окружающей среде ООН (ИПЕР), полагали еще в начале первого десятилетия, что ущерб стран бывшего СССР от изменения климата может составить до 20 млрд долл. в год, а собственно Россия — до 10 млрд долл.[10].

Они, в частности, ссылались и на экономическую сторону вопроса. Киотский протокол берет за точку отсчета 1990 год, когда российские выбросы в атмосферу были максимальны. Действительно, вплоть до 2011 года промышленность России не достигла уровня промышленности РСФСР 1990 года, что изначально давало России значительный запас, а кроме того, позволяла участвовать в международных программах и влиять на международную повестку дня.

Следует отметить, что вплоть до самого последнего времени экологическое законодательство России существенно отставало от потребностей. Как заметила еще в 2001 году И. Игнатьева, «по Конституции Российской Федерации земельное, водное, лепное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды, так же, как и вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей относятся к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Соответственно экологическое законодательство создано и развивается как на федеральном, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Есть проблемы, которые необходимо разрешить в экологическом законодательстве субъектов Российской Федерации: дублирование правовых норм федеральных актов, противоречие федеральному законодательству, отсутствие учета природных и иных специфических факторов, присущих конкретному региону.

Анализ действующего экологического законодательства приводит к выводу, что оно **не является, к сожалению, совершенным**. Темпы развития законодательства остаются низкими, в результате чего

в экологическом законодательстве России не устраняются выявленные в процессе правоприменения юридические коллизии, пробелы; некоторые законодательные акты в течение нескольких лет продолжают отсылать субъектов экологических отношений к нормативным правовым актам, которые должны быть разработаны, или к актам, в которых нет необходимой информации (Водный кодекс, Федеральный закон „О животном мире", Лесной кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации и др.). Одновременно остаются практически неурегулированными такие аспекты отношений в сфере взаимодействия общества и природы, как обеспечение экологической информацией, экологическое страхование и использование соответствующих фондов, экологический аудит, формирование экологической культуры, или шире — экологического сознания»[11].

С тех пор были приняты Экологические и Климатические доктрины, ряд законов и нормативных документов, которые обозначили развитие экологической политики страны. Частных примеров вполне достаточно, но они до сих пор выпадают из системной политики. Так, если во времена СССР в стране посадили более 140 тыс. гектаров защитных лесов, то в последние годы объем сократился до 7 тыс. гектаров, а в некоторых областях (Астраханской, Тамбовской) прекратилось вообще. Лишь в 2011 году впервые были выделено около 2 млрд рублей средств из федерального бюджета на создание 30 лесосеменных центров[12].

Эти факторы, безусловно, повлияли на дальнейшую политику России, но представляется, что главным все-таки стал общий вектор активизации внешней политики страны, который стал формироваться еще в первой президентский срок В. Путина и выход России из первого этапа системного кризиса, который в международной области характеризовался освобождением ее от внешней финансово-экономической и политической зависимости.

1. Участие России в мировой климатической политике

Климатическим переговорам в ООН сейчас нужен лидер, тот, кто приведет их к успеху своей активностью. В условиях, когда Китай, США и ЕС по разным причинам не способны стать лидерами, на эту роль претендовать может лишь Россия[13].

В. Сливак,
соцпредседатель «Экозащиты», 2010 г.

Изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI века, которая выходит за рамки научной проблемы и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации[14].

Климатическая доктрина
Российской Федерации

Следует изначально отметить, что в течение многих лет, вплоть до ратификации Киотского протокола, российская дипломатия занимала достаточно пассивную позицию по вопросам климата. Основная причина — развал СССР и последовавшей за этим системный кризис в России. Как считает ряд авторов, «после распада СССР и всей социалистической системы гидрометеорологическая ведомственная принадлежность РКИК по наследству досталась и странам бывшего СССР и ряду восточноевропейских стран, Монголии и даже некоторым африканским странам, находившимся тогда под сильным влиянием СССР. Увы, это сослужило им не самую лучшую службу. У этих относительно слабых ведомств, выполняющих совершенно иную главную задачу — прогноз погоды, не было ни опыта ведения переговоров, ни средств для посылки серьезных делегаций, ни влияния внутри своих стран. Поэтому **за делегациями России и некоторых стран бывшего СССР закрепилась „слава" неумелых новичков, постоянно жалующихся на отсутствие средств и сил**. Обычным явлением было зачитывание заранее заготовленного текста, не связанного с обсуждающимся в зале вопросом, причем часто с грубыми ошибками. Много раз представители Росгидромета под сдержанные улыбки присутствующих жаловались на трудности с чтением документов на английском языке.

Наконец, в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро) была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН). Конвенция закрепила общие рамочные принципы сотрудничества для предотвращения изменений климата. От России Конвенцию должен был подписывать глава российской делегации вице-президент А. Руцкой, но по техническим причинам он поручил это сделать заместителю главы делегации министру экологии и природопользования В. Данилову-Данильяну.

Конвенция удивительно быстро, уже к декабрю 1992 г., набрала требующиеся для вступления в силу ратификационные грамоты 50 стран. В Женеве заработал Секретариат, и началась проработка

практических обязательств стран-участниц. Число стран, ратифицировавших РКИК нарастало, а России в их числе не было. Наконец, в 1994 г. дело удалось довести до Государственной Думы, где Закон о ратификации был принят фактически без обсуждения. Во многом это произошло благодаря усилиям известного полярника вице-спикера Государственной Думы А. Чилингарова, лично убеждавшего депутатов, что изменение климата — это не „буржуазная пропаганда". **С 1994 г. и по настоящее время** (это писалось до ратификации в 2004 году Россией Киотского протокола. — *А. П.*) **именно этот закон, состоящий фактически из одного параграфа, — ратифицировать РКИК, является единственным российским правовым документом по проблеме парниковых газов»**[15].

Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК ООН) 4 ноября 1994 г. (Федеральный закон от 4 ноября 1994 г. № 34 «О ратификации Рамочной конвенции ООН об изменении климата»), а Киотский протокол к Конвенции — в 2004 г. (Федеральный закон от 4 ноября 2004 г. № 128 «О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата»). В результате ратификации Россией условия вступления протокола в действие, предусмотренные его статьей 25, были выполнены, и 16 февраля 2005 г. Киотский протокол вступил в силу.

Основная задача Российской Федерации по Киотскому протоколу — не превысить в среднем в 2008–2012 гг. уровень выбросов парниковых газов базового 1990 года. Несмотря на возобновление роста экономики, начиная с 1999 года общий уровень антропогенных выбросов парниковых газов в России в настоящее время на 30 % ниже, чем в 1990 году. Поэтому количественные обязательства по ограничению выбросов парниковых газов в первый период действия Киотского протокола Россия выполнит, даже не прибегая к каким-либо специальным мерам.

Вместе с тем, по мнению МГЭИК[16], для стабилизации глобального климата развитые страны должны к 2020 году сократить свои выбросы ПГ на 25–40 % ниже уровня 1990 года, развивающиеся — снизить свои выбросы по сравнению с базовыми сценариями, а в глобальном масштабе эмиссии должны снизиться более чем на 50 % к 2050 году.

Накануне и в ходе копенгагенской встречи многие страны (из числа как развитых, так и развивающихся) заявили о наращивании сокращений выбросов ПГ, и уже одно это стало немаловажным результатом конференции. Наиболее масштабные сокращения обещал Евросоюз, подтвердив намерение блока сократить эмиссии ПГ в 1990–2020 гг. на 20 % и на 30 % — в случае достижения соглашения в Копенгагене. При этом Евросоюз готов пойти на 80–95 % сокращения к 2050 г. — и это на фоне того, что его выбросы CO_2 составляют лишь 10 % от общемировых. Самые амбициозные планы у Норвегии и Германии, которые обязались сократить свои выбросы к 2020 г. на 40 % против 1990 г. Осенью 2009 г. новое правительство Японии во главе с премьер-министром Ю. Хатоямой объявило о готовности сократить свои выбросы на 25 % к 2020 году по сравнению с 1990 г. На 25 % сокращения к 2020 г. по сравнению с 1990 г. готова пойти Россия, на 20 % сокращения — Новая Зеландия, Украина, Канада (по сравнению с 2006 г.)[17].

Тем не менее, разработка и осуществление мер по ограничению и сокращению антропогенных выбросов парниковых газов в России, безусловно, необходимы. Во-первых, поэтапное разумное введение мер государственного регулирования выбросов парниковых газов, вне зависимости от Киотского протокола, будет способствовать внедрению более прогрессивных и эффективных энерго- и ресурсосберегающих технологий, что в любом случае будет экономически выгодным для страны и приведет к дополнительному росту валового внутреннего продукта. Во-вторых, стимулирование предприятий к сокращению выбросов даст России возможность достичь дополнительных сокращений, которыми страна и ее отдельные предприятия смогут оперировать в качестве продавцов на международном рынке единиц установленных количеств и единиц сокращенных выбросов. И, наконец, России приходится задумываться о будущем, поскольку она является полноправным участником переговоров о новом международном режиме регулирования выбросов парниковых газов после 2012 года.

Осознавая это, Российская Федерация, в соответствии с основными принципами и положениями РКИК ООН и Киотского протокола, разрабатывает свою национальную политику по предотвращению климатических изменений и их негативных последствий, а также по ограничению и сокращению антропогенных выбросов и увеличению поглощения парниковых газов.

В 2006 г. Российская Федерация представила в Секретариат РКИК ООН два важных документа: «Четвертое национальное сообщение Российской Федерации» и «Доклад об очевидном прогрессе в выполнении обязательств Российской Федерации по Киотскому протоколу». В этих двух документах представлена детальная информация по реализуемым в России политике и мерам в области изменения климата. В частности, описаны национальные условия, имеющие отношение к выбросам и абсорбции парниковых газов, дана информация по российской макроэкономической и структурной политике, данные по отраслевой политике и инициативах субъектов Российской Федерации, приводится информация о реализации различных мер в области снижения негативного антропогенного воздействия на климатическую систему на федеральном, региональном и секторальном уровнях (крупные отраслевые предприятия — ОАО «Газпром», РАО «ЕЭС России»).

В период 2007–2009 гг. был принят ряд правительственных нормативных актов, направленных на

дальнейшую реализацию мер в области смягчения изменения климата и адаптации к климатическим изменениям, в том числе:

— Указ Президента России от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики»;
— Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года;
— Постановление Правительства России № 1-р от 8 января 2009 г. «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергоэффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года»;
— Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год;
— Климатическая доктрина Российской Федерации, которая в апреле 2008 года была одобрена российским правительством и утверждена Президентом Российской Федерации в декабре 2009 г.

В ноябре 2009 года Президент России Д. Медведев подписал Федеральный закон об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности[18]. Этот закон регулирует отношения по энергосбережению и повышению энергетической эффективности. Он, в частности, устанавливает требования по обязательному коммерческому учету энергоресурсов, по энергетической эффективности новых зданий, по сокращению бюджетных расходов на приобретение энергетических ресурсов, а также по содержанию общего имущества многоквартирных домов в отношении показателей энергетической эффективности.

Кроме того, закон предусматривает введение для наиболее энергоемких организаций обязанности по проведению энергетических обследований, учреждение программ по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в бюджетной сфере, введение в гражданский оборот энергосервисных контрактов, переход к долгосрочному тарифному регулированию и создание единой (межведомственной) информационно-аналитической системы по энергетической эффективности.

По словам А. Дворковича, помощника Президента РФ: «Фактически закон создает набор инструментов, которые будут использоваться органами государственной власти, регионами, муниципалитетами, частными компаниями и людьми, чтобы более эффективно расходовать энергию: делать это, с одной стороны, экономно, а, с другой стороны, так, чтобы получать необходимые услуги, затрачивая меньше средств, чем если бы все продолжали вести себя так, как ведут сейчас — то есть неэффективно и неэкономно»[19].

2. Климатическая доктрина Российской Федерации (декабрь 2009 г.)

…Доктрина представляет собой систему взглядов на цель, принципы, содержание и пути реализации единой государственной политики Российской Федерации внутри страны и на международной арене по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями…[20].

Климатическая доктрина Российской Федерации

Климатическая доктрина Российской Федерации была утверждена Президентом России Д. А. Медведевым 17 декабря 2009 г., ещё до завершения Конференции ООН в Копенгагене по изменению климата[21]. Тем самым было публично политически продемонстрировано, что руководство России рассматривает вопросы климата и экологии в качестве одного из приоритетов внутренней и внешней политики в XXI веке. Суть ее коротко сводится к тому, что:

— у президента и правительства есть официально выраженный взгляд на проблему нынешнего изменения климата. Это Климатическая доктрина, принятая в декабре 2009 г.;
— в Климатической доктрине признается антропогенный характер текущего изменения климата;
— в Доктрине указывается, что негативное влияние изменения климата гораздо сильнее позитивного, особенно в будущем;
— Доктрина гласит, что нужно не только адаптироваться к новым условиям, но и снижать выбросы парниковых газов; в ней указано главное на сегодня средство для этого в России — энергоэффективность и энергосбережение;
— подчеркивается, что действовать должны все: федеральные и региональные органы, население, общественность; нужно широкое «климатическое» образование с участием всех — и СМИ, и ВУЗов, и школ[22].

При этом президент Д. Медведев подчеркнул на специальном совещании в феврале 2010 года, что «нужно посмотреть, как адаптировать Доктрину — может быть, к текущей ситуации, может быть, и нужно будет учесть вопросы взаимодействия других стран, позицию России по (международным) обязательствам после 2012 года. То есть должен быть „живой“ документ, и его не нужно избыточно абсолютизировать. Если потребуется, мы внесем в него изменения»[23].

Анализ документа показывает, что стремление к самому активному решению глобальных проблем в этой сфере вписано в контекст наших национально-государственных интересов с учетом географического и геополитического положения, задач обеспечения безопасности, социально-экономической модернизации и устойчивого развития нашей страны.

В доктрине признается факт глобального потепления и правомерность гипотезы об антропогенной составляющей данного явления. В то же время подчеркивается необходимость государственной поддержки научных исследований, направленных на снижение неопределенности в оценках климатических изменений.

В документе подтверждена готовность России к ограничению и снижению выбросов парниковых газов. Однако вместе с тем подчеркнута необходимость формирования всеобъемлющего международного режима в вопросах климата на основе «принципа общей, но дифференцированной ответственности, подразумевающего справедливую нагрузку на страны с учетом их уровня социально-экономического развития и природно-климатической специфики»[24]. Таким образом, фактор климата не должен использоваться в качестве инструмента сдерживания социально-экономического развития стран.

В то же время повышение энергоэффективности и переход к низкоуглеродной энергетике названы «катализатором динамичной технологической модернизации всей экономики страны»[25].

Климатическая доктрина констатирует, что глобальное потепление может иметь одновременно как негативные, так и позитивные последствия для нашей страны с учетом её географического положения, протяженности и площади. Эти особенности, а также низкая плотность населения в регионах наибольшего климатического риска открывают дополнительные возможности адаптации к климатическим изменениям. Наряду с этим подчеркивается необходимость предупреждения конфликта региональных интересов в ходе формирования климатической политики.

Среди возможных позитивных последствий потепления для нашей страны названы «улучшение ледовой обстановки и, соответственно, условий транспортировки грузов в арктических морях, облегчение доступа к арктическим шельфам и их освоения»[26]. Очевидно, что обеспечение интересов России в Арктике в связи с этим потребует существенных дополнительных дипломатических и военно-политических усилий.

Климатическая доктрина существенно конкретизирует положения Экологической доктрины Российской Федерации 2002 г. Реализация этих документов является важным фактором обеспечения национальной безопасности и долгосрочного социально-экономического развития России, одним из ключевых измерений внешнеполитической деятельности нашей страны в ближайшие десятилетия.

В доктрине особо подчеркнута необходимость обеспечить «подготовку дипломатических кадров, а также групп профессиональных консультантов для ведения международных переговоров и подготовки международных соглашений в области климата»[27].

Подытоживая, можно сослаться на мнение эксперта А. Кокорина считающего, что:

— у президента и правительства есть официально выраженный взгляд на проблему нынешнего изменения климата. Это Климатическая доктрина, принятая в конце 2009 г.;
— в Климатической доктрине признается антропогенный характер текущего изменения климата;
— в Доктрине указывается, что негативное влияние изменения климата гораздо сильнее позитивного, особенно в будущем;
— Доктрина гласит, что нужно не только адаптироваться к новым условиям, но и снижать выбросы парниковых газов; в ней указано главное на сегодня средство для этого в России — энергоэффективность и энергосбережение;
— подчеркивается, что действовать должны все: федеральные и региональные органы, население, общественность; нужно широкое «климатическое» образование с участием всех — и СМИ, и ВУЗов, и школ.

По тексту Доктрины высказывалось немало критики. Например, о том, что в нем нет цифр и конкретных действий: документ носит чисто концептуальный характер; что не указаны глобальные численные параметры, характеризующие изменение климата, — например, концентрация CO_2 в атмосфере или рост средней на планете приземной температуры воздуха. Все это так, но, тем не менее, Доктрина — очень важный базовый документ. Он не подменяет и не дублирует научную печать, но дает научным знаниям официальное оформление[28].

Вместе с тем, данная доктрина представляет собой рамочный документ, который предполагает разработку и осуществления целого комплекса мероприятий на государственном и общественном уровне, с привлечением бизнеса, образовательных учреждений и органов местного самоуправления.

Вопросам реализации Климатической доктрины были посвящены Совещание по вопросам изменения климата, проведенное Президентом России Д. Медведевым 18 февраля 2010 г., в центре которого были вопросы энергоэффективности, и заседание Совета Безопасности России по вопросам изменения климата 17 марта 2010 г., посвященное мерам по предотвращению угроз для национальной безопасности нашей страны в связи с глобальными климатическими изменениями[29]. Участник этого заседания Председатель Совета Федерации Федерального Собрания России С. Миронов, обобщая позицию высшего государственно-политического руководства нашей страны по климатической проблематике в своей лекции для

студентов и преподавателей МГИМО(У) МИД России, подчеркнул, что мы «должны быть готовы к любому сценарию развития событий», связанных с изменениями климата[30].

Участники заседания Совета Безопасности России обсудили меры по реализации Климатической доктрины, а также основные направления государственной политики в области климата и адаптации к последствиям его изменения. Президент России Д. Медведев поручил правительству до 1 октября 2010 года утвердить комплекс мер по реализации Доктрины, предусмотрев в нем и разработку необходимых нормативных правовых актов.

В частности, должны быть разработаны и внедрены государственные программы, рассчитанные на смягчение антропогенного воздействия на климат. В том числе потребуется создать новые финансовые и институциональные механизмы, которые будут действовать для отечественных предприятий, поощряя компании, занимающиеся технологической модернизацией. Медведев отметил необходимость, единого центра и единого плана научных исследований, включающий в себя прогнозирование угроз национальной безопасности и эффективные рекомендации по адаптации к изменениям климата, причем как в масштабах всей страны, так и для отдельных территорий и отраслей.

Этот план Медведев потребовал выработать до 1 сентября, а до 1 июля утвердить Стратегию деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года и определиться с этапами реализации этой Стратегии.

В своем выступлении на открытии заседания Д. Медведев отметил, что «Россия, как ответственное государство, будет придерживаться выбранной стратегии, а именно развивать и энергоэффективную экономику, и современные так называемые зелёные технологии, создавать современную энергетику, тем самым одновременно сокращая и выбросы углекислого газа в атмосферу».

Д. Медведев заметил, что Россия пока существенно отстает от развитых стран в мониторинге и прогнозировании изменений климата. Глава государства обратил внимание на то, что наиболее важный для изучения причин и механизмов климатических изменений арктический регион по-прежнему недоступен для непрерывных гидрометеорологических исследований.

Особое внимание было уделено Арктическому региону, который практически недоступен для непрерывных метеорологических исследований, но очень важен с точки зрения наблюдений за климатическими изменениями. «Правительству необходимо в срок до 1 июня рассмотреть вопрос о создании многоцелевой космической системы „Арктика“» и формирования подсистем гидрометеорологического и климатического мониторинга», — поручил Д. Медведев.

Д. Медведев призвал проверить состояние объектов военной и гражданской инфраструктуры в районах со сложным климатом. Он заявил: «По оценкам, деградация многолетней мерзлоты на севере Западной Сибири и северо-востоке европейской территории России потенциально способна вызвать повреждения строений и коммуникаций».

Не исключены даже международные конфликты, связанные с переделом месторождений энергетических ресурсов. Например, в Арктике. «Уже сегодня приполярные страны принимают активные шаги по расширению своего исследовательского, экономического и даже военного присутствия в зоне Арктики», — подчеркнул Медведев[31].

Следует отметить, что существуют различные точки зрения относительно эффективности и необходимости подобной климатической доктрины. Некоторые ученые настаивают на том, что подписанная президентом климатическая доктрина предполагает адаптацию российской экономики к текущему и ожидаемому изменению климата, а не попытку его преодолеть.

В. Потапов, руководитель группы ученых «ЭМС РСАВ» (Экономические механизмы стимулирования ресурсоэнергосбережения и сокращения антропогенного воздействия), считает, что «в целом представляется странным появление Климатической доктрины России спустя 14 лет после ратификации ею рамочной Конвенции ООН об изменении климата и четырех лет после ратификации Киотского протокола. Подобный аспект лишний раз подчеркивает, насколько «обдуманно» действует наша власть и координаторы международной политики России по этой проблеме в части сохранения приоритетов и национальных интересов России при ратификации международных соглашений».

Что касается системы мер по борьбе с изменением климата, Потапов отметил, что «во-первых, в доктрине не отражен главный фактор России — ее многолетнее донорство по отношению к мировым выбросам парниковых газов. Факт многолетнего донорства России, как страны, обладающей громадными территориями лесов и болот, являющихся поглотителями выбросов парниковых газов других стран, тщательно подавляется псевдонаучными исследованиями, проводимыми представителями других стран, осуществляющими политический заказ.

Во-вторых, методологическими уловками оценки объемов выбросов и поглощения парниковых газов различные страны делают все возможное, чтобы максимально увеличить свои права на выбросы, нивелировать свои фактические выбросы в процессе потребления углеводородов и импортируемой электроэнергии, а также нейтрализовать учет объемов поглощения парниковых газов стран с большими поглотительными ресурсами.

Поэтому декларация мер, изложенных в Климатической доктрине, как политическом документе,

практически не может улучшить сложившуюся ситуацию с удельными выбросами и поглощениями парниковых газов на территории Российской Федерации. Важны практические меры. А за 14 лет даже не разработана национальная методология оценки выбросов парниковых газов по хозяйствующим субъектам в энергетике, в промышленности, ЖКХ, лесном и сельском хозяйстве»[32].

М. Козельцев Исполнительный директор Российского регионального экологического центра (РРЭЦ), придерживается мнения, что «климатическая доктрина потенциально нужный документ, но в том случае, когда есть ярко выраженная уверенность, куда и как мы идем. То есть климатическая доктрина, в принципе, должна отражать ясную и главное уверенную позицию по сокращению энергопотребления, увеличению энергосбережения и увеличению доли возобновляемой энергетике в общем энергобалансе страны. То есть все то, о чем говорил Д. Медведев. Тогда доктрина, основываясь на уверенности нашего политического лидера, должна дать точное описание нашей национальной позиции по посткиотскому периоду»[33].

Однако с точки зрения Козельцева, в доктрине не разъясняется точная позиция России. «В доктрине не объясняется, почему не в наших национальных интересах дать российским предприятиям заработать на проектах совместного осуществления. Также не упоминает о том, что делать с российским рынком квот». Он отмечает, что «мировой углеродный рынок достиг оборота 122 млрд долл., а Россия могла бы иметь с этого рынка порядка 1,5 млрд долл.».

Как известно, один из основных механизмов Киотского протокола — торговля квотами на выбросы парниковых газов. Каждая страна, сократив свой «выхлоп», может продать «излишки» другому государству. Например, Германия уже выручила от продажи квот порядка 8 млрд евро, которые могут быть использованы для дальнейшего повышения энергоэффективности. Для сравнения эта цифра сопоставима с объемом средств, которые наша страна планирует в ближайшие несколько лет выделить на развитие нанотехнологий.

Объем накопленных Россией квот за срок действия Киотского протокола с 2008 по 2012 годы, вероятно, превысит шесть миллиардов тонн эквивалента CO_2. Однако до сих пор Россия свои квоты не продавала[34]. Подобный подход представляется правильным, поскольку в случае подключения других индустриальных экономик к механизмам регулирования выбросов, цены на квоты могут только вырасти. Должен также сохраняться собственный значительный резерв для обеспечения маневра в ходе модернизации, чтобы выполнение принятых на себя обязательств по сокращению эмиссии не тормозило возрождения российской экономики.

25 апреля 2011 г. Правительство РФ утвердило Комплексный план реализации Климатической доктрины страны на период до 2020 года

Утвержденный план предусматривает мероприятия по таким направлениям деятельности, как:

— разработка и осуществление информационной, социально-экономической и научной политики в области климата;
— принятие оперативных и долгосрочных мер по адаптации к изменению климата;
— принятие оперативных мер по смягчению антропогенного воздействия на климат; и
— укрепление международного сотрудничества в области изменения климата.

Научные основы климатической проблемы

В 2011–2020 годы планируется внесение изменений в программы социально-экономического развития страны «с учетом климатических рисков, смягчения антропогенных воздействий на климат и адаптации к климатическим изменениям».

Минэкономразвития и Минприроды также отвечают за «распространение знаний об энергосбережении, повышении энергоэффективности и использовании возобновляемых источников энергии как методах решения проблемы антропогенного влияния на климат» и «обеспечение доступа общественности к информации по вопросам изменения климата и его влияния на жизнь человека и общества».

К июлю 2012 года Росгидромет и другие федеральные органы исполнительной власти должны разработать учебные программы и программы подготовки и повышения квалификации кадров в области изменения климата, а также реализовать предложения по созданию единого центра мониторинга, оценки и прогнозирования изменения климата и опасных природных явлений. Документ также упоминает комплексный план научных исследований погоды и климата, разработанный Росгидрометом.

Кроме того, к 2012 году Минэкономразвития и заинтересованные федеральные органы исполнительной власти должны разработать модель долгосрочного прогноза выбросов парниковых газов в РФ.

Климатические риски и адаптация

В числе мероприятий по адаптации к изменению климата упоминаются «руководство по разработке отраслевых методик расчета рисков и оценки последствий климатических изменений для формирования отраслевых, ведомственных, региональных и территориальных планов адаптации к изменению климата».

К июлю 2012 года ведомство также должно обеспечить разработку системы критериев, параметров (пороговых значений) и условий климатической безопасности России.

Документ предусматривает ряд мер по минимизации рисков и негативных последствий, связанных

с изменением климата, в таких сферах, как здравоохранение, лесное хозяйство, строительство и транспорт, сельское хозяйство, чрезвычайные ситуации природного характера.

Снижение выбросов парниковых газов

Среди мер по смягчению антропогенного воздействия на климат план предусматривает, в частности, разработку и реализацию в 2011–2020 годах межотраслевых стратегий ограничения выбросов парниковых газов. За мероприятия этой группы ответственны МЭР, Минрегион и Минприроды.

В эти же сроки Минэнерго должно обеспечить реализацию мер по ограничению выбросов парниковых газов при генерации энергии из ископаемого топлива, а также по увеличению использования возобновляемых источников энергии для генерации тепла и электричества.

Росатом назначен ответственным за «внедрение инновационных технологий на основе использования атомной энергии», а Минэнерго — за разработку и реализацию «пилотных проектов по сооружению и опытно-промышленной эксплуатации объектов в области энергетики для улавливания и захоронения CO_2».

Меры по сокращению выбросов в транспортном секторе включают, в частности, повышение топливной экономичности транспортных средств и увеличение производства автомобилей с гибридным двигателем. До 2013 года Минпромторг и Минэнерго разработают комплекс мер по использованию транспортных средств на альтернативных видах топлива, включая газовое топливо и водородные топливные элементы.

Помимо этого, выбросы парниковых газов планируется ограничить за счет использования энергоэффективного оборудования, внедрения требований к энергоэффективности зданий и сооружений и систем учета потребления энергоресурсов в зданиях, оптимизации ведения работ в лесном секторе и сельском хозяйстве.

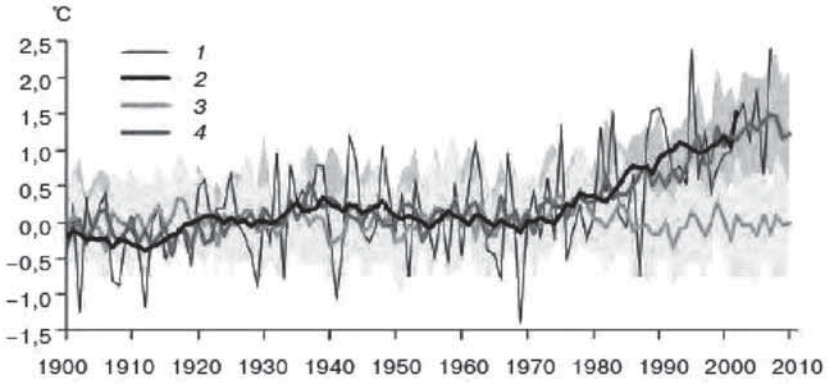
Международное сотрудничество

В 2011–2013 годах Росгидромет должен обеспечить совершенствование системы мониторинга климатических изменений и ее интеграцию с международными системами мониторинга окружающей среды. Кроме того, в план включено представление в секретариат Рамочной конвенции ООН об изменении климата (UNFCCC) национальных сообщений об осуществлении конвенции и отчетности о выбросах парниковых газов. За это также отвечает метеорологическое ведомство.

Кроме того, Минтрансу до 2015 года поручено разработать и реализовать комплекс мер по ограничению выбросов парниковых газов в гражданской авиации. Участники 37-й сессии ассамблеи Международной организации гражданской авиации (ICAO) в Монреале в октябре 2010 года достигли соглашения о сокращении с 2020 года объемов выбросов углекислого газа авиационным транспортом.

* * *

По тексту Доктрины высказывалось немало критики. Например, о том, что в нем нет цифр и конкретных действий: документ носит чисто концептуальный



Черные кривые – результаты наблюдений за температурой приземного слоя воздуха в России за последние 110 лет: тонкая (1) – данные за каждый год, толстая (2) – скользящее осреднение за 11 лет.
Синяя кривая – расчеты по моделям с учетом только естественных факторов.
Красная кривая – расчеты по тем же моделям с учетом естественных и антропогенных факторов.
По вертикальной оси – отклонения от средней температуры за 1901-1950 гг.
Источник: «Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации». Росгидромет. 2008 г., том 1, стр. 166. www.climate2008.igce.ru

Рис. 1. Рост температуры можно объяснить только с помощью факторов антропогенного воздействия

характер; что не указаны глобальные численные параметры, характеризующие изменение климата, — например, концентрация CO_2 в атмосфере или рост средней на планете приземной температуры воздуха. Все это так, но, тем не менее, Доктрина — очень важный базовый документ. Он не подменяет и не дублирует научную печать, но дает научным знаниям официальное оформление.

Доктрина — это «мостик» между научными знаниями и конкретными действиями.

Президент обязал правительство «руководствоваться положениями Доктрины при проведении государственной политики», а премьер-министр, в соответствии с данным поручением, 30 декабря 2009 г. дал указание министерствам и Российской академии наук подготовить предложения о том, как реализовывать Доктрину.

В основу настоящей Доктрины положен анализ результатов проводимых на территории Российской Федерации и в других регионах Земли исследований климатических изменений и последствий влияния этих изменений на различные сектора экономики, население и окружающую среду… Научное обоснование настоящей Доктрины включает признание способности антропогенного фактора оказывать воздействия на климатическую систему, приводящие к значимым, в первую очередь неблагоприятным и опасным для человека и окружающей среды, последствиям. (Доктрина, раздел I, п. 4).

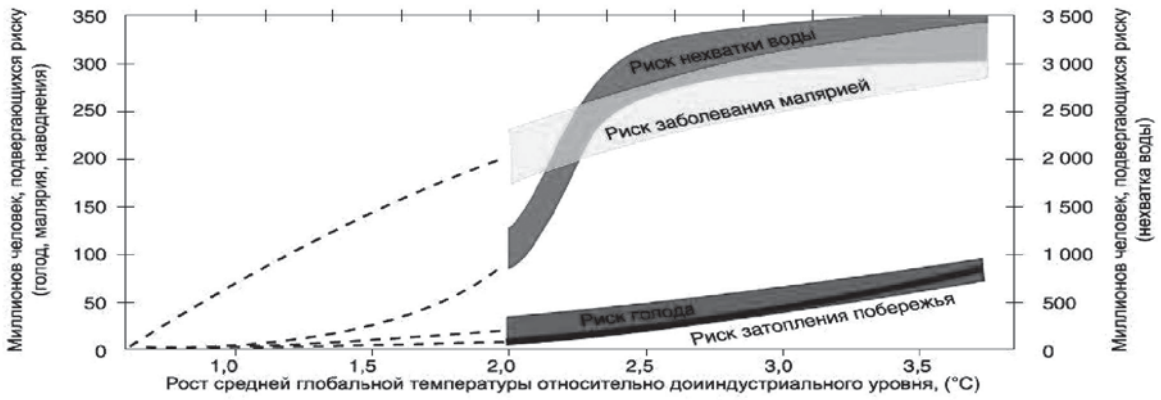
Такой вывод Доктрины вряд ли бы был возможен 10 лет назад. Потребовались годы исследований, появление фундаментальных работ и обобщающих их докладов. В 2005 г. Росгидромет подготовил Стратегический прогноз изменений климата на период до 2010–2015 гг.[35], а затем очередной Государственный доклад РФ по проблеме изменения климата[36], где была представлена детальная информация о наблюдаемых и прогнозируемых эффектах. После этого в 2008 г. ученые из всех научных учреждений Росгидромета и РАН подготовили двухтомный доклад, где в первом томе говорится об изменении климата, а во втором — о его воздействии на природу, человека и отрасли экономики[37]. Именно этот труд лег в основу Доктрины. В нем детально рассмотрено, как сейчас человек воздействует на климат. Там же показано, что, с одной стороны, модели прогноза климата неплохо воспроизводят ситуацию, а, с другой, это возможно только при детальном учете антропогенного воздействия.

Стратегической целью политики в области климата является обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз (Доктрина, раздел II, п. 6).

В Доктрине подчеркивается, что целью является не сохранение климата как такового, а благополучие человека: «не человек для климата, а климат для человека». Пока проблема не стала угрожающей, пока есть все шансы снизить выбросы парниковых газов до безопасного предела и избежать катастрофических ситуаций, не предполагается ничего делать в ущерб человеку и экономике страны. Но подход к нуждам человека и экономики должен быть гораздо шире сиюминутных эгоистических интересов. Сюда, конечно, должно быть включено и сохранение природы.

Интересы Российской Федерации, связанные с изменениями климата, не ограничиваются её территорией и носят глобальный характер. … К опосредованным воздействиям климатических изменений относится их влияние на миграционные процессы в результате глобального перераспределения природных, в том числе продовольственных и водных, ресурсов и снижения относительной комфортности проживания человека в отдельных регионах Российской Федерации и за её пределами (Доктрина, раздел II, п. 8).

Как мы видим, угрозы таятся далеко не только в температуре или количестве осадков. Вопрос гораздо шире и сложнее. От изменений климата будут страдать, прежде всего, страны, испытывающие недо-



Parry M. L., Arnell N. W., McMichael T., Nicolls R., Martens W. J. M., Kovats S., Livermore M., Rosenzweig C., Iglesias A., and Fischer G. 2001. Millions at risk: defending critical climate change threats and targets. Global Environmental Change v. 11, Pp. 181–183.

Рис. 2. Оценка числа людей, подвергающихся различным видам риска, в 2008 году

Рис. 3. Распределение опасных гидрометеорологических явлений в 2009 г. по федеральным округам (общая сумма превосходит сумму для страны в целом, т. к. ряд явлений охватывали более чем один федеральный округ)

статок пресной воды. Во второй половине XXI века, если выбросы не снижать, треть населения планеты, или более 3 млрд человек, будут страдать от недостатка воды — в частности, в широкой «полосе» от Испании и Марокко до западных границ Китая. Условия их жизни станут очень тяжелыми, и вероятна массовая миграция населения.

Часто спрашивают, это катастрофа или нет? Для планеты в целом, конечно, так говорить нельзя: человеку как виду не грозит вымирание. Но это катастрофа для жителей многих малых островных государств, ведь их родина исчезнет. Для России это тоже не катастрофа, но трагедия для людей, пострадавших от клещевого энцефалита. Увы, более мягкая весна и зима ведут к росту численности этих членистоногих и более широкому распространению тяжелой болезни — причем, в ряде центральных областей России, включая Московскую, где раньше клеща почти не было.

Изменения климата многообразны и проявляются, в частности, в изменении частоты и интенсивности климатических аномалий и экстремальных погодных явлений. В течение XXI века высока вероятность ускорения динамики наблюдаемых изменений климата. (Доктрина, преамбула)

Доктрина нацеливает на изменение частоты и силы климатических аномалий и экстремальных явлений. График роста числа опасных явлений был представлен выше при рассмотрении причин нынешнего изменения климата. Рост более чем в 2 раза за 15 лет впечатляет, но еще больше пугает прогноз — продолжение тенденции и двукратный рост в ближайшие 10–15 лет.

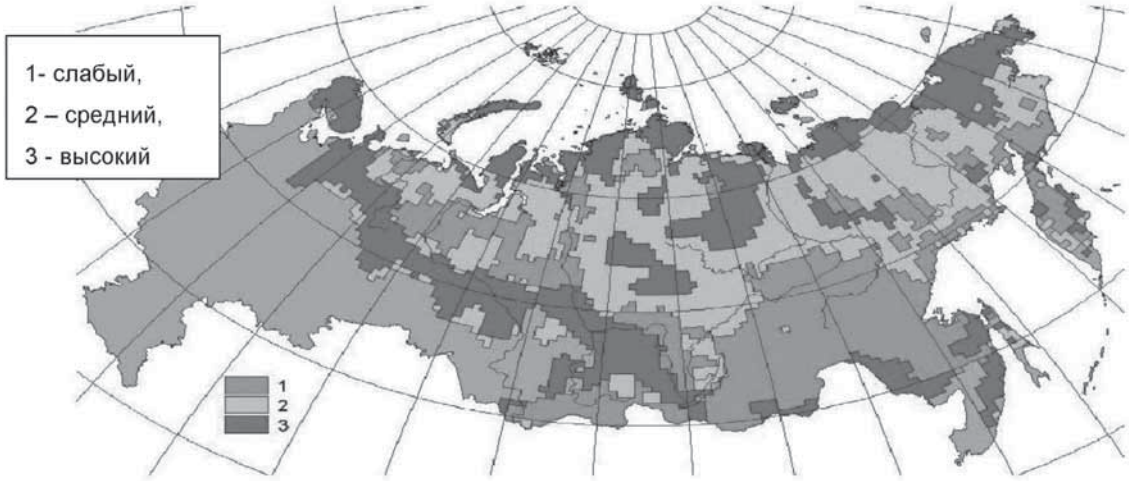
Нередко встречаются утверждения, что люди не видят опасных явлений. Действительно, там, где живет большая часть населения России, опасных явлений относительно немного. Но Сибирь и Дальний Восток дают более половины явлений. Затем идут Южный и Приволжский округа, в то время как густонаселенный Центр, Северо-запад и Урал более благополучны (рис. 3).

Какие климатические воздействия признаны главными?

К отрицательным последствиям ожидаемых изменений климата для Российской Федерации относятся (Доктрина, раздел IV, п. 27):

— повышение риска для здоровья (увеличение уровня заболеваемости и смертности) некоторых социальных групп населения;
— рост повторяемости, интенсивности и продолжительности засух в одних регионах, экстремальных осадков, наводнений, опасного для сельского хозяйства переувлажнения почвы — в других;
— повышение пожароопасности в лесных массивах;
— деградация вечной мерзлоты в северных регионах с ущербом для строений и коммуникаций;
— нарушение экологического равновесия, в том числе вытеснение одних биологических видов другими;
— распространение инфекционных и паразитарных заболеваний;
— увеличение расходов электроэнергии на кондиционирование воздуха в летний сезон для значительной части населённых пунктов.

Как видим, на первом месте значится здоровье населения. Вероятно, воздействие «скачков» погоды ощущает на себе каждый, но для больных людей это многократно хуже, особенно для страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Во время жары, при увеличении максимальной дневной температуры на 10°С смертность от отдельных причин возрастает в два раза, а общая смертность — на 8 %[38].



Источник: «Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации». Росгидромет. 2008 г., том 2, стр. 222. www.climate2008.igce.ru

Рис. 4. Карта риска для зданий и сооружений в зоне вечной мерзлоты

Наводнения и засухи собраны вместе — это как бы две стороны «медали» более неустойчивого климата. Здесь ущерб очевиден. Сухая и жаркая погода, в свою очередь, ведет к риску лесных пожаров. Сначала эта проблема коснется южных районов Западной Сибири и Урала, но к 2050 г. пожароопасность начнет существенно расти и на огромных таежных просторах Якутии и севере Европейской части России.

Составлены карты риска для зданий и сооружений в зоне вечной мерзлоты (рис. 4). Конечно, там живет относительно небольшая часть населения, но ведь это около 60 % территории страны. Есть уже немало случаев разрушения зданий: например, в прошлом году обрушилось здание Геологоразведочного управления в Якутске.

К возможным положительным для Российской Федерации последствиям ожидаемых изменений климата…. относятся (Доктрина, раздел IV, п. 28):

— сокращение расходов энергии в отопительный период;
— улучшение ледовой обстановки и, соответственно, условий транспортировки грузов в арктических морях, облегчение доступа к арктическим шельфам и их освоения;
— улучшение структуры и расширение зоны растениеводства, а также повышение эффективности животноводства (при выполнении ряда дополнительных условий и принятии определённых мер);
— повышение продуктивности бореальных лесов.

Конечно, для такой северной страны, как Россия, рост температуры может приводить и к положительным эффектам. Но заметьте разницу в формулировках: отрицательные последствия указаны выше без сомнений и оговорок, а положительные названы «возможными» и «при выполнении ряда требований и условий». Ими надо еще суметь воспользоваться. Действительно, отопительный сезон может стать на 3–5 дней короче, но не каждый год. В один год все будет, например, без изменений, в другой станет холоднее, и отопительный сезон увеличится на пять дней, но зато в третий год снова будет тепло, а отопительный сезон станет на 20 дней короче. То есть, в среднем получается, что сезон укорачивается на пять дней. При этом тепло может чередоваться с холодом, и энергетикам потребуется немало усилий, чтобы гибко реагировать на ситуацию.

Какие задачи ставит Доктрина?

Основными задачами политики в области климата являются (Доктрина, раздел III, п. 18):

— укрепление и развитие информационной и научной основы политики в области климата…;
— разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по адаптации к изменениям климата;
— разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по смягчению антропогенного воздействия на климат;
— участие в инициативах международного сообщества в решении вопросов, связанных с изменениями климата и смежными проблемами.

То есть, переводя с официального языка на общедоступный, нужно понимать, что происходит, и иметь максимально достоверные прогнозы; нужно адаптироваться к новым условиям, снижать выбросы парниковых газов (именно это означает термин «смягчение воздействия») и действовать сообща, всем миром.

Как же предлагается снижать выбросы?

Российская Федерация максимально концентрирует усилия на снижении антропогенных выбросов парниковых газов и увеличении их абсорбции поглотителями и накопителями. С этой целью предусматривается реализовать меры, обеспечивающие (Доктрина, раздел III, п. 23):

— повышение энергетической эффективности во всех секторах экономики;
— развитие использования возобновляемых и альтернативных источников энергии;
— сокращение рыночных диспропорций, реализацию мер финансовой и налоговой политики, стимулирующих снижение антропогенных выбросов парниковых газов;
— защиту и повышение качества поглотителей и накопителей парниковых газов, включая рациональное ведение лесного хозяйства, облесение и лесовозобновление на устойчивой основе.

Все до крайности скучно, и совершенно ничего экзотического не требуется. Львиная доля наших выбросов парниковых газов исходит от сжигания угля, газа и нефтепродуктов (справочные данные даны ниже в Приложении). Значит, необходимы «просто» экономия топлива, энергии и тепла и развитие возобновляемой энергетики[39]. Термин «защита и повышение качества поглотителей» означает охрану и восстановление лесов. Не нужно ни изобретать термоядерные станции, ни смещать орбиту Земли, ни строить вокруг нее сульфатных экранов. Журналисты, да и все мы, обычно любим экзотические решения и что-то совершенно новое, что спасет мир. К счастью, этого не нужно.

Но «не нужно» кому — только России, которая менее уязвима к ударам изменений климата, или всему миру? Как быть с наиболее уязвимыми странами?

Российская Федерация участвует в выработке коллективных мер международного сообщества по смягчению антропогенного воздействия на климат и оказывает совместно с другими членами международного сообщества содействие развивающимся странам, в том числе наиболее уязвимым по отношению к отрицательным последствиям изменений климата, в реализации мер по адаптации и смягчению негативных последствий изменений климата. (Доктрина, раздел III, п. 25).

Приведем только один пример: на картах России, которые вы обычно видите, ниже, в Средней Азии, есть Аральское море. Но на самом деле его уже нет. Река Амударья давно до него не доходит вовсе, а с помощью небольшого количества воды второй реки — Сырдарьи — удается спасти лишь маленькую северо-восточную часть бывшего моря, порядка 5 %. Конечно, главная причина усыхания Арала — это ужасная практика использования воды еще во времена СССР. Но по оценкам ученых, изменение климата тоже внесло сюда свой вклад — порядка 20 % от общего эффекта[40].

Ледники Тянь-Шаня и Памира сокращаются, паводки становятся более резкими — сильными и короткими, что ведет к большим потерям воды. Кроме того, разрушаются дороги и мосты, растет опасность селей и оползней. Неблагополучна ситуация со здоровьем населения. Самим странам Средней Азии, особенно горным, с этой бедой не справиться: нужна помощь мирового сообщества, и России, вероятно, нужно становиться лидером.

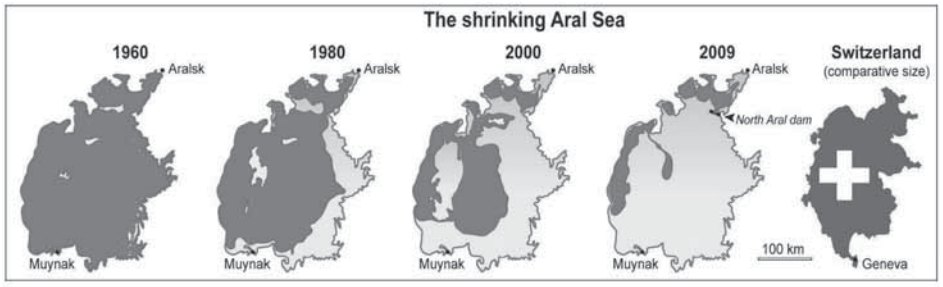
Россия твердо высказалась за новое международное соглашение по проблеме изменения климата, которое должно прийти на смену Киотскому протоколу. В декабре 2009 г. в Копенгагене Дмитрий Медведев вместе с другими лидерами ведущих стран подготовили политический документ — Соглашение. «За» участие в Копенгагенском соглашении в 2010 г., уже после конференции, высказались абсолютно все крупные страны — и развитые и развивающиеся. Так что у мира есть неплохая перспектива совместных действий, но они предусматривают не только снижение выбросов в самих странах, но и помощь наиболее слабым и уязвимым.

Кто должен действовать?

Субъектами реализации политики в области климата являются (Доктрина, раздел IV, п. 39):

— федеральные органы государственной власти;
— органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления;
— организации, включая общественные организации (объединения);
— средства массовой информации;
— домашние хозяйства.

Авторы Доктрины понимают, что одних лишь усилий властей федерального уровня недостаточно. Нужно активное участие регионов и местного самоуправления, которые смогут убедить (или даже заставить) бизнес делать то, что нужно на перспективу,



Источник: «Climate Change in Central Asia. A visual synthesis». ZOI environment network 2009, 79 pp., http://www.zoinet.org/fileadmin/publications/CCCA_dec2009.pdf

Рис. 5. Сокращение площади Аральского моря

а не то, что сию секунду приносит максимальную прибыль. Без усилий общественности и поддержки СМИ тоже не обойтись, а ее-то у нас пока нет. Телевидение и интернет-сайты предпочитают обсуждать мифы о климате, а не давать серьезную и взвешенную информацию о проблеме.

Не забыты в Доктрине и домашние хозяйства[41]. Заметим — авторы понимают, что одним «рублем» дело не решишь. Конечно, тарифы за электроэнергию, воду, тепло растут и будут расти, люди будут экономить ради денег, но этого недостаточно: нужно внутренне считать себя ответственным за свой город, свою страну и в данном случае за всю планету. Вы не бросаете мусор на обочину дороги не потому, что вас могут оштрафовать. Вы, вероятно, понимаете, насколько это плохо, что это осудят окружающие, ваши друзья. Так же должно быть и с энергией и теплом.

Ясность и информационная открытость политики в области климата необходимы на всех уровнях…. поскольку, с одной стороны, изменения климата сказываются на социальных факторах (изменение условий комфортного проживания и предпочтений населения при выборе места жительства, изменения на рынке труда и другие факторы), а с другой — поведенческие факторы населения существенным образом влияют на потенциал осуществимости и эффективность мер по адаптации и смягчению антропогенного влияния на климат. (Доктрина, раздел II, п. 13):

И снижение выбросов в результате экономии электроэнергии, тепла, воды, газа, и успех мер по адаптации зависят от нас с вами. Без активного участия местного населения в мерах по помощи «природе» ни экологи, ни власти не смогут достичь успеха. Приведем лишь один пример успешной работы.

На Чукотке резкое сокращение морских льдов отрезало белых медведей от традиционной добычи — тюленей. В результате медведи были вынуждены не только преодолевать большие пространства открытой воды, что часто приводит к гибели животных, но и искать другие источники пищи. Такой альтернативной добычей являются, в частности, моржи. Однако часто медведи выбирают путь «наименьшего сопротивления» и идут в поисках новой добычи в поселки и на помойки. Например, в поселках Рыркайпий, Мыс Шмидта и Ванкарем жители подверглись целому нашествию медведей. Появились и жертвы, в том числе людские. Совместно с населением WWF создал бригады «Медвежий патруль»[42].

«Медвежий патруль» предпринял ряд простейших упреждающих мер. Охотникам были розданы резиновые пули, чтобы можно было не убивать, а отгонять медведей. Для предотвращения «осеннего нашествия» на село Ванкарем останки моржей, погибших в силу естественных причин рядом с селом, были вывезены навстречу медведям. Организация такого «кормового пятна» помогла остановить медведей в 10 км от села и резко уменьшить число конфликтных ситуаций между хищниками и людьми.

Не забыта в Доктрине и деятельность, которой очень много занимается WWF — популяризация научных знаний и воспитание экологической культуры.

Осведомлённость всех заинтересованных сторон… населения, по вопросам изменений климата и их влияния на жизнь человека и общества и окружающую среду является одним из важнейших факторов успешного формирования и эффективной реализации политики в области климата в интересах нынешнего и будущих поколений. Приоритетными направлениями такой политики являются объективное информационное освещение проблем, связанных с изменениями климата и их последствиями, включая популяризацию научных знаний в этой области, в том числе с помощью средств массовой информации, а также воспитание у населения Российской Федерации экологической культуры (Доктрина, раздел V, п. 37):

Однако авторы Доктрины хорошо себе представляют реальную ситуацию. Проблемы с непониманием проблемы изменения климата — это не только нежелание СМИ грамотно освещать новый и сложный вопрос, не скатываясь в область мифов и катастрофических прогнозов. Это и противодействие бизнеса, во всяком случае его части, которой совершенно не выгоден переход на новые технологии.

Конфликт интересов наглядно виден на примере двух крупных нефтяных компаний. «BP» решила стать лидером зеленого движения в бизнесе, она развивает производство биотоплива — например, солярки с 15 %-ным содержанием рапсового масла, она вкладывает средства в солнечную энергетику, активно внедряет внутри самой компании меры по энергосбережению и т. п.[43].

Противоположность этому — «Exxon Mobile». Компания делает ставку на сохранение существующей очень выгодной ей ситуации и не тратит лишних денег на экологию[44]. Вместо этого она спонсирует американский Институт Катона (Cato Institute), активно критикующий действия США по проблеме климата. Сотрудником института с 2006 г. является Андрей Илларионов, бывший помощник президента России по экономическим вопросам, а сейчас ярый критик антропогенной причины изменения климата и всех действий правительства[45].

У разных представителей бизнеса всегда были и будут свои интересы, но баталии должны вестись вокруг конкретных экономических мер, предлагаемых правительством или экологами. Нежелание подчиняться и выполнять те или иные меры не должно переноситься в область климатической науки как таковой. Но в бизнес-лоббизме правила иные, и люди, подобные Андрею Илларионову, не гнушаются никакими средствами, включая и попытками «подрыва» в СМИ очевидных научных основ наблюдаемых климатических процессов.

Заключительный параграф Доктрины посвящен последующим практическим шагам.

Реализация политики в области климата предполагает разработку на её основе федеральных, региональных и отраслевых программ и планов действий. (Доктрина, заключительный параграф).

В России появился План действий по выполнению Климатической доктрины

Этот документ появился спустя полтора года после подписания Климатической доктрины. Он рассчитан на 2011–2020 годы и будет ориентиром для Минэкономразвития при разработке прогнозов территориального, ведомственного и отраслевого развития с учетом климатических рисков, задач по снижению выбросов парниковых газов и проблем адаптации к изменениям климата. Постановление правительства, утвердившее Комплексный план реализации Климатической доктрины РФ, не предполагает финансирования и кадровой поддержки плана.

Этот документ рассчитан на 2011–2020 годы и будет ориентиром для планов и прогнозов территориального, ведомственного, отраслевого развития с учетом климатических рисков, задач по снижению выбросов парниковых газов и проблем адаптации к изменениям климата. Распоряжение правительства, утвердившее Комплексный план реализации Климатической доктрины РФ, не предполагает финансирования и кадровой поддержки плана.

К сожалению, текст Комплексного плана реализации Климатической доктрины отсутствует на сайте правительства, хотя Распоряжение правительства на него ссылается как на «приложенный документ». Климатический Секретариат РСоЭС уже не первый раз сталкивается с невозможностью найти в официальных источниках документы, касающиеся практической реализации климатической политики. Это в полной мере характеризует чрезвычайно низкую степень информационной открытости и непонимание официальными структурами общественной значимости принимаемых ими же решений. Пока нам остается в большей степени комментировать сам факт появления такого документа, а не его содержание. Российские общественные организации считают, что такой План действий должен включать разработку «дорожной карты» снижения выбросов ПГ в целом на 80 % к 2050 г. от уровня 1990 г. Из косвенных источников известно, что этого в Плане нет.

Комплексный план реализации «Климатической доктрины РФ до 2020 года» был утвержден Распоряжением правительства от 25 апреля 2011 года. С момента вступления в силу самой доктрины (декабрь 2009 года) прошло почти полтора года. План, состоящий из 31 одного пункта, по словам руководителя климатической программы российского WWF Алексея Кокорина, год составлялся и еще полгода «утверждался правительством». «Даже против этого варианта было большое сопротивление».

План предполагает, что с 2011 по 2020 год Минэкономики будет вносить изменения в долгосрочные макроэкономические прогнозы РФ «с учетом климатических рисков, смягчения антропогенного воздействия на климат и адаптации к климатическим изменениям». Уже в 2011 году Минприроды, ответственное и за реализацию самого плана действий, должно подготовить «руководства по разработке отраслевых методик расчета и оценки» последствий изменения климата — для выработки отраслевых, ведомственных, региональных и территориальных планов адаптации. То же, вместе с комплексом предупреждающих мер, должны сделать Минздрав в отношении распространения «инфекционных и паразитарных болезней», Рослесхоз — в отношении лесов и торфяников, Минрегион — в отношении инфраструктуры, «в связи со смещением к северу южной границы зоны многолетней мерзлоты», Минсельхоз — в отношении урожайности, а Росгидромет — в отношении осадков и уровня Мирового океана.

«Оперативные меры» растянуты на 2011–2020 годы. Но экологи и бизнесмены рады этому, ибо появилась возможность что-то делать в регионах беспрепятственно.

3. Усилия России по переходу к низкоуглеродной экономике и возобновляемым источникам энергии

Объем скопившихся в России опасных отходов превысил 30 млрд тонн[46].
Д. Медведев

На протяжении последних десятилетий центр тяжести экологической дипломатии уверенно сместился к проблеме изменения климата[47].
Т. Авдеева

Сегодня уже не вызывает сомнений «тесная связь проблемы изменений климата со стратегиями развития. В первую очередь речь идет о традиционной энергетике, потому что именно она является главным эмитентом парниковых газов от сжигания ископаемого топлива. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), для удержания концентрации CO_2 в атмосфере на неопасном для климата уровне (450 частей на миллион) странам **фактически необходимо совершить экологическую**

и энергетическую революцию, пройдя пик использования углеводородных носителей не позднее 2020 года и перейдя впоследствии на преимущественно низкоэмиссионные и возобновляемые виды энергетики — газ, чистый уголь, атом, гидроресурсы, ветровую, солнечную, волновую, геотермальную и приливную энергетику. При этом главным средством достижения этих революционных перемен эксперты называют кардинальное повышение энергоэффективности экономики, чтобы в 2050 году производить каждый доллар ВВП, используя лишь половину энергии, необходимой для этого в 2002 году. По оценкам, эти меры могут потребовать до 430 млрд долл. в год дополнительных инвестиций.

Идея низкоэмиссионного развития лежит в основе „Нового зеленого курса" в мировой экономике, провозглашенного ООН в конце 2008 года. Данный курс предполагает переориентацию мирового экономического развития на новую технологическую базу как путь к решению двуединой задачи — оживления экономического роста и противодействия изменениям климата. Развитие низкоуглеродной энергетики и повышение энергоэффективности прекрасно соответствуют долгосрочному стратегическому курсу всех ведущих экономик мира — сократить свою зависимость от импортных ископаемых энергетических источников, при этом обеспечивая свои растущие потребности в энергии»[48].

Предпринимаемые в последние годы российской властью шаги свидетельствуют о желании сделать задачи формирования новой низкоуглеродной экономики и повышения устойчивости социально-экономической системы страны перед прогнозируемыми климатическими изменениями одним из приоритетов национального развития. Этому, в частности, было посвящено специальное заседание Госсовета 9 июня 2011 года, проходившее в нижегородском городе Дзержинске, олицетворяющем в России экологическую катастрофу, где министр природных ресурсов и экологии Ю. Трутнев признал, что для решения первоочередных экологических проблем требуется 200 млрд рублей, а общие расходы оценить «вообще невозможно»[49].

К осени 2011 года Минприроды РФ подготовило пакет из шести законопроектов об улучшении системы защиты окружающей среды и о ликвидации экологического ущерба.

В их числе, в частности, закон о защите морей от нефтяного загрязнения и закон об экологическом мониторинге, предполагающий объединение существующих сейчас 14 видов мониторинга в единую систему. Кроме того, Минприроды подготовило закон об экологическом аудите, о совершенствовании системы нормирования выбросов об экономическом стимулировании переработки отходов и закон об особо охраняемых территориях.

По словам Трутнева, три законопроекта находятся на рассмотрении в Госдуме, два из них уже прошли первое чтение. Еще два законопроекта находятся в правительстве, на их рассмотрение потребуется от одной до трех недель, на еще один законопроект министерству необходимо около месяца.

Президент посоветовал Госдуме быстрее работать с тремя экологическими законопроектами, рассматривая их как приоритетные.

«Хотел бы обратиться к Государственной Думе с предложением все-таки быстрее работать над этими документами, рассматривая их как приоритетные»[50], — сказал Медведев.

Вместе с тем эти законопроекты, по мнению руководителя WWE И. Честина, «просто выхолощены с точки зрения экономически стимулирующих механизмов»[51].

Д. Медведев на заседании Госсовета по экологии также поручил рассмотреть вопрос о ратификации двух международных конвенций, подписанных Россией еще в 90-е годы — «конвенции Эспо» об оценке воздействия на окружающую среду) и Орхусской конвенции (регулирующей доступ к информации об окружающей среде).

Как справедливо заметил Д. Медведев на конференции в Копенгагене, «Россия в настоящий момент является мировым лидером по сокращению эмиссии парниковых газов. На нашу страну приходится половина мировых объёмов сокращений эмиссии за последние 20 лет. И это в существенной степени компенсировало прирост вредных выбросов, наблюдавшихся в других странах»[52].

Значительным шагом стало участие президента России Д. Медведева в работе Конференции ООН в Копенгагене… Россия занимала на переговорах достаточно последовательную позицию. Президент Дмитрий Медведев на саммите заявил, что Россия готова сократить выбросы парниковых газов к 2020 году на 25 %, если считать за базу 1990 год, что обеспечит общее снижение выбросов парниковых газов более чем на 30 млрд тонн за 30 лет с 1990 по 2020 год. Президент сказал о необходимости заключения юридически обязывающего соглашения, всеобъемлющего и базирующегося на принципах справедливости и общей (но дифференцированной в зависимости от уровня развития страны) ответственности.

Также, по мнению президента, в глобальном соглашении обязательно должна быть учтена роль лесов — основных поглотителей парниковых газов, а также приемлемые условия передачи развивающимся странам современных технологий.

«По мнению РСоЭС, заявленные президентом цели сокращения выбросов — это безусловный шаг вперед в позиции России, которая до лета 2009 года вообще не озвучивала целей снижения. Но с учетом резкого спада выбросов в 90-е годы прошлого столетия, это обязательство соответствует росту выбросов от уровня сегодняшнего дня более чем на 10 %, и не означает принятия существенных мер энергоэффек-

тивности. РСоЭС считает, что в период до 2020 года Россия должна, как минимум, удерживать выбросы парниковых газов на предкризисном уровне 2007 года (65 % от уровня 1990 года без учета поглощения лесами) и предпринимать действия к снижению выбросов, что означает цель снижения выбросов –35 %»[53].

Реализация как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе национальной цели по сокращению выбросов парниковых газов потребует принятия новых, более жестких мер, которые могли бы повысить энергоэффективность экономики России, и тем самым внести вклад страны в глобальные усилия по смягчению последствий изменения климата.

На долю России приходится примерно 6 % выбросов парниковых газов развитых стран. В настоящее время по объемам выбросов она занимает четвертое место после Китая (24 %), США (21 %) и Индии (8 %) или пятое с учетом ЕС (12 %). На долю всех этих субъектов мировой политики приходится 71 % глобальных выбросов CO_2[54].

Основной источник выбросов парниковых газов в России — энергетический сектор, на который приходится более ⅓ совокупных выбросов (36,5 %). Второе место занимает добыча угля, нефти и газа (16 %), третье — промышленность и строительство (12,9 %). 11,6 % приходится на сферу землепользования и лесного хозяйства; 7,7 % — на транспорт; 5,3 % — сельское хозяйство; 10 % — другие сектора[55].

Таким образом, наибольший вклад в снижение выбросов парниковых газов в России может внести реализация огромного потенциала энергосбережения. В настоящее время энергоемкость экономики России превышает среднемировой показатель в 2,3 раза, а средний показатель для стран ЕС — в 3,2 раза. Потенциал энергосбережения в России оценивается в 39–47 % текущего потребления энергии (около 350 млн тонн условного топлива). В основном он приходится на производство электроэнергии, передачу и распределение тепловой энергии, отрасли промышленности и непроизводительные энергопотери в зданиях.

На это обратил внимание Д. Медведев, выступая в Копенгагене в декабре 2009 года: «Глобальная климатическая сделка, о которой мы все говорим в этом огромном зале, где присутствуют практически все государства, существующие на нашей планете, это не звонкий лозунг, а на самом деле реальный шанс для масштабного внедрения чистых, энергоэффективных и низкоэмиссионных технологий»[56].

Согласно прогнозам Минэкономразвития России, 80–85 % прироста потребности России в энергии в 2008–2020 гг. должно быть покрыто за счет повышения энергоэффективности экономики страны[57].

До наступления мирового финансового кризиса в период с 1998 года в России происходило устойчивое снижение энергоемкости и «углеродоемкости» ВВП (в среднем около 5 % в год). Максимальное снижение энергоемкости ВВП составило 7,5 % в 2000 г.

Реализация отраслевой программы энергосбережения в электроэнергетике России уже в первой половине 2000-х гг. привела к улучшению показателей эффективности использования топлива и энергии начиная с 1999 г. Удельный расход топлива на выработку электроэнергии снизился на 1,8 г/кВт ч, тепловой энергии — на 0,7 кг/Гкал, расход электроэнергии на собственные нужды — на 520 млн кВт ч или на 2,8 %. Общая экономия топлива и энергии только в 1999 г. достигла 3,8 млн т.у.т. (в том числе от реализации программы энергосбережения — 1,2 млн т.у.т.) или 0,02 % от общего расхода топлива по сравнению с 1998 г. Сокращение эмиссии CO_2 по сравнению с 1998 г. составило 15 млнт CO_2/год (в том числе 2,5 млнт CO_2/год по программе энергосбережения).

В 2008 году удельная энергоемкость экономики по сравнению с 2007 г. уменьшилась на 4,7 %, что позволило при росте ВВП за год на 5,6 % ограничиться увеличением потребления первичных топливно-энергетических ресурсов на 0,6 %. По сравнению с 2000 г. при росте ВВП за период на 65,1 % внутреннее потребление первичных энергоресурсов увеличилось на 10,0 %.

В последнее время вопросы энергосбережения и энергоэффективности приобрели особую актуальность и вошли составной частью в такие программные документы, как «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» и «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.».

В условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса стимулирование повышения энерго- и ресурсоэффективности отнесено Программой антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год к числу важнейших направлений модернизационной политики Правительства России на ближайшие годы.

Указом Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» поставлена задача снижения к 2020 г. энергоёмкости ВВП Российской Федерации не менее чем на 40 % по сравнению с 2007 г., а также обеспечение рационального и экологически ответственного использования энергии и энергетических ресурсов.

В целях реализации Указа Президента России в 2009 г. предусматривается разработать и принять государственную программу энергосбережения, предусматривающую массовое применение энергосберегающих технологий и использование возобновляемых источников энергии, реализацию энергоэффективных инновационных проектов, в том числе в бюджетной сфере и жилищно-коммунальном хозяйстве.

Продолжается разработка проектов федеральных законов «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности», «О теплоснабжении», пересматриваются положения Федерального закона «О техническом регулировании».

Реализуются ФЦП «Национальная технологическая база на 2007–2011 гг.» и ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 гг.», предусматривающие в том числе создание и внедрение ресурсосберегающих, экологически безопасных промышленных технологий.

В результате намеченных мер по повышению энергоэффективности и энергосбережению предполагается снизить энергоемкость ВВП по отношению к уровню 2008 г. на 15 % в 2012 г., обеспечить экономию топливно-энергетических ресурсов в объеме 45 млн т.у.т. в 2012 г. В соответствии с прогнозом, средневзвешенный удельный расход топлива на отпуск электрической энергии снизится к 2020 г. до 286,1 т.у.т./кВт ч.

Доля возобновляемых источников энергоресурсов в общем объеме производства первичных энергоресурсов в России пока совсем невелика: 0,1 % (без учета древесного топлива, доля которого составляет около 0,3 %).

Однако общий потенциал использования в Российской Федерации возобновляемых топливных ресурсов и источников энергии (геотермальной, солнечной, ветровой, океанической, энергии биомассы и др.) огромен. Общий технический потенциал возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в России составляет около 4,6 млрд т.у.т. в год, что в 5 раз превышает объем потребления всех топливно-энергетических ресурсов России, а экономический потенциал определен в 270 млн т.у.т., что составляет около 25 % от годового внутреннего потребления энергоресурсов в стране[58].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2005 г. № 653 «О заключении Соглашения между Российской Федерацией и Международным банком реконструкции и развития (МБРР) о гранте Глобального экологического фонда для финансирования подготовки проекта „Российская программа развития возобновляемых источников энергии“» предусмотрено развертывание исследований и формирование в России условий для развития потенциала возобновляемых источников энергии. Как ожидается, в 2009 году будет развернута практическая реализация этой программы.

Важным шагом в области развития возобновляемой энергетики в России стало принятие Правительством Российской Федерации Распоряжения от 8 января 2009 г. № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергоэффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года». Распоряжением устанавливается, что к 2020 году доля возобновляемых источников энергии в совокупном балансе и потреблении электроэнергии страны (за исключением гидроэлектростанции установленной мощностью свыше 23 МВт) должна составить 4,5 % против сегодняшних 0,1 %.

Завершается проект TACIS «Возобновляемые источники энергии и реконструкция ГЭС малых мощностей»[59].

4. Проблема адаптации России к климатическим изменениям

Задача повысить внимание государства к проблемам, порождаемым изменениями климата, в России давно перезрела[60].
Т. Авдеева

В последнее время правительство России уделяет все больше внимания вопросам адаптации к изменению климата — в определенной степени даже большее, чем мерам по снижению выбросов парниковых газов. Объясняется это, во многом, тем, что разработка национальной климатической политики находится в ведении Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Росгидромет). Функции службы, наличие в ее структуре гидрометеорологической наблюдательной сети, а также научно-исследовательских институтов, чья деятельность связана с исследованиями изменений климата и оценкой динамики климатических параметров, определили большой интерес Росгидромета именно к адаптационной составляющей политики в области изменения климата.

Благодаря усилиям Росгидромета, Российской академии наук и других научно-исследовательских организаций в стране создана хорошая научная основа для разработки мер адаптации. Регулярно ведутся наблюдения за климатом, разрабатываются климатические модели, помогающие спрогнозировать изменения климата в будущем, проводятся оценки влияния наблюдаемых и будущих изменений климата на окружающую среду, человека и отрасли экономики, периодически публикуются научные отчеты.

В 2006 г. Росгидрометом был представлен «Стратегический прогноз изменений климата в Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния

на отрасли экономики России», в котором рассматриваются тенденции изменения климата в различных регионах страны и содержатся рекомендации по первоочередным адаптационным мерам для различных секторов экономики на региональном уровне.

В 2008 г. был подготовлен первый российский оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Это российский аналог оценочного доклада МГЭИК. Во втором томе доклада предлагаются возможные меры адаптации к прогнозируемым последствиям климатических изменений. По сути, это первый официальный документ, представленный правительством России, который посвящен непосредственно вопросам адаптации[61].

Большое внимание уделяется изучению последствий изменений климата в российской Арктике. В 2007 г. стартовал Международный полярный год 2007/2008 (МПГ), завершившийся в марте 2009 г., который был организован Международным советом научных союзов (МСНС) и Всемирной метеорологической организацией. В рамках МПГ проводилось более 200 научно-исследовательских проектов в Арктике и Антарктике представителями науки более чем из 60 стран. Российская Федерация участвовала в 17 социальных экспедиционных исследованиях в Арктике, в том числе направленных на получение новых знаний о влиянии изменений климата, а также антропогенного и естественного загрязнения природной среды на жизнедеятельность и традиционные формы хозяйствования коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Институты Российской академии медицинских наук (РАМН) осуществляют исследования по вопросам влияния изменения климата на здоровье населения. В частности, в мае 2008 г. в Москве РАМН при поддержке ПРООН, Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также Арктической программы по мониторингу и оценке Арктического совета (АМАР) провела первую рабочую международную встречу экспертов «Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики»[62].

В 2005–2007 гг. Совет по изучению производительных сил (СОПС) совместно с Администрацией Мурманской области инициировали Проект комплексного управления Мурманской прибрежной зоной. В нем также затронуты вопросы использования новых возможностей, открывающихся перед региональным морехозяйственным комплексом, а также сопутствующие новые риски, связанные, в том числе, с изменениями климата в регионе.

В мае 2008 г. в Мурманске усилиями Российского регионального экологического центра (РРЭЦ), ПРООН, Росгидромета и Администрации Мурманской области была созвана первая российская конференция по адаптации к изменению климата и намечено начать работы в регионе[63].

В Министерстве природных ресурсов РФ в мае 2008 г. была подготовлена «Стратегическая программа действий по защите морской среды от загрязнения в Арктической зоне Российской Федерации», где проблема изменения климата присутствует в явном виде и ставится задача адаптации.

Благодаря деятельности российских общественных экологических организаций, в том числе РРЭЦ, WWF-Russia, Гринпис Россия, растет осведомленность населения страны о важности проблемы изменения климата и необходимости принятия соответствующих мер адаптации.

Наконец, в Климатической доктрине Российской Федерации содержатся принципиальные элементы, предусматривающие совершенствование системы наблюдений за климатом, оценки климатических рисков и разработку мер адаптации к последствиям изменения климата.

В Российской Федерации пока не существует единой государственной стратегии в области адаптации. Однако принимаемые программы развития отраслей экономики или регионов в той или иной степени учитывают тенденции изменения климата. Реализация Концепции долгосрочного развития Российской Федерации также потребует учета климатических факторов при разработке конкретных программ, направленных на достижение запланированных Концепцией целей (развитие добывающей промышленности, транспортной системы, водных ресурсов, сельского хозяйства, а также развитие регионов, в том числе Арктики).

Существенным пробелом в знаниях для разработки эффективной адаптационной политики в России является отсутствие экономических оценок последствий изменений климата и оценок «затрат и выгод» возможных адаптационных мер. Пока еще очень слаба законодательная база: нет ни национальной адаптационной стратегии, ни подобных стратегий на уровне регионов или отдельных отраслей.

Можно сказать, что процесс адаптации в России находится в настоящий момент на стадии изучения и планирования. Однако пора переходить к практическим действиям — к разработке конкретных адаптационных стратегий. Разработка таких стратегий в России требует индивидуального подхода к каждой отдельной отрасли и каждому отдельному региону с учетом его природных и социально-экономических особенностей. Проведение таких работ затруднительно в рамках одного федерального органа исполнительной власти ввиду недостатка компетенции и ограниченности бюджетных средств. Здесь также необходимо сотрудничество и согласование действий между различными административными уровнями, а также максимальное вовлечение в процесс адаптации всех заинтересованных сторон, включая лиц, принимающих решение, представителей деловых кругов, науку, общественность.

5. Участие России в Киотских механизмах

Ключи от конференции оказались в руках небольшой группы государств, Секретариата и руководящих органов РКИК[64].
Т. Авдеева

Как пишет Т. Авдеева, «Вне всякого сомнения, Копенгагенская конференция войдет в историю как важная веха в переговорном климатическом процессе. Этот форум оказался беспрецедентным как по числу участников (заявки на аккредитацию подали более 40 тыс. человек), так и по уровню представительства в нем приняли участие 115 глав государств и правительств.

На наш взгляд, отбросив эмоции и трезво оценив обстановку, можно констатировать следующее:

1. Итоги климатической конференции в Копенгагене отражают „момент истины“ в нынешних подходах мирового сообщества к проблеме изменений климата. Осознавая важность проблемы, страны не готовы ради нее ставить на карту свои экономические приоритеты.
2. Киотский режим отжил свое, и на повестку дня выходит задача выработать новое международное соглашение по климату, которое было бы универсальным по числу участников, всеобъемлющим по охвату, амбициозным по целям и справедливым с точки зрения возможностей государств.
3. Международные климатические переговоры, начавшись как реакция политиков на выявленную учеными проблему изменений климата, сегодня неизмеримо далеко отошли от своей научной основы, отягощены политическими спекуляциями и по своей сути представляют собой переговоры о создании нового мирового экономического порядка под предлогом (пусть даже и обоснованным) изменений климата. Климатический переговорный процесс — это лишь одна из ветвей переговорного процесса о балансе сил в мировой экономической системе, куда составными частями входят такие вопросы, как стратегия развития мировой энергетики, перераспределение финансовых потоков, приоритеты в инвестиционной деятельности, ориентиры технологического роста и др. Конференция еще раз продемонстрировала общий вектор сокращения углеродоемкости мировой промышленности и энергетики.
4. Особенности принятия Копенгагенского соглашения в последние часы конференции и его весьма специфический правовой статус показали растущие трудности ООН в достижении консенсуса по климатической проблематике. Причины трудности поиска общего знаменателя среди 193 стран, недостаточная работа по заблаговременному согласованию позиций, перегруженность повестки дня, нарушения процедурного характера. Много поводов для раздумий вызывает и то, что на фоне многодневных (а в реальности многолетних) дискуссий в рабочих группах ключи от конференции оказались в руках небольшой группы государств, Секретариата и руководящих органов РКИК. В этой связи многие эксперты предвидят после Копенгагена смещение главного вектора климатических переговоров в более узкие многосторонние и двусторонние форматы BASIC, США+BASIC, BASIC+„Группа 77“, „G8“, „G20“, двусторонние контакты США и Китая, США и ЕС и др. Можно предвидеть вычленение отдельных крупных вопросов климатической повестки дня (например, лесной тематики, вопросов финансирования, предотвращения и адаптации, взаимосвязи торговли и климата, транспорта и климата и др.) в самостоятельные переговорные процессы. Выдвигаются идеи создать специализированное агентство ООН по климату для лучшей координации климатических переговоров.

Будем откровенны: от Копенгагена „судьбоносных“ решений и не ждали. Слишком велики были разногласия между государствами как с момента принятия „Балийской дорожной карты“, так и задолго до нее»[65].

Россия в соответствии с Киотским протоколом не должна превысить в среднем за 2008–2012 гг. уровень выбросов 1990 года. По всем прогнозам наше государство выполнит возложенные на него количественные обязательства, при этом у России еще и останется избыток квот для продажи.

Большинство других стран Приложения I к РКИК, скорее всего, столкнется с невозможностью выполнения своих количественных обязательств по снижению выбросов парниковых газов. Повышение энергоэффективности и снижение карбоноемкости производства на предприятиях промышленно развитых стран в настоящее время представляется либо дорогостоящим, либо вовсе невозможным из-за отсутствия в современном мире более совершенных технологий.

В свою очередь на многих российских предприятиях до сих пор применяются старые энергоемкие технологии и оборудование. В настоящее время, как уже отмечалось, энергоемкость экономики России превышает среднемировой показатель в 2,3 раза, а средний показатель для стран ЕС — в 3,2 раза.

Потенциал энергосбережения в России оценивается в 39–47 % текущего потребления энергии, из них две трети приходится на топливно-энергетический

комплекс и энергоемкие отрасли промышленности, и около четверти — на жилищно-коммунальное хозяйство.

Это приведет к тому, что промышленно развитые страны, например, Япония или страны ЕС, будут заинтересованы в покупке квот у России через рыночные механизмы Киотского протокола, что также позволит им снизить издержки при соблюдении своих обязательств.

В качестве потенциального донора квот Россия может участвовать в механизме торговли выбросами и проектах совместного осуществления (ПСО). Оба механизма осуществляются между промышленно развитыми странами и странами с переходной экономикой, у которых есть количественные обязательства по Киотскому протоколу. Однако отдельные российские предприятия могут участвовать только в проектно-ориентированном механизме совместного осуществления, поскольку торговля квотами происходит непосредственно между странами-участниками Протокола.

Для полноправного участия в механизмах Киотского протокола, в том числе в проектах совместного осуществления, страна должна соответствовать международным требованиям или так называемым критериям приемлемости, выполнение которых необходимо защитить перед международным сообществом в лице Секретариата РКИК ООН. В зависимости от соответствия Стороны всем этим критериям, определяют, по какому варианту будет проходить процедура реализации ПСО в стране — «Track 1» или «Track 2»[66].

В случае «Track 1», когда выполнены все критерии приемлемости, принимающая сторона не обращается за решением о признании проектов к международному Наблюдательному комитету за совместным осуществлением (НКСО), а использует свои национальные процедуры отбора проектов и оценки сокращения выбросов по ним. То есть Сторона может самостоятельно принимать решения и определять правила проверки (верификации) единиц сокращений выбросов, получаемых в результате реализации ПСО.

В случае «Track 2» принимающая сторона должна следовать международным процедурам для ПСО, которые определяет и отслеживает НКСО. Второй вариант регистрации и реализации проектов сильно бюрократизирован и требует значительных временных затрат на прохождение всех указанных инстанций. Следует отметить, что страна, которая отвечает требованиям «Track 1», может в любой момент выбрать второй вариант, если она того пожелает.

В настоящее время Россия выполнила все критерии приемлемости для допуска к реализации ПСО по первому варианту — «Track 1».

ПСО, регулируемые Статьей 6 Киотского протокола, дают возможность осуществлять инвестиционные проекты, направленные на сокращение антропогенных выбросов и/или увеличение абсорбции парниковых газов, между промышленно развитыми странами и странами с переходной экономикой, у которых есть конкретные количественные обязательства по Киотскому протоколу (Стороны Приложения I к РКИК). Одна из стран Приложения в таком случае будет выступать в роли инвестора, а другая в роли принимающей Стороны. После реализации проекта, страна-инвестор получает образовавшиеся в результате единицы сокращения выбросов (ЕСВ). В реализации ПСО могут участвовать также отдельные компании.

ПСО отличаются от обычных инвестиционных проектов тем, что они должны проходить определенную процедуру проверки (верификации) полученных в результате сокращений выбросов и соответствовать «принципу дополнительности»: для выполнения своих обязательств по Киотскому протоколу страны Приложения I осуществляют различные внутренние меры, направленные на снижение антропогенных выбросов и/или увеличение абсорбции парниковых газов, поэтому реализация ПСО может быть только дополнением к ним и приводить только к дополнительным сокращениям выбросов, которые не могли бы произойти без данного проекта.

Схема ПСО весьма привлекательна для российских компаний тем, что она дает возможность привлечь дополнительные иностранные инвестиции для повышения энергоэффективности производства взамен на единицы сокращения выбросов. Иностранные инвесторы охотно вкладывают средства в реализацию проектов на территории Российской Федерации, потому что это позволяет им достичь наибольшего снижения выбросов на единицу вложенных средств. Тем более, что у российских предприятий из-за изношенности оборудования больше возможностей для повышения энергоэффективности производства и как следствие — снижения выбросов, чем у западных. По оценкам экспертов, ПСО могут принести России свыше 1,5 млрд евро дополнительных инвестиций[67].

Еще одним плюсом ПСО для России является то, что они не будут вытеснять другие инвестиции в энергоэффективность, а, наоборот, будут их дополнять. Кроме этого, утечка инвестиционных ресурсов в случае реализации ПСО минимальна, поскольку инвестиции направляются целевым образом, а результат тщательно отслеживается и контролируется.

Российский реестр углеродных единиц, представляет собой стандартизированную электронную базу данных, которая фиксирует все операции, связанные с углеродными единицами: введение в обращение, хранение, передачу, приобретение, аннулирование и изъятие из обращения.

В Российском реестре, как и в реестрах других стран, созданы счета для проведения операций с углеродными единицами. Счета могут принадлежать как физическим, так и юридическим лицам.

В сети Интернет размещен общедоступный сайт Реестра (www.carbonunitsregistry.ru) и электронная база данных. Общественность может посредством Интернета узнавать информацию о владельце, виде счета, периоде обязательств, текущих ПСО и о количественных изменениях в национальных выбросах. Администратором реестра в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 15 декабря 2006 г. № 1741-р назначен ФГУП ФЦГС «Экология»[68].

Российская национальная процедура реализации ПСО по «Track 1» была утверждена постановлением Правительства РФ № 332 от 28 мая 2007 г., в соответствии с которым координационным центром по подготовке к утверждению российских проектов назначено Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации (МЭРТ). В конце 2007 — начале 2008 гг. МЭР принял ряд дополнительных приказов, тем самым завершив процесс формирования нормативно-правовой базы, необходимой для утверждения и реализации ПСО в России.

Российской Федерацией установлен лимит объема сокращения выбросов и/или абсорбции парниковых газов, который может быть реализован через ПСО в 2008–2012 гг. (300 млн т CO_2-эквивалента), а также его секторальное распределение:

— энергетика — 205 млн т;
— промышленные процессы — 25 млн т;
— использование растворителей и других продуктов — 5 млн т;
— сельское хозяйство — 30 млн т;
— сектор обращения с отходами — 15 млн т;
— землепользование, изменение в землепользовании и лесное хозяйство — 20 млн т.

Приоритет отдан энергетическому сектору, поскольку проекты в области энергоэффективности и энергосбережения, а также проекты, в результате которых осуществляется переход на экологически более чистые источники энергии, являются наиболее привлекательными и перспективными для России. Около 70 % суммарного объема сокращений выбросов парниковых газов в 2008–2012 гг. будет приходиться именно на проекты в сфере энергетики. Пока по всем российским проектам, которые зарегистрированы на сайте НКСО, предполагаемый суммарный объем сокращений выбросов за первый период действия Киотского протокола не превышает 130 млн т CO_2-эквивалента, т. е. менее половины от установленного Россией лимита. Вместе с тем, предусматривается возможность перераспределения лимитов по секторам в случае отсутствия заявок или недостаточного объема сокращений по проектам в одном или нескольких секторах.

В начале 2008 г. была создана специальная Комиссия по рассмотрению заявок об утверждении проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к РКИК ООН, под председательством заместителя министра экономического развития и торговли К. Андросова Состав комиссии утвержден Приказом МЭРа от 1 февраля 2008 г. № 21, в соответствии с которым в нее вошли представители данного министерства и других федеральных министерств и ведомств: Министерства промышленности и энергетики РФ, Министерства природных ресурсов РФ, Министерства регионального развития РФ и Росгидромета.

Комиссия уполномочена:

— рассматривать проектные заявки;
— осуществлять отбор независимых экспертных организаций;
— готовить предложения о назначении соответствующего уполномоченного органа по каждому проекту;
— рассматривать вопрос о секторальном перераспределении лимитов величины сокращения выбросов парниковых газов;
— утверждать целевые показатели эффективности проектов и их предельных значений.

Первое заседание комиссии состоялось 21 февраля 2008 г., в ходе которого были подготовлены предложения по перечню независимых экспертных организаций, определены требования к экспертному заключению, рассмотрен вопрос о значениях целевых показателей эффективности проектов и другие вопросы[69]. Также, в соответствии с решением Комиссии, заявки по российским проектам совместного осуществления МЭР начинал принимать с 10 марта 2008 г.

К марту 2008 г. на общедоступном сайте НКСО было размещено для просмотра 115 проектов совместного осуществления, из которых 61 проект был разработан на территории России. Суммарный объем ЕСВ, который предполагается получить при реализации всех зарегистрированных российских проектов, составляет 126,3 млн тонн CO_2-эквивалента (т. е. меньше половины от установленного Россией лимита). При цене 10 евро за 1 т CO_2 эти проекты смогут принести России более 1,2 млрд евро дополнительных инвестиций. По отдельным проектам за счет «киотской» составляющей предполагается привлечь от 700 тыс. до 250 млн евро в зависимости от типа конкретного проекта и его масштабов[70].

Проектная деятельность охватывает 39 российских регионов. Наибольшее количество ПСО разрабатывается на территории Центрального (29 %) и Северо-Западного (26 %) Федеральных округов, третье место занимает Приволжский ФО (15 %), а четвертое поделили между собой Южный и Сибирский Федеральные округа, на которые приходится по 10 % от общего количества российских проектов[71].

На секторальном уровне лидером по количеству разрабатываемых проектов, так же как и по потенциалу применения механизма ПСО, является энергетический сектор. К энергетическим проектам относятся такие проекты, которые касаются — независимо от того, в каких отраслях экономики это происходит, — сжигания всех видов топлива, а также процессов, приводящих к утечкам и технологическим выбросам топливных продуктов в атмосферу.

Бóльшая часть российских ПСО, разрабатываемых в энергетическом секторе, — это проекты по переходу на более экологически чистый вид топлива, применение которого приводит к снижению выбросов парниковых газов. Это может быть использование природного газа или древесных отходов взамен угля или мазута. Такие проекты предусматривают модернизацию котельного оборудования, что само по себе приводит к существенному повышению эффективности использования энергии и, как следствие, снижению выбросов парниковых газов.

Для российских предприятий, в особенности в секторе ЖКХ, большой интерес представляют проекты по замене «грязного» угольного и мазутного топлива на экологически нейтральное в рамках Киотского протокола биотопливо (выбросы парниковых газов при сжигании возобновляемых энергоресурсов не учитываются).

Россия располагает большими запасами древесины. Поэтому логично выглядит использование отходов от деревообрабатывающего производства в виде топлива для нужд, например, того же завода или города, расположенного вблизи предприятия. При реализации проекта такого рода в «зачет» пойдут не только единицы сокращения выбросов за счет замены «грязного» топлива, но и возможен учет сокращений выбросов метана, образующегося от разложения древесных отходов на свалках.

В рамках проекта Института консалтинга экологических проектов, который был профинансирован Партнерством по возобновляемой энергии и энергоэффективности (REEEP), был оценен потенциал использования древесных отходов в качестве альтернативы угольному топливу на примере 9 районов Нижегородского Поветлужья с общим количеством жителей 207 тыс. человек. Результаты показали, что модернизация котелен и их перевод на использование биомассы позволит сократить выбросы CO_2 примерно на 367 тыс. т/год, а также приведет к экономии бюджетных средств на закупку и транспортировку угольного топлива (около 225 млн руб.), снижению выбросов вредных веществ в атмосферу, а как следствие — улучшению экологической ситуации в регионе. Передача ЕСВ, полученных в результате реализации такого ПСО, может покрыть до 40 % издержек на модернизацию производства в расчете на пятилетний период[72].

Второе приоритетное направление проектов в области энергетики на территории России — замена устаревшего энергоемкого оборудования с целью повышения энергоэффективности и снижения карбоноемкости производства. Самые крупные проекты в этой сфере, осуществляющиеся на территории России, направлены на предотвращение эмиссий метана в газораспределительных сетях в результате замены устаревших герметизирующих материалов на более современные, что дает большое сокращение выбросов CO_2 за сравнимо небольшие денежные вложения.

В 2005 году Российским региональным экологическим центром был проведен пилотный проект по сокращению выбросов метана из муниципальных сетей газоснабжения в системе «Калининградгазификаци» (г. Калининград). Проект осуществлялся в рамках программы «Содействие российской газовой отрасли в участии в механизмах Киотского протокола» при финансировании Global Opportunities Fund через посольство Великобритании в Москве[73].

В ходе проекта были разработаны и применены оригинальные методологические рекомендации по оценке и сокращению потерь метана в газораспределительных сетях низкого и среднего давления. В результате утечки метана снизились на 3 млн м^3 в год или на 40 тыс. т CO_2-эквивалента при общем объеме утечек 14 млн м^3 в год (209 тыс. CO_2-эквивалента).

Новые технологии были впоследствии внедрены на предприятиях «Росгазификации» в Курской, Московской областях и Ставропольском крае, а отработанная методика была распространена во все региональные сети холдинга[74].

В российской копилке есть и проекты по энергосбережению в промышленности — например, проект металлургической компании «Уралсталь». Проектно-техническую документацию по этому и другим российским проектам можно найти на сайте НКСО[75]. Там же представлены методологии по сокращению выбросов и/или увеличению абсорбции парниковых газов в различных отраслях, применяемые на сегодняшний день в проектной деятельности в рамках Киотского протокола. Эти методологии могут быть использованы и при реализации проектов совместного осуществления.

Несомненно, российские компании могут извлечь большую выгоду от участия в ПСО, особенно это касается проектов по энергосбережению и проектов, связанных с переходом на экологически более чистые источники энергии. С учетом того, что необходимая нормативно-правовая база по ПСО в России наконец сформирована, и МЭРТ начал принимать заявки по проектам, ожидается рост интереса к этому механизму со стороны российских предприятий.

6. Диалог Россия — ЕС в области климата

Россия и ЕС являются географическими соседями, что означает особую взаимозависимость в вопросах экологической безопасности. На сегодняшний день вопросы экологии являются частью проблематики общего экономического пространства России и ЕС. Однако есть все основания выделения этих

проблем в отдельное направление, которое могло бы получить название «общего пространства экологической безопасности»[76].

В связи с этим актуальным представляется экспертное обсуждение соответствия российского законодательства, институционального, финансово-инвестиционного и инновационного обеспечения экологической безопасности стандартам ЕС в этой сфере. Отдельной темой является нынешняя экологическая ситуация в России, в том числе её влияние на ЕС, оценка общих экологических вызовов и угроз. Другой важный аспект — выявление и анализ на основании социологических опросов отношения населения в России и ЕС к вопросам экологической безопасности, связанные с этим страхи и ожидания. Результаты подобных исследований позволили бы институтам гражданского общества активнее влиять на формирование политики в области экологической безопасности на национальном и международном уровне.

Особое значение для развития сотрудничества России и ЕС в сфере экологической безопасности в интересах устойчивого развития имеет российско-германский диалог, поскольку Германия — экономический лидер ЕС, член «Евротройки», главный торгово-экономический партнер нашей страны в мире, уже вовлечена в совместное решение экологических вопросов с российской стороной, в том числе в рамках проекта по строительству Северо-Европейского газопровода.

«**Фактически в начале века у России появилось право вето, и в Евросоюзе это понимают. Не случайно вопрос о глобальном потеплении был впервые поднят на высший уровень в ходе переговоров между президентом России В. В. Путиным и канцлером Германии Г. Шредером. Подобного до сих пор не случалось** на встречах российского президента с главами европейских государств, Комментируя итоги российско-германского саммита в Санкт-Петербурге 9–10 апреля 2001 года, канцлер Германии не скрывал своей радости по поводу общности позиций двух стран относительно Киотоского протокола.

Все это открыло России дополнительные возможности по взаимодействию с ЕС. Появляется шанс наверстать упущенное за годы пассивности и выйти на нормальный формат сотрудничества, адекватный роли России и ЕС в Европе и мире. Сглаживается и неловкость, связанная с необходимостью отхода от слишком очевидной ориентацией на США в рамках переговорного процесса, свойственная России до самого последнего времени. Полная „смена декораций“ позволяет открытое сотрудничество с ЕС в данном вопросе практически с чистого листа»[77].

Безусловно, успех и динамика взаимодействия России и ЕС в сфере климата и экологии будут зависеть от нахождения общих развязок, связанных с проблемами энергодиалога, общей безопасности, формата участия ЕС в модернизации нашей экономики и технологической базы. Представляется, однако, что проработка вопросов на этих направлениях должна развиваться параллельно, по принципу «комплиментарности». Только в этом случае удастся выстроить здание сотрудничества на основе гармоничных пропорций и будет получен необходимый синергетический эффект.

Одним из важных подтверждений того, что подобный подход уже находит отражение в текущем международном сотрудничестве России и ЕС стал семинар по сотрудничеству в создании совместного центра энергоэффективности в ОАО «Мосэнергосбыт» 15 декабря 2009 г. в рамках заседания тематической группы по энергоэффективности Энергодиалога Россия — ЕС[78].

В мероприятии под председательством Директора Департамента государственной энергетической политики и энергоэффективности Министерства энергетики РФ С. Михайлова приняли участие представители Еврокомиссии, Министерства экономики и технологий Германии, российских научных организаций и бизнес-сообщества.

В направления деятельности планируемого совместного центра входит проведение испытаний, сертификация, мониторинг, обучение и предоставление консультаций по возобновляемым источникам энергии и экономичному оборудованию. Российская и европейская стороны обсудили перспективы создания центра и подтвердили намерение продолжить диалог.

Кроме того, участники семинара проявили интерес к идее организации совместной Международной ярмарки проектов по энергетической эффективности в России, представленной бизнесменами. Российская и европейская стороны Энергодиалога поддержали этот проект.

Одной из актуальных тем дискуссий стал проект создания совместного интернет-портала, посвященного Энергетическому диалогу Россия-ЕС в области энергоэффективности и ВИЭ. Этот проект предполагает формирование площадки для аккумулирования информации о деятельности стран в сфере энергоэффективности, а также представление участников рынка в этой сфере.

Существенную роль в решении проблем энергоэффективности экономики и инфраструктуры призвано также сыграть созданное в 2009 г. Российско-германское энергетическое агентство (РУДЭА)[79].

Важно понимать однако, что это только первые шаги на данном направлении — в большей степени создание институциональной рамки сотрудничества. Динамика развития совместных проектов будет зависеть от тех ключевых политических и экономических решений, на которые нам удастся выйти с ЕС в целом.

На этом направлении международного сотрудничества диалог на уровне гражданского общества играет особую роль. Как на национальном, так и на международном уровне «разработка и реализация системных мероприятий по предотвращению и сокращению климатических изменений невозможны без широкого участия различных научных институтов,

в том числе ведущих вузов страны»[80]. С другой стороны, в новой Климатической доктрине Российской Федерации недвусмысленно говорится о необходимости создания «механизмов, обеспечивающих постоянный конструктивный диалог между научным сообществом, органами государственной власти, ответственными за принятие решений, населением и деловыми кругами»[81].

Российский региональный экологический центр (РРЭЦ) был образован в соответствии с решением Конференции министров окружающей среды региона под эгидой Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН, состоявшейся в Софии в 1995 г. В состав учредителей вошли Европейская комиссия и Российская академия государственной службы при Президенте РФ[82].

РРЭЦ был официально зарегистрирован 18 августа 2000 г. как национальная автономная некоммерческая организация. РРЭЦ — один из сети партнерских региональных экологических центров, работающих в Центральной и Восточной Европе. Он продвигает использование методов лучшей международной практики и стандартов в экологической политике и природоохранной деятельности России.

С момента своего основания РРЭЦ уделяет большое внимание проблеме изменения климата. Еще до вступления в силу Киотского протокола РРЭЦ предоставлял площадку для переговоров по продвижению к ратификации Киотского протокола в России, и в течение последующих лет осуществлял самые разные проекты: от просвещения населения до участия в реализации пилотных совместных проектов, направленных на снижение выбросов парниковых газов.

С момента вступления в силу Киотского протокола основными задачами РРЭЦ являются:

— содействие в налаживании диалога между Россией и Европейским Союзом по вопросам изменения климата;
— оказание содействия российским министерствам и ведомствам в соблюдении международных обязательств Российской Федерации;
— помощь в реализации механизмов Киотского протокола в Российской Федерации;
— информационная работа, оказание экспертной поддержки, консалтинговых услуг.

Одной из основных задач РРЭЦ является налаживание Диалога по охране окружающей среды между Россией и Европейским Союзом, в том числе в рамках Подгруппы по изменению климата, а также информирование заинтересованных сторон о деятельности Подгруппы.

Эксперты РРЭЦ участвуют в переговорном процессе Сторон РКИК и Киотского протокола, входят в состав различных рабочих групп, готовят аналитические и справочные материалы для российских министерств и ведомств, участвуют в разработке официальных документов и нормативно-правовых актов по проблеме изменения климата и реализации РКИК ООН и Киотского протокола.

РРЭЦ оказывает содействие российским и зарубежным бизнес-структурам, заинтересованным в реализации проектов совместного осуществления, в подготовке необходимой документации в соответствии с требованиями Киотского протокола, а также в работе с зарубежными инвесторами, продвижении проектов на мировой рынок.

РРЭЦ регулярно публикует статьи, тематические брошюры по проблеме изменения климата, проводит пресс-конференции, предоставляет площадку для обсуждения практических вопросов и организации диалога между правительством, бизнесом и общественностью, включая проведение конференций, семинаров, круглых столов.

Благодаря накопленному опыту в осуществлении различных проектов по указанной тематике, высокому профессионализму экспертов, возможности привлечения европейского опыта за счет тесных связей с ЕС, а также сотрудничеству со всеми заинтересованными сторонами в России, РРЭЦ занимает важное положение среди других российских организаций.

---

1 Этот раздел подготовлен в соавторстве с аспиранткой кафедры дипломатии МГИМО(У) Русаковой Ю. А.

2 *Грабб М., Вролик К., Брэк Д.* Киотский протокол: Анализ и интерпретация / Пер. с англ. М.: Наука, 2001. С. 5.

3 *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна / Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 240.

4 *Авдеева Т.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. С. 63.

5 *Яковец Ю. В.* Арктическая цивилизация: особенности, исторические корни, перспективы. М.: МИСК, 2011. С. 12.

6 О Климатической доктрине Российской Федерации. Распоряжение Президента Российской Федерации № 861-рп от 17 декабря 2009 г. / www.kremlin.ru

7 Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации № 730-р от 25 апреля 2011 г.

8 *Горбанёв В. А.* Глобальные изменения климата: от Рио до Канкуна // Вестник МГИМО(У). 2011. № 4 (19). С. 240.

9 Там же. С. 241.

10 *Скуратовская Л., Кокорин А.* Предисловие. В кн.: *Грабб М., Вролик К., Брэк Д.* Киотский протокол: Анализ и интерпретация / пер. с англ. М.: Наука, 2001. С. 8.

11 *Игнатьева И. А.* Экологическое законодательство России и проблемы его развития. М.: МГУ, 2001. С. 5.

12 *Узбекова А.* Лес во спасение // Российская газета. 2011. 19 октября. С. 4.

13 *Шмелёва Е.* Климат без жертв // Российская газета. Спецвыпуск. 2010. 30 июля. С. 2.

[14] Климатическая доктрина Российской Федерации. Утверждена распоряжением Президента от 17 декабря 2009 г. № 861-рп.

[15] *Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е.* Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: WWF, 2003. С. 226.

[16] **МГЭИК** — Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Создана в 1988 году под эгидой ООН, выпускающая регулярные доклады.

[17] *Авдеева Т.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. С. 67.

[18] Федеральный закон Российской Федерации от 23 ноября 2009 г. N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[19] Медведев подписал закон об энергоэффективности // РИА Новости / Эл. ресурс / http://eco.rian.ru/business/20091123/195123965.html

[20] Климатическая доктрина Российской Федерации (утв. распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. N 861-рп) / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.president.kremlin.ru/news/6365

[21] Ряд ученых считают, что «Конференция (в Копенгагене) закончилась наиболее слабым результатом из возможных, наихудшим и прогнозировавшихся. См.: Итоги климатической конференции ООН в Копенгагене. 5 января 2010 г. / Эл. ресурс / «Российский социально-экологический союз» / http://www.rusecounion.ru

[22] *Кокорин А.* Климатическая доктрина России. Комментарии WWF / akokorin@wwf.ru

[23] См. подробнее: http://news.kremlin.ru/transcripts/6914

[24] Там же. С. 11.

[25] Там же. С. 10.

[26] Там же. С. 12.

[27] Там же. С. 16.

[28] *Кокорин А.* Климатическая доктрина России / Вся Европа / http://www.alleuropa.ru

[29] Совещание по вопросам изменения климата 18 февраля 2010 г. / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.president.kremlin.ru /news/6914; Заседание Совета Безопасности России по вопросам изменения климата 17 марта 2010 г. / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.president.kremlin.ru/news/7125

[30] *Миронов С. М.* «Вызовы глобального изменения климата и возможные ответы России на них»/Выступление Председателя Совета Федерации Федерального Собрания России С. М. Миронова перед студентами и преподавателями МГИМО(У) МИД России 1 апреля 2010 г.

[31] Заседание Совета Безопасности России по вопросам изменения климата 17 марта 2010 г. // Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.president.kremlin.ru/news/7125

[32] Комментарии.ру / Эл. ресурс / http://kommentarii.ru/comment.php?f= 3&t=2593&p=27344

[33] Там же.

[34] РФ хочет сохранить продажу квоты на выброс парниковых газов // РИА Новости, 15 декабря 2009 г. / Эл. ресурс / http://eco.rian.ru/business/ 20091215/199300111.html

[35] Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России. М.: Росгидромет, 2005. С. 28.

[36] Четвертое Национальное сообщение Российской Федерации по Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и Киотскому протоколу. М.: Росгидромет, 2006. С. 164 / www.unfccc.int

[37] Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. М.: Росгидромет, 2008 / www.climate2008.igce.ru

[38] *Ревич Б. А., Шапошников Д.* А. Высокие температуры воздуха в городах — реальная угроза здоровью населения / В сб.: «Изменение климата и здоровье населения России в XXI веке» // Российская академия медицинских наук. М.: АдамантЪ. С. 175–184.

[39] Более подробная информация имеется в проекте Государственной программы по энергоэффективности, а также в докладе: «Энергоэффективная Россия. Пути снижения энергоемкости и выбросов парниковых газов» McKinsey& Company. 2009. www.mckinsey.com

[40] Россия и сопредельные страны: экологические, экономические и социальные последствия изменения климата. WWF России, Oxfam, M. 2008. С. 64 / www.wwf.ru

[41] См., например, http://www.energosber.info/ — сайте об энергосбережении, сделанном Министерством энергетики РФ. Там есть изображения разных комнат квартиры, где можно щелкать на каждый электроприбор, счетчик «калькуляторы экономии», советы по выбору оборудования и многое другое.

[42] Свидетельства местных жителей об изменении климатических условий на Чукотке и о работе бригад вы можете посмотреть специальные видеоролики, подготовленные WWF России.

[43] Более подробную информацию, в том числе «Энергетический калькулятор для каждого» (на английском языке) см. на — http://www.bp.com/iframe.do?categoryId= 9027929&contentId=7050956. Увы, пока нет версии для России. Аналог калькулятора для нашей страны имеется на http://www.energosber.info/ — сайте об энергосбережении, сделанном Министерством энергетики РФ. Там есть изображения разных комнат квартиры, где можно щелкать на каждый электроприбор, счетчик «калькуляторы экономии», советы по выбору оборудования и многое другое.

[44] На сайте http://www.exxonmobil.com/Corporate/about.asp вы найдете лишь дежурное упоминание об экологии, причем далеко не на первом месте.

[45] См. www.cato.org и http://ru.wikipedia.org/wiki/Илларионов_А

[46] *Климентьев М.* Медведев призвал чиновников менять отношение к природе. РИА-Новости. Экология. 2011. 9 июня / http://eco.ria.ru

[47] *Авдеева Т. Г.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. № 2.

[48] Там же. С. 71.

[49] *Климентьев М.* Медведев призвал чиновников менять отношение к природе. РИА-Новости. Экология. 2011. 9 июня / http://eco.ria.ru

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] Конференция ООН по проблемам глобального изменения климата / Официальный сайт Президента России. 18 декабря 2009 г. / http://news.kremlin.ru

[53] Итоги климатической конференции ООН в Копенгагене / Эл. СМИ «Российский социально-экологический союз». 5 января 2010 г. / http://www.rusecounion.ru

[54] Данные Секретариата РКИК ООН, 2006.

[55] *Юлкин М. А.* По данным секретариата РКИК ООН: Структура выбросов парниковых газов в России / Уральский центр энергосбережения и экологии [Электронный ресурс] http://www.ucee.ru/index.php?main=publication&id=100053

[56] Конференция ООН по проблемам глобального изменения климата / Официальный сайт Президента России. 18 декабря 2009 г. / http://news.kremlin.ru

[57] Изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/ node/55

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] *Авдеева Т. Г.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. № 2. С. 76.

[61] Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). М.: Росгидромет, 2008.

[62] Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации, 2008 / Эл. ресурс / http://www.unrussia.ru/doc/Arctic-ru.pdf

[63] Комплексные климатические стратегии для устойчивого развития регионов российской Арктики в условиях изменения климата (Модельный пример Мурманской области). М.: РРЭЦ, ПРООН, 2009.

[64] *Авдеева Т.* Копенгаген — 2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. № 2. С. 74.

[65] Там же. С. 74–75.

[66] Изменение климата.ру / Эл. ресурс / http://www.climatechange.ru/ node/31

[67] Руководство по реализации бизнес-проектов в сфере энергоэффективности в России через механизмы Киотского протокола / РРЭЦ [Электронный ресурс] http://www.rusrec.ru/files/rukovodstvo_0.pdf

[68] Распоряжение Правительства РФ от 20.02.06 г. № 215-р о создании российского реестра углеродных единиц; Распоряжение Правительства РФ от 15.12.06 № 1741-р о назначении администратора российского реестра углеродных единиц.

[69] Протокол заседания Комиссии по рассмотрению заявок об утверждении проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к РКИК ООН 21 февраля 2008 г. / Официальный сайт Министерства экономического развития и торговли РФ / Эл. ресурс / http://www.economy.gov.ru/minec/main/

[70] Наблюдательный комитет за совместным осуществлением (НКСО) / Комитет совместных проектов / Эл. ресурс / http://www.ji-com.com/ru/Kyoto%20 Protocol/JIP/

[71] Там же.

[72] Руководство по реализации бизнес-проектов в сфере энергоэффективности в России через механизмы Киотского протокола/РРЭЦ / Эл. ресурс / http://www.rusrec.ru/files/rukovodstvo_0.pdf

[73] Там же.

[74] Наблюдательный комитет за совместным осуществлением (НКСО) / Комитет совместных проектов / Эл. ресурс / http://www.ji-com.com/ru/Kyoto%20 Protocol/JIP/

[75] Там же.

[76] *Никитин А. К.* Саммит в Копенгагене — повод задуматься о месте экологической безопасности в системе внешнеполитических приоритетов России / Эл. ресурс / Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России / Эксперты МГИМО/ Эксклюзив. 01.12.2009. http://www.mgimo.ru/news/experts/document128424.phtml

[77] *Рогинко С. А.* Европейский Союз и проблемы глобального потепления. М.: Экслибрис-пресс, 2001. С. 50.

[78] Энергодиалог Россия-ЕС / Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации / Эл. ресурс / http://minenergo.gov.ru/news/ min_news/2553.html

[79] *Никитин А. К., Кабулова О. З.* Модель взаимодействия России и Германии по преодолению глобального финансового кризиса / А. К. Никитин, О. З. Кабулова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 82.

[80] *Мастушкин М. Ю., Никитин А. К.* Изменение климата требует консенсуса. В МГИМО прошел круглый стол «Реализация климатической политики в РФ и проблемы международного сотрудничества в климатической сфере» / М. Ю. Мастушкин, А. К. Никитин / Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России — МГИМО-Университета, 16 апреля 2010 г. / Эл. ресурс / http://www.mgimo.ru/news/ university/document150096.phtml

[81] Климатическая доктрина Российской Федерации (утв. распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. N 861-рп) / Официальный сайт Президента России / Эл. ресурс / http://www.president.kremlin.ru/news/6365

[82] Официальный сайт Российского регионального экологического центра (РРЭЦ) / Эл. ресурс / http://www.rusrec.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ
Международная безопасность в XXI веке и модернизация России

Международная безопасность в XXI веке 11

Глава 1
Национальная безопасность и модернизация 13
1. Нация, национализм, национальная и международная безопасность России 19
2. Безопасность и модернизация: неадекватность элиты ведущих стран мира 27
3. Безопасность и модернизация: неадекватность российской элиты 35
4. Безопасность через деидеологизацию: модернизация как «технологизация» 43

Глава 2
Новые международные реалии безопасности в период «фазового перехода» 57
1. «Фазовый переход» и международная безопасность 59
2. Главная цель внешнеполитической идеологии модернизации 67
3. Новая идеология как условие модернизации 74
4. Новые международные реалии и НЧП России: «инновационный разгром»? 84
5. Новые международные реалии, НЧП и безопасность России 95
6. Внешняя политика России и НЧП 109

Глава 3
Российская элита в начале XXI века: подход к проблемам международной и национальной безопасности 119
7. 20 лет разрушения системы национальной безопасности 121
8. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы методологии 132
9. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы истории 138
10. Новый подход к безопасности через модернизацию 142
11. Новая архитектура международной безопасности как новый элемент модернизации внешней политики Д. Медведева и В. Путина 147
12. «Историческая» политика как альтернативный вариант новой архитектуры международной безопасности 153

Глава 4
Выбор сценария модернизации как самоидентификация российской правящей элиты 163
1. Адекватность политической стратегии России современным международным реалиям 165
2. Проблема международной идентификации России: точка бифуркации 167

3. Возможные варианты модернизации: «Сделано в России» или «Создано в России»? 169
4. Национально-ориентированный вариант модернизации 175
5. Русский социализм как сценарий модернизации и идеология национальной безопасности. 179
6. Национально-ориентированный выбор: авторитаризм или демократия? 184

Глава 5
«Их союз» или «наш союз»? Инициатива Д. Медведева по созданию новой архитектуры международной безопасности и инициатива В. Путина 195
1. Новые угрозы международной безопасности 197
2. Необходимость создания новой архитектуры безопасности 201
3. Принципы создания новой архитектуры международной безопасности 206
4. Новая архитектура международной безопасности как политико-идеологическое условие модернизации 211

КНИГА ВТОРАЯ
Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития

Международная безопасность как следствие разных идеологических парадигм мирового развития 217

Глава 1
Идеологические аспекты новой системы международной и европейской безопасности: за и против 221
5. Роль идеологии в политике безопасности. 223
6. Как пропаганда заменила идеологию в области безопасности 225
7. Необходимость «идеологического прорыва» России. Россия как цивилизационный и формационный мировой лидер 233

Глава 2
Международная безопасность и мировой кризис: ожидание перемен 239
1. Мировой кризис: логика и последствия 241
2. Международная безопасность в условиях кризиса 246
3. Международная безопасность и новое соотношение сил. 254
4. Будущие проблемы международной безопасности: безопасность через развитие 264

Глава 3
Экологическая безопасность и модернизация в России 277
1. Феномен одновременного роста национализма и усиления глобальной взаимозависимости. 278
2. Противоречия между глобальным характером экологических угроз и политикой национальных интересов 283
3. Взаимосвязь проблем безопасности, экологии и модернизации 290
4. Современные экологические проблемы: приоритетность и степень важности . . 295

5. Взаимоотношения общества и природы как условие модернизации 296
6. Новая политическая философия решения экологических проблем 300
7. Экологическая этика и экологический гуманизм как принцип модернизации . . 303
8. Экологический кризис как часть мирового кризиса 306

Глава 4
Глобальные изменения климата и первые попытки их предотвращения 313
1. Наблюдаемые изменения климата 317
2. Причины изменения климата 321
3. Последствия изменения климата 323
4. Последствия изменения климата для России. 327
5. Первые шаги в решении проблемы изменения климата. 329
6. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Киотский протокол 332
7. Конференция ООН по изменению климата в Копенгагене (декабрь 2009 г.) и подготовка к посткиотскому периоду. 334
8. После Копенгагена. 340

Глава 5
Основные акторы мировой политики и участники переговоров 347
1. Деятельность международных правительственных организаций 348
2. Деятельность «Группы восьми» и «Группы двадцати». 355
3. Деятельность Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. 357
4. Неправительственные организации и проблема изменения климата 358
5. Действия ТНК и проблема изменения климата 361
6. Проблема изменения климата в качестве локомотива смены технологической парадигмы и формирования новой модели роста (на примере ЕС) 365
7. Позиция США после 2009 года 366

Глава 6
Дипломатическая деятельность Российской Федерации в решении проблем изменения климата 371
1. Участие России в мировой климатической политике 373
2. Климатическая доктрина Российской Федерации (декабрь 2009 г.). 375
3. Усилия России по переходу к низкоуглеродной экономике и возобновляемым источникам энергии. 385
4. Проблема адаптации России к климатическим изменениям. 388
5. Участие России в Киотских механизмах 390
6. Диалог Россия — ЕС в области климата 393

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В пяти томах

Том 2
Эволюция идеологии российской политической элиты (1990–2011 гг.)

Редакторы: *Т. Ф. Тищенко*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 10.08.12.
Формат 60x84⅛. Усл. печ. л. 50. Уч.-изд. л. 40.
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ № 474

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76